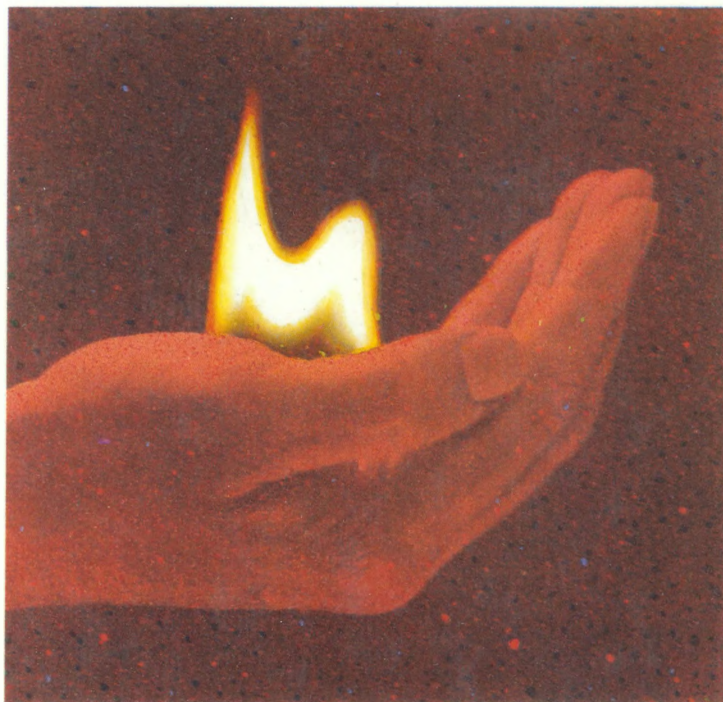

А. Стругацкий Б. Стругацкий

Аркадий
Стругацкий

Борис
Стругацкий

Страна багровых туч
Рассказы
Статьи, интервью

Аркадий Стругацкий Борис Стругацкий

*второй
дополнительный
том*

*...Фантастика не есть
«литература крылатой мечты»
для любознательных подростков,
увлекающихся авиамоделизмом.
Она шире этого определения.*

*...Фантастика не есть
«литература о замечательных
достижениях науки и техники».
Она значительно глубже
этого определения.*

*...Фантастика
и научно-художественная
литература это не одно и то же.
Эти литературы
лишь пересекаются,
но отнюдь не совпадают.*

*...Фантастика — это прежде всего
ХУДОЖЕСТВЕННАЯ
ЛИТЕРАТУРА, то есть книги
о человеческих судьбах,
о приключениях человека среди
людей, и... ничего интересней
и важнее этого на свете нет
и быть не может.*

Б. Стругацкий

А р к а д и й
Стругацкий

Б о р и с
Стругацкий

Страна багровых туч

повесть

Чрезвычайное происшествие

Спонтанный рефлекс

Человек из Пасифиды

Первые люди на первом плоту

В наше интересное время

Бедные злые люди

рассказы

Статьи, интервью

84(2)
С 87

Художник Владимир Любаров

**Издание подготовлено совместно
с литературно-издательской студией «РИФ»**

С $\frac{4702010201-043}{93}$ подп.

ISBN 5-87106-066-8

© А. Стругацкий, Б. Стругацкий, 1993
© «Текст» — состав, художественное оформление,
указатель персонажей, 1993

К читателям

Этот том, как мне кажется, представляет интерес главным образом для любителей.

*«Страна багровых туч» — наш первенец, неуклюжий, корявый и нелюбимый. Чистовик этой повести был закончен в апреле 1957 года, на протяжении двух мучительных лет он подвергался разнообразным вивисекциям в редакции тогдашнего московского Детгиза, рецензенты рвали его в клочья, редакторы резали по живому, а мы — авторы совсем еще молодые и абсолютно неопытные — рыдали друг другу в жилетки, кляли свою судьбу, но выполняли все спускаемые нам указания, потому что уж **ОЧЕНЬ** хотелось нам увидеть наше детище опубликованным.*

В результате мы получили то, что получили: типичную повесть переходного периода, обремененную суконной назидательностью и идеологическими благоглупостями Фантастики Ближнего Прицела и в то же время не лишённую занимательности, выдумки, подлинной искренности и наивного желания немедленно, сейчас, создать нечто, достойное пера Уэллса или хотя бы Беляева.

Повесть, надо сказать, произвела впечатление на тогдашнего читателя (в том числе и на зарубежного!). Было время, когда мы даже гордились ею, но это время быстро миновало. (Достаточно сказать, что на русском языке мы не переиздавали ее с 1969 года.) И в настоящее собрание мы решили вставить ее лишь, как говорится, под давлением общественности.

Нежелание наше имело под собою подоплеку вполне практическую. Во-первых, для того чтобы подготовить повесть к переизданию, ее, согласитесь, надобно как минимум перечитать, а перечитывать не хотелось решительно. Во-вторых, во весь рост вставал вопрос о необходимости как-то отредактировать текст. Все-таки прошло больше тридцати лет, многое в повести восприни-

мается сейчас не только как забавный анахронизм, но и как глупость, невежество и вообще бред собачий. Достаточно вспомнить хотя бы то обстоятельство, что действие повести разворачивается как раз в девяностых годах нашего века — и практически ничего, ну ничегошеньки в повести не похоже на то, что реально окружает сегодня ее читателя!

И все-таки мы решили редактированием текста не заниматься. Совсем. Не менять ни строчки, ни буквы. Пусть повесть эта остается в фантастике как некий уродливый памятник целой эпохе со всеми ее онерами — с ее горячечным энтузиазмом и восторженной глупостью; с ее искренней жадой добра при полном непонимании, что же это такое — добро; с ее неистовой готовностью к самопожертвованию; с ее жестокостью, идеологической слепотой и классическим оруэлловским двоемыслием. Ибо это было время злого добра, жизнеутверждающих убийств, «фанфарного безмолвия и многодумного безмыслия». И это время не следовало бы вычеркивать из социальной памяти. Самое глупое, что мы можем сделать, — это поскорее забыть о нем; самое малое — помнить об этом времени, пока семена его не истлели.

В значительной степени сказанное выше можно повторить и относительно помещенных здесь рассказов. С некоторыми, впрочем, нюансами. Здесь собраны самые ранние из наших рассказов (конец пятидесятых), а равно и самые поздние из них, написанные уже как бы на излете, в ту пору (1961—1962 гг.), когда мы уже поняли, что нам не нравится писать рассказы, но по инерции все еще продолжали их писать. Особо мне хотелось бы отметить рассказ «Бедные злые люди»: изначально он назывался «Трудно быть богом», и нравилось нам в нем более всего именно это название. В результате название использовано было для новой нашей повести, а рассказ оказался надолго погребен в архивной папке — вместе с рассказом «В наше интересное время», написанном году эдак в 1959-м для журнала «Техника — молодежи». Журнал от последнего отказался, с некоторым даже негодованием, а зря! Рассказ, как это

теперь видно, был очень и очень необычен для своего времени, когда главным в любом НФ произведении считалась по возможности крутая и нетривиальная фантастическая идея. По-видимому, этот маленький рассказик и был первой нашей попыткой (совершенно неосознанной!) написать то, что десять-пятнадцать лет спустя мы определили для себя как **РЕАЛИСТИЧЕСКУЮ ФАНТАСТИКУ**.

В те далекие времена мы не занимались теорией. Она не интересовала нас тогда нисколько, но уже в самом начале 60-х стало ясно, что без нее не обойтись. Теория, которой нас вынудили заняться, строго говоря, вряд ли могла называться таковой. Это были отчаянные попытки объяснить всем заинтересованным лицам (литературным критикам, рецензентам, братьям-писателям и, в особенности, работникам издательств) вещи, которые казались нам очевидными.

— Что фантастика не есть «литература крылатой мечты» для любознательных подростков, увлекающихся авиамоделизмом. Она шире этого определения.

— Что фантастика не есть «литература о замечательных достижениях науки и техники». Она значительно глубже этого определения.

— Что фантастика и научно-художественная литература это не одно и то же. Эти литературы лишь пересекаются, но отнюдь не совпадают.

— Что фантастика — это прежде всего **ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА**, то есть это книги о человеческих судьбах, о приключениях человека среди людей и что ничего интереснее и важнее этого на свете нет и быть не может.

Сейчас уже можно сказать с определенностью, что тридцать лет своей жизни мы положили на то, чтобы доказать эти вот вполне элементарные истины (давным-давно доказанные уже самим существованием таких писателей, как Уэллс, Чапек, Брэбери, Булгаков). Главным образом, разумеется, мы стремились доказать эти истины, так сказать, своим собственным примером, то есть рассказами своими, повестями,

романами и сценариями. Однако не гнушались мы и статьями, интервью, а также разнообразными эссе. Некоторые образцы такого рода деятельности собраны здесь. Это — тоже, безусловно, на любителя.

Дорогие любители! От всей души благодарю вас за внимание к нашей работе.

Всегда ваш

Б. Стругацкий

апрель 1992

Страна багровых туч

повесть

Часть первая. Седьмой полигон

Серьезный разговор

Секретарь поднял на Быкова единственный глаз:

— Из Средней Азии?

— Да.

— Документы...

Он требовательно протянул через стол темную, похожую на клешню руку с непомерно длинным указательным пальцем; трех пальцев и половины ладони у секретаря не было. Быков вложил в эту руку командировочное предписание и удостоверение. Неторопливо развернув предписание, секретарь прочел:

«Инженер-механик гобийской советско-китайской экспедиционной базы Быков Алексей Петрович направляется Министерством геологии для переговоров о дальнейшем прохождении службы. Основание — запрос ГКМПС от...»

Затем он мельком проглядел удостоверение, вернул его и указал на дверь, обитую черной клеенкой:

— Пройдите. Товарищ Краюхин вас ждет.

Быков спросил:

— Предписание останется у вас?

— Предписание останется у меня.

Быков пригладил волосы и одернул замшевую куртку. Ему показалось, что одноглазый секретарь смотрит на него не то с любопытством, не то с насмешкой. Он насупился, отворил дверь и вошел в кабинет.

В просторном и сумрачном кабинете окна были закрыты бамбуковыми шторами. Тускло отсвечивали голые пластмассовые стены. Пол был покрыт мягким красным ковром. Быков огляделся, ища глазами хозяина кабинета, и возле широкого и пустынного письменного стола увидел две лысины. Одна лысина, бледная, даже какая-то сероватая, неподвижно возвышалась над спинкой кресла для посетителей. Другая, светло-шафрановая, наклонилась над папками по другую сторону стола и раскачивалась, словно ее обладатель недоверчиво обнюхивал лежащие перед ним кальки и голубые светокопии чертежей.

Затем Быков увидел третью лысину: она принадлежала безобразно толстой фигуре в сером комбинезоне, развалившейся на ковре, неуклюже уткнувшись серой

плешивой головой в угол между стеной и сейфом. От шеи под стол тянулась круглая веревка...

Быков неловко переступил с ноги на ногу, снова подергал «молнию» куртки и тревожно оглянулся на дверь. В этот миг шафрановая лысина исчезла. Послышалось сопение, и глухой, простуженный голос удовлетворенно произнес: «Великолепно держит! Великолепно!» И над столом медленно выросла громоздкая сутулая фигура в рабочем нейлоновом комбинезоне.

Человек этот был огромного роста, чрезвычайно широк в плечах и, вероятно, очень тяжел. Лицо его, обтянутое бурой изрытой кожей, казалось маской, тонкогубый рот сжат в прямую линию, а из-под мощного выпуклого лба холодно и внимательно уставились на Быкова круглые, без ресниц глаза.

— Что вам? — сипло осведомился он.

— Мне нужно видеть товарища Краюхина, — сказал Быков, опасливо покосившись на лысую голову, распростертую на ковре.

— Я Краюхин. — Человек с круглыми глазами тоже покосился на фигуру и снова уставился на Быкова.

Лысина в кресле оставалась неподвижной. Быков поколебался секунду, сделал несколько шагов вперед и представился. Краюхин слушал, наклонив голову.

— Очень рад, — сдержанно сказал он. — Я ждал вас еще вчера, товарищ Быков. Прошу садиться. — Он указал громадной, словно лопата, ладонью в сторону кресла. — Сюда, пожалуйста. Освободите место и садитесь.

Ничего не понимая, Быков подошел к столу, повернулся к креслу и едва удержал нервный смешок. В кресле лежал странный, похожий на водолазный скафандр костюм из серой упругой ткани. Круглый серебристый колпак с металлическими застежками выступал над спинкой.

— Снимите его, положите на пол, — сказал Краюхин.

Быков оглянулся на толстое чучело, лежавшее в углу возле сейфа.

— Это тоже спецкостюм, — нетерпеливо проговорил Краюхин. — Садитесь же!

Быков поспешно освободил кресло и сел, испытывая некоторое смущение. Краюхин не мигая глядел на него.

— Так... — Он побарабанил по столу бледными пальцами. — Ну что ж, товарищ Быков, будем знакомы. Зовите меня Николай Захарович, любите, так сказать, и жалуйте. Работать вам придется под моим руководством. Если, разумеется...

Резкий телефонный звонок прервал его. Он взял трубку.

— Одну минуту, товарищ Быков... Слушаю. Да, я...

Больше он не сказал ни слова, но в голубоватом свете от экрана видеофона Быков увидел, как его лицо сразу налилось краской и на голых висках вспухли темные узлы вен. По-видимому, речь шла об очень серьезных вещах. Из деликатности Быков опустил глаза и стал рассматривать спецкостюм, лежащий на ковре рядом с креслом. Через раскрытый ворот можно было видеть внутренность шлема. Быкову показалось, что сквозь него он различает грубый узор ковра, хотя снаружи серебристый шар был совершенно непрозрачен. Быков нагнулся, чтобы разглядеть шлем получше, но в этот момент Краюхин положил трубку и щелкнул переключателем.

— Вызвать Покатилова! — сиплым шепотом приказал он.

— Есть! — отозвался кто-то невидимый.

— Через час.

— Есть через час!..

Снова щелкнул переключатель, и все стихло. Быков поднял глаза и увидел, что Краюхин с силой трет ладонями лицо.

— Так, — проговорил он спокойно, заметив, что Быков смотрит на него. — Вот ведь тупица! Как об стену горох... Прошу прощения, товарищ Быков. На чем мы... Да-да... Еще раз прошу прощения. Так вот, разговор у нас с вами будет серьезный, а времени маловато. Совсем нет времени. Приступим к делу... Прежде всего я хотел бы поближе познакомиться с вами. Расскажите о себе.

— Что именно? — спросил Быков.

— Прежде всего биографию.

— Биографию? — Инженер подумал. — У меня очень простая биография. Родился в 19.. году в семье водника, под Горьким. Отец умер рано, мне еще трех лет не было. Воспитывался и учился в школе-интернате до пятнадцати лет. Потом четыре года работал помощником моториста и мотористом реактивных глиссеров-амфибий на Волге. Хоккеист. В составе сборной «Волга» участвовал в двух олимпиадах. Поступил в высшее техническое училище наземного транспорта. Это бывшая школа автобронетанковых войск. («Зачем так много говорю?» — кольнула неприятная мысль.) Окончил по отделению экспедиционного ядрореакторного транспорта. Ну... Послали в горы, в район Тянь-Шаня... Потом в пески, в Гоби... Там и служил. Там вступил в партию. Что еще? Вот и все.

— Да, биография простая,— согласился Краюхин.— Значит, вам сейчас тридцать три?

— Через месяц исполнится тридцать четыре.

— И не женаты, конечно?

Такой выпад со стороны начальника показался Быкову довольно бестактным. Инженер не любил намеков на свою наружность. Кроме того, ему была известна по крайней мере одна женщина, для которой обоженное солнцем лицо, туфлеобразный нос и рыжие жесткие волосы не играют решающей роли.

— Я хочу сказать,— продолжал Краюхин,— что еще полгода назад вы, кажется, были холостяком.

— Да,— сухо ответил Быков,— я и сейчас холостяк. Пока...

Он вдруг понял, что Краюхин знает о нем многое и задает вопросы не потому, что интересуется ответами, а чтобы составить «личное впечатление», или с какой-то другой неясной целью. Это было неприятно, и Быков насторожился.

— Пока я холостяк,— повторил он.

— Следовательно,— сказал Краюхин,— близких родственников у вас нет?

— Следовательно, нет.

— И вы, так сказать, совершенно одиноки и независимы...

— Да, одинок. Пока одинок.

— Где, вы говорите, служили в последнее время?

— В Гоби...

— Давно?

— Три года...

— Три года! Все время в пустыне?

— Да. Конечно, были небольшие перерывы. Командировки, курсы... Но в основном в пустыне.

— Не надоело?

Быков подумал.

— Сначала было тяжело,— проговорил он осторожно.— Потом привык. Конечно, служить там нелегко.— Он вспомнил огненное небо и черные океаны песка.— Но ведь и пустыню можно полюбить...

— Вот как? — сказал Краюхин.— Полюбить пустыню? И вы любите?

— Привык, конечно.

— Ваша последняя должность?

— Начальник колонны атомных транспортеров-вездеходов гобийской экспедиционной базы.

— Следовательно, машины хорошо знаете?

— Смотря какие...

— Вот хотя бы эти ваши атомные вездеходы.

Вопрос показался Быкову праздным, и он промолчал.

— Скажите, это вы в прошлом году руководили спасением экспедиции Дауге?

— Я.

— Молодец, отлично справились! Без вас они бы погибли.

Быков пожал плечами:

— Для нас это был довольно обычный марш-бросок, только и всего.

Глаза Краюхина сузились.

— Но ведь и ваши люди пострадали, если мне память не изменяет.

Быков покраснел — при его цвете лица это выглядело устрашающе — и сказал со злостью:

— Была черная буря! Я не хвастаюсь, товарищ Краюхин. Марши под музыку бывают только на парадах. А в песках это сложнее.

Ему было неловко и досадно. Краюхин с неопределенной усмешкой разглядывал его.

— Так-так... Сложнее... Три года в песках. Это немало. Это хорошо. Скажите, товарищ Быков, вы чем-либо, помимо службы, увлекаетесь?

Быков озадаченно посмотрел на него:

— В каком смысле?

— Чем вы занимаетесь во внеслужебное время?

— Гм... Читаю, конечно. Играю в шахматы.

— Ведь у вас, кажется, кое-какие работы есть?

— Есть.

— Много?

— Нет, не много. Две статьи в журнале «Гусеничный транспорт».

— О чем писали?

— Ремонт моторных реакторов в полевых условиях. Личный опыт.

— Ремонт моторных реакторов... Очень интересно. Кстати, кроме хоккея, чем в спорте интересуетесь?

— Самбист... Инструктор.

— Это хорошо. Так. А астрономией вы никогда не интересовались?

Быкову показалось, что Краюхин издевается над ним. Он ответил:

— Нет, астрономией не интересовался.

— Жаль!

— Возможно...

— Дело в том, Алексей Петрович, что ваша работа у нас будет до известной степени, так сказать, связана с этой наукой.

Инженер нахмурился:

— Простите, не совсем понимаю...

— Что вам сказали, когда откомандировали к нам?

— Сказали, что направляют для переговоров об участии в научной экспедиции. Временно...

— В какой экспедиции, не говорили?

— Куда-то в пустыни на поиски редких руд.

Краюхин хрустнул бледными пальцами и положил ладони на стол.

— Да, разумеется,— пробормотал он.— Вполне естественно. Этого они не знают. Так вот, Алексей Петрович,— сказал он со вздохом.— Разумеется, астрономия здесь ни при чем. Точнее, почти ни при чем. Еще точнее: для вас ни при чем. Это неважно, что вы не интересовались астрономией. Вам она вряд ли понадобится. Ну, в крайнем случае кое-что почитаете, кое-что вам расскажут. Но все дело в том, что работать вам придется не здесь. Так сказать, не на Земле.

Быков беспокойно моргнул. Ему снова вдруг стало не по себе, как полчаса назад, когда он переступил порог этого кабинета.

— Боюсь, что... не понимаю вас,— с запинкой проговорил он.— Не на Земле? На Луне, быть может?

— Нет, не на Луне. Гораздо дальше.

Это походило на очень странный сон. Краюхин, положив подбородок на сплетенные пальцы, говорил:

— Чему вы так удивляетесь, Алексей Петрович? Люди летают на другие планеты уже тридцать лет. Вы полагаете, это какие-то другие, особые люди? Ничего подобного. Обыкновенные люди, такие же, как вы. Люди разных специальностей. Я, например, убежден, что из вас вышел бы незаурядный межпланетник. Кстати, многие межпланетники пришли к нам, так сказать, извне — например, из авиации. Я понимаю, вам, инженеру с сугубо «земной» специальностью, возможность участия в таком деле просто не приходила в голову. Но вот обстоятельства сложились так, что мы посылаем экспедицию на Венеру и нам нужен человек, отлично знающий условия работы в песках. Вряд ли тамошние пески сильно отличаются от вашей любимой Гоби. Только будет несколько труднее...

Быков вдруг вспомнил:

— Урановая Голконда!

Краюхин быстро, внимательно взглянул на него:

— Да, Урановая Голконда. Вот видите, вы уже почти все знаете.

— Венера...— медленно сказал Быков.— Урановая Голконда...— Он покачал головой и усмехнулся.— Я — и вдруг на небо! Невероятно!

— Ну, не такой уж вы грешник. И, кроме того, мы вас не в райские кущи посылаем. Но, может быть...— Краюхин наклонился и понизил голос,— вы боитесь?

Быков подумал.

— Конечно, страшновато,— признался он.— И даже просто страшно. Ведь я... я могу и не справиться. Правда, если от меня требуется только то, что я знаю и умею, то почему же нет? — Он посмотрел на Краюхина и улыбнулся.— Нет, настолько, чтобы отказаться, я не боюсь. Понимаете, все это очень неожиданно. И потом, почему вы... Вы уверены, что я справлюсь?

— Я совершенно убежден, что вы справитесь. Разумеется, там будет трудно, очень и очень трудно, будут, вероятно, опасности, о которых мы пока даже и не подозреваем... Но вы справитесь.

— Вам виднее, товарищ Краюхин.

— Да, я полагаю, мне виднее. Так что же, Алексей Петрович, будем считать, что вы не кинетесь сейчас в свое министерство и не будете умолять освободить вас по состоянию здоровья или по семейным обстоятельствам?

— Товарищ Краюхин!

— А вы как думали? — Лицо Краюхина потемнело.— И не такие, как вы, сидя вот в этом самом кресле, трусили прискорбнейшим образом.— Он провел ладонью по лицу.— Откровенно говоря, я давно уже держу вас на примете и рад, что не ошибся.

Быков смущенно хмыкнул и стал смотреть в сторону. Затем, спохватившись, спросил:

— Откуда вы меня знаете, товарищ Краюхин?

— По походу за экспедицией Дауге. Это была экспедиция нашего ведомства, и с тех пор я взял вас на заметку. Затребовал ваши характеристики и все прочее. Вот пришла пора, и мы пригласили вас.

— Понятно.

— Обычно принято давать время на размышление. Неделю, иногда месяц. Но сейчас мы ждать не можем. Решайте, Алексей Петрович. Предупреждаю: если вы хоть чуть-чуть колеблетесь, отказывайтесь сразу. В обиде не будем.

Быков засмеялся:

— Нет, товарищ Краухин, не откажусь. Если вы считаете, что я справлюсь, то не откажусь. Согласен. Неожиданно это, конечно, но ничего, привыкну. Согласен.

— Вот и прекрасно.

Краухин спокойно кивнул и взглянул на часы.

— Теперь вот что. Экспедиция продлится сравнительно недолго, не дольше полутора месяцев. Устраивает?

— Устраивает...

— Объяснять подробно предстоящую работу сейчас не буду. Узнаете позже. Времени у нас в обрез. Прошу учесть только, что завтра мы вылетаем.

— Завтра? На Венеру?

— Нет, на Венеру не так скоро. Пока поработаем на Земле. Только не в Москве, а в другом месте. Кстати, где ваш багаж?

— Внизу, в гардеробной. Вещей у меня немного — чемодан и полевая сумка. Я не думал...

— Это неважно. Где хотите остановиться? Я бы рекомендовал «Прагу». Это здесь, рядом.

Быков кивнул:

— Знаю. Хорошая гостиница.

— Очень хорошая. Сейчас я вас отпускаю, а через... — он снова посмотрел на часы, — часа через два с небольшим, ровно в семнадцать ноль-ноль, товарищ космонавт, снова приходите сюда. Здесь вы кое-что узнаете. Вы не пообедали? Разумеется, не пообедали. Столовая на тринадцатом этаже. Пообедайте, отдохните в библиотеке или в клубе — это тоже здесь, не выходя из здания, — и в семнадцать ноль-ноль возвращайтесь. Ну, ступайте. Я сейчас буду, так сказать, намыливать кое-кому шею.

Быков, все еще немного взволнованный, встал и, поколебавшись, задал давно уже мучивший его вопрос:

— Товарищ Краухин, как называется это учреждение полностью? В предписании написано «ГКМПС», но я, кажется, расшифровал неправильно.

— ГКМПС — это Государственный комитет межпланетных сообщений при Совете Министров. Я — заместитель председателя комитета.

— Спасибо, — сказал Быков.

«Комитет межпланетных сообщений, — пробормотал он, поворачиваясь к двери. — Ну конечно... Я думал — Государственный комитет международных политехнических связей... Такое же сокращение...»

В дверях Быков столкнулся с каким-то долговязым человеком, неудержимо устремившимся в кабинет. Быков успел только разглядеть, что человек носил большие очки в роскошной черной оправе и был чрезвычайно бледен. Посетителя он не заметил и, толкнув его в грудь, прямо с порога начал:

— Николай Захарович!..

— Где шестой реактор? — услышал Быков зловещий сиплый бас Краюхина.

— Но позвольте, Николай...

— Я спрашиваю, где шестой реактор?

Инженер Быков закрыл дверь и шагнул к выходу из приемной. Темнолицый секретарь проводил его одиноким глазом и снова склонился над столом.

Экипаж «Хиуса»

«Венера — вторая по порядку от Солнца планета. Среднее расстояние от Солнца 0,723 астрономических единицы = 108 млн км... Полный оборот вокруг Солнца В. совершает в 224 дня 16 часов 49 мин. 8 сек. Средняя скорость движения по орбите 35 км/сек... В. — самая близкая к нам планета. При прохождении между Землей и Солнцем ее расстояние от Земли может составлять 39 млн км... Когда В. проходит за Солнцем, она находится от Земли на удалении в 258 млн км... Диаметр В. составляет 12 400 км, сжатие незаметно. Принимаемая данные для Земли за 1, для В. будем иметь: диаметр 0,973; площадь поверхности 0,95; объем 0,92; сила тяжести на поверхности 0,85; плотность 0,88 (или 4,86 г/см³); масса 0,81... Период вращения вокруг оси составляет около 57 часов... В. окружена чрезвычайно плотной атмосферой из углекислоты и угарного газа, в которой плавают облака кристаллического аммиака... В настоящее время изучение В. производится с нескольких временных и постоянных искусственных спутников, два из которых принадлежат АН СССР. Ряд попыток высадиться на В. (Абросимов, Нисидзима, Соколовский, Ши Фэнь-ю и др.) и предпринять непосредственное исследование ее поверхности не увенчался успехом».

Быков посмотрел на цветную фотографию Венеры — на бархатно-черном фоне желтоватый диск, тронутый голубыми и оранжевыми тенями, — и захлопнул тяжелый том. «Ряд попыток высадиться... и предпринять непосредственное исследование... не увенчался успехом...» Коротко и ясно. Да, попытки были. Быков стал

вспоминать все, что было ему известно из книг и газет, из телевизионных лекций и коротких, сухих сообщений ТАСС.

К концу третьего десятилетия после первых лунных перелетов почти все объекты в пределах полутора миллиардов километров от Земли были уже знакомы человеку. Появились новые науки — планетология и планетография Луны, Марса и Меркурия, крупных спутников больших планет и некоторых астероидов. Межпланетники — особенно те, кому приходилось месяцами и даже годами работать вдали от Земли, — привыкли к зыбким напластованиям вековечной пыли на равнинах Луны, к красным пустыням и худосочным рошицам марсианского саксаула, к ледяным пропастям и добела раскаленным горным плато на Меркурии, к чужим небесам со многими лунами, к Солнцу, похожему на яркую звездочку. Сотни кораблей пересекали Солнечную систему по всем направлениям. Наступал новый этап завоевания пространства человеком — время освоения «трудных» больших планет: Юпитера, Сатурна, Урана, Нептуна и Венеры.

Венера была в числе первых объектов внимания земных исследователей. Ее близость к Земле и к Солнцу, известное сходство некоторых ее физических характеристик с земными и вместе с тем полное отсутствие сколько-нибудь достоверных сведений о ее строении влекли к ней межпланетников в первую очередь.

Сначала, как всегда, в ход были пущены беспилотные устройства. Результаты оказались обескураживающими. Плотная, напоминающая океанский ил облачность ничего не позволила увидеть. Сотни километров обычной и инфракрасной пленки показывали одно и то же: белую однородную завесу непроницаемого — видимо, очень толстого — слоя тумана. Не оправдала надежд и радиооптика. В атмосфере Венеры радиолучи либо бесследно поглощались, либо отражались от самых верхних ее слоев. Экраны локаторов оставались черными либо сияли ровным, ничего не означающим светом. От телемеханических и кибернетических танкеток-лабораторий, которые так блестяще показали себя при предварительных исследованиях Луны и Марса, никаких известий не поступило. Они бесследно и навсегда затерялись где-то на дне этого плотного океана розовато-серой облачной массы.

Тогда на штурм Венеры двинулись смельчаки. Три экспедиции, оснащенные самой передовой по тому времени техникой, на лучших в мире межпланетных кораблях одна за другой нырнули в атмосферу загадочной планеты. Пер-

вый корабль сгорел, не успев подать о себе никаких вестей (наблюдатели зафиксировали тусклую вспышку на том месте, куда погрузился планетолет). Вторая экспедиция сообщила, что идет на посадку и — через двадцать минут — что их корабль несет атмосферными течениями невероятной силы. Затем она замолчала навсегда. Третьей экспедиции удалось благополучно сесть на поверхность планеты. По каким-то капризам прихотливой венерианской атмосферы оказалось возможным поддерживать с высадившимися связь в течение целых суток. Начальник экспедиции сообщал о песчаных бурях, о смерчах, срывающих с места целые скалы, о багровой тьме, окутывающей все вокруг. Затем замолчала и эта экспедиция, а через несколько дней кто-то быстро проговорил в микрофон: «Горячка, горячка, горячка...» На этом связь оборвалась.

Гибель трех экспедиций в такой короткий срок — это слишком! Стало очевидно, что штурмовать Венеру можно лишь после новой, самой тщательной подготовки. Необходима была кропотливая, всесторонняя и глубокая разведка. Международный конгресс космогаторов разработал план изучения Венеры, рассчитанный на пятнадцать лет. Для исследовательских работ человечество двинуло весь богатейший арсенал науки и техники. Было построено несколько искусственных спутников-обсерваторий, оборудованных сотнями автоматических устройств. Применялись самоходные лоты-разведчики, инфракрасная и электронная оптика, ионоскопические устройства и многое другое. Полученная информация неустанно обрабатывалась крупнейшими электронно-счетными машинами мира. Стратосфера Венеры была изучена с доскональностью, поражавшей самих ученых. Установили наконец с необходимой точностью период вращения Венеры вокруг оси. Составили в общих чертах карту горных цепей Венеры. Измерили ее магнитные поля. Работы велись методично и целеустремленно.

Французский искусственный спутник установил на Венере область повышенной ионизации. Через некоторое время это открытие подтвердили советские, китайские и японские исследователи. Оказалось, что область сверхвысокой ионизации, занимающая примерно полмиллиона квадратных километров, фиксируется периодически на определенном участке поверхности планеты, что она не связана с толстым слоем облаков и, следовательно, вероятность ее атмосферного происхождения исключается. Оставалось предположить, что источник ионизации связан с

твердой поверхностью Венеры. Если ионизация вызвана радиоактивным излучением, то источником его могли быть только радиоактивные руды неслыханной концентрации. Название «Урановая Голконда» напрашивалось само собой.

Теперь дело приняло другой оборот. В отношении тяжелых активных элементов человечество все еще оставалось на голодном пайке. Технология добычи рассеянных элементов развивалась медленно; во всяком случае, спрос на актиноиды намного превышал продукцию обогащенных предприятий, а искусственное их получение обходилось слишком дорого. Чисто академический научный интерес к Венере дополнился интересом более практическим.

Снова последовал ряд экспедиций. Погиб Соколовский, вице-президент Международного конгресса космогаторов. Ослепшим калекой вернулся в Нагоя бесстрашный Нисидзима. Пропал без вести лучший пилот Китая Ши Фэнь-ю. Очевидно, старые штурмовые средства не годились для этой планеты. Она словно издевалась над усилиями людей. Анализ скудных данных о причинах гибели экспедиций показал, что условием успешной высадки на Венере может быть только отказ от прежних форм и принципов техники межпланетных полетов. Международный конгресс призвал временно воздержаться от новых попыток со старыми средствами и учредил премию за разработку нового вида межпланетного транспорта, годного для преодоления кипящего панциря венерианской атмосферы. В СССР полным ходом шли работы по созданию фотонной ракеты. Другие страны тоже искали новые пути.

За два года до начала нашего повествования в центральных газетах промелькнуло сообщение о том, что на самом крупном искусственном спутнике Земли, «Вэйдады Ю-и» — «Великая дружба», советские и китайские мастера безгравитационного литья — литья в условиях невесомости — приступили к отливке корпуса первой фотонной ракеты. И, может быть, именно на этой ракете суждено Быкову и его товарищам прорваться к венерианским пустыням... которые «вряд ли сильно отличаются от вашей любимой Гоби».

Фотонная ракета или атомная, отличаются пески Венеры от земных или нет, — но очевидно, что экспедиция отправляется не на готовенькое. Межпланетные перелеты, а главное — работа на других планетах, дело трижды трудное и сложное. Для завоевания Венеры и богатств полумифической Урановой Голконды нужны огромные знания,

железное здоровье, необыкновенная выдержка. Нужно быть истым межпланетником, то есть одним из тех героев, которых показывают в кино и встречают с цветами или... хоронят в мрачных пропастях бесконечного пространства. Хватит ли знаний, здоровья, выдержки у скромного инженера Быкова? Впрочем...

Краюхину виднее. Краюхин — заместитель председателя ГКМПС, Государственного комитета межпланетных сообщений. И если Краюхин уверен, что Быков справится, значит, Быков справится. В самом деле, эти межпланетники такие же люди! Раз могут они, сможет и он.

Быков поймал себя на том, что пристально смотрит прямо в глаза хорошенькой девушке-библиотекарю за столиком напротив. Девушка нахмурилась, затем не удержалась — рассмеялась. Быков насупился. Да, надо послать в Ашхабад телеграмму, что командировка будет длительной. Жаль, нельзя повидаться перед экспедицией... Но что бы это дало? Разве можно в несколько минут высказать то, о чем не решался заговорить несколько лет? Предоставим все судьбе. Когда он вернется (в памяти возникло фото из иллюстрированного журнала: герои космических пространств вернулись из трудного рейса — цветы, улыбки, поднятые для приветствия руки)... когда он вернется, то возьмет отпуск и поедет в Ашхабад. Он подойдет к одному дому, нажмет кнопку звонка, и тогда...

Быков взглянул на часы. До пяти оставалось несколько минут. Он встал, с легким поклоном вернул улыбающейся девушке том энциклопедии и пошел к Краюхину.

В приемной одноглазый секретарь кивнул ему как старому знакомому. Быков еще раз взглянул на часы (было без минуты пять), провел ладонью по волосам, одернул гимнастерку и решительно распахнул дверь в кабинет.

Ему показалось, что он попал в другое помещение. Шторы были подняты, в настежь раскрытые окна веселым потоком врывалось солнце, заливая светлые бархатистые пластмассовые стены. Кресло у стола было сдвинуто в сторону, на нем все еще лежал, свесив через спинку серебристый колпак, скафандроподобный спецкостюм. Ковер, свернутый рулоном, протянулся вдоль стены. Посреди кабинета, на блестящем паркете, стоял странный предмет, смахивающий на громадную серую черепаху о пяти толстых, как тумбы, ногах. Сферический гладкий панцирь возвышался над полом не меньше чем на метр. Черепаху окружало, присев на корточки, несколько человек.

Когда Быков вошел, один из них, широкоплечий и сутулый, в черных очках-консервах, закрывающих половину лица, поднял голову с лоснящейся на солнце желтой лысиной и сиплым голосом Краюхина произнес:

— Вот он! Товарищи, представляю вам шестого члена вашего экипажа, инженера Алексея Петровича Быкова.

Все повернулись к нему — рослый, очень красивый человек в легком изящном костюме, багровый от жары толстяк с наголо обритой головой, смуглый черноволосый парень, вытиравший жилистые руки клочком промасленной пакли, и... Дауге, старый, добрый друг Григорий Иоганнович Дауге, такой же тощий и нескладный, как в прошлом году в Гоби, только не в шароварах и косынке, а в нормальном городском костюме. Дауге глядел на Быкова и приветливо кивал ему, улыбаясь во весь широкий рот.

— Знакомьтесь, — сказал Краюхин. — Владимир Сергеевич Юрковский, замечательный геолог и опытный межпланетный путешественник...

Красавец в изящном костюме слабо, словно нехотя, пожал руку Быкова и отвернулся с безразличным видом. Быков покосился на Краюхина. Ему показалось, что в круглых глазах Краюхина вспыхнули и сразу же погасли веселые огоньки.

— ...Богдан Богданович Спицын, пилот, один из лучших в мире космонавтов. Участник первых экспедиций в пояс астероидов.

Черноволосый парень блеснул великолепными зубами. Рука его была горячая и твердая, как железо.

— ...Михаил Антонович Крутиков, — продолжал Краюхин. — Штурман. Гордость нашей советской космогации.

— Ну, уж вы скажете, Николай Захарович! — заборотал толстяк, смутившись, словно девушка, и дружелюбно глядя снизу вверх на Быкова. — Товарищ Быков в самом деле может подумать... Очень рад познакомиться, очень приятно, товарищ Быков...

— ...Наконец... Впрочем, тут, мне думается, представлений не требуется.

Быков и Дауге обнялись.

— Отлично, Алексей, отлично! — шепнул Дауге.

— Глазам не верю! Иоганыч, это ты?

— Я, Алексей!

Краюхин дотронулся до локтя Быкова:

— Командир корабля и начальник экспедиции...

Быков обернулся. В дверях стоял невысокий стройный человек, очень бледный и совершенно седой, хотя по лицу

его, тонкому, с четкими, правильными чертами, ему нельзя было бы дать больше тридцати пяти лет. Видимо, он вошел вслед за Быковым и остановился, наблюдая нехитрую церемонию представления.

— ...Анатолий Борисович Ермаков.

Быков, услышав фамилию, несколько месяцев назад не сходящую с газетных страниц, вытянулся и опустил руки по швам. Есть люди, абсолютное превосходство которых над собой чувствуешь с первого взгляда. Таким человеком, несомненно, был Ермаков. Быков физически ощущал в нем огромную силу воли, несгибаемую, почти жестокую целенаправленность, гибкий, разносторонний ум. Твердый рот Ермакова был приоткрыт в вежливой улыбке, но темные глаза ощупывали лицо нового члена экспедиции настороженно и пытливо.

Прошло несколько нестерпимо длинных секунд. Наконец Ермаков мягко проговорил:

— Очень рад, товарищ Быков.

Инженер осторожно пожал его узкую теплую руку и поспешно отошел к Дауге. Он заметил, что лоб Григория Иоганновича покрыт испариной. Впрочем, в кабинете было довольно жарко.

— Так, товарищи...— начал Краюхин.— Теперь, когда мы все в сборе, начнем наше совещание — последнее совещание в Москве.

Он подошел к столу и нажал одну из кнопок на эбонитовом щите у видеофона. Раздалось глухое жужжание. Быков невольно попятился, когда серая черепаша медленно опустилась под пол и над широким квадратным колодцем сомкнулись паркетные створки люка. Дауге и Спицын накатили ковер на место, толстый Крутиков пододвинул к столу кресло.

— Прошу садиться,— пригласил Краюхин.

Все расселись на легких стульях красного дерева. Воцарилась тишина.

— Рад сообщить вам, друзья мои,— начал Краюхин,— что приказ подписан. Приказ подписан два часа назад, и все, что касается, так сказать, личного состава экспедиции, утверждено безоговорочно. Поздравляю вас!

Никто не шевельнулся, только красавец Юрковский вдруг вскинул голову и мельком взглянул на Быкова.

— Что касается задачи...— Краюхин помолчал, поднес к очкам лист бумаги.— Что касается задачи, то тут комитет счел нужным внести кое-какие изменения. Вернее дополнения.

— Начинается... — недовольно, но очень негромко проворчал Дауге.

Зазвонил телефон. Краюхин поднял и снова положил трубку, щелкнул переключателем и буркнул:

— У меня совещание.

— Есть! — отозвался кто-то.

— Так вот, товарищи. В общем и целом, как говорится, все остается, как было в проекте. Комплексная задача — испытание новой техники и геологический поиск на Венере. Поскольку среди нас есть новичок, который совершенно не в курсе наших дел, а также памятуя, что повторение, так сказать, мать учения... да и вообще не бесполезно будет довести до вас содержание этой части приказа дословно, читаю выдержку: «Параграф восьмой. Цель экспедиции состоит в том, чтобы, во-первых, провести всесторонние испытания эксплуатационно-технических качеств нового вида межпланетного транспорта — фотонной ракеты «Хиус». Во-вторых, высадиться на Венере в районе месторождения радиоактивных руд «Урановая Голконда», открытого два года назад экспедицией Тахмасиба — Ермакова...»

Быков шумно вздохнул. Дауге предостерегающе положил руку на его колено.

— «...и провести его геологическое обследование. Параграф девятый. Задача геологической группы экспедиции состоит в определении границ месторождения «Урановая Голконда», в сборе образцов и приближенном расчете запасов имеющихся там радиоактивных ископаемых. По возвращении представить в комитет соображения об экономической ценности месторождения». Все как было, не правда ли? — сказал Краюхин. — А вот пункт, которого в проекте не было. Слушайте: «Параграф десятый. Задачей экспедиции является отыскание посадочной площадки не далее 50 километров от границ месторождения «Урановая Голконда», удобной для всех видов межпланетного транспорта, и оборудование этой площадки автоматическими ультракоротковолновыми маяками конструкции Усманова — Шварца с питанием от местных ресурсов».

Краюхин положил бумагу и оглядел слушателей. Некоторое время все молчали. Затем Юрковский, великолепно заломив густую черную бровь, произнес:

— Кто же будет этим заниматься?

— Станный вопрос, Владимир Сергеевич, — усмехнулся Краюхин.

— Прекрасно, прекрасно, площадку мы отыщем, — быстро заговорил Дауге. — В крайнем случае построим. Но

вот относительно маяков... Действительно, дело это, видимо, тонкое и требует специальных знаний...

— Вот это уже, дорогие товарищи, не моя забота. Это забота начальника экспедиции.— Краюхин достал из стола папиросу, закурил.— Так ведь, Анатолий Борисович?

Быков с любопытством повернулся к Ермакову. Тот равнодушно кивнул.

— Я думаю,— медленно сказал он,— мы справимся. В нашем распоряжении еще по крайней мере полтора месяца, если я не ошибаюсь. За это время мы вполне сможем ознакомиться с особенностями конструкции маяков и провести две-три пробные сборки. Это не столь уж «тонко»...

— Только учтите,— перебил его Краюхин,— что полтора месяца я вам на это не дам. Даже месяца не дам.

— Что ж, раз так — будет достаточно и трех недель.— Ермаков опустил глаза и стал рассматривать свои длинные тонкие пальцы.— Разумеется, если вы обеспечите нам эту возможность.

— Я не понял,— не дождавшись ответа Краюхина, вмешался Юрковский,— что значит «с питанием от местных ресурсов»? Так, кажется, там написано?

— Это значит, Владимир Сергеевич, что источник энергии для маяка вам придется отыскивать там, на месте,— сказал Краюхин.— Впрочем, я думаю, для наших техников этот вопрос ясен, так?

Крутиков торопливо закивал, а Спицын проговорил, улыбаясь:

— Это-то понятно... Радиоэлементы, если Голконда хоть в половину так богата активными веществами, как говорят, или термоэлементы... Но... Да что говорить! Приказ есть приказ.

— Одно дело — приказать, другое дело — выполнять,— хмуро пробормотал Юрковский.— Во всяком случае, следовало бы этот пункт предварительно согласовать с нами, а потом уже отдавать в приказе.

«Почему Краюхин не оборвет этого распутившегося пижона?» — сердито подумал Быков.

Прямой, как разрез бритвой, рот Краюхина растянулся в насмешливую улыбку:

— Вам кажется, Владимир Сергеевич, что экспедиции это не под силу?

— Не в этом дело...

— Конечно, не в этом! — резко сказал Краюхин.— Конечно, не в этом! Дело лишь в том, что из восьми кораблей, брошенных на Венеру за последние двадцать лет,

шесть разбилось о скалы. Дело лишь в том, что «Хиус» посылается не только... и не столько ради ваших геологических восторгов, Владимир Сергеевич. Дело лишь в том, что вслед за вами пойдут другие... десятки других, сотни других. Венеру... Голконду оставлять без ориентиров больше нельзя. Нельзя, черт побери! Или там будут надежные автоматические маяки, или мы будем вечно посылать людей почти на верную гибель. Неужели это, так сказать, непонятно вам, Владимир Сергеевич?

Он закашлялся, отбросил папиросу и вытер платком лысину. Юрковский, мгновенно ставший пунцовым, смотрел в сторону. Все молчали. Дауге подтолкнул Быкова локтем:

— Вот так нашего брата из высоких эмпиреев стаскивают на землю.

— погоди, Иоганыч! — досадливо прошептал Быков. — Дай послушать.

Он все еще плохо представлял себе замысел и средства экспедиции. Пока было ясно, что по крайней мере одна высадка на Венере все же прошла удачно. Высадка экспедиции Тахмасиба — Ермакова. Урановая Голконда не была мифом.

— ...Полагаю, нам не придется менять расчеты перелета? — спросил Ермаков.

— Нет, расчеты не меняются. Михаилу Антоновичу следует ориентироваться на старт пятнадцатого — восемнадцатого августа.

Штурман Крутиков заулыбался, закивал головой.

— У меня есть еще один вопрос, — неожиданно сказал Юрковский.

— Пожалуйста, Владимир Сергеевич.

— Мне не совсем понятна роль товарища... э-э... Быкова в нашей экспедиции. Я несколько не сомневаюсь в его... э-э... отменных качествах, как физических, так и духовных, но я хотел бы еще знать его специальность и его задачу.

Быков затаил дыхание.

— Вам известно, — медленно сказал Краюхин, — что экспедиции придется работать в обстановке пустыни. А товарищ Быков хорошо знает пустыню.

— Хм... Я думал, что он специалист по посадочным площадкам. Ведь и Дауге, надо думать, знает пустыню не хуже.

— Дауге знает пустыню гораздо хуже! — сердито вмешался Григорий Иоганнович. — Значительно хуже. Упомянутый Дауге сел в калошу в самых прозаических барханах

Гоби, и если бы не Быков... Ты не знаешь Быкова, Володя, и не знаешь пустыни. Не все пустыни такие же, как на Большом Сырте.

Краюхин спокойно дождался, пока Дауге умолк, и закончил:

— Кроме того, Алексей Петрович прекрасный инженер, химик-радиолог и водитель.

Юрковский пожал плечами:

— Не поймите меня дурно. Я ничего не имею против инженера Быкова. Но должен же я знать обязанности своего товарища по экспедиции. Вот теперь я знаю: специалист по пустыням.

Быков стиснул зубы и промолчал. Но Краюхин, сердито уставившись на Юрковского круглыми глазами, прогудел:

— Поправьте меня, если я ошибаюсь, Владимир Сергеевич. Кажется, это у вас пять лет назад в бытность вашу на Марсе рассыпалась гусеница у танкетки, не правда ли? И вы с Хлебниковым тащились пешком пятьдесят километров, потому что так и не сумели ее починить...

Юрковский вскочил и хотел что-то возразить, но Краюхин продолжал:

— И в конце концов, дело даже не в этом. Инженер Быков введен в состав экспедиции, помимо всего прочего, еще и за те, так сказать, отменные физические и духовные качества, в которых вы, по собственным вашим словам, не сомневаетесь. Это человек, на которого вы, Владимир Сергеевич, сможете положиться в критический момент. А такие моменты там будут обещаю вам!

— Капитулируй! — Крутиков потрепал Юрковского по спине. — Тем более что ведь это он спасал твоего возлюбленного Дауге...

— Перестань! — буркнул Юрковский.

Быков перевел дыхание и пригладил жесткие волосы на макушке.

— Кстати, об обязанностях, — сказал Краюхин, доставая из стола сложенный вчетверо листок. — Все их знают, но... для повторения зачитаю еще раз. «Ермаков — начальник экспедиции, командир корабля, физик, биолог и врач. Спицын — пилот, радист, штурман и бортинженер. Крутиков — штурман, кибернетист, пилот и бортинженер. Юрковский — геолог, радист, биолог. Дауге — геолог, биолог. Быков — инженер-механик, химик, водитель транспорта, радист».

— Специалист по пустыням... — шепнул Дауге.

Быков нетерпеливо дернул плечом.

— Ну-с, теперь еще одно...— Краюхин поднялся и оперся ладонями о стол.— Несколько слов о «загадке Тахмасиба»...

— О господи! — жалобно пробормотал Крутиков.

— Что вы сказали? — повернулся к нему Краюхин.

— Ничего, Николай Захарович.

— Вы, вероятно, хотели сказать, что вам до смерти надоел этот миф о загадке Тахмасиба?

— Ну...— Крутиков неловко задвигался и покосился на Ермакова, — не совсем так, конечно...

— Но в этом духе. Однако перейдем к делу. Кое-кто в президиуме академии весьма заинтересовался этим вопросом и просил включить работу над расшифровкой «загадки» в план экспедиции.

— Разумеется...— усмехнулся Крутиков.

— Я отказался, сославшись на нашу загруженность. Но, поскольку вы все равно будете работать вблизи от Голконды, прошу брать на заметку все явления, в какой бы то ни было степени напоминающие то, что стало известно после экспедиции Тахмасиба — Ермакова. Договорились?

Все промолчали. Только Ермаков тихо произнес:

— К сожалению, мнение о том, что странное происшествие с Тахмасибом — миф, очень распространено. Но ведь его гибель — не миф...

— Он мог погибнуть от тысячи причин, — сказал Дауге.

— Не исключено. Но не исключено и то, что «красное кольцо», что бы оно ни значило, существует реально и было причиной его гибели.

— Короче говоря, это не приказ, а просьба, — сказал Краюхин, — хотя боюсь, что «загадка Тахмасиба» даст вам о себе знать независимо от того, верите вы в нее или нет... Вот все, что я хотел вам сообщить. Теперь о текущих делах. Вам известно, что завтра мы вылетаем. Сбор здесь, в двенадцать. Поедем на Внуковский аэродром... Алексей Петрович!

— Я!.. — Быков вскочил на ноги.

— Сидите, сидите. Где будете ночевать? В «Праге»?

— У меня, — быстро сказал Дауге.

— Вот и отлично! Ну что ж, товарищи, если нет вопросов, можете идти собираться. Вас, Анатолий Борисович, прошу задержаться на пять минут.

Все поднялись и стали прощаться. Выйдя в приемную, Дауге взял Быкова под руку:

— Спускайся вниз, Алексей, и жди в вестибюле, я схожу за машиной. Впереди целый вечер. Посидим, поговорим. Думаю, у тебя целая куча вопросов, правда?

— Какой ты, Григорий Иоганыч, проницательный, сил нет! — проворчал Быков.

На пороге

Быков вздохнул и уселся на диване, отбросив одеяло. Он никак не мог заставить себя заснуть. В кабинете Дауге было темно, только белели сползшие на пол простыни. За широкими окнами слабо розовело ночное зарево огней над столицей.

Быков протянул руку за часами на стуле рядом. Часы выскользнули из пальцев и упали на коврик. Быков слез с дивана и принялся искать их, шаря ладонью по коврику и гладкому полу. Часов не было. Тогда он, чертыхаясь, выпрямился и стал поправлять простыни. Он делал это уже в третий раз с тех пор, как Дауге, пожелав ему спокойной ночи, ушел к себе в спальню, чтобы написать несколько писем. Быков улегся, но заснуть не удалось. Он вертелся, сопел, пытался устроиться поудобнее, считал до ста. Сон не приходил.

«Слишком много впечатлений», — подумал Быков, снова усаживаясь. Слишком много впечатлений и мыслей. Слишком много объяснил Дауге, и еще больше осталось неясного. Славно было бы выкурить сейчас сигарету — так нет, нельзя! Надо бросать. Бросать курить и начисто отказаться от спиртного. Давеча Иоганыч, выслушав без всякого энтузиазма сообщение Быкова о том, что «... вот в этом, дружище, чемодане ждет своей очереди бутылка прелестнейшего армянского коньяка», задал равнодушный вопрос: «Лет пятнадцать выдержи?» — «Двадцать!» — торжественно возразил Быков. «Ну, так ты его выбрось», — ласково предложил Дауге. — Выбрось в мусоропровод сейчас или отдай кому-нибудь завтра. И подумай о том, что в корабле тебе курить не разрешат. Таков режим. На Земле — только виноградное вино в минимальных дозах, в походе — ни капли! Таков режим, товарищ межпланетник».

— М-монастырь, — с чувством произнес Быков, устравиваясь поудобнее под одеялом. — Надо спать. Попробую еще разок.

Он закрыл глаза, и тотчас ему представился огромный пустой вестибюль, где он после совещания ждал Дауге. Богдан Спицын и толстенький Крутиков прошли мимо и

остановились рядом с книжным киоском. Насколько можно было понять, они говорили о какой-то новой книге. Точнее, Спицын помалкивал, сверкая ослепительной улыбкой, а Крутиков тараторил высоким тенорком, то и дело бросая самые приветливые и благожелательные взгляды в сторону новичка. Быков почувствовал, что его приглашают присоединиться к беседе, но тут появились Дауге и Юрковский. Дауге стремительно шагал с закушенной губой, лицо Юрковского было исковеркано судорогой. В руке он держал смятую газету.

«Данже погиб», — сказал Юрковский, подойдя вплотную.

Быков увидел, как с лица черноволосого Спицына сползла улыбка.

«А-а, черт!» — выругался он.

Крутиков весь подался вперед, губы его задрожали: «Господи... Поль?!»

«Над Юпитером! — с бешенством проговорил Юрковский. — Застрял в экзосфере, потерял ход и не захотел возвращаться...»

Он протянул газету. Быков увидел портрет в черной рамке — худощавый молодой человек с печальными глазами.

«Юпитер... Опять проклятый Джуп! — Юрковский стиснул кулаки. — Хуже Венеры, хуже всего на свете... Вот куда бы я... вот...» — Он резко повернулся и пошел прочь, широко шагая по матово-белому пружинящему полу.

«Поль Данже, Поль...» — повторял Крутиков, горестно качая головой.

«Я так и не успел ответить на его письмо», — с трудом выговорил Дауге.

Все замолчали, только хрустела плотная обложка книги в пухлых волосатеньких пальчиках Михаила Антоновича Крутикова...

...Быков открыл глаза и перевернулся на спину. Это происшествие бросило тень на весь вечер. Хорошего разговора с Иоганьчем не получилось. «Эти межпланетники — чертовски храбрые ребята, — подумал инженер. — И удивительно настойчивые. Настоящие люди! Сколько их легло на Венере!» На громоздких импульсных ракетах с ограниченным запасом горючего шли на штурм. Никто их не гнал, их удерживали, отстраняли от полетов... если они возвращались.

Теперь на штурм идет «Хиус».

Фотонная ракета «Хиус»... Как и любой инженер-ядерщик, Быков был знаком с теорией фотонно-ракетного при-

вода и с интересом следил за всем новым, что появлялось в печати по этому вопросу. Фотонно-ракетный привод превращает горючее в кванты электромагнитного излучения и таким образом осуществляет максимально возможную для ракетных двигателей скорость выталкивания, равную скорости света. Источником энергии фотонно-ракетного привода могут служить либо термоядерные процессы (частичное превращение горючего в излучение), либо процессы аннигиляции антивещества (полное превращение горючего в излучение). Преимущества фотонной ракеты над атомной ракетой с жидким горючим бесспорны и огромны. Во-первых, низкий относительный вес топлива; во-вторых, большая полезная нагрузка; в-третьих, фантастическая для жидкостной ракеты маневренность; в-четвертых...

Так говорит теория. Но Быков знал также, что до последнего времени все попытки использовать идею фотонно-ракетного привода на практике оканчивались провалом. Одна из фундаментальных проблем этой идеи — отражение излучения — не поддавалась практической разработке. Для создания фотонной тяги требуются интенсивности излучения порядка миллионов килокалорий на квадратный сантиметр поверхности отражателя в секунду, и никакие материалы не выдерживали даже кратковременного воздействия температур в сотни тысяч градусов, возникающих при этом. Беспилотные модели сгорали дотла, не успев израсходовать и сотой доли горючего. И тем не менее фотонная ракета «Хиус» построена!

«Создано идеальное зеркало, — сказал Дауге, — «абсолютный отражатель». Субстанция, отражающая все виды лучистой энергии любой интенсивности и все виды элементарных частиц с энергиями до ста — ста пятидесяти миллионов электроновольт. Кроме нейтрино, кажется. Волшебная субстанция. Ее теорию разработал институт в Новосибирске. Правда, они не думали о фотонной ракете. Они исследовали возможности идеальной защиты от проникающего излучения ядерного реактора. Но Краюхин сразу понял, в чем дело. — Дауге усмехнулся. — Краюхин — фанатик фотонной ракеты. Это ему принадлежит знаменитый афоризм: «Фотонная ракета — покоренная Вселенная». Краюхин моментально вцепился в «абсолютный отражатель», посадил за его разработку две трети лабораторий комитета, и вот — «Хиус»!»

Создание «абсолютного отражателя» было первым реальным достижением новой, почти фантастической

науки — мезоатомной химии, химии искусственных атомов, электронные оболочки в которых заменены мезонными. Это так заинтересовало Быкова, что он на время забыл обо всем — о несчастном Поле Данже, о Венере, даже об экспедиции. К сожалению, об «абсолютном отражателе» Дауге мог рассказать очень немного. Зато он рассказал о «Хиусе».

«Хиус» — комбинированный планетолет: пять обычных атомно-импульсных ракет несут параболическое зеркало из «абсолютного отражателя». В фокус зеркала с определенной частотой впрыскиваются порции водородно-трипиевой плазмы. Назначение атомных ракет двоякое: во-первых, они дают «Хиусу» возможность стартовать и финишировать на Земле. Фотонный реактор для этого не годился — он заражал бы атмосферу, как одномоментный взрыв десятков водородных бомб. Во-вторых, реакторы ракет питают мощные электромагниты, в поле которых происходит торможение и возникает термоядерный синтез.

Очень просто и остроумно: пять ракет и зеркало. Кстати, уродливая пятиногая черепаха, которую Быков видел в кабинете Краюхина, — это, оказывается, макет «Хиуса». Изяществом обводов «Хиус», откровенно говоря, не отличается...

Инженер снова сел, скорчившись, упираясь голой спиной в прохладную стену.

«Мы стартуем на фотонной ракете «Хиус-2». «Хиус-1» сгорел два года назад во время испытаний, — нехотя сказал Дауге. — Никто не знает почему. Спросить не у кого. Единственный человек, который мог бы об этом что-нибудь сказать, — это Ашот Петросян, светлая ему память! Он распался в атомную пыль вместе с массой легированного титана, из которого был сделан корпус первого «Хиуса». Легкая и честная смерть...»

«Никто из нас, наверное, не боится смерти, — подумал Быков. — Мы только не хотим ее. Чьи это слова?» Он слез с дивана. Заснуть не удастся, это ясно. «Абсолютный отражатель». Данже, «Хиус», Петросян... «Попробуем последнее средство».

Он вышел на балкон, совершенно машинально нашарив в кармане куртки пачку сигарет.

Если не спится, надо как следует померзнуть. Быков облокотился на перила. Было тихо. Огромный город спал в призрачной полутьме июльской ночи; далеко за горизонтом стояло розовое мерцающее зарево, на севере ослепительной белой стрелой уходил в серое небо пик Дворца Советов.

«Уже не меньше двух,— подумал Быков.— Где же, однако, мои часы?.. Удивительно тепло. Мягкий теплый ветерок... А вот «хиус» по-сибирски — зимний ветер, северяк. Проект фотонной ракеты разрабатывали инженеры-сибиряки, и они предложили это слово как кодовое название. Потом его название перешло и на ракету».

Странные, непривычные названия. «Хиус» — в честь сибирской стужи, «Урановая Голконда», кажется,— в память о древнем городе, где царь Соломон хранил некогда свои алмазы... И еще — «загадка Тахмасиба».

Тахмасиб Мехти, крупный азербайджанский геолог,— первый человек, побывавший на Голконде. Ермаков, Тахмасиб и еще двое геологов на специально оборудованной спортивной ракете благополучно опустились на Венере. Это была огромная удача и счастливый случай. Все так считают, в том числе и сам Ермаков.

Они сели где-то километрах в двадцати от границ Голконды. Тахмасиб оставил Ермакова у ракеты, а сам со своими геологами отправился на разведку. Что там произошло — неизвестно. Тахмасиб вернулся к ракете через четверо суток один, полумертвый от жажды, страшно истерзанный, изъеденный лучевыми язвами. Он принес образцы урановых, радиевых, трансуранитовых руд («Богатейшие руды, Алексей, изумительные руды!») и в контейнере розовато-серую радиоактивную пыль. Он был уже почти без памяти. Он показывал Ермакову контейнер и что-то много и горячо говорил по-азербайджански. Ермаков не понимал по-азербайджански и умолял его говорить по-русски, потому что ясно было, что речь идет о чем-то важном. Но Тахмасиб по-русски сказал только: «Бойтесь красного кольца! Уходите от красного кольца!» Больше до самой смерти он не произнес ни слова. Умер он при старте, и Ермаков полмесяца провел в ракете с его трупом.

«Красное кольцо» — это и есть загадка Тахмасиба, загадка гибели трех геологов, загадка Голконды. А может быть, никакой загадки и нет. Может быть, как считают многие, Тахмасиб просто помешался от лучевой болезни или от картины гибели товарищей. Серо-розовый порошок в контейнере оказался сложным кремнийорганическим соединением — на Земле, впрочем, давно известным.

И зачем Тахмасиб тащил на себе этот контейнер — непонятно... И непонятно, какое к этому отношение имеет «красное кольцо».

Дауге рассказывал об этом скороговоркой, морщась, как от изжоги. Он не верил в «загадку Тахмасиба». Зато

он готов был часами говорить о богатствах Голконды. Только бы добраться, дойти, доползти до нее...

Быков бочком присел на перила, пачка сигарет мешала ему, и он положил ее рядом. В высоте с легким фырканьем пронесся небольшой вертолет. Быков проводил взглядом его сигнальные огоньки — красный и желтый. Он вспомнил разговор с Дауге.

Тахмасиб с товарищами шел к Голконде пешком. Но наша экспедиция берет с собой транспортер. Дауге говорит, что это превосходная машина. У Иоганыча все превосходное: «Хиус» превосходный, транспортер превосходный, Юрковский превосходный. Только о командире он отозвался как-то сдержанно. Оказывается, Ермаков — приемный сын Краюхина. Один из лучших космонавтов мира, но человек со странностями. Правда, у него, видимо, была очень тяжелая жизнь. Дауге отзывался о нем как-то очень неуверенно:

«Я его почти не знаю... Говорят... говорят, что это очень смелый, очень знающий и очень жестокий человек... Говорят, он никогда не смеется...»

Жена Ермакова была первым человеком, высадившимся на естественном спутнике Венеры. И там произошло какое-то несчастье. Никто об этом не знает ничего толком — какое-то столкновение между членами экипажа. С тех пор женщин перестали брать в дальние межпланетные рейсы, а Ермаков целиком посвятил себя штурму Венеры. Он, оказывается, четыре раза пытался высадиться на поверхности этой планеты — и все четыре раза неудачно. В пятый раз он летал с Тахмасибом Мехти. А сейчас, на «Хиусе», идет к Венере в шестой раз.

Быков прошелся по балкону, заложив руки за спину. Нет, положительно ему не удастся даже замерзнуть! Слишком тепло, даже душно. Может быть, все-таки закурить? Быков почувствовал, как в нем растет уверенность в том, что лучшее и радикальнее средство против бессонницы — это сигарета. Он нащупал пачку.

Лучший способ преодолеть искушение — это поддаться ему. Он усмехнулся. Черта с два! Режим! Пачка полетела вниз с высоты одиннадцатого этажа. Быков, перегнувшись через перила, поглядел в темную пропасть. Там вдруг вспыхнули слепящие лучи фар, бесшумно пробежали по асфальту и скрылись.

«Зря намусорил, — подумал Быков. — Эх, слабости да грехи! Спать надо...» Он вошел в комнату и ощупью добрался до дивана. Под ногой что-то хрустнуло. «Бедные

часы», — подумал он, пытаясь хоть что-нибудь разобрать в темноте.

Он глубоко вздохнул и опустился на губчатое сиденье непокорного дивана. «Нет, не заснуть тебе сегодня, товарищ инженер, специалист по пустыням! С чего это красавчик Юрковский так невзлюбил меня? Теперь прилипнет прозвище: специалист по пустыням. А какое у Юрковского лицо было, когда он говорил о Поле Данже!.. Да, такой не страдает бессонницей перед полетом. «Мы не боимся смерти, мы только не хотим ее...» Так ли, инженер? А вдруг в этом же вестибюле, через полгода, кто-то сообщит новость: «Товарищи, слышали? «Хиус» погиб. Ермаков погиб, Юрковский и этот... как его... специалист по пустыням...» Чепуху городишь, Алексей! Это от бессонницы и от безделья. Скорей бы утро — и в самолет, на Седьмой полигон, на ракетодром в Заполярье, где экспедиция будет готовиться к отлету и ждать «Хиус», который сейчас в пробном рейсе. Сегодня вставать в восемь, а я заснуть не могу, черт побери... Дауге уже спит, конечно...»

Тут Быков заметил, что дверь в спальню приотворена и сквозь щель падает на стену слабый лучик света. Он встал, на цыпочках подошел к двери и заглянул в щелку.

За столом, рядом с раскрытой постелью, сидел Дауге, обхватив голову руками. Стол был почти пуст, на полу громоздился огромный рюкзак. На рюкзаке лежал геологический молоток с лоснящейся рукояткой. Быков кашлянул.

— Входи, — сказал Дауге, не оборачиваясь.

— Э-э... — затынул Алексей Петрович в совершеннейшем смущении. — Я, понимаешь, забыл тебя спросить...

Дауге обернулся:

— Заходи, заходи... Садись. Ну, что ты забыл спросить?

— Э-э... Да вот, понимаешь... Зачем нам ставить на Венере радиомаяки, если ее атмосфера все равно не пропускает радиосигналов?

На лице Дауге лежала глубокая тень абажура. Быков уселся на низенькое легкое креслице и победоносно задрал одну ногу на другую. Он почувствовал огромное облегчение от того, что находится в освещенной комнате, в обществе верного друга Иоганыча.

— Да, — произнес Дауге задумчиво, — это действительно чрезвычайно важный вопрос. Теперь я понимаю, почему ты до сих пор не заснул. А я-то думаю — что это он шатается по комнате? Зубы у него болят, что ли? А дело, значит, в маяках...

— Н-да,— неуверенно заявил Быков, опустив ногу. Чувство облегчения куда-то испарилось.

— У тебя, вероятно, есть какие-нибудь соображения по этому поводу? — продолжал Дауге совершенно серьезным тоном.— Ты, конечно, что-нибудь придумал во время... своего бдения? Нечто общепольное...

— Видишь ли, Иоганыч...— проникновенно начал Быков, делая многозначительное лицо и не имея ни малейшего представления о том, чем он кончит начатую фразу.

— Да-да, я тебя понял,— прервал Дауге кивая.— И ты совершенно — понимаешь? — а б с о л ю т н о прав! Именно так и обстоит дело. Атмосфера Венеры действительно не способна пропускать радиолучи, но при строго определенном диапазоне мы допускаем возможность прорыва этой радиоблокады. Этот диапазон определен из чисто теоретических, а равно и наблюдательных данных относительно локальных ионизирующих полей... чего, инженер?..

— Венеры,— мрачно произнес Быков.

— Именно — Венеры! Атмосфера планеты пропускает иногда волны и других длин, но это — явление случайное, на него рассчитывать не приходится. Поэтому задача состоит в том, чтобы определить полосу пропускания, а определив, забросить маяки на поверхность... на поверхность чего?

— Венеры! — повторил Быков с ненавистью.

— Великолепно! — восхитился Дауге.— Ты не зря провел ночь без сна. Однако все попытки забросить на поверхность радиостанцию кончались... чем, инженер?

— Хватит,— ответственвал Быков, ерзая на кресле.

— Гм... Странно. Они, друг мой, кончались неудачей. Скорее всего, эти маяки-танкетки разбивались о скалы. Или, во всяком случае, приходили в негодность во время спуска. Но, если бы даже они не разбивались, что толку от них? Они бы не помогли нам. Зато теперь у нас есть... что у нас есть?

— Терпения у нас уже нет,— мрачно сказал Быков.

Дауге торжественно провозгласил:

— У нас есть «Хиус», и есть маяки, и найдена полоса пропускания, в коей сигналы оных маяков прорываются через атмосферу. Значит, у нас есть все, кроме терпения, а это уже дело наживное. Можно, пожалуй, спать спокойно.

Алексей Петрович грустно вздохнул и поднялся.

— Бессонница,— проговорил он.

Дауге кивнул:

— Бывает...

Быков прошелся по комнате и остановился перед тремя стереофотоснимками на стене. Левый изображал старинную узкую улицу какого-то прибалтийского города, правый — межпланетный корабль, похожий на колоссально увеличенный винтовочный патрон времен Великой Отечественной войны, уткнувшийся острым носом в черное небо. На средней фотографии Быков увидел молодую грустную женщину в закрытом до шеи синем платье.

— Кто это, Иоганыч? Жена?

— Д-да... Собственно, нет, — с неохотой проговорил Дауге. — Это Маша Юрковская, сестра Володи. Мы разошлись...

— А, извини...

Инженер, прикусив губу, вернулся к креслицу и сел. Дауге бесцельно листал страницы книги, лежащей перед ним на столе.

— Собственно, она ушла... Это будет точнее...

Быков молчал, разглядывая худое загорелое лицо друга. В свете голубой лампы оно казалось совсем черным.

— Вот мне тоже не спится, Алексей, — проговорил Дауге печально. — Жалко Поля. И на этот раз ехать не очень хочется. Я очень люблю Землю. Очень! Ты, наверное, думаешь, что все межпланетники — убежденные небожители. Неверно. Мы все очень любим Землю и тоскуем по голубому небу. Это наша болезнь — тоска по голубому небу. Сидишь где-нибудь на Фобосе. Небо бездонное, черное. Звезды, как алмазные иглы, глаза колют. Созвездия кажутся дикими, незнакомыми. И все вокруг искусственное: воздух искусственный, тепло искусственное, даже вес твой — и тот искусственный...

Быков слушал не шевелясь.

— Ты этого не знаешь. Ты не спишь только потому, что чувствуешь себя на пороге: одна нога здесь, другая там. А вот Юрковский сейчас сидит и стихи пишет. О голубом небе, об озерных туманах, о белых облаках над лесной опушкой. Плохие стихи, на Земле в любой редакции таких стихов — килограммы, и он это прекрасно знает. И все-таки пишет.

Дауге захлопнул книжку и откинулся на спинку кресла, запрокинув голову.

— А кругленький Крутиков, наш штурман, конечно, гоняет по Москве на машине. С женой. Она за рулем, а он сидит и глаз с нее не сводит. И жалеет, что детишек рядом нет. Детишки у него живут в Новосибирске, у бабки. Мальчуган и девочка, очень славные ребята... — Дауге вдруг засмеялся: — А вот кто спит, так это Богдан Спи-

цын, наш второй пилот. У него дом — в ракете. «Я, — говорит, — на Земле, как в поезде: хочется лечь и заснуть, чтобы скорее приехать». Богдан — небожитель. Есть у нас такие, отравленные на всю жизнь. Богдан родился на Марсе, в научном городке на Большом Сырте. Прожил там до пяти лет, а потом мать его заболела, и их отправили на Землю. И вот, рассказывают, пустили маленького Богдашу погулять на травке. Он походил-походил, залез в лужу да как заревет: «Домой хочу-у! На Марс!»

Быков радостно засмеялся, чувствуя, как тает, сваливается с души тяжелый ком непонятных чувств. Все очень просто, он действительно на пороге — одна нога еще здесь, а другая уже «там»...

— Ну, а что делает наш командир? — спросил он.

Дауге подобрался.

— Не знаю. Просто не могу себе представить... Не знаю.

— Тоже, наверное, спит, как и Богдан-небожитель...

Дауге покачал головой:

— Не думаю... Небо сейчас ясное?

— Нет, заволочло тучами...

— В таком случае — совсем не знаю. — Дауге покачал головой. — Я мог бы себе представить, что Анатолий Ермаков сейчас стоит и смотрит на яркую звезду над горизонтом. На Венеру. И руки у него... — Дауге помолчал. — Руки у него стиснуты в кулаки, и пальцы белые...

— Ну и фантазия у тебя, Иоганыч!..

— Нет, Алексей, это не фантазия. Для нас Венера — это, в конечном счете, эпизод. Побывали на Луне, побывали на Марсе, теперь летим осваивать новую планету. Мы все делаем свое дело. А Ермаков... У Ермакова — счеты, старые свирепые счеты. Я тебе скажу, зачем он летит: он летит мстить и покорять — беспощадно и навсегда. Так я себе это представляю... Он и жизнь и смерть посвятил Венере.

— Ты хорошо его знаешь?

Дауге пожал плечами:

— Не в этом дело. Я чувствую. И потом, — он принялся загибать пальцы, — Нисидзима, японец, — его друг, Соколовский — его ближайший друг, Ши Фэнь-ю — его учитель, Екатерина Романовна — его жена... И всех их сожрала Венера. Краюхин — его второй отец. Последний свой рейс Краюхин совершил на Венеру. После этого рейса врачи навсегда запретили ему летать...

Дауге вскочил и прошелся по комнате.

— Укрощать и покорять, — повторил он, — беспощадно и навсегда! Для Ермакова Венера — это упрямое, злое олицетворение всех враждебных человеку сил стихии. Я не уверен, что нам всем дано будет когда-нибудь понять такое чувство. И, может быть, это даже к лучшему. Чтобы это понять, надо бороться, как боролся Ермаков, и страдать, как страдал он... Покорить навсегда... — повторил Дауге задумчиво.

Алексей Петрович передернул плечами, словно от озноба.

— Вот почему я сказал про сжатые кулаки, — закончил Дауге, пристально глядя на него. — Но, поскольку сейчас пасмурно, я просто не могу представить, что он может делать. Вероятнее всего, действительно просто спит.

Помолчали. Быков подумал, что с таким начальником ему служить еще, пожалуй, не приходилось.

— А как твои дела? — неожиданно спросил Дауге.

— Какие дела?

— С твоей ашхабадской учительницей.

Быков сразу насупился и поскуучнел.

— Так себе, — грустно сказал он. — Встречаемся...

— Ах, вот что! Встречаетесь. Ну, и?..

— Ничего.

— Предложение делал?

— Делал.

— Отказала?

— Нет. Сказала, что подумает.

— Как давно это было?

— Полгода назад.

— И?

— Что — «и»? Ничего больше не было.

— То есть ты положительный дурак, Алексей, извини, ради бога.

Быков вздохнул. Дауге глядел на него с откровенной насмешкой.

— Поразительно! — сказал он. — Человеку тридцать с лишним лет. Любит красивую женщину и встречается с нею вот уже семь лет...

— Пять.

— Хорошо, пусть будет пять. На пятый год объясняется с ней. Заметьте, она терпеливо ждала пять лет, эта несчастная женщина...

— Не надо, Григорий, — морщась, сказал Быков.

— Минутку! После того, когда она из скромности или из маленькой мести сказала, что подумает...

— Довольно!

Дауге вздохнул и развел руками.

— Ты же сам виноват, Алексей! Твое ухаживание похоже на издевательство. Что она о тебе подумает? Тюфяк!

Быков уныло молчал. Потом сказал с надеждой:

— Когда вернемся...

Дауге хихикнул:

— Эх ты, покоритель... виноват, специалист по пустыням! «Когда вернемся»!.. Иди спать, видеть тебя не могу!

Быков встал и взял со столика книжку.

«La description planétographique du Phobos» Paul Dan-gée*, — прочитал он. На титульном листе стояла жирная, красным карандашом надпись по-русски: «Дорогому Дауге от верного и благодарного Поля Данже».

На рассвете Быков проснулся. Дверь в спальню была полуоткрыта. Дауге в одних трусах, черный и взъерошенный, стоял у письменного стола и смотрел на портрет молодой грустной женщины — Маши Юрковской. Затем он снял портрет со стены и сунул его в рюкзак.

Быков осторожно перевернулся на другой бок и заснул снова.

Будни

Город был невелик: несколько сотен новеньких коттеджей, вытянутых в четыре ровные параллельные улицы вдоль ложины между двумя грядами плоских голых холмов. Красное утреннее солнце неярко озаряло мокрый асфальт, пологие крыши, веселые деревца в палисадниках. За холмами в розовой дымке виднелись огромные легкие сооружения, знакомые по кино и фотографиям, — стартовые установки для межпланетных кораблей.

Алексей Быков, запахнувшись в белый халат, стоял у огромного, в полстены, окна, ждал, когда его вызовут к врачу, и глядел на улицу. Экипаж «Хиуса» прибыл в этот городок вчера вечером. В самолете Быков спал, но, вероятно, не отоспался и потому дремал и в машине по дороге с аэродрома. От вчерашних впечатлений о городе в памяти сохранилась только залитая розовым вечерним солнцем улица, светлое многоэтажное здание гостиницы и слова дежурной по этажу: «Вот ваша комната, товарищ, устраивайтесь...» В семь часов его разбудил Дауге и сооб-

* «Планетографическое описание Фобоса». Поль Данже (фр.).

шил, что всем приказано явиться на медосмотр и что от долгого сна бывают пролежни.

Медицинский корпус примыкал к зданию гостиницы. Здесь межпланетникам велели снять всю одежду, накинуть халаты и ждать.

За окном, на улице, было пусто. Возле дома напротив застыл стремительный низкий автомобиль с серебряным оленем на радиаторе. Прошли двое в легких комбинезонах, с огромными чертежными папками в руках. Тяжело прополз мощный полугусеничный электрокар с фургоном. В палисадник вышел парнишка лет двенадцати, посмотрел на небо, свистнул в три пальца и, перескочив через ограду, побежал по улице, явно копируя стиль бега знаменитых чемпионов.

Быков отошел от окна. Ермакова и Юрковского в комнате уже не было, их вызвали в кабинет врача. Остальные неторопливо раздевались, вешая одежду в изящные шкафчики с полупрозрачными створками. Алексей Петрович залюбовался Спицыным. У пилота было могучее поджарое тело гимнаста-профессионала. На широченных плечах, под тонкой золотистой кожей, перекачивались желваки мускулов. Дауге уже накинул халат и, ехидно улыбаясь, завязывал узлом рукава шелковой сорочки Юрковского, приговаривая: «Т-так, а теперь вот так...» Покончив с этим полезным занятием, он весело хихикнул и подошел к Быкову:

— Нравится город, Алексей?

— Хороший город, — ответил Быков сдержанно. — А далеко ли ракетодром?

— Там, за холмами. Видишь стартовые стрелы? Вот там и находится знаменитый Седьмой полигон, первый и пока единственный в мире специальный ракетодром для испытаний, стартов и посадок фотонных ракет. Здесь стартовало первое фотонное беспилотное устройство «Змей Горыныч». Здесь садились «Хиус-один» и «Хиус-два». Здесь, вероятно, сядут и «Хиус-три», и «Хиус-четыре», и «Хиус-пять»...

— Сядут или будут стартовать?

— И стартовать будут. Но сначала сядут. Ведь их строят не на Земле.

— Ага... — Быков вспомнил о взезном литейном заводе на спутнике «Вэйдады Ю-и».

Там, на высоте пяти тысяч километров над Землей, в условиях невесомости и почти идеального вакуума отливались исполинские корпуса сверхтяжелых ракет. Двести пятьдесят человек — ученых, инженеров, техников и рабо-

чих — управляли солнечными печами, центробежными машинами, сложнейшей литевой автоматикой, превращая многотонные титановые и вольфрамовые болванки в корпуса межпланетных кораблей. Очевидно, там же рождались и «Хиусы»...

— Крутиков и Спицын, пожалуйста! — раздался за спиной голос Ермакова.

Друзья обернулись. Крутиков бросил газету и вслед за Спицыным вошел к врачу, тщательно прикрыв за собой дверь.

— Седьмой полигон — идеальное место! — с воодушевлением говорил Дауге. Лицо его было обращено к Быкову, но глаза косили в сторону Юрковского, уже распахнувшего свой шкафчик. — Вокруг — сотни километров тундры, ни одного населенного пункта, ни одного человека. На севере — океан...

Юрковский взялся за сорочку.

— ...По прямой до побережья около двухсот километров... — Дауге вдруг прыснул, но тут же, спохватившись, торжественно провозгласил: — И между городом и океаном распростерлись по тундрам пять миллионов гектаров нашего полигона!

Юрковский просунул голову через ворот и теперь стоял в напряженной позе, с обвисшими рукавами, похожий на огородное чучело. Ермаков, уже одетый, прошел к врачу, аккуратно застегнув все пуговицы на халате.

— Отсюда на юг идет железнодорожная ветка и шоссе, — громко продолжал Дауге. — Километрах в четырехстах, около геофизической станции...

— Интересно, — спросил Юрковский задумчиво, — какой кретин это сделал?

— ...м-м-м... около станции, значит, она сворачивает и соединяется с северной транссибирской магистралью у Якутска... Гм... Володя, как твое здоровье?

— Благодарю вас, — сказал Юрковский приближаясь. Сорочку он снял и теперь выразительно играл мускулами, глядя на Дауге исподлобья. — Я совершенно здоров. Я приложу максимум усилий к тому, дружок, чтобы о вас этого не сказал даже самый скверный ветеринар.

— Володя! — вскричал Дауге. — Это ошибка. Это не я.

— А кто же?

— Это он! — Дауге похлопал Быкова по волосатой груди. — Это, Володя, такой шутник!..

Юрковский мельком глянул на Алексея и отвернулся. Быков, открывший было рот, чтобы принять участие в игре, только кашлянул и промолчал. Юрковский не прини-

мает его в игру — это было ясно. Дауге также понял это, и ему тоже стало неловко.

В этот момент дверь открылась, и Ермаков позвал:
— Товарищи, ваша очередь.

Очень довольный таким оборотом дела, Быков поспешно прошел в кабинет.

Сначала их осмотрел врач — жгучий брюнет с фантастическим носом. Дауге он отпустил, не сказав ни слова, но, осматривая Быкова, ткнул пальцем в длинный рубец на его груди и спросил:

— Что это?

— Авария, — лаконично ответил Быков.

— Давно? — не менее лаконично осведомился врач, поднимая нос.

— Шесть лет.

— Последствия?

— Без, — сказал инженер, демонстративно рассматривая докторову переносицу.

Дауге тихонько хихикнул.

Врач что-то записал в толстой книжке, на которой значилось: «Медицинский дневник № 4024. Быков Алексей Петрович» — и повел друзей в соседнюю комнату. Там они увидели большой матово-белый шкаф. Врач прицелился носом в Дауге и предложил ему войти в этот шкаф. Дверца шкафа бесшумно закрылась, врач надавил несколько клавиш на пульте с правой стороны шкафа, и тотчас послышалось тихое гудение. На пульте загорелись, перемигиваясь, разноцветные лампочки, заколебались стрелки приборов. Это продолжалось минуты полторы, после чего аппарат звонко щелкнул и выбросил откуда-то белый листок, покрытый ровными строчками букв и цифр. Лампочки погасли, и доктор открыл дверцу. Дауге вылез спиной вперед, потирая плечо.

Врач повернулся к Быкову и весело кивнул ему носом:
— Вперед!

Алексей кашлянул и забрался в шкаф. Там было темно. Прохладные металлические обручи сомкнулись на его плечах и на поясе, прижали к чему-то теплomu и мягкому, подняли, опустили. Вспыхнул красный свет, потом зеленоватый, потом что-то кольнуло в предплечье, и Быков почувствовал себя свободным. Дверь открылась.

Врач, мурлыча себе под нос что-то легкомысленное, внимательно рассматривал листки, выброшенные «шкафом». Это были «формулы» здоровья, полный отчет о состоянии организма, а также индивидуальный комплекс обязательных гимнастических упражнений и диетический

рацион на период подготовки к старту. Пометив что-то в «Медицинских дневниках», врач передал листки Ермакову и сообщил, что такие осмотры будут проводиться еженедельно.

Ермаков поблагодарил и вышел.

— Что это за ящик? — спросил Алексей Петрович у Дауге, одеваясь. — Инкубатор для взрослых? Электронный вариант шкатулки Пандоры?

— Кибердоктор, электронная диагностическая машина, — сказал Дауге. — Все хорошо, но она делает уколы. Терпеть не могу уколов!

Они вошли в лифт и поднялись на пятый этаж, в столовую. Это был огромный пустоватый зал, залитый розовым светом северного солнца. Почти все столики были свободны. Завтрак либо уже кончился, либо еще не начинался.

— Вон наши, — сказал Дауге.

Экипаж «Хиуса» занял два сдвинутых столика у самого окна. За ними уже сидели оба пилота и Ермаков. Быков отметил, что у толстяка Крутикова несчастный вид. «Гордость советской астронавтики» сидела, сгорбившись, над стаканом молока, крошила сухой хлеб и с невыразимой тоской поглядывала на тарелку Спицына. Черноволосый Богдан терзал дымящийся ломоть сочного бифштекса.

Как ни странно, но завтрак был подан уже по новым рационам. Быков с некоторым недоумением съел целый салатник душистой травки, очистил тарелку овсяной каши, умял два куска отличной ветчины и принялся за яблочный сок. Дауге было подано мясо.

Иоганыч поднял вилку и нож и осведомился:

— Что же сказал тебе врач, Михаил Антоныч?

Крутиков покраснел и уткнулся в стакан.

— А я знаю, — объявил подошедший Юрковский. — Он, наверное, долго и нежно держал Мишу за складку на животе и популярно объяснял, что чревоугодие никогда не было украшением межпланетника.

Крутиков молча допил молоко и потянулся было к вазе со сдобным печеньем, но Ермаков негромко произнес «гм» и штурман поспешно убрал руку.

После завтрака Краюхин объявил, что приехал Усманов, один из конструкторов нового маяка. Усманову поручено обучить экипаж сборке и эксплуатации «этого замечательного достижения технической мысли».

— Даю на это две недели, — сказал Краюхин. — Затем каждый начнет работу по своей специальности.

Первое занятие проходило в спортивном зале гостиницы. Рабочие в синих спецовках бесшумно внесли толстый шестигранный брус и несколько предметов, форма и материал которых лишь с трудом могли бы вызвать у несведущего человека ассоциации с какими-нибудь общеизвестными понятиями. Недоумение и любопытство было даже в глазах Богдана Спицына и Крутикова, и только Ермаков рассматривал неизвестную аппаратуру с обычным холодно-равнодушным видом.

Вошел Усманов, высокий скуластый человек в рабочем комбинезоне, представился и сразу приступил к делу. Постепенно нахмуренные лица космонавтов прояснились. Посыпались вопросы, завязался оживленный разговор. Скоро к беседе подключился и Быков, знакомый в общих чертах, как и всякий инженер, с принципами радиолокации и радионавигации.

Речь шла об устройстве, предназначенном для подачи направленных и очень мощных ультракоротковолновых импульсов определенной длины волны, способных пробить плотные пылевые облака и высокоионизированные области атмосферы. Длительность импульсов не превышает десяти микросекунд. В секунду подается до ста импульсов. Специальные приспособления заставляют этот импульсный луч описывать спираль, обегая за несколько секунд всю верхнюю половину небесной сферы от горизонта к зениту и снова к горизонту.

Такое устройство обеспечит космическим кораблям ориентировку над незнакомой планетой, поверхность которой недоступна для визуального наблюдения и где обычные средства радиолокации бессильны из-за электрических возмущений и высокой ионизации. Маяки эти предполагается устанавливать на вершинах скал недалеко от удобных для посадки площадок и других объектов, которые желательно отмечать ориентирами. В данном случае, в связи с главной задачей экспедиции, их надо будет установить возле первой посадочной площадки на Венере, на границе Урановой Голконды.

— А питание? — спросил Юрковский.

Усманов вытянул из портфеля сверток.

— Селеново-цериевые радиобатареи, — сказал он. — Двести ячеек на квадратный сантиметр. Мы могли бы снабдить вас еще и нейтронными аккумуляторами, но я думаю — это лишнее. Они слишком громоздки. Полупроводниковая радиобатарея гораздо портативнее. На «Хиус» погрузят пятьсот квадратных метров такой ткани, и вы просто разложите и укрепите ее возле маяков... Если почва

у края Голконды будет давать на каждый квадратный сантиметр по пятидесяти-шестидесяти рентген в час — а по предварительным расчетам она будет давать много больше, — мощность батареи достигнет двух-трех тысяч киловатт. Для маяков это более чем достаточно.

Быков недоверчиво ощупал тугую эластичную пленку, в полупрозрачной толще которой виднелись мутные зернышки.

Принципы сборки и установки маяка оказались очень простыми.

— Нет никакой необходимости разбирать основные агрегаты устройства, — говорил Усманов. — Это было бы даже нежелательно, Анатолий Борисович. (Ермаков кивнул.) Как видите, они опечатаны заводскими штампами. За их работу отвечает наша лаборатория. А остальное несложно. Подойдите поближе, товарищи, помогите... Вот так, спасибо.

Все агрегаты нанизывались на шестигранный шест, как кольца в детской пирамидке, и скреплялись между собой немногими защелками и скользящими в пазах шпильками. Быков отметил про себя, что во всем устройстве не было ни одного винта — по крайней мере, снаружи.

— Теперь в это гнездо вставляется кабель от радиобатареи. Маяк в таком виде может работать без присмотра десятки лет.

— Хороший маяк, простой, — сказал Крутиков, поглаживая выпуклую и сетчатую, словно гигантский стрекозиный глаз, макушку маяка. — Сколько он весит?

— Всего сто восемьдесят кило.

— Неплохо, — подтвердил Юрковский. — Короче говоря, самое сложное — это установить маяк.

Для установки маяка предусматривались три способа. На твердой скалистой поверхности можно было воспользоваться огромной присоской на нижней части шеста. В более неустойчивой породе следовало пробурить скважину, в которую опускался шест. Скважину заливали пластрасивом. Наконец, в том случае если почва окажется сыпучей, в ней при помощи тока высокой частоты выплавляется шестигранная монолитная шахта, уходящая вглубь до десяти метров. Шест вплавляется в нее.

Пробные сборки и установки маяков были проведены за городом в тот же день. Быков с восхищением наблюдал, как направляемый ловкими руками Юрковского вибробур быстро высверлил в замшелой гранитной глыбе узкую глубокую скважину. Усманов объявил, что скважина превосходная — прямая и идеально отвесная. В нее вставили

шест, залили омерзительно пахнувшей жидкостью из баллона с манометром. Жидкость моментально затвердела.

— Ну-ка! — предложил Усманов.

Быков и Спицын переглянулись и взялись за шест. К ним присоединился Дауге, затем Крутиков, но ни выдержать его, ни согнуть не удалось.

— Вот видите! — гордо сказал Усманов. — А теперь займемся сборкой.

Солнце снова повисло над верхушками стартовых стрел на ракетодроме, когда экипаж «Хиуса» вернулся в гостиницу.

— В ближайшие дни, — объявил Ермаков, — каждый член экипажа должен научиться владеть вибробуром так же искусно, как наши геологи, и собирать и разбирать маяк с завязанными глазами. Этим мы и займемся.

Пообедав, Быков уединился в своем номере и принялся за письмо в Ашхабад. Он исписал убористым почерком семь страниц, перечитал, безнадежно вздохнул и завалился на диван.

Письмо получилось неприлично сентиментальным. И чертовски хочется закурить. Быков перевернулся на живот и сунул в рот карандаш. Во-первых, можно лечь и проспать до утра. Во-вторых, можно залезть в ванну... Черт, что за кислые мысли — лечь, проспать, залезть... Он решительно вскочил и побежал в библиотеку.

Гостиница Седьмого полигона начала свой вечер. Хлопали двери. По длинным коридорам спешили нарядные люди. Снизу неслись звуки бравурной музыки. У всех четырех лифтов толпился народ, и Быков решил добираться до читальни по лестнице. Навстречу, направляясь вниз, двигался веселый поток молодежи. По-видимому, все шли в клуб.

В тихом читальном зале Алексей Петрович взял три книжки о Венере, одну по теории фотонных приводов и перелистал последний номер «Космонавта». Там он обнаружил статью М. А. Крутикова об автоматическом управлении планетолетом, попытался прочесть ее и со смущением отметил, что разобраться не может — слишком много математики.

— Функционал... — пробормотал Быков, сляясь разобрататься хотя бы в выводах. — Ай да толстяк!..

«А не зайти ли к Дауге? — подумал вдруг он. — И вообще, чем сейчас занят экипаж «Хиуса»? Тоже читает книжечки о Венере? Сомнительно...»

Дауге не читал книжечек. Он брился. Челюсть его была выворочена совершенно неестественным образом, и жужжание электробритвы заполняло комнату. Увидев Быкова, Дауге что-то невнятно пробормотал.

Алексей плюхнулся в кресло и стал рассматривать спину Дауге, голубые пластмассовые стены, большой плоский телевизионный экран, матовый далекий потолок.

Дауге кончил бриться и спросил:

— Ты зачем пришел?

— А что, мешаю?..

— Да нет, не то чтобы мешаешь... У меня сейчас должен быть разговор с Юрковским. Совершенно деловой разговор.

Он отправился в ванную. Там зажурчала вода, слышно было, как блаженно бормочет и отфыркивается хозяин. Потом он появился, вытираясь на ходу махровым полотенцем.

— Не сердись, Алексей, но...

— Ничего, ничего, я пойду...— Быков поднялся.— Я забегал просто так, от скуки.

— Деловой разговор,— повторил Дауге.— Ты, если тебе скучно, пойди поищи пилотов. Они, по-моему, в спортзале. Богдан снимает жирок со штурмана. Посмотри — забавное зрелище!

— Ага... Ну, бог с вами! — Быков пошел было к выходу, но остановился.— Ты мне скажи, что это Юрковский глядит на меня зверем?

Дауге хмыкнул, затем с неохотой сказал:

— Не обращай внимания, Алексей. Во-первых, он вообще человек не легкий. Во-вторых, всегда относится так к новичкам, не имевшим чести крутиться в центробежных камерах и просиживать по десять суток в маске в азотной атмосфере, как это делают в Институте подготовки, а в-третьих... Видишь ли, на твое место намечался один пилот, близкий друг Володьки. Потом Краухин решил взять тебя. Понимаешь?.. Одним словом, все это пройдет, и на Землю вы вернетесь самыми лучшими друзьями.

— Сомневаюсь,— пробормотал Быков и, сердито открыв дверь, вышел.

На другой день началась работа, тяжелая работа, с ноющей усталостью в плечах, которую не сразу снимает даже горячий душ и послеобеденный отдых. Весь экипаж в течение двух недель практиковался в установке радиомаяков.

Монтировать маяк научились очень скоро, потому что каждый имел за плечами богатый инженерный опыт. Но вибробур оказался весьма капризным инструментом, и много кривых, безобразно раздутых дыр украсило каменные валуны в окрестностях города, прежде чем Ермаков объявил, что теперь он более или менее удовлетворен сноровкой новичков-бурильщиков. Не меньше хлопот доставили членам экипажа и вакуум-присоски.

— Не понимаю! — сердито сказал однажды Быков, обращаясь к Дауге. — Зачем мы тратим время на возню с бурением? Ведь ты умеешь бурить, и Юрковский тоже... Разве этого недостаточно?

Дауге строго посмотрел на него.

— Предположим, что мы с Володькой не дойдем до Голконды, — просто сказал он.

Краюхина видели все эти дни только за завтраком. Он был круглые сутки занят материальным оснащением экспедиции и дневал и ночевал на складах, предприятиях и в снабженческих организациях ракетодрома. По-видимому, не все обстояло благополучно. Ходили слухи, что кого-то он уволил, кому-то запретил показываться впредь до устранения недоделок. Рассказывали о его выступлении на совещании городского партактива, о страшном разносе, который он учинил начальнику полигона.

Быков исподтишка наблюдал за Ермаковым. Начальник экспедиции и командир корабля был молчалив, сдержан и действительно никогда не смеялся. Зато он улыбался странной улыбкой — одними губами. Глаза его при этом становились еще более холодными, чем обычно. Очень скоро Быков убедился, что улыбка Ермакова не предвещает ничего хорошего тому, кому она адресована.

Как-то за обедом Дауге встал из-за стола, оставив на тарелке большую часть телятины, которая была подана ему на второе согласно диетическому рациону.

— Одну минуту, — мягким голосом остановил его Ермаков. — Прошу вас доесть второе, Григорий Иоганнович.

— Не могу, Анатолий Борисович, — сказал Дауге.

— И все-таки я очень прошу вас, — еще мягче сказал Ермаков.

Дауге молча провел ребром ладони по горлу.

Тогда Ермаков улыбнулся своей странной улыбкой.

— Мне не хотелось бы огорчать вас, Григорий Иоганнович, — совсем тихо сказал он, — но у меня есть серьезные основания опасаться, что ваше отношение к режиму

подготовки вынудит экспедицию ограничиться в конечном счете одним геологом. Мы не можем себе позволить дать Венере хотя бы один, самый маленький шанс против нас. Даже недоеденный вами кусок телятины...

Дауге с пылающими ушами сел и с ожесточением вонзил вилку в злополучный кусок. Никто не сказал ни слова и не взглянул в его сторону. Обед закончился в гробовой тишине, и Ермаков не спускал с Дауге глаз до тех пор, пока нарушитель режима не подобрал с тарелки корочкой остатки подливы.

Быков не без удивления отметил, что этот инцидент не вызвал у его товарищей и тени возмущения строгостью Ермакова. Напротив, Юрковский в тот же вечер долго и настойчиво внушал что-то Дауге вполголоса, после чего тот только вздохнул и виновато развел руками.

К концу второй недели Усманов распрощался с экипажем и улетел. На следующее утро Краюхин после завтрака сказал:

— С сегодняшнего дня каждый займется, так сказать, своим делом. Товарищ Ермаков, вы будете работать со Спицыным и Крутиковым, как мы и договорились. Можете отправляться сейчас же, пропуска вам выписаны... Вас, Юрковский, и вас, Дауге, прошу подождать меня здесь. Я сейчас отвезу нашего пустынного и вернусь... Поехали, товарищ Быков.

У подъезда стояла мощная полугусеничная машина.

— Прошу, — пригласил Краюхин.

Они уселись рядом позади шофера. Когда город остался позади, Краюхин наклонился к Быкову и спросил:

— С Дауге говорили?

— О чем?

— Обо всем.

— Да... говорил.

— Ну и как?

Быков пожал плечами. Краюхину не следовало бы заговаривать в таком тоне. Не дело начальника совать нос в душу подчиненного без особых на то оснований. Серьезные люди предпочитают держать свои переживания при себе. Впрочем, Краюхин как будто и не заметил, что ему не ответили.

— Сейчас будем знакомиться с вашим хозяйством, инженер, — сказал он, помолчав.

Через несколько минут машина остановилась перед длинным зданием без окон, с дверью во всю стену. Подошел хмурый вахтер, проверил пропуск.

— Вызвать механика! — приказал Краюхин.

Они вышли из машины. Вокруг расстилалась слегка всхолмленная равнина, покрытая редкой жесткой травкой. По небу ползли растрепанные серые тучи, моросил мелкий дождь. Под ногами хлюпала вода.

— Тундра, — вздохнул шофер.

Широкие, как ворота, двери раздвинулись. К Краюхину, протягивая чумазую руку, подошел веселый человек в комбинезоне.

— Вот, привез, — буркнул Краюхин.

Человек в комбинезоне взглянул на Быкова:

— Вижу, вижу! Ну что ж, пойдете.

В здании было темно. Краюхин споткнулся обо что-то, выругался сквозь зубы. Механик виновато кашлянул.

— Не успели провести свет, товарищ Краюхин. Но завтра все будет сделано.

— Завтра? А сейчас что, человек в потемках ковыряться будет, так?

Постепенно глаза Быкова привыкли к полутьме, и он разглядел впереди широкую, мутно отсвечивающую серую массу. Стали видны ребристые гусеницы, открытый люк, круглые слепые глаза прожекторов.

— Что это? — спросил он.

— Это «Мальчик», — отозвался Краюхин. — Наш танк-транспортёр. Он несколько отличается от обычных машин такого типа, но вы освоитесь с ним быстро. Принимайтесь за дело сейчас же... А вы? — Он повернулся к механику. — Чтоб через полчаса здесь был свет!

— Есть! — бодро ответил тот и кинулся прочь.

— Прихватите с собой описание и справочники! — бросил ему вдогонку Краюхин. — Ну, вот и все. Оставайтесь и работайте. К обеду за вами заедут. — Он попрощался и пошел к выходу.

Когда через двадцать минут под потолком вспыхнула яркая лампа, Быков ахнул от восхищения. Перед ним была самая совершенная машина из всех когда-либо передвигавшихся на гусеницах. Она была огромна — не меньше гигантского танка-батискафа, который Быков видел несколько лет назад на Всесоюзной промышленной выставке, — но вместе с тем производила впечатление необычайной легкости, стройности, даже, пожалуй, грациозности. Длинный, округлый, слегка сплюснутый по вертикали корпус, приподнятая узкая корма, едва намеченные выпуклости люков и перископов, высокий клиренс... И нигде ни единого шва! Талант конструкторов слил в «Мальчике» огромную мощь тяжелой транспортной

машины и благородные линии сверхбыстроходных атомокаров.

— Вот это лихо! — бормотал Быков, обходя транспортер кругом и то и дело опускаясь на корточки. — А это что?.. Система равновесия... Здорово! И опорные рычаги втягиваются?.. Умно!

У кормы он задержался и приложил ладонь к гладкому борту. Борт был теплым.

— Заряжено, — добродушно усмехнулся механик, наблюдая за ним с порога гаража. — Хоть сейчас садитесь и поезжайте.

Быков нахмурился.

— Рано еще... ехать, — сказал он. — Вы руководство мне принесли?

— Принес. Вот, пожалуйста.

— Спасибо.

С неожиданной легкостью Быков юркнул в открытый люк. Створки крышки сомкнулись над его головой.

— Эй, товарищ! — крикнул механик. — Я вам буду нужен?

Он постучал по люку. Ответа не последовало. Механик пожал плечами и ушел.

Как было указано в руководстве, «Мальчик» являлся танком-транспортером высокой проходимости, предназначенным для передвижения по твердым, вязким и сыпучим грунтам и по сильно пересеченной местности, в газообразной и жидкой среде при давлениях до двадцати атмосфер и температурах до тысячи градусов, способным нести экипаж до восьми человек и полезный груз до пятнадцати тонн. Он был оснащен турбинами общей мощностью в две тысячи лошадиных сил, питающимися от компактного урано-плутониевого воспроизводящего реактора. На нем имелись инфракрасные проекторы, ультразвуковая пушка, пара выдвижных механических рук-манипуляторов (почти таких же, какими водители атомокаров пользуются при перезарядке реакторов своих машин на базах энергопитания), внешние и внутренние дозиметры и радиометры и десятки других устройств и приборов, назначение которых Быков представлял себе пока очень смутно. Экипаж, груз, механизмы и приборы прикрывались надежным панцирем из прочной — более прочной, чем титан, — термостойкой и радиостойкой пластмассы.

Управление «Мальчика» мало отличалось от известных Быкову систем. Знакомой оказалась и ходовая часть, но для очистки совести Алексей решил перебрать машину по винтику. Он приезжал к обеду и ужину усталый, испачкан-

ный жирной графитовой смазкой, жадно ел, перебрался короткими фразами с товарищами и торопливо возвращался в гараж или ложился в постель. Утром и после обеда его ждала у подъезда машина. Но личный тренировочный и гигиенический режим подготовки не нарушался ни в чем. Ермаков внимательно следил за этим.

На четвертый день Быков впервые вывел «Мальчика» в поле. Громадная машина с неожиданной легкостью и почти бесшумно выкатилась из ворот. Быков поразился тому, как послушно она реагировала на малейшие движения его пальцев, лежащих на клавишах пульта управления. Дежурный, улыбаясь, махнул рукой. Быков кивнул в ответ, сомкнул перед собой люк и стал набирать скорость. «Мальчик» несся по мокрой тундре, плавно покачиваясь и слегка кренясь на холмах. С испуганным криком из стелющихся кустарников поднимались птицы, серым комочком промелькнул заяц. Путь вперед застилал густой туман — пришлось включить инфракрасный проектор. На экране возникали и исчезали бледные очертания массивных валунов, одиночных, странно искривленных деревьев. Быков то переводил транспортер на максимальную скорость, то резко останавливал, делал крутые развороты, вертел на месте, и тогда из-под гусениц потоками взлетала и падала на линзы перископа ржавая жижа. Автоматические щетки мгновенно смахивали ее.

Неожиданно, когда «Мальчик» шел на полном ходу, впереди мелькнула сетка колючей проволоки. Быков круто повернул вправо и затормозил, но было уже поздно. Раздался звон и скрежет, что-то хрустнуло под гусеницами, и транспортер остановился. Быков выскочил наружу. Позади в обе стороны тянулась проволочная изгородь. След «Мальчика», отчетливо видимый в вязкой почве, проходил сквозь нее. В огромной рваной дыре болтались обрывки проволоки с обломками деревянных столбов.

— Этого еще не хватало! — пробормотал Быков оглядываясь. — Куда меня занесло?

Внимание его привлекло круглое сооружение из светлого бетона, видневшееся в тумане, шагах в двадцати.

— Эй, люди! — негромко позвал он.

Никто не отозвался. Слышно было только шуршание дождя в траве и тихий жалобный звон проволочной сетки. Быков поколебался с минуту, затем решительно двинулся к круглому зданию. Оно показалось ему необычным — в гладких высоких стенах не было ни окон, ни отдушин, только у самой земли виднелась небольшая, раскрытая

настежь квадратная дверь. Несколько в стороне из травы выглядывал конец бетонной трубы, прикрытый круглой ржавой крышкой. Быков подошел к двери и заглянул внутрь. Он успел заметить только, что там темно и тепло. Позади лязгнуло железо. Быков обернулся и увидел нечто похожее на дурной сон: крышка люка была откинута, и из бетонной трубы вылезало влажное привидение с круглой безглазой серебристой головой.

Прежде чем Алексей вспомнил, что уже видел где-то такое чудовище, оно пригнулось и прыгнуло на него. Около трех метров было между ними, и привидение покрыло это расстояние одним прыжком. Но Быков уже оправился от растерянности. К тому же привидение не имело никакого понятия о самбо. Через несколько секунд ожесточенной борьбы оно было повержено на спину, и Быков, нанеся ему несколько полновесных оплеух по тому месту, где у обычных людей бывает лицо, вскочил на ноги как раз вовремя, чтобы столкнуться со вторым таким же уродом, вылезавшим из того же люка.

Теперь дело приняло другой оборот. Не помогло даже самбо. Получив сокрушительную затрещину, Алексей упал боком на сырую землю, а затем его схватили за ноги и с быстротой, показавшейся ему необыкновенной, волоком потащили куда-то. Очень трудно оказывать сопротивление, если вас крепко держат за обе ноги. Быков понимал это и не сопротивлялся, ожидая, что будет дальше. Привидения остановились, но ног не выпустили. Быков попытался приподняться, упираясь в землю кулаками, разбитыми в кровь во время первой схватки. Послышался топот, и появилось третье привидение. Тогда Быков почувствовал, что ноги его свободны. Он сейчас же повернулся и сел, с трудом ворочая гудящей от удара шеей.

Оглянувшись, он понял, что находится за кормовой частью «Мальчика». Привидения стояли рядом и торопливо проделывали что-то со своими головами. Наконец блестящие шары откинулись, и изумленный Быков увидел знакомые лица — встревоженного Дауге, хмурого Краюхина и белого от ярости Юрковского. Юрковский поднес руку к носу, высморкался и протянул Быкову окровавленную ладонь.

— Вы идиот! — звенящим голосом сказал он. — Вы болван! У вас на плечах голова или кочан капусты?

— Погодите, Владимир Сергеевич... — сказал Краюхин. — Видите, человек ошалел от неожиданности.

— Вы? только и мог сказать Алексей.

— Нет, не мы! Рыцари ордена розенкрейцеров! Представители женского комитета!..

— Да погодите же, Юрковский!.. Товарищ Быков, быстро выводите отсюда машину... Дауге, закройте люк и дверь и скажите там, что мы уезжаем.

— Есть! — Дауге снова накрыл голову шлемом и вышел из-за корпуса «Мальчика».

Быков полез в транспортер, Краюхин и Юрковский, все еще продолжавший ругаться, последовали за ним.

— Выезжайте за ограду и там остановитесь! — приказал Краюхин.

«Мальчик» дал задний ход.

— Достаточно. Стоп! Теперь подождем Дауге.

Быков покосился на Юрковского. Тот осторожно ощупывал распухший нос.

— Больно? — сочувственно осведомился Краюхин.

Юрковский только яростно оскалился. По обшивке застучали ботинки, и в люк прыгнул Дауге.

— Исполнено, Николай Захарович, — сказал он.

— Поехали.

Быков положил пальцы на клавиши. Затем, подумав, пощелкал переключателями, включил двигатель и отошел от пульты. «Мальчик» легко тронулся.

— Куда же ты? — испуганно-удивленно спросил Дауге. — А кто будет править?

— Автоводитель, — виновато отозвался Быков. — Я не помню дорогу назад. Да вы не беспокойтесь! Здесь ведь электронное устройство, «Мальчик» пойдет по гирокомпасу.

Некоторое время ехали молча. Машина в точности, только в обратном порядке, производила все манипуляции, которые полчаса назад проделывал Быков.

— Дозиметр у вас с собой? — спросил Краюхин у Дауге.

— С собой, Николай Захарович. Но он не понадобится. Я забыл сказать, что, когда Быков подошел к камере, ее уже закрыли. Так что все кончилось благополучно.

Краюхин облегченно вздохнул.

— Вы чуть не нарвались на большую неприятность, товарищ Быков, — сказал он, вытирая пот с лысины. — Знаете, где мы вас перехватили?

— Никак нет... — Быков чувствовал себя очень несчастным.

— За проволочной оградой под землей находится мощный реактор, вырабатывающий тритий. Это горючее для нашего «Хиуса». Бетонная башня, в которую вы так не-

осторожно заглядывали, есть не что иное, как камера-могильник для радиоактивных отходов от очистки урана. И как раз сегодня комплект урановых стержней пошел на переплавку. Если бы вы сунули туда нос...

— То есть ясно даже и ежу! — проникновенно сказал Юрковский. — Если место окружено колючей проволокой, то это значит, что вход туда запрещен. Нет, он лезет своими гусеницами прямо через проволоку! Не может равнодушно видеть заграждения и смело, как лев, кидается на них грудью.

Это было очень несправедливо, но Быков только сокрушенно вздыхал.

— Юрковский вас заметил, когда вы подходили к камере, и кинулся, чтобы, так сказать, оттащить вас, но немного опоздал. Признаться, мы уже думали, что произошло несчастье.

— Бежали сломя голову, — сказал Дауге. — Я думал, у меня сердце выскочит...

Быков повернулся к Юрковскому и пробормотал, запинаясь:

— Я... мне очень жаль, право... я не хотел... — И в отчаянии махнул рукой: — Черт знает, как это получилось! Понимаете, я очень испугался вас...

Губы Юрковского скривились в презрительную улыбку. Дауге хихикнул:

— Как он его встретил! Великолепно встретил! О господи, вот это был бой!

— Да, деретесь вы хорошо, — усмехнулся Краюхин, — но впредь будьте осторожны. В нашем деле ничего нельзя трогать голыми руками, тем более без спросу. И это напомнило мне: сегодня же вечером Дауге подберет вам спецкостюм и научит вас пользоваться им.

— Господи, вот это была драка! — повторил Дауге, вытирая глаза.

Быков быстро пересел на свое место и отключил автоводитель. Впереди в легком тумане проступили очертания плоской крыши гаража.

— И еще, — сказал Краюхин. — Нужно будет испытать вас и «Мальчика» по-настоящему. Вы готовы?

— Здесь нельзя испытать по-настоящему, — пробормотал Быков, — тундра, все плоско, как стол...

— Ничего, я найду вам о-отличное место, дружок! — Золотые зубы Краюхина блеснули в полутьме.

Испытание огнем

Проводив Краюхина и геологов — за ними приехала вызванная из города машина, — Быков озабоченно почесал затылок и вернулся в гараж. «Мальчик» стоял в двух шагах от ворот, дождевые струйки блестели на его покатых боках.

— Испытания! — сказал Быков вслух. — Ну что ж, испытания так испытания.

Он достал из кармана мятую, испачканную смазкой книжечку руководства, полистал ее, вздохнул и пополз в люк. Как и всякий человек, Алексей Петрович Быков не любил экзаменов, в какой бы форме они ни проводились. Большой несправедливостью представлялось ему положение, когда ничтожный, никому не нужный пустяк, на который никогда не обращаешь внимания за его полной неприменимостью в практической работе, становится в один ряд с важнейшими и необходимейшими знаниями. Сам он, проводя занятия, держался совсем другой системы. «Будьте вы хоть семи пядей во лбу, — говорил он, — вам никогда не удастся запомнить все напечатанное в грудах книг и таблиц. Ведь в них есть и самое важное, и просто важное, и второстепенное, и, наконец, просто ненужное — то, что либо успело устареть, едва родившись, либо потеряло значение к настоящему времени. И я, разумеется, не собираюсь требовать от вас знания всего, что есть в книгах и таблицах. Но уж если, товарищи, кто-нибудь не будет знать того, что обязан знать в первую очередь, — прошу не обижаться».

Авторитет Быкова, лучшего специалиста по транспортным механизмам, охранял эту систему от посягательств со стороны самых педантичных начальников. Но ведь так было там, в Гоби, а как будет здесь? На этот раз экзаменуемым придется быть ему самому. Правда, Краюхин не производит впечатления начетчика и формалиста, но кто может сказать, куда смотрят его крохотные глазки, спрятанные под громадными темными очками? И Быков снова и снова листал зачитанное руководство, особенно ту его часть, которая касалась всевозможных аварий и ремонта в полевых условиях. Затем он снял куртку, натянул комбинезон и погрузился в отсек двигателя.

В гостиницу он вернулся поздно, усталый, но довольный и почти спокойный. В столовой уже никого не было. Поужинав (основательно, без излишней поспешности), Быков отправился разыскивать Дауге. На втором этаже, в коридоре, куда выходили двери комнат, в которых жили

межпланетники, он остановился. Одна из дверей была приоткрыта, и слышался звучный голос Юрковского, декламировавшего стихи Багрицкого:

...А ветер как гикнет,
Как мимо просвищет,
Как двинет барашком
Под звонкое днище,
Чтоб гвозди звенели,
Чтоб мачта гудела:
«Доброе дело! Хорошее дело!..»

Быков заглянул в комнату. Юрковский в пижаме и домашних туфлях полулежал на диване, закинув руки за голову, повернув лицо к окну. Рядом сидел Крутиков, сгорбившись, посасывая короткую пустую трубочку. У стола Богдан Спицын покачивался на стуле и улыбался каким-то своим, одному ему известным мыслям. Ни Дауге, ни Краюхина и Ермакова в комнате не было.

...Так бей же по жилам,
Кидайся в края,
Бездомная молодость,
Ярость моя!
Чтоб звездами сыпалась
Кровь человечья,
Чтоб выстрелом рваться
Вселенной навстречу...

Это были чудесные стихи. Кроме того, «пижон» читал удивительно хорошо. Что-то тревожное и зовущее было в его глубоком, полном сдержанной силы и волнения голосе, и Быков невольно подумал, что вот этот бесстрашный красавец, вероятно, очень похож на автора стихов, которые он читает. Он такой же беспокойный и страстный, так же готов без сожаления отдать всю жизнь свою для больших и необычайных дел. О том же, вероятно, подумал и Крутиков. Он вдруг вынул изо рта трубку и внимательно посмотрел на Юрковского, словно желая убедиться в чем-то. Только Спицын продолжал тихонько раскачиваться и улыбаться с полузакрытыми глазами.

...И петь, задыхаясь,
На страшном просторе:
«Ай, Черное море,
Хорошее море!..»

Юрковский замолк. Быков отступил от двери и пошел дальше. Комната Дауге оказалась пустой. На кровати

лежал спецкостюм, который Иоганыч, наверное, подобрал для своего друга. Красноватые отблески вечернего неба переливались на полированной поверхности шарообразного колпака. Быков хотел было идти, но тут внимание его привлекла фотография, лежавшая на столе. Фотография была знакомая — прекрасная женщина с грустным лицом, в синем платье, закрытом до шеи.

«Маша Юрковская», — вспомнил Быков. Он вздохнул.

Бедный Иоганыч! Вот к чему пришла твоя любовь... Даже ты, веселый и добрый, шутивший и смеявшийся в самые крутые минуты... ты не можешь забыть о ней и сейчас, за несколько дней до старта в неведомое.

— Именно сейчас — вот что самое омерзительное! — загремел вдруг за стеной голос Юрковского. — Прислать такое письмо именно сейчас... И не успокаивай меня б-брат милосердия, божья коровка! Ведь она же дрянь!..

— Не смей! (Быков сначала не понял, чей это пронзительный выкрик.) Не смей так говорить о ней! В конце концов, это совсем не твое дело!

— Нет, и мое! И не потому, что она моя сестра. Это дело всех — и Краюхина, и каждого из наших ребят в том числе и твоего краснорожего пустычника. Там, куда мы идем, жизнь всех будет зависеть от каждого. Мы должны быть абсолютно уверены друг в друге, а теперь я думаю: хватит ли у тебя в таком состоянии цепкости, воли к жизни? Не подведешь ли ты нас, Григорий Дауге?

— Полегче, Володя!

— Ничего не полегче... Неужели ты не раскусил ее, эту мою очаровательную сестричку? Ведь это не человек — это кукушка! Да-да, кукушка! Отними у нее смазливое рыльце, и что от нее останется? Мало разве других женщин? Верных, любящих, умных... Что ты за нее цепляешься?

Быков на цыпочках прошел в свою комнату и плотно притворил дверь. Вряд ли Дауге станет сегодня заниматься спецкостюмом, да и самому Быкову было теперь не до этого. Нужно было о многом подумать. Он разделся, лег, закрыл глаза. Лучше всего, пожалуй, постараться уснуть. Он поднялся, чтобы опустить штору, и в ту же минуту вошел Дауге. Он был такой, как всегда, — слегка встрепанный, со сбитым набок галстуком. Быков сел и уставился на него.

— Уже лег? — спросил Дауге. — А спецкостюм? Что ты на меня так смотришь, Алексей? Что-нибудь не в порядке?

Он поднес руку к лицу, затем посмотрел себе на грудь.

— Да нет, ничего... Это я так,— с трудом выдавил из себя Быков.— Я думал, сейчас уже поздно...

— Ничего не поздно. Одевайся, идем. Сегодня тебе нужно освоиться со спецкостюмом, иначе завтра, боюсь, не успеем. Где ты так задержался?

— С «Мальчиком» возился. Боязно мне, Иоганыч... Провалюсь я на этих испытаниях.

— На каких испытаниях?

— Как — на каких? О которых Краюхин сегодня говорил. Помнишь, когда возвращались...

— А-а! Ну, мне кажется, не провалишься, Алексей. Водитель ты хороший, я знаю.

— «Водитель»... Как начнут вводные давать...

Дауге удивленно посмотрел на него:

— При чем здесь вводные? Ты, Алексей, и без вводных взмокнешь так, что тебя потом выжимать придется.

— Не понимаю.

— Между тем все просто. Будет испытательный пробег. Завтра сделаешь марш по сильно пересеченной местности, усиленной искусственными препятствиями, как говорят спортсмены.

— Один?

— Кто-нибудь будет с тобой, не знаю... Готов? Пошли.

В комнате Дауге Быков заметил, что фотографии на столе уже нет. Иоганыч взял спецкостюм с кровати и разложил его на полу.

— Садись, Алексей, и слушай. Вот этот балахон называется «СКК-6», то есть спецкостюм системы Краюхина, модель шестая. Изготовлен он из очень прочного и гибкого материала, с длинным и сложным химическим названием. Впрочем, в техническом просторечии его называют «силикет». Это какое-то кремнийорганическое полимерное соединение с баснословно длинными нитевидными молекулами. Прочность его на разрыв необычайно велика. Кроме того, он в высшей степени огнеупорен и, разумеется, газо- и водонепроницаем.

— Ясно,— сказал Быков. Он сидел на корточках и с интересом мял и разглаживал на ладони эластичный рукав спецкостюма.

— Костюм этот, разумеется, не шьется и даже не штампуются. Его отливают в готовом виде, вот таким, каков он сейчас, с заранее намеченными отверстиями и карманами для приборов, продовольствия и прочего. Силикетовый слой двойной, причем ориентация молекул одного слоя перпендикулярна по отношению к ориентации молекул другого. Ясно?

— Ясно. Для вящей прочности и непроницаемости.

— Совершенно верно. Перейдем к шлему. Видишь, он прикреплен к затылку, но его можно легко откинуть. Вот так.

Быков заглянул внутрь шлема. Так и есть! Блестящий, словно никелированный снаружи, колпак оказался совершенно прозрачным, если смотреть сквозь него изнутри.

— Что за чертовщина?

— Спектролит, особый вид пластмассы,— сказал Дауге.— Неплохо придумано, правда? Обеспечивает полный круговой обзор.— Он сел рядом с Быковым на пол и постучал пальцем по шлему.— Разумеется, здесь подошли бы и другие прозрачные вещества, но у спектролита есть несколько совершенно неоценимых преимуществ. Во-первых, он определенным образом поляризует свет, поэтому в темноте или в сумерках сквозь него можно смотреть на сильный источник света в упор и видеть все. Свет не ослепит тебя. Затем, спектролит пропускает только видимые лучи спектра. Ультрафиолет и тепловые лучи им либо поглощаются, либо отражаются полностью. Также и рентгеновские и гамма-лучи. В-третьих... в общем, великое дело свершил Краюхин.

— А это что? Ага... Мембрана.

— Это дуга с наушниками. Чрезвычайно чувствительная мембрана для радиоприема, а дуга служит амортизатором... на случай, если ты сверзишься откуда-нибудь вниз макушкой. Тут же и микрофон с передатчиком и питанием на полупроводниках.

— Ясно.

— Весь костюм звуконепроницаем. Для того чтобы можно было слышать звуки извне, здесь есть приспособление. Его можно отрегулировать в соответствии с плотностью окружающей атмосферы. Сейчас оно настроено на наше обычное атмосферное давление.

— Ясно.

— Превосходно! Теоретическая часть как будто закончена. Теперь надень-ка его, Алексей... Погоди, не так. Влезай в него ногами через вырез шеи. А теперь прикрепи шлем.

Несколько раз заставил он Быкова снимать и надевать спецкостюм, закреплять и снимать шлем, выполнять в спецкостюме всевозможные гимнастические упражнения. Наконец, когда Быков взмок и готов был заговорить почувствованными словами, Дауге сжалился:

— Хорошо, довольно с тебя. Раздевайся. Обрати внимание еще вот на что, Алексей. Здесь на поясе — гнезда

для термосов с какао, бульоном, освежающими напитками. От них в шлем будут поданы трубки. Кислородные приборы и поглотители углекислоты крепятся на спине. Вот они. Обрати внимание — терморегулятор: на случай холода можно включить отопление. Здесь — дозиметр. Да, и еще... Костюм оборудован великолепным устройством — кислородным фильтром. Если в самой ядовитой атмосфере есть хотя бы пять процентов кислорода, фильтр пропустит этот кислород в шлем. Никакие другие газы через фильтр не пройдут...

Быков выбрался из костюма и еще раз внимательно рассмотрел его.

— А излучения? Предохраняет он от излучений?

— Разумеется. В этом отношении силикет незаменим.

— Как «абсолютный отражатель» фотонного реактора?

Он вытер со лба пот и уселся рядом с Дауге. Тот сказал:

— «Абсолютный отражатель» тверд и хрупок. Как материал для комбинезона он не годен. Силикет достаточно надежен. Например, сегодня утром мы — Краюхин, Володя и я — час просидели в костюмах в «могильнике».

— Что ты говоришь!

— Серьезно. Температура около двухсот градусов, альфа-излучение, гамма-лучи и все такое прочее. И тем не менее великолепно держит. Жарковато, разумеется, немного...

Быков удивлялся, хлопал себя по коленкам. В дверь постучали. Вошел Краюхин. Быков придвинул ему кресло.

— Нет, садиться не буду, — сказал Краюхин. — Пора, так сказать, идти отдыхать. Как у вас со спецкостюмом, товарищ Быков? Освоились?

— Так точно.

— Вполне освоился, — подтвердил Дауге.

— Надо бы вас в нем потренировать, конечно, но некогда все, некогда...

Краюхин взялся было за ручку двери, но снова отпустил ее:

— Самое главное забыл. Завтра, товарищ Быков, отправляйтесь с утра к гаражу и возвращайтесь сюда на «Мальчике».

— Слушаюсь, — сипло проговорил Быков.

— Поедем на полигон. Покажете нам, на что способна эта машина.

— Слушаюсь.

— Покойной ночи...

Краюхин вышел. Быков вздохнул и тоже стал прощаться. У двери он задержал руку Иоганыча в своей и сказал тихо:

— Я... того... слышал, что письмо к тебе пришло. Нехорошее письмо.

Дауге молчал.

— Я это к тому, что... в общем, если я тебе буду нужен...

— Ладно... — Иоганыч усмехнулся невесело и подтолкнул Алексея Петровича к выходу. — Вот насели... утешители, черти бы вас побрали!..

— Ты не обижайся...

— Да нет, ничего. Ступай.

— Спокойной ночи.

— Еще ты дремлешь, друг прелестный? — пропел утром Дауге, стягивая с Быкова одеяло. — Пора, красавица, проснись!

— Не мешай! — буркнул Быков и повернулся к стене, сладко чмокая и поджимая колени к подбородку.

— Вечор — ты помнишь? — вьюга злилась... а сейчас уже семь часов и внизу тебя ждет машина.

— Не... что? Ах, дьявол!

Дауге едва успел посторониться. Быков прыгнул к стулу и схватился за одежду.

— Погоди, Алексей, а зарядка?

— Отставить! Как погода?

Дауге поднял штору:

— Изумительная! Ни облачка. Тебе везет, Алексей. Но тебе же и влетит от Ермакова!

— За что? — осведомился Быков, застегивая рубашку.

— За то, что уходишь без зарядки.

— Ничего, пусть влетит. Ну, я побегал.

— Завтрак?

— Потом, потом...

— Выпей хоть молока с хлебом, чудак! Ермаков снимет тебя с испытаний.

— А, черт...

В столовой Быков торопливо проглотил кружку молока, сунул в карман несколько черных сухарей и кинулся к выходу.

— Счастливого пути! — Дауге, сунув руки в карманы, посмотрел с крыльца вслед удалявшейся машине, зевнул и вернулся в дом.

К удивлению Быкова, появление огромного «Мальчика»

на улицах города не вызвало у жителей особого интереса. Прохожие довольно равнодушно оглядывались на транспортер, иногда останавливались, чтобы присмотреться внимательно,— и только. По-видимому, технические новинки не были здесь редкостью. Быков остановил «Мальчика» перед гостиницей и отправился доложить Краюхину. В коридоре он столкнулся с Ермаковым.

— Приехали? Очень хорошо...— Серые пристальные глаза командира внимательно оглядели инженера с головы до ног.— Нехорошо то, что вы нарушили режим.

— Я...

— С лучшими намерениями, понимаю. Но через полтора — два часа вам предстоит перенести очень большое напряжение, и сегодняшнее нарушение может дорого обойтись. Не только вам.

Он помолчал, затем добавил:

— Если бы не ваше удивительное здоровье, я бы настаивал на том, чтобы отложить испытательный пробег.

— Больше не повторится,— пробормотал Быков.

— Надеюсь. Режим межпланетника рассчитан лучшими врачами страны, и любой опытный человек может привести вам десяток примеров того, к каким печальным результатам приводили иногда малейшие нарушения режима. Будь вы пилотом, сегодняшний день был бы последним днем вашего участия в экспедиции. К счастью, вы не пилот. Примите десяток таблеток тонина. А теперь пойдемте, нас ждут.

Наверху, в кабинете Краюхина, собрался весь экипаж «Хиуса». Здесь находились и два незнакомых Быкову человека — председатель городского Совета и секретарь горкома партии. По тому, с какой почтительностью они обращались к Краюхину, было видно, что в городе авторитет у заместителя председателя ГКМПС громадный.

— Не будем терять времени, товарищи,— начал Краюхин, едва Быков успел поздороваться со всеми и присесть в углу.— Алексей Петрович, сегодня вы исполнитель главной роли. Извольте, так сказать, выйти к рампе. Прошу вас...

Быков подошел к столу и встал рядом с Краюхиным. Секретарь и председатель дружески улыбнулись ему, Дауге подмигнул. На столе лежала крупномасштабная карта.

— Испытания мы проведем в этом квадрате...— Палец Краюхина описал круг в северо-восточном углу карты.— Сколько отсюда до этого места?

Быков нагнулся:

— Километров пятьдесят.

— Правильно. Сколько потребуется «Мальчику»...

— Минут тридцать — сорок...

— Отлично. В указанном районе в настоящее время множество различных формаций искусственного происхождения, на карте они... гм... не отмечены. Ваша задача: отвезти всех нас на эту вот высотку, откуда мы будем наблюдать за пробегом, затем пересечь район точно с юга на север и снова вернуться к возвышенности вдоль вот этого ручья. Понятна задача?

— Понятна.

— Предупреждаю: на этом пути вам могут встретиться всяческие сюрпризы. За один, во всяком случае, ручаюсь... Люди туда посланы? — обратился он к председателю горисполкома.

Тот кивнул.

— Вообще испытание серьезное. С вами направляется товарищ Ермаков. Будьте осторожны. Смелость и осторожность! Без лишнего, так сказать, лихачества.

— Слушаюсь.

— У меня все. Вопросы есть?

— Никак нет.

— Спецкостюм ваш где?

— Сейчас возьму, Николай Захарович.

— Берите скорее и выходите. Мы пока будем рассаживаться.

Через четверть часа «Мальчик» выбрался за северную грядку холмов, и Быков впервые увидел ракетодром. Это была все та же однообразная, плоская, как стол, тундра с редкими щетинистыми холмиками. Только местами на равнине зияли круглые и звездообразные рыжие проплешины, на которых не росло ни травинки. Быков направил «Мальчика» на одно из этих пятен. На несколько секунд мягкое чавканье под гусеницами сменилось глухим, дробным рокотом, словно железный бак катился по булыжной мостовой.

— Здесь приземлялись корабли, — пояснил Дауге, занявший место за спиной Алексея.

— А это?

Слева потянулись ржавые рельсы, мелькнули остатки колючей проволоки, покосившийся столб с белым жестяным треугольником, на котором красовались знаки: «1 Р». За проволокой Быков успел заметить нечто вроде обширного котлована, наполненного бурой комковатой массой.

— Отсюда пять лет назад стартовал «Змей Горыныч»,— проговорил Дауге.— Видишь, место старта было обнесено изгородью, так как грунт спекся в радиоактивный шлак. «1 Р» означает «один рентген».

— Это-то я знаю,— буркнул Быков.

«Мальчик» бежал по тундре, обходя ледниковые валуны, стремительно проносясь через мелководные озера-болотца. Когда счетчик пройденного показал тридцать километров, Ермаков попросил водителя уступить ему место. Быков прошел в кабину. Все люки были открыты настежь. Председатель горисполкома спорил о чем-то с Крутиковым, секретарь горкома без видимого интереса прислушивался к их спору. Краюхин дремал, прислонившись к мягкой губчатой обивке. Юрковский и Спицын сидели снаружи, свесив ноги в люки. Быков заглянул в моторное отделение, послушал, посмотрел, затем присел рядом с Ермаковым.

Рев двигателя резко усилился. «Мальчик», слегка замедлив ход, взбирался по крутому склону.

— Приехали,— сказал Краюхин.

Машина в последний раз взревела, круто развернулась и стала. Все выбрались наружу. Быков вышел последним. Они находились на макушке высокого кургана, поросшего жесткой серой травкой. Странное зрелище представилось Алексею, когда он взглянул вниз. Равнина кончилась. Дальше на север до самого горизонта шло дикое нагромождение каменных глыб и вставших дыбом мощных пластов земли. Широкие воронки, окруженные изломанными валами, почти отвесная зубчатая красноватая стена, протянувшаяся поперек этого хаоса, неровные груды обломков гранита и снова воронки, стены, каменные насыпи...

— Ну вот,— раздался за его спиной голос Краюхина,— по-моему, этот участок будет, так сказать, достоин вашего искусства, Алексей Петрович, и превосходных качеств нашего «Мальчика». Как вы находите?

— Отлично! — Быков в упор поглядел прямо в черные стекла, скрывающие глаза Краюхина.— Мне это подойдет. Разрешите начинать?

— Здесь командует Ермаков. Прошу к нему.

«Эгим ты меня не запугаешь»,— подумал Быков и обратился к Ермакову, стоявшему на гусенице «Мальчика» с биноклем в руке.

— Разрешите начинать, Анатолий Борисович?

Ермаков кивнул и ловко спрыгнул на землю.

— Надевайте спецкостюм,— сказал он и, понизив голос, добавил: — Да не волнуйтесь, спокойнее...

Быков пожал плечами и разлаписто полез в машину. Дауге шагнул было к нему, но остановился и медленно отошел. Юрковский стоял в стороне, посвистывая, поглядывая то вниз, то в сторону транспортера. Краюхин сидел на корточках, оживленно переговариваясь с «отцами города» над картой, развернутой на земле. Михаил Антонович и Спицын молча возились у крошечного радиоаппарата.

— Включите микрофон и опустите шлем,— сказал Ермаков, усаживаясь рядом с Быковым.

Они помогли друг другу пристегнуться к сиденьям широкими ляжками, и Быков вопросительно взглянул на серебристый шлем командира, склонившегося над приборами.

— Пошли,— негромко прозвучало в наушниках.

Алексей опустил пальцы на пульт, и «Мальчик» сначала медленно, затем все быстрее и быстрее устремился вниз по склону. Внизу он вздыбился, перевалил через первую грудку щебня и нырнул в воронку. Пробег начался.

Быкову некогда было заниматься сравнениями, но где-то в глубине сознания всплыла фраза: «Как лягушка в футбольном мяче»,— и он бессознательно повторял ее шепотом. В квадратном отверстии люка мелькало то голубое небо, то черная, словно обугленная, земля, то замшелая макушка гранитного валуна. «Мальчика» бросало из стороны в сторону, гремели гусеницы, скользя по камням, но мотор гудел ровно и весело, без перебоев. «Этим меня не запугаешь»,— упрямо думал Быков. Транспортер с ревом ринулся в глубокий ров. На мгновение в люке мутно блеснула неподвижная коричневая поверхность, на колени водопадом хлынула вода.

— Вперед! — весело крикнул Быков.

На другой стороне рва «Мальчик» приостановился. В нескольких метрах впереди возвышалась почти отвесная стена красноватой глины. «Метров пятнадцать — двадцать,— мельком подумал Алексей.— Попробуем». Краем глаза он заметил, что Ермаков ухватился руками за сиденье. «Как лягушка в футбольном мяче...»

С вершины холма транспортер казался маленьким серым жучком, пробирающимся по вспаханному полю. Вот серый жучок полез на стену. Каким-то непонятным образом ему удалось проползти несколько метров. Затем он дрогнул, сорвался и в тучах красной пыли опрокинулся на спину.

— О черт,— пробормотал секретарь горкома,— шел бы в объезд!

Дауге нервно сплюнул.

— В объезд нельзя,— спокойно сказал Краюхин.— Не по правилам. Внимание!

Что-то случилось там, под красноватой стеной. Жук зашевелился. Из его туловища вдруг вытянулись в стороны коленчатые блестящие ноги, медленно согнулись и снова перевернули его спиной вверх. Мгновение, другое... Упираясь тремя стальными стержнями в подножие стены и осторожно нащупывая опору четвертым, «Мальчик» подтянулся до вершины, вцепился в нее гусеницами и двинулся дальше, на ходу убирая внутрь себя опорные рычаги.

— Молодец! Вот молодчина! — возбужденно проговорил Юрковский.— Настоящий мастер!

— Может, все же возьмем вместо него лишнего пилота? — заметил Краюхин, поднимая к глазам бинокль.

Быков ликовал. Все шло как нельзя лучше. «Мальчик» брал препятствие за препятствием. Крошились под гусеницами камни, расплескивалась жидкая грязь из глубоких круглых ям, с пушечным гулом валились сбитые валуны. Несколько раз Ермаков, следивший за маршрутом по карте и компасу, указывал направление — без этого Быков непременно сбился бы, хотя старался вести машину точно по прямой.

— Сколько прошли, Анатолий Борисович?

— Осталось километра полтора...

И в этот момент совершенно неожиданно и бесшумно впереди встали столбы малинового пламени. Быков отшатнулся и остановил машину.

— Вот они, краюхинские сюрпризы,— пробормотал он.

Огонь быстро распространялся. Казалось, горели камни. Черные струи дыма, мешаясь с кровавыми языками, то стлались по земле, то взлетали высоко вверх. Сухой горячий ветер поднял тучи пыли.

— Сгущенный бензин! — встревоженно сказал Быков.— Напалм! Вот придумано...

Ермаков молчал. Быков усмехнулся, опустил на люки спектролитовые щетки и тронул клавиши. «Мальчик» на полном ходу нырнул в огненную бурю.

Когда горизонт заволочла мутная темно-малиновая пелена, секретарь горкома кашлянул, председатель горисполкома подошел ближе к радиоаппарату, а Краюхин сказал невозмутимо:

— Я приказал зажечь там несколько десятков бочек бензина. Каких-нибудь семьсот — девятьсот градусов в течение нескольких минут. Пустяки. «Мальчик» должен выдержать отлично, так. А вот выдержат ли нервы...

«Мальчик» выдержал, выдержали и нервы. В облаках жирной копоти транспортер скатился в речушку, отмечавшую конец маршрута, и остановился. Торопливые волны набегали на почерневшие, отливающие лиловым блеском бока машины, окутанной паром. Слышалось шипение. Постепенно панцирь остывал. Быков потряс за плечо Ермакова, беспомощно повисшего на лямках. Но Ермаков был в сознании.

— Прости... — слабым голосом пробормотал он. — Хорошо прошли, — повторил Ермаков. — Я рад за вас... и за себя.

Быков смущенно хмыкнул.

Весь обратный путь по равнине вдоль ручья они молчали. И, только сворачивая к кургану, на вершине которого несколько фигурок размахивали руками, приветствуя их, инженер сказал:

— Одно мне непонятно, Анатолий Борисович. Откуда здесь, в тундре, такие разрушения?

Ермаков долго не отвечал, отстегивая пряжки лямок. Затем неохотно проговорил:

— Над этим районом взорвалась ракета... фотонная ракета, только и всего.

— Я так и думал, что здесь был взрыв...

Это было все, что мог сказать изумленный и потрясенный Быков.

В конце позднего обеда (с рюмочкой коньяку по случаю удачно проведенного пробега) Краюхин попросил внимания и объявил:

— Ермаков и Быков на неделю переводятся на санаторный режим. Никакой работы. Приключенческие романы, прогулки и сон. Остальным готовиться к приему «Хиуса». Получено сообщение, что машина стартовала от «Циолковского» и будет у нас через пять-шесть дней.

«Хиус» возвращается

Быкову приснилось, что Ермаков поставил «Мальчика» в ангар. Транспортер был раскален докрасна, и ангар пылал холодным багровым пламенем. Быков сорвал со стены огнетушитель, но Ермаков рассмеялся, потряс его за плечо и закричал в самое ухо, почему-то обращаясь на «ты»:

— Проснись, Алексей! Проснись, говорят тебе!

Тут Быков заметил, что на Ермакове блестящий хлорвиниловый плащ и что это вообще не Ермаков, а Дауге. Быков сел на кровати и протер глаза:

— В чем дело?

— «Хиус» на подходе. Пойдем встречать, Алексей.

Часы показывали около двух ночи. Небо было плотно забито тяжелыми черно-серыми тучами, только на севере тускло светились мутные розоватые полосы. Лил дождь.

— Кто еще встречает?

— Все наши. И в придачу — половина города.

Быков подошел к окну. По улице торопливо шли и бежали люди; позвякивая, солидно прополз трактор, таща за собой странного вида громоздкое сооружение на огромных колесах. Его обогнало несколько автомобилей. Внизу хлопнула дверь, кто-то сердито крикнул:

— Почему до сих пор не вызвали?

Ермаков и остальные межпланетники уже ждали в вестибюле. У выхода стоял Краюхин, возвышаясь над группой инженеров в плащах и мокрых кожаных куртках. Сухим, жестким голосом, словно вбивая гвозди, он говорил:

— Город существует для того, чтобы снаряжать, принимать и отправлять корабли. Вы об этом забыли. Думаю, придется освежить вашу память. Но это потом. Сейчас — немедленно разыскать все машины — раз. Отправить людей на станцию — два. — Он повернулся к коренастому бородачу. — За станцию вы мне головой ответите!

— Постараемся справиться, — прогудел бородачу.

— Все средства дезактивации и противопожарной безопасности...

— В порядке, Николай Захарович, все в готовности номер один.

— Хорошо. Я буду где-нибудь в капонирах или там поблизости. Да... — Краюхин ткнул пальцем в грудь молодого человека в хлорвиниловом капюшоне. — О всех радиограммах с корабля немедленно докладывай.

— Слушаюсь, Николай Захарович.

— Можете идти... А вы, Зайченко, — теперь он говорил небрежно и как будто нехотя, — отправляйтесь под арест. И, если произойдет несчастье, пойдете под суд, так.

Тот, кого звали Зайченко, прижал руки к груди:

— Николай Захарович!

— Я сказал!..

— Да позвольте мне хоть сейчас на станцию, хоть на часок! — умоляюще проговорил Зайченко. — Ну, я виноват... ну, суд... Но сейчас-то никто лучше меня не справится.

Краюхин подумал.

— Так. Хорошо... Поезжайте на станцию. Под арест пойдете после прибытия корабля.

— Есть!

— Все? — Он оглянулся на межпланетников. — Пошли, товарищи.

На улице было мокро и зябко. Машина нетерпеливо пофыркивала у подъезда. Межпланетники расселись, и она помчалась в обгон длинной вереницы полугусеничных грузовиков с кузовами, обтянутыми брезентом. Быков спросил вполголоса:

— Что случилось? Что это за станция, о которой говорил Краюхин?

— Радиомаяк точного наведения... — Дауге покосился на спину Краюхина. — Когда межпланетный корабль подлетает к Земле, пилот ориентируется на три основных, базовых маяка. Один из них здесь, в городе, два других расположены по углам полигона на океанском берегу. Но это довольно грубые ориентиры, и корабль может сесть либо на город, либо в океан, либо еще где-нибудь в стороне. Так вот, для точного наведения корабля на место посадки применяется этот самый радиомаяк. Зайченко — его начальник.

— Что же произошло?

— Вчера вечером во время пробного запуска там сгорел какой-то важный агрегат — не то трансформатор, не то еще что-то в этом роде. Выяснилось, что резервное оборудование не получено станцией, затерялось где-то на скалах. Крупный скандал! В самый ответственный момент станция не работает. Остается надеяться только на искусство Ляхова.

— Кто это?

— Пилот «Жиуса».

— А если...

— В лучшем случае сядет в тундре, километров за двести отсюда. Это не беда. С таким расчетом полигон и строился. Может сесть в море. Но если он повиснет над городом...

— Не повиснет! — уверенно сказал Крутиков. — Не пугай, Григорий Иоганнович. Ляхов не новичок — увидит, что сигналов точной наводки нет, и станет забирать к северу. А вообще-то скандал, конечно...

— Сегодня всю ночь на станции работали, старались исправить. Может быть, еще исправят? — Дауге снова поглядел в спину Краюхина.

— Для Ляхова это не имеет значения, — сказал вдруг Богдан Спицын. — Ляхов посадит корабль точно в центр полигона на одних базовых маяках.

— Будто? — прищурился Крутиков.

— Ляхов сядет точно в центре полигона, — повторил Спицын и сжал губы, показывая, что дальнейший спор на эту тему считает излишним.

Юрковский, кашлянув, сказал:

— Зайчика жалко. По-настоящему, наказать нужно бы не его, а кое-кого повыше.

— Все получают! — проворчал Краюхин, не обращившись. — Никого не обделим. Но Зайченко получит первым.

— Начальник полигона...

— Я сказал, — Краюхин наконец повернулся и посмотрел на Юрковского, — получают все... в части и пропорции, их касающейся, так. Но вы, должно быть, забыли, Владимир Сергеевич, что Зайченко был на доверии.

Это, по-видимому, был веский аргумент, потому что Юрковский и не пытался возражать. Больше никто не произнес ни слова.

Машина свернула и промчалась по обширному бетонированному полю у стартовых установок. Справа потянулись прилепившиеся к подножию холмов низкие широкие сооружения без передних стен, над ними торчали сетчатые мачты высоковольтной линии, уходящей за холмы, и какие-то серые куполообразные башни.

— Укрытия, — пробормотал Спицын.

— А мы куда едем, Богдан?

— К капонирам. Будем наблюдать за посадкой «Хиуса».

Они выехали на узкое прямое шоссе. Дождь усилился, стекла заливали потоки воды, белесые пузырьки прыгали по асфальту. Машина резко затормозила. Подошел человек в плаще с капюшоном, нагнулся, вглядываясь; узнал Краюхина и махнул рукой. Краюхин приоткрыл дверцу:

— Радисты давно проехали?

— Полчаса, не меньше, Николай Захарович.

— Смотрите, никого не пропускать!

Через четверть часа впереди показались врытые в землю стальные купола, похожие на наблюдательные колпаки старинных дотов.

— Капониры, — прокомментировал Спицын.

Давным-давно, лет тридцать назад, эта равнина служила полигоном для испытания космических ракет. Наблюдатели помещались в окопах и блиндажах. Иногда громадные, величиной с высотный дом, ракеты вследствие каких-то неточностей в системе управления, вместо того чтобы лететь в небо, падали набок и принимались, изрыгая огонь, прыгать и ползать по равнине. Сначала обходилось без жертв, но однажды многотонная махина обрушилась прямо на окоп. Пришлось возвести капониры — подземные сооружения из железобетона с выведенными на поверхность наблюдательными колпаками, которые обеспечивали круговой обзор. Капониры были надежными, рассчитанными на прямое попадание ракеты, и наблюдатели могли чувствовать себя в них в полной безопасности.

Шофер повернул машину, ввел ее в глубокую бетонированную траншею с тяжелым перекрытием и остановил.

— Пошли, — сказал Краюхин.

Пройдя коротким коридором со светящимися стенами, межпланетники очутились в полутемном помещении с низким сводчатым потолком. Быков с интересом огляделся. Справа и слева несколько ступенек вели на круглые площадки, прикрытые сверху стальными куполами. На площадках стояли треноги с мощными сорокакратными перископами. Перед их объективами в стальных куполах зияли прямоугольные бойницы, в которые заглядывало серое морозящее небо. Трое юношей в кожаных куртках колдовали у радиоустановки. Когда Краюхин вошел, один из них шагнул к нему и отрапортовал, что связь с маяками и локационными станциями налажена.

— Спросите, есть ли что с борта «Хиуса», — приказал Краюхин.

Спицын поднялся на одну из площадок и подошел к бойнице. Остальные расселись по табуретам вдоль стен. Репродуктор захрипел и каркнул:

— «Хиус» пока молчит, Николай Захарович...

Краюхин, сунув руки в карманы плаща, принялся расхаживать по комнате. Он остановился и начал внимательно рассматривать на стене древний выцветший плакат «Рост удельного веса ядерной энергетики в общем энергетическом балансе нашей страны с 1960 по 1980 год» и снова возобновил свое хождение. Радисты сочувственно поглядывали на него. Юрковский шепнул Дауге:

— Нервничает старик...

Снова зарычал репродуктор:

— Внимание, внимание! Николай Захарович!

— Да, слушаю, — нетерпеливо отозвался Краюхин.

— «Хиус» над полигоном. Даю его координаты с поправкой на ваше местоположение. Геодезический азимут восемь градусов и... сорок... сорок четыре минуты... Высота шестьдесят градусов. («Он сядет в центре полигона», — прошептал Спицын.) Опускается со скоростью двадцать сантиметров в секунду...

— На фотореакторе?

— Пока на фотореакторе.

— Передайте приказание: на высоте шестьдесят километров выключить фотореактор и перейти на водородные ракеты.

— Слушаюсь... — Последовала пауза, затем репродуктор рывкнул: — Исполнено. Николай Захарович, «Хиус» просит прислать санитарную машину и врача...

Все встревоженно повернулись к репродуктору.

— ...У них на борту больной инженер с чешского спутника, Дивишек. Ему очень плохо.

— Распорядитесь насчет санитарной машины, и пусть приготовят самолет на Москву. Мой самолет. Что с инженером?

— Лучевая болезнь...

Краюхин вполголоса выругался.

— Да, вот что... Передайте Ляхову, чтобы был осторожен. Напомните, что станция точного наведения не работает.

— Уже передано.

— А он что? — спросил Спицын.

— Смеется...

Репродуктор замолк. Краюхин достал из нагрудного кармана черные очки-консервы, надел их и бросил:

— Пошли к перископам.

В окулярах виднелось серое небо, серая тундра, серый колпак соседнего наблюдательного пункта. Дождь прекратился, сырой тепловатый ветерок рябил воду в лужах, из которых торчали низкорослые кустарники и острые травинки. Быков посмотрел на часы. Было около пяти.

Все молчали. Минуты тянулись медленно.

— Свет! — вскрикнул Крутиков.

Небо осветилось дрожащим фиолетовым заревом. И сразу же исчезло кажущееся серое однообразие неба и тундры. Стал отчетливо виден тонкий муаровый рисунок каждой тучи. По земле пробежали прихотливо изогнутые ослепительно белые прожилки. Свет усиливался. Над тундрой заиграла странная перевернутая радуга. Белые и лиловые блики запрыгали в лужах. И, постепенно нарастая, в уши вонзился тонкий высокий вой. У Быкова заныли

зубы, он зажал уши и затряс головой. Свет становился все ярче, звук поднялся до нестерпимой высоты и стал едва слышен.

— Ляхов докладывает, что через две минуты выключает фотореактор, — донесся низкий бас из репродуктора.

— Давно пора, — буркнул Краюхин.

Свет погас, и, как по волшебству, мгновенно исчезли радуга и веселые зайчики в лужах. На тундру упали сумерки. Но через минуту глаза снова освоились с ее серым однообразием. И тогда небо заполнил низкий злоедающий рев. Задрожали стены, жалобно задребезжала стальная заслонка бойницы. Казалось, неисчислимые косяки реактивных самолетов один за другим проносятся над головой.

— Вот он! — крикнул Крутиков. — Глядите!

Под тучами блеснули красноватые искры. Округлое темное пятно появилось в вышине и, брызгаясь огнем, стало медленно опускаться. Оно росло на глазах. Тяжелый грохот потряс воздух, и пять огненных струй, тонких и прямых, как мачты, сорвались с краев пятна и ударили в землю. Взметнулись облака пара, полетели комья грязи. Грузное черное тело повисло в воздухе, слегка покачиваясь на подпирающих его пяти столбах оранжевого пламени. Затем еще медленнее, чем прежде, оно погрузилось в вихри пара и скрылось из глаз. Земля мягко дрогнула, рев стих. Никто не произнес ни слова, каждый словно прислушивался к звону в ушах. Там, где опустился планетолет, теперь колыхалось, клубилось тяжелое облако грязно-белого пара...

— Посадка чистоты необыкновенной! — задыхаясь, проговорил Спицын.

— Так, — согласился Краюхин. — Мастерская посадка. Едем, а то вы все лопнете от нетерпения.

«Хиус» сел значительно дальше от наблюдательного пункта, чем это вначале показалось Быкову. Шофер вел машину на предельной скорости, какую позволяла развивать кочковатая равнина. И все же прошло не менее пятнадцати минут, прежде чем шины зашелестели по горячей, спекшейся и все еще слабо дымившейся земле. исполинский купол «Хиуса» заслонил полнеба.

— Смотрите-ка, — ликующе сказал Спицын, — сел-то как — нижним люком к городу! Молодчина!

Все выскочили из машины и задрали головы. Быков с изумлением и недоверием смотрел на это чудовище, рожденное волей человека в черной пустоте на верфях «Вэй-

дады Ю-и». Ничего подобного по масштабам и по форме ему еще не приходилось видеть. Правда, на первый взгляд «Хиус», пожалуй, имел некоторое сходство с черепахой, как и его модель в московском кабинете Краюхина. Но вблизи такое сравнение просто не могло прийти в голову. Больше всего планетолет походил, кажется, на громоздкую беседку-павильон о пяти толстых косых колоннах. Каждая из колонн, величиной с водонапорную башню, поддерживала крышу-корпус, имеющий форму выпукло-вогнутой линзы. Нижняя вогнутая поверхность корпуса была зеркальной, и, зайдя под нее, Быков увидел над головой свое донельзя искаженное и увеличенное отражение.

Зеркало... Тончайший слой волшебного вещества, которое в природе, вероятно, существует только в недрах самых плотных звезд, невероятными ухищрениями нанесенный на полированный металл. Быкову показалось, что он ощущает на своем лице слабый, едва заметный ток тепла. Но он знал, что зеркало остается холодным даже во время работы фотореактора. Вот из этой черной дыры в центре вогнутой поверхности на высоте десяти — пятнадцати метров брызжет струя раскаленной плазмы, и там, где он, Быков, стоит сейчас, начинается сумасшедшая реакция синтеза голых ядер. Быков нервно передрнул плечами и поспешно вышел под открытое небо. Может быть, впервые в жизни он по-настоящему понял, какие огромные силы подчинил и поставил себе на службу человек.

Что-то застрекотало наверху, и Быков увидел большой вертолет с красными крестами на боках, проплывающий над «Хиусом».

— Оперативность прежде всего, — пробормотал Юрковский. — Но почему они не выходят?

Как бы в ответ на его слова, неожиданно между двумя реакторными кольцами — так назывались башни-колонны — у кромки корпуса открылся круглый люк, и в нем появилось бледное, улыбающееся лицо.

— Вася! Ляхов! — заорал Спицын, подпрыгивая и размахивая руками.

— Здравствуй, Богдан! Здравствуйте, Николай Захарович! Привет, товарищи!

— Да вылезайте вы, бродяги межпланетные! — сипло рявкнул Краюхин. — Что вы там возитесь, Ляхов?

— Сию минуту. Санитарная машина есть?

— Вот она. — Спицын махнул рукой в сторону приземлившегося вертолета, от которого бежало к ним несколько человек в белых халатах.

Из люка с металлическим лязгом выпала гибкая лестница.

— Принимайте больного! — крикнул Ляхов.

На четырех прозрачных тонких шпагатах осторожно спустили в гамаке человека, закутанного в простыни. Быков принял его на руки и с помощью санитаров уложил на носилки. С удивлением и жалостью он увидел, что по лицу больного текут слезы.

— Земье, — прошептал больной. — Земье, модре небо... синее...

— Да-да, товарищ Дивишек, Земля! — Краухин наклонился над ним. — Теперь все будет хорошо. Через несколько часов будете в Москве, подлечитесь, а там домой, на отдых.

— Декую, соудругу...

— Передайте распоряжение, — обратился Краухин к врачу, — чтобы больного немедленно — то есть после оказания ему помощи нашими средствами — отправили на моем самолете.

— Слушаюсь, Николай Захарович.

Тем временем Ляхов и его двое спутников тоже сошли на землю. Наскоро поздоровавшись с товарищами, они подошли к носилкам.

— До свидания, Ян! — сказал Ляхов. — Поправляйся — и снова за работу, дружище!

Худошавая круглолицая женщина в просторном комбинезоне ласково погладила чеха по щеке:

— Выздоровливайте скорее, товарищ Дивишек. Привет вашей семье.

— Декую, соудругу... Спасибо, спасибо, — бормотал Дивишек, пожимая их руки худыми пальцами. — Очень много спасибо!

Все молча проводили глазами улетающий вертолет, Ляхов взглянул на просветлевшее небо, на неясные очертания далеких холмов и слабо улыбнулся.

— Вот и снова на Земле, — сказал он. — Снова дома... Но какая машина, друзья мои! Какая машина!

— Погодите, товарищи... — Спицын схватил Ляхова за плечо и подвел его к круглолицей женщине. — Чокан, встань слева от Веры, пожалуйста...

Третий член экипажа, высокий молчаливый казах, нахмурился:

— Опять снимать будешь?

— Да-да...

Спицын попятился, не спуская с них глаз, достал из

кармана миниатюрный киноаппарат и, присев на корточки, заснял несколько метров.

— Довольно! — сердито сказал Краюхин. — Немедленно в машину — в город и отдыхать! Без разговоров! Разговаривать будем вечером.

— Одну минуту, Николай Захарович... — Ляхов повернулся к Быкову: — Если не ошибаюсь, вы новый член экипажа?

— Да, познакомьтесь, — спохватился Краюхин, — Быков Алексей Петрович. Химик, инженер-ядерник, водитель. Василий Семенович Ляхов — пилот... Верочка, идите сюда. Вера Николаевна Василевская — штурман. Чокан Кунанбаев — бортиинженер.

Быков и ляховцы обменялись рукопожатиями.

— Так, — сказал Краюхин. — А теперь — в город!

— Вечером увидимся, — ласково кивнул Быкову Ляхов.

— Мы с вами, Анатолий Борисович, останемся на часок здесь, — обратился Краюхин к Ермакову. — Осмотрим «Хиус». Вы тоже, Быков. Кстати, поговорим с начальником группы обслуживания. Вон он катит... Остальные свободны.

По полю к «Хиусу» ползла вереница машин — полугусеничные грузовики, тракторы, подъемные краны на колесах.

— Скажите им, пусть обратят внимание на третий реактор, — сказал Чокан. — Особое внимание! Что-то релейная система барахлит... Да ладно, завтра сам скажу.

Они уехали, и Быков с бьющимся от волнения сердцем полез вслед за Краюхиным и Ермаковым по гибкой, но прочной лестнице. В кубической камере, куда открывался люк, Краюхин сказал:

— Здесь тамбур — кессон — для выхода в безвоздушное пространство или в среду с ядовитой атмосферой. Тесновато, так?

— Да нет... ничего как будто, — нерешительно пробормотал Быков.

— Тесно, тесно! — брюзгливо проворчал Краюхин. — Многого не рассчитали, когда проектировали. Вот начнем разгружаться и грузиться — увидите. Придется пропустить десятки и сотни тонн груза через три таких вот игольных ушка. — Он ткнул пальцем в сторону люка. — В самом корабле и того хуже, так. Переходы узкие, перегорожены переборками с комингсами.

— С точки зрения герметичности и безопасности от

метеоритов это дает большие преимущества,— заметил Ермаков.

Они прошли камеру и стали подниматься по гофрированным ступенькам ярко освещенного коридора.

— Термоядерная ракета — дело, так сказать, новое,— говорил Краухин.— Многих ее возможностей и преимуществ не учли, проектировали по старинке, как обычные ракеты. Рутину, ничего не поделаешь... А вот здесь начинается новое...

Краухин толкнул тяжелую стальную дверь, и они оказались в обширном помещении, заполненном незнакомыми Быкову приборами и распределительными щитами.

— Здесь рубка,— сказал Краухин.— А там,— он указал на стену напротив входа,— за титановым кожухом находится сердце «Хиуса» — фотореактор. Специальное устройство создает поток плазмы, поток голых тритонов, ядер сверхтяжелого водорода, который крошечными порциями, по несколько тысяч порций в секунду, выбрасывается вниз. Мощное электромагнитное поле, образуемое пятью соленоидами над реакторными кольцами, резко тормозит комочек плазмы, в результате чего в нем начинается термоядерная реакция. Точка торможения находится в фокусе параболического зеркала — нижней поверхности корпуса «Хиуса». Плотный поток электромагнитных колебаний, нейтронов, ядер гелия и непрореагировавших тритонов бьет в зеркало и создает огромную силу тяги... Конечно,— добавил Краухин, помолчав,— не будь слоя «абсолютного отражателя», корпус корабля мгновенно, так сказать, прогорел бы насквозь. Первый «Хиус» сгорел потому, что где-то был нарушен этот защитный слой.

— Это неизвестно,— сухо бросил Ермаков.

Он ходил по рубке, заглядывал в приборы и что-то записывал в записную книжку.

Краухин пожевал губами, помолчал.

— Фотонная ракета — новое дело,— сказал он.— Огромное дело. Будущее человечества...— Он снял очки, стал протирать стекла, глядя на Быкова круглыми глазами.— «Благосклонная природа, вероятно, знает, почему она не хочет, чтобы мы превратили наш земной мир в скромный рай и на этом успокоились, и почему она заставляет нас завоевывать новые миры,— те последние и крайние миры, ключом к которым должны стать фотонные ракеты». Это сказал более полувека назад один весьма умный немец; тогда фотонные ракеты казались отдаленной мечтой. А теперь этот ключ к последним и крайним мирам у нас в руках. Но мы еще не научились им пользоваться

по-настоящему. Много, еще очень много несовершенного, непонятного. И много рутины. Вот хотя бы эти атомные ракеты на «Хиусе». При фотонном приводе они — как кляча, запряженная в новейший атомocar.

— Но ведь иначе «Хиус» не мог бы стартовать с Земли, — вставил Быков робко.

Краюхин снова водрузил очки на нос.

— В ближайшем будущем мы, вероятно, вообще откажемся от стартов с Земли. «Хиусы» будут стартовать с искусственных спутников.

— Понятно, — сказал Быков. — Но пока-то «Хиус» берет запас обычного для ракет топлива?

— Очень немного. Едва пятую часть полетного веса. Только для того, чтобы оторваться от Земли, выйти из плотных слоев атмосферы, легко поддающихся радиоактивному заражению. А затем включается фотонный двигатель. «Хиус» не знает неудобств, связанных с невесомостью. Он движется с постоянным ускорением в десять метров в секунду за секунду, таким же, что и ускорение силы тяжести на поверхности Земли. Таким образом экипаж «Хиуса» избавлен от невесомости и всех ее неприятных последствий. «Хиус» — по крайней мере, в межпланетных перелетах — не знает долгих и тоскливых рейсов по инерции, продолжающихся годы. Он развивает гигантские скорости и расстояния до планет покрывает за дни и недели. «Хиус» — это и есть ключ «к последним и крайним мирам».

— «Хиус» — ключ к большим планетам, — странным, сдавленным голосом проговорил Ермаков.

Он стоял, склонившись над каким-то прибором, и Быков не видел его лица.

Краюхин сжал губы.

— Пойдемте, товарищ Быков, — хмуро сказал он. — Я покажу вам остальные помещения.

Они обошли весь корабль, заглянули в жилые каюты, в кают-компанию, в камеры-хранилища. Все было предельно просто, почти голо. В жилых каютах — голые мягкие стены, выдвигаемые койки с широкими эластичными ремнями, стенные шкафы, низкие и мягкие кресла, наглухо принаитованные к пружинящему полу. В кают-компании — большой круглый стол, мягкие кресла, в мягких стенах — буфет, книгохранилище. На столе лежал забытый, видимо, листок бумаги с неровными строчками вычислений. Краюхин забрал его. («Чокан, — сказал он с усмешкой. — Математик...»)

Когда они вернулись к люку, «Хиус» был окружен машинами и людьми. Ермаков что-то говорил начальнику группы обслуживания, тот кивал, переспрашивал и на ходу раздавал приказания толпившимся возле него рабочим — молодым ребятам, вероятно, только что со студенческой скамьи.

— Едем домой, — сказал Краухин. — Если завтра закончат перезарядку реакторов, послезавтра начнем погрузку.

— Да! — вспомнил вдруг Быков, усаживаясь в автомобиль. — Я совершенно забыл. А «Мальчик»? Куда его погрузят?

— Наверх, — ответил Краухин. — «Мальчик» пропутешествует через пространство верхом на «Хиусе». Так...

— Мгм... — начал было Быков, но осекся и больше спрашивать не стал.

«Как аргонавты в старину...»

Отчет Ляхова был заслушан на следующий день. В просторном кабинете начальника Седьмого полигона едва разместились, кроме межпланетников, человек тридцать работников ракетодрома, инженеров с верфей «Вэйдады Ю-и», представителей научно-исследовательских и проектных учреждений, связанных с Комитетом межпланетных сообщений. Ляхов, бледный и улыбающийся, говорил быстро, четко, постукивая для убедительности карандашом по кожаной папке с дневниками и заметками.

В соответствии с планом испытательного перелета «Хиус» через двадцать часов после старта принял неподвижное по отношению к Солнцу положение и затем, с постоянным ускорением в 9,7 метра в секунду за секунду, устремился к точке встречи с Венерой в обход Солнца. Пройдя точно половину расстояния и достигнув скорости четыре тысячи километров в секунду (оживление среди слушателей), Ляхов повернул планетолет зеркалом к точке встречи и начал торможение. Через восемь с половиной суток «Хиус» вышел на орбиту «Циолковского» — одного из советских искусственных спутников Венеры, а еще через несколько часов причалил к нему. Далее, следуя программе испытаний, Ляхов около месяца маневрировал вокруг Венеры, проверяя работу фотореактора на всех режимах, посетил искусственные спутники, принадлежащие другим государствам, совершил посадку на Вениту — естественный спутник Венеры — и наконец отправился в

обратный путь, приняв на борт больного инженера с чешской станции.

Ляхов рассказал о режимах работы фотореактора, о результатах применения эффекта Допплера для определения собственных скоростей фотонной ракеты, высказал соображения относительно противометеоритного устройства («К сожа... э-э... к счастью, вернее... нам не пришлось испытать его в действии»), сообщил новые оценки распределения плотностей космической пыли в промежутке между орбитами Земли и Венеры («Эти данные, товарищи, по моему глубокому убеждению, позволяют надеяться на осуществление прямоточного фотонного двигателя, по крайней мере, в таких рейсах, как только будет решена проблема фотонного привода на аннигиляции»). Особое внимание Ляхов уделил некоторым непонятным феноменам, имевшим место во время рейса. Наблюдались беспричинные перерывы радио- и телевизионной связи, вспышки ультрачастотной вибрации корпуса планетолета, небольшие нарушения тормозного магнитного поля в фокусе зеркала. Все это происходило непосредственно перед торможением, то есть в период максимальных скоростей. Ляхов выражал уверенность, что дело здесь именно в колоссальных скоростях планетолета, — скоростях, требующих уже перехода на релятивистскую механику.

Но в целом «Хиус» оправдал все надежды. После пробного рейса стало очевидно, что «вопреки мнению перестраховщиков и тупиц, оскверняющих самим фактом своего бытия идею межпланетных сообщений», будущее, притом ближайшее будущее, принадлежит фотонным ракетам. (Аплодисменты, одобрителные возгласы.) Даже в таком примитивном и прямолинейном виде сочетание фотореактора с «абсолютным отражателем» является огромным шагом вперед в технике космогации.

Мелкие конструктивные недостатки «Хиуса» с лихвой покрывались его неоспоримыми достоинствами и преимуществами: практически неограниченным запасом хода, способностью совершать старты и посадки, не стесняясь в расходе энергии, и без перегрузок, опасных для жизни и здоровья экипажа, независимостью от промежуточных баз и множеством других, менее значительных.

— ...И я, товарищи, грешным делом, — сказал Ляхов, — даже подумал: «А не попытаться ли заодно уж произвести высадку на Венеру?» (Смех, шум в зале. Краюхин сердито хмурится. Юрковский показывает Ляхову кулак.) А что? Никто бы и не узнал... Но достаточно было

взглянуть на эту милую планету вблизи, чтобы вспомнить, что такое дисциплина. Нет, правда, дисциплина — прекрасная вещь. Я никогда прежде не летал к планетам с атмосферами, и, должен сказать, с непривычки это действует... Вид у нее неважный.

После Ляхова выступила штурман Вера Николаевна, очень хорошенькая, в синем платье, с розовым от смущения круглым лицом. Она привела несколько оптимальных вариантов выхода фотонного планетолета на «прямую траекторию». Выяснилось, что электронная курсовычислительная машина, установленная на «Хиусе», не вполне отвечает требованиям новой, «прямой» космогации. Штурману и оператору приходится непрерывно вводить поправки на возмущение со стороны Солнца, чего, например, не требовали перелеты по орбитальным траекториям. Веру Николаевну перебил пышноволосый усатый юноша, представитель Института счетно-решающих устройств, и принялся объяснять Краюхину, что подготовлено для решения этой проблемы в их институте. Он говорил горячо и непонятно; в него неожиданно вцепились Крутиков и один из инженеров; они яростно заспорили. Их никто не перебивал, и Быков уже подумал было, что счетно-решающие устройства являются сейчас наиболее важной частью оборудования фотонных ракет, но через минуту с изумлением увидел, что чинного и торжественного совещания как не бывало.

Группа работников ракетодрома обступила Чокана Кунанбаева, и тот неторопливо объяснял что-то, вода карандашом по развернутым листам ватмана. Краюхин и Ермаков собрали вокруг себя ракетостроителей «Вэйдады Ю-и», листали и показывали им дневники перелета. Ракетостроители кивали и писали в блокнотах и записных книжках. Ляхов, Богдан Спицын и Юрковский молча слушали начальника Седьмого полигона. Юрковский, иронически усмехнувшись, сказал что-то, все заулыбались: Ляхов и Спицын — весело, начальник — смущенно. В кабинете стоял ровный шум голосов и шелест бумаги.

Быков досмотрел, как изничтожают усатого представителя, и повернулся к Дауге. Тот предложил:

— Пойдем, Алексей, домой. Доспорят без нас. Надо разобраться в новых данных о Венере. Прислал Махов, начальник «Циолковского».

Вечером межпланетники собрались в читальном зале гостиницы.

Вера Николаевна, блестя глазами, говорила:

— Оторваться от Земли и оказаться в пространстве — это еще не значит завоевать пространство. Первые воздушные шары не сделали человека хозяином воздушного океана. Это сделал только самолет. Не так ли? Хозяином пространства сделает нас только «Хиус», независимый от сил тяготения, освобожденный от рабского подчинения этим силам...

Богдан Спицын влюбленно смотрел на нее, а Ляхов пробормотал, растерянно улыбаясь, словно эта мысль только что пришла ему на ум:

— Подумать только, ведь мы были первыми в таком деле!

Юрковский усмехнулся:

— Но все-таки дома, на Земле, лучше, не так ли, Вася?

— Разумеется, лучше.

— «Разумеется...» Ах, Василий, Василий, нет в тебе ни капли поэзии! Совершил такой полет!.. Нет, ты действительно недостоин чести.

Ляхов нахмурился.

— Я, знаешь ли, не спортсмен, — сердито сказал он, — я работник! И не вижу в этом ничего дурного.

— Никто не говорит, что это дурно... — Юрковский поднял к потолку томные глаза. — Но согласись, мон шер, что путь прокладывают обычно... спортсмены, как ты их называешь.

— Значит, раз на раз не приходится.

— Что за разделение такое? — удивленно спросил Крутиков. — Спортсмены, работники...

— Всегда и везде, — твердо сказал Юрковский, — впереди шли энтузиасты-мечтатели, романтики-одиночки, они прокладывали дорогу администраторам и инженерам, а затем...

— Затем по костям этих самых мечтателей и романтиков кидалась жадная серая масса, чернь презренная... — криво улыбаясь, тоненьким голосом сказал Дауге. — Трепло ты, милый Володя, вот что! Энтузиаст-мечтатель... гусар-одиночка!

Юрковский стремительно повернулся к нему, но Краюхин поднял руку.

— Одну минутку, — проскрипел он насмешливо. — Значит, Владимир Сергеевич, администраторов-энтузиастов не бывает? И инженеров-мечтателей тоже? Хм... И что там насчет серой массы?

Быков сидел как на иголках. Никогда еще «пижон» не был ему так несимпатичен. Он взглянул на Ляхова, блед-

ного, с дрожащими от обиды губами, и разозлился еще больше. Но он еще не имел здесь права голоса.

— Мы все мечтатели, если угодно, Владимир Сергеевич,— продолжал Краюхин.— И энтузиасты тоже. Только каждый на свой лад. Вот Вера Николаевна выражает свою радость по поводу того, что «Хиус» дает ей возможность носиться по пространству куда угодно и как угодно, тешить ее крылатую душу. Так. В этом она, по видимому, и видит истинное назначение «хозяина пространства».

— Я совсем не это хотела сказать...— растерянно проговорила Вера Николаевна.

— Надеюсь, что не это... Потому что, имейте в виду, государство, наш народ, наше дело ждет от нас не только... вернее, не столько рекордов, сколько урана, тория, трансуранидов. Мы все мечтатели. Но я мечтаю не носиться по пространству подобно мыльному пузырю, а черпать из него все, что может быть полезно... Что в первую очередь необходимо для лучшей жизни людей на Земле, для коммунистического содружества народов. Тащить все в дом, а не транжирить то, что есть дома! В этом наше назначение. И наша поэзия.

— Как пчелы,— изрек Крутиков.

— Именно как пчелы, а не как... бабочки-поденки. Кроме того, позволю себе обратить ваше внимание и на то обстоятельство, что в наше время переходные периоды проходят быстро. И вот пример: в предстоящем рейсе пилоты «Хиуса» будут уже выполнять скромную обязанность извозчиков. Главная роль отводится на сей раз уже другим. Вот ему...— Краюхин указал на Быкова. (Тот испуганно заморгал.)— И Дауге, и вам, Владимир Сергеевич. Человечеству нужны богатства Венеры, а не восторженные рапорты. Так. А затем вы уступите место новым героям — производственникам, тем, кто будет строить заводы на берегах Урановой Голконды. И все это работа, друг мой, вдохновенная работа, а не спорт! Только одни относятся к ней как к эффектной возможности блеснуть под куполом цирка и сорвать аплодисменты, а другие — как к работе в общем строю. А вам, так сказать, мон шер, только бы добраться до сокровищницы тайн, где они лежат штабелями, и водрузить... Эх, вы... спортсмены!

Наступило молчание. Юрковский поднялся и, ни на кого не глядя, вышел.

— Славный парень,— проговорил Краюхин.— Смелый, умница... Только амбиции у него — ой-ой-ой!

Ермаков сказал без улыбки:

— Отец мне рассказывал, что некто Николай Захарович Краюхин в молодости...

— «Краюхин, Краюхин»...— Николай Захарович стал кряхтя растирать колени.— То было в молодости... И, кроме того, может быть, тебе известно, что упомянутого Краюхина за это самое мордой об стол... простите за выражение... на партийной конференции, да. И именно твой папаша, Анатолий Борисович! Так.

Краюхин сердито хмыкнул, покашлял и ушел.

Последние дни перед стартом прошли незаметно. Все были заняты. Ермаков руководил работой группы обслуживания, грузившей «Хиус» всем необходимым. Корабль был погребен под массой металлических конструкций, опутан паутиной шлангов и кабелей. Под ним теснились десятки машингазгольдеров, машин-цистерн, тракторов, кранов и конвейеров. Работа велась днем и ночью. По толстым шлангам, покрытым пластами льда и инея, подавались сжиженные газы — водород для ракет и кислород для экипажа, по тонким шлангам — вода и смазочные вещества. Конвейеры и краны забрасывали в три люка баки, мешки и ящики с продуктами, снаряжением и оборудованием. Десятки людей в спецкостюмах копошились в урановых реакторах. Приехавшие из Новосибирска специалисты микрон за микроном проверяли слой «абсолютного отражателя»; в этой неправдоподобно тонкой и вместе с тем самой прочной в мире броне могли оказаться микроскопические изъязны, которые привели бы экспедицию к мгновенной огненной гибели. Сам Краюхин приехал поглядеть, как с купола «Хиуса» сняли толстую титановую плиту и осторожно опустили в зарядные камеры фотонного реактора баллоны-капсулы со смесью жидкого трития и дейтерия. Затем плиту опустили на место и в тот же день затащили и укрепили над ней огромный контейнер с «Мальчиком».

— С этим дурацким ящиком на горбу,— досадливо сказала Вера Николаевна,— «Хиус» имеет какой-то доморощенный вид.

Ляхов со Спицыным и Крутиковым все эти дни проводили в рубке, где было сосредоточено управление планетолетом. Дауге и Юрковский занимались изучением новых данных о Венере, привезенных Ляховым, без конца спорили, составляли какие-то таинственные радиogramмы, несли их на подпись к Краюхину и потом на радиостанцию.

В самый разгар этой горячки Краюхин вызвал Быкова и поехал с ним на один из подземных складов на южной

окраине города. В сухом и светлом помещении склада Быков увидел ящики с оружием.

— Знакомые штучки? — осведомился Краюхин.

Быков с недоумением посмотрел на него и нагнулся.

— Карабин-автомат образца семьдесят пятого года.

— А вот те?

— Реактивные ружья... пистолеты...

— Ну вот, выбирайте.

Быков понял:

— На всех?

— На всех... да возьмите и запасец.

Быков молча отобрал восемь новеньких карабинов, несколько десятков ручных гранат, лучевые пистолеты, финские ножи в светло-желтых кожаных чехлах.

— А патроны где? И капсюли для гранат!

— Есть патроны, капсюли и все что хотите. Напишите начальнику склада, что вам нужно.

Они спустились этажом ниже.

— Это тоже для вас, — сказал Краюхин, указывая на цилиндрические предметы, тускло отсвечивающие воронеными боками.

— Атомные мины... — пробормотал Быков.

— Знаете?

— Как не знать...

— Возьмите десять комплектов. Прихватите десяток висячих прожекторных ракет.

Спустя два часа через город на полигон проехала машина, груженная тяжелыми пластмассовыми ящиками и десятью круглыми решетчатыми футлярами. Еще через два часа эти ящики и футляры при усиленном участии и под личным наблюдением Быкова были погружены на «Хиус».

Наконец все было закончено. В течение одной ночи исчезли легкие и неуклюжие фермы, опутывавшие планетолет, шланги, краны и конвейеры. Ушли машины и тракторы, уехали люди. На истоптанной, развороченной земле остались под морозящим дождем только обрывки проводов и тросов, куски фанеры, несколько забытых досок да вбитые в грязь клочья маслянистой упаковочной бумаги.

Краюхин в сопровождении Ермакова и начальника группы обслуживания облазил все помещения «Хиуса», все пересмотрел и перетрогал, придирчиво и подозрительно прислушался к мощному гулу включенных для пробы соленоидов, сделал несколько пустячных замечаний, слез на землю, вытер руки о край плаща и сказал:

— Пожалуй, все в порядке, Анатолий Борисович. Подписывайте акт.

Ермаков согласно склонил голову. Начальник группы обслуживания облегченно вздохнул, потоптался, затем спросил, покашливая:

— Когда же старт, Николай Захарович? Завтра?

Но, как оказалось, оставались еще кое-какие формальности. В городе Краюхина срочно вызвали на радиостанцию, и, вернувшись оттуда, он сухо (так, по крайней мере, показалось Быкову) сообщил, что старт откладывается на утро послезавтра, а завтра прибывает комиссия.

— И вечером будет... э... торжественный обед. Можно без фраков.

Юрковский энергично пошевелил губами, Ермаков равнодушно зевнул, а Крутиков пожал плечами и снова углубился в какую-то книгу.

— Пойдем прогуляемся,— предложил Дауге Быкову.

Они вышли из гостиницы и не спеша направились вдоль улицы к полигону.

— Тосты, напыщенные речи,— сказал Иоганыч устало.— Терпеть этого не могу!

— Ну, знаешь...— Быков недовольно поглядел на него.— Такое событие все-таки...

— Да какое оно «такое»? Люди делают свое дело. Чего же тут экстраординарного? Ведь не назначается же специальная комиссия, скажем, для того, чтобы отметить отправление геологической экспедиции?

— Бывает, наверное, что и назначается.

— И напрасно. Это только на нервы действует.

Некоторое время они шли молча. Быков спросил:

— Так почему же так делается?

— А черт его знает, почему. Думаю, что повелось так еще с давних времен, когда нужно было «накачивать» людей, воодушевлять их для выполнения обычной, элементарной работы... Вот с тех пор и повелось так, и не могут отказаться от дурацкого обычая. Ведь кому лучше нас понимать значение экспедиции «Хиуса»? Смешно в наше время произносить зажигательные прописные истины... И для чего? Чтобы в тысячный раз вдалбливать то, что мы всосали с молоком матери?

Они повернули обратно в гостиницу. У входа в столовую Дауге остановился, попятился и толкнул Быкова локтем:

— Тихо!..

Столовая была освещена неярким вечерним солнцем. На диване, склонившись друг к другу, сидели Богдан Спицын и Вера Николаевна. Они молчали, глядя в окно, и лица

их были так серьезны и необычайно грустны, что у Быкова сжалось сердце. Большая белая рука Богдана обнимала узкие, хрупкие плечи женщины. Дауге потянул Алексея за рукав, и они на цыпочках прошли на второй этаж.

— Вот, Алексей, как бывает... — проговорил Дауге. — Встречаются только на неделю, на две, и снова в разные стороны. Она старше его на пять лет... Любовь, ничего не поделаешь. Настоящая, большая любовь...

Он задумался. Быков осторожно спросил:

— Чего же они не женятся?

— Что? Почему не женятся? — не сразу отозвался Дауге. — Да при чем здесь это? Они встречаются раз, много — два раза в год, понимаешь?

— Понимаю, — пробормотал Быков, но затем сказал решительно: — Нет, ни черта не понимаю! Женились бы, жили бы вместе, вместе и летали...

— Вместе... Вместе им нельзя, Алексей. Они встречаются раз-два в год. Летать им вместе нельзя — ведь Богдан ходит в такие экспедиции, куда женщин не берут. Какая же это будет семья?

— Нет, — твердо сказал Быков, — могли бы как-то устроить, если бы захотели.

— Может быть, конечно. Может быть, они просто выдумали себе эту любовь?

— Ну, вот ты...

— Я бы, Алексей... — голос Дауге дрогнул, — я бы жизнь за любимую женщину отдал! Я, друг мой, слабый человек.

На следующий день прилетели гости из Москвы. К удивлению и удовольствию Быкова, ужин прошел весело. Были речи (и неплохие, как показалось ему), и тосты (только шампанское), и пожелания. Краюхин рассказал несколько комических эпизодов из раннего периода межпланетных сообщений, а Юрковский вдруг разразился стихами Багрицкого. Он прочитал своих любимых «Контрабандистов» и, когда смолкли аплодисменты, сказал грустно:

— Вот... сколько хороших стихов о море и морях, а о нас совсем нет. Сплошное «ты лети, моя ракета».

— Поэты знают море тысячи лет, — заметила Вера Николаевна, — а пространство они совсем еще не знают. Потерпи, Володя, будут отличные стихи и о нас.

Юрковский поцеловал ее руку:

— Терплю, Верочка. А пока у нас только и остается:

Как аргонавты в старину,
Покинув отчий дом,
Поплыли мы,
Тирам-там-там,
За золотым руном.

Когда гости разошлись, Крутиков вздохнул и заметил:

— Слава богу, хорошо посидели. Только...

— Да, — кивнул Дауге. — В своем кругу прощальный обед был бы лучше.

Краюхин поднялся, с шумом отодвинул свое кресло.

— Прошу внимания, друзья мои, — сказал он. — Одну минуту внимания. Сейчас мы в своем кругу, и мне хочется сказать вам несколько слов Алексей Петрович, налейте, пожалуйста, всем вина... По капле, Анатолий, не беспокойся... Вот так, благодарю вас. Друзья! Я здесь самый старый межпланетник... да. Страшно вспомнить, на каких гробах мы начинали дело! По сравнению с «Хиусом» это были колымаги, чтобы не сказать хуже. Но я не из тех самодовольных дураков, которые ворчат, что нынешней молодежи-де не в пример легче, чем было нам. Ибо я знаю, как сложна ваша задача. Задача всегда определяется средствами, и насколько мощнее ваши теперешние средства, настолько сложнее и ваша задача. Вам будет не легче, чем нам... и даже труднее, ибо на вас больше ответственности. Друзья, если вам будет очень трудно, нестерпимо трудно, прошу вас, вспомните, для кого и во имя чего вы это делаете! Я знаю вас всех достаточно хорошо, чтобы быть уверенным: если вы об этом вспомните, сил у вас будет больше. Ну... вот и все. За вас!

Он поднял свой бокал, выпил и быстро вышел из комнаты. Некоторое время все молчали. Затем поднялся Юрковский и сказал негромко:

— Что ж, аргонавты... за старика!

В этот вечер Быков долго не мог уснуть.

Он встал, зажег свет и сел за стол, уставясь на лампочку, и так сидел долго. Взгляд его упал на газету, которую он так и не удосужился просмотреть сегодня.

«Смелее внедрять высокочастотную вспашку» — передовая. «Исландские школьники на каникулах в Крыму», «Дальневосточные подводные совхозы дадут государству сверх плана 30 миллионов тонн планктона», «Запуск новой ТЯЭС мощностью в полтора миллиона киловатт в Верхоянске», «Гонки микровертолетов. Победитель — 15-лет-

ний школьник Вася Птицын», «На беговой дорожке 100-летние конькобежцы».

Быков листал газету, шелестя бумагой.

«Фестиваль стереофильмов стран Латинской Америки», «Строительство Англо-Китайско-Советской астрофизической обсерватории на Луне», «С Марса сообщают...»

Быков просмотрел газету, подумал и, сложив, сунул в карман куртки. Это надо взять с собой. Это дыхание Земли, могучий пульс родной планеты, который хочется ощущать и в далеком рейсе. Символ... Алексей вздохнул и погасил свет.

Утро старта было ясное. В пять часов никто уже не спал, все собрались в гостиной, сидели или слонялись из угла в угол. За завтраком ели мало и неохотно, и Ермаков делал вид, что не замечает этого. Краюхин и гости о чем-то переговаривались вполголоса. Подали машины. Несмотря на ранний час, улицы были полны людей. Никто не выкрикивал лозунги и приветствия, никто не подбегал с цветами, люди просто стояли и смотрели, но смотрели так, как смотрят на родных и близких, уходящих в далекий и опасный путь. Машины выехали за город.

И тут с Быковым произошло то, о чем он долго вспоминал потом с недоумением и стыдом. Какое-то странное оцепенение охватило его. Он как бы раздвоился и с безучастным любопытством смотрел на себя со стороны, не в силах сосредоточиться. Обрывки мыслей металась у него в голове, но ни за одну из них он не мог ухватиться.

У капониров все стали прощаться. Быков машинально пожимал чьи-то руки, чувствуя на своем лице глуповатую застывшую улыбку и не имея сил согнать ее. Краюхин что-то сказал ему, они обнялись и поцеловались. Алексей с готовностью кивал головой, когда ему что-то с жаром говорил председатель горсовета, похлопывая по плечу. Затем он на негнущихся деревянных ногах отошел в сторону и смотрел, как Спицын обнял плечи Веры Николаевны, а она гладит ладонями его лицо. Дауге взял Алексея за руку и подвел к машине.

...Когда Быков поднял глаза, над ним уже громоздилась матово отсвечивающая выпуклая поверхность реакторного кольца. Наконец он понял, что мешало ему. В мозгу бессознательно, но отчетливо билась одна и та же мысль: «В последний раз. В последний раз». Он не мог вспомнить, когда это впервые пришло ему в голову, но теперь отделаться от этих слов было невозможно.

— По местам! — крикнул Ермаков неестественно резким голосом.

Быков оглянулся. Машины, которые подвезли их к «Жиусу», уже уехали. Кругом расстилалась ровная пустынная тундра.

— Алексей Петрович, не задерживайтесь!

«Последние шаги по земле», — со странным любопытством прислушиваясь к себе, подумал он, подходя к гибкому металлическому трапу. «Последний глоток земного воздуха», — думал он, ухватившись за край люка. Кто-то — кажется, Юрковский — сердито оттолкнул его и попросил быть осторожнее. «Последний взгляд на голубое небо...» Люк со звоном захлопнулся. Тогда он понял, что боится. Просто-напросто трусит. Он сразу успокоился и пошел вслед за Дауге в кают-компанию. Они расселись в креслах — Быков, Дауге и Юрковский — и молча пристегнулись широкими эластичными ремнями. Ермаков, Спицын и Крутиков были, вероятно, в рубке. Быков посмотрел на Юрковского. Лицо Юрковского было сердитое, на носу виднелось желтоватое пятно. «Здорово все-таки я его тогда...» — подумал Быков с мимолетным раскаянием.

— Приготовиться! — раздался из невидимого репродуктора высокий и звонкий голос Ермакова.

Наступила мертвая тишина. На мгновение Быков почувствовал тошноту и слабость. Огромным усилием воли он подавил отвратительное ощущение беспомощности и покосился на Дауге. Тот сосредоточенно смотрел прямо перед собой.

— Старт!

Громовой гул донесся откуда-то снизу. Все вдруг сдвинулось. Сиденье кресла мягко навалилось на тело. Быков изо всех сил зажмурил глаза и увидел разноцветные круги. Гул усилился, стал тише и наконец затих. Наступила тишина. Быков осторожно повернулся к Дауге.

— Боли больше не будет, — ясным, веселым голосом сказал Дауге. — Старт дан.

Юрковский вдруг яростно хлопнул себя по лбу.

— Что с тобой? — встревоженно спросил Дауге.

— Дьявольщина!.. Я забыл электробритву в гостинице и, кажется, не выключил ее!

Быков с некоторым трудом принял сидячее положение, крепко потер ладонями виски и облегченно вздохнул.

Часть вторая. Пространство и люди

Краюхин

К вечеру погода испортилась. Со стороны океана потянуло ледяным холодом, над тундрой тяжело заворочались плотные волны серого тумана. Небо заволокли низкие тучи. Стало сумрачно, почти темно.

В кабинете начальника Главной радиостанции Седьмого полигона было тепло и светло. У стола в низком кресле, уткнув в грудь подбородок, дремал Краюхин. Его ноги в испачканных подсохшей глиной ботинках были неловко вытянуты, большие узловатые руки тяжело лежали на подлокотниках кресла. Над дверью звонко щелкали часы, отсчитывая минуты. При каждом щелчке Краюхин на мгновение приподнимал синеватые веки. На краю стола остывал нетронутый стакан чая. В полуоткрытую дверь заглянул дежурный, постоял в нерешительности, затем подошел на цыпочках и положил перед ним пачку радиограмм.

— Что нового? — сипло проговорил Краюхин.

Дежурный вздрогнул:

— Э-э... ничего. Тринадцать минут назад «Хиус» передал, что все в порядке.

— Телевизионную связь наладили?

— Никак нет, Николай Захарович, не удастся пока.

Краюхин долго молчал (дежурный несколько раз переступил с ноги на ногу и покашлял), затем сказал:

— Так нового ничего, говоришь?

— Никак нет, ничего.

— Ладно...

Он покосился на радиограммы и снова закрыл глаза. Сердце ныло тупой, тягучей болью, ломило левое плечо. Вытянутые ноги затекли, но двигаться не хотелось. Все же он заставил себя снять руку с подлокотника и взять стакан. Чай показался до тошноты приторным. «Это все нервы, — сказал он себе. — Нервы и старость». До сих пор он не знал, что такое нервы. Врачи говорили, что ему вредно волноваться. Он только посмеивался. Ему казалось, что он никогда не волновался... До сегодняшнего дня...

Сегодня, 18 августа 19.. года, ровно в 5.00 по московскому времени, началось то, к чему он готовился полтора десятка лет. Старт первой фотонной ракеты ознаменовал новую эру в истории межпланетных сообщений. И этим же стартом закончилась для него, Краюхина, возможность непосредственно влиять на дальнейший ход событий. Пол-

тора десятка лет исканий, борьбы, огромного напряжения... И вот чем все это закончилось: он сидит, прислушиваясь к тоскливым осенним звукам, к однообразному дробному стуку дождевых капель в оконные стекла, бульканью струек, стекающих с крыши, к тонкому завыванию ветра. Шестеро отборных людей на борту самого совершенного в мире планетолета взяли у него эстафетную палочку и двинулись дальше, к осуществлению его заветной мечты. А он остался, сразу ослабевший и согнувшийся. И ждет, ждет, ждет...

На мгновение он ощутил острую жалость к себе и зависть к ним, молодым, но сейчас же забыл об этом, потому что главным чувством, оттеснившим на задний план все другие чувства и мысли, был страх за этих людей. Ну хорошо... Пробный рейс «Хиуса» прошел благополучно. Кажется, до тонкости изучены процессы в титановом кожухе фотореактора... Инженер может с абсолютной точностью указать, что происходит там в любую миллиардную долю секунды, и предвидеть, что произойдет в последующие доли. Учтено все: чудовищные температуры, чудовищные скорости, чудовищные давления и напряжения. Но ведь не по злему року взорвался несчастный Петросян!

Краюхин с трудом проглотил несколько ложек чаю. Горло пересохло, глаза резало. Телом овладевал противный озноб. По стеклу блестящими полосами струилась вода.

— Мерзость, — пробормотал он, зябко втягивая голову в плечи.

Неудача экспедиции была бы катастрофой дела всей жизни... Именно теперь, когда многие еще не верят в «Хиус», когда еще не улеглась шумиха, поднятая «осторожными» вокруг внезапного взрыва первого «Хиуса». Тогда казалось, что идея фотонного привода дискредитирована надолго... быть может, навсегда. Только вмешательство правительственной комиссии заставило замолчать маловеров, примазавшихся к великому делу.

Нет, ему нельзя жаловаться. Он потребовал огромных средств — дали, даже больше, чем он смел надеяться. Он потребовал убрать работников, которых считал вредными или ненужными — а среди них были люди с большими заслугами в прошлом, — их убрали. Он бесстрашно экспериментировал, и ему верили. Вероятно, была в нем огромная сила, непоколебимая убежденность. Впрочем, важно, конечно, было и то, что ему все удавалось. Краюхин — первый исследователь двух больших планет и нескольких

лун, строитель пяти крупнейших искусственных спутников, воспитатель и кумир трех поколений самых отважных в мире межпланетников... И теперь Краюхин фактически во главе самого мощного межпланетного флота. Это были трудные успехи, трудные победы. Позади — погибшие товарищи, часы нестерпимого отчаяния и ужаса, боль невознаградимых потерь... триумфы, мгновения огромного счастья, ослепляющей гордости... Но оглядываться назад было нельзя. Нужно было торопиться. Великий народ доверил ему лучших своих детей и первоклассную технику и за это доверие требовал победить пространство со всеми сокровищами и тайнами. Под силу ли ему, Краюхину, дать народу эту победу? Да, если «Хиус» возвратится с удачей, тогда никто больше не посмеет поднять голос против фотонной ракеты. Нет, если...

Краюхин встал и, разминая ноги, прошелся из угла в угол.

— Так не годится, — сказал он громко. — Я гадаю, как старая баба. «Если, если»...

В сущности, он прекрасно знал, что никто и ничто на свете уже не сможет остановить бурное развитие фотонной техники. С того мгновения, когда были получены первые крупинки «абсолютного отражателя», участь старых импульсных ракет была решена. Теперь пространство будет только отступать. Огрызаясь, выхватывая новые жертвы... но только отступать. Оно снимет свои межевые знаки сначала в Солнечной системе, а затем (кто знает... может быть, это произойдет еще при жизни Краюхина) и в межзвездных пустынях.

Но как сильна инертность мысли! Как и все новое, новый принцип межпланетного транспорта с первых же минут обрел немало противников — тех, кто возлежал на старых лаврах и не хотел идти дальше, кто всю жизнь свою посвятил доказательству невозможности практического осуществления фотонного привода, кто сначала, с маху, охаял нововведение, а потом не нашел в себе смелости признать свою неправоту, и просто тех, кто искренне не хотел огромного риска людьми и государственными средствами... Их было много, гораздо больше, чем этого хотелось Краюхину и его соратникам, и он всегда ломал их сопротивление. Они кричали: «Беспочвенная фантазия! Дело отдаленного будущего!» Требовали, чтобы он отчитался за десятки сгоревших моделей, а он поднял за атмосферу и провел вокруг Земли беспилотный «Змей Горыныч». Они пытались использовать против него гибель первого «Хиуса», но это им тоже не удалось. Второй «Хиус»

взял старт. Может быть, Краюхин допустил ошибку, дав «Хиусу» такое головоломное задание? Может быть, следовало сначала использовать фотонную ракету в обычных рейсах, привыкнуть к ней, сделать ее распространенным и надежным видом транспорта? Может быть... Но сколько времени отняло бы это? А сокровища Голконды ждут. И только «Хиус» даст человеку возможность овладеть ими.

Краюхин снова опустился в кресло и застыл, обхватив плечи руками. Его знобило, и он подумал, что болезненное состояние вызвано таким непривычным для него пассивным ожиданием и беспокойством. Было бы во сто крат лучше, если бы он сам повел эту экспедицию. Но его, конечно, не пустили бы. Да и кому он нужен был бы там, на самой страшной планете в Солнечной системе, со своими выжженными легкими, искусственным желудком, изношенным сердцем? Только одним он мог бы помочь: своим огромным опытом, хладнокровием и осмотрительностью. Умением отступать... Нынешняя молодежь забыла это умение, а оно стбит всякого другого. Эти шестеро молодцы, они нетерпеливы и горячи. Они бесстрашны и лишены драгоценного дара осторожности. Они не пожалеют своих жизней, забыв или не поняв, какой огромный вред нанесут своей славной гибелью великому делу покорения пространства. Никакие Голконды не возместят этого вреда. Никто не узнает, что произошло под белой пеленой, скрывающей лицо неприступной планеты, все будет отнесено за счет несовершенств «Хиуса», проекты и расчеты останутся в пыли архивов, и на многие годы вернется эпоха старых импульсных ракет.

Об этом лучше не думать. Да и нет оснований не доверять этой шестерке.

Ермаков... Умный, хладнокровный, всегда спокойный Анатолий Ермаков. Пожалуй, он единственный, кто наиболее близок к пониманию истинного положения вещей. Во всяком случае, он достаточно опытен, чтобы оценить значение термоядерной ракеты для межпланетных сообщений. Да это и неудивительно. Вся его жизнь прошла под наблюдением и руководством Краюхина. Краюхин водил его в первый рейс. Краюхину он поверял свои замыслы, порой казавшиеся фантастическими по размаху и смелости. Краюхину он подражал в ненависти к застою и рутине, у него учился понимать людей, в нем видел пример беззаветного служения родине. И все же... Он идет на Венеру, как солдат на штурм, и не задумываясь ляжет грудью на амбразуру, чтобы отомстить за все — за страшную, бессмысленную гибель жены, за огненную смерть товарищей.

Но даже он не видит за покоренной Венерой покоренную Вселенную...

И для Дауге, способного геолога-радиоактивщика, самым заманчивым представляются сказочные богатства Урановой Голконды. Вероятно, он чувствует себя в положении заядлого охотника, долгое время вынужденного пробавляться скудными подачками пригородной природы и вдруг получившего приглашение в заповедный лес, полный дичи. Правда, у него еще остается Маша Юрковская... Но он — геолог до мозга костей и поэтому, конечно, не может позволить себе слишком остро переживать семейные невзгоды.

Для Юрковского, удачливого геолога-разведчика, перелет означает прежде всего новый рекорд и новые ощущения. Его не очень прельщают слава и почет — он открыто издевался над иными пилотами, опьяневшими от внимания и забот, которыми их окружала благодарная страна. Он принимал участие в самых рискованных экспедициях, но портреты его редко появлялись в газетах и на телеэкранах. Он любит опасность за высокое ощущение победы над ней. Он наслаждается ею, как гурман ароматом изысканного блюда. Правда, он стыдливо скрывает эту маленькую слабость, которую Краюхин как-то назвал «отрыжкой монтекривостины самого дурного толка». Романтик... Жаль, что он не принимает, не жалуется Быкова, которого в припадке кастовой спеси обвиняет и в тупости, и в ограниченности, и в отсутствии воображения. Вся беда именно в избытке воображения у Юрковского...

Богдан Спицын... Он искренне не понимает, как можно интересоваться чем-либо, кроме вождения межпланетных кораблей. Теперь, когда стеснявшие его пути прежних принципов космогации разорваны, он чувствует себя настоящим хозяином пространства. Смешной паренек! Кроме пространства и пульта управления, для него существует только Вера, милая, нежная Вера, единственная женщина в мире и, как он думает, единственный человек, понимающий его до конца. Но и тут он верен себе. Пожалуй, он похож на рыцаря, когда ведет корабль и думает, что делает это в честь своей дамы...

А Михаил Антонович Крутиков — просто лучший штурман в стране, только и всего. Добродушный, мягкий, любитель товарищеских вечеринок и торжественных собраний, на которые является со всей семьей — с женой и двумя ребятами, превосходный математик, предложивший несколько принципиально новых методов ускоренного решения сложнейших задач космогации. Он с одинаковым

удовольствием позирует перед объективами кинокорреспондентов и возится дни напролет с детьми. Он никогда не отказывался ни от самого мелкого, незаметного дела, ни от внезапного предложения отправиться в самый головоломный рейс. Если бы не Краюхин, мягкого и уступчивого Михаила Антоновича всегда отправляли бы в скучные и опасные рейсы в поясе астероидов. А сейчас штурман занимает привычное место рядом с давним своим другом Спицыным и простодушно восторгается этим.

И Алексей Быков... Краюхин улыбнулся, вспомнив кирпично-красное лицо, маленькие, близко посаженные глазки, облезлую лиловатую шишку носа, жесткую щетину, торчащую вперед над вогнутым лбом. Не красавец, не Юрковский, конечно... И по части стихов не очень силен... Зато прекрасный инженер-практик. И какая быстрая реакция! Вспомнить только происшествие у колючей изгороди, испытательный пробег... Для Алексея Петровича экспедиция на Венеру — лишь весьма странная и неожиданный командировка, оторвавшая его — временно, конечно, — от привычной работы в глуши азиатских песков. Приятная возможность показать во всем блеске свое мастерство первоклассного водителя и инженера-ядерщика и дорогах сердцу простого, хорошего человека возможность похвастать когда-либо в кругу друзей участием в межпланетном перелете. С другой стороны, вполне понятный и уместный у неискушенного страх перед грозными и величественными тайнами внеземного. Это очень хорошо, что он в экспедиции.

Вся шестерка в целом — отличная «сборная». Их человеческие черты сцементированы общим для всех глубоким, бесценным фоном: все они коммунисты, люди чести и дела. А слабости и недостатки... Что ж, достоинства этих шестерых чудесно дополняют друг друга, и он, Краюхин, справедливо гордится умением подбирать людей.

И, закрыв глаза, Краюхин снова и снова вызывает в памяти лица и поступки Ермакова, пилотов, геологов, «специалиста по пустыням». Но... если бы не путались под ногами осторожные маловеры! Правда, их скептицизм приносил не только вред. В борьбе со старым новое крепнет. Надо признать, что эта борьба многое прибавила к мощи и неуязвимости «Хиуса». Но вреда было гораздо больше. На борьбу впустую уходила масса энергии, противники подрывали в создателях «Хиуса» веру в грандиозную идею.

Ведь среди противников оказались и те, кто были когда-то близкими друзьями и помощниками Краюхина, те, на кого он так надеялся...

...Когда дежурный снова вошел в кабинет, Краюхин взглянул на него с таким гневом, что молодой человек остановился как вкопанный и растерянно заморгал. Но Краюхин уже пришел в себя.

— Что у вас? — спросил он.

— Радиограмма из комитета, Николай Захарович.

— Ну?

— Запрашивают о «Хиусе».

— Сообщите, что все... что пока все благополучно.

— Слушаюсь. Но...

— Что?

— Ваша подпись...

— Давайте.

Краюхин торопливо расписался и бросил ручку.

— Телевизионная связь?

Дежурный виновато развел руками.

— Ладно, ступайте.

Он вспомнил свою напутственную речь на прощальном обеде. Да, пожалуй, он говорил не совсем то, что хотел. Но ведь не мог же он выпалить: «Если погибнете, все пропало...» — или что-нибудь в этом роде. А может быть, так и нужно было?

Он, шатаясь, поднялся на ноги. Ясно, он болен. Ему очень жарко, и в то же время знобит. Хорошо бы спросить чего-нибудь горячего... Он протянул руку к видеофону. В то же мгновение послышались торопливые шаги, полуоткрытая дверь распахнулась настежь, и веселый, улыбающийся дежурный крикнул:

— Николай Захарович! Есть связь! Ермаков просит вас к экрану!

— Иду, — сказал Краюхин, но еще минуту постоял, опираясь о стол, глядя куда-то вверх головы дежурного. «Ермакова надо предупредить, — вертелось у него в голове, — Ермакова обязательно нужно предупредить. Но сумею ли я?»

Дежурный тревожно-вопросительно взглянул на него, и он словно очнулся.

— Пойдемте.

В большом зале телевизионной связи белые трубки ослепительно освещали несколько креслиц перед высоким стендом с круглым серебристым экраном. Краюхин прищурился, вынул темные очки.

— Включайте, — сказал он и подошел к экрану.

Дежурный встал у пульта. На экране замелькали серые тени, и вскоре из зеленоватой пустоты выплыло серьезное лицо Ермакова. Краюхин мельком подумал о том, что

радиоволнам требуются уже секунды, чтобы донести до Земли это изображение.

— Здравствуй, мальчуган! — сказал он. — Как ты меня видишь?

— Отлично, Николай Захарович.

— Все благополучно?

— Полчаса назад вышли на прямой курс. Впервые в жизни иду в пространстве по прямой. Но пришлось много повозиться, пока выписывали траекторию первого этапа. Электронные курсовычислители действительно придется усовершенствовать. Крутиков сейчас свалился и спит как убитый. Скорость — пятьдесят километров в секунду, фотореактор работает спокойно, температура зеркала — ноль, радиация — обычный фон.

— Что команда?

— Отлично.

— Быков?

— Держится хорошо. Удручен тем, что не имеет возможности посмотреть на Землю.

— А ты покажи ему.

— Слушаюсь.

— Как прошел старт?

— Великолепно. Юрковский разочарован. Он говорит, что такой старт и ребенка не разбудил бы.

— За это тебе нужно благодарить Богдана. Дело мастера боится.

— Конечно, Николай Захарович.

Они помолчали, взглядываясь друг в друга через разделяющие их миллионы километров.

— Ну... а ты сам?

— Не беспокойтесь, Николай Захарович.

Ермаков ответил быстро. Слишком быстро, словно он ждал этого вопроса.

Краюхин нахмурился.

— Дежурный! — резко окликнул он.

— Слушаю вас.

— Выйдите из зала на десять минут.

Дежурный поспешно ретировался, тщательно прикрыв за собой дверь.

— Не беспокойтесь, — повторил Ермаков.

— Я не беспокоюсь, — медленно проговорил Краюхин. — Я, брат, просто боюсь.

Глаза Ермакова сузились:

— Боитесь? Что-нибудь случилось?

Как объяснить ему? Краюхин снял очки и, зажмурившись, стал протирать их носовым платком.

— В общем, прошу тебя: будь осторожен. Так... Особенно там, на Венере. Ты не мальчишка и должен понимать. Если будет очень трудно или опасно, плюнь и отступи. Сейчас все решает не Голконда.

Он говорил и чувствовал: Анатолий не понимает. Но не поворачивался язык прямо сказать ему: «Сведи риск к минимуму. Главное сейчас — благополучно вернуться. Если с вами что-нибудь случится, от фотонных ракет придется отказаться надолго». Он всегда считал, что межпланетников нужно держать подальше от борьбы мнений в комитете. Ему казалось, что это может подорвать их доверие к руководителям.

— Береженого бог бережет,— продолжал он, с ужасом чувствуя, что говорит бессвязно и неубедительно.— Зря не рискуй...

— Если будет трудно или если будет опасно?

Это был Ермаков, Толя Ермаков, с молоком матери всосавший презрение к околичностям и недомолвкам. Ему было стыдно за Краюхина и жалко его. И он был встревожен. Он нагнулся к экрану, вглядываясь в лицо Краюхина. Тот поспешно откинулся назад. Несколько секунд длилась неловкая пауза.

— Вот что,— сказал Краюхин, стараясь побороть страшную слабость,— слушай, что тебе говорят, товарищ Ермаков. Я не собираюсь состязаться с тобой в остроумии. Так...

— Слушаюсь,— тихо ответил Ермаков.— Я не буду рисковать. Я буду считать, что основная задача экспедиции — это сберечь корабль и людей. Я сберегу корабль. Но ведь их я не смогу удержать...

— Ты — командир.

— Я командир. Но у каждого из них есть своя голова и свое сердце. Они не поймут меня, и я не знаю, сумею ли заставить их отступить. У меня нет вашего авторитета.

— Ты меня не понял...

— Я понял вас, Николай Захарович. И по вашему приказу я готов поступиться всем, даже честью. Но поступятся ли они?

Ясные глаза Ермакова глядели Краюхину прямо в мозг. Они понимали. Они все понимали.

— Я могу только догадываться, что у вас на уме...

Краюхин опустил тяжелую голову и хрипло сказал:

— Ладно, поступай как знаешь. Видно, ничего не поделаешь. У меня вся надежда на твое благоразумие. А теперь прости, я пойду. Я, кажется, приболел немного...

— Вам надо отдохнуть, Николай Захарович.

— Надо... Проверь радиоавтоматику. Точно по расписанию, через каждые полчаса мы должны получать автоматические сигналы «Хиуса». Через каждые два часа — твое личное донесение. Не опаздывать ни на секунду!

— Слушаюсь.

— Ну, прощай. Я пошел.

Он встал и заплетающимися шагами устремился к выходу. Пол под ним качался, становился дыбом. «Надо успеть...» — подумал он и рухнул лицом вниз в черную пропасть...

Краюхин очнулся в теплой постели у себя в номере. Светило солнце. Тумбочка у изголовья была уставлена пузырьками из разноцветных пластиков и коробочками. Доктор и Вера, оба в белых халатах, сидели рядом и глядели на него.

— Время? — спросил он, еле ворочая непослушным языком.

— Двенадцать пять, — поспешно отозвалась Вера.

— Число?

— Двадцатое.

— Третьи... сутки...

Вера кивнула головой. Он встревожился, попытался приподняться.

— «Хиус»?

— Все хорошо, Николай Захарович. — Доктор осторожно придержал его за плечи. — Лежите спокойно.

— Только что звонили с радиостанции, — сказала Вера, — все благополучно.

— Хорошо, — пробормотал Краюхин. — Очень хорошо...

Доктор приложил один из пузырьков к его плечу. Раздалось шипение, и лекарство всосалось под кожу. Краюхин закрыл глаза. Затем отчетливо сказал:

— Передайте Ермакову. Все, что я говорил, не считается. Это паника. Болезнь...

— Бредит, — прошептала Вера.

Он хотел сказать, что это не бред, но заснул.

Проснулся он ночью и сразу почувствовал, что ему лучше. Вера накормила его бульоном и сухарями, напоила горячим настоем из индийских трав.

— Включите радиogramмы, — потребовал он.

— Нужно отдыхать, — возразила Вера.

— А я говорю — включите!

Она послушно включила магнитофон. Он слушал рассеянно, глядя в чистый белый потолок, думая о том, что

«Хиус», вероятно, уже начал торможение. Незаметно он снова уснул.

Следующие сутки прошли спокойно. Краюхин быстро поправлялся. Доктор разрешил поставить у постели видеофон, телеэкран и пускать посетителей. До позднего вечера с радиостанции поступали пленки с сигналами «Хиуса» и донесениями Ермакова. Приходили и уходили инженеры, мастера, начальники служб. После ужина Краюхин просмотрел газеты, включил стереоскопическую телепрограмму Москвы, поговорил с Верой и Ляховым и, привычно усталый, а потому окончательно успокоившийся, улегся спать.

Утром в комнату вбежала Вера, бледная, с растрепавшимися волосами, и слишком громко, как ему показалось, выкрикнула:

— «Хиус» не подает сигналов! Ночью замолчал... замолчал... и... и... вот молчит уже пять часов...

Она схватилась руками за щеки и горько, навзрыд заплакала.

Космическая атака

«...Либо ввали романисты и газетчики, либо наш перелет не типичен. В нем нет ничего «межпланетного». Все буднично и обыкновенно. И вместе с тем... Но это самое «вместе с тем» относится уже к области чувств и переживаний. Если обратиться к фактам, то просто трудно представить себе, что находишься на борту космического корабля и что наш планетолет с гигантской скоростью несется к Солнцу. Сейчас, когда я пишу эти строки, Юрковский и Иоганыч в кают-компании возятся над картой полушарий Венеры — так они называют два круга на бумажном листе, на которых нанесены цепочки красных и синих кружков и небольшие пятнышки, заштрихованные зеленым. Юрковский объяснил, что красные — это горные вершины, достоверно известные; синие — гипотетические или замеченные всего два или три раза; зеленые пятна отмечают места, где были зарегистрированы мощные магнитные аномалии. И большая черная клякса — Голконда. Это все. Воистину загадочная планета! Над этой картой наши астрогеологи сидят часами, сверяя что-то со своими записями и переругиваясь вполголоса, пока Ермаков не выйдет из рубки обедать и не прогонит их со стола. Крутиков сейчас на вахте, Богдан в соседней каюте читает, свернувшись в три погибели на откидной койке. Пристегнуться не забыл — видимо, привычка. Что

касается Ермакова, то он заперся у себя и не выходит вот уже второй час. Но о нем разговор особый...»

«...Итак, за истекшие сутки никаких происшествий не случилось. Пилотам и электронно-счетным машинам пришлось много потрудиться, прежде чем планетолет был выведен на так называемый прямой курс и взял прямое направление к точке встречи. Для этого Ермаков и Михаил Антонович еще на Земле рассчитали какую-то «дьявольскую кривую», трехмерную спираль, следуя по которой, планетолет гасил инерции орбитального и вращательного движения Земли и выходил в плоскость орбиты Венеры. Крутиков после сказал, что электронный курсовычислитель «Хиуса» оказался не совсем на высоте положения. Мы — Юрковский, Дауге и я — сидели в это время в кают-компании и прислушивались к легким толчкам. Но амортизационные устройства кресел — чудесные, и дальше чувства легкой тошноты мои страдания не пошли. Затем я приготовил обед. У нас обильные запасы готовых обедов в термоконсервах, но есть и «живое» мясо в пластмассовых баках, стерилизованное гамма-лучами, и изрядное количество овощей и фруктов. Я решил блеснуть. Все хвалили. Но Юрковский сказал: «Хорошо, что у нас теперь есть, по крайней мере, порядочный повар», и я разозлился. Ермаков, впрочем, заметил Юрковскому:

«Зато к вашей стряпне, Владимир Сергеевич, подход возможен только с наветренной стороны».

«Пробовали?» — с любопытством спросил Дауге.

«Краюхин предупредил».

Короче говоря, мне придется ходить в коках до конца перелета. С удовольствием! Но «пижон» обидно посмеивается. В конце концов, плевать мне на гусара-одиночку!

Однако все это мелочи. Есть три беспокоящих обстоятельства: первое — встреча с метеоритом, второе — вид на пространство и третье — самое главное — разговор с Ермаковым. Расскажу обо всем по порядку.

Нам не так повезло, как Ляхову во время испытательного перелета. Очень скоро после старта «Хиус» встретился с метеоритом. Конечно, если бы не Ермаков, никто из нас не заметил бы этого. Просто вдруг пол провалился под ногами и замерло сердце, как во время спуска на скоростном лифте. Оказывается, пространство вокруг «Хиуса» непрерывно прощупывается ультракоротковолновым локатором. Если в опасной близости появляется метеорит, счетно-решающее устройство по отраженным импульсам автоматически определяет его траекторию и скорость, сопоставляет эти данные со скоростью и путем

планетолета и подает соответствующие сигналы на управление. Совершенно автоматически планетолет либо замедляет, либо ускоряет движение и пропускает метеорит перед собой или обгоняет его. Встреча с метеоритом, оказывается, совсем не редкое и весьма опасное событие. Противометеоритное устройство «Хиуса» пока выручает...»

«...Несмотря на спокойствие товарищей и весьма обыденную обстановку, когда все спокойно работают, отдыхают, читают, спорят, я все же испытываю смутное беспокойство. Дауге сказал, что у новичков такое состояние не редкость, что это «инстинктивное чувство пространства», вроде морской болезни для непривычных к морю. Не согласен! Какое может быть «чувство пространства» у человека, который это пространство и в глаза не видел? Ведь на «Хиусе» нет иллюминаторов, и единственное наблюдательное устройство находится в рубке, куда входить не пилотам категорически воспрещается. Но, пока я раздумывал над этим вопросом, для меня было сделано исключение, причем в таких обстоятельствах, которые усугубили мою тревогу. Произошло это так.

Несколько часов назад радиостанция Седьмого полигона установила с нами телевизионную связь. Краюхин потребовал Ермакова для переговоров. О чем они говорили, никто не знал, потому что Ермаков тотчас отослал из рубки Богдана, стоявшего тогда на вахте, и плотно задраил за ним дверь. Разговор был недолгим. Скоро Ермаков вышел и молча спустился в свою каюту. Дауге и Юрковский пустились было в веселые догадки, но Богдан резко их оборвал. Через два часа пришла очередь Ермакова заступать на вахту. Проходя в рубку управления, он приказал мне явиться к нему. Общему удивлению не было предела, все странно посмотрели на меня. Я понимаю. Действительно, всем могло показаться, что у Ермакова с Краюхиным речь шла о моей персоне. Я и сам так подумал, признаться, и очень встревожился. В рубке было жарко, через титановый кожух доносился гул фотореактора. Ермаков, не глядя мне в лицо, спросил, хочу ли я увидеть Землю.

«Вы, кажется, мечтали об этом, Алексей Петрович?..»

Сердце у меня противно ёкнуло, и губы сразу стали сухими. Не прибавив ни слова, Ермаков подвел меня к прибору, похожему на большой холодильник, с двумя окулярами наверху. Он предложил взглянуть в окуляры. Глазам моим открылась круглая черная пропасть, окаймленная по краям слабыми лиловыми вспышками. В бездонной глубине виднелись мириады ярких и тусклых

точек, в центре отчетливо выделялся светящийся крест, а правее и выше его я увидел шарик теплого зеленого тона с яркой звездочкой возле него. Это были Земля и Луна...

«Сейчас перед вами нижнее полушарие небесной сферы, — проговорил Ермаков. — Свечение по краям — это отражение термоядерных взрывов в фокусе зеркала из «абсолютного отражателя».

Я, конечно, сразу успокоился: нелепо думать, что меня «высадят» с корабля и отправят обратно на Землю.

Ничего грандиозного в открывшемся зрелище я не нашел. Почти то же можно видеть в ашхабадском планетарии, и я сказал Ермакову об этом. Он кивнул.

«Разумеется, ведь это только электронное изображение. Оно служит для проверки точности счисления курса. Светлый крест посередине отмечает точку пересечения оси нашего движения с небесной сферой».

Я осведомился, на каком расстоянии от Земли сейчас находится «Хиус».

«Около тридцати миллионов километров... Хотите посмотреть вперед?»

Он повернул выключатель, и в поле зрения вспыхнул яркий желтый диск. Его пересекал крест, а вокруг в черной пустоте дрожали звезды.

«Солнце, — проговорил Ермаков. — А вправо от него — видите? — Венера. К тому моменту, когда «Хиус» придет к ее орбите, она тоже будет в точке встречи».

Он выключил устройство, предложил мне сесть и мельком взглянул на доски приборов, усеянные множеством циферблатов и циферблатиков, разноцветных глазков и стрелок. После этого начал разговор. Постараюсь передать его слово в слово.

Лицо Ермакова было, как всегда, спокойно, но темные круги под глазами и угрюмая складка на лбу показывали, что случилось что-то не совсем обычное.

«Скажите, Алексей Петрович, — начал он, глядя на меня в упор, — как вы рассматриваете свое положение в экспедиции?»

«В каком смысле?» — снова встревожился я.

«В смысле субординации... подчинения, например».

Я подумал и ответил, что привык в работе выполнять приказы того, в чьем непосредственном служебном подчинении нахожусь.

«То есть?»

«В данном случае я ваш подчиненный, Анатолий Борисович».

Он, помолчав, спросил:

«А если вы имеете два взаимно исключаящих друга друга приказа?»

«Выполняется последний по времени».

Я старался говорить спокойно, но, признаться, у меня мурашки пошли по телу от этого разговора, и я стал делать самые глупые предположения и строить заранее план действий на случай, если Ермакову вздумается поднять черный флаг и начать пиратствовать на межпланетных коммуникациях.

А он допытывался:

«Значит, если мой приказ будет противоречить приказу председателя Госкомитета, вы повинуетесь мне?»

«Да... — Тут я, кажется, с самым дурацким видом облизнул губы и добавил: — Мы не в армии, но я выполню любое ваше приказание, если оно не будет противоречить интересам нашего государства... и партии, конечно. Я коммунист».

Он засмеялся.

«Только не воображайте, что я заговорщик. И не думайте, что я сомневаюсь в вашей готовности выполнять мои приказания. Просто мне хочется знать, какой линии поведения вы будете придерживаться, если обстоятельства принудят нас нарушить приказ комитета. Очень рад, что нашел в вас дисциплинированного и знающего службу человека».

Я тоже был рад, честное слово, стоило только мне перехватить его уверенный, твердый, как железо, взгляд.

«Все же хотелось бы знать...» — рискнул спросить я.

«Объясню... Вернее, намекну, вы поймете. Дело в том, что не столько от выполнения задачи экспедиции, сколько от успешного возвращения «Хиуса» зависит очень многое. Слишком многое, и мы, возможно, не будем вправе подвергать себя большому риску в поисках и исследованиях Голконды, даже для выполнения прямого приказа комитета...»

Он кивнул мне и проводил к выходу. Действительно, здесь есть над чем подумать. Держи ухо востро, Алексей Быков! Ничего не понимаю. Впрочем, Краюхин и Ермаков — не такие люди, чтобы чего-либо испугаться... Таким для отступления нужно очень много мужества... В чем же дело?»

Поставив точку и аккуратно сложив тетрадь в потертую полевую сумку, Быков отправился в кают-компанию. Там были Юрковский, Дауге и Спицын. Иоганыч ползал

по карте Венеры, а Юрковский вел со Спицыным ожесточенную полемику, смысла которой Быков сначала не уловил. Ему показалось, что речь идет о вещах, недоступных его пониманию, потому что спорившие оперировали формулировками из арсенала тензорного исчисления и то и дело обрушивали друг на друга цитаты из классиков, что, впрочем, как-то не вносило особой ясности. Но некоторые замечания были очень интересны и необычны, и уже через несколько минут он сидел в кресле у книжного шкафа и жадно слушал, почти забыв о своих тревогах.

— Ты с таким подходом неизбежно ввалишься в болото ньютонианства, дружок, — говорил Юрковский. — Ведь это все равно что утверждать абсолютность пространства. Чему тебя только учили!

— Выводы Лоренца...

— И столько фактов, столько фактов! А ты осмеливаешься отвергать это! И когда! Почти через сто лет после создания теории относительности...

— Выводы Лоренца я не собираюсь оспаривать, — сказал Богдан. — И не воображай себя единственным последователем и хранителем идей старика Эйнштейна. Я хочу сказать, что...

— Послушаем, послушаем!

— А именно: при нынешнем состоянии техники нам далеко еще до практического столкновения со следствиями теории относительности... в нашем деле, конечно.

— Ах, вот как!

— Да, вот так.

— Далекое?

— Далекое. Пространство для межпланетника есть пространство. Однородная пустота.

— Если не считать метеоритов, — не поднимая головы, вставил Дауге.

— Да, пустота! Я летаю около десяти лет, и ни разу что-то мне не пришлось делать в расчетах поправок на теорию относительности.

Они помолчали, глядя друг на друга, словно петухи перед дракой.

— А скажи, пожалуйста, — вкрадчиво спросил Юрковский, — слушал ли ты отчет экспедиции к Вэйяну?

— Куда?

— К Вэйяну... Не слушал? И впервые слышишь это название? Ты мне жалок, Богдан!

— А что это такое, в самом деле? — спросил Дауге.

— Вэйян — это крошечная планетка, орбита которой находится внутри орбиты Меркурия. Среднее ее расстоя-

ние от Солнца около десяти миллионов километров. Ее открыли три года назад китайские товарищи и назвали Вэйян — «Телохранилитель Солнца» или что-то вроде этого. Из-за близости к Солнцу она с большой скоростью испаряется и, надо думать, через сотню лет совсем сойдет на нет... Так ты действительно не слыхал о ней? — снова обратился Юрковский к Богдану.

Тот покачал головой.

— Тогда слушай то, что рассказывал нам в прошлом году Федя. И ты будешь посрамлен, приготовься! Потому что Федя, участвовавший в этой экспедиции, говорил: «На таком расстоянии от Солнца нельзя было пренебрегать всякими неизвестными еще каверзами, какие может выкинуть мощное поле тяготения». А каверзы были и чуть не стоили экспедиции жизни. Вот так-то...

— Ладно, ты рассказывай.

— Слушай. Лу Ши-эру не удалось подобраться к этой планетке вплотную, но орбиту ее он вычислил достаточно точно. И вот первая неожиданность: наши обнаружили планетку совсем не там, где ей полагалось быть по расчетам Лу Ши-эра.

— Лу ошибся,— проворчал Богдан.

— Допустим. Чтобы не изжариться, командир оборудовал планетолет зеркальным экраном. Сначала все было хорошо. Планетку нашли и устремились в ее тень. Она очень мала — яйцевидная глыба кристаллического железа в несколько десятков километров в диаметре. Вращается быстро и не успевает остывать, но наши надеялись провести наблюдения, укрывшись за ней от Солнца. Но не тут-то было... — Юрковский сделал эффектную паузу и торжествующе взглянул на Спицына. — Чем ближе планетолет подходил к Солнцу, тем сильнее давали себя знать новые и странные явления. Солнце меняло цвет, оно темнело и становилось красным, его видимые размеры росли гораздо быстрее, чем этого требовали законы перспективы. Наконец... — снова торжествующий взгляд в сторону Спицына, — оно стало греть и светить сразу с двух сторон! Тени не было. Федор говорил, что это страшно. Планетолет почти касался раскаленной поверхности Вэйяна, но тени не было! Солнце, огромное, пышущее нестерпимым жаром, будто обступило планетолет со всех сторон. Там, где ему не полагалось быть, с противоположной стороны, также жарко и тускло светило багровое пятно, заслонившее все небо...

— Мираж,— нерешительно предположил Богдан.

— Мираж в пустоте! Мираж, который обжигает и испускает потоки протонов! Ну хорошо, положим. А то, что все гироскопические устройства на планетолете вышли из строя,— это тоже мираж? А то, что все хронометры, в том числе и обыкновенные ручные часы, отстали, как оказалось после возвращения, ровно на двадцать три минуты каждый,— это тоже мираж?

Богдан молчал.

— И чем же все это объясняется? — не вытерпел Быков.

— Разумеется, тем, что поле тяготения в такой близости от Солнца исковеркало, изменило «абсолюты» пространства и времени. Тебе остается только одно утешение.— Юрковский картинно протянул к Богдану руку.— Все эти явления не могут быть объяснены даже эйнштейновской теорией. Но факт остается фактом: пространство — это не «просто пространство», о котором ты так легкомысленно разглагольствовал перед нами полчаса назад. Порукой тому седые волосы Феди, которому удалось увести планетолет от Вэйяна только после пятой или шестой попытки.

Юрковский замолчал и стал, посвистывая, ходить по кают-компании. Быков напряженно думал, что могли означать странные слова «тяготение изменило время и пространство». Но едва он собрался задать вопрос, как Дауге, уже с минуту иронически поглядывавший на Юрковского, положил конец дискуссии:

— Владимир, хватит болтать! Накрывай на стол и зови Анатолия Борисовича. Пора ужинать.

После ужина за столом остались все, кроме Крутикова, ставшего на вахту. Ермаков, чуть заспанный, но, как всегда, гладко причесанный и подтянутый, сидел над маленькой чашкой тонкого фарфора и с удовольствием смаковал горячий кофе. Богдан и Юрковский, по обыкновению, пересмеивались, вспоминая какие-то смешные случаи из их студенческой жизни. Дауге серьезно и сосредоточенно составлял какой-то фантастический напиток по меньшей мере из десяти различных фруктовых соков. Мягкий матовый свет озарял каюту, все было устойчиво, уютно, спокойно, и Быков в сотый раз подумал о том, как не вяжется такая обстановка с мыслью о металлическом ящике, с бешеной скоростью поглощающем миллионы километров черной пустоты.

— О чем задумался, Алексей? — спросил Дауге.

Быков виновато улыбнулся:

— Так, понимаешь... мысли! Вот сидим, чай распиваем... Я совсем не так себе это представлял.

— Да как ты это вообще представлять мог? — Иоганыч комически изумился.— Ах, по книжкам? По газетным очеркам?

— Хотя бы...

Юрковский напыщенно изрек:

— Героические межпланетники отважно преодолевали все трудности опасного перелета, мужественно шагая навстречу опасности...

— Да... вроде этого. И, кроме того, я ожидал невесомости и всяческих новых ощущений.

— Да побойся бога...

— Нет-нет, я знаю, что в корабле, движущемся с постоянным ускорением, невесомости быть не может. Но все-таки это было разочарованием.

Богдан и Дауге расхохотались.

— Поверьте, Алексей Петрович,— серьезно сказал Юрковский,— без невесомости гораздо удобнее. Вам ведь посчастливилось. А вот, помнится, тому назад лет шесть совершали мы рейс на Луну. И с нами отправился — тоже в свой первый рейс, заметьте,— некий специалист. Только не по пустыням, а по селенографии. Много времени он писал о Луне, изучал Луну, спорил о Луне, а на Луне никогда до того не был. Боялся лететь. Но... так уж устроена наша жизнь...

— Это ты про Глузкина? — спросил Дауге.

— Про него, про Глузкина,— усмехнулся Юрковский.— Так вот, стартовали мы. Летим. Выключили реактор, освободили пассажиров из амортизационных ящиков. Все им было сверхинтересно — невесомость, понимаете ли, новые ощущения и прочее. Этот Глузкин тоже радуется, хотя и бледен немного. Часа через два подбирается он ко мне и спрашивает: «Где здесь умывальная комната, товарищ?» А я, видите ли, забыл, что он новичок. «Идите,— говорю,— по коридору, последняя дверь направо». И ничего больше не объяснил. Он, сердешный друг, и отправился.

Теперь улыбались все: Дауге, Богдан и даже Ермаков. Быков слушал насупясь.

— Ну, заперся там, как полагается,— продолжал Юрковский.— Проходит пять, десять минут, четверть часа — нет его! Потом появляется... весь мокрый с ног до головы. Ругается, водяные пузыри вокруг него целым облаком летают... Мы все кто куда прятаться. Включили на полную мощность вентиляторы, насилу очистили коридор.

Ругался селенограф — спасу не было! До сих пор краснею, когда вспоминаю. А ведь там с нами были женщины. Вот что иногда невесомость учиняет, Алексей Петрович! — торжественно заключил Юрковский.

— Да, в общем, невесомость — удовольствие ниже среднего, — подтвердил Дауге, когда смех утих. — Пока научишься, как себя вести, намучаешься изрядно...

— Я помню, — сказал Богдан, — как один товарищ...

— Погодите-ка, — прервал его Ермаков.

Тонкий, едва слышный звук доносился сверху, то стихая, то усиливаясь волнообразно, словно писк комара в лагерной палатке. И Быков увидел, как медленно сошла краска с окаменевшего лица Ермакова, как внезапно до синевы побледнел Дауге, широко раскрыл глаза Спицын, а на скулах Юрковского выступили желваки. Все смотрели куда-то поверх его головы. Он обернулся. Под самым потолком, в складках стеганой кожи обивки, разгорался, пульсируя, красноватый оттенок. Кто-то хрипло чертыхнулся и вскочил. С сухим стуком упал стакан, по скатерти расплозлось красное пятно. И в то же мгновение оглушительный звон заполнил кают-компанию. Потолок, лица, руки, белая скатерть — все озарилось зловещим малиновым блеском.

— Излучение! — проревел над самым ухом чей-то незнакомый голос.

Быков как замороженный глядел на судорожно вспыхивающую красную лампочку-индикатор, похожую на палец, торчащий из стены. «Дзанн, дзан, дзззанн!» — надрывался сигнальный звонок. Дверь распахнулась, на пороге появился Крутиков.

— Излучение! — крикнул он.

Осунувшееся лицо его было покрыто потом. Ермаков спокойно проговорил, едва разжимая белые губы:

— Видим и слышим.

— Почему, откуда? — пробормотал Богдан.

Юрковский пожал плечами:

— Праздный вопрос.

— Не праздный, не праздный! — словно задыхаясь, торопливо сказал Дауге. — Может быть, еще можно закрыться...

— Спецкостюмы?

— А хотя бы и спецкостюмы!

— Ерунда, — убежденно сказал Богдан. — Ведь пробило оболочку и защитный слой...

«Дзанн, дзззан, дзззан...»

— От этого не закроешься, — прошептал Крутиков.

Дауге криво улыбнулся.

— Так, — сказал он. — Что ж, будем ждать.

Крутиков с какой-то чопорной торжественностью поднял упавший стакан и уселся между Ермаковым и Быковым.

— Рентген сто, не меньше, — заметил Юрковский.

— Больше, — отозвался Богдан.

— Сто пятьдесят. Кто больше? — Дауге взял со стола чайную ложку и стал сгибать ее трясущимися пальцами. — Честное слово, я чувствую, как в меня врезаются протоны!

— Интересно, долго это будет продолжаться? — проворчал Юрковский щурясь, глядя на лампу-индикатор.

— Если больше пяти минут, нам труба...

— Прошло две минуты, — объявил негромко Ермаков.

Крутиков поправил воротник комбинезона, захлестнул раскрывшуюся «молнию» на груди и полез в карман за трубкой.

«Дзанн, дззанн, дзан...»

— Они сидели под ливнем смерти и слушали очаровательную музыку, — сказал Юрковский. — Слушайте, нельзя ли выключить этот проклятый трезвон? Я не привык умирать в таких условиях.

«Дзанн, дззанн, дзан...»

Дауге наконец сломал ложечку и швырнул обломки на стол. Все устали на них.

— Первая жертва лучевой атаки, — сказал Юрковский. — Иоганыч, будь другом, засунь руки в карманы...

Быков зажмурился. Пять минут — и конец? И, главное, ничего не поделаешь, ни-че-го.

И вдруг звон прекратился. Красный глазок индикатора погас. Тишина. Долго сидели они молча, не смея шевельнуться, слишком ошеломленные, чтобы радоваться. Наконец Ермаков проговорил, обращаясь к Юрковскому:

— Все-таки вы фат, Владимир Сергеевич. Позер...

Дауге нервно рассмеялся. На Крутикова напала икота, и он, морщась, потянулся за сифоном с содовой.

— Виноват, Анатолий Борисович! Каюсь, есть немножко, — сказал Юрковский. — В юности блистал в театральной самодеятельности... — Он потянулся, хрустнув суставами. — Будем надеяться, что обойдется без последствий. У меня и без того на текущем счету целая куча этих рентгенов.

Быков оцумело вертел головой.

— Неужели всего две минуты? — спросил он.

— Что ж, товарищи,— глухо проговорил Ермаков вставая.— Будем считать инцидент исчерпанным. Теперь — немедленно за проверку внутренней защиты!

— Надо же! Ведь такие вещи раз в десять лет бывают! — пробасил Крутиков.— Кстати, чем же это вызвано, по-вашему?

— Ясно даже и ежу: космические лучи,— ответил Юрковский.

— Отлично, если так. Я, грешным делом, подумал, что кожух фотореактора лопнул.

Богдан посмотрел на часы:

— Мне на вахту, Анатолий Борисович. И время подавать сигналы на Землю. Будем сообщать?

— Нет! — сухо отрезал Ермаков.— Незачем зря волновать людей. Подавайте обычное «все благополучно». И еще: сейчас прошу всех по очереди по очереди в медпункт для прививок и дезактивации. Дауге — первый. А потом — проверять и проверять защиту.

— Но пока можно позволить себе кружечку кофе! — весело заметил Крутиков.— Э-э, да он совсем остыл! Алеша, будь другом, включи...

— И все же героическим межпланетникам приходится мужественно преодолевать трудности,— сказал Быков, взглянув на Юрковского.

Тот беспечно рассмеялся:

— Не трудности, дорогой Алексей Петрович, а всегнаншего страх смерти. Трудности будут еще впереди. Это я вам гарантирую, как говорил Краюхин.

Сигнал бедствия

Загадка космической атаки объяснилась через несколько часов. В ответ на осторожный запрос Ермакова была получена выписка из сводки Крымской актинографической обсерватории, и из выписки этой явствовало, что как раз в те минуты, когда экипаж «Хиуса» готовился к гибели от смертоносного излучения, на Солнце наблюдалось мощное извержение раскаленных газов — явление, вообще говоря, вовсе не редкое и достаточно хорошо изученное. Плотная струя ядер атомов водорода — протонов — с колоссальной скоростью устремилась в пространство и «окатила» планетолет, оказавшийся на ее пути.

Лишь часть протонов прошла через панцирь из легированного титана, усиленный слоем «абсолютного отражателя», но они образовали в его толще бесчисленные источ-

ники чрезвычайно жесткого гамма-излучения, для которого преград практически не существовало. Гамма-лучи и воздействовали на индикаторы и сигнальные устройства и едва не погубили экспедицию в самом начале ее пути.

Это было гораздо опаснее встречи с метеоритом. Продлись протонная бомбардировка хотя бы четверть часа — и на «Хиусе» не осталось бы ни одного живого человека. Даже менее продолжительное гамма-излучение такой жесткости могло принести экипажу много серьезных неприятностей: кое-кто из старых межпланетников, уже подвергавшихся в прошлом лучевым ударам, неминуемо заболел бы. К счастью, в распоряжении Ермакова были новейшие препараты, предоставленные в свое время комитету одним из биофизических научно-исследовательских институтов. Введенные в организм, они полностью или почти полностью ликвидировали последствия не слишком тяжелых радиоактивных поражений.

— Я слышал о таких историях, — заметил Богдан, когда Ермаков зачитал радиограмму. — Кажется, именно так погиб лет пятнадцать назад один немецкий космотанкер. Но, если взрывы на Солнце — не редкость, почему нам так редко приходится сталкиваться с этими протонными фонтанами?

— Очень просто, — отозвался Юрковский. — Я бы сказал, достаточно странно, что с ними вообще приходится сталкиваться. Протонный поток распространяется весьма узким пучком, и вероятность попасть в него ничтожна.

— Нам просто повезло, — вздохнул Дауге. — Омерзительное состояние, когда тебя вот так запросто убивают, а ты ничего не можешь сделать. И потом... я вообще терпеть не могу уколов, а от этих вдобавок сильно болит поясница.

— И даже спецкостюмы не могли бы помочь? — поинтересовался Быков.

— Какие там спецкостюмы!.. — Дауге махнул рукой. — От этого, Алексей, никакие костюмы не спасут. Энергия в десятки миллиардов электроновольт! Но, к счастью, все позади...

— Пока еще не все, — сказал Ермаков.

— А что такое?

— В рубке до сих пор мигают индикаторы.

Юрковский живо обернулся к нему:

— Мигают?

Ермаков кивнул.

— Мигают, черт бы их взял, — подтвердил Богдан.

— Сильно?

— Да нет, этак на одну сотую рентгена. Но все-таки мигают...

— Значит, извержение еще не прекратилось... А ведь мы летим как раз около оси протонного пучка...— Дауге с озабоченным видом задумался.

— Никуда не годится! — Юрковский с видом учителя, уличившего ученика в ошибке, покачал головой.— Солнце вращается, и место извержения давно переместилось в сторону. Нет, здесь что-то другое...

— Наведенная радиация,— сказал Ермаков.

— Ну конечно! — обрадовался Дауге.— Этого и следовало ожидать. Под воздействием протонной бомбардировки часть атомов в толще стен «Хиуса» стала радиоактивной, только и всего...

— Хорошенькое «только и всего»! С этим будет такая возня...

— Не думаю,— возразил Спицын.— Ведь радиация не очень сильная, допустимую дозу не превышает.

— Хорошо еще, что сверху нас прикрыл «Мальчик»,— осмелился вставить свое слово Быков.

— Да, «Мальчик»...— Ермаков подумал.— Ведь «Мальчик» тоже может оказаться зараженным. Это было бы неприятно.

— Сделаем вылазку, проверим? — предложил Юрковский.

— Только после того, как повернемся зеркалом к Солнцу. Примерно через сутки.

— Подумать только,— проговорил Дауге, который, видимо, все еще осмысливал пережитое,— если бы эта гадость длилась еще несколько минут, все было бы кончено! «Хиус» с мертвым экипажем!

— И через пятьдесят часов мы раскаленным облаком врезаемся в Солнце...

— Мертвый планетолет с мертвым экипажем...— Богдан посмотрел на Ермакова.— Такие уже есть, не так ли, Анатолий Борисович?

— Межпланетные «Летучие Голландцы»...

— Что с ними случилось? — с понятным любопытством осведомился Быков.

— Разные причины... Болезни, вывезенные с других планет, такие же вот вспышки на Солнце...

На этом разговор закончился.

Жизнь на планетолете шла своим чередом. Ермаков вел наблюдение за работой фотонной техники и разрабатывал совместно со штурманом какую-то проблему новой космо-

гации; геологи в сотый раз пересматривали программу исследовательских работ на Голконде; Быков читал книги по астрономии; Богдан Спицын все свободное время возился с радиоаппаратурой.

Однажды Богдан позвал всех к рубке.

— Слушайте! — сказал он, счастливо улыбаясь. — Говорит Марс, Песчаная Бухта. Это для нас.

«...Очень недолго, — говорил высокий веселый женский голос. — И вот в долине, закрытой от холодных бурь отрогами Срединного Хребта, мы обнаружили мелководные озера и обширные луга, словно из детской сказки. Ах, товарищи, если бы вы знали, какая это красота! Вы поднимаетесь на вершину холма и видите: лиловая гладь озера, неподвижная, как зеркало, необыкновенный ковер высоких оранжевых трав и огромных ярко-зеленых цветов, и над всем этим — темно-фиолетовое небо. Нам хотелось сорвать с себя скафандры...»

Быков видел, как на лицах товарищей восторг и радость борются с недоверием, губы их сами собой раздвигаются в счастливые улыбки, глаза загораются мягкими теплыми огоньками.

— Это Марс! — прошептал Дауге. — Ребята, подумайте, это Марс, мертвый Марс!

«...Мы назвали эту долину «Долиной «Хиуса», в вашу честь. Мы не можем поднести вам воды из ее озер, цветов с ее полей, мы не можем, к сожалению, даже показать вам ее, но пусть она носит имя вашего корабля, отважные друзья наши! Вот... Одну минуту... Нам пора заканчивать. До свидания, желаем вам всем удачи — тебе, Анатолий Ермаков, тебе, Владимир Юрковский, тебе, Михаил Крутиков, тебе, Богдан Спицын, тебе, Григорий Дауге, и тебе, Алексей Быков...»

В этот день за обедом Юрковский, Дауге и Спицын долго говорили, перебивая друг друга, о своих походах на Марсе.

Прошло пятьдесят пять часов полета, и Ермаков объявил, что наступило время повернуть «Хиус» зеркалом к Солнцу и начать торможение. Скорость планетолета к этому моменту достигала тысячи двухсот километров в секунду. В течение последующих сорока часов «Хиус» должен был двигаться с отрицательным ускорением относительно Солнца, чтобы прийти к месту встречи с Венерой с нулевой скоростью.

Все это Дауге торопливо объяснил Быкову, пока они готовили кают-компанию к повороту: задраивали книжный

шкаф и буфет, убрали все, что могло падать и сдвигаться с места. Затем по команде из рубки все прикрепилось к креслам ремнями.

Быков ждал ощущений, похожих на те, которые ему пришлось испытать во время пробегания «Мальчика», но все обошлось гораздо проще. Благодаря необыкновенному искусству Спицына планетолет перевернулся плавно, быстро. Секундное состояние невесомости прошло почти незамеченным. Сидевшим в кают-компании показалось только, что пол под ними взмыл вбок, на мгновение остался в вертикальном положении и снова плавно встал на свое место.

«Хиус» мчался к Солнцу реакторными кольцами вперед, фотонный реактор действовал по-прежнему, придавая ему постоянное ускорение в 10 метров в секунду за секунду, но теперь скорость планетолета относительно Солнца непрерывно уменьшалась. После обеда Быков напомнил Ермакову о необходимости проверить «Мальчика» на радиоактивность.

— Кроме того, — добавил он, — хоть у нас и нет оснований сомневаться в прочности крепления контейнера к корпусу «Хиуса», все же не грех поглядеть, не нарушилось ли что-нибудь во время поворота. Надо пойти и посмотреть.

— Пойти посмотреть? — Ермаков прищурился. — Не думаю, что это так просто...

— Но ведь мы... я не раз выходил наружу во время прежних рейсов, — вступил в разговор Юрковский.

— Во время прежних рейсов — пожалуй. А сейчас речь идет о том, чтобы выйти из планетолета, двигающегося ускоренно.

— Мм... — Юрковский закурил губу, соображая.

— Представляете себе, что произойдет с вами, если вы сорветесь? — продолжал Ермаков.

— «Хиус» улетает прочь, а ты попадаешь чуть ли не в фокус, где взрывается плазма, — сказал Дауге.

Быков решительно шагнул вперед.

— Анатолий Борисович, позвольте мне, — проговорил он. — «Мальчик» — мое хозяйство, и я за него отвечаю.

— Статья восемнадцатая «Инструкции межпланетного пилота»: «Воспрещается во время рейса выпускать пассажиров за борт корабля», — быстро процитировал Юрковский.

— Так. Таков закон, — кивнул Дауге.

— Я не пассажир! — возразил Быков, негодуя оглядываясь на него.

— Одну минуту,— сказал Ермаков.— Алексей Петрович, я действительно не имею права выпустить вас наружу. Практики, опыта не хватает... Мало того, если бы даже и имел, то все равно не выпустил бы: в случае несчастья никто не сможет заменить вас на «Мальчике».

— И риск лишиться такого повара...— лицемерно вздохнул Юрковский.

Быков холодно взглянул на «пижона», но не ответил и снова уставился на Ермакова.

— Фотореактор мы выключим, так что риска тут никакого не будет,— продолжал тот. (Лицо Юрковского вытянулось.) — Что же касается ответственности, то здесь на корабле за все — и за команду, и за груз — отвечаю я. Так что дело не в этом. Спицын сейчас на вахте, Крутиков собирается отдыхать. Впрочем, Михаила Антоновича тоже вряд ли стоит посылать. Он слишком... грузен для такого дела.

— Кгхм,— произнес Крутиков, заливаясь краской.

— Значит, я? — с улыбкой сказал «пижон».

— Владимир Сергеевич действительно прошел специальную школу и напрактиковался во время перелетов,— заключил Ермаков.— Итак, я или Владимир Сергеевич...

— Статья шестнадцатая,— сейчас же сказал Дауге.— «Командиру корабля запрещается выходить за борт во время рейса».

— Так, таков закон! — воскликнул со смехом Юрковский и вышел.

Быков угрюмо опустил голову и отошел в сторону.

— Не огорчайся, Алексей! — Дауге хлопнул его по плечу.— Ведь здесь, мой друг, не только и не столько смелость нужна, сколько сноровка.

— Не велика хитрость.

— Ну хорошо. А о вакуум-скафандре ты имеешь представление?

— О чем?

— О вакуум-скафандре. О костюме для работы в безвоздушном пространстве.

— А разве в спецкостюме нельзя?

— Что ты, Алексей! Тебя в нем так раздует, что ты не сможешь пошевелить ни рукой, ни ногой. Ты видел раздутый спецкостюм в кабинете Краюхина?

Быков вздохнул:

— Видно, не судьба... Очень уж хотелось посмотреть на это ваше «пространство» в натуре.

— Ничего, Алексей Петрович! — Ермаков неожиданно мягко взглянул на него. — Пространство в натуре вы еще увидите.

Вернулся Юрковский, сгибаясь под тяжестью двух объемистых серых тюков.

— Может быть, не будем выключать фотореактор? — спросил он, ловко распаковывая их и извлекая прозрачный цилиндр, сдвоенные баллоны и еще какие-то приспособления.

— Обязательно выключим. Вот, кстати, Алексей Петрович, сейчас вы познакомитесь с миром без тяжести. Советую не покидать кают-компания и не делать резких движений.

— Не понимаю...

— Как только выключат фотореактор, ускорение исчезнет, планетолет станет двигаться равномерно, а раз ускорения нет — нет и тяжести.

— Вот оно что! — Лицо Быкова просветлело, и он потер руки. — Очень интересно... А то, знаете, обидно даже: был в межпланетном перелете и не испытал...

— Готово! — объявил Юрковский.

Он стоял в дверях, закованный с ног до шеи в странный панцирь из гибких металлических колец, похожий на чудовищное членистоногое с человеческой головой. Цилиндрический прозрачный шлем-колпак он держал под мышкой. Быкову уже приходилось видеть межпланетный скафандр на фотографиях и в кино, но он не удержался и обошел вокруг Юрковского, с любопытством оглядывая его.

— Пошли, — коротко приказал Ермаков.

Быков уселся в кресло и молча проводил взглядом товарищей.

Топот ног в коридоре затих, послышался тихий звон закрываемой двери. Дауге крикнул: «Куда трос крепить, Анатолий Борисович?» Затем все стихло.

— Внимание! — раздался в репродукторе голос Спицына.

В ту же минуту Быков почувствовал, что его мягко поднимают в воздух. Он судорожно вцепился в ручки кресла. Что-то тонко засвистело, по планетолету пронесся холодный ветерок. Быков шумно вздохнул. Ничего страшного как будто не произошло. Тогда он осторожно разжал пальцы и встал.

Когда через четверть часа Дауге, Михаил Антонович и покрытый белой изморозью Юрковский, цепляясь за специальные леера на кожаной обивке стен, вернулись в кают-компанию, Быков, красный, потный и взволнован-

ный, висел в воздухе вниз головой над креслом и тщетно пытался дотянуться до него хотя бы кончиками пальцев.

Увидев это, Юрковский восторженно взвыл, выпустил леер из рук, стукнулся головой о потолок и снова выпорхнул в коридор. Дауге и Михаил Антонович, давясь от хохота, подползли под мрачно улыбающегося водителя «Мальчика» и стянули его на пол.

— Как... тебе показался... мир без тяжести? — вскрикнул Дауге. — Ис...испытал?

— Испытал, — кротко ответил Быков.

— Внимание! — рявкнул репродуктор.

Когда вновь был включен фотореактор и все пришло в порядок, Юрковский рассказал о результатах своей вылазки. Контейнер с «Мальчиком» излучает, но не сильно, едва заметно. Крепления не пострадали — по крайней мере, наружные, — что, собственно, и было самым важным.

— Серп Венеры виден простым глазом. Вокруг Солнца — корона, как жемчужное облако! Ну скажите же мне, почему я не поэт? — Юрковский встал в позу и начал: — «Бездна черная...»

— Бездна жгучая, — серьезно добавил Богдан Спицын, забежавший с вахты глотнуть кофе.

Юрковский поглядел на него с отсутствующим выражением и начал снова:

Бездна черная крылья раскинула,
Звезды — капли сверкающих слез...

...Э-э-э... как там будет дальше?

— Отринула, — предложил Богдан.

— Молчи, презренный...

— Ну, накинула...

— Подожди... минутку...

Бездны черные, бездны чужие,
Звезды — капли сверкающих слез...
Где просторы пустынь ледяные...

— Там теперь задымил паровоз, — закончил Богдан самым лирическим тоном.

И никто не проронил ни слова о злосчастном приключении Быкова в мире невесомости. В планетолете снова воцарились покой, тишина, обычная, почти земная жизнь.

Быков и Дауге сидели в кают-компании за шахматами, когда вошел озабоченный Крутиков.

— Слыхали новость, ребята?

Быков вопросительно взглянул на него, а Дауге, покусывая ноготь, спросил рассеянно:

— Что там еще случилось?

— Связи нет.

— С кем?

— Ни с кем нет. Ни с Землей, ни с «Циолковским».

— Почему?

Крутиков пожал плечами, запустил руку в буфет и достал вафлю.

— И давно нет связи?

— Больше часа.— Крутиков с хрустом раскусил вафлю.— Ермаков с Богданом все перепробовали. Шарили на всех волнах. Пусто, хоть шаром покати. И что удивительно — обычно всегда наткнешься на чей-нибудь разговор. А сейчас на всем диапазоне мертвая тишина, словно на морском дне. Ни единого звука, ни единого разряда.

— Может быть, аппаратура испортилась? — предположил Дауге.

— Все три комплекта сразу? Вряд ли.

— Или антенны не в порядке?

Штурман пожал плечами. Дауге пробормотал: «Опять не все слава богу» — и смешал фигуры.

— Где Володька?

— У себя, наверное...

Быков тронул Михаила Антоновича за рукав:

— Может быть, разладился только прием, и они нас слышат?

— Все может быть. Но вообще — весьма странно. Вдруг ни с того ни с сего отказали все радиустановки сразу. Никогда еще такого не бывало. Правда, Ляхов предупреждал... Но... это, понимаешь, как-то тревожно... неуютно как-то...

Быков с симпатией посмотрел на его доброе круглое лицо с маленькими грустными глазками.

— Да... я понимаю, Михаил Антонович.

Действительно, стало очень неуютно. Смутное предчувствие несчастья овладело Быковым. Может быть, потому, что всякая, даже ничтожнейшая неприятность на межпланетном корабле представлялась ему большой бедой. Но и Крутиков, по-видимому, испытывал нечто подобное, а уж его никак нельзя было заподозрить в мнительности новичка.

— Не вешайте носа, друзья! — с наигранной веселостью воскликнул Дауге.— Пока ничего страшного не случилось, не правда ли? Ну, временно потеряна по каким-

то причинам связь. Но двигатели в порядке, продовольствия достаточно, «Хиус» идет по курсу...

Крутиков вздохнул. И опять Быков понял его. Для них, детей Земли, связь была единственной живой, осязаемой ниточкой, протянувшейся к ним с родной планеты. И обрыв этой животворной ниточки, даже временный, действовал угнетающе. Быков вдруг каждой своей кровинкой ощутил глухое, невероятное одиночество «Хиуса». Десятки и сотни миллионов километров безмолвной пустоты свинцом легли на плечи, отрезали от других миров и от матерински теплой, родной Земли. Десятки и сотни миллионов километров ледяной пустоты... Эти невообразимые пропасти — вовсе не «ничто». Нет, они живут какой-то своей особой и непонятной жизнью, по каким-то непостижимым законам, сложные, коварные...

Быков взглянул на Дауге, рассеянно перебирившего шахматные фигурки, и ему стало стыдно своих мыслей. Достаточно того, что он струсил тогда, перед стартом. Ведь самое страшное, что может произойти... Да почему что-нибудь вообще должно произойти?

— Новые шалости нашего возлюбленного пространства,— сказал, входя, Юрковский.— Как вам это нравится?

— Совсем не нравится,— буркнул Дауге.— Перестань паясничать! Надоело... На Земле Краюхин с ума сойдет.

— Ну, за старика бояться нечего! Голова у него покрепче, чем у нас с тобой. Мне кажется, связь исчезла потому, что участок пространства, где мы сейчас находимся, так или иначе непроходим для радиоволн. Объяснить не берусь, но... Во всяком случае, на радиоаппаратуру сваливать нечего. И тем более на антенны.

— Фантазер! — вздохнул Михаил Антонович.— Ну где ты видел, чтобы пустота не проводила радиоволн?

— До сегодняшнего дня — нигде. А Ляхов видел. И я сейчас вижу, достопочтенный скептик. Тебя даже фактами не проймешь.

— Видишь?

— Вижу.

— Шиш ты видишь, Владимир Сергеевич!

— Я вижу шиш? — с подчеркнутой вежливостью спросил Юрковский.

— Ага.

Юрковский повернулся на каблуках и пошел из каюты. На пороге он остановился:

— Рекомендую всем присутствующим подняться к входу в рубку. Вам, возможно, удастся услышать кое-что интересное.

Крутиков досадливо поморщился и снова полез в буфет за вафлей. «Фантазер, фантазер», — бормотал он.

Но Дауге промолчал, а Быков в глубине души чувствовал, что прав, вероятно, все же Юрковский. Они поднялись по трапу до раскрытой двери рубки и присоединились к Юрковскому, сидевшему на ступеньке.

Из рубки доносился монотонный голос Богдана:

— Земля, Земля... Вэ-шестнадцать, почему молчите? Земля, Земля... Я «Хиус». Вэ-шестнадцать, почему молчите? Даю настройку: раз, два, три, четыре, пять...

Наступило молчание. Дауге и Быков переглянулись. Юрковский задумчиво поглаживал подбородок. Послышались щелчки каких-то переключателей. Богдан со вздохом сказал:

— Ничего, Анатолий Борисович. Тихо, как в могиле.

— Попробуйте снова на длинных волнах.

— Слушаюсь.

После минутной паузы Слицын заговорил снова:

— Ну хорошо, положим, что-нибудь не в порядке с антеннами. Но ведь такую радиостанцию, как на Седьмом полигоне, можно принимать прямо на корпус. Да и что могло бы случиться с антеннами? Ничего не понимаю! Ведь ни звука, ни шороха... Конечно, Ляхов прав. Это все наша скорость... Земля! Земля! Вэ-шестнадцать, почему молчите? Я «Хиус». Даю настройку: раз, два, три...

— Может быть, Юрковский прав и мы действительно провалились в какую-нибудь четырехмерную яму? — сказал Ермаков.

Юрковский гулко покашлял. Ермаков подошел к двери:

— Вы все здесь?

— Здесь, Анатолий Борисович. Сидим, ждем.

— Что вы думаете по поводу этого?

— Я уже сказал, что я думаю... — Юрковский пожал плечами.

— Может быть, может быть... Но от всех этих искривленных пространств очень полахивает математической мистикой.

— Как угодно, — спокойно сказал Юрковский. — Мне это мистикой не кажется. Я думаю, легко убедиться, что это самая настоящая объективная реальность, данная нам в ощущениях.

Ермаков помолчал.

— Где Михаил?

— В кают-компании, вафли лопают.

— Надо будет...

Радостный крик Богдана прервал Ермакова:

— Отвечают! Отвечают!

Все вскочили на ноги. Сухой, надтреснутый голос устало произнес:

— Я Вэ-шестнадцать. Я Вэ-шестнадцать. «Хиус», «Хиус», отвечайте. «Хиус», отвечайте. Я Вэ-шестнадцать. Даю настройку: раз, два, три, четыре. Три, два, один. «Хиус», отвечайте...

— Это Зайченко,— пробормотал Юрковский.

Богдан торопливо заговорил:

— Вэ-шестнадцать, слышу вас хорошо. Вэ-шестнадцать, я «Хиус», слышу вас хорошо. Почему так долго не отвечали?

— Я Вэ-шестнадцать, я Вэ-шестнадцать,— не обращая, по-видимому, никакого внимания на ответ Богдана, продолжал Зайченко.— «Хиус», почему не отвечаете? Почему замолчали? «Хиус», отвечайте. Я Вэ-шестнадцать...

— Мы их слышим, они нас — нет,— сказал Дауге.— Час от часу не легче. Ну-ка...

— Я «Хиус», слышу хорошо,— упавшим голосом повторял Богдан.— Я «Хиус», слышу вас хорошо. Вэ-шестнадцать, я «Хиус»...

— Я Вэ-шестнадцать, я Вэ-шестнадцать. «Хиус», отвечайте...

Прошел час. Тем же монотонным, полным безнадежного ожидания голосом Седьмой полигон вызывал «Хиус». Так же монотонно и устало отвечал Богдан. Седьмой полигон не слышал его. Пространство доносило до «Хиуса» радиосигналы с Земли, но не пропускало его радиосигналы. Ермаков неустанно расхаживал по рубке. Юрковский сидел неподвижно с закрытыми глазами. Дауге барабанил по колену костяшками пальцев. Быков вздыхал и гладил ладонями колени. В рубку, посасывая пустую трубочку, прошел Крутиков.

— Я Вэ-шестнадцать. «Хиус», отвечайте...

Что-то зашуршало и затрещало в эфире. Новый, незнакомый голос ворвался в планетолет, задышающийся и хриплый голос:

— Хильфе! Хильфе! Сэйв ауа соулз! На помосч! На помосч! Тэйк ауа пеленгз!

Юрковский торопливо поднялся. Замер, остановившись как вкопанный, Ермаков. Дауге схватил Быкова за руку.

— Хильфе! Хильфе! — надрывался незнакомец. — Инту — три ауаз ви ар дан... Баллонен... На помосч! Кончается... — Голос потонул в неистовом треске и взвизгивании.

— Что это? — пробормотал Быков.

— Кто-то гибнет, просит помощи, Алексей... — одними губами прошептал Дауге.

— ...Координатен... цвай ун цванциг... двадцать два... Задохнемся... Цум аллес...

— Спицын, на пеленгатор, живо! — приказал Ермаков.

— Есть!..

— Ауа пеленгз... тэйк ауа пеленгз... Унзерен пеленген...

— Немедленно идти к нему! — крикнул Юрковский.

— Вопрос — куда?

— Спицын, что у вас там?

После короткой паузы раздался изменившийся голос Спицына:

— Пеленг не берется!

— Как — не берется?

— Не берется, Анатолий Борисович, — дрожащим тенорком простонал Спицын. — Сами убедитесь...

Не сговариваясь, не оглядываясь друг на друга, Юрковский, а за ним Дауге и Быков протиснулись в рубку. Быков заглянул через плечо Ермакова. Тонкая длинная стрелка медленно и вяло кружилась по циферблату, нигде не задерживаясь и слегка подрагивая на ходу. Юрковский выругался.

— Хильфе! Хильфе!.. На помосч... Тасукэтэ курэ! Наши пеленги.

Все растерянно глядели друг на друга. Богдан с остервенением крутил барабан настройки пеленгатора; щелкая рычажками, включал и отключал какие-то приборы. Взять пеленг не удавалось.

— Заколдованное место, — прошептал Богдан, вытирая со лба пот.

— Это позор для нас, — тихо сказал Дауге, — люди гибнут...

Ермаков стремительно повернулся к нему:

— Почему вы в рубке? Кто разрешил? Марш за дверь, вы, трое...

На ступеньках Юрковский присел на корточки и уткнул подбородок в ладони. Быков и Дауге стали рядом.

— На помосч! На помосч! — надрывался хриплый голос. — Эврибоди ху хиарз ас, хэлп!

Быков, затаив дыхание, слушал. Он не знал, кто вызывает о помощи, не знал, что произошло там, он чувствовал только, всем существом своим чувствовал страшное отчаяние, сквозившее в каждом звуке этого голоса.

— Если бы только знать, где они находятся!.. — прошептал Юрковский.

— Черт! — злобно выкрикнул Дауге. — Неужели никто, кроме нас, их не слышит?

— Насколько я знаю, кроме нас сейчас в полете не менее семи кораблей. Из них только два — китайский и английский — имеют некоторый запас свободного хода. Но все равно, пока они рассчитают новую траекторию, пройдет не менее часа... Странно, что мы их не слышим все-таки...

— Кого?

— Тех... других...

— Только «Хиус» мог бы лететь без всяких расчетов траекторий, прямо на пеленг, — сказал Дауге.

— Был бы пеленг...

В дверях появлялся Ермаков, бледный с блестящими, словно стеклянными, глазами.

— Спускайтесь в каюты, товарищи! — приказал он. — Укладывайтесь по койкам, пришвартуйтесь к ним. Попробуем выскочить из этого проклятого мешка. Ускорение превысит норму в четыре раза — имейте в виду. Дауге, покажете Быкову, как вести себя при перегрузке.

— Есть!

Юрковский поднялся и первым пошел вниз. И тут из рубки раздались новые звуки. Чей-то резкий, уверенный голос на скверном английском спрашивал:

— Ху токс? Хиар ми? Ху токс? Ай тэйкн ёр пеленгз...

Тот, кто звал на помощь, взволнованно ответил:

— Ай хиар ю олл райт!

— Спик чайниз?

— Но...

— Спик рашн?

— Да-да, говорью и понимаю... Вы русски?

— Нет. С вами говорит командир звездолета КСР «Янцзы» Лу Ши-эр. («Добрый старый Лу!» — прошептал Юрковский.) — Мы слышим вас давно, но у нас только направленный передатчик, а ваш пеленг удалось взять лишь несколько минут назад. С кем я говорю?

— Профессор... университети ов Кэмбридж... Роберт Ллойд. На борту корабля «Стар»... Ужасная авария...

Они заговорили по-английски.

— Мы идем к вам по пеленгу, — сообщил Лу.

(«Смелчак!» — Дауге широко раскрытыми глазами взглянул на Юрковского.)

— Спасибо, большое спасибо... Вы где?

— Полчаса назад снялись с международной базы на Фобосе.

Горестный крик раздался в ответ:

— Вам не успеть!.. Нет-нет, вам не успеть! Мы обречены...

— Постараемся успеть. За нами готовятся к вылету аварийные космотанкеры. Мы снимем вас с вашего...

— Не успеть.— Голос англичанина звучал теперь почти спокойно.— Не успеть... Кислорода осталось только... на два часа.

— Да где же вы? Координаты?

— Гелиоцентрические координаты...

Профессор назвал какие-то непонятные Быкову цифры. Наступило молчание. Слышно было, как Ермаков и Богдан торопливо шуршали бумагой, затем зажужжала электронная счетная машина.

— Это в поясе астероидов. Треть астрономической единицы от Марса,— сообщил наконец Крутиков.

— Пятьдесят миллионов километров,— угрюмо проговорил Юрковский.— Даже «Хиус», и даже находясь у Марса, не успел бы.

Он поднялся и опустил руки по швам.

— Мне все ясно,— раздался голос Лу.— Нет ли какой-нибудь возможности продержаться хотя бы десять часов? Подумайте.

— Нет... Глицериновые анестезаторы разрушены... Воздух непрерывно утекает — видимо, в оболочке корабля микроскопические трещины...

После короткой паузы профессор добавил:

— Нас осталось двое... и один из нас без сознания.

— Мужайтесь, профессор!

— Я спокоен,— слышался нервный смешок.— О, теперь я совершенно спокоен!.. Мистер Лу!

— Слушаю вас, профессор.

— Вы последний, кто слушает мой голос.

— Профессор, вас, вероятно, слушают сотни людей...

— Все равно, вы последний человек, с кем я говорю. Через какое-то время вы найдете наш корабль и наши тела. Прошу и заклинаю вас передать все материалы, собранные в этот рейс нами, в распоряжение Международного конгресса космогаторов. Вы обещаете?

— Я обещаю вам это, Роберт Ллойд!

— Все, кто слушает нас, будут свидетелями... Материалы я кладу в портфель... портфель крокодиловой кожи... вот так. Он будет лежать на столе в рубке. Вы слышите меня?

— Я вас хорошо слышу, профессор.

— Вот так. Заранее благодарен вам, мистер Лу. Теперь еще одна просьба. На Земле, когда вы вернетесь... вернетесь...— Последовала пауза, слышалось частое всхлипывающее дыхание Ллойда.— Простите, мистер Лу... Когда вы вернетесь, вас, вероятно, навестит моя жена, миссис Ллойд... и сын. Передайте им мой последний привет... и скажите, что я был на посту до конца. Вы слышите меня, мистер Лу?

— Я слышу вас, профессор.

— Вот все... Прощайте, мистер Лу! Прощайте все, кто меня слушает! Желаю всем счастья и удач!

— Прощайте, профессор. Я преклоняюсь перед вашим мужеством.

— Не нужно таких слов... Мистер Лу!

— Слушаю вас.

— Пеленгатор будет работать без перерыва.

— Хорошо.

— Люки вы найдете открытыми.

Пауза.

— Хорошо, профессор.

— Вот, кажется, все. Уанс мо, гуд бай!

Наступила тишина.

— Мы... никак не успели бы? — спросил Быков, еле шевеля одеревеневшими губами.

Никто не ответил. Молча спустились они в кают-компанию, молча расселись по углам, стараясь не глядеть друг на друга. Скоро к ним присоединились Ермаков с Крутиковым. Быков едва сознавал, что делается вокруг. Мысли его были прикованы к картине, услужливо нарисованной воображением: хрипя и задыхаясь, седой человек ползет по коридору, открывая одну за другой массивные стальные двери. Перед последней дверью — наружным люком — он останавливается, оглядывается назад помутневшими глазами. В дальнем конце коридора виден край стола, на котором поблескивает под лампой портфель крокодиловой кожи. Человек проводит по лбу трясущейся рукой и в последний раз глубоко вдыхает разреженный воздух.

— Алексей Петрович!

Быков вздрогнул и оглянулся. Ермаков озабоченно наклонился над ним:

— Ступайте-ка в свою каюту и постарайтесь уснуть.

— Иди, Алексей, иди. На тебе лица нет,— сказал Дауге.

Быков послушно встал и вышел. Проходя мимо трапа, ведущего в рубку, он услышал, как Богдан монотонно повторял:

— Вэ-шестнадцать, Вэ-шестнадцать, я «Хиус». Вэ-шестнадцать, я «Хиус». Даю настройку...

В кают-компании Ермаков сказал со вздохом:

— Я встречал Роберта Ллойда. Недавно. Хороший межпланетник. Незаурядный ученый...

— Светлая ему память! Он хорошо держался,— тихо проговорил Юрковский.

— Светлая ему память...

После короткого молчания Дауге вдруг вскочил на ноги:

— Черт знает что! Мне кажется, что мы застыли на месте. Провалились куда-то, и нас засыпало...

— Не паникуйте, Дауге,— устало усмехнулся Ермаков.

Обедать никто не захотел, и скоро Ермаков первым поднялся, чтобы идти к себе. Крутиков положил руку на плечо Юрковского и сказал виновато:

— Похоже на то, что ты был прав, Володя.

— Пустяки,— проговорил тот.— Но вот вам еще одна загадка, товарищи.

Все вопросительно поглядели на него.

— В чем дело?

— Лу сказал, что у него только направленный передатчик, так?

— Так.

— А ведь мы хорошо слышали его.

Михаил Антонович раскрыл рот и растерянно оглянулся на Ермакова.

— А почему бы и нет? — спросил Дауге.

— А потому, дружок, что «Хиус» по отношению к Лу находится совсем в другом направлении, нежели корабль Ллойда. Направленный радиолуч никак не должен был бы добраться до нас.

Дауге взялся за голову:

— Достаточно загадок! Это уже, наконец, невыносимо!

Но Ермаков и Михаил Антонович сейчас же отправились в рубку, захватив с собой Юрковского.

Венера с птичьего полета

Связь наладилась через сутки так же неожиданно, как и прервалась. По-видимому, «Хиус» миновал «заколдованное место» — странную область в пространстве, обладающую неизвестными еще свойствами в отношении радиоволн. В кают-компании много спорили об этом неслыханном явлении, было выдвинуто несколько предположений, в том числе и явно нелепых (так, Дауге объявил, что все члены экипажа стали жертвами массового психоза), а Юрковский принялся разрабатывать гипотезу каких-то четырехмерных отражений, пытаясь с помощью лучшего на борту математика Михаила Антоновича Крутикова ввести «физически корректное понятие точки пространства», через которую электромагнитные колебания проходили бы только в одну сторону. Что же касается Быкова, то первое время он чувствовал себя оскорбленным равнодушием товарищей к гибели Ллойда. Ему представлялось чуть ли не кощунством разговаривать о теориях и формулах уже через два часа после того, чему они были свидетелями. Катастрофа «Стара» произвела на него громадное впечатление. Оглушенный и подавленный, бродил он по планетолету, с трудом заставляя себя отвечать на вопросы и выполнять мелкие поручения Ермакова.

До встречи с Венерой оставалось всего пятнадцать — двадцать миллионов километров. Перелет близился к концу. Наступал самый ответственный момент экспедиции — посадка на поверхность Венеры. За редкими исключениями это не удавалось лучшим космонавтам мира. И не порицания, а подражания и всяческого восхищения заслуживали люди, которые усилиями хорошо натренированной воли заставляли себя забыть об испытаниях прошлого, даже совсем недавнего, и сосредоточить все свое внимание на испытаниях предстоящих. Этого вначале не понял Быков. Но теперь они казались ему бойцами, вышедшими на рубеж атаки. Оставив позади убитых, наскоро перевязав свежие раны, готовятся они к последнему, решающему прыжку навстречу победе... или смерти. При этом никто, даже Юрковский, не произносил прочувствованных фраз и не принимал эффектных поз. Все были спокойны и деловиты. И их попытки понять природу «заколдованного места» были лишь проявлением естественной заботы о тех, кто пойдет вслед за ними.

Уважение и почтительное восхищение Быкова выразилось в том, что он угостил товарищей великолепным пло-

вом, и Михаил Антонович дважды после ужина забегал на камбуз, причем второй раз — с вахты, в чем был уличен и за что подвергнут выговору.

Как только оказалось, что двусторонняя связь с Землей налажена, Ермаков передал радиограмму, в которой четко и скупно описал необычайное происшествие и передал содержание последнего разговора Лу с профессором Ллойдом.

— Ну и заставили вы нас понервничать! — заикаясь от волнения, сказал Зайченко. — Вера Николаевна чуть с ума не сошла. А «Стар»... — голос его стал тише и серьезнее, — об этом мы уже знаем. Весь мир знает. Лу добрался до английского корабля и снял с него тела погибших и бумаги.

— Что там произошло?

— В точности неизвестно, но полагают, что взорвался реактор. Двигательная часть корабля разворочена вдребезги. Лу показывал нам снимок по телевизору.

— Сколько погибло?

— Лу нашел двоих. Англичане сообщили, что на «Старе» ушло восемь человек.

— Светлая им память...

— Светлая им память...

Они помолчали.

— Что же вы думаете о причинах перерыва связи, Анатолий Борисович?

— У меня пока нет определенного мнения.

— Ну да, конечно... мало фактов. Может быть, здесь играет роль скорость, с которой двигался «Хиус»? Ведь Ляхов, кажется, говорил об этом...

— Может быть.

— Или вы попали в плотное облако металлической пыли?

— Это ничего не объясняет. Впрочем, оставим решение специалистам. Что Краухин?

— Оправился. Рвался сюда, на станцию, но врачи пока не разрешают. У нас здесь дожди.

— Приветствуйте его, погорячей, от имени всех нас и от меня лично.

— Принято, Анатолий Борисович! Да... заговорили вы меня. Здесь его записка к вам лежит, принесли еще два дня назад.

— Чего же вы молчите? Читайте!

— Сию минуту. Так... «Анатолий, все что я тогда говорил, позабудь. Видно, старею и слабею. К.».

— Что?

- Ка. Заглавная буква. Вместо подписи.
- Понятно. «Все, что я тогда говорил, позабудь».
- Да, «позабудь».

Ермаков покосился на Спицына, сидевшего у пульта спиной к нему.

- Понятно. У нас был небольшой спор... У вас все?
- Все, Анатолий Борисович. График связи прежний?
- Прежний. До свидания.

— Пора,— сказал за обедом Спицын.— Пора начинать брать пеленги у Махова.

— Не рановато ли? — отозвался Ермаков.— Ведь у нас в запасе еще часов десять.

— С вашего разрешения, Анатолий Борисович, лучше начать пораньше. Дело новое, и желательно иметь побольше данных.

Быков вполголоса осведомился, о чем идет речь.

— «Хиус» подходит к Венере,— пояснил Дауге,— нам сейчас надо рассчитать трассу к «Циолковскому».

— К «Циолковскому»? К искусственному спутнику Венеры? А зачем?

— В каком смысле — зачем? Чтобы сблизиться с ним, разумеется.

— Я понял, что мы будем с «Циолковским» только связь поддерживать и что сядем на Венеру, минуя его.

— Какой ты быстрый... Нужно обстоятельно договориться с начальником «Циолковского» Маховым о взаимодействии.

— И долго мы там пробудем?

— Не знаю... Анатолий Борисович, сколько времени мы пробудем у «Циолковского»?

— Часов пять-шесть, не больше. Передадим почту, книги, фрукты, проведем совещание и отправимся дальше.

— Ясно. Кстати, Алексей, вот там ты вкусишь невесомости в полную меру. Мы полюбуемся...

Быков вспомнил свой неудачный опыт в этой области и уткнулся в тарелку.

Сближение «Хиуса» с «Циолковским» заняло больше трех часов и доставило экипажу много хлопот. Для пилотов дело осложнялось тем, что плоскость орбиты «Циолковского», вращавшегося вокруг Венеры на расстоянии в несколько тысяч километров, была почти перпендикулярна плоскости орбитального движения Венеры, так что Крутикову и Спицыну снова пришлось немало поработать. Однако задача была решена, и планетолет по суживаю-

щейся спирали стал приближаться к тому месту, где в назначенное время должен был пройти «Циолковский». «Пассажиры» провели эти часы в кают-компании, пристегнувшись к креслам, и последовательно чувствовали себя то легкими, как воздушные шары, то тяжелыми, как куски свинца. Быкову казалось, что он раскачивается на фантастических качелях; он то судорожно хватался за подлокотники, боясь взлететь под потолок, то разевал рот, тщетно пытаясь вздохнуть и явственно чувствуя, как ребра проваливаются внутрь легких. Однако все на свете имеет конец. Манипуляции с ускорением прекратились, и в один не очень приятный момент качели, вместо того чтобы начать новый подъем, стремительно ухнули вниз, в бездонную пропасть.

— Все в порядке! — раздался наконец из репродуктора голос Спицына.— Можно отстегиваться. «Циолковский» в ста километрах от нас, Венера — в трех тысячах.

— Погоди, Алексей, не отстегивайся,— предупредил Быкова Дауге, торопливо освобождаясь от ремня.

Вместе с Юрковским он очень ловко, цепляясь за стены и за привинченную к полу мебель, протянул по кают-компании несколько нейлоновых шнуров, дополнительно к леерам на стенах. Такие же шнуры были протянуты по коридору, в рубке и в каждой каюте.

— Вот теперь вылезай...

Быков осторожно поднялся, неожиданно вспорхнул и повис в воздухе, цепляясь за спинку кресла. Лицо его стало пунцовым. Криво улыбаясь, ни на кого не глядя, он ухватился за шнур и, неуклюже взболтнув ногами, снова оказался на полу.

— Чепуха какая-то...— сердито проворчал он.

— А что, Алексей Петрович,— сказал Крутиков, появляясь в дверях,— хорошо бы приготовить ужин попышнее, угостить ребят с «Циолковского»...

— Сейчас,— с трудом произнес Быков.

— Э, нет, Алеша! — Крутиков засмеялся.— Ручки коротки... Придется тебе временно сложить их.

— Почему?

— А ты умеешь готовить в таких условиях? Когда вода не течет, а летает пузырем по кухне, когда котлеты скачут по сковороде, как взбесившиеся лягушки, и недожаренными порхают в воздухе...

Сильный толчок прервал его. Что-то визгливо заскрежетало по обшивке. Кают-компания качнулась.

— Это еще что такое? — пробормотал Дауге.

Глаза Быкова встретились с остановившимся взглядом Крутикова. На лбу штурмана заблестели мелкие бисеринки пота.

— Принимай гостей, Михаил Антонович! — весело крикнул Богдан из коридора. — Бесы неуклюжие!

Дауге шумно выдохнул воздух, а Михаил Антонович дрожащей рукой полез в карман за платком.

— Именно бесы, — сказал он хрипло, с трудом переводя дух. — Этак человека можно на всю жизнь калекой сделать... зайкой...

Он сунул платок обратно в карман и, цепляясь за шнуры, быстро выбрался за дверь. Дауге недовольно пробормотал:

— Почти каждый раз получается такая штука, и каждый раз у меня сердце уходит в пятки.

— Да что случилось?

— Причалила ракетка с «Циолковского». Межпланетное такси, изволите видеть. Лихачество... Вероятно, прибыл засвидетельствовать свое почтение Махов... Стой, куда ты? Не улетай, побудь со мной...

Быков сделал неосторожное движение, пролетел между шнурами, ударился о потолок и, растопырив руки, устремился вниз. Дауге схватил его за ногу и, ловко дернув, привел в вертикальное положение.

— Успокойся, ангел небесный, не надо волноваться... Помнишь формулу — эм вэ квадрат пополам? Так вот, хорошо что хоть пополам, а то раскроил бы ты сейчас свою буйную голову.

Быков снова водворился в спасительное кресло с твердым намерением не покидать его до тех пор, пока не кончится «проклятая невесомость». В эту минуту в коридорном отсеке послышалась возня, раздались радостные восклицания, звонкие хлопки ладони о ладонь и даже, кажется, звуки поцелуев.

— Здорово, друзья! Здорово, землячкй-земляне! — оживленно гремел чей-то бас. — Здравствуй, свет Михаил Антонович! Все хуdeerшь, бедный?

— Здравствуй, голубчик Махов! Дай-ка я тебя поцелую да штрафовать буду. За нарушение правил космического движения...

— А-а, Богдан! Не бранись хоть на радостях... Анатолий Борисович, рад вас видеть! Познакомьтесь: мой заместитель, инженер Штирнер Григорий Моисеевич. Будет непосредственно работать с вами.

— Слышал, отлично...

— Рад познакомиться.— Голос Штирнера был сух, резок.

— Прошу в кают-компанию,— пригласил Ермаков.

— Нет уж, дорогие, заберем почту — и все к нам. Ждем не дождемся.

— Виноват, Петр Федорович. На этот раз ограничимся разговором здесь, на борту «Хиуса». У вас погостим на обратном пути.

Наступила странная пауза.

— Напрасно он так сказал,— прошептал Дауге, уставясь в дверь круглыми глазами.— Это слово в слово фраза Тахмасиба...

Быкову стало не по себе.

— Знаю, знаю, о чем вы думаете! — снова заговорил Ермаков.— Не следует быть суеверным. Нужно спешить.

Он сказал это и чуть усмехнулся.

— Как знаете, Анатолий Борисович,— растерянно отозвался Махов.— Куда прикажете?

— Прошу сюда... Прошу вас, Григорий Моисеевич.

Гости вошли первыми — высокий грузноватый Махов и похожий на подростка Штирнер, оба в мягких потертых комбинезонах с откинутыми на спину прозрачными шлемами. Штирнер держал под мышкой папку.

— Здравствуйте, товарищ Дауге! — гремел Махов.— А это, конечно, товарищ Быков? Так?

Благоразумно не выпуская из левой руки шнур, Быков пожал ему руку, затем поздоровался со Штирнером. Все расположились за столом.

— Итак, Петр Федорович,— сказал Ермаков,— выкладывайте, что у вас есть.

Махов шумно откашлялся, Штирнер раскрыл папку, и совещание началось. Говорили мало и точно, больше формулами и математическими терминами, водя пальцами по чертежам и расчетам, привезенным Штирнером. Речь шла о том, как обеспечить максимальную точность посадки «Хиуса» у границ Урановой Голконды и как поддерживать связь после посадки. Махов со Штирнером и их товарищи на двух других искусственных спутниках подробно разработали систему радионаведения, пользуясь которой предполагалось довести «Хиус» до места, отстоящего от границ Голконды не дальше чем на пятьдесят — сто километров. Правда, система эта еще не опробована на практике, но тренировки дают право надеяться на полный успех.

— От нас теперь требуется максимальная точность,— сказал Штирнер, постукивая пальцем по чертежу,— а от

вас, товарищи,— внимание и маневренность. Насколько я знаю, «Хиус» не так ограничен в своих эволюциях, как обычная импульсная ракета, и при всех случайностях сможет строго держаться пеленгов. Но, повторяю, прежде всего внимание! Если «Хиус» даже чуть-чуть оторвется от радиолуча, вы рискуете сесть за тысячи километров от нужного вам места.

Итак, «Хиусу» предстояло спускаться на планету, держась в перекрестии трех радиолучей, которые и выведут его на наиболее выгодную, по мнению специалистов, точку. На высоте десяти—пятнадцати километров над поверхностью Венеры импульсы пеленгаторов исчезают: они либо бесследно поглощаются, либо отражаются вверх, в венерианскую стратосферу. С этой высоты планетолет должен будет спускаться отвесно. Не исключены серьезные осложнения: коварная атмосфера Венеры может обмануть, исказив сигналы. На этот случай будут действовать контрольные параллельные установки. Спицын и Ермаков записали кое-какие цифры, сверили свои расчеты со схемой Штирнера и объявили, что вопросов больше не имеют. Махов перешел ко второму пункту. Поскольку радиосвязь — по крайней мере, надежную — с поверхностью Венеры установить, по-видимому, не удастся, следовало договориться о системе оптических сигналов. По мнению Махова, необходимы только два сигнала: первый — «продовольствие и вода», второй — «запасные части, энергетическое питание». Список запчастей и аппаратуры был заранее составлен.

— Мы привезли вам портативную пусковую установку и две ракеты с атомными зарядами. Если... тьфу-тьфу, конечно... если случится что-нибудь нехорошее и потребуется наша помощь, вы пошлете одну из ракеток вверх, вертикально над собой. Она взорвется на высоте около двухсот километров. Конечно, стрелять можно не в любой момент. Вот вам таблица для расчета времени. В назначенные минуты наши наблюдатели будут тщательно следить за районом вашей высадки.

— Ну, и что же? — спросил Ермаков.

— И... ничего. Мы будем знать, что у вас не все в порядке, и постараемся принять меры.

— Какие?

— Подбросим вам автоматические ракеты с необходимым аварийным запасом. Ракеты пойдут точно на ваш пеленг.

— Отлично! — Ермаков кивнул. — А зачем вторая сигнальная ракетка?

— Две ракетки подряд вы выпустите, если посадка прошла неудачно и планетолет серьезно вышел из строя.

Наступило молчание.

— Весьма возможно, что тогда их некому будет выпускать,— заметил Дауге, поморщившись.

— Мой пессимизм не заходит так далеко,— мягко ответил Махов.

После совещания Дауге предложил Быкову:

— Пойдем посмотрим на прекрасную Венеру. Ермаков разрешил выпустить тебя.

Через десять минут они, облаченные в неуклюжие панцири с прозрачными колпаками на головах, стояли в кубическом кессоне перед наружным люком. Дауге наглухо задрал за собой дверь, затем включил насос и повернулся к манометру, укрепленному на стене. Тонкая стрелка неровными скачками запрыгала вниз. Когда она остановилась, Дауге откинул с люка широкую стальную полосу, и толстая ребристая крышка мягко отвалилась в сторону.

Быков ожидал увидеть то, что сотни и сотни раз описывалось в репортажах, очерках и романах: черно-фиолетовую бездну, испещренную ослепительными точками звезд. Вместо этого круглый провал люка озарился мутным желто-розовым светом. Планетолет висел над громадным, тускло освещенным туманным куполом. Сероватые тени ползли по блестящему оранжевому полю, медленно сближались и расходились, свивались в кольца и разрывались на неверные исчезающие пятна. Ближе к краям купол темнел, но границы его не были резкими, они как-то незаметно, размытыми лиловыми тонами переходили в полную непроглядную черноту. А в центре тончайшие розовые, желтые и серые дымчатые ленты переплетались между собой, но не смешивались; то ясные и отчетливые, то затянутые однообразной рыжей дымкой...

Вот она такая, Венера, «самая страшная планета в Солнечной системе»! Быков понял, что движения цветных теней, такие незначительные на расстоянии в несколько тысяч километров, есть не что иное, как чудовищные по мощности и скорости изменения в атмосфере — бури, тайфуны, смерчи, которым на Земле нет никакого подобия.

Вот длинное серое пятно стало тоньше, изогнулось, свилось в кольцо... Можно было представить себе исполинскую воронку и громадные массы облаков, с бешеной скоростью несущиеся внутри ее. «Вид у нее неважный»,— вспомнил Быков. Он глядел и не мог оторваться от этого страшного и величественного зрелища.

Там, под кипящим облачным покровом, скрыт огромный мир с горами, пустынями... может быть, с морями и океанами. Там где-то скрыты сокровища, которые должен разведать экипаж «Хиуса», там обломки телеуправляемых механизмов, разбитые планетолеты, могилы смельчаков... Смутное чувство, похожее на суеверный страх, шевельнулось в душе Быкова. Он подумал о том, с какой яростью эта планета отражала до сих пор все попытки покорить ее. Но человек умнее и сильнее природы. Он смел и упорен, и, если даже экипажу «Хиуса» суждено будет сложить головы, их гибель ни на минуту не задержит тех, кто пойдет вслед.

Слева на купол быстро напознала черная тень, неровная, с глубокими впадинами и выпуклостями.

— Выходим на ночную сторону, — раздался в шлеме голос Дауге.

«Хиус» погрузился в теневой конус, отбрасываемый Венерой. Стало темно, только размытая круговая полоса светящегося тумана обозначала края планеты. Но вскоре на черном фоне стали проступать слабые розоватые отблески.

— Что это? — проговорил Быков.

Дауге качнул шлемом, присматриваясь. Затем в наушниках Быкова раздался его голос:

— Вероятно, вулканы. Я слышал о районе непрерывной вулканической деятельности. Пока никто не знает. Предположение...

Они покинули кессон после того, как слева снова забрезжил яркий свет и обрисовался громадный желтый серп.

— Да... — спохватился Быков. — А где же «Циолковский»? Я хотел бы посмотреть на этот искусственный спутник.

— Из люка его не видно, Алексей. Ведь мы повернуты люками вниз, к Венере, а «Циолковский» выше нас. По обшивке «Хиуса» тебе еще рановато ползать. Подождешь до следующего раза. Увидишь, когда вернемся.

Быков вспомнил недавнее замечание Дауге, вздохнул, но промолчал.

Их уже ждали. Ермаков пригласил всех отобедать. Это был первый обед в условиях невесомости, и Быков втайне пожелал, чтобы он был и последним. Межпланетники деловито, не прерывая разговора, подносили к губам эластичные соски, к которым от закрытых пластмассовых сосудов тянулись гибкие трубки. Куски хлеба и закуски они брали из сетчатых коробочек, не забывая тщательно закрывать их. Одним словом, водитель «Мальчика» остался бы голод-

ным, не возьми над ним шефство Крутиков, севший рядом специально для этого.

За столом говорили о делах на искусственном спутнике, о планах создания целых армад «Хиусов», о необходимости специальных передач-консультаций для студентов-заочников, работающих на спутниках. Махов пожаловался на бестолкового снабженца, приславшего на спутник ящик микрофильмов о технике лыжного спорта. Штирнер, смеясь, рассказал, что кто-то завез на «Циолковский» мышей. «Теперь молим прислать kota. Будет потрясающий аттракцион — охота кошки за мышкой в условиях невесомости». Много говорили о концертах изумительного индонезийского ансамбля, о потрясшей всех новой симфонии свердловчанина Гадалова «Путь к звездам». Много шутили, смеялись. Ни одного слова не было сказано о том, что вскоре предстоит испытать экипажу «Хиуса».

Ермаков взглянул на часы, и Махов торопливо встал:

— Пора, товарищи.

Все поспешно поднялись и стали прощаться. Махов по очереди сжал руками плечи каждого межпланетника, и Быков с беспокойством заметил, как внезапно ввалились его щеки и пожелтело лицо. У Штирнера признаки волнения были не так заметны.

— Не забудьте, — сказал Ермаков, — отойдите от нас не меньше чем на пятьдесят километров, иначе вас может сильно опалить.

— Ладно, о нас не беспокойся, — буркнул Махов. — Ну, про... до свидания, друзья! Удачи вам!

Он повернулся и, быстро перебирая руками шнур, выбрался в коридорный отсек. Штирнер приветственно махнул рукой и последовал за ним. Со звоном захлопнулся выходной люк. Наступила тишина.

— Мы так и не рассказали им о космической атаке, — вспомнил вдруг Юрковский.

Ермаков рассеянно взглянул на него.

— Не рассказали... Впрочем, это неважно. Прошу приготовиться... Спицын, пошли.

Быков шепотом спросил у Дауге:

— Разве Михаил Антонович останется здесь?

— Да. В рубке ему сейчас делать нечего... — Дауге потрянул головой, словно отгоняя какие-то мысли, и сказал: — По местам, что ли?

Михаил Антонович и Юрковский уже сидели в креслах и возились с ремнями. Дауге помог Быкову пристегнуться, снял шнуры и остановился в нерешительности.

— Ну? Чего ждешь? — раздраженно прикрикнул Юрковский.

— Десять минут осталось, — раздался голос Ермакова. Дауге торопливо занял свое место.

И снова наступила тишина. Быков закрыл глаза и стал вспоминать. Черная среднеазиатская ночь, смутно белеющее платье, свежий запах духов... и милое, милое, нежное лицо. Как давно это было! Что-то сжало горло, пришлось два-три раза энергично глотнуть.

— Начали спуск! — хрипло каркнул репродуктор.

Пол под ногами дрогнул, спинка кресла тяжелым грузом навалилась на плечи. Нарастающий рев реактора ударил в уши, заполнил собою все.

Махов и Штирнер, припавшие к круглому иллюминатору «межпланетного такси», увидели, как из-под планетолета, похожего на черную медузу, нелепо раскорячившуюся на фоне огромного оранжевого диска Венеры, блеснуло неяркое пламя. Затем вспыхнуло ослепительное лиловое солнце. Когда они снова открыли глаза, «Хиуса» уже не было видно. Только легкое туманное облачко расплывалось на том месте, где он только что находился.

«Жизнь наша полна неожиданностей...»

Никто на «Хиусе» не обольщал себя надеждами на быструю и легкую посадку. В свое время в докладе об экспедиции Тахмасиба Ермаков рассказал, как трудно было вести ракету в атмосфере Венеры, как вертело ее, словно щепку в водовороте, какого нечеловеческого напряжения стоило удерживать ракету дюзами вниз. Он описал свирепые ветры, ледяные вихри над раскаленной до ста градусов почвой. В таких условиях были бесполезны и даже опасны самые совершенные гироскопические устройства, которые в более спокойных атмосферах автоматически держали межпланетный корабль точно в заданном положении, не позволяя ему раскачиваться, вращаться и переворачиваться...

«Хиусу» оставалось полагаться на очень неточную и ежеминутно готовую прерваться наводку с искусственных спутников. Радиолокаторы противометеоритных устройств не действовали в атмосферных электрических полях Венеры, и планетолет каждое мгновение мог своей громадой обрушиться на какую-нибудь скалистую вершину. Бури и смерчи должны были сносить «Хиус» еще сильнее, чем обычную ракету, ибо форма его хотя и несколько

облегчала посадку «дном вниз», но была далеко не обтекаемой.

И тем не менее только «Хиус» мог с большой степенью вероятности рассчитывать на успешную посадку. Он способен был снижаться необычайно медленно, сантиметр за сантиметром, мог вновь подняться и сделать попытку снизиться в другом месте, чего никогда не смогла бы проделать самая лучшая атомно-импульсная ракета с ее ограниченным запасом свободного хода. Ермаков объявил «Хиус» «господином планет с атмосферами», и сейчас предстояло доказать это.

— Пустяки, все пустяки, — бормотал Михаил Антонович Крутиков, в десятый раз проверяя прочность ремней, удерживавших его в кресле. — Все пустяки, и все пойдет отлично, уверяю вас. Слегка потрясет, быть может... Зато подумайте, какой переворот в истории овладения пространством начинается этим рейсом «Хиуса»!

— Мысль сия премного меня утешает в предвидении грядущих испытаний, — нараспев сказал Юрковский. — Еще бы... Крутиков, тот самый — знаете? — который строил первый ракетодром на Венере!

— Только бы сесть... — процедил Дауге сквозь зубы.

Михаил Антонович достал пустую трубочку и с задумчивым видом пососал ее.

— Скорей бы уж! — сказал он. — Как все это не похоже на прежние рейсы, правда, товарищи?

— Правда, — ответил Дауге. — Святая правда, Михаил Антонович. При посадке на безатмосферные и спокойные планеты совсем иное самочувствие.

— Поч-чему? — с трудом спросил Быков, думая о том, испытывают ли и другие тошноту и головокружение.

— Потому что с пилотами, подобными Ермакову и Спицыну, можно на старте и на посадке спать, читать, играть в шахматы... Но, видимо, только не здесь, не на Венере.

— Да, — вздохнул Крутиков, — не на Венере...

— Вы мне надоели своей кислой болтовней! — рассердился Юрковский. — Что вы ноете? Держите ваши переживания при себе. Берите пример с Быкова — позеленел... но держится, помалкивает. Давайте, братцы, споем!

В этот момент из репродуктора послышался напряженный голос Ермакова:

— Внимание!

И сейчас же пол качнулся и стал медленно переворачиваться.

О том, что происходило в последующие три-четыре часа, у Быкова сохранилось лишь несколько смутных, отрывочных воспоминаний. Позже он никак не мог восстановить последовательность событий. Кажется, Юрковский подполз с кислородным баллоном к Дауге еще до того, как тот уронил голову на грудь. Страшный, измененный до неузнаваемости голос Спицына, известивший о том, что у Анатолия Борисовича разбита голова, раздался уже после рывка, от которого лопнул ремень, державший Быкова в кресле. Что было дальше, он не помнил. Какие-то чудовищные силы играли «Хиусом», и тем не менее старое выражение «как лягушка в футбольном мяче» пришло ему в голову только тогда, когда, сжимая в кулаке обрывок ремня, он перелетел через всю каюту и с размаху ударился спиной о стенку. Упругая обивка отбросила его назад, и, кажется, он потерял сознание на некоторое время, потому что внезапно обнаружил себя снова крепко привязанным к креслу. Быков не помнил также, каким образом меж колен его оказался зажатым легкий баллон с активированным озоном... как и когда случилось, что Юрковский повис в своем кресле с лицом, залитым кровью... Затем Михаил Антонович тряс его, Быкова, за плечо и кричал что-то в ухо... Все это мелькало в его мозгу сквозь желто-зеленый туман, между обмороками и приступами тошноты. Потолок оказывался где-то сбоку, затем молниеносно перемещался на место, проваливался и вновь с неудержимой силой давил на ноги пол. На минуты наступало затишье; тогда Быков запрокидывал голову, разевал рот и часто и глубоко дышал. Но планетолет вдруг швыряло, и все начиналось сначала. И при этом — тишина, сменившая оглушающий рев. Доносился лишь негромкий гул реакторов, не заглушавший ни стонов, ни... шуток! Да, матери межпланетные волки находили в себе силы шутить. Но Быков не запомнил ни одной шутки. Он был целиком поглощен своими ощущениями, вытекавшими из уверенности, что уже следующий толчок окончательно вышибет из него дух. Временами он вспоминал о пилотах в рубке управления и представлял их себе искалеченными, приборы — вдребезги разбитыми, а планетолет — падающим с огромной высоты на острые крутые скалы. Вероятно, «Хиус», резко погасивший скорость, попал в мощный атмосферный поток, увлекший его в сторону от цели, и Ермакову со Спицыным приходилось прилагать все силы, чтобы держать его на заданных радиопеленгах. Как потом говорил Спицын, ни разу в жизни не приходилось ему сажать корабли в таких ужасных условиях.

И вдруг наступил покой. Полный и несомненный покой, не нарушаемый ни малейшей вибрацией, ни единым звуком. Он обрушился на оступевших людей, как удар грома. Быкову показалось, что остановилось самое время. Перед глазами его все еще плыли разноцветные пятна, по телу ползли струйки пота, руки и ноги дрожали. Затем странная апатия овладела им, смертельно захотелось вытянуть ноги и спать, спать, спать... Сквозь опущенные ресницы он увидел, как зашевелился и встал Юрковский, сделал несколько неуверенных шагов, провел ладонью по лицу и с недоумением посмотрел на испачканные кровью пальцы.

— Что с тобой? — негромко спросил Дауге.

— Н... ничего... — Юрковский сморщился и потряс головой. — Кажется, из носа... Болят глаза...

— Фффух! — выдохнул Михаил Антонович. — Вот это была встряска, доложу я вам!

Юрковский поднял руки, сделал несколько гимнастических движений и вдруг замер.

— Товарищи! — крикнул он. — Мы на Венере... и живы! «Хиус» цел, черт побери! Дауге! Вставай! Ты понимаешь? Мы на Венере...

— Погоди радоваться, — остановил его Дауге. — Кажется, что-то случилось с Анатолием Борисовичем...

— Да, я тоже слышал голос Спицына, — подтвердил Крутиков.

— Пойдем?

Они пошли к рубке, но дверь распахнулась, и на пороге появился сам Ермаков, бледный, взмокший от пота, с головой, туго перехваченной молочно-белым перевязочным эластиком.

— Все живы? — Он быстро оглядел товарищей.

— Все, — сказал Дауге.

— Поздравляю с благополучной посадкой!

Он подошел к каждому и крепко пожал руки.

— А что Богдан? — спросил Михаил Антонович.

— Спит.

— Гм...

— Свалился как убитый.

— Не мудрено, — усмехнулся Крутиков. — Три с половиной часа такой... такого... Я и сам еле держусь на ногах.

— Интересно, что с «Мальчиком»? Не сорвался? — спросил Быков.

— Сделаем вылазку? — как-то вяло предложил Юрковский.

— Нет.— Ермаков еще раз оглядел всех и повторил: — Нет. Ни в коем случае. Приведите себя в порядок и отдохните. О вылазке будем говорить часа через четыре, когда получим все данные внешней лаборатории. Включите ионизаторы, мойтесь — и спать!

— Хорошо бы поесть...— озабоченно сказал Михаил Антонович.

«И рюмку коньяку выпить»,— подумал Быков.

— Это как вам угодно. Лично я — в ванну и в постель... Алексей Петрович, помогите проводить Богдана в его каюту, хорошо?

— Слушаюсь, Анатолий Борисович.

Нет, все было не так, как предполагал Быков. Гораздо проще и лучше. Когда через полчаса он, распаренный и еще более красный, чем обычно, заполз под простыни, ему снова вспомнился домик в Ашхабаде... Он счастливо улыбнулся и заснул.

Как всегда, его разбудил Дауге. Тощее лицо Иоганыча выглядело осунувшимся, черные глаза запали и лихорадочно блестели.

— Одевайся, Алексей. Натягивай спецкостюм и выходи в кают-компанию,— хрипло проговорил он.— Сейчас будет вылазка.

Вылазка! Острая мысль, что он находится на планете, погубившей столько замечательных смельчаков, мгновенно пронеслась в мозгу. Сейчас должно начаться главное, для чего они прибыли сюда...

Быков торопливо оделся, достал из ниши спецкостюм и облачился в него. Все уже собрались в кают-компанию и стояли вокруг стола с откинутыми на спину спектролитовыми колпаками, молча поглядывая друг на друга. Глаза Ермакова были широко раскрыты и, кажется, светились, как у кошки. Михаил Антонович сосал пустую трубочку.

— Кофе? — ни к кому не обращаясь, спросил Быков.

— Думаю, потом,— нахмурился, сказал Юрковский.— Нечего оттягивать, надо идти. Неслыханное дело: пять часов после посадки, а мы еще не открывали люков!

— Пойдемте,— просто пригласил Ермаков.

— Оружие? — Быков взглянул на командира.

Тот кивнул и, пригнувшись, вышел в коридорный отсек. За ним двинулись остальные. Быков, хватаясь за поручни, побежал наверх. Через минуту он присоединился к товарищам с автоматом на груди и двумя гранатами за поясом.

— Алексей-завоеватель! — пошутил Спицын.

Юрковский только поморщился.

Они столпились в кессонной камере перед наружным люком. Богдан наглухо завинтил за собой дверь.

— Надеть колпаки! — скомандовал Ермаков.

Теперь Быков не видел лиц товарищей, и это было неприятно. Застучал насос, запрыгала стрелка манометра. Ермаков взялся за рукоятку люка. Поползла в сторону тяжелая стальная полоса. Люк дрогнул, и... омерзительная жирная жижа желто-серого цвета с сочным хлюпаньем хлынула под ноги. Она была густая и вязкая, но текла свободно, и свет прожектора золотыми огоньками играл на ее поверхности. Это было так неожиданно, что в первые секунды никто даже не пошевелился. Затем Юрковский со сдавленным криком бросился вперед. Но Быков опередил его. Он ухватился за край люковой крышки и изо всех сил нажал на нее. Ноги скользили в грязи, он упал на колени. Но уже подоспели Юрковский и Дауге, в их спины уперлись Богдан и Михаил Антонович. С мягким чавканьем крышка подалась, встала на место, и Ермаков торопливо нажал кнопку за сова.

Все выпрямились. Под ногами растекалась мутная слякоть, от нее поднимался пар. Быков поднял автомат, провел по прикладу рукавом, заглянул в дуло. Затем тщательно очистил выпачканные колени.

— Насколько я понимаю, — раздался в наушниках голос Дауге, — это совсем не песок.

— Да, на пустыню мало похоже, — подтвердил Юрковский. — Это я заявляю, хоть и не специалист.

Ермаков, присев на корточки, рассматривал грязную лужу.

— Если оставить балагурство до более подходящего времени, — сказал он, — то я склонен предположить, что «Хиус» сел в болото.

— По уши, — согласился Юрковский. — Но где же пустыня?

— Жизнь наша полна неожиданностей, — вздохнул Крутиков.

— Вот удружил нам Штирнер со своими пеленгами!

— При чем здесь Штирнер?

— Если «Хиус» ушел в эту трясику целиком... — начал Богдан.

Юрковский нетерпеливо передернул плечами:

— Чего проще! Пройдем через верхний люк и посмотрим.

Они покинули кессон и, оставляя на линолеуме ржавые маслянистые следы, поднялись в узкий отсек грузового люка.

— Болото на Венере, вы подумайте! — бормотал Михаил Антонович. — Такой сюрприз!

Верхний люк открывали осторожно, готовые в любое мгновение захлопнуть его снова. Но ничего страшного не произошло. Раздалось тонкое шипение — это в отсек ворвалась наружная атмосфера, — и все стихло.

— Ура, — спокойно сказал Юрковский. — Все в порядке. Открывайте.

Крышка со звоном откинулась. Стоявший впереди Ермаков перегнулся через край. За его спиной, нетерпеливо переступая с ноги на ногу, теснились Юрковский и Михаил Антонович. Дауге, пролезший между ними, отпрянул с невнятным восклицанием.

— Н-да, — проговорил кто-то. — Оч-чень интересно...

Они ничего не увидели. «Хиус» окружала плотная стена зыбкого, совершенно непроницаемого желтоватого тумана. Внизу, в полутора метрах, тускло блестела поверхность трясины. В тишине слышались невнятные звуки, похоже не то на приглушенный кашель, не то на бульканье. Долго стояли межпланетники, всматриваясь в мутные, белесые волны испарений. Иногда им казалось, что впереди маячат какие-то тени, выступают какие-то уродливые серые формы, но напоззали новые и новые слои тумана, и все исчезало.

— Достаточно, — сказал наконец Ермаков. — У меня уже в глазах темнеет. Придется пустить в дело инфракрасную технику. — Он выпрямился и заглянул вверх. — Ага, «Мальчик», кажется, на месте!

— Здорово мы увязли... — Спицын, лежа грудью на краю люка, обеспокоенно поворачивался то в одну, то в другую сторону. — Реакторные кольца погрязли в трясине до основания.

— Ничего, осмотримся немного и попробуем подняться.

— А если корпус провалится еще глубже?

Инфракрасная техника ничего не прояснила.

На экране клубились тени, почва одного и того же места казалась то зыбкой, то плотно утрамбованной, то рыхлой...

— Давайте выйдем, — предложил Юрковский. — Там будет видно, что делать.

Он приготовился спрыгнуть. Быков схватил его за плечо.

— В чем дело? — несколько раздраженно осведомился геолог.

— Жизнь наша полна неожиданностей, — сказал Быков. — Я пойду первым.

— Почему это?

Быков молча показал автомат.

— Бросьте вы разыгрывать лорда Рокстона! — Юрковский оттолкнул руку Алексея Петровича.

— Быков прав, — сказал Ермаков. — Прошу вас, пропустите меня, Владимир Сергеевич.

— Я не понимаю...

— Пропустите меня и Быкова. Я через три минуты вернусь...

Все знали, что по положению командир не должен первым оставлять корабль при посадке в неизвестном месте. Но... понимали Ермакова. И Юрковский молча шагнул в сторону. Быков быстрым движением поставил автомат на предохранитель и прыгнул вслед за Ермаковым. Ноги его по колено ушли в жидкое месиво.

Часть третья. На берегах Урановой Голконды

На болоте

Болото на Венере... Это представлялось межпланетникам абсурдным. Более абсурдным, чем пальмовые рощи на Луне или стада коров на голых пиках астероидов. Белесый туман вместо огненного неба и жидкий ил вместо сухого, как пламя, песка. Это ломало давно и прочно установившееся мнение и являлось само по себе открытием первостепенной важности. Но вместе с тем это невероятно усложняло положение, ибо было неожиданностью. А ведь ничто так не портит серьезное дело, как неожиданность. Даже отважный водитель гобийских вездеходов, мало осведомленный о теориях, господствовавших в науке о Венере, и потому не имевший об этой планете решительно никакого мнения, чувствовал себя изрядно обескураженным: то небольшое, что он увидел через раскрытый люк, совершенно не соответствовало роли проводника — специалиста по пустыням, к которой он готовился.

Что же касается остальных членов экипажа, то, поскольку их взгляд на вещи был, естественно, шире, неожиданность вызвала у них гораздо более серьезные опасения. Не то чтобы пилоты и геологи не были подготовлены к разного рода осложнениям и неудачам. Вовсе нет. Каждый

знал, например, что при скоростях «Хиуса» место посадки могло оказаться на расстоянии многих тысяч километров от Голконды; «Хиус» мог сесть в горах, перевернуться, наконец, разбиться о скалы. Но все это были предусмотренные осложнения и неудачи и потому не страшные, даже если они грозили гибелью. «В большом деле всегда риск,— любил говорить Краюхин,— и тем, кто очень боится гибели, с нами не по дороге». Но болото на Венере!

При всей своей выдержке и огромном опыте межпланетники лишь с большим трудом скрывали друг от друга охватившее их беспокойство. Профессия приучила их быть сдержанными в подобных случаях. А между тем каждый из них понимал, что судьба экспедиции и их жизнь зависят теперь от целого ряда неизвестных пока обстоятельств. В сознании каждого стремительно, один за другим, возникали новые и новые вопросы. Далеко ли тянется болото? Что оно собой представляет? Пройдет ли по нему «Мальчик»? Не грозит ли «Хиусу» опасность погрузиться еще глубже или перевернуться и затонуть? Можно ли рискнуть вновь поднять планетолет и попытаться посадить его где-нибудь в другом месте?

Незадолго перед стартом Дауге сказал Краюхину: «Только бы благополучно сесть, а там мы пройдем хоть через ад». Все они знали, что, возможно, придется «пройти через ад», но кто мог предположить, что этот ад будет вот таким — мутным, булькающим, непонятым?..

Как уже было сказано, Быкова, по его неосведомленности, волновали соображения совсем другого порядка. За судьбу экспедиции он не беспокоился, ибо верил в чудесные возможности «Хиуса» и, главное, в своих товарищей, особенно в Ермакова, в голосе которого не чувствовалось и тени растерянности. Для Быкова неожиданность была только приключением. И он был весьма польщен, когда Ермаков встал на его сторону в маленьком споре с Юрковским у открытого люка.

С трудом вытаскивая ноги из вязкой жижи, Быков сделал несколько шагов за Ермаковым. Тот остановился, прислушиваясь. Плотная желтоватая полутьма окружала их. Они видели только небольшой участок жирно мерцающей трясины, но слышно было многое. Невидимое болото издавало странные звуки. Оно хрипло вздыхало, кашляло, отхаркивалось. Глухие стоны доносились издалека, басистый рев и протяжное высокое гудение. Вероятно, звуки эти производила сама трясина, но Быков подумал вдруг о фантастических тварях, которые могли скрываться в тумане, и

торопливо ощупал за поясом гранаты. «Рассказать об этом друзьям по гобийской экспедиции,— подумал он,— так не поверят!» Неприятное чувство одиночества охватило его. Он оглянулся назад, на темную громаду «Хиуса», взял автомат наперевес и двинулся вперед, обгоняя Ермакова.

Тик... тик-тик... тик...— робко, едва слышно застучал счетчик дозиметра. «Немного, не больше тысячной рентгена»,— успокоил он себя и тут же забыл об этом, ощутив под ногами что-то твердое. Он нагнулся, шаря впереди себя свободной рукой. Сквозь дымку испарений над ржавой маслянистой поверхностью выступили какие-то угловатые, облепленные илом глыбы.

— Как у вас дела, Алексей Петрович? — раздался голос Ермакова.

— Пока ничего... особенного,— отозвался Быков,— все в порядке. Очень топко. Под ногами не то камни, не то обломки...

Скользя и спотыкаясь, он полез через непонятные глыбы. Под ногами хлюпало, чмокало, чавкало...

— Сильно засасывает? — спросил Ермаков.

— Нет,— ответил Алексей Петрович и провалился по поясу.

«Не утонуть бы ненароком...» — мелькнула тревожная мысль. Но в эту минуту ствол автомата царапнул по твердому. Быков взгляделся с удивлением. Путь преграждала шершавая серая площадка с отсвечивающей на изломе глянцевиной кромкой.

— Анатолий Борисович! — позвал он.

— Да?

— Дальше болото асфальтировано.

— Не понял. Иду к вам.

— Я говорю, дальше болото покрыто асфальтом.

— Ты бредишь, Алексей? — донесся встревоженный голос Дауге. Он вместе с другими членами экипажа стоял у открытого люка и ловил каждое слово разведчиков.

— Правда, настоящий асфальт! Или вроде такыра в наших пустынях.

Быков закинул автомат за спину и уперся руками. Трясина с протяжным сосущим звуком выпустила его. Он стал на колени, отполз на четвереньках от края и встал.

...Тик... тик-тик... тик...

— Настоящий прочный асфальт, Анатолий Борисович. Стою!

— Может быть, это берег? — с тайной надеждой в голосе спросил, подходя, Ермаков.

— Не знаю... нет, не берег. Это как корка над болотом.

Ермаков нагнулся.

— Толщина примерно сантиметров тридцать — тридцать пять,— сказал он.

— Я знаю, что это такое,— вмешался вдруг Крутиков.— Ведь «Хиус» спускался на фотореакторе...

— О черт! — Было слышно, как Юрковский звонко шлепнул себя по шлему.— Ведь это же...

— Спекшийся ил, несомненно,— подтвердил Ермаков.— Фотореактор выжег из него воду, образовалась корка. А «Хиус» при посадке проломил ее.

— Похоже на это,— согласился Быков. Он шел вдоль кромки, с любопытством приглядываясь.— Широкая, как Красная площадь, ровная, танцевать можно. Но вся в трещинах.

— «Мальчик» пройдет? — осведомился Ермаков.

Быков ответил небрежно:

— «Мальчик» везде пройдет.

...Тик-тик... тик... тик-тик...

— Ну что же, товарищи... Я возвращаюсь. Думаю, экипажу можно высаживаться. Юрковский и Спицын, отправляйтесь к Быкову.

— Есть!

— «Вперед, покорители неба!» — насмешливо пропел Юрковский, вылезая из люка.— Эй, Богдан, поберегись!

— А я? — обиженно осведомился Дауге.

— Мы с вами займемся анализом образцов грунта и атмосферы и кое-что посмотрим.

— Хорошо, Анатолий Борисович.

— Михаил Антонович,— распорядился Ермаков, появившись в кессонном отсеке,— ступайте в рубку и попытайтесь прощупать окрестности локатором... Товарищ Быков, сейчас к вам подойдут Юрковский со Спицыным. Вы старший. Попробуйте дойти до внешнего края площадки. Дальше не ходить.

— Слушаюсь.

«Правильно,— подумал Быков.— Глупо ползать вслепую по шею в этой трясине, когда у нас есть транспортер с инфракрасными проекторами. Правда, транспортер еще надо снять...»

Где-то неподалеку чертыхался вполголоса Юрковский. Приглушенный голос Богдана произнес:

— Правее, правее, Володя...

Через несколько минут послышались медленные чавкающие звуки, и из тумана выплыли две серые фигуры.

— Где ты тут, Алешка? Черт, ни зги не видно... Как, еще не сожрали тебя местные чудища?

— Бог миловал,— буркнул Быков, помогая обоим выбраться на «такыр».

Юрковский притопнул, пробуя прочность корки. Богдан, обтирая ладонью забрызганную илом лицевую часть шлема, сказал:

— Зря это, скажу я вам...

— Что?

— Зря ее назвали Венерой.

— Кого? А-а...— Быков пожал плечами.— Дело, знаешь, не в названии.

Юрковский расхохотался.

Они неторопливо пошли, перепрыгивая через широкие трещины, в которых дымилась жидкая масса ила.

— Богдан! — понизив голос, проговорил Быков.— Ведь болото излучает... Слышишь?

...Тик... тик-тик-тик-тик...

— Слышу. Это чепуха. У нас очень чувствительные счетчики, Алеша.

— Все, что попадает под фотореактор, должно излучать,— наставительно изрек Юрковский.— Ясно даже и...

— Погодите-ка...— Богдан поднял руку.

Они остановились. Невнятные голоса Ермакова и Дауге стали едва слышны в шорохах и потрескивании наушников.

— Насколько мы отошли от «Хиуса», как вы думаете? — спросил Спицын.

— Метров на семьдесят — восемьдесят,— быстро ответил Быков.

— Так. Значит, наших радиотелефонов хватает только на это расстояние.

— Маловато,— заметил Юрковский.— Ионизация, вероятно?

— Да...

...Тик... тик-тик... тик... тик...

Они пошли дальше. Рев, бульканье, завывание становились все слышнее. Где-то впереди справа раздался громкий храп.

— Чу! Слышу пушек гром...— пробормотал Юрковский.

— Вот она!

Внешняя кромка огромной лепешки, выжженной на поверхности трясины пламенем фотореактора, была закружена и полого уходила в жижу. И сразу за ней из тумана выступили бледно-серые причудливые силуэты странных

растений. До них было рукой подать — не больше десяти шагов, но белесые волны испарений непрерывно меняли и искажали их облик, открывая одни и окутывая непроницаемой мглой другие детали, и разглядеть их как следует не было никакой возможности.

— Венерианский лес,— прошептал Юрковский с таким странным выражением, что Быков недоверчиво покосился на него.

— Да... венерианский. По-моему, пакость,— кашлянув, сказал Богдан.

— Молчи, Богдан! Ты говоришь ерунду... Ведь это жизнь! Новые формы жизни! И мы — мы! — открыли их...

— Вот, кажется, еще одна новая форма жизни,— пробормотал Быков, с беспокойством вглядываясь в большое темное пятно, внезапно появившееся у края корки недалеко от них.

— Где? — живо повернулся Юрковский.

Пятно пропало.

— Мне показалось... — начал Быков, но низкий, глухой рев прервал его. — Вот, слышите?

— Это где-то здесь, рядом... — Спицын ткнул рукой вправо.

— Да-да, неподалеку. Значит, я действительно видел ..

Быков потихоньку потянул из-за пояса гранату, тревожно поглядывая по сторонам.

— Большое? — спросил Спицын.

— Большое...

Снова раздался рев, теперь уже совсем близко. Ни одно земное животное не могло издавать такие звуки — механические, похожие на вой паровой сирены, и вместе с тем полные угрозы.

Быков вздрогнул.

— Ревет... — тихонько сказал он.

— Да... Пойдем посмотрим? — хриплым голосом предложил Юрковский. — Эх, то ли дело на Марсе! До чего щедрая и приличная планета! Санаторий!

...Тик... тик-тик... тик-тик...

— Нет, идти не следует,— сказал Спицын. — Лихачество...

Быков промолчал.

— Бойтесь? Тогда я один... — Юрковский решительно шагнул вперед.

Все произошло очень быстро. Быков повернулся к Спицыну, и в этот момент что-то тяжело рухнуло на площадку, словно сбросили на асфальт тюк мокрого белья. Округлая темная масса величиной с упитанную корову надвинулась

на людей из тумана. Юрковский отшатнулся и со сдавленным криком сорвался в болото. Спицын попятился. Секунду Быкову казалось, что вокруг воцарилась мертвая тишина. Затем робкое «тик-тик» дозиметра вошло в сознание, и он опомнился.

— Ложись! — заорал он.

Спицын, упав ничком, увидел, как Быков прыгнул назад и взмахнул правой рукой — раз и еще раз. Два тупых гулких удара оглушили его. Туман коротко озарился двумя оранжевыми вспышками, и дважды возникло и мгновенно исчезло в сумраке блестящее влажное тело — громадный кожаный мешок, изрытый глубокими складками. С визгом пронеслись осколки. Затем все стихло.

— *Finita la comedia*, — машинально пробормотал Спицын, с трудом поднимаясь на ноги.

— Где Юрковский? — задыхаясь, крикнул Быков.

— Здесь... Дайте руку...

Они втащили на «асфальт» Юрковского, вымазанного с головы до ног. «Пижон», не говоря ни слова, кинулся к тому месту, где три минуты назад находилось чудовище.

— Ничего, — разочарованно сказал он.

Действительно, чудовище исчезло.

— Но ведь оно было? — Юрковский ходил вдоль края площадки, останавливался, нагибался, упираясь руками в колени, всматривался в неясные очертания спутанных стеблей и стволов за пеленой испарений.

— Было...

— Он... оно ушло.

— Словно растворилось, — задумчиво сказал Спицын.

— Может быть, вы не попали? — наивно спросил Юрковский, останавливаясь перед Быковым, который озабоченно осматривал автомат.

Быков презрительно фыркнул.

— Ну ладно, ушел он, и слава аллаху, — сказал Спицын. — Интересно, что ему от нас было нужно? Хотел пообедать?

— Ер-рунда? — с чувством произнес Юрковский. — Удивительная ерунда. И откуда только идет это дурацкое представление о чудовищах-людоедах с других планет! Ну, я понимаю — романисты и сценаристы, но ты, ты ведь старый межпланетник, Богдан!..

Обратно шли молча. Голосов Ермакова и Дауге не было слышно: вероятно, они уже вернулись во внутренние помещения «Хиуса». Перед тем как вновь ступить в дымящийся ил, Юрковский сказал задумчиво:

— Как бы то ни было, а живность на Венере есть. Очень интересно! Только... вы уверены, Алексей Петрович, что не промахнулся?

Это было уж слишком. Быков яростно засопел и поспешил вперед.

...Тик... тик-тик-тик... тик-тик...

Быков задержался за чисткой оружия и, войдя в кают-компанию, застал спор в самом разгаре. Юрковский и Дауге, разделенные столом, кричали друг на друга, азартно выпятив подбородки, а Крутиков и Богдан Спицын слушали их с ироническим видом, время от времени вставляя язвительные реплики. Ермакова в каюте не было.

— Тогда чем ты это объяснишь? — упорно, по-видимому не в первый раз, спрашивал Дауге.

— Я тебе уже...

— Это мне известно. Я хочу знать: почему, в таком случае, оно кинулось на вас?

— Да кто тебе сказал, что оно кинулось на нас?

— Богдан сказал. Ты сам подтвердил.

— Ничего подобного. Оно просто наткнулось на нас. Мало того: я уверен, что, пока brave Алексей Петрович не вlepил в него свои бомбы, оно и не подозревало о нашем существовании!

— Я лично, — сказал Богдан Спицын, — в подобных случаях склонен все-таки предполагать самое худшее и очень благодарен Алексею Петровичу.

— А я, — сказал Быков, глядя на Юрковского исподлобья, — не имел права поступить иначе. И впредь буду так поступать, прошу заметить!

Юрковский пренебрежительно скривил губы.

— Мы отвлеклись от сути дела, — обратился он к Дауге. — Итак...

— Итак, — подхватил Спицын, — ты, Владимир, утверждаешь, что существа разных миров, разных планет, не могут испытывать слюнотечения при виде друг друга. Разная организация, разная эволюция и все такое. Так?

— Примитивно, но так, — согласился Юрковский.

— Не знаю... может быть, ты и прав, только... Помнишь Валью Безухову из группы обслуживания? Ты должен хорошо помнить ее. У нее была собака... так себе, помесь таксы с бульдогом, поразительно глупый пес. Когда Воронов привез с Калисто белую ящерицу, этот гибрид — я имею в виду пса — забрался в питомник и в два счета отъел у ящерицы лапы — никто и ахнуть не успел. Правда,

потом, дурак, невыносимо страдал животом целую неделю...

— Вот видишь...— неуверенно сказал Юрковский.

Крутиков и Быков расхохотались.

— Так печально закончилась встреча существ разных миров,— серьезно заключил Спицын,— собаки с планеты Земля и ящерицы со спутника Юпитера.

— Да ведь и ежу ясно...— Юрковский подумал и махнул рукой.— Пещерные люди!

Вошел Ермаков — как всегда, спокойный, только немного более бледный, чем обычно. Он присел к столу, раскрыл блокнот в кожаном переплете и склонил над ним забинтованную голову. Все замолчали, глядя на него. Быков уселся поудобнее и приготовился слушать.

— Прошу внимания, товарищи,— сказал Ермаков.— Надо обсудить план дальнейших действий.

Стало тихо, слышно было, как пощелкивает холодильник.

— Я не имею еще информации от группы Быкова...— Ермаков захлопнул блокнот и откинулся на спинку кресла.— Алексей Петрович, доложите результаты разведки.

Быков поднялся.

— Болото,— начал он,— очень топкое болото. В десяти шагах от «Хиуса»...

Он рассказывал медленно, стараясь не пропустить ни одной подробности, и с огорчением думал, что за такой доклад начальник геологического управления назвал бы его размазней. Но Ермаков слушал внимательно, одобрительно кивал, делал какие-то пометки в блокноте. Быкова несколько удивило то, что командир, слушая о появлении неизвестного животного, не проявил никакого любопытства и только улыбнулся, когда Юрковский нетерпеливо заерзал, протестуя, видимо, против слишком натуралистического описания его, Юрковского, поведения во время схватки с венерианской гадиной.

— Вот и все,— вздохнул Быков.

— Значит, вверх ногами...— повторил Ермаков.— Спасибо, товарищ Быков. Садитесь.

Дауге подмигнул ему и кивнул в сторону насупившегося «пижона». Быков сделал каменное лицо и отвернулся.

— Ну что ж...— Ермаков поднялся, потрогал повязку, поморщился.— Резюмируем все, что нам известно. «Хиус» совершенно неожиданно для всех нас сел в болото. По моим расчетам, мы находимся не более чем в ста километрах к югу от Голконды. Не более чем в ста... Расстояние,

как видите, не велико. При других обстоятельствах нам хватило бы суток, чтобы покрыть это расстояние. Но...

— Вот именно,— прошептал Спицын.

— ...мы сидим на болоте. Мало того, по данным радиолокации — не очень надежным, правда,— болото окружено горным хребтом, заключено в кольцо скал, и в этом кольце не удалось нащупать никаких признаков просвета.

— Вулкан? — спросил Дауге.

— Возможно, мы находимся в кратере исполинского грязевого вулкана. И престранный это вулкан, должно быть, потому что анализ илистой воды показывает...— Ермаков раскрыл блокнот.— Вот, извольте. Смесь примерно в равной пропорции тяжелой и сверхтяжелой воды.

Юрковский подскочил на месте:

— Тритиевая вода?

— «Тэ два о»,— кивнул Ермаков.

— Но...

— Да. Период полураспада трития всего около двенадцати лет. Значит...

— Значит,— подхватил Дауге,— либо наш вулкан образовался очень недавно, либо существует какой-то естественный источник, пополняющий убыль трития...

Каким должен быть естественный источник сверхтяжелого водорода — изотопа, который на Земле производится в специально оборудованных реакторах,— Быков не мог себе представить. Но он молчал и продолжал слушать.

— И это еще не все,— сказал Ермаков.— Кратер — если это кратер — представляет собой бездонную пропасть. Во всяком случае, наши эхолоты оказались бесильны.

— Каков диаметр кратера? — быстро спросил Юрковский.

— Кратер, очевидно, почти круглый, диаметр его около пятидесяти километров. «Хиус» находится ближе к его северо-восточному краю: с этой стороны от нас до хребта всего восемь километров. Таково положение, товарищи.

Юрковский встал, пригладил волосы:

— Короче говоря, под нами сотни метров трясины. От цели нас отделяют сто километров, из которых десять километров болота, и скалистая гряда. Правильно?

— Таково положение,— кивнул Ермаков.

— Болото наполовину состоит из тритиевой воды. Позволю себе напомнить, что тритий распадается с испу-

сканием нейтронов, а нейтронное облучение — длительное нейтронное облучение, я имею в виду — это вовсе не мед, даже при наличии спецкостюмов.

— Совершенно верно.

— Но... Быков заверяет нас, что «Мальчик» пройдет через болото. А через скалы?

— «Мальчик» пройдет везде,— упрямо повторил Быков.— В крайнем случае скалы буду рвать.

— Гм... И все же я предпочитаю, чтобы мы, отправляясь на «Мальчике», оставили «Хиус» в более безопасном положении. Учтите...

Юрковский сел.

— Не думаю, чтобы пришлось рвать скалы,— начал Дауге,— хребет не может быть сплошным. Просто нам придется поискать проход, и мы его найдем.

— И еще прошу иметь в виду,— сказал Спицын,— что «Хиус» не приспособлен к горизонтальному полету. Очень легко ошибиться и промахнуться на несколько тысяч километров. Мы все знаем, чем могут оказаться атмосферные потоки на этой милой планете. И в конце концов лучше сидеть в болоте, чем лежать на скалах...

Юрковский пожал плечами.

— Насколько я понимаю,— заговорил молчавший до сих пор Крутиков,— речь идет о том, в чем больше риска: в том ли, чтобы оставить все как есть, или в попытке убраться с болота. Так ведь?

— Ваше мнение? — спросил Ермаков.

— Если Алеша... то есть Алексей Петрович ручается за «Мальчика» и если геологи ручаются за «Хиус», следует оставить все как есть.

— Что значит «ручаются за «Хиус»? — спросил Юрковский.

— То есть докажут, что «Хиус» не провалится в эту самую пропасть и не перевернется.— И штурман сунул в рот пустую трубочку.

Ермаков встал.

— Значит, «Хиус» останется здесь,— твердо сказал он.— Мы с Дауге провели необходимые измерения, и мне представляется, что планетолет стоит достаточно прочно. Во всяком случае, пользуясь выражением Михаила Антоновича, риск провалиться в трясину не больше риска упасть на скалы при попытке переменить место. Итак, «Хиус» остается здесь.

Быков покосился на Юрковского. Тот и бровью не повел.

— Дальше. «Хиус» нельзя оставлять без присмотра. Поэтому с «Мальчиком» пойдут пять человек. Один из пилотов останется.

Спицын вздрогнул и обеспокоенно взглянул на Ермакова. Крутиков вынул трубочку изо рта.

— Постоянным дежурным по «Хиусу» я оставляю Крутикова. Возражений нет? Я имею в виду существенные возражения...

По широкому, добродушному лицу штурмана было видно, что у него есть возражения — правда, к сожалению, не существенные.

— Отлично. Не будем терять время, товарищи. Нам нужно будет тронуться в течение ближайших двадцати четырех часов. Правда, сейчас по венерианскому времени вечер, и старт придется на ночное время, но я не думаю, чтобы темнота помешала нам больше, чем мешает сейчас туман. Давайте закусим...

— ...чем бог послал,— вздохнул Крутиков.

— ...и возьмем за «Мальчика». Вопросы есть?

Совещание окончилось. Быков заметил, что все наперебой старались выразить свое сочувствие Михаилу Антоновичу, у которого был действительно очень несчастный вид. Юрковский собственноручно налил ему какао, Дауге то и дело обирал с него невидимые пушинки, Спицын открыл для него банку обезжиренной колбасы.

— Кстати,— сказал Юрковский, воткнув вилку в холодную вареную курицу,— очень удачно, что от купола «Хиуса» до поверхности болота всего несколько метров. Нам не придется возиться с блочной системой, в которой я, откровенно говоря, так ни черта и не понял.

— Пустяки,— заявил Дауге,— это вовсе не так уж сложно, и тебе еще представится случай разобраться в ней, Владимир, когда мы будем затаскивать «Мальчика» обратно. А сейчас, разумеется, наше счастье... Как, Алексей?

— В два счета,— промямлил Быков с набитым ртом.

Действительно, «Мальчик» был спущен в два счета. Переднюю стенку контейнера сняли, и Быков очень важно попросил товарищей вернуться в кессонную камеру.

— Так будет... кхм... безопаснее,— уклончиво и неопределенно сказал он.

Удивленно пересмеиваясь, межпланетники повиновались. Быков задраил люки вездехода, сел перед пультом и положил пальцы на клавиши. «Мальчик» заворчал, тихонько лязгнув гусеницами. «А теперь...-- подумал Быков,— теперь мы удивим их». Оглушительно взвыл дви-

гатель, и «Мальчик» прыгнул. Межпланетники увидели, как широкая темная масса с гулом и металлическим лязгом мелькнула и окунулась в туман. «Хиус» качнулся, словно лодка на волнах. Болото дрогнуло от тяжелого удара. Скрежеща гусеницами по обломкам «асфальтовой» корки, транспортер выкарабкался из трясины, с неожиданной легкостью не то поплыл, не то покатился, разбрасывая вокруг себя фонтаны ила, описал короткий круг и замер под выходным люком звездолета. Яркий белый свет прожектора озарил клубящиеся облака испарений.

— Мастер! — пробормотал Юрковский.

Крутиков восторженно захлопал в ладоши. Длинная нескладная фигура серым привидением выросла перед люком, прижала руки к бокам, и деревянный голос прокрипел в наушниках:

— Товарищ командир, «Мальчик» приведен в походную готовность.

Если можно говорить о спортсменстве в профессии, то Быков всегда был немного спортсменом. Во всяком случае, его прыжки на гусеничных вездеходах без разбега ставили его в первые ряды виртуозов-водителей. Он знал это, гордился этим. Мысль удивить товарищей пришла ему в голову внезапно, когда он возился у передней стенки контейнера. Он еще не знал, как отнесется к этому акробатическому номеру командир, и это слегка беспокоило. Но Ермаков только пожал ему руку.

— Все же, Алексей Петрович, вам следовало предупредить нас.

— Это невозможно, — засмеялся Спицын. — Настоящий мастер всегда немного фокусник. Должен же он получить какое-то удовольствие от своего мастерства!

Началась загрузка багажников «Мальчика». Межпланетники работали несколько часов подряд, перетаскивая ящики с продовольствием и снаряжением и нейлоновые бурдюки с подкисленной витаминизированной водой из камер-хранилищ к кессону и из кессона в люки транспортера. Над болотом спустилась ночь, непроницаемая тьма окутала все вокруг. Из черного тумана доносились глухие жуткие звуки. И едва слышно, но непрерывно и настойчиво отстукивали счетчики дозиметров: тик... тик-тик... тик...

Наконец все было закончено. Быков и Ермаков в последний раз осмотрели транспортер от перископов до гусениц, покопались в машинном отсеке, опробовали прочность креплений грузов, заполнивших почти все свободное

пространство в пассажирском отделении, и выбрались наружу. Все уже ждали их, и влажная силикетовая ткань костюмов отсвечивала в луче прожектора.

Быков плотно задраил люки. Ермаков приказал:

— Сейчас всем спать! Через четверть часа проверю.

Межпланетники, усталые, но довольные, перебрасываясь шутками, поднялись на «Хиус».

Но спать не пришлось. Когда они, сняв спецкостюмы, направились в кают-компанию, чтобы наскоро поужинать, спешивший впереди Крутиков вдруг поскользнулся и с размаху сел на пол.

— Вот злонравия достойные плоды! — провозгласил Юрковский.

— Черт! — Толстый штурман вскочил на ноги и понюхал ладонь. — Какой... кто разлил здесь эту гадость?

— Какую гадость?

— Погодите, товарищи... — встревоженно сказал Ермаков. — Что это такое, действительно?

Пол в кают-компании был покрыт тонкой пленкой красноватой прозрачной слизи. И только теперь Быков ощутил резкий, неприятный запах, похожий на смрад от гниющих фруктов. В горле у него запершило. Юрковский шумно потянул носом, фыркнул и чихнул.

— Откуда эта вонища? — проговорил он, оглядываясь.

Ермаков нагнулся и осторожно взял немного слизи на палец в перчатке. Межпланетники недоуменно переглянулись.

— Что, собственно, случилось? — спросил Дауге нетерпеливо.

— Вот, смотрите! — Крутиков указал на буфет. — И там тоже! И там!

Из-под неплотно прикрытой дверцы буфета свешивались фестоны каких-то рыжих нитей. Большое рыжее пятно виднелось в углу возле холодильника. Забытая на столе тарелка была наполнена ржавой мохнатой паутиной.

— Плесень, что ли?

Ермаков, гадливо вытирая палец носовым платком, покачал головой.

— Об этом мы забыли... — пробормотал он.

— А! — Юрковский взял со стола тарелку, наклонил ее и с отвращением поставил. — Я понимаю.

Он подошел к буфету, затем склонился над пятном у холодильника. Быков с испугом и удивлением следил за ним.

— Что случилось? — снова спросил Дауге.

— Вам же сказано, — ответил Юрковский. — Мы потеряли бдительность. Мы впустили противника в свою крепость.

— Какого противника?

— Плесень... грибки... — будто про себя, проговорил Ермаков. — Мы занесли в «Хиус» споры венерианской фауны, и вот результат... Как я мог забыть об этом? — Он сильно потер ладонями лицо. — Вот что, товарищи. Отставить сон и ужин. Необходимо осмотреть планетолет и тщательно продезинфицировать все помещения ультразвуком. Пока будем надеяться, что ничего опасного нет... но на всякий случай приказываю всем немедленно принять душ и обтереться спиртом.

— Может быть, после? — спросил Юрковский.

— После тоже. Но и сейчас обязательно. За работу, за работу!

Ошеломленные этой новой неожиданностью, встревоженные незнакомыми нотками в голосе командира, межпланетники принялись за осмотр. Кожаная обивка в некоторых каютах оказалась покрытой белесыми пузырьками величиной с булавочную головку. Полимеровая обивка не пострадала. Предметы, содержащие влагу, поросли нитевидной плесенью. На шерстяных ковриках в душевой, на полотенцах, на простынях образовались пушистые холмики ржавой паутины. Крутиков с ужасом обнаружил, что все неконсервированные продукты в буфете, в том числе облюбованный им кусочек ветчины, превратились в безобразные коричневые комья, издающие резкий, отвратительный запах. Это было настоящим бедствием, и пришлось пройтись ультразвуковыми насадками по всем закоулкам.

— Видимо, легкая вода для местной микрофауны гораздо более благоприятна, чем тяжелая, — заметил Юрковский.

— Да... к сожалению... — ответил сухо Ермаков.

Быков на всякий случай окропил дезинфицирующей жидкостью все автоматы и гранаты и спустился, чтобы помочь Дауге, перебиравшему полиэтиленовые пакетики с «вечным» хлебом. Хлеб не пострадал.

— Ты не знаешь, почему Ермаков так встревожился? — спросил он.

— Не знаю. То есть, конечно, гораздо спокойнее было бы без этой пакости... Одно можно сказать: Ермаков не такой человек, чтобы волноваться по пустякам.

Это Быков понимал и сам. Впрочем, Ермаков удовлетворил его любопытство. Когда через три часа усталые до

последней степени члены экипажа «Хиуса» сошлись наконец в кают-компании, чтобы поужинать «чем бог послал», как выразился с горьким сарказмом Крутиков (мясной бульон и шоколад), командир сказал, ни на кого не глядя:

— Пять лет назад экипаж американского звездолета «Астра-12», высадившийся на Калисто, погиб от неизвестной болезни, продолжавшейся пятнадцать часов. Думаю, с нами ничего подобного не случится. Имею все основания так думать. Но... будьте осторожны. При малейшем недомогании немедленно сообщайте мне.

Он помолчал, барабанил пальцами по столу, и добавил:

— После ужина всем мыться, обтираться и спать. В вашем распоряжении семь часов сна. Вас, товарищ Крутиков, прошу зайти ко мне.

— Я бы сейчас с наслаждением выпил стаканчик коньяку,— шепнул Быков.

Иоганыч коротко вздохнул.

Красное и черное

Справа и слева медленно ползут отвесные черные скалы, гладкие, блестящие, как антрацит. Впереди все тонет в красноватом сумраке — кажется, что стены бесконечного коридора смыкаются там. Дно расселины, изрытое и перекошенное, покрыто толстым слоем темной тяжелой пыли. Пыль поднимается за транспортером и быстро оседает, хороня под собой следы гусениц. А наверху тянется узкая иззубренная полоса оранжево-красного неба, и по ней с бешеной скоростью скользят пятнистые багровые тучи. Странно и жутковато в этом прямом и узком, как разрез ножом, проходе в черных базальтовых скалах. Вероятно, по такой же дороге вел когда-то Вергилий в ад автора «Божественной комедии». Гладкость стен наводит на мысль об удивительной... может быть, даже разумной точности сил, создавших ее. Это еще одна загадка Венеры, слишком сложная, чтобы решать ее мимоходом.

Впрочем, Дауге и Юрковский не упустили, конечно, случая построить на этот счет несколько гипотез. Раскачиваясь и подпрыгивая от толчков, стучаясь головами об обивку низкого потолка, они разглагольствовали о синклиналиях и эпейрогенезе, обвиняли друг друга в незнании элементарных истин и то и дело обращались за поддержкой к Ермакову и Богдану Спицыну. В конце концов командир надел шлем и отключил наушники, а Богдан в ответ на чисто риторический вопрос о том, каково его мнение относительно возможности метаморфизма верхних пород под

воздействием гранитных внедрений на Венере, серьезно сказал:

— По-моему, рецессивная аллель влияет на фенотип, только когда генотип гомозиготен...

Ответ этот вызвал негодование споривших, но прекратил спор. Быков, понимая в тектонике столько же, сколько в формальной генетике, прекращению спора обрадовался: маловразумительная скороговорка геологов почему-то представлялась ему неуместной перед лицом окутанного красно-черными сумерками дикого и сурового мира, царившего по ту сторону смотрового люка.

Вчера, когда покрытый липкой грязью, волоча за собой длинные плети белесых болотных растений, транспортер вырвался наконец из трясины и тумана на каменистое подножие черного хребта, пришлось долго колесить взад и вперед в поисках чего-нибудь похожего на проход. Скалы, густо заросшие бурым, твердым, как железо, плющом, казались безнадежно неприступными. Тогда Ермакову пришло в голову использовать для поисков радиолокатор, и искомое было найдено в несколько минут — эта самая расселина, скрытая за буйными зарослями голых ветвей с полуметровыми шипами. С ревом и скрежетом транспортер вломился в эти железные джунгли и, помогая себе растопыренными опорными «ногами», ломая и подминая упругие стволы, ввалился в проход. Выйдя наружу, межпланетники молча глядели на стены, на кровавую полосу неба. Потом Дауге сказал:

— А ведь земля под ногами... дрожит.

Быков не ощущал ничего, но Ермаков отозвался тихо:

— Это Голконда... — И, обернувшись к Быкову, спросил: — Пройдем?

— Рискнем, Анатолий Борисович, — бодро ответил Алексей Петрович. — А если встретим завал или тупик, вернемся и еще поищем, только и всего. Или взорвем...

«Мальчик» двинулся дальше. Часы тянулись за часами, километры за километрами, ничего похожего на тупик или завал не появлялось, и Алексей Петрович успокоился.

Ровно гудит двигатель, поскрипывают и трещат ящики и упаковочные ремни. Все уснули, даже неугомонный Юрковский. В зеркале над экраном инфракрасного проектора Быков видит внутренность кабины. Спит Богдан, уронив голову на крышку рации. Спит, лежа ничком на тюках, Юрковский. Спит, прислонившись к нему, Иоганыч и морщит во сне свое хорошее лукавое лицо. Рядом кивает серебристым шлемом Ермаков. А мимо смотрового люка, покачиваясь и кренясь, ползут черные блестящие сте-

ны — справа стена и слева стена. Свет фар пляшет по изрытой поверхности неподвижных дюн черного праха. Дальше — сумерки, тьма. Где-то там стены раздвинутся, и «Мальчик» выйдет в пустыню. Если впереди нет тупика.

...Кренятся и опрокидываются черные стены, в смотровой люк заглядывает раскаленное небо. Транспортёр выбирается из глубокой рывтины, и снова пятна света плывут по волнам черной слезавшейся пыли. Еще ухаб, еще трещина и еще...

Пройдено двадцать километров по болоту и почти столько же по ущелью. Быков уже пять часов за пультом управления. Одеревенели ноги, ноет затылок, от напряжения или от непривычного сочетания красного с черным слезятся глаза. Но доверить транспортёр на такой дороге кому-нибудь, даже командиру, нельзя. С транспортёром, конечно, ничего не случится, но скорость... Сам Быков не может позволить себе роскошь дать больше шести — восьми километров в час. Хоть бы скорее кончились эти проклятые скалы!

Ермаков выпрямился и откинул шлем на затылок.

— Как дорога, Алексей Петрович?

— Без изменений.

— Устали?

Быков пожал плечами.

— Может быть, передадите мне управление и поспите?

— Дорога очень сложная.

— Да, дорога скверная. Ничего, скоро выйдем в пустыню.

— Хорошо бы...

Юрковский поднялся и сел, потирая ладонями лицо:

— Ух, славно поспал! Дауге!

— М-м...

— Вставай.

— Что случилось? Фу... А мне, друзья, такой сон снился!..

Иоганыч хриплым голосом принялся рассказывать свой сон, но Быков не слушал его. Что-то случилось снаружи, за прочным панцирем «Мальчика». Стало значительно темнее. Небо приняло грязно-коричневый оттенок, и вдруг в лучах фар закружились, оседая на дно расселины, мириады черных точек. Черный порошок сыпался откуда-то сверху, густо, как снег в хороший снегопад, и скоро не стало видно ни дороги, ни скал. Сигнальные лампочки от наружных дозиметров налились малиновым светом, стрелки на циферблатах альфа-бета-радиометра беспокойно запры-

гали. Быков круто затормозил. Транспортёр скользнул правой гусеницей в рытвину, развернулся и встал поперек расселины. Тусклый от наполнившей атмосферу пыли свет фар уперся в гладкую базальтовую поверхность.

— В чем дело? — спросил Ермаков.

Быков молча открыл перед ним смотровой люк.

Ермаков помолчал минуту, взглядываясь, затем сказал:

— Черная буря. Я уже видел это.

— Что там такое? — встревоженно спросил Дауге.

Спицын проворчал, глядя через плечо Быкова:

— Карнавал трубочистов.

— Что это, Анатолий Борисович?

— Черная буря. Еще одно свидетельство того, что мы недалеко от Голконды. Выключайте двигатель, Алексей Петрович.

Водитель повиновался, но «Мальчик» продолжал дрожать мелкой неприятной дрожью. Дробно позвякивал какой-то неплотно закрепленный металлический предмет.

— Выйдем? — предложил Юрковский.

— Зачем? Пыль радиоактивна, разве вы не видите? Потом придется тратить много времени на дезактивацию.

— Хорошо бы взять пробу этой пакости...

— Можно взять манипуляторами, — предложил Быков. — Разрешите, Анатолий Борисович? — Он повернулся к Дауге. — Выбрасывай контейнер.

Юрковский и Дауге скрылись в кессонной камере, ведущей к верхнему люку, и через минуту в черную пыль перед «Мальчиком» скатился свинцовый цилиндр с винтовой крышкой. Быков положил ладони на рычаги манипуляторов. Длинные коленчатые «руки» выдвинулись из-под днища транспортёра, медленно, словно с опаской, пошарили в воздухе и опустились на цилиндр. Быков нелепо задрал правое плечо, резко дернул локтями. Клешни манипуляторов вцепились в контейнер.

— Ну-ка! — сказал весело Спицын.

— Не говори под руку, — процедил сквозь зубы Быков.

Цепкие клешни отвинтили крышку, подержали открытый контейнер под черным снегопадом, снова закрыли крышку и точным движением отправили контейнер в верхний люк.

— Есть! — крикнул из кессона Дауге.

Быков втянул манипуляторы в гнезда и вытер пот со лба.

Ермаков сказал тихо:

— Мне приходилось два раза наблюдать черный буран. Каждый раз перед этим были сильные подземные толчки.

— Но ведь сейчас, по-моему, никаких толчков не было,— заметил Быков.

— На ходу мы могли не заметить.

— А земля дрожит все сильнее...— Спицын прислушался.— В устье ущелья тряска была едва заметна, а теперь...

— Ближе к Голконде...

Юрковский и Дауге вернулись из кессона, оживленно обмениваясь впечатлениями, и Ермаков приказал двигаться дальше. Быков включил инфракрасный проектор. Снова поплыли, покачиваясь, стены расселины. Через полчаса «черный снегопад» прекратился и полоса неба приобрела прежнюю оранжево-красную окраску. Напряженно манипулируя клавишами управления, Быков краем уха прислушивался к разнобою голосов у себя за спиной.

Из весьма оживленного разговора Юрковского с Дауге выяснилось, во-первых, что «черный снег» является, несомненно, вулканическим пеплом; во-вторых, что серьезно говорить о радиоактивном вулканическом пепле может только человек, «не способный взять криволинейного интеграла по простому контуру» (подобная характеристика научного бессилия показалась Быкову несколько туманной, но было ясно, что во всяком случае оба геолога не могут серьезно говорить о радиоактивном вулканическом пепле); в-третьих, что появление «черных буранов», вероятно, связано с деятельностью Голконды; и в-четвертых, что ничего определенного на этот счет сказать пока нельзя.

Несмотря на неопределенность положения, межпланетники весело позавтракали. Быков замедлил ход, наскоро проглотил два куска ветчины с хлебом и выпил целый термос шоколада. После трапезы Ермаков, Дауге и Юрковский сняли показания экспресс-лаборатории. С удалением от болота влажность атмосферы резко понизилась, упала почти до нуля. Увеличилось содержание в атмосфере радиоактивных изотопов инертных газов, окиси углерода и кислорода, температура колебалась в пределах семидесяти пяти — ста градусов. Ко всеобщему изумлению и к восторгу Юрковского, экспресс-лаборатория показала в атмосфере заметные следы живой протоплазмы — какие-то микроорганизмы, бактерии или вирусы, жили даже в этом сухом, раскаленном воздухе. Непосредственным результатом открытия явился приказ Ермакова удвоить

осторожность при выходах из транспортера и обещание при первом удобном случае сделать всему экипажу инъекции комплекса мощных антибиотиков.

Дауге повздыхал немного и объявил, что надеется дожить до того времени, когда Венеру превратят в цветущий сад и в этом саду можно будет гулять без спецкостюмов и без опасения подцепить какую-нибудь пакостную болезнь.

— Вообще назначение человека, — добавил он подумав, — превращать любое место, куда ступит его нога, в цветущий сад. И если мы не доживем до садов на Венере, то уж наши дети доживут обязательно.

Затем последовал его долгий спор с Юрковским относительно возможностей преобразования природы — и в первую очередь атмосферы и климата — в масштабах целой планеты. И Дауге и Юрковский соглашались, что в принципе ничего невозможного в этом нет, но относительно практических методов разошлись весьма далеко и чуть было не поссорились.

Ущелье окончилось внезапно. Скалы-стены вдруг опали и расступились, свет фар померк в красноватом сиянии открытого неба. Быков увеличил скорость. «Мальчик» накренился, нырнул в последнюю рытвину, прогрохотал гусеницами по камням, и бескрайняя черная равнина, ровная и гладкая, открылась глазам межпланетников.

— Пустыня! — обрадованно сообщил Быков.

— Останови, Алексей! — дрожащим от волнения голосом попросил Дауге.

«Мальчик» остановился. Торопливо пристегивая шлемы, межпланетники бросились к люкам. Быков вышел последним.

Да, горы кончились. Гряда зубчатых черных скал, уходящая за горизонт, осталась позади. Позади остался и узкий, поразительно ровный проход. Но то, что вначале показалось пустыней, снова было неожиданностью. Во всяком случае, для Спицына, никогда не видевшего пустынь. Он не мог себе представить пустыню без рыжих и черных песков, барханов. Перед «Мальчиком» расстилалась ровная, как стол, черная поверхность, по которой стремительно неслись туманные струи мельчайшей черной пыли. Далеко у горизонта, затянутого красноватой дымкой, медленно передвигались тонкие, грациозно изгибающиеся тени, словно исполинские змеи, вставшие на хвосты. И над всем этим — оранжево-красный купол неба, покрытый беспорядочной массой темно-багровых туч, с бешеной скоростью скользящих навстречу «Мальчику».

— Как вам понравится такая дорога? — услышал Быков голос Ермакова.

— Пустыня... — спокойно ответил он.

— Разумеется. Родной вам пейзаж. Правда, здесь нет саксаула, но зато это настоящая Гоби, настоящие Черные Пески.

— Черные-то они черные... — Быков запнулся. — Ну, а дорога неплохая. Широкая, ровная... Теперь полетим.

— Ура! — дурачась, заорал Дауге. — И попируем на просторе!

Шутя и пересмеиваясь, межпланетники вернулись в транспортер. Настроение заметно поднялось. Только Богдан Спицын задержался у люка, оглянулся вокруг еще раз и сказал со вздохом:

— Здесь совсем как у Стендаля.

— То есть? — не понял Быков.

— Все красное и черное. Понимаешь, мне никогда не нравился Стендаль...

Быков снова занял место у пульта. «Мальчик» дрогнул и, набирая скорость, понесся вперед, плавно покачиваясь. Ветер подхватил и рассеял полосу пыли, сорвавшуюся с гусениц. Навстречу мчалась черная пустыня, ветер гнал по ней туманные полосы, горячую пылевую поземку. На красном фоне горизонта гуляли гибкие столбы, вытянутые к тяжелым тучам. Вот вспух маленький холмик, потянулся вверх крутящейся воронкой, влился в тучи — и еще один черный столб погнал по пустыне ветер.

— Смерчи, — проговорил Быков. — Сколько их здесь...

— Лучше не попадать в такую воронку, — заметил Дауге.

— Да, лучше не попадать, — пробормотал Быков, вспоминая, как однажды смерч — куда меньше тех, что гуляют по Венере, но тоже громадный — на его глазах превратил лагерь геологов в центре Гоби в песчаный бархан.

Ветер усиливался. Едва заметный у подножия базальтовой стены, теперь он стучал в лобовой щит транспортера, пронзительно свистел в антенном устройстве. Путь шел в гору, это становилось все заметнее. Транспортер поднимался на обширное плато. Местами слой песка был сорван ветром, и тогда гусеницы дробно стучали по белым потрескавшимся плитам обнаженного камня.

Спицын, воткнув в шлем пучки разноцветных проводов, склонился над рацией, пытаясь — в который раз уже — связаться с «Хиусом». Дауге и Юрковский принялись обсуждать план изысканий, переходя время от вре-

мени на язык жестов, чтобы не орать и не мешать остальным.

Быков передал Ермакову управление, дал несколько полезных советов, забрался на тюки и приготовился соснуть на ближайшие полтора-два часа, оставшиеся, по словам Ермакова, до Голконды. Но заснуть не удалось.

Богдан Спицын вдруг поднял руку, призывая к молчанию.

Юрковский обрадованно спросил:

— Что? Есть связь?

— Нет... Но... Погодите минутку.

Он принялся торопливо вертеть рубчатые барабанчики верньеров, затем замер, прислушиваясь.

— Пеленги.

— Чьи? «Хиуса»?

— Нет. Слушайте.

Дауге и Юрковский перегнулись через его плечи. Ермаков оставил управление и тоже наклонился к рации. Дауге протяжно свистнул:

— Оказывается, кто-то уже здесь есть?

— Выходит, так.

— Справа по курсу... Интересно! — Ермаков обернулся к Быкову.— Алексей Петрович, примите управление на минуту.

— Слушаюсь...

Ермаков пристроился рядом со Спицыным и принял от него наушники. Лицо его было встревоженно.

— Три точки тире точка. Кто бы это?

Он снял наушники и поднялся.

— За последние десять лет в район Голконды были направлены шесть экспедиций и по крайней мере дюжина всевозможных беспилотных устройств.

— Так, может быть...— глаза Дауге расширились,— может быть, там люди? Потерпели аварию и просят о помощи?

— Сомнительно,— покачал головой Юрковский.— Вы как думаете, Анатолий Борисович?

— Кривицкий на Марсе продержался в своей ракете три месяца. Но он нашел воду...

— Да, воду...

— Так что, скорее всего, это автоматический пеленгатор.

Быков, нетерпеливо ерзавший на своем сиденье, вмешался:

— Ну, будем поворачивать?

— Давайте...

Ермаков думал. Впервые Быков видел, что командир колеблется. Но причины для таких колебаний были достаточно веские, и это знали все.

— Вода,— произнес Ермаков.

— Вода,— как эхо, повторил Юрковский.

— Возможно, это все же недалеко? — просительно сказал Дауге.

Ермаков решил:

— Хорошо! В пределах двух часов езды — согласен. Алексей Петрович, поворачивайте. Берите по гирокомпасу,— он снова наклонился над рацией,— шестьдесят градусов примерно. Вот так. И выжмите из двигателя все.

«Мальчик» резво бежал наперерез струям пыли, летящим с севера. Ветер бил в левый борт, и порой порывы его достигали такой силы, что Быков шестым чувством водителя ощущал неустойчивость машины. Тогда он слегка менял курс, стараясь подставить ударам плотной волны газа с песком лобовую броню, или вытягивал правый опорный шест. Богдан с наушниками сидел за рацией и вполголоса корректировал направление. В зеркале качалось бледное лицо Дауге с закушенной губой. Летели минуты, летели багровые тучи... Раз Юрковский нагнул и что-то неразборчиво крикнул, указывая вперед. Быков успел заметить сквозь пыль странную стекловидную проплешину в несколько десятков метров в диаметре, посредине которой зияла огромная дыра с рваными краями, затем гусеницы коротко прогрохотали по твердому. Он вопросительно оглянулся на Дауге, но тот, видимо, ничего не заметил и ответил ему недоумевающим взглядом. «Мало ли загадок на Венере,— подумал Быков.— Вперед, вперед!» Дрожащая стрелка спидометра качалась между 100 и 120. Таинственный красно-черный мир пролетал справа и слева. Рябило в глазах.

— Скорее, Алексей, скорее! — шептал Дауге.

Быков зажмурился и потряс головой. И в этот момент Юрковский крикнул:

— Берите влево, влево! Вот он!

— Планетолет! — одним дыханием прошептал Дауге.

Да, это был планетолет, и даже неискушенному в межпланетных делах Быкову с одного взгляда стало ясно, какая катастрофа постигла этот огромный металлический конус. Видимо, его с невероятной силой швырнуло боком о вершину плоского базальтового холма, и он так и остался там, среди циклопических глыб вывороченного камня. Широкие лопасти стабилизаторов были смяты и изорваны, как куски жести, а вдоль всей кормовой части проходила

извилистая трещина, забитая черным песком. Внизу, у самой земли, виднелось круглое отверстие — настезь распахнутый люк.

— Да, пеленги автоматические...— глухо сказал Юрковский.

Быков оглянулся на товарищей. Дауге прикусил губу. Красивое лицо Юрковского неподвижно застыло. Спицын покачивал головой, словно человек, увидевший то, что ожидал увидеть. Ермаков хмуро глядел в смотровой люк.

— Подъезжайте ближе, Алексей Петрович,— проговорил он,— нужно осмотреть...

Когда «Мальчик», перебравшись через груды щебня, остановился под открытым люком планетолета, все стали торопливо застегивать шлемы, готовясь к выходу. Но Ермаков остановил их:

— Незачем ходить всем. Со мной пойдут Быков и Спицын.

В кромешной тьме, подсвечивая себе фонариками, они на четвереньках проползли по перевернутому коридорному отсеку к перекошенной стальной дверце. Быков слышал, как скрипит силикет под коленями и часто стучит кровь в висках.

— Ч-черт...— задыхаясь, бросил Ермаков.— Сил не хватает. Попробуйте вы, Алексей Петрович.

Быков уперся в дверь, нажал. С пронзительным скрежетом она подалась, образовался узкий проход.

— Входите, товарищи...

Они оказались в пустом кубическом помещении — очевидно, в кессоне. В лучах фонариков блеснули обломки разбитых приборов. Ермаков нагнулся, поднял чешуйчатый металлический костюм, внимательно осмотрел.

— Кислородные баллоны пусты,— пробормотал он,— все ясно.

— Глядите! — сдавленным голосом вскрикнул Спицын.

Быков оглянулся и попятился. Что-то загремело под ногами. Позади виднелась узкая полоска света.

— Вход,— сказал Ермаков.— Пошли.

Они миновали освещенную кают-компанию, осторожно перешагивая через обломки мебели и обугленное тряпье, покрытое бурыми пятнами — вероятно, когда-то это были простыни,— и протиснулись в рубку.

— Здесь...

На стене, бывшей в свое время потолком, горело матовое полушарие лампы. Треснувшая поперек панель управления была сдвинута с места, из-под нее торчали обгорелые провода. Но радиопередатчик работал, дрожали зеле-

ные и синие огоньки за круглыми разбитыми стеклами. И перед ним, уронив косматую, обмотанную серыми бинтами голову, сидел мертвый человек.

— Здравствуй, пандит Бидхан Бондепадхай, отважный калькуттец,— тихо сказал Ермаков и выпрямился, положив руку на спинку кресла.— Вот где довелось тебя встретить... Ты умер на посту, как настоящий Человек...

Он помолчал, стараясь справиться с волнением. Затем поднял сжатый кулак и отчетливо проговорил:

— Светлая тебе память!

Они подняли тело межпланетника и осторожно положили его на пол.

— Ну что ж, лучшего памятника, чем этот планетолет, для него не придумаешь.— Ермаков склонил голову.— Оставим его здесь.

Быков смотрел на худое, искалеченное тело, наскоро и неумело обвязанное простынями и обрывками белья, и думал о том, что этому человеку, бойцу науки, наверное, не было страшно умирать одному, за миллионы километров от Земли. Такие не падают духом, не отступают. Такими сильно человечество.

Спицын отошел от радиопередатчика.

— Сам чинил аппаратуру,— вполголоса сообщил он,— и сам наладил автомат-пеленгатор. Но как он уцелел при таком ударе — не могу себе представить. Здесь все разбито вдребезги.

Быков вздрогнул, пораженный новой мыслью:

— Анатолий Борисович, а где же остальные?

— Кто?

— Ну... его спутники.

Ермаков ответил:

— Бондепадхай-джи летел на Венеру один.

Забрав боржурнал, пленки из автоматических лабораторий и дневники, они тщательно закрыли за собой двери и направились к выходу. Выбравшись из люка, Ермаков сказал, понизив голос:

— Там, в «Мальчике», поменьше подробностей о том, что видели. Спицын, сделайте несколько снимков корабля — и пошли.

В кабине «Мальчика», усевшись за пульт управления, он кратко и сухо рассказал геологам о гибели Бондепадхая.

Дауге спросил только:

— Это тот самый Бидхан Бондепадхай, что основал на Луне обсерваторию? Калькуттец?

Ему никто не ответил, и лишь несколько минут спустя Ермаков, не отводя глаз от смотрового люка, проговорил: — Эта планета — чудовище... Но мы ее возьмем! Мы ее укротим!

Ермаков был в шлеме, и Быков не видел его лица, но он видел сжатые в кулаки руки, лежащие на панели управления, и знал, что под силикетовой тканью стиснутые пальцы холодны и белы, как мрамор.

«Мальчик» уверенно шел на север, навстречу ветру, обходя смерчи. И вот впереди, гася красное сияние неба, вспыхнуло ослепительно-синее, неправдоподобно прекрасное зарево. На его фоне отчетливо проступила сиреневая волнистая гряда далеких холмов. Зарево дрожало, переливаясь бело-синими волнами, в течение нескольких минут. Затем померкло и исчезло.

— Голконда фальшиво улыбнулась нам, — сказал Ермаков. — Идет Черная буря. Алексей Петрович, берите управление. Сейчас, вероятно, нам понадобится вся ваша сноровка.

Венера показывает зубы

Позже Быков никогда не мог восстановить в памяти с начала и до конца все то, что произошло через несколько минут после слов командира. Еще меньше могли бы рассказать остальные, не успевшие или не пожелавшие наглухо пристегнуть себя к сиденьям. Черная буря Голконды не приносится и не налетает ураганом — она возникает мгновенно, как отражение в зеркале, сразу и справа, и слева, и спереди, и сзади, и сверху, и снизу. Взглянув на инфразкран, Быков успел только заметить исполинскую чернильно-черную стену в сотне метров от «Мальчика» — и наступила тьма. Здесь кончались впечатления и начинались ощущения.

Транспортер был отброшен назад со скоростью курьерского поезда, и Быков с размаху ударился головой в шлем о переднюю стенку. Из глаз посыпались искры. Быков зашипел от боли и вдруг почувствовал, как «Мальчик» задирает нос, становясь на дыбы. Ремни впились в тело, затрещали, но выдержали. Вокруг, в кромешной тьме, визжало и грохотало; вцепившись в пульт управления, оглохший, ослепший, задохнувшийся от страшного напряжения, Быков дал полный, самый полный вперед и выбросил одновременно все четыре опорных рычага. Задний правый сломался через секунду. Тьма закрутилась бешеной каруселью. «Мальчик» повалился набок, прополз несколько

десятков метров по песку и перевернулся вверх дном. Уцелевшие рычаги приподняли его, и буря сделала все остальное — транспортер снова встал на гусеницы.

Как всегда в минуты смертельной опасности, мозг работал быстро, холодно и четко. Быков сопротивлялся, слившись с великолепной машиной, напрягая все мышцы, следя расширенными остекленевшими глазами, как на экране в бездонной мгле возникают дрожащие голубые клубки. «Удержаться, удержаться!..» На экране плясали ослепительные шары, беззвучно взрывались, разбрызгивая огонь, в грохоте и вое бури, гусеницы многотонной машины вращались с бешеной скоростью, сверхпрочные титановые шесты впились в почву, но «Мальчик» отступал. Буря снова повалила его, поволокла. «Удержаться, удержаться!..» Уау-у, уау-у... — ревет, и воет, и грохочет, надрывая барабанные перепонки. На губах какая-то липкая слякоть... Кровь? А-ах! Быков повисает на ремнях головой вниз, бессознательно надавливает клавиши... А на экране скачут косматые огненные клубки... Шаровые молнии? А-ах!.. «Удержаться, что бы там...» И снова «Мальчика» бросает на корму...

Потом все кончилось так же внезапно, как и началось. Быков выключил двигатель и с трудом снял руки с пульта управления. В смотровой люк снова заструился красноватый свет, показавшийся теперь прекрасным. В наступившей тишине торопливо и четко застрекотали счетчики радиации. Быков оглянулся. Ермаков непослушными пальцами путался в ремнях. Богдан Спицын без шлема сидел на полу около рации, очумело крутя головой. Лицо его было вымазано черным до такой степени, что Быков даже испугался — пилота-радиста было трудно узнать. Ермаков отстегнулся наконец и встал. Ноги у него подгибались.

— Ну, знаете, чем так жить... — проговорил Богдан. Белые зубы его блеснули в спокойной улыбке. — Неужели молодость и нашей Земли была такой беспокойной?

Из-под столика у стены выполз Дауге, встал на четвереньки, попробовал подняться, но потом, видимо раздумав, выругался по-латышски, снова сел, прислонившись к тюкам, и стянул шлем. Его мутило. Юрковского долго не могли найти под грудой развалившихся ящиков. Он был без сознания, но сразу пришел в себя и, открыв глаза, осведомился:

— Где я?

Быков облегченно улыбнулся, а Богдан серьезно сказал:

— В «Мальчике». «Мальчик» — это такой транспортер...

— К черту подробности! На какой планете?

— Поразительная способность,— злобно съязвил Дауге,— в любых условиях цитировать бородатые анекдоты! — Он сидел в прежней позе, теребя шлем, лежащий у него на коленях.

Юрковский сразу поднялся и внимательно посмотрел на него:

— Шер Дауге! Знаешь, какого ты сейчас цвета?

— Полагаю, желтого.

— Багрового, дружок, темно-багрового! Принаравливаешься к планете, мимикрия...

Его неожиданно перебил резкий голос Ермакова:

— Товарищи межпланетники! Немедленно надеть шлемы! Тревога!

Быков, только что собиравшийся снять шлем, удивленно обернулся.

— Пыль! Радиоактивная сажа! — Ермаков склонился у стены в напряженной позе.— Надеть шлемы! Спицын — мыться немедленно! Приготовиться к дезактивации!

Быков понял. Стены, пол, ящики и тюки, приборы, костюмы, лицо Спицына — все было покрыто налетом тончайшей черной пудры, вбитой чудовищным напором бури в микроскопические, почти капиллярные зазоры закрытых люков. Запыленный колпачок индикатора мерцал зеленым, и сразу все услышали стрекотание радиометров. Юрковский стал торопливо шарить пальцами у застежек спецкостюма. Богдан кинулся в умывальную. Дауге поколебался мгновение, но под тяжелым взглядом командира решительно сунул голову в шлем.

— Алексей Петрович, осмотрите «Мальчика» снаружи,— коротко приказал Ермаков и тоже надел серебристый колпак.

Снаружи было удивительно тихо. Ветер, непрерывно дувший с Голконды, прекратился. Исчезли гигантские смерчи, еще полчаса назад мотавшиеся у горизонта. Быков спрыгнул с борта «Мальчика» и по колени ушел в мягкую черную пыль. Почва дрожала так сильно, что у Быкова застучали зубы. В наушники поминутно врвался глухой грохот.

— Голконда! — Быков впился глазами в холмистый горизонт.

В багровом мареве то обрисовывался, то снова пропал далекий, очень далекий горный хребет, колеблясь в

восходящих потоках раскаленного газа. Бу-бу-бу-бу — рокотало оттуда.

«Мальчик» стоял дыбом, слегка накренившись на правый борт, похожий на огромного черного искалеченного паука. Под днищем намело мягкий холм, коленчатые стержни глубоко ушли в пыль.

Обойдя транспортер спереди, Быков увидел широкие полужасыпанные борозды, тянущиеся на несколько десятков метров, — это были следы отступления. Они казались неглубокими, но, вступив в одну из борозд, он провалился по пояс.

Правый задний опорный шест висел «на ниточке». Натиск бури вывернул титановую «кость» из сустава, и она бессильно вытянулась, полужасыпанная черным прахом. Это можно было починить, но прежней прочности уже не вернешь. Быков вздохнул и принялся за работу.

Ремонт подходил к концу, когда Быков, увлеченный работой, услышал над ухом голос Ермакова:

— Как дела? Мы уже справились...

Командир спрыгнул с транспортера, присел рядом на корточки.

— Легко отделались. Я вижу, вы тоже кончаете.

— Д-да... — пропыхтел Быков. — Жалко «Мальчика». Покалечил ножку, бедняга.

Став на колени, он критически рассматривал результаты своей работы.

— Годится для увеселительных прогулок... Плохо, Анатолий Борисович, сами видите... — Он вздохнул и принялся собирать инструменты. — Надо было мне уступить. Все уцелело бы...

Командир усмехнулся.

— Вы знаете, сколько времени длился ураган? — спросил он неожиданно.

— Ну... минут двадцать... Трудно сказать, я не засекал по часам.

— А я следил: три с половиной минуты.

— К-как?

— Три с половиной минуты, Алексей Петрович. И за это время нас отбросило на тысячу метров. Если бы вы уступили, «Мальчик» был бы сейчас за сто километров отсюда... И валялся бы разбитый вдребезги вдобавок. Вы и не подозреваете, какой вы молодец, Алексей Петрович! — Он нежно погладил стальной рычаг. — А теперь — вперед! Дорога открыта, Голконда рядом. Слышите? (Бу-бу-бу-бу...) Километров пятьдесят. Ее уже видно — вон

те черные пятна... Нет, это не горы — это клубится Голконда.

Перед тем как последовать за командиром в люк, Быков оглянулся. И вот, как в странном тумане, у горизонта возникли, расплываясь, широкие лиловые полосы. Рябило в глазах. Быков зажмурился, потряс головой. Полосы исчезли.

— Только этого и не хватало! — пробормотал он, карабкаясь по броне. — Галлюцинации... Милое дело!

Внутренние кабины «Мальчика» были чисто вымыты, блестели металлом и пластмассой. Груз аккуратно уложен и закреплен. Взъерошенный, с мокрыми после мытья волосами, Богдан возился у рации. Геологи сидели в своем уголке за откидным столиком. Юрковский быстро листал какой-то справочник, посвистывая сквозь зубы. Тихо, мирно, уютно... Быков сразу захотел спать — сказывалось нечеловеческое напряжение последних часов. Глаза слипались.

— Анатолий Борисович...

— Спать, спать! — быстро прервал его Ермаков. — Немедленно спать.

— Слушаюсь! — обрадованно сказал Быков и присел на тюки, снимая шлем.

Дауге следил за ним с дружеской улыбкой. Но, когда Быков снял колпак, Дауге вскочил на ноги и издал странный звук, изумивший Алексея Петровича и заставивший всех разом оглянуться.

— Ч-что такое? — растерянно спросил Быков, оглядывая себя.

— Подожди, подожди, Алексей, что это? — заикаясь, проговорил Дауге.

— Да в чем дело?!

— У вас все лицо в крови, Алексей Петрович, — сказал Ермаков. — Вы, вероятно, ударились лбом при толчке.

— Ударился один раз, — пробормотал водитель, ощупывая нос.

— Не трогайте руками... Сейчас я вам промою ссадину... Да не трогайте вы руками, говорю!.. Владимир Сергеевич, дайте ему зеркало.

На лбу чернела огромная ссадина, нос распух, нижняя губа приняла необычайную форму и все еще сочилась кровью. Щеки были разрисованы замысловатым узором. Быков сердито отстранил зеркало.

— Ничего опасного. — Ермаков быстро и ловко промывал ранки. — Эффектно, но не страшно... Но вот как вы ухитрились этого не заметить и не почувствовать?..

— Так, саднило немножко... Кто мог думать?..

— Я лично этому отнюдь не удивляюсь,— сказал Дауге.

— Чему?

— Тому, что ты ничего не почувствовал. Я, например, чувствовал только, что все время стою вверх ногами и придерживаю языком желудок...

— Не мог ты все время стоять вверх ногами... Спасибо большое, Анатолий Борисович. Все в порядке.

Быков повесил шлем на крюк и, покряхтывая от наслаждения, полез на тюки.

Юрковский что-то сказал ему вдогонку, но Быков уже спал. Большой белый корабль нес его, плавно покачиваясь, по широкой синей реке. Ярко светило солнце, далеко-далеко темнели берега за голубоватой дымкой, а над водой носилась ослепительно белая стремительная птица. Качка становилась все сильнее, палуба уходила из-под ног. Кто-то закричал: «Бу-бу-бу! Ну и дорожка!» Быков полетел за борт, дрыгнув ногами и проснулся. Транспортёр швыряло и подбрасывало. Ермаков вел машину, а остальные, цепляясь друг за друга, сгрудились у него за спиной, глядя на экран.

— Словно клыкастые зубы,— заметил Богдан Спицын.— Престарелая богиня красоты, и мы у нее в зубах.

Быков слез со своего жесткого ложа и, подобравшись к товарищам, просунулся между Богданом и Дауге. Пустыня кончилась. Обходя нагромождения серого камня, «Мальчик» шел через лес гладких прямых столбов. Над грудями камня торчали, возвышаясь на много метров, черные остроконечные скалы — сотни их виднелись вдали. Почва была изрыта трещинами и воронками, поросшими жестким плющом. Колючие ветки обвивались вокруг уткнувшихся в низкое небо скалистых башен. Каменная чаща обступала транспортёр. Богдан была прав — скалы удивительно напоминали старые редкие зубы.

Тряска становилась невыносимой. Юрковский вдруг замычал, затряс головой — прикусил язык. Быков тронул плечо Ермакова:

— Надо остановиться, Анатолий Борисович, здесь легко пропороть брюхо «Мальчику».

Ермаков кивнул. Он подвел машину к ближайшему столбу и выключил двигатель.

— Надо разведать дорогу,— сказал Быков, нагибаясь к смотровому люку.— Может быть, следует вернуться и обойти это место.

— Нет! — отрезал Ермаков. — Полоса скал тянется, вероятно, далеко. У нас нет времени.

— Нужно рвать скалы. Несколько мин — только и всего, — предложил Богдан Спицын.

Ермаков подумал, затем решительно поднялся:

— Проведем разведку. Вчетвером. Водитель остается у машины.

— Слушаюсь.

— На разведку, на разведку! — обрадованно запел Дауге, размахивая геологическим молотком.

— Молоток отставить, — приказал Ермаков. — Взять только оружие.

— Анатолий Борисович, ведь мы ни разу...

— Нет времени. Юрковский, Спицын, быстрее! Быков, от машины не отходить. Даже если услышите выстрелы... Все готовы? Пошли.

Быков выбрался вместе со всеми, присел на броню. Он сидел на чуть выступающей командирской башенке «Мальчика» и смотрел, как удаляются по расходящимся путям человеческие фигурки — маленькие, словно мошки, среди тяжелых потрескавшихся валунов. Юрковский с Богданом уходили вправо, Ермаков с Дауге — прямо. Некоторое время он еще слышал голос Юрковского, уверявшего, что здесь лучший в мире геологический заповедник, веселый смех Богдана, бодрый басок Иоганыча, напевавшего песенку про аргонатов, потом все затихло. Быков остался один.

По небу по-прежнему неслись тучи, ветер ревел в вышине среди черных столбов, несколько раз раздавался отрывистый треск — Быкову казалось, что это сигнальные выстрелы, и он подскакивал на месте и оглядывался. Потом он понял, что это ветер сталкивает валуны друг с другом, однако спустился в машину, достал автомат, перекинул через плечо. Почву сотрясали тяжелые удары.

Удивительно все-таки мрачное место! Впереди, сзади угрюмые голые столбы, словно колонны огромного разрушенного здания. Быков представил себе: когда-то здесь стоял великолепный древний дворец. В нем не было комнат — только роскошные колонны черного камня. Меж колонн с достоинством выступали люди в белых, как снег, одеждах — благообразные бородатые мудрецы, изящные женщины, воины в медных шлемах, со щитами... Как на рисунке, который ему как-то пришлось видеть в историческом романе об Атлантиде... Потом налетела Черная буря, разрушила свод; свод рухнул, провалился между

колоннами. Все поггло, и среди пустыни остался только лес безмолвных черных гладких столбов...

Быков вдруг вскочил, схватился за автомат. Ему показалось, что из-за ближайшей колонны бесшумно выдвинулся огромный темный человек ростом с дом и замер, приглядываясь. Нет, это просто каменная глыба. Валуны поражали причудливостью форм. Успокоившись, он принялся разглядывать самые близкие, отыскивая знакомые очертания. Вот спящий лев; смеющаяся физиономия в шапке; гигантская жаба; что-то вообще непонятное с рогами и вытаращенными глазами... Каменные дебри жили своей неподвижной дремотной жизнью. Тихонько, так, чтобы незаметно было, дышали, подрагивая боками, замершие странные звери, поглядывали украдкой из-под тяжелых зажмуренных век на пришельцев из другого мира. Тигры, ящеры, драконы — каменное население каменного венерианского леса.

Быков подумал, что здешний край все-таки очень беден жизнью. На Земле в пустыне увидишь змею, скорпиона, паука-фалангу; на краю пустыни — сайгу... А здесь? Правда, на болоте жизни много, даже чересчур, пожалуй, но в горах и в пустыне — только жесткие колючки, растущие прямо из камня... Когда «Мальчик» еще выбирался из горного кольца около болота, Быкову почудилось, что какая-то стремительная тень скользнула вдоль стены и скрылась в колючих зарослях. Но это, наверное, обман зрения... Гиблые места...

Быков вспомнил зеленый ковер весенней травки, поникшие ветви карагачей, белые глинобитные домики окраин, журчание воды в арыке — вздохнул грустно: Земля, Земля...

Вдали из-за валуна выпрыгнула черная фигурка — возвращаются! Быков поднялся во весь рост, присматриваясь. Кто-то неторопливо шел, размахивая руками, чтобы сохранить равновесие. Вот споткнулся, чуть не упал, в наушниках Быкова слабо скрипнул голос. Юрковский! Чертовски приятно видеть человека на этом каменном кладбище. Идет, не торопится, и голос сердитый — видно, дороги нет... Плохо дело, придется рвать скалы... волокита... Быков опять вздохнул, потом невольно рассмеялся: эх его, однако, качает! Геолог нелепо взмахнул одной ногой, изогнулся и съехал с большого валуна, через который перебирался, желая, видимо, сократить путь. Наушники донесли взрыв негодования. Алексей Петрович улыбался — приятно, удивительно приятно видеть здесь человека! Юрковский, в конце концов, вовсе не плохой парень

и действительно совсем не пижон. Но любит задирать нос и вообще... поэт. Быков не очень понимал стихи и к романтике относился скептически.

Юрковский подошел, тяжело дыша. Стащил через голову автомат, с отвращением бросил его на броню, присел на бульжник. Быков спросил, выждав:

— Есть дорога?

Юрковский махнул рукой:

— Валуны, ямы какие-то, черт бы их драл... Торчат обломки из песка — метра по полтора, острые как бритва, а там, — он махнул рукой в сторону, откуда пришел, — метров через двести эти Венерины зубки сплошной стеной, человек не пролезет. Короче говоря, тупик. Придется вам, водитель, поворачивать свои бронированные оглобли. Кто-то из умников предлагал взять на «Хиус» вертолет. Чудак! Здесь бы эту машинку через три секунды в щепки разнесло...

— Может быть, Ермаков с Дауге дорогу найдут...

— Возможно, хотя и сомнительно; наверное, придется искать обход: не взрывать же все подряд! Я бы на вашем месте начал разводить пары.

Юрковский вскарабкался на броню, сел рядом с Быковым, вытянул ноги и постучал ступней о ступню.

— А Голконду-то слышно! Чуете, Алексей Петрович? Чудесный край загадок и тайны... Дикая, первозданная природа! Людским дыханием не оскверненный воздух и бездорожия нетоптанный простор, а?..

Быков неопределенно помычал. Манера Юрковского разговаривать раздражала. И великолепный «романтизм» его казался нелепым, позерским. Он, Быков, считал, что «Хиус» прокладывает дорогу для тех, кто пойдет вслед за ним, покончит с «нетоптанным бездорожьем», изменит здесь климат, построит прекрасные города... и тогда на этом самом месте можно будет выпить кружечку холодного пива, как в павильоне на углу Пролетарского проспекта и улицы Дзержинского в Ашхабаде...

— А вот еще загадка... — «Пижон» протянул руку.

Над вершинами скал беззвучно возникли и протянулись по небу давешние лиловые переливающиеся полосы. Быков вскочил.

— Ага! Вы их тоже видите!

— Что значит «тоже»? — удивился Юрковский. — Трудно не увидеть...

Полосы медленно погасли, словно растаяли в багровом свете.

Вдали показались еще две фигурки — они поднялись на валун, одна помахала рукой. Быков махнул в ответ.

— Вот и Ермаков с Дауге. Что же Богдан? Вы разошлись с ним, что ли, Владимир Сергеевич?

— Да, видно, разошелся, — рассеянно ответил Юрковский, следя за приближавшимися товарищами. — Здесь легко разойтись — за десять шагов из-за камней ничего не видно, а я возвращался другой дорогой. Он давно ушел?

— Как это — ушел? Вместе с вами...

— Что? — спросил Юрковский, очевидно не расслышав его слов.

Быков промолчал, соображая. Что он, смеется, что ли, чудак?

— Там же ерунда какая-то была, течь в кислородном баллоне. Неполная герметичность...

— Что такое? — Быков ощутил странное беспокойство. Он не понимал Юрковского.

Тот, по-видимому, тоже удивился:

— У Богдана что-то случилось с кислородным баллоном. Он сказал мне, чтобы я не задерживался, а сам вернулся к «Мальчику» взять новый... На всякий случай. Вы что — отлучались, что ли, Алексей Петрович?

— Богдан вернулся к «Мальчику»?

— Вернулся. Взять новый баллон...

— Богдан не возвращался к «Мальчику», — с трудом выговорил Быков, ощущая во всем теле томительный холодок нехорошего предчувствия.

— Не возвращался?

Оба они вскочили одновременно и уставились друг на друга, едва осознавая тяжесть надвигающейся беды. Быков не видел лица Юрковского и только вдруг совершенно перестал слышать его дыхание.

— Осторожнее, осторожнее, Анатолий Борисович... Вот так!.. — раздался голос Дауге.

Быков оглянулся. Дауге и Ермаков подходили к транспортеру. У геолога на шее висело два автомата, он поддерживал командира под руку. Ермаков шел медленно, сильно припадая на правую ногу. Не доходя нескольких шагов, он проговорил сквозь стиснутые зубы:

— Готовьтесь, водитель. Там можно пройти. Все в машину!

Неожиданно Юрковский прыгнул на землю, подхватил автомат и, не говоря ни слова, кинулся прочь, скользя и спотыкаясь на каменных обломках. Быков отстал от него на секунду.

— Дауге! — рывкнул он таким голосом, что тот вздрогнул и вытянулся. — Один автомат командиру — и за Юрковским, живо!.. Анатолий Борисович, вероятно, с Богданом беда. Разрешите идти?

— Идите! — крикнул Ермаков.

Дауге уже бежал впереди, путаясь в колючих стеблях плюща. Быков бросился за ним. Ноги разъезжались, срывались с гладкого камня. Почва — крупный щебень пополам с булыжниками, припорошенными песком и пылью, — уходила из-под ног, щетинилась острыми обломками. Быков сразу покрылся потом. «Скорее, скорее», — стучало в висках. Мысль работала быстро, четко. Либо Богдан подвергся нападению («Вряд ли — скалы мертвы...»), либо поскользнулся, расшибся, лежит без сознания («Тогда найдем, непременно найдем...»), либо заблудился («Но почему тогда не стреляет, не зовет?»). Хлестко ударила автоматная очередь. Богдан!.. Нет, это Юрковский. Правильно, молодец, включил сигнальный магазин, забрался на валун, на тот, что похож на жабу, оглушительно бьет из автомата в низкое небо. Перестал, прислушивается... нет ответа, нет... Камень отвечает замысловатым раскатистым эхом, да воет ветер в вершинах остроконечных скал...

Быков сидел, прислонившись спиной к груде тюков, медленно жевал прессованную ветчину, жадно запивая фруктовым соком из нейлонового стаканчика. Тяжело, с хрипом дышал во сне Дауге. Он свалился где сидел, прямо на полу. Темное лицо его еще больше почернело, щетинистые щеки ввалились. Время от времени он торопливо бессвязно бормотал что-то по-латышски, судорожно шевеля губами. Над рацией склонился неподвижный Ермаков. Глаза его были закрыты, только тихонько двигались белые сухие пальцы на блестящей кремальере. Он прошупывал эфир, пытаясь связаться с «Хиусом». Раньше это всегда делал Богдан. Богдан... Над головой по пласт-бронне постукивают медленные, усталые шаги. Это Юрковский.

Юрковский считает себя виновным в несчастье с Богданом. Дауге и Быков пытались переубедить его, но безуспешно.

— Я не должен был отпускать его одного, — твердил он, глядя на товарищей пустыми глазами.

Бедный Богдан... Бедный Юрковский...

Двенадцать часов бродили они по каменным дбрям. Глухое эхо отвечало на выстрелы, мерно рокотала далекая Голконда, гулко лопались горбатые валуны, заставляя их

вздрагивать и озираться. Богдан не отвечал. Они находили расстрелянные гильзы — там, где побывали уже сами. Полустертые следы ног — своих собственных ног. Богдан не откликался... Они почти не разговаривали друг с другом, только иногда, когда Дауге или Юрковский пытались отделиться от маленького отряда, Быков приказывал им вернуться голосом, которого не узнавали ни они, ни он сам. Несколько раз им казалось, что откуда-то издалека доносятся выстрелы, — они опрометью бросались туда, стреляя на ходу, и всегда оказывалось, что они ошибались. Пот заливал глаза, ноги подгибались и дрожали. Все чаще они спотыкались и падали, и все труднее им было подниматься. Наконец Юрковский упал, а Дауге, пытаясь ему помочь, свалился сам. Быков подошел к ним и опустился на щебень, с трудом подогнув одеревеневшие ноги. Некоторое время он смотрел, как Юрковский, задыхаясь, пытается подняться, еле шевеля руками, не поднимая отяжелевшей головы, потом сказал:

— Пошли к «Мальчику»... Надо передохнуть.

— Не-е-ет! — яростно просипел Юрковский.

Но они все-таки пошли назад, и Быков нес все три автомата и вел Юрковского, придерживая его за плечи. Дауге, шатаясь, шел впереди, не выбирая дороги, и, когда он останавливался, прикинув к скале, Быков подходил к нему и толкал в спину. Геолог с трудом отрывался от камня и, спотыкаясь, брел дальше. Он казался ослепшим от усталости, но именно он первый заметил широкую черную расселину и на краю ее тускло поблескивающий автомат Богдана. Дауге закричал и упал на колени, невнятно бормоча, тыча слабой рукой в пропасть...

Когда «Мальчик», грузно переваливаясь на камнях, подполз к трещине, Быков обвязался стальным тросом и спустился вниз. Он слышал, как наверху хрипло зовет Юрковский: «Богдан! Богдан!..» На дне расселины Быков при свете фонарика увидел груды камня, песок, обломки колючих ветвей плюща, щебень... Он бродил во тьме полчаса, ощупал каждый камень, осмотрел каждую трещинку... Богдана не было. У него еще хватило сил выбраться из расселины и залезть в машину. Там он упал и заснул...

Быков допил сок, собрал крошки, бросил их в мусоропровод. Ермаков не шевелился. Дауге вдруг поднялся, тараща мутные глаза, и бросился к нему:

— Богдан! Богданыч! Нашелся, родной! — Голос его упал, он как-то сразу обмяк, сел, растирая лицо обеими ладонями. Помолчав, проговорил: — Простите, Анатолий

Борисович... Померещилось, — и принялся надевать шлем дрожащими руками.

Ермаков только глянул на него бегло и отвернулся.

— Мы, пожалуй, попробуем еще раз, Анатолий Борисович, — сказал нерешительно Быков.

— Да, — беззвучно шевельнул губами Ермаков.

Прошло еще сорок восемь часов, полных предельного напряжения, надежд и горьких ошибок. Поиски были напрасны.

Ничего! Никаких следов. В километровом радиусе вокруг «Мальчика» межпланетники обыскали каждую трещинку. В расселину, рядом с которой был найден автомат, спускались четыре раза. Они не могли сделать большего, и Юрковский глухо рычал, в бессильной ярости сжимая большие руки. Если бы Богдан погиб у них на глазах, в бою или под обвалом, если бы они нашли хотя бы его тело — им было бы легче.

Ермаков молчал. Каждый раз, когда товарищи уходили на поиски, он, с трудом волоча вывихнутую ногу, выползал наружу и часами сидел около транспортера, положив на колени автомат, — ждал сигнала. Пока остальные отдыхали, измотанные многочасовой ходьбой, он дежурил наверху и пытался связаться с «Хиусом». Ермаков ждал и боялся разговора с далеким штурманом, но, когда наконец радостный голос Михаила Антоновича донесся из репродуктора, прерываемый раздражающим треском помех, командир заговорил в спокойном, даже слегка шутливым тоне. Сказал, что цель близка, все в порядке, настроение бодрое. Немного задержались в скалах из-за плохой дороги, но это не страшно. Все члены экспедиции шлют привет. Прислушиваясь к этому разговору, геологи молчали одобрительно — Михаилу ни к чему знать все. Ему и так не сладко в одиночестве.

В этот день Юрковский сделал последнюю безумную попытку раскрыть тайну исчезновения Богдана. Опытный скалолаз, он ухитрился взобраться на вершину одного из самых высоких столбов метрах в ста от «Мальчика». Тридцатиметровая черная громадина была расколота вдоль, и, упиравшись в края трещины, геолог с нечеловеческой ловкостью вскарабкался на нее, чтобы осмотреть окрестности.

Быков и понурый Дауге терпеливо стояли у подножия. Потом, когда Юрковский спустился вниз и отдыхал, упиравшись спиной в гладкий камень, они так же терпеливо ожидали, что он скажет.

Но Юрковский сказал только:

— Голконда близко... Как на ладони...

Ермаков ждал их около «Мальчика», пропустил в люк, пролез сам и, когда все сняли шлемы, сказал очень тихо:

— Выступаем через час.

Быков не удивился — он ждал этих слов. Даже если бы кислородный баллон Спицына был исправлен, запасы кислорода в нем должны были кончиться уже давно, а то, что мог вытянуть из венерианской атмосферы кислородный фильтр, могло затянуть агонию удушья только на тридцать-сорок часов. Богдан Спицын был мертв.

Но, когда Ермаков объявил, что «Мальчик» выступает, Юрковский стиснул руки, а Дауге поднял темное лицо с усталыми, запавшими глазами.

— У нас нет времени. Остаться здесь дольше я не считаю возможным и... целесообразным.

Юрковский, шатаясь, поднялся:

— Анатолий Борисович!..

Ермаков молчал. Юрковский, беззвучно шевеля губами, прижимал к груди трясущиеся руки. Дауге снова понурил голову. Молчание длилось бесконечно, и Быков не выдержал. Он поднялся и направился к пульту управления. И тогда, высокий, надорванный, прозвенел голос Юрковского:

— Я не уйду отсюда!

Глаза его блуждали, на белых щеках вспыхнули красные пятна.

— Он здесь, где-то рядом... может быть, он еще... Я не уйду... — Голос сорвался. — Анатолий Борисович!

Ермаков проговорил мягко, убеждающе:

— Владимир Сергеевич, мы должны идти. Богдан умер. У него нет кислорода. Мы должны выполнить свой долг. Мы не имеем права... Вы думаете, первым экспедициям в Антарктике было легче? А Баренц, Седов, Скотт, Амундсен?.. А наши прадеды под Сталинградом?.. Смерть любого из нас не может, не должна остановить наступления...

Никогда Ермаков не произносил столь длинных речей.

Юрковский, цепляясь за стены, придвинулся к Ермакову:

— Мне плевать на все!.. Мне плевать на Голконду! Это подло, товарищ Ермаков! Я не уйду! К черту! Я остаюсь один...

Быков увидел, как лицо Ермакова стало серым. Командир планетолета не шевельнулся, но в голосе пропали дружеские нотки:

— Товарищ Юрковский, прекратите истерику, приведите себя в порядок! Приказываю надеть шлем и приготовиться к походу!

Он резко повернулся и сел за пульт управления. Юрковский, весь сникнув, рухнул на сиденье. Плечи его тряслись. Он был жалок и страшен.

— Надо, Володя, надо! — Дауге стоял над ним, держась за качающиеся стены. Перекошенное землистое лицо. Потухшие глаза. Мертвый, чужой голос. — Надо, Володя, надо... Это неизбежно! Битва!

На берегах Дымного моря

— Выйдем здесь.

— Слушаюсь, Анатолий Борисович. Дайте-ка я вам помогу... Вот так... Иоганыч, поддержи...

Быков выглянул из люка, невольно зажмурился, вылез на броню и протянул руку Ермакову. За командиром выбрался угрюмый Дауге, и только Юрковский остался лежать в транспортере, повернувшись лицом к стене.

Вот она, Голконда!.. В километре от «Мальчика» клубилась над землей серая пелена дыма и пыли, протянувшаяся вправо и влево до самого горизонта. Пелена шевелилась, вспучивалась, колыхалась огромными волнами. А вдали, заслоняя полнеба, вздымалась исполинская скала-гора, угольно-черная, озаряемая ослепительными вспышками разноцветного пламени. Вершина ее тонула в бегущих багровых тучах. Оглушительный грохот несся из недр этого чудовищного, вечно бурлящего котла, и почва вздрагивала, уходя из-под ног, словно живое существо. Быков, закусив губу, торопливо отключился от внешнего мира.

— Выключи внешний телефон!.. Ты слышишь, Алексей? — закричал Дауге над самым ухом, так что Быков даже вздрогнул. — Алешка-а-а!..

— Да что ты орешь! Выключил я давно.

— А, выключил, — понизил голос Дауге. — А то я тебе криком кричу — как в лесу...

Бу-бу-бу-бу... Из клубящейся пелены вырвался огненный шар, взлетел и раскололся с оглушительным треском.

— Красиво! — с восхищением проговорил Дауге. — Я пойду позову Владимира...

— Не надо его тревожить, — процедил Ермаков неохотно.

Быков не мог оторвать глаз от невообразимо огромной черной горы на горизонте. Наконец он понял — перед ним

столб дыма. Не верилось, что это мрачное сооружение состоит из пара, раскаленных газов и пылевых частиц. Только приглядевшись, можно было различить еле заметное на таком расстоянии медленно-неуклонное движение гладких стен вверх, к низкому небу. На мгновение ему стало не по себе. Необъятная труба, будто вонзившаяся в тело планеты, всасывала в себя тысячи тонн песка, пыли и щебня, выбрасывая все это в атмосферу. Там, по склонам черной «горы», с безумной скоростью мчатся сейчас в небо облака каменного крошева, раскаленного до невероятных температур.

Быков очнулся.

— Как же дальше, Анатолий Борисович? Какой будет маршрут?

Ермаков, присев на башенку, рассматривал Голконду в бинокль.

— Это скажут геологи. Вероятно, пойдем вдоль берега Голконды набирать материал... Попутно составим карту... Надо искать место для ракетодрома.

Из люка выбрались геологи. Дауге возбужденно размахивал руками:

— Ты только погляди, Владимир! Это же геологическая катастрофа! Катаклизм! Ущипни меня! Это черт знает, как превосходно!..

Юрковский вяло присел рядом с командиром. Чувствовалось, что ему все равно. Дауге спрыгнул вниз, его колпак низко склонился над почвой. Минуту он всматривался, затем глубоко запустил руки в перчатках в толстый слой черной пыли и, набрав в пригоршню, поднес ее к самому шлему Юрковского:

— Смоляные пески! Смотри!.. Анатолий Борисович, мы начнем здесь же... Нет!

Он снова вскарабкался на броню.

— Нет, пойдем туда, дальше! — и махнул измазанной перчаткой в сторону дымной пелены. — Это сокровищница! Вы понимаете? Что там золото! Это же небывалые залежи! Скорее туда, вперед!

— Опасно, Иоганыч, — заметил Быков. — Черт знает, что там творится...

— Опасно? — кричал Дауге. — Зачем же мы сюда тащились? Чудак! А как будут работать те, после нас?.. Опасно! Разведка всегда опасна...

— Рисковать... — начал Быков и поперхнулся.

Километрах в полутора от «Мальчика» вырос столб серого дыма, пронизанный ярким белым пламенем. Вытянулся на фоне черной горы, наливаясь слепящим светом,

раздуваясь у вершины в косматый голубой клубок. И снова грохот прорвался сквозь рокочущий мерный гул. «Мальчика» качнуло. Быков потерял равновесие, схватился за плечо Дауге и, падая, успел заметить, как тяжелый голубой клубок оторвался от дымного столба, взлетел к небу и снова погрузился в клубящуюся пучину.

— Ты видел? — крикнул Быков, силясь подняться. — Это не просто опасно...

— Обязательно! — Дауге потряс сжатыми кулаками. — Обязательно мы должны добраться туда! Во что бы то ни стало!

Так началась «будничная» экспедиционная работа.

Ермаков наотрез отказался выполнить просьбу Дауге: «Мальчик» пошел поодаль от края дымной стены, держась от нее метрах в трехстах.

— До тех пор, — сказал в ответ на приставания геолога командир, — пока не будет оборудован ракетодром с маяками, я не позволю, Григорий Иоганнович, рисковать машиной и людьми. Мы не выполнили еще ни одной из наших задач. Ограничьтесь геологической разведкой на дальних подступах к Голконде и ищите место для посадочной площадки. Когда ракетодром будет готов и «Хиус» перебазирован сюда, тогда будет видно. Все.

Через каждые два-три километра «Мальчик» останавливался и высаживал разведчиков. Ермаков оставался в машине, а остальные отправлялись на работу. Дауге и Юрковский шли впереди, собирали образцы грунта, осматривали местность, устанавливали геофизические приборы, которые нес Быков и которые подбирали на обратном пути. Быков тащился, как правило, сзади, ужасно скучая и проклиная геологов, нагрузивших его своим «барахлом». «Барахло» было тяжелым до невозможности. Спецпакеты и контейнеры с образцами нагружали на того же несчастного водителя. Вдобавок геологи разговаривали во время поиска только между собой, обращаясь к Быкову исключительно в повелительном наклонении.

У каждого был автомат. Геологам он мешал, и Дауге однажды попытался отдать свой Быкову. Но тот запротестовал. Каждый должен быть вооружен. Если придется тащить два автомата, то он не сможет защищаться в случае необходимости, и сразу двое окажутся небоеспособными. Весьма возможно, что автомат мешает геологам, но ничего не поделаешь. Трудно? А зачем же мы сюда тащились?

— Алексей, голубчик ты мой! — убеждал Иоганыч. — Ну кто здесь на нас нападет? Что ты несешь несусветное! Перестраховщик!.. Раскрой глаза — ведь все вокруг мертво! При таком уровне радиации никакая тварь существовать не может, разве что кроме тебя, толстолобого!..

Быков был неумолим. В конце концов Дауге вышел из себя и с наивозможной язвительностью осведомился, что Быков предпримет, если он, Дауге, все-таки откажется таскать «эту железную кочергу».

Быков посмотрел на него, насмешливо прищурившись, и презрительно выпятил нижнюю губу. Дауге только сплюнул с досады.

Поле боя осталось за Быковым.

Лес остроконечных скал — «Зубов Венеры» — почти вплотную примыкал к «Дымному морю», как назвал Дауге серую пелену, обволакивающую жерло котла Урановой Голконды. Здесь часто попадались скалы, группами и в одиночку, почва была изрыта воронками, расколота трещинами, завалена грудами валунов. Расчистить место для настоящего ракетодрома здесь было невозможно. В распоряжении экспедиции имелись десять атомных мин, штук двадцать гранат, но этого не хватало. Понадобилась бы армия строителей, вооруженная в изобилии новейшими подрывными средствами и дорожными механизмами, чтобы с успехом атаковать ближние подступы к Голконде. Когда-нибудь здесь построят гигантские ракетодромы, оборудованные мощными радиомаяками точного наведения, соорудят подземные комбинаты по выработке ядерного горючего, протянут широчайшие автострады, пересекающие гряду скал и черную пустыню, а пока... А пока вблизи от кратера Голконды, километрах в двадцати от него, надо найти достаточно широкую и достаточно ровную площадку, которую можно было бы приспособить для приема первых земных кораблей. Это можно было сделать и с помощью десятка атомных мин среднего калибра. Но найти ее пока не удавалось. После одного из коротких совещаний Ермаков сказал:

— Геологам не терпится окунуться в Дымное море. Они правы — может быть, загадка Голконды таится именно там. Это так. Но мы здесь — первые. Наша задача — разведка. Привезти небольшую коллекцию минералогических и ботанических образцов. Оценить Голконду и доказать рентабельность ее разработки. Выборочно и ориентировочно установить характер коры Венеры. Очень

прошу вас понять это как следует. Впрочем, на Земле вы это понимали... Ясно: «золотая лихорадка»... Но есть еще одна задача — ракетодром, пусть примитивный. Это очень важно. Без этого мы не уйдем отсюда, что бы ни случилось. Площадка должна быть создана. Отсутствие воды сокращает нам сроки. Если через десять земных суток мы не найдем места для посадочной площадки по пути следования, я выведу «Мальчика» на ту сторону скалистого хребта, и заложим ее там.

Да, вода сокращала сроки. Расход ее на дезактивацию оказался непредвиденно огромным. Каждый раз, возвращаясь в транспортер, разведчики должны были тщательно отмываться в кессоне. Тончайшая радиоактивная пыль, липкая и вездесущая, забивалась во время вылазок в складки силиконовых костюмов, и, чтобы избавиться от нее, приходилось по четверть часа вертеться под плотными струями дезактивационного душа. Ермаков с радиометром в руке сам проверял чистоту костюмов и, случалось, отсылал небрежных обратно в кессон. Между тем запасы дезактивационной жидкости быстро уменьшались. Превосходные фильтры и ионообменные поглотители помогали мало. Быков перебрал десятки комбинаций поглотителей, но ни одна комбинация не давала нужного эффекта. Дезактивационная вода после очистки оставалась активной, и ее приходилось выбрасывать. Видимо, в смолистой пыли Голконды содержались какие-то радиоколлоиды, не поддающиеся воздействию известных ионообменных процессов. Бак с дезактивационной жидкостью, рассчитанный на сорок рабочих суток, быстро пустел. На очереди стояла питьевая вода из нейлоновых бурдюков...

«Мальчик» продолжал двигаться на запад, оставляя справа клубящиеся волны Дымного моря. Часто вздрагивала, колебалась почва от тяжелых далеких ударов. Порывы ветра приносили облака серого тумана — радиоактивной пыли и паров. За горизонтом, уйдя в багровое небо, грозно ревел чудовищный столб дыма, висящий над жерлом бушующего уранового котла. Там ежесекундно образовывались трансураниды: возникали крохотными гнездами, в которых начинался стремительный цепной процесс — взрывалась маленькая атомная бомба с тротиловым эквивалентом в несколько десятков тонн. В бинокли колоссальная туча казалась пронизанной сотнями вспышек. Природный урановый котел в сотни километров в поперечнике бурлил и клокотал тысячами взрывов.

— Интересное место, — говорил Дауге. — Трудно представить себе, что случилось бы, не будь там огромного количества различных примесей, поглощающих нейтроны. Непрерывно действующая атомная бомба весом в сто миллионов тонн!

Это было действительно жуткое место. В дымной стене иногда вспыхивали таинственные лиловые полосы ослепительного пульсирующего света — вспучивался, взлетал к низкому небу фонтан светящейся пыли. От мощного грохота не спасала акустическая защита в спецкостюмах.

Однажды из дымной стены выползла тяжелая иссиня-черная туча и покатила по равнине прямо на транспортер. Прыгая в люк, Быков успел заметить, как над Голкондой вспыхнуло ослепительное синее зарево. Ермаков повел транспортер прочь, но туча догнала его, навалилась. Забарабанили по броне тяжелые удары — туча несла с собой обломки камня, груды песка. Стрелка в термометре взлетела до четырехсот. По экрану запрыгали, как тогда, в пустыне, косматые клубки шаровых молний, изображения исказились. Потом экран ослеп. Ермаков остановил машину, и все долго неподвижно сидели, прислушиваясь к шорохам, к стрекотанию счетчиков радиации, к ударам собственного сердца. Туча ушла. Выбравшись из «Мальчика», они увидели ее уползающей за горизонт в сторону горного хребта.

— Вот так рождается Черная буря, — проговорил Юрковский, провожая ее глазами.

Голконда дышала. Иногда вдруг на «Мальчика» налетали невидимые вихри радиоизлучения. Разгорались лампочки индикаторов, тиканье счетчиков, не прекращавшееся здесь ни на минуту, сливалось в стрекотание. К счастью, такие бури пронеслись быстро и возникали сравнительно нечасто. Принимались все меры предосторожности. Была усилена защита на спецкостюмах. Ермаков ежедневно делал всему экипажу впрыскивание аррадина — препарата, приостанавливающего развитие лучевой болезни. Геологи работали, заслоняясь тяжелыми щитами, непроницаемыми для излучения. И все-таки угроза лучевой болезни нависла над экипажем «Мальчика». Появилось малокровие, пропал аппетит. Люди становились вялыми и раздражительными. Ермаков молчал и продолжал вести «Мальчика» вдоль берега Дымного моря.

Вскоре после выхода к Дымному морю Быков заметил одно обстоятельство, показавшееся ему странным. Через каждые двадцать четыре часа, ровно в двадцать ноль-ноль

по времени планетолета (в вечных багровых сумерках Венеры межпланетники пользовались земным счетом времени), Ермаков, волоча искалеченную ногу, взбирался на сиденье командирской башенки и, развернув широкоугольный дальномер на юг, подолгу глядел, не отрываясь, в сторону пустыни, словно ожидая какого-то сигнала. Быков не мог понять, чего ждал Ермаков, но спросить не решился.

Между тем геологическая разведка давала блестящие результаты. Голконда воистину оказалась Голкондой — краем несметных, неисчерпаемых богатств. Уран, торий, радий... Трансурановые элементы — плутоний, калифорний, америций, кюрий: вещества, на производство которых в земных условиях тратились огромные силы и средства, вещества, добываемые с помощью сложнейших установок и в ничтожных количествах, здесь лежали прямо под ногами. Без особых затрат их можно было добывать в промышленных масштабах, тоннами. Дауге вопил от восторга, и даже Юрковский, в последнее время угрюмый, пел за работой, несущей открытие за открытием. Этих открытий нельзя было переоценить. Они означали небывалый прогресс в энергетике, технике, промышленности, медицине. Земля, покрытая вечнозелеными лесами от полюса до полюса, горящая мириадами огней, населенная здоровыми, сильными, не знающими болезней людьми; изобилие, великолепные города, могучие электростанции, ясная счастливая жизнь — все это мысленно представлялось экипажу «Хиуса». И эта жизнь должна была получить могучее подкрепление отсюда, из черных смоляных песков Голконды. Под мрачным багровым небом, среди безбрежных угрюмых пустынь маленькая горсточка людей шла через муки, боль исканий, гибель товарищей — к большой победе. Для многого следовало многим рисковать.

У Дауге стали выпадать волосы. После сна, причесываясь, он оставлял на гребенке черные пряди. Геолог исхудал и ослабел, только в глазах постоянно горел упрямый огонек. Температура поднялась до 39.

— Грипп? Это надо уметь — попасть под сквозняк, не вылезая из спецкостюма! — поражался Иоганыч, рассматривая градусник. — То есть абсолютно гриппозная температура! Верно, Анатолий Борисович?

Ермаков только качал головой. Он сам чувствовал себя нехорошо — болела вывихнутая нога. Это было мучительно неудобно. У Юрковского по телу пошли нарывы, он становился все молчаливее.

Быков чувствовал себя лучше других, но как-то заметил, что у него не в порядке глаза. Он стал хуже видеть, быстро прогрессировала близорукость. Ермаков тщательно осмотрел его, влил в каждый глаз по капельке маслянистой жидкости и назначил особую диету. Быков заметил, что с этого же дня командир начал вводить ему удвоенную дозу арадиатина.

Несмотря на сильную радиоактивность почвы и температуру, доходящую до ста градусов, местность, по-видимому, была обитаема. Во время одного из поисков Быков чуть отстал от геологов, рассматривая вкрапления красивого серебристого металла в морщинистых боках потрескавшихся валунов, и вдруг услышал отдаленные крики.

Щелкнув предохранителем автомата, он кинулся на шум, на бегу ощупывая за поясом гранату. Навстречу ему из-за скалы высочили геологи. Юрковский все время оглядывался, размахивая стволом автомата. Дауге тащил его за пояс. Через несколько секунд они уже стояли рядом, и Дауге сбивчиво рассказывал, поминутно озираясь:

— Вот нечисть! Кошмарная гадина!.. Видел, Володя?.. Представляешь, Алексей, прямо из скалы вытянулась пятиметровая шея с клювом-пастью на конце... Я схватил автомат... Видел, Володя?

— Ни черта я не видел,— мрачно проговорил Юрковский, поправляя вещевой мешок на плече.— Ты заорал, пустил лучевую очередь и бросился удирать, да и меня за собой поволок... Ничего я не видел...

Некоторое время они стояли, молча поглядывая на черные скалы вокруг, потом Дауге снова принялся рассказывать, как они шли, собирая материал, как он, Дауге, нагнулся подобрать «один любопытный камешек» и вдруг увидел на песке длинную извилистую тень. Он поднял глаза и только успел заметить, что над головой Юрковского, стоявшего к нему боком, прямо из скалы выдвинулась длинная гибкая шея какого-то животного, похожего на змею, с огромной пастью и без глаз. Он чисто механическим движением поднял автомат и открыл огонь, а когда чудище вскинулось от ожогов чуть ли не выше скал, схватил Юрковского и побежал, таща его за собой.

— Меня больше всего поражает, что эта гадина высунулась прямо из камня,— добавил он, немного успокоившись.

— Померещилось! — Юрковский махнул рукой.— Просто эта штука сидела под скалой, потом смотрит и отмечает, что Дауге намеревается в благородной рас-

сеянности наступить ей на голову. Ну и решила... тово...

— Шуточки!—рассердился Иоганыч.—Пойдем-ка лучше посмотрим, что это было... У тебя граната есть, Алексей?

— Граната у меня есть, но идти, пожалуй, не стоит..

— Почему не стоит? Втроем — и не управимся? И потом, ей-богу, я ее подстрелил. А, Володя?

Юрковский стоял в нерешительности, щелкая предохранителем. Быков сказал просительно:

— Не стоит, товарищи! Не нравятся мне эти скалы. Лучше с танком сюда вернемся... с «Мальчиком».

— Пошли,— сказал вдруг Юрковский.— Если ты его убил — это здорово интересно. Биологи наши возликуют. А Быков в крайнем случае может вернуться к своему танку.

Быков хотел заметить, что командует здесь он, но потом решил не спорить: может быть, это действительно важная для науки находка.

Они шли осторожно, озираясь по сторонам, держась поближе друг к другу. Быков держал наготове гранату.

— Здесь,— сказал Дауге.

Он подошел к подножию скалы, похлопал зачем-то по каменному ее телу, наклонился и подобрал с земли камешек, сунул в сумку

— Судя по всему, ты промахнулся, милый! — с ехидством произнес Юрковский.— Пойдем домой, пора обедать...

Быков оглядел местность: скалы, валуны, песок, щебень. На скале, на высоте трех-четырёх метров,— выжженные зигзагами полосы, следы выстрелов. Здоровая, видно, была гадина — понятно, почему Дауге так удирал.

— Да, промахнулся я! — со вздохом проговорил Иоганыч.— А жаль! Был бы чудесный экспонат для нашего музея...

На обратном пути Юрковский подшучивал над Дауге, называя его «покорителем драконов», а за обедом все непривычно много говорили, впервые за несколько последних дней. Слушая, как весело хохочет Иоганыч, Быков невольно подумал, что нет худа без добра: в последнее время обстановка в транспортёре стала неважной. Случай с геологами как будто разрядил болезненное напряжение, снова сделал всех друзьями. Но, хотя Юрковский за едой дважды вполне дружески прошелся насчет быковской внешности и даже обратился к нему с просьбой передать консервный нож (чем изумил Быкова несказанно), Ерма-

ков после обеда не преминул отметить, что действия маленького отряда во время последних событий были неосмотрительны. Глядя на Юрковского в упор, командир подчеркнул (в самом легком тоне), что вся ответственность за безопасность людей, занятых работами вне «Мальчика», лежит на Быкове. В ответ Иоганыч, широко улыбаясь, сказал: «Есть!», а Юрковский нахмурился.

Час спустя, когда Быков вел транспортер, осторожно огибая громадные туши валунов, а Ермаков сидел над своими записями, Дауге вдруг сказал громким шепотом:

— А посмотри-ка сюда, Володя! Вот находочка!

— Н-да, Иоганыч! — не без восхищения проговорил Юрковский после короткого молчания. — Это сенсация! Где ты ее нашел?

— Под той же скалой, где квартирует дракон. Смотри, камешек на вид весьма простенький, но меня сразу поразила его форма.

— Трилобит... Вылитый трилобит! Наши ребята с ума сойдут на Земле!

— Трилобит на Венере? — раздался удивленный голос Ермакова. — Вы уверены, Владимир Сергеевич?

— Ну, будем точны: это не совсем трилобит, — принялся объяснять Дауге. — Даже на глаз различия видны, а я ведь не специалист. Но сходство поразительное, да и вообще сам факт — наличие окаменелостей на Венере! Насколько я знаю, еще нигде и никогда на других планетах окаменелостей не обнаруживали...

Странная находка пошла по рукам. Дали полюбоваться и Быкову. Это был небольшой серенький камешек, на котором отпечатался четкий узор — головастое продолговатое животное с многочисленными изогнутыми лапками. Дауге объяснил, что эта многоножка пролежала в почве много миллионов лет и окаменела и что на Земле нередко находят окаменевшие существа, очень похожие на нее. Они называются трилобитами. Сотни миллионов лет назад эти малютки населяли земные океаны, а потом вымерли, бедняжки, по неизвестной причине.

— Загадки, загадки! — продолжал он, поблескивая глазами. — Голконда — великая загадка; «Венерины зубы» — загадка; красные облака — тайна; болото, где сидит «Хиус»; черные бури; вспышки зарева над Голкондой... Теперь этот трилобит... Неужели здесь когда-то было море?..

— Твой дракон, «Офидий Дауге», — подхватил Юрковский.

— Загадка Тахмасиба,— напомнил Ермаков.

— Загадки, загадки...

Быков не сказал ничего, но подумал о Богдане. И, должно быть, все подумали о нем, потому что веселое настроение вдруг пропало и разговор резко оборвался.

Прошли еще сутки. «Мальчик» торопливо двигался на запад в поисках места для посадочной площадки. И снова дали о себе знать таинственные существа, населяющие эти места. Дауге, первым выбравшийся из люка во время очередной остановки, с воплем кинулся обратно, увидев гигантскую змею, выползающую из-под гусениц «Мальчика». Быков развернул транспортер и, по выражению Юрковского, сплясал трепака, выкопав гусеницами огромную яму в песке на подозрительном месте, но чудище, по-видимому, успело скрыться.

Ермаков приказал Быкову удвоить осторожность, и тот теперь ни на шаг не отставал от геологов. Он брал с собой по четыре гранаты и держал автомат под мышкой, готовый пустить его в ход в любое мгновение. Но шли дни, «драконы» не появлялись, и напряжение постепенно ослабло.

Быков заметил, что геологи стали спокойнее, повеселели. Иногда во время работы они даже начинали возиться, как мальчишки,— бороться, хохотать во все горло, беззлобно подшучивать над Быковым, делая вид, что собираются тайком от Ермакова пешком идти в Дымное море. Быков сердился и даже свирепо орал на них, но в глубине души чувствовал громадное радостное облегчение. Впервые после гибели Богдана все встало на свое место.

«Вечерами» за ужином после десятичасового рабочего дня Юрковский и Дауге наперебой вдохновенно мечтали об экспедициях к жерлу Голконды, спорили о происхождении этого исполинского кратера на теле планеты, затем неожиданно перескакивали на проблемы новых межпланетных исследований. Юрковский, прижимая кулаки к груди, клялся и божился, что после того, как все будет закончено с Голкондой, он добьется снаряжения экспедиции на страшный Юпитер, где погиб Поль Данже. Дауге сердито отвечал, что Юпитер — всего-навсего гигантский водородный пузырь и геологу на Юпитере делать нечего, что вообще Юпитер человеку еще не по зубам, даже с фотонной ракетой, и что именно о таких случаях китайцы в древности говорили: «Когда носорог глядит на луну, он напрасно тратит цветы своей селезенки». Юрковский презрительно фыркал и начинал доказывать, загибая пальцы: «Во-первых... Во-вторых...»

Быков слушал их сквозь полудремоту с теплым чувством, наслаждаясь ощущением дружбы и благополучия. Все опять были добрыми товарищами, каждый был полон энергии и мечтаний, успех экспедиции представлялся близким и верным.

Неожиданный случай снова все изменил.

Однажды Быков и Дауге отправились на разведку. Юрковский остался разбирать материал и писать черновик отчета по предварительному обследованию геологических богатств района Голконды.

Быков с неохотой согласился на поход вдвоем. Встреча с драконами ему совершенно не улыбалась.

Друзья бродили около двух часов, в пути не произошло ничего необычного. Когда двинулись в обратный путь, Быков, безропотно сносивший все это время и начальнический тон Иоганыча, и несусветную тяжесть контейнеров, и чувствительное похлопывание по бедрам увесистых гранат, почувствовал себя нехорошо.

Морщась от головной боли, он брел за широко шагающим Дауге, вяло пытаясь устроить поудобнее тяжелый груз за плечами. («Долго они еще собираются таскать свои булыжники в машину? И так уже спать негде...») Резало глаза. Вокруг качались надоевшие до зубной боли скалы, груды валунов, дымная пелена на севере... «Заболеваю, пожалуй», — равнодушно подумал он. Захотелось лечь и закрыть глаза. Бу-бу-бу — привычно, дремотно гудела Голконда.

— Вот опять! — Голос Дауге заставил его очнуться. — До чего мне не нравятся такие образования!

Они стояли на краю обширной воронки. В глубине ее чернела бездонная дыра, от нее далеко в стороны расплзались трещины.

— Смотри, как оплавилась края воронки, — говорил Дауге. — Страшная температура — тысячи градусов!

— Подземный взрыв? — вяло спросил Быков, чувствуя, как у него заплетается язык. («Плохо... Надо скорее в машину, спать...»)

— Подземный атомный взрыв... — Дауге что-то добавил шепотом по-латышски. — Мне абсолютно не нравятся такие образования. Мне не нравится цвет почвы.

Все вокруг было покрыто словно красным налетом.

— Здесь все красное. Красное и черное... — Быков вспомнил Богдана. — Пойдем, Дауге. Я очень устал.

Они сделали несколько шагов, и вдруг Дауге закричал, дико и неожиданно. Быков пришел в себя и закрутился на месте, бормоча:

— Что? Где?..

— Гранату! Гранату, Алексей! — кричал Дауге, тряся его за плечи.— Скорее, скорее!

Быков вытащил гранату, все еще не понимая, куда ее бросать. А Дауге, приставив автомат к животу, принялся палить перед собой.

Вокруг были все те же скалы, и Быков видел, как шипящий луч оставляет длинные черные полосы на потрескавшемся камне.

— Дракон! — кричал Дауге.— Гранату!

Он все продолжал нажимать и нажимать на спусковой крючок, направив ствол автомата на какую-то невидимую цель в десятке метров от себя.

Быков ничего не видел.

— Дауге,— бормотал он.— Иоганыч, милый... Что с тобой?

Дауге опустил наконец автомат.

— Ушел,— сказал он странным голосом.— Ушел... Почему ты не ударил его гранатой?..

Быков в последний раз огляделся. Ему очень хотелось увидеть хоть что-нибудь подозрительное, но вокруг ничего не было, и он засунул гранату за пояс.

— Иоганыч, пойдём... Пойдём, милый...

Они медленно побрели дальше. Дауге шел, заметно пошатываясь, и говорил, путая русские и латышские слова.

Около «Мальчика» их ждали товарищи.

— Что случилось? — спросил Ермаков.

— Абсолютно странные животные,— путано заговорил Дауге.— Огромные звери... черные, метров по десять длиной... Кожа блестит, словно мокрая... Почему ты не ударил его гранатой, Алексей?..

Ему помогли взобраться на борт, помогли снять шлем. Лицо геолога было мокрым от пота, глаза блуждали.

— Только почему они просвечивают? — уныло проговорил он и упал лицом вниз на подушки.

Его устроили поудобнее, и он заснул мгновенно глухим каменным сном. Ермаков выслушал доклад Быкова и долго молчал, а потом спросил только:

— Вы, Алексей Петрович, совершенно убеждены, что никакого дракона не было?

— Никакого дракона не было,— уверенно ответил Быков.

— Плохо...— пробормотал Юрковский, кусая губы.

Ермаков проковылял по кабине, взял ящик с медицинскими приборами и присел около спящего. Юрковский

устроился рядом. Послышались какие-то странные звуки, похожие на тихий треск, запахло озоном, потом протяжно и жалобно застонал Иоганыч.

— Все-все,— ласково сказал Юрковский.

Ермаков встал.

— Очень плохо,— проговорил он.— Дауге болен, и...

Юрковский выжидательно поднял голову.

— ...я вспоминаю Тахмасиба,— глухо сказал Ермаков.— Симптомы такие же. Похоже на галлюцинации...

Когда «Мальчик» снова двинулся в путь, Дауге очнулся, сел, пригладил вихор и спокойно сказал:

— Едем, кажется?

Быков, дремавший рядом, приподнялся. Иоганыч оглянулся на него, улыбаясь:

— А ты лежи, Лешка! Прости, разбудил я тебя...

Юрковский замер над своим столиком, повернув к ним изумленно-радостное лицо. Ермаков остановил транспортер, сильно потер ладонями щеки и проговорил облегченно:

— Кажется, пронесло...

День рождения

Быков попытался вытереть потный лоб и с досадой отдернул руку. Вечно забываешь про этот шлем! Иногда пальцы сами собой подбираются к затылку — почесать в трудную минуту, или в рассеянности пытаешься сунуть в рот кусочек шоколада и натыкаешься на гладкую прозрачную преграду. Раньше, размышляя, он имел обыкновение тереть себя за нижнюю губу — пришлось отвыкнуть. Дауге это отметил и не замедлил прочесть краткую лекцию на тему «Роль астронавтических спецкостюмов в избавлении человечества от дурных привычек».

Вторые сутки низкое небо роняло хлопья черной пыли. Черный снег кружился в порывах слабого ветра, покрывая обширную холмистую равнину, в центре которой стоял «Мальчик». Быков огляделся. Повезло, повезло! Перед ним расстилался великолепный естественный ракетодром площадью около двух тысяч квадратных километров, вполне ровный, если не считать десятка скал, торчащих из смолянистого песка. С юга, со стороны пустыни, равнину окаймляло полукольцо «Зубов Венеры», вдали, на севере, за пеленой Дымного моря, грохотала Голконда. До нее было около сорока километров — не слишком далеко и не слишком близко. Почва оказалась радиоактивной как раз в той мере, чтобы питать селено-цериевые батареи — источ-

ники энергии радиомаяков. Радиомаяки надо было установить на вершинах огромного, по возможности равностороннего треугольника по краям посадочной площадки. Но сначала следовало взорвать мешающие скалы. Вероятность того, что планетолет может сесть на них, была довольно велика: они торчали двумя группами почти в самом центре будущего ракетодома. Это была задача по силам. Быков с помощью геологов установил две мины в центре северной группы скал — взрыв должен был вывернуть из почвы каменные столбы, раскрошить их в пыль. Другую — южную — группу из шести скал решили взрывать «сверху». Мина устанавливается на вершине одного из столбов, и взрыв уничтожает их все — вгоняет в землю, как сказал Дауге.

— На какую волну настраивать? — крикнул Юрковский. Он сидел на вершине обреченной скалы, куда только что не без труда была поднята мина.

— Индекс восемь! — откликнулся Быков, задирая голову.

— Ага... ясно... — Силуэт Юрковского зашевелился на фоне красных туч в струях черной метели. — Готово! Ну, все, кажется?..

— Слезайте! — крикнул Алексей Петрович.

— Интересно, какая у тебя будет физиономия, если скалы устоят, — заметил Иоганыч, присевший рядом с Быковым на башенку транспортера.

— Ничего... не устоят, — рассеянно ответил тот, с опаской следя за ловкими движениями Юрковского, сползавшего по отвесной гладкой стене. — Какого черта он лезет без веревки?.. Ведь есть же трос... Но куда там! Без фокусов не может... Ну, что он — ни туда ни сюда?..

Юрковский словно прилип к черному камню на высоте шести-семи метров от земли. Он казался неподвижным, и только неестественная поза да короткое хриплое дыхание выдавали его страшное напряжение.

Дауге обеспокоенно вскочил:

— Владимир, что с тобой?..

Юрковский не ответил и вдруг, словно сорвавшийся камень, скользнул вниз. Быков сделал падающее движение и невольно зажмурился, а когда снова открыл глаза, увидел, что геолог висит на руках тремя метрами ниже, уцепившись за невидимый снизу выступ.

— Володька!.. — Иоганыч спрыгнул на землю и подбежал к скале.

— Спокойно, Дауге! — Голос Юрковского только слегка прерывался от напряжения. — Сколько до земли?

— Метра четыре!.. — простонал Дауге. — Расшибешься, паршивец!..

— Отойди прочь! — сказал Юрковский и полетел вниз.

Он упал классически, по всем правилам, упруго подскочил и повалился на бок. Быков соскочил с машины, но бесстрашный геолог уже сидел на земле. Тогда Быков обрел голос.

— Что за хулиганство, товарищ Юрковский? — рявкнул он. — Как вы смели так рисковать? Немедленно ступайте к командиру и доложите...

— Ну, что вы в самом деле, Алексей Петрович!.. — Юрковский ловко поднялся, встряхнулся всем телом, проверяя, все ли в порядке; голос у него был смиренный. — Четыре метра — это же ерунда! Посудите сами...

Но Быков бушевал:

— Вы прекрасно могли спуститься по тросу! Вы вели себя как мальчишка! Нашли время для спорта!.. Черт знает что!..

— Да брось ты, Алексей! — Дауге любовно обнял Юрковского за плечи. — Конечно же, мальчишка! Но что ты будешь с ним делать — смельчак!..

— «Смельчак»!.. Вот сломал бы шею, и возись тут с ним...

— Виноват, Алексей Петрович, — вдруг сказал Юрковский, и Быков сразу остыл.

— Долбите командиру о своем проступке, — буркнул он и отошел к скале, чтобы смотать трос.

Геологи принялись помогать ему.

— Жалко ее взрывать, — сказал Дауге, указывая на скалу, окутанную крутящейся поземкой, когда, кончив работу, они собрались у открытого люка. — Варварство — уничтожать памятник в честь великого подвига Вэ Юрковского...

И он так хлопнул ладонью по спине друга, вползавшего в люк, что тот мгновенно исчез в темноте кессона.

Ермаков повел транспортер на юг и остановил его только у самой гряды «Зубов Венеры». Обреченные скалы исчезли из виду, скрывшись за горизонтом, за черной метелью.

— Начинать, Анатолий Борисович? — спросил Быков.

— Давайте...

Быков положил руку на рубильник радиодистанционного взрывателя, нажал. Экран озарился ярким белым светом, потом сразу потемнел — вдали встали, тяжело покачиваясь под ветром, три кроваво-красных столба огни-

стого дыма, расплылись грибовидными облаками. Из-за горизонта, покрывая гул далекой Голконды, долетел громовой удар, пронесся над «Мальчиком» и, рокоча, покатился дальше.

В тот же день черный снегопад прекратился, и вдруг наступила непонятная тьма. Неожиданно погасли багровые тучи. Над пустыней повисла глухая ночь. Поля смолянистого песка вокруг слабо фосфоресцировали, из трещин поднимался и плыл по ветру голубой светящийся дымок.

Начались работы по установке радиомаяков. Работали в темноте, подсвечивая фонариками, закрепленными на шлемах, или в лучах прожекторов «Мальчика». Собрать и установить радиомаяк было нетрудно — сказывалась тщательная тренировка на Седьмом полигоне, — но укладка огромных полотнищ селено-цериевых элементов занимала много времени. В общей сложности надо было распаковать, вытащить из транспортера, уложить и присыпать сверху песком сотни квадратных метров упругой тонкой пленки. Работа была скучная и утомительная. К концу дня люди изматывались и валялись спать, через силу проглотив по чашке бульона с хлебом.

Работали геологи и Быков. Ермаков почти не мог передвигаться и по многу часов подряд сидел в транспортере, поддерживая связь с «Хиусом», пытаясь наладить телеустановку; вел дневник, снимал показания экспресс-лаборатории, работал над картой окрестностей Голконды, аккуратно нанося на нейлон штрихи и условные значки черной и цветной тушью; поджав серые губы, ощупывал одряблевшие бурдюки с водой и что-то считал про себя, прикрыв глаза красноватыми веками. По-прежнему через каждые двадцать четыре часа, за пять минут до двадцати ноль-ноль по времени «Хиуса», он гасил в транспортере свет, забирался в командирскую башенку, прикинул к окулярам дальномера и подолгу не отрываясь смотрел на юг. Когда заканчивалась укладка «одеяла» вокруг очередного маяка, он с помощью Быкова выползал наружу, проверял установку и сам приводил ее в действие.

Связь с «Хиусом» временами держалась удивительно хорошо — очередной каприз венецианского эфира. В такие периоды Ермаков разговаривал с Михаилом Антоновичем через каждые три-четыре часа. Крутиков расспрашивал, слал приветы. Он говорил, что чувствует себя отлично, что все в полном порядке, но в голосе его зачастую звучала такая тоска по Земле, по товарищам, что у Быкова становилось нехорошо на душе. А ведь штурман еще ничего не знал о Богдане...

И все-таки это были замечательные, самые лучшие минуты. Сидеть, развалившись на тюках, расслабив ноющее, измученное тело, и слушать — как слушают музыку — далекий сипловатый голос штурмана. И думать, что осталось совсем немного, что добрый Михаил Антонович жив, здоров, что «Хиус» скоро придет сюда, на новый ракетодром, чтобы взять их и унести отсюда.

Здоровье экипажа снова стало сдавать. Каждый тщательно старался скрыть свое недомогание, но это удавалось плохо. Быков, просыпаясь по ночам от боли в глазах, часто видел, как Ермаков, разувшись, рассматривает распухшую щиколотку и тихонько стонет сквозь стиснутые зубы. Юрковский втайне от других бинтовал нарывы на руках и ногах. Дауге был особенно плох. Он казался почти здоровым, но непонятная скрытая болезнь пожирала его. Геолог похудел, упорно держалась высокая температура. Ермаков делал что мог — давал успокоительное, применял электротерапию, но все это помогало мало. Болезнь не прекращалась, вызывая иногда припадки странного бреда, когда геолог с воплями бежал от воображаемых змей. Это было страшно, и никто не знал, что делать. В такие минуты он не замечал никого, а очнувшись, не помнил, что с ним было...

Установка второго радиомаяка близилась к концу. Остались считанные часы работы, когда, натрудив руки, Быков забежал в транспортер вытереть пот со лба и немного передохнуть. Геологи остались снаружи укладывать последнюю сотню килограммов селено-цериевого «одеяла». У рации возился Ермаков с нахмуренным, недовольным лицом. Быков, выждав с минуту, спросил осторожно:

— Серьезные неполадки?

Ермаков вздрогнул и обернулся.

— А, вы здесь, Алексей Петрович... Да, перерыв связи. Неожиданный и... довольно странный...

Он выпрямился, обтирая испачканные руки губкой. Быков выжидательно смотрел на него.

— Я беседовал с Михаилом... и... — командир колебался, — и вдруг прервалась связь.

— Что-нибудь с аппаратурой?

— Нет, рация в порядке. Очевидно, просто не повезло. До этого связь была на редкость хорошей.

Что-то в тоне командира показалось Быкову необычным. Некоторое время они молча смотрели друг на друга, потом Ермаков спросил:

— Много еще осталось?

— Нет. Часа два работы. Не больше...

— Хорошо.— Командир взглянул на ручные часы, спросил небрежно: — Вы не замечали, Алексей Петрович, когда-либо вспышек на юге?

— На юге? В стороне «Хиуса»? Нет, Анатолий Борисович. Ведь на юге, в районе болота, никогда не бывает зарниц. По крайней мере, до сих пор не бывало.

— Да-да, вы правы...— Ермаков говорил уже спокойно.— Давайте заканчивать — и на отдых. Осталось немного.

Быков снова нацепил шлем и поднялся. Он вдруг почувствовал себя отдохнувшим и бодрым. У выхода задержался:

— Я скоро вернусь, Анатолий Борисович, помогу вам выбраться наружу.

Ермаков поднял голову, снова взглянул на часы и сказал непонятно:

— Надо следить за горизонтом, Алексей Петрович.

— За горизонтом?

— Да, на юге, в стороне болота...

— Х-хорошо...

Проснувшись ночью, Быков увидел, что Ермаков сидит за приемником. Связи не было. «Хиус» молчал всю ночь. Всю ночь и весь следующий день...

Третий, последний маяк установили очень быстро, меньше чем за десять часов. Ермаков выбрался из «Мальчика»; сильно хромая, прошел по упругой, присыпанной песком и гравием поверхности селено-цериевой ткани, проверил схему подключения и привел установку в действие.

Межпланетники стояли около тускло поблескивающей башенки и молчали. Ничего не изменилось. Там, где с хлопотанием кипел взрывами урановый котел Голконды, снова подымалась, как и прежде, багровая стена света. Вздрагивала почва под ногами. На юге в непроглядной тьме неслись смерчи над черной пустыней. Едва слышно посвистывал маяк, и невидимый тонкий радиолуч начал свой стремительный бег кругами по небу — от горизонта к зениту, от зенита к горизонту, — словно разматывая бесконечную огромную спираль.

Дело завершено. Уйдет «Мальчик», снимется с гигантского болота и вернется на Землю «Хиус». Много-много раз черное небо озарится багровым светом, прилетят и улетят десятки планетолетов, а три невысокие крепкие

башенки будут упорно слать в эфир свои призывные сигналы: «Здесь посадочная площадка, здесь Голконда, здесь цель ваша, скитальцы безводных океанов Космоса!»

— Так... Ракетодром «Урановая Голконда номер один» готов к приему первых планетолетов,— сказал высоким, звенящим голосом Ермаков.— Семнадцать сорок пять, шестнадцатого сентября, 19.. года...

Все молчали. Ермаков поднял руку и торжественно, громко и ясно провозгласил:

— Мы, экипаж советского планетолета «Хиус», именем Союза Советских Коммунистических Республик объявляем Урановую Голконду со всеми ее сокровищами собственностью человечества!

Быков подошел к маяку и прикрепил к шестигранному шесту маяка широкое полотнище. Ветер подхватил и развернул алое, казавшееся в багровых сумерках почти черным, знамя с золотой звездой и великой старинной эмблемой — серпом и молотом — знамя Родины.

— Ура! — крикнул Юрковский, а Дауге захлопал в ладоши.

На этом торжественная церемония окончилась.

Вернувшись в транспортер, Ермаков сразу же присел к приемнику, а Юрковский снял шлем, потянулся и, отчаянно зевнув, повалился на свою постель.

— Итак, Иоганьч, чем станешь угощать? — осведомился он.

И тут Быков вспомнил: сегодня день рождения Иоганьча. Еще когда устанавливали первый маяк, Дауге говорил об этом и торжественно приглашал «отпраздновать сию знаменательную дату посредством сильного поглощения питья и закусок с произнесением соответствующих речей». Приглашал в стихах:

На вечер, данный в честь мою,
Я вас прошу явиться,
Прошу вас также не забыть
Одеться и умыться.

Быков весело улыбнулся и спросил:

— А где же обещанные яства?

Дауге засуетился, принялся копать в своем мешке — извлек старательно обернутую в бумагу бутылку, две коробки роль-мопса и толстый ломоть копченого латышского сала. Все эти прелести не входили в обычный рацион межпланетников. Дауге ухитрился протащить их сюда

контрабандой. Быков расстелил салфетку, вынул из буфетного шкафчика стаканчики, вилки, хлеб в полиэтиленовой упаковке. Юрковский крикнул, произнес значительно: «Однако!» — и придвинулся поближе к импровизированному пиршественному столу. Внутренность бронированной машины сразу приобрела праздничный вид. Стало хорошо и необычно. Дауге развернул бутылку, поставил ее в центре салфетки и с вождением потер руки. Юрковский причесался. Быков подумал и повязал галстук поверх спецкостюма, чем поверг именинника в радостное изумление.

Пока длились эти многообещающие приготовления, Ермаков, не снимая шлема, сидел у рации. Кончив какие-то расчеты, он принялся вызывать «Хиус». Но эфир молчал. В репродукторе хрипело, выло, каркало. Михаил Антонович не откликнулся. Ермаков выключил аппаратуру, устало стащил колпак и аккуратно повесил его на стену. Быков с удивлением заметил, как потемнело и посуровело лицо командира. Ермаков был чем-то очень сильно обеспокоен. Обеспокоен сейчас, когда пройден такой тяжелый и многотрудный путь, когда осталось только отдать Крутикову приказ и ждать прибытия «Хиуса» на новый ракетодром? Странно... Алексей Петрович схватился за нижнюю губу.

— Товарищи, предлагаю всем отдохнуть и... — Ермаков замолчал, с удивлением рассматривая веселых друзей; брови его поднялись. — Что это вы затеяли?

— На вечер, данный в честь мою... — упавшим голосом начал Дауге. Выражение лица командира поразило его. — Анатолий Борисович! Ведь сегодня праздник.. в известном смысле — завершение...

— Он — новорожденный, Анатолий Борисович! — весело сказал Юрковский, трудясь над бутылкой. — Выпьем по глотку коньяку, поболтаем.

Ермаков посмотрел на него, на смущенного Иоганыча, на бравого Быкова (тот торопливо прикрыл ладонью галстук). Глаза его потеплели.

— Давайте, — сказал он и сложил карту, расстеленную на столике около рации.

Все чинно расселись вокруг салфетки.

— Будет тост? — осведомился Ермаков, принимая из рук Юрковского желтый стаканчик.

— Обязательно, — ответил тот и торжественно произнес: — Сегодня мы празднуем двойное событие! Сегодня родился большой Г. И. Дауге и маленький ракетодром

«Урановая Голконда». У обоих большое будущее, оба дороги нашему сердцу. Живите, растите и размножайтесь! Ура-ура-ура!

За стеной посвистывал раскаленный ветер, темный песок намело вокруг «Мальчика». Чужая черная ночь обступила со всех сторон маленький уютный уголок жизни и света.

— Хороший роль-мопс,— сказал Юрковский, сосредоточенно наматывая на вилку аппетитную рыбку тушку.— Очень люблю роль-мопс...

Иоганыч покачал головой и, обратившись к Ермакову, сказал:

— Между прочим, с роль-мопсом у меня произошла любопытнейшая история. Вернее, не с роль-мопсом, а... Представьте Гоби, пустыня, несколько палаток — геологическая экспедиция. На триста километров ни одного жилья, дичь, прелесть. И была у нас, молодых практикантов, бутылочка коньяку и заветная баночка роль-мопса. Ждали мы какого-либо высокаторжественного события, чтобы, значит...— Дауге выразительно щелкнул пальцами.— Ну-с, дождались. Вот как теперь, день рождения одной... одного товарища. Собрались мы у нашей палатки, все практиканты, шесть человек. Откупили коньяк, нарезали хлеб, помыли руки. Положили все это на футляр для теодолита, и, как сейчас помню, я принял под жадными взорами ребят вскрывать вожделенный роль-мопс. Понимаете, все баранина, ветчина... остренького хотелось — сил нет! И вот, едва я вскрыл...

Дауге сделал паузу. Быков нетерпеливо покашлял и сказал:

— Вскрыл — и что?

— Понимаете, я даже не помню, как это случилось. Я случайно взглянул поверх голов товарищей — они все, конечно, наклонились к банке — и вижу: по склону соседнего бархана ползет, извиваясь, преогромный сизый червяк... Настоящий удав... Весь в этаких кольцах...

— Врешь! — убежденно сказал Юрковский.

— Погодите, Владимир Сергеевич! — сердито остановил его Быков.— Дайте рассказать.

— Не вру, Володя. Это был олгой-хорхой.

— Олгой... кто? — спросил Быков.

— Олгой-хорхой,— повторил Дауге.— Кажется, единственное сухопутное животное на Земле, вооруженное электричеством.

Юрковский сдвинул брови, вспоминая.

— Олгой-хорхой... Кажется, впервые описан в одном из гобийских рассказов Ивана Ефремова полвека назад. Так?

— Так, — согласился Дауге. — Потом выяснилось, что за эти полвека мы были не то третьей, не то четвертой экспедицией, которая видела его.

— И что же случилось? — не утерпел Быков.

Дауге вздохнул:

— Ничего особенного, конечно. Я заорал и вскочил на ноги. Роль-мопс вывалился в песок. Мы побежали в палатку за ружьями, а когда вернулись... — Он развел руками. — Никаких шансов. Электрический червяк скрылся.

— Досталось тебе, наверное, от ребят, — сказал Юрковский и снова потянулся к роль-мопсу.

— Ну нет! До самого конца экспедиции только и было разговоров, что об олгой-хорхой.

— Я вот ничего подобного не видел в пустыне, — заметил Быков.

Дауге объяснил, что олгой-хорхой водится, вероятно, только в самых жарких и пустынных областях монгольской Гоби.

— У меня есть предложение... — сказал Юрковский.

— Извините, — прервал его Ермаков. Он поднялся и включил приемник.

Помещение сразу наполнилось свистом и скрежетом. Геологи переглянулись.

— Связи нет? — тревожно спросил Дауге.

— Вторые сутки нет, — тихо ответил Быков, косясь на командира.

Ермаков повернул ручку приемника — скрежет сразу утих.

— Мы отправимся к «Хиусу»... — он поглядел на часы, — через час с лишним. Если, конечно, ничего не изменится...

Межпланетники оторопело поглядели друг на друга.

— Позвольте, — нахмурился Юрковский, — а Дымное море?

— Разве мы не пойдем в Дымное море? — с изумлением спросил Дауге.

Командир молчал.

— Потом... ведь Михаил Антонович, как мы договорились, должен привести «Хиус» сюда. Ракетодром готов к приему... Михаил ждет только вашего приказа...

— Нет связи... — глухо сказал Ермаков.

— Подумаешь! — Юрковский пожал плечами. — Это бывало и раньше. Подождем...

— ...и тем временем исследуем Дымное море, — подхватил Дауге. — Это называется сочетать полезное с...

Ермаков покачал головой:

— Нет, мы пойдем к «Хиусу».

Он сказал это совсем мягко, и в голосе зазвучали совершенно незнакомые нотки: казалось, командир просит.

— Связь может наладиться, а может и не возобновиться. Мы не должны ждать. Мы обязаны немедленно вернуться к «Хиусу». Воды осталось меньше чем на четверо суток. С завтрашнего дня я сокращаю выдачу.

Юрковский вскочил:

— Уходить? Когда дело сделано только наполовину? Ограничиваться жалкими крохами, стоя в двух шагах от сокровищницы тайн и загадок? Нам доверили ответственнейшее дело...

Быков понял, что это — решительный разговор. Он начинался уже не раз — геологи давно и отчаянно настаивали на глубокой разведке Дымного моря. Но Ермаков либо отмалчивался, либо давал ответы настолько неопределенные, что геологи, не в силах преступить законов походной дисциплины, начинали задыхаться от злости, распираемые громовыми словами.

Правда, Быков не ожидал, что решительный разговор произойдет именно сейчас, когда они так уютно собрались провести два-три часа. Вечер испорчен окончательно... Остается одно — смириться и слушать... И подать голос, если потребуется. А в том, что это потребуется, он был уверен: стоило только поглядеть на эти бледные, осунувшиеся лица. Каждый полон решимости, и каждый уверен в своей правоте...

Ермаков прервал Юрковского:

— Считаете ли вы достаточно полными данные о геологии окрестностей Голконды?

— На дальних подступах?.. — Юрковский прищурился.

— Да, на дальних.

— Данные относительно полны, — осторожно проговорил Дауге, — но...

— Вами закончено в первом приближении изучение качественного и количественного состава полезных ископаемых окрестностей Урановой Голконды. — Теперь Ермаков говорил громко и резко. — Вы доказали пригодность окрестностей Голконды для разработок. Собрали основательный материал о природных условиях района. Определили режим радиоактивности. Составили карту мест-

ности — геологическую и топографическую. Провели геофизическую разведку недр Венеры в этом районе...

— Но данные расплывчаты и недостаточно полны, — ворвался в речь командира Юрковский. — Имея возможность получить гораздо более точные данные...

— Мы не имеем такой возможности! — отчеканил Ермаков.

— Как так — не имеем?!

— Я уже сказал. Готов повторить. Воды осталось на четверо суток. Связи нет. Положение «Хиуса» на болоте небезопасно. Поход в Дымное море в наших условиях является авантюрой. Любая серьезная неисправность транспортера может привести к провалу всего дела. Кроме того...

— При чем здесь авантюра, когда речь идет о задании правительства? — Юрковский вскочил. — Нам поручили ответственнейшее дело, а мы выполняем его только наполовину. Это же позор! Когда еще сюда придут люди!..

— Если мы вернемся, они придут скоро, а если останемся здесь — никогда... Или через двадцать лет! Рисковать результатами экспедиции я не намерен.

— Риск! Опять риск! — бушевал Юрковский. — Я не боюсь риска! Говорите что угодно, Анатолий Борисович, но вы не в силах сделать нас трусами! (Ермаков невольно вздрогнул: это были его собственные слова.) Основная задача экспедиции не будет выполнена!

— Не так, — вмешался в спор Быков.

Он неожиданно вспомнил свой разговор с Ермаковым в самом начале перелета и сразу понял причины, заставлявшие командира быть осторожным. Геологи, привыкшие к тому, что Быков обычно не вмешивается в разговоры на эту тему, удивленно воззрились на него. Только Ермаков не шевельнулся.

Быков продолжал:

— Основная задача экспедиции не в этом. Вы плохо помните приказ комитета. Испытание «Хиуса» — вот основная задача.

— Алексей Петрович прав. Наша основная задача — доказать, что только снаряды типа «Хиус» могут решить проблему овладения Венерой. Доказать это! Кроме того, доставить на Землю результаты предварительной разведки. Мы их добыли. Ракетодром создан. Остается главное — вернуться.

Неудачливый именинник принялся с отвращением жевать роль-мопс — видно было, что он сдается.

Юрковский воскликнул с горечью:

— Бросать на полдороге такое дело!

— Лучшее — враг хорошего, Владимир Сергеевич. И потом, мы сделали свое дело...

— Вы не специалист,— дерзко сказал Юрковский.

— Я командир! — Ермаков заиграл желваками и проговорил, сдерживаясь: — Я отвечаю за исход всего дела. Я мог бы просто приказать, но я выслушал ваши доводы и... считаю их неубедительными. Не будем больше об этом... И, кроме того, если Михаил в течение ближайшего часа свяжется с нами и приведет «Хиус» сюда, я дам вам еще два-три дня...

Вечер был испорчен несомненно. Геологи сели бок о бок и понурили головы. Ермаков снова занялся приемником. Репродуктор выл и надсадно каркал. Бежали минуты. Связи не было. Забытая бутылка одиноко стояла посреди белой салфетки.

«Кр-ра, кр-ра, ти-иу-у, фюи-и...» — затянул приемник. Индикаторы на стене медленно налились красным. Заверещали счетчики радиации.

— Венера приветствует тебя, Иоганыч,— деревянным голосом сообщил Юрковский.

— Ах, боже мой, боже мой!.. — проговорил именинник с невыразимой тоской и принялся ругаться вполголоса полташски.

«Фюи-и-и-у-у», — неслось из репродуктора.

Ты слышишь печальный напев кабестана?

Не слышишь? Ну что ж — не беда...

Уходят из гавани Дети Тумана,

Уходят. Надолго? Куда? —

вдруг негромко пропел Юрковский на мотив знакомой лирической песенки.

— А, это что-то новое! — оживился Дауге. — А дальше?

— Подпевать будешь? — спросил Юрковский немного смущенно.

— Конечно! Давай!

Юрковский повторил, и Дауге ужасным голосом подхватил:

Уходят из гавани Дети Тумана,

Уходят. Надолго? Куда?

Ты слышишь, как чайка рыдает и плачет,

Свинцовую зыбь бороздя,—

Скрываются строгие черные мачты

За серой завесой дождя...

В предутренний ветер, в ненастное море,
Где белая пена бурлит,
Спокойные люди в неясные зори
Уводят свои корабли.

Их ждут штормовые часы у штурвала,
Прибой у неведомых скал,
И бешеный грохот девятого вала,
И рифов голодный оскал,
И жаркие ночи, и влажные сети,
И шелест сухих парусов,
И ласковый, теплый, целующий ветер
Далеких прибрежных лесов.
Их ждут берега четырех океанов,
Там плещет чужая вода...
Уходят из гавани Дети Тумана
Вернутся не скоро... Когда?

— «Вернутся не скоро... Когда?» — задумчиво повторил Дауге.— Молодец, Володя, хорошо...

Разлили и выпили по одной. Юрковский, приуныв, склонил на руки красивую, чуть седую голову. Ермаков о чем-то напряженно думал, ежеминутно механически взглядывая на часы. Быкову стало совсем грустно, он откинулся на спинку сиденья, закрыл глаза. В памяти вставали милые сердцу, страшно далекие образы — синее глубокое небо, легкий ласковый теплый ветерок, белые клочки облаков в темной дрожащей лужице... Земля...

Ермаков вдруг поднялся. Совершенно спокойно, не отрывая глаз от циферблата часов, он сказал:

— Извините, я выключу свет. Надо осмотреть окрестности. Помогите мне, Алексей Петрович.

Они поднялись в командирскую башенку. Ермаков погасил свет, развернул дальномер в сторону юга и прильнул к окулярам. Быков нагнулся ко второму дальномеру. Перед его глазами в свинцово-черном круге, расчерченном фосфоресцирующими штрихами, вдруг вспыхнули одна за другой две яркие кроваво-красные звездочки — невысоко над черной бездонной полосой горизонта.

— Отсчет,— неожиданно хриплым голосом проговорил над ухом Ермаков.— Отсчет, Быков! Не зевайте, черт...

Не думая, машинально и торопливо, Быков засек направление на странные вспышки. Красные звездочки потускнели и погасли. Ермаков включил свет в башенке и с лихорадочной поспешностью принялся снимать отсчеты с барабанов своего дальмера.

— Сколько у вас? — быстро спросил он.

— Высота — десять градусов ноль восемь минут, азимут тринадцать градусов двадцать шесть минут... Но что...

— Молчите, Алексей Петрович...— Ермаков записал числа в блокнот.— Молчите. Об этом после...

Быков взялся пальцами за нижнюю губу.

— Свет! — закричал вдруг Юрковский.— Зажгите свет! Дауге опять плохо!..

Последнее слово Голконды

«Мальчик» шел не быстро. По экрану скользили очертания частых скал, каменного хаоса. Отсветы далекого зарева Голконды плясали на белых потрескавшихся плечах огромных валунов.

Даже на такой дороге водитель «Мальчика» мог бы развить вдвое большую скорость, но каждый раз, когда транспортер встряхивало на очередной рытвине, Юрковский в темноте кабины громко стонал, не просыпаясь, и водитель стискивал зубы, словно у него самого мучительно горело тело, усыпанное нарывами.

Сквозь ровный шум двигателя прорывалось приглушенное хрипение приемника; командир не выключал его теперь ни на минуту. За откидным столиком он шуршал бумагами. Толчки должны были сильно мешать ему, но он молчал.

Как все это странно, не похоже на ту картину, которую так часто представлял себе Быков! Закончена разведка, построен ракетодром, торжественно опускается на расчищенную равнину «Хиус», великолепная, замечательная встреча, уютные каюты, добрый, славный Михаил Антонович и — наконец! — домой... И вместо этого: странные вспышки на юге, бешеная гонка по изрытой земле и странно холодное, напряженное лицо командира. Никогда еще Быков не видел его таким... Ну, понятно, рискованно было ждать возобновления связи с «Хиусом», имея на борту тяжелобольного Дауге и запас воды всего на трое-четверо суток. Понятно, почему Ермаков решил вернуться к «Хиусу». Но почему такая спешка? Почему такое значение придал командир вспышкам на юге? Ведь ясно — он ждал их. Неужели это Михаил? Неужели...

— Алексей Петрович, я должен с вами поговорить,— негромко сказал Ермаков.

Быков ответил, не оборачиваясь,— все внимание его поглощала дорога:

— Слушаю вас, Анатолий Борисович.

Рытвина. Толчок. Громко стонет спящий Юрковский.

— Остановите машину.

— Слушаюсь...

Ермаков сидел без шлема за откидным столиком. Голубой мягкий свет падал на карту, на тонкие белые пальцы командира, играющие карандашом.

— Слушайте меня внимательно, Быков. Это очень важно. Две вспышки на юге — вы помните?

— Да.

— Я определил их координаты в предположении, что это сигнальные ракеты...

— «Хиус»?!

— Этого я не знаю. Смотрите...

Это была карта исследованной области. Быков разглядел почти правильное кольцо огромного болота, грязевого кратера, и крестик внутри его — место посадки «Хиуса». Путь «Мальчика» через пустыню и гряду скал к ракетодрому «Голконда-1» был нанесен четким пунктиром. Резко бросалось в глаза чернильно-черное пятно Голконды, окаймленное бледно-серым поясом Дымного моря.

Ермаков указал кончиком карандаша на маленький красный кружок юго-восточнее болота:

— Вот эта точка. Вы видите, это в стороне от болота.. Именно отсюда были выпущены ракеты, если, конечно, это были ракеты. Точность определения — пять — семь километров.

— Но как и почему мог перескочить туда «Хиус»?

— Я не говорил, что это «Хиус». Но...

— Что?

Ермаков ссутулился и погладил больную ногу.

— Вот что, Быков. Сейчас мы идем к месту посадки «Хиуса». К болоту. Ракеты могли быть выпущены какой-нибудь экспедицией, знающей, что мы где-то в этом районе. Возможно, это просто автоуправляемая ракета-грузовик с продовольствием. Или там вообще ничего нет. Мы могли видеть атмосферные вспышки... Однако они странно совпадают с нашим условным сигналом.

— Ровно в двадцать ноль-ноль? — спросил Быков.

— В двадцать двенадцать,— холодно уточнил Ермаков.

— А Михаил должен был в случае... должен был сигнализировать ровно в двадцать?

— Да.

Быков отчетливо ощутил в груди холодок нехорошего предчувствия.

— Очень странно оборвалась связь,— продолжал Ермаков, словно размышляя вслух.— Репродуктор загудел, и я почти перестал слышать Крутикова. Но мне показалось, что он окликнул меня как-то... взволнованно. Слишком взволнованно. Потом наступила тишина. И теперь третьи сутки молчит.

Он наклонился к уху Быкова. На мгновение его глаза засветились в сумраке кабины, как у кошки.

— Так или иначе, одну карту я отдаю вам. Спрячьте и держите при себе. Все время держите при себе. Вторая останется у меня, я кладу ее вот сюда, в столик. Что бы ни случилось, держите курс на болото. Не ищите новой дороги. Нам незачем терять время. Держите курс на «Хиус». И только если «Хиуса» на болоте не окажется...

Быков затаил дыхание.

— Впрочем, я надеюсь на лучшее,— закончил Ермаков таким тоном, что Быков понял: командир почти не надеется на лучшее.

Несколько секунд они молчали.

— Вот и все, что я хотел вам сказать. Держите курс на болото! — Ермаков негромко кашлянул и повернулся к приемнику.

«Мальчик», подминая под себя каменное крошево, снова двинулся с места. Быков уже не обращал внимания на стоны Юрковского. Стрелка спидометра поползла за тридцать. Транспортер набирал скорость.

«Хиус»,— думал Быков.— Михаил Антонович... Неужели беда? Неужели планетолет погиб?»

Хрипит несчастный Дауге, запрокинув осунувшееся лицо в пятнах нездорового румянца. Жуткая, непостижимая болезнь. Что это? Не помогают никакие средства. «Горячка, которая загубила экипаж чешского корабля»,— сказал Юрковский. Песчаная горячка. Но почему ею заболел только Иоганыч? Здесь, в «Мальчике», все они были в равных условиях. Правда, там, в скалах, когда они искали пропавшего Богдана, Дауге однажды вылез наружу без скафандра и наглотался пыли... Но... если это песчаная горячка, та самая, то Иоганычу, славному честному Дауге, будет очень плохо. Ермаков сказал: «Голубое небо лечит все болезни лучше любого врача». Ну, а если они еще не скоро, очень не скоро увидят голубое небо?.. Бедный Иоганыч!

Разболелись глаза. Быков оторвал левую руку от клавиш, осторожно потер набухшие веки.

— Болят? — спросил неожиданно Ермаков.

— Да. Беспокоят...

Ермаков осторожно перебрался на сиденье рядом, глянул на спидометр. Сорок пять километров в час. Мало. Транспортёр подпрыгнул, дробя камень, лязгнул гусеницами. «О черт!» — простонал сзади Юрковский. Стрелка спидометра дрожала уже около семидесяти...

«Мальчик» был недалеко от скалистой гряды, когда Быков заметил впереди на пути движения красные пятна и полосы с мерцающим над ними тяжелым лиловатым паром. Необычайный огненный поток преграждал «Мальчику» дорогу. Быков остановил транспортёр и вполголоса позвал Ермакова. Некоторое время они оба, склонившись над смотровым люком, молча вглядывались в странное явление.

— Попробуем пройти? — спросил наконец Быков.

Ермаков неопределенно помотал головой:

— Нет... Не стоит. Лучше попытаться миновать стороной.

— Что это может быть?

— Не знаю... Подведите машину поближе.

«Мальчик» тихонько прополз метров двести и остановился. На черной почве ярко-красным светом мерцали извилистые полосы. Вдали, за пеленой лиловой дымки, они сливались в сплошное малиновое пятно. Казалось, откуда-то выливается, покрывая пустыню, раскаленная лава. Быков заметил, как медленно, почти неуловимо для глаза, красное поле приближалось к большому черному валуну. У его подножия оно поднималось, вспучивалось, наползая на камень...

— Оно движется, — пробормотал Ермаков.

Валун исчез под красным шевелящимся тестом.

— Что за черт!

— Выйдем, посмотрим, — решительно предложил Ермаков. Он быстро поднялся и, невольно застонав, снова рухнул в кресло. — Нет, я не ходок... Будите геологов, Алексей Петрович.

Они не сразу покинули транспортёр. Чем-то зловещим веяло от этой малиново-красной светящейся массы. Даже Юрковский промолчал, когда Быков проговорил осторожно:

— Можно подойти и исследовать эту штуку манипуляторами...

— Можно,— неуверенно подтвердил Дауге.— Помоему, это не лава...

Ермаков нагнулся и, морщась, пощупал ногу.

— Будьте осторожны. При малейшей опасности возвращайтесь в транспортер. Вы всегда успеете уйти. Оно движется медленно.

Перед дверцей в кессон Быков оглянулся. Ермаков, ссутулясь, сидел за пультом, не отрывая глаз от багровой полосы за смотровым люком. Он не надел спецкостюма, и Быков видел в розоватом свете экрана его пальцы, крепко стиснутые в кулаки...

Трепещущая масса двигалась сторонами, охватывая транспортер огромным полукольцом. Длинные рукава, выброшенные вперед, словно ощупывали почву. Мерцающий лиловый туман поднимался над всем этим шевелящимся красным ковром. В наушниках гудела далекая Голконда, раздавался ровный скрипящий шорох: багровый поток волочил за собой камни, осколки валунов.

— Удивительно похоже на живое существо,— пробормотал Дауге.

— Не говори ерунды, Григорий...— сказал Юрковский.

— Это живое существо — посмотри на щупальца: они ищут дорогу среди скал...

— Ничего они не ищут...

Дауге наклонился, поднял булыжник и, сказав: «А ну, была не была!» — швырнул его в красную массу. Быков, не успевший его остановить, весь собрался, готовый к любым неприятностям. Но ничего не произошло. Камень упал на красную поверхность, подпрыгнул, прокатился немного и остановился, чернея. Вокруг него поднялись струйки розоватого дыма. Потом камень исчез, словно растаял,— красная масса всосала его.

— Температура нормальная,— сообщил Юрковский, рассматривая ручной термометр,— пятьдесят четыре и три. Для этих мест — вполне нормальная. Это не лава.

Они подошли совсем близко. Стена лилового тумана поднималась прямо перед их глазами; еще несколько шагов — и они ступили бы на поразительный малиновый ковер.

— Не стоит дальше,— сказал Быков,— у меня в шлеме счетчик радиации с ума сходит.

— Н-да-а,— протянул Иоганыч останавливаясь.— Радиация усиливается. Эта штука излучает, Володя...

— Вижу,— буркнул Юрковский, опускаясь на корточки и внимательно рассматривая край багрового потока.

Почву покрывала толстая светящаяся пленка — очень тугая на вид, ноздреватая, как губка. Она медленно ползла по земле, местами вспучиваясь, выворачивая камни из песка.

— Толщина — сантиметров пятнадцать,— определил Юрковский, наблюдая, как пленка наползает на острый осколок камня.— Это не живое существо, Гриша! Оно совершенно равнодушно к внешним раздражениям.

— Чудак! — Дауге пожал плечами.— Губка тоже совершенно равнодушна к внешним раздражениям... Это наверняка колония каких-то микросуществ.

— Микросущества... При таком уровне радиации в этом районе? — Юрковский будто думал вслух.— Хотя, конечно, живое может приспособиться к любым условиям. Тем более эта штука сама излучает... В этом ты прав, Иоганыч. Но как ты докажешь... Давай возьмем пробу — дома рассмотрим.

— Значит, вы думаете, что через это красное поле на «Мальчике» идти можно? — спросил Быков.

Геологи помолчали; потом Дауге сказал:

— Скорее да, чем нет. Во всяком случае, это не лава.

— Так пошли в машину. Ермаков ждет.

— Сейчас, Алексей. Надо только взять образец этой штуки.

Транспортер стоял метрах в ста от них, поблескивая в красном свете. Чернело отверстие распахнутого люка. Малиновая пленка словно обтекала машину — вдали во тьме уже виднелись ее полосы, окутанные лиловатым паром. Пленка охватила «Мальчика» с трех сторон. Быкову стало не по себе.

— Давайте-ка побыстрее, товарищи,— сказал он.— Что-то мне не нравится поведение этого любопытного явления природы.

— Я сейчас сбегаяю за контейнером, подождите минутку... — пробормотал Дауге и шаткой рысцой направился к «Мальчику».

Быков проводил его глазами и, повернувшись к Юрковскому, увидел, что тот старается финским ножом отхватить кусок пленки.

— Не надо, Владимир Сергеевич, зачем? Возьмем эту штуку манипулятором.

Юрковский сердито пыхтел, орудуя клинком. Нож легко входил в упругую массу, но она сразу смыкалась за

ним. Геолог, расшвыряв, рвал и крошил плотный трепещущий студень. Наконец ему удалось отделить толстый красный кусок. Густо повалил светящийся газ. Юрковский выпрямился, откатил кусок ногой подальше — на черном песке ярко засветилось красное пятно. Сзади загремело. Они оглянулись и увидели Дауге, свалившегося с «Мальчика». Он сидел на земле в нелепой позе.

— Эк его... — с досадой произнес Юрковский.

Дауге быстро поднялся и, согнувшись, принялся шарить под ногами — искал что-то. Быков успел заметить, что огненные щупальца уже окружили транспортер, сомкнувшись метрах в трехстах от него. Они образовали почти правильное кольцо.

«Кольцо... — вдруг подумал Быков. — Огненное кольцо... Где я слышал о кольце?»

Дауге уже шел, волоча по земле за ремень металлический бачок-контейнер для радиоактивных образцов. Под мышкой он держал тяжелый щиток.

— Вот дьявол! — изумленно сказал Юрковский.

Быков поглядел под ноги и увидел, что отрубленный кусок пленки расплылся звездой, выбросив длинные тонкие отростки в сторону красного ковра. И вдруг он вспомнил: «Красное кольцо! Берегись Красного кольца! Загадка Тахмасиба...»

В это мгновение почва содрогнулась. Быков потерял равновесие и чуть не упал. Он увидел, как, роняя все из рук, повалился на землю Дауге, как Юрковский, пытаясь подняться, встал на четвереньки.

В черном небе вспыхнула ослепительная бело-синяя зарница. Второй толчок швырнул Быкова на землю. Под ногами оглушительно треснуло. Кругом загрохотало.

— А-а-а! — еле слышно среди ужасного шума закричал Юрковский.

Быков, судорожно цепляясь за неровности почвы, увидел, как раскрылась земля рядом с «Мальчиком», и взметнулся столб огня. В пылающем мареве видно было, как бешено закрутились гусеницы вздыбленного транспортера, как поднялся и снова упал ничком Иоганн. Нестерпимый жар охватил Быкова, проник сквозь силикетовую ткань костюма. Почти теряя сознание, Быков поднялся на ноги, с трудом удерживая равновесие, сделал несколько неверных шагов к перекошенному транспортеру и снова упал — почва ушла из-под ног. Грохот мгновенно стих. Сквозь пот, заливающий глаза, Быков увидел, как медленно наливается тускло-красным, пепельно-красным све-

том дрожащая потрескавшаяся земля, как оседает в плавящийся песок раскаленный докрасна транспортер.

— А-а-а! — кричал сзади Юрковский.

Стиснув зубы, преодолевая нахлынувшую слабость, Быков заставил себя поползти на этот жалобный крик. Он увидел черные, словно обугленные руки Юрковского, тянущиеся к нему. И он нашел еще в себе силы, чтобы вцепиться в них, упереться в землю и оттащить геолога подальше от малиновой трясины.

Потом он все-таки потерял сознание, но, видимо, ненадолго, потому что, придя в себя, обнаружил, что Юрковский лежит рядом с ним, неловко подогнув под себя руки, что раскаленная почва вокруг «Мальчика» еще не успела потемнеть и транспортер стоит, сильно накренившись, глубоко уйдя в оплавленную землю, и пластмассовая броня на нем дымится, становясь серой и быстро темнея.

Ослепительные сине-белые полосы в небе погасли. В ушах стоял непрерывный пронзительный звон, и Быков не сразу понял, что это — счетчик излучения. «Десятки, сотни рентген», — мелькнула в мозгу и исчезла мимолетная мысль. Он поднялся на ноги, подхватил под мышки неподвижного Юрковского (тот бессильно обвис в его руках) и потащил его к «Мальчику», подальше от пузырящейся, окутанной розовым паром красной пленки. Шагов через сорок он наткнулся на Дауге. Иоганыч лежал на спине, вцепившись скрюченными пальцами в ткань спецкостюма на груди. Положив Юрковского рядом, Быков нагнулся к другу. Дауге был без сознания, дышал часто, с хрипом. Нижняя часть его спецкостюма висела лохмотьями. Алексей торопливо, трясущимися пальцами открутил кислородный кран, снял ремень с автомата, туго перетянул неподвижное тело вокруг пояса, чтобы прекратить доступ раскаленного, бедного кислородом и насыщенного активной пылью воздуха извне. Дауге застонал, со всхлипом втянул в себя живительный газ. Юрковский очнулся сам. Он затрепетал, приходя в себя, быстрым движением поднялся, сел. Дауге продолжал тяжело хрипеть.

— «Мальчик»... Анатолий Борисович... — пробормотал Юрковский. — Скорее...

Быков помог ему подняться, и они оба, шатаясь, направились к остывающей в сотне метров от них громаде транспортера. Перебрались через широкую чернеющую трещину, побежали. Юрковский первым полез в люк, но сорвался.

Быков оттолкнул его и полез сам.

Люк сильно оплавился, стал овальным. Броня была еще раскалена, жар проникал под спецкостюм, нестерпимо обжигая. В темном кессоне Быков напрасно шарил выключатель и, не найдя, зажег фонарик на шлеме. Кессонную дверь открыть не удавалось.

— Анатолий Борисович! Товарищ Ермаков! — в отчаянии позвал он и вдруг понял: бесполезно. Командир погиб.

Температура взрыва была слишком высока, все оплавилось. «Мальчик» некоторое время был раскален добела, а Ермаков, когда они уходили, был без шлема. Там, внутри транспортера, все сгорело. Все — и командир тоже...
Конец...

— Люк, люк, скорее, какого черта! — Юрковский вполз в кессон, кинулся к внутреннему люку, толкнул.

Он навалился всем телом, и Быков присоединился к нему. Напрасно! Юрковский яростно забарабанил кулаками.

— Резать надо... — прохрипел Быков.

— Чем, Петрович? Давай в запасной люк, давай!..

Быков выпрыгнул наружу. Второй запасной люк, которым никогда не пользовались, находился в корме транспортера. Но, обогнув машину, он понял, что все погибло. «Мальчик» сильно осел в размякшую от температуры почву и вплавился в нее. Люк оказался ниже уровня твердой, спекшейся корки, и добраться к нему было невозможно. «Мальчик» превратился в мертвую крепость, неприступную для оставшихся в живых. Ермаков отрезан от мира и мертв. Мертв! Командир мертв!

Быков устало опустил на пышущую жаром, исковерканную землю, поднес руки к лицу. Пальцы его уткнулись в гладкий колпак шлема...

Иоганыча подтащили к «Мальчику», уложили поудобнее. Быкову пришлось прежде потратить несколько минут на то, чтобы привести Юрковского в себя. Геолог ходил вокруг мертвого транспортера, ничего не слыша, не отвечая, не замечая. Быков схватил его за плечи, сильно встряхнул, и тогда тот опомнился и послушно пошел за ним.

Дауге все еще не приходил в сознание. Не было лекарств, бинтов. Нечем было закрыть обожженные ноги друга. Нельзя было даже снять с него шлем и напоить водой — температура воздуха после взрыва была еще слишком высока, более 80 градусов. Юрковский и Алексей Петрович молча переключивали Иоганыча, рылись в веще-

вых мешках, обматывая израненные ноги тряпками. Они пытались делать ему искусственное дыхание, сами не зная зачем, лохмотьями костюма укрывали от обжигающего ветра обнаженное тело. Быков поминутно смотрел на ручной термометр, но температура понижалась медленно.

— Умрет,— проговорил Юрковский.— Ожог второй степени. Плохо...

— Молчи! — взревел Быков, приходя в ярость.

— Алексей! Она ползет,— пробормотал Юрковский, как в бреду.— Смотри, ползет...

— Что? — Алексей Петрович оглянулся и сразу понял.

Вокруг «Мальчика» медленно, но заметно смыкалось кольцо красной пленки. Багровая масса напозала со всех сторон, подбираясь к центру страшного подземного взрыва, который сжег «Мальчика», и где сейчас громоздились глыбы вывороченного оплавившегося камня. Над глубокой черной воронкой поднимались клубы дыма.

— Захлестнет,— продолжал Юрковский.— Сомнет, раздавит... Уходить надо.

— Куда? — Быков обвел глазами горизонт: со всех сторон напозала малиновая пелена.

Юрковский тяжело поднялся, склонился к Дауге, взял его осторожно под плечи:

— Берись, Алексей... Запремся в «Мальчике». Может быть, отсидимся...

Иоганыч жалобно застонал, когда они протискивали его через узкий люк. В кессоне было еще очень жарко, гораздо жарче, чем снаружи.

— Господи! — сказал с отчаянием Алексей Петрович, глянув на термометр.— Девяносто!

Он лег на раскаленный пол, втащил Дауге на себя. Юрковский торопливо задраивал люк. Ничего не получалось, и отверстие люка и крышка потеряли свою первоначальную форму. Он кое-как закрепил тяжелый горячий кусок пластмассовой брони, выглянул в щель:

— Сейчас ползет на танк... Оно не обходит препятствий — перебирается поверху... Посмотрим.

Он отошел от щели, присел где-то в темноте. Алексей Петрович молчал, прислушиваясь к шорохам снаружи, к хрипению Дауге, чувствуя, как нестерпимый жар гложет спину. Они обречены. «Мальчик» погиб, нет еды, кислорода, воды... Иоганыч плох, очень плох. Что сделать для него? Хоть что-нибудь, хоть бесполезное, если ничего другого не остается...

«Мальчик» дрогнул, красный свет, пробивающийся сквозь щели люка, стал ярче. Раздался скрип, скрежет — красная пленка напозала на изувеченный транспортер...

Через полчаса температура упала до шестидесяти градусов, и Алексей Петрович, осторожно стащив с Дауге гладкий колпак, влил ему в полуоткрытый рот глоток апельсинового сока. Иоганыч поперхнулся, открыл глаза, полные страдания. Быков погладил его по небритой щеке и снова надел шлем.

— Где мы?

— В «Мальчике», Иоганыч, дружок... Ты ранен.

— Больно как... Ноги... Что случилось, почему темно? Почему не двигаемся?..

— Был взрыв, Иоганыч,— ответил Юрковский и замолчал: не хватило сил сказать все до конца.

— Да... взрыв... Помню. Меня бросило на землю и обожгло... Владимир, ты понимаешь, что это?.. Под землей взорвался атомный котел... Помнишь, мы... спорили... об этом... Не повезло... Как раз под нами...

Дауге быстро, прерывисто задышал. Алексей Петрович до отказа повернул кран подачи кислорода.

— Хорошо, хорошо... Еще...— Дауге дышал глубоко, жадно.— Где Ермаков? Что вы молчите? Алексей! Что случилось?..

— «Мальчик» погиб, Гриша...— Юрковский помолчал, затем медленно договорил все: — Ермаков погиб...

Дауге всхлипнул и снова потерял сознание. «Мальчик» вздрагивал, скрипело что-то по броне, щели неплотно закрытого люка светились красным. Юрковский вдруг заговорил негромко:

— Гриша, Гришка, очнись... Мы уйдем отсюда... Понесем тебя на руках... Гриша!

Дауге вздрагивал, в бреду звал Машу, плакал.

Быков взял в ладони его бессильную голову в шлеме, прижал к себе. Дауге умолк.

— Умер? — чужим голосом спросил Юрковский.

Быков скрипнул зубами:

— Нет, Дауге не умер. Мы понесем его, понял? Пока живы...

— Понесем...

Юрковский подошел к люку, прижался к нему и еле слышно проговорил:

— Шесть лет вместе... Луна, марсианские пустыни...
Шесть лет...

Он распахнул люк резким, неожиданно сильным движением. Вокруг была ночь, тьма... Далеко-далеко, содрогаясь от собственной мощи, грохотала Урановая Голконда, поднимая над горизонтом дымное, пронизанное огнем вспышек зарево...

Сто пятьдесят тысяч шагов

Их осталось трое.

Дауге не приходил в сознание. Быков и Юрковский с трудом извлекли его наружу и некоторое время стояли неподвижно, не в силах покинуть страшное место. Привычно подрагивала земля. Красная пленка исчезла. Они еще успели заметить остатки красного ковра над воронкой на месте подземного взрыва, метрах в двадцати от «Мальчика»: пленка жадно и торопливо втягивалась в бездонную дыру, медленно гасло лиловое сияние. Стало темнее. Быков поднял было автомат для последнего привета, но опустил, раздумав. Оставалась только одна сигнальная обойма — шестьдесят патронов, — а впереди сто километров пути по песчаной пустыне, по ущелью, по болоту... Сто километров, сто тысяч метров, сто пятьдесят тысяч шагов, и каждый из них грозит неведомым.

— Салют! — хрипло потребовал Юрковский, и Быков, вскинув автомат, дал короткую, скупую очередь...

Из обрезков селено-цериевой ткани, найденных в кессоне, они соорудили нечто вроде носилок и уложили на них Дауге. Прочная, хорошая ткань; ее еще хватило и на то, чтобы обмотать Иоганыча с ног до шеи.

Теперь они шли, согнувшись под упругим тяжелым ветром, в кромешной тьме, изредка озаряемой холодными голубыми зарницами. В такие моменты Быков видел перед собой шлем Дауге на носилках и черную шатающуюся спину Юрковского впереди, мертвые пески, низкие тяжелые тучи с яркими прожилками света. Зарница медленно гасла, и снова — тьма, вязкий песок под ногами, вой ветра в наушниках...

Они не говорили друг с другом. Дышать было тяжело, потому что они берегли сжиженный кислород и дышали наружным воздухом, пропущенным через кислородный фильтр. Этот воздух был горяч и беден кислородом, он душил, заставлял судорожно зевать, жадно раскрывать сухой рот...

Жажда! Кажется, будто глотка забита песком и пылью, а язык — тяжелый, сухой ворочающийся камень. А здесь, у самого рта — стбит только протянуть губы, — холодный лимонный сок... кисловатый, душистый... Надо только чуть нагнуть голову... взять в пересохшие губы прохладный эбонитовый наконечник... потянуть в себя... Быков даже чувствует, как его зубы сжимают гладкий эбонит... Чуть-чуть... Глоток, только один глоток... Увлажнить язык...

Нельзя! Надо сделать сто пятьдесят тысяч шагов. Осталось еще не меньше ста тысяч... и Гриша... Быков облизывает губы. Вот в пяти сантиметрах от лица черный прохладный наконечник...

Ну, по сути-то дела, зачем все это? Идти, мучиться... Дело сделано. Далеко позади зарево Голконды пляшет отсветами на гладкой стали башенок маяков. Скоро — может быть, очень скоро — здесь опустятся планетолеты, и бодрые, веселые люди начнут настоящий штурм. Сильные, здоровые, пьющие много свежего, прохладного лимонного сока. И Голконда сдастся. Это уже не зависит от двух измотанных теней в силикетовых костюмах. Что мешают им упасть, напиться вволю холодной влаги и заснуть в песке?

Это так... Хорошо бы лечь, вытянуть обессиленные ноги, напиться и заснуть. Пусть черный ветер намечает над ними песчаный холмик... А для начала снять с шеи автомат. Да ну его к черту! Зачем он здесь нужен, в мертвых песках? Тут уже давно все вымерло: всякому ясно, что лучше всего в этой пустыне лечь, напиться вволю — есть еще больше полулитра сока в термосе! — и подождать, пока тебя занесет песком.

Правда, впереди болото, там нельзя без оружия. И там сидит в «Хиусе» Михаил Антонович. Он будет ждать, будет мучиться бессонницей, часами сидеть у радиоприборов. Он не улетит без них, не улетит, пока не дождется хоть какой-нибудь вести... может быть, даже сам пойдет искать их, нарушая все инструкции. Он ведь не знает, что здесь нельзя жить, если нет большого, очень большого количества свежей, прохладной влаги...

Лечь нельзя! Гришу надо донести. Михаил Антонович ждет. И Краюхин ждет, и Махов, и тот хладнокровный инженер с «Циолковского», и девушка в Ашхабаде... И все люди, вся милая далекая планета. Будет очень нехорошо, если они лягут здесь и заснут... Можно дойти, можно, можно... «Не хочется — надо!» — говаривал Иоганн.

...Они идут уже более суток по песку, который засасывает ноги, а ветер дует с такой силой, что трудно не упасть. А ели они за последние двое суток один раз. И пили тоже только один раз. Юрковский падает, роняет Дауге. Быков старается ему помочь. «К черту!» — хрипит геолог. Как так «к черту», если они не могут не дойти? Если осталось всего только сто тысяч шагов... или немного больше... Быков садится рядом и ждет. Но ждать нельзя! Время — это вода, а вода — это жизнь. Быков толкает Юрковского. Тот мычит.

— Пошли, пошли, Владимир Сергеевич! Ерунда осталась!

Юрковский в ответ мычит и не двигается. Тогда Быков наклоняется к нему, ощупью находит кислородный кран, отворачивает на несколько секунд. Юрковский жадно дышит, потом медленно, шатаясь, встает. Алексей Петрович помогает ему...

Они идут четвертые сутки. Первые сутки — пустыня, и Юрковский впервые упал и не хотел вставать. Быков давал ему кислород. Вторые сутки... ммм... вторые сутки? А, это когда он чуть не провалился в воронку с зыбучим песком и Юрковский его еле вытащил. Они еще долго, около часу, отдыхали на этом месте и пили сок. И Гриша как будто легче дышал, хотя так и не пришел в сознание... Хороший день... А вот третьи сутки? Да, когда руки онемели, отнялись, стали бесчувственными. Носилок не поднять, не удержать. Гриша стал втрое, впятеро тяжелее... И они сделали петли и повесили носилки на шею. А потом, пока они спали, вокруг намело песчаную насыпь. И сегодня, когда начинали поход, тоже намело. Юрковского и Дауге пришлось откапывать... Правильно — трое суток! А в сутки они проходят в среднем тридцать тысяч шагов. У Быкова есть шагомер. Пройдено сто тысяч шагов, а всего — сто пятьдесят. Значит, осталось только пятьдесят тысяч.

Сегодня осмотрели ожоги Дауге — кожа слезла, кровоточащие язвы... Быков перевязывает ему ноги как умеет. Затем Быков снимает с Юрковского вещевой мешок, в котором лежат термосы Дауге. Ему кажется, что Юрковский два раза тайком пил...

Быков тащит все на себе. Юрковский снова упал — голубая зарница роняет неверный дрожащий свет на черное распростертое тело.

— Вставай!

— Нет...
— Вставай, говорю!
— Не могу...
— Встать! Убью! — напрягаясь, орет Быков.
— Оставь меня и Гришу! — злобно хрипит Юрковский. — Иди один.

Но он все-таки встает.

Быков сквозь полусомкнутые от усталости веки видит свою длинную неуклюжую тень — она шатается и дергается. Ветер меняет направление — теперь он дует в спину, он помогает идти, и, когда затихает, тело кажется невыносимо отяжелевшим. Хорошо еще, что нет Черной бури... Юрковский падает снова, лежит неподвижно, погрузив пальцы в крупный песок. Медленно тает заря на севере.

— Встать!

Во время привала Быков, измотанный и обессиленный, заснул, оставив Юрковского на часах. За четвертые сутки они прошли не больше двенадцати тысяч шагов, и, пока Быков спал, Юрковский снял с себя термосы с остатками жидкого шоколада и лимонада, снял баллон с кислородом, сложил все это аккуратно на полупустой мешок рядом с носилками и, кое-как нацепив шлем, уполз в ночь умирать в песках. Быков проснулся как раз вовремя. Он отыскал геолога в тот момент, когда тот, чувствуя, что у него не хватает сил отползти далеко, стаскивал и не мог стащить с себя зацепившийся за что-то шлем. Быков взвалил Юрковского на плечо — оба не сказали ни слова, — отнес к месту привала, помог укрепить шлем и поставить все баллоны и потом сказал:

— Я хочу спать, я очень устал. Дай слово, что во время сна ты не удерешь...

Юрковский молчал.

— Я очень хочу спать, очень... Ты не даешь мне заснуть, Володя...

Юрковский молчал упрямо, только с ненавистью сопел в микрофон.

— Дай мне заснуть, Володя!.. Мы поговорим обо всем, когда я проснусь. Прошу, Владимир Сергеевич...

— Ладно, — вдруг сказал Юрковский. — Спи, Алексей, все в порядке...

Быков хотел сказать что-нибудь ободряющее, но не успел — заснул.

...Небо опять окутано багровыми тучами. Дует сильный ветер с севера, он помогает идти. Тучи принесло со стороны Голконды, пока Быков спал. На горизонте мотаются змеистые тени смерчей — все так же, как три недели назад, когда «Мальчик» резво мчался наперерез ветру к Урановой Голконде, навстречу гибели. Теперь «Мальчик» мертво застыл, вплавившись в остекленевший песок, могучий, огромный — дымной брони памятник Великого похода. Вечным сном заснул его командир; где-то в скалах нашел свою странную смерть Богдан Спицын... Но поход еще не кончен. Не кончен!

Каждый раз, просыпаясь после мучительного сна, Быков люто ненавидел Юрковского. Геолог больше не мог нести носилки. Он все время падал и ронял Дауге. Он еще раз пытался бежать в пески. Но Юрковского терять нельзя! С ним будут потеряны драгоценные знания — знания человека, изучившего подступы к Голконде. Он должен прийти — этот смельчак, поэт и «пижон», он даст людям Голконду, сказочные песчаные равнины, где песок дороже золота, дороже платины...

Быков с трудом поднимается на ноги. Он открывает кран подачи кислорода; жадно глотая, торопливо считает до десяти. Это необходимая порция, иначе ноги просто не пойдут. Медленно опускается на колени и, кряхтя, взваливает на плечи вялое тело Дауге. Юрковский остается сидеть на песке — ветер за несколько часов намел около него маленькую черную насыпь.

— Знаете, Быков, это не годится... — Голос сиплый, но спокойный. — Так я не согласен...

Быкову хочется разорвать его пополам, но нет сил, а потому — с грозной хрипотцой в ржавом голосе:

— Разговорчики!.. Встать!

— Оставьте нас. К чему вам себя мучить? И сами погибнете, и...

— Не твое дело! Встать! Вперед!

Юрковский колеблется.

— Ты что? Венец героя приобрести хочешь?.. Мученика? Врешь! Я тебя гнать вперед буду, пока сам не свалюсь! А свалюсь — сам поползешь дальше! Понял?! Вставай!

И Юрковский встает. Славный, хороший парень! Наш, советский, хоть и с загибами... После пятого километра Быков перестает его ненавидеть, а после десятого начинает любить, как брата. Молчит, сукин сын, ни слова, ни жалобы — а у самого волосы выпадают, кожа в трещинах, и лицо чернее пустыни. Шатается... Друг ты мой милый,

мы дойдем, обязательно дойдем! Смотри, еще десять километров оттопали. Вперед, вперед!.. Шаг, два, три...

Юрковский бормочет:

— Слушай, Алексей... На случай, если я все-таки не дойду... О загадке Тахмасиба, о Красном кольце... Я думаю... я уверен... Это бактерии. Колонии бактерий. Но не наших бактерий. Другая жизнь... неорганическая жизнь. Живут за счет излучений. Поглощают радиоактивные излучения и живут за счет их энергии... Слышишь, Быков?

Да-да, он слышит. «Бактерии и излучения...»

— Они собираются вокруг места, где должен произойти атомный взрыв,— продолжает Юрковский.— Собираются в кольцо... Красное кольцо... и ждут. «Мальчик» попал на такое место. И под ним взрыв. Подземный атомный взрыв. А они чувствуют, где должен быть взрыв, собираются и ждут... Продукты распада очень активны... они лакомятся... Слышишь? Я почти уверен...

Да, Быков слышит. Он идет вдоль каменистой гряды и все слышит. Где же наконец ущелье? Должно быть где-то здесь... Вода...

— Передай всем, чтобы опасались Красного кольца. Где Красное кольцо, там подземный взрыв. Передашь? Ты слышишь?

— Да-да, передам... Сам передашь!..

Шаг, два... десять... пятнадцать...

На шестые сутки они подошли к ущелью. Вход нашли не сразу. Быков, оставив Юрковского и Дауге около каменной стены, долго бродил в поисках прохода. Черный провал зарос колючками, выглядел зловецом в красном свете огненного неба. Быков вернулся к Юрковскому, взвалил Дауге на себя, пошел вдоль стены и свалился у самого входа в ущелье. Сознание скользило, налетало и исчезало, как порывы ветра, и сквозь клубящуюся муть он слышал, как Юрковский хрипло выкрикивал, глотая слова:

— Подлая! Мы еще вернемся... Придем сюда! За смерть нашу, за муки... отплатишь! Проклятая планета!.. Будешь работать на нас, на людей Земли, давать свет, жизнь... Закуем в сталь, в бетон! Будешь работать!

— Довольно,— сказал Быков и поднялся, опираясь о морщинистый камень...

Нет, идти больше нельзя. Зато можно ползти. Ползти на четвереньках и тащить за собою Дауге. Это гораздо легче, чем нести его на спине. Юрковский тоже ползет...

Быков останавливается, включает фонарик и оглядывается. Юрковский здесь. Лежит позади неподвижного тела Иоганыча, упираясь растопыренными локтями в песок, глядит слепым полушарием шлема. Они связаны ремнем, снятым с вещевого мешка. За этим ремнем надо следить: один раз он уже развязался, и Быков уполз далеко вперед. Пришлось возвращаться и искать Юрковского, который беспомощно крутился посреди ущелья. Кажется, он ослеп. Но, когда держится за ремень, не отстает...

Вот следы «Мальчика» — почерневшие, сморщенные ветви-плети, вырванные вместе с глыбами камня из скалы. Ущелье снова заросло, но пробраться можно. Осталось всего несколько тысяч шагов...

Быков садится, подтягивает под себя онемевшие ноги. Кожа на коленях стерлась совершенно, но боль почему-то не чувствуется. И очень хорошо.

— Там наше болото, Володя. Чепуха осталась. Давай!

— Давай! — говорит Юрковский.

— Ну, вперед, значит? — спрашивает Быков.

— Вперед! — отвечает Юрковский.

...На болоте шевелились в светящемся тумане джунгли чудовищных белесых растений. Они росли очень густо, и приходилось протискиваться между их толстыми скользкими стволами. Трясина чмокала, чавкала, засасывала грязной мокрой пастью. Перед последним решающим броском устроили длительный привал, и Быков извлек драгоценный заветный термос Дауге — их последнюю надежду и опору. В термосе почти два литра апельсинового сока, и Юрковский даже беззвучно засмеялся, когда шероховатый черный баллончик повис в луче фонарика. Быков разрешил Юрковскому и себе выпить по пяти глотков жизни и влил в запекшийся рот Дауге целый стакан. Потом они спали по очереди три часа и выпили еще по пяти глотков...

Потом Быкова с Дауге на плечах засосала трясина, и Юрковский выволок их на поверхность. И самое удивительное заключалось в том, что они сразу нашли место, где месяц назад совершил посадку «Хиус».

Но... «Хиуса» здесь не было...

На его месте — широкая, метров шестьдесят в диаметре, лужайка, покрытая прочной асфальтовой коркой. От центра ее разбегались длинные трещины, сквозь которые пробивалась буйная поросль больших белесых растений с толстыми скользкими стволами...

«Хиус» верзус Венус^{*}

Больше всего на свете Михаил Антонович любил сидеть в садике своей дачи на Алтае, где под большой густозеленой ольхой специально для него был установлен небольшой столик, и, обложившись книгами, работать — неторопливо, со вкусом, методично. Его интересовали некоторые вопросы теоретического звездоплавания, и с давних пор лелеял он мечту написать небольшую, но содержательную книгу, систематизирующую все основные достижения в этой области за последние двадцать лет.

По специальности он был математик, кончил математико-механический факультет университета в Ленинграде и первое время работал при Институте космогации. Работу свою очень любил, ему доставляло величайшее наслаждение следить за тем, как из-под пера возникают строчки почти всегда очень сложных, но, как правило, изящных, красивых формул, полных глубокого смысла. Работник он был прекрасный, ошибался редко.

Незаметно для себя он увлекся математическими проблемами автоматического управления новых тогда импульсных ракет на атомном горючем. И это определило его дальнейшую судьбу. Напористый Краюхин вовлек его в сферу своей обширной деятельности, заставил закончить школу штурманов-межпланетников и в числе первых направил в пробные полеты за пояс астероидов. Это случилось около пятнадцати лет назад.

Михаил Антонович побывал и на Луне, и на Марсе, и даже в поясе астероидов, стал великолепным штурманом, испытал множество приключений, повидал такое, что и присниться не могло бы научному сотруднику Института космогации, работавшему в области прикладной математики. Но все же больше всего на свете ему нравилось сидеть в тени развесистого дерева, копаться в толстых книгах с шершавыми обложками, покрывать белые листы изящными строчками математической тайнописи и бессознательно прислушиваться к шелесту листвы над головой, когда ослепительное солнце неподвижно висит в чистой голубизне. Поддувает ласковый теплый ветерок, под столом стынет в ведерке с искусственным льдом бутылочка нарзана, в кустах смородины жена с дочкой собирают ягоды для домашнего варенья, а сынишка — парень удивительно бедовый — уселся, конечно, возле муравьиной кучи

* Versus Venus — против Венеры (лат.).

и громким лепетом выражает свое глубокое изумление... Небо чистое, безоблачное, синее, и стрекоза с радужными крыльями ползет по краю голубой чашки... Хо-рошо!

Простившись с товарищами, Михаил Антонович долго еще стоял в кессоне, опершись локтями о край распахнутого люка, и следил, как гаснут в клубящемся тумане огоньки на корме «Мальчика», уходящего в болотные джунгли. Они исчезли, и сразу стало темнее — штурман «Хиуса» остался один.

Прошли сутки, и над болотами слабо засветился тусклый день. Мрак стал розоватым. Но по-прежнему кругом стоял болотный туман. Липкий, осегаемо плотный, он мягкими, бесшумными волнами поднимался над бурлящей поверхностью грязевого кратера, тяжелой пеленой нависал над планетолетом, густыми клубами обволакивал белесые остовы гигантских растений — тускло окрашенных грибов, зыбко трепещущих росенок и еще каких-то — бесцветных, причудливо искривленных, изломанных. В красноватом сумраке их стебли то появлялись, то исчезали, и казалось, что они, как во сне, плывут, плывут и никак не могут уплыть и исчезнуть. Иногда накрапывал теплый дождь, мгла сгущалась, и ворчливое бульканье горячих источников заглушалось однообразным шелестом падающих капель.

Михаил Антонович осмотрел весь планетолет, сменил несколько приборов, пострадавших при посадке, проверил исправность аппаратуры, тщательно прибрал каюты товарищей. Из-под подушки Дауге выпала пачка голубоватых листков с красным обрезом — письма, отпечатанные на машинке. Письма от Марии Сергеевны. Михаил Антонович аккуратно сложил их, спрятал в столик. В каюте Юрковского валялась толстая тетрадь в черном кожаном переплете. Михаил Антонович узнал ее — туда Володя вписывал свои стихи вот уже несколько лет. Исчирканные страницы пестрели изображениями фрегатов и гордыми профилями с однообразно горбатыми носами. Последнее стихотворение начиналось так:

Милая! Спутница осени серой!

Ты не забыла? Ты помнишь? Ты ждешь?

И, хотя все четыре строфы (в том же духе) были жирно зачеркнуты и снабжены решительным комментарием самого автора (самое корректное выражение в этом комментарии было «дрянь, слюнтяйство»), Михаил Антонович

вздыхнул, присел на край постели, пробежал несколько строк и засунул тетрадь в карман комбинезона — почитать на сон грядущий. Юрковский никогда не делал тайны из своих стихов, тем более для ближайших друзей.

Первые сутки связь держалась плохо, приемник молчал, и понапрасну Михаил Антонович часами просиживал перед микрофоном, крутя ручку вариометра и бормоча с надеждой:

— «Мальчик», «Мальчик»... Я «Хиус»! Отвечайте. Почему не отвечаете? «Мальчик», «Мальчик», я «Хиус»! Слушаю вас...

«Мальчик» не откликнулся, но эфир однажды донес до «Хиуса» таинственные сигналы: три точки тире точка, три точки тире точка... Потрясенный штурман тщетно пытался связаться с неизвестным, терпящим бедствие, и только много дней спустя Ермаков объяснил ему, что это — пеленги погибшего Бондепадхая.

Когда наконец сквозь шорохи, завывания и треск в эфире в репродукторе зазвучал спокойный, размеренный голос Ермакова, Михаил Антонович возликовал, как ребенок. С этого момента связь наладилась. Командир сообщил, что все в порядке. Цель достигнута. Голконда сопротивляется всеми адскими средствами, но все-таки исследования идут успешно. Геологи работают круглые сутки, собрали много материала, Спицын и Быков помогают чем могут.

— Так-так... — говорил Михаил Антонович, радостно кивая головой. — Привет им, Анатолий Борисович, привет им передайте!

Экипаж «Мальчика» теперь так занят исследованиями, что чаще всего с Михаилом Антоновичем будет говорить Ермаков. Он повредил слегка ногу — не может поэтому принимать участия в наружных работах.

— А-яй! — волновался Михаил Антонович. — Как же это вы? Как неосторожно!..

Иногда со штурманом говорил Алексей Петрович. По его словам, Богдану в свое дежурство никак не удавалось соединиться с «Хиусом». Какое невезение! Михаил Антонович сокрушался, просил передать ему особый привет: он очень любил Богдана, больше всех. Старые друзья! Пятнадцать лет — не шутка!

Но часто эфир молчал, только трещали электрические разряды в беспокойной атмосфере. Угнетали тоска и одиночество. Очень трудно, когда не с кем поговорить, посмеяться, поспорить. Даже обедать одному как-то тоск-

ливо — кусок в рот не лезет. Михаил Антонович пытался работать, но не мог написать ни строчки. Пытался читать. Сначала это увлекло его, в библиотеке «Хиуса» было много хороших новых книг, а Михаилу Антоновичу редко приходилось читать беллетристику за последние несколько лет — работа отнимала все время, даже свободное. Но это увлечение продлилось недолго: мешали мысли о друзьях, о семье...

Тоска выгнала его наружу. Однажды, нарушая строжайший приказ командира, запретившего покидать планетолет без совершенно особой необходимости, он взял автомат и вылез из открытого люка в клубящийся туман. Более часа бродил он по хвощевым джунглям, пугливо озираясь при каждом вздохе трясины, собрал в коллекторский контейнер несколько любопытных образцов местной флоры — обломки белесых водорослей, круглые фосфоресцирующие шляпки молодых грибов, набрал в специальную баночку омерзительного на вид ила. Потом потерял все это, когда, провалившись в трясину, пытался выбраться, хватаясь за скользкие непрочные стебли гигантских растений. Выкарабкавшись и утопив автомат, безоружный, он долго искал в красноватом тумане потерянный планетолет. После всего этого он зарекся покидать свое убежище, ограничиваясь тем, что можно было увидеть и услышать с порога «Хиуса». И, сказать по правде, в новых впечатлениях недостатка не было...

Однажды что-то грузное, с тускло блестящей кожей, тяжело отдуваясь и хрипя, выползло из трясины, устало на замершего штурмана гнусными белыми бельмами. Опомнившись, Михаил Антонович потянулся за оружием, но странный гость уже исчез, растворился в тумане. Огромные лиловые слизняки ползали по броне планетолета, тяжело падали, зарывались в ил. Над головой иногда парили в красноватой мгле какие-то широкие тени. Плотоядное растение разрывало на части отчаянно бьющуюся гигантскую гусеницу; кто-то кричал во мгле хриплым, надрывным криком; в тумане как бы по воздуху проплывала вереница сцепившихся волосатых клубков — шевелились трепещущие клейкие нити, огромная цепь казалась бесконечной. Михаил Антонович, задраив люк, ушел спать, так и не увидев хвоста чудовища. Как-то, когда он дремал возле приборов, планетолет слегка качнуло. Он проснулся и выбрался из люка — посмотреть. Рядом с планетолетом чернели широкие овальные

ямы, быстро наполняющиеся мутной жижей: какое-то чудище прошло мимо, задев планетолет и оставив эти громадные следы и широкую просеку в колышущейся стене джунглей.

Проведя в кессон сигнальную систему от радиоприемника, чтобы не прозевать вызова друзей, Михаил Антонович часами сидел, держа палец на переключателе автомата, наблюдал, прислушивался. Асфальтовая площадка вокруг «Хиуса» быстро поросла белесыми водорослями. Первые дни Михаил Антонович следил, как сжимается кольцо зарослей. Потом ему каждый раз приходилось в начале наблюдений прорубать окошко в стене растений, опутавших корпус «Хиуса». Тяжело осевший в трясину планетолет был окружен странным и страшным миром этой планеты, лишь по недоразумению носящей имя богини любви и красоты. Атмосфера, состоящая из углекислоты, азота и горячего тумана; ядовитая тяжелая вода, содержащая большой процент дейтериевой и тритиевой воды; влажная жара, доходящая до ста градусов по Цельсию; флора и фауна, один вид которых исключал всякую мысль об употреблении их в пищу...

— Хорошо, что Голконда ваша не похожа на эти болота,— говорил Михаил Антонович Ермакову.

Тот только покашливал в ответ.

В горячем полусумраке венерианского дня блуждали ярко вспыхивающие далекие огоньки, тяжело вздыхала трясина, с шумом лопались стволы чудовищных грибов — выбрасывали дождь скользких светящихся спор. Может быть, это были не споры, но Михаил Антонович сам видел, как эти упругие, величиной с кулак лиловые шарики начинали прорастать белыми щупальцами, падая в трясину. Ветер приносил ярко светящийся туман — мертвенно-синие клубящиеся облака его тяжело оседали в зарослях. Однажды разразилась гроза. Туман наполнился дрожащим зеленоватым заревом, громовые раскаты слились в сплошной грохот, меж поникших стеблей запрыгали струящие огонь голубые мячи шаровых молний, потянуло зноем, и вдруг налетел раскаленный вихрь. «Хиус» раскачивало. Михаил Антонович, придерживаясь за края люка, с изумлением увидел, как стрелка термометра стремительно поднялась, перешагнув за двести. Волна ила ударила в планетолет, далеко отбросила штурмана от люка. Ворочаясь в густой жижке, он долго не мог встать, скользя ногами по грязи, а когда наконец поднялся, не хватало сил закрыть люк. После третьей или четвертой попытки тяже-

лая крышка под напором ветра сбила его с ног, и он потерял сознание. Очнулся через полчаса, а может, и через час. Ураган стих, кессон был забит илом, вокруг «Хиуса» наметел кучу гниющих водорослей.

На другой день Ермаков сообщил о болезни Дауге. Новость потрясла штурмана. Ему казалось, что это первый удар, тяжелое предзнаменование. Наступала полоса неудач. Венера ополчалась на смелых людей Земли. Несколько часов Михаил Антонович пролежал на койке, глядя в обшитый желтой полимеровой губкой потолок. Вспоминались странные слова Тахмасиба, сказанные им в бреду. Штурмана лихорадило. Термометр показал 39 — температуру больного Дауге. Встряхнув градусник, он сел на постели и в полной растерянности вцепился зубами в привычный мундштучок своей пустой трубки. Что же это? Быть может, болезнь уже здесь, в нем, притаилась, выжидает... Товарищи вернутся к пустому, вымершему планетолету и даже не смогут попасть в него. Надо бы на всякий случай держать открытым внешний люк... Да, но если заползет в кессон какая-нибудь дрянь — ведь не выгоuishь...

Михаил Антонович вздыхал, сосал свою пустую трубку. Потом, впервые за все время, забрался в каюту-арсенал и осмотрел сигнальные ракеты. Две полуметровые стальные сигары, покрытые толстым слоем смазки, и к ним пусковые устройства — тяжелые треноги с шестом. Надо надеть ракету на этот шест, включить маленький приборчик около стабилизатора — и ракета готова к пуску. А вот здесь — пусковое дистанционное устройство... Сделать все это будет нетрудно. Штурман попробовал приподнять ракету, поднатужился — да, не особенно тяжело, можно и в одиночку... Если начнутся сильные приступы и он останется жив после первого, надо будет выпустить ракеты. В двадцать ноль-ноль по времени «Хиуса», как было условлено с Ермаковым. А потом будь что будет — открыть внешний люк и ждать. Михаил Антонович поставил треноги; вспотев, насадил на них ракеты, полюбовался общим видом — и у него стало как-то легче на душе.

Прошел долгий венерианский день, наступила ночь. Над болотами снова повис туманный мрак. «Мальчик» уже заканчивает свой поход. Устанавливают пеленгатор на новой площадке, собирают последние образцы. Скоро Михаил Антонович поднимет «Хиус», полетит на пеленги, скоро встреча! Обратный путь до «Циолковского» — и

снова встреча! Обратный путь к Земле — и снова встреча, самая радостная!

Михаил Антонович вспоминает свое первое возвращение из Пространства. Цветы, музыка, толпы людей, и среди них — Зоя. Молоденькая совсем — старший лаборант краюхинского института. «Страшный лаборант», — шутил над ней Михаил Антонович и приставал: «Если ты старший лаборант, то каковы же младшие?» Славное, славное время — расцвет импульсных атомных ракет, время, выдвинувшее таких, как Краюхин, Привалов, Соколовский... Время, когда старик Шрайбер в Новосибирске развил идею «абсолютного отражателя» — идею замечательную. Но как ее встретили, эту идею! «Безумный старик! Мракобес-алхимик! Идеалист! Фантаст!» По уголкам шептались: «Хи-хи!.. «Абсолютный отражатель» — это, значит, как об стену горох?» — «Глупцы, если не хуже!» — сказал тогда о них рассвирепевший Краюхин. Страшный был бой. Краюхина чуть не сняли за нажим. А в результате — вот он, «абсолютный отражатель»: «Хиус» верзус Венус!» (Михаил Антонович исчерпал на две трети свои знания латыни и бодро потер руки.) «Хиус» верзус Венус!» Пока все неплохо! Тьфу-тьфу, чтоб не сглазить...

На девятнадцатые сутки после ухода «Мальчика» Михаил Антонович почувствовал себя плохо. Он проснулся от звуков чьего-то голоса и, вскочив с койки, долго вглядывался в полумрак каюты, пока не понял наконец, что это был его собственный голос. Голова казалась страшно тяжелой, покалывало тысячами иголок в кончиках пальцев. Снова захотелось прилечь. Он задремал ненадолго и, проснувшись, отыскал градусник. Проверил температуру. Она оказалась нормальной.

«Вставай, подымайся, рабочий народ...» — запел он фальшиво и вдруг подумал, что всегда поет по утрам эту песню, если чувствует себя плохо, чтобы обмануть бдительность жены, и что никогда ему еще не приходилось петь ее в экспедициях. Что может быть хуже — заболеть сейчас, в полном одиночестве, в пустом корабле?

Он заставил себя встать и, придерживаясь рукой за ребра стальных шпангоутов в коридоре, прошел в рубку, присел около радиопередатчика. «Мальчик» не отвечал.

— Надо проветриться, — вслух сказал Михаил Антонович. — Я болен, надо проветриться.

Неуверенными шагами он прошел вдоль коридора, остановился перед каютой, где хранились спецкостюмы. Оглянулся: мягким светом сияли матовые шары ламп, на тяжелых металлических стенах еще кое-где темнели бурые пятна — следы рыжей плесени, три недели назад проникшей в планетолет. Михаил Антонович вдруг почти физически ощутил давящую тишину, притаившуюся в пустых коридорах и каютах, — тишину ожидания, тишину одиночества.

— **Наверх, наверх, проветриться...** — бормотал штурман, натягивая костюм.

До верхнего кессона он добрался с трудом. Шлем лежал на плечах непривычно тяжело, руки с усилием открыли люк. Люк откинулся, и Михаил Антонович скорее упал, чем облокотился на край широкого проема.

Тумана не было. Над головой висела непроглядная тьма, а вокруг, насколько хватал глаз, расстилалась слабо светящаяся равнина.

Он раздвинул липкие стебли водорослей, опутавших корабль, оборвал их со злобой — они мешали смотреть. Мрак, пустота...

— Пустота... — прошептал штурман.

Вдруг он увидел багровое зарево на горизонте. Оно приближалось, росло, пожирало черную тьму. Вскрикнув, Михаил Антонович различил прямо перед собой песчаную пустыню. Посреди этой охваченной ветром равнины стоял гигантский смерч — абсолютно неподвижный, грозный, клубящийся. Видение повисло перед отшатнувшимся штурманом, потом покачнулось, затрепетало и исчезло мгновенно. Только вдали над спинами гор, ставших багровыми, вспыхнуло и погасло пятно света...

...Над болотом снова занималось зарево. Михаил Антонович попятился. Теперь в светящемся тумане взмыли очертания гигантской скалы, верхушка ее ослепительно сверкала белым серебристым налетом. «Снег? При ста градусах?» У основания неподвижно стояли красноватые деревья с плоскими необычными кронами — много, очень много деревьев, лесá... Склоны горы были покрыты ими. Красиво...

Штурман зажмурил глаза и снова медленно раскрыл их. Мрак. Пустота. «Мираж?... — подумал он. — Мираж или галлюцинация?..»

Михаил Антонович не помнил, как спустился вниз, в жилые отсеки. Голова стала яснее. «Мираж или галлюцинация?» Он взял киноаппарат и вернулся в верхний кессон

Странное видение снова колыхалось перед люком, и он заснял его, истратив несколько десятков метров пленки.

Пленку он проявил немедленно. На кадриках сверхсветосильной пленки четко рисовались кроны деревьев, скала... Да, он вспомнил: миражи земных пустынь тоже фиксируются на пленке. Значит, не только гнусные болота и черные пустыни есть на этой планете.

Михаил Антонович опустил в кресло и долго сидел, глядя прямо перед собой. Пронзительный звон заставил его вздрогнуть: друзья! Он побежал к передатчику. Размеренный голос Ермакова, как всегда, заставил его ободриться. Лучше промолчать обо всех этих волнениях. Мираж миражом, но сегодня после сна он чувствовал недомогание. Кто его знает, какая это болезнь... Может, все-таки предупредить Ермакова, посоветоваться? Но он не посоветовался. Заговорили о Богдане: опять он не может подойти к радию — экое невезение! Впрочем, скоро конец... План дальнейших действий?.. Лучше всего...

В этот миг пол под ногами штурмана дрогнул и ушел вниз, раздался тонкий свистящий звук. Михаил Антонович, кажется, вскрикнул, потому что Ермаков спросил его, что он сказал. В репродукторе взвыли сирены, захрипело, затарахтело... Михаил Антонович попробовал подняться с кресла, но вторым толчком его сбilo с ног. Падая, он ухватился за край радиоустановки, поволок ее за собой — что-то задребезжало, опрокидываясь и разбиваясь... Землетрясение! Штурман поднялся, окликнул в микрофон Ермакова. В ответ захрипело, заурчало, завывало... Дрогнули, перекошились стены... Взмахнув руками, штурман опять шлепнулся на пол, проехался, пока не оперся спиной о холодный металл пульта управления. Резкий протяжный свист перешел в могучее басовое гудение, оборвался гулким ударом.

С тех пор как планетолет при посадке глубоко зарылся реакторными кольцами в вязкую, илистую почву, непрерывно сжимались и прогибались под его тысячетонной стальной массой упругие пласты пропитанного водой ила. Ил уступал микрон за микроном, сантиметр за сантиметром и наконец не выдержал. И сейчас громада «Хиуса» тяжело проваливается в бездонную грязевую яму... Товарищи, вернувшись, напрасно будут искать его. Они обнаружат только черную широкую проплешину на том месте, где стоял планетолет... Они погибнут, лишенные все-

го — воды, кислорода, питания. И самое главное — средств сигнализации... Они не смогут вызвать помощь с «Циолковского».

Михаил Антонович вцепился в край пульта, порываясь встать. Планетолет сильно накренило, он начал заваливаться набок... Через несколько секунд «Хиус» ляжет на борт... может быть, даже перевернется вверх дюзами. Это — смерть! Михаил Антонович наконец добрался до главного пульта, положил руки на рычаги... Вспыхнула радуга лампочек на приборах...

И дрогнула трясина. Колыхнулись белесые джунгли. Тучи голубого пара рванулись из черной дыры в болоте, наполненной горячей жижой... Окруженный ослепительным сиянием, в громовом гуле и вое, подобный огромному членистоногому, пятилапый «Хиус» вынырнул из сипящей трясины, повис на долю мгновения над болотом и взвился в черное небо, оставив за собой широкую — метров шестьдесят в диаметре — асфальтовую площадку, покрытую разбегающимися от центра извилистыми трещинами...

— ...«Мальчик», «Мальчик», я «Хиус»! Слушаю вас! Я «Хиус»! «Мальчик», «Мальчик», «Мальчик»! «Хиус» слушает вас. Я «Хиус», слушаю вас. Перехожу на прием...

Михаил Антонович подождал, послушал завывание эфира и выключил рацию. Не отвечают. Молчат уже пятые сутки. Что случилось? Почему нет сигнала для перехода на новый ракетодром? Неужели...

«Хиус», в крошечной тьме, стоит, упираясь всеми пятью колоннами в надежный каменистый грунт, припорошенный черным песком. «Хиус» — дивная машина. Только «Хиус» с его удивительной простотой управления, великолепной устойчивостью в полете, с его могучими двигателями мог совершить этот подвиг — перемахнуть через скалы и сесть замечательно точно, не разбиться, несмотря на буйные вихри, несмотря на то что вел его хотя и опытный, но растерявшийся и напуганный пилот. Недаром прошли бессонные ночи Краюхина, Привалова, десятков и сотен людей, вложивших все свое умение, весь свой громадный опыт, всю душу мечтателей и творцов в создание фотонной ракеты. «Хиус» победил там, где любая другая ракета была бы обречена на гибель и валялась бы сейчас, разбитая и изувеченная, грудой стального лома...

А «Хиус» стоит в крошечной тьме, целый и невредимый, если не считать нескольких незначительных приборов

и одного комплекта радиооборудования, который разбил, очевидно, сам Михаил Антонович...

«Хиус» стоит, но где? Этого штурман не знает. Впрочем, это неважно. Он часами и сутками просиживает над радией, вызывая «Мальчика», он ждет сигнала для перехода на новый ракетодром. Но сигнала нет. Что, если его так и не будет? Михаил Антонович встает и принимается шагать по рубке, бессознательно поправляя постоянно сползающие грязные бинты на изрезанных руках.

Если связь не будет налажена, «Мальчик» пойдет к месту прежней посадки. Они будут искать «Хиус». Они не найдут его на болоте: У них мало воды... Так почему же они не дают сигнала? Или сигнал был?

Михаил Антонович напрягал мозг, стараясь осилить предательскую слабость. Спокойно! Спокойно же, черт возьми! Из всякого положения есть по крайней мере два выхода, как говаривает Гриша Дауге. Планетолет цел и невредим — значит, Михаилу Антоновичу ничего не грозит... Впрочем, не в этом дело... Идти на болото? Оставить там знак? Чушь! Десятки километров труднейшей дороги, «Хиус» без присмотра... И где оно, это болото? Куда идти?

Он хлопнул себя по лбу. Как же можно было забыть? Обе ракеты «в двадцать ноль-ноль любого дня по времени «Хиуса» — так сказал Ермаков. Михаил Антонович спустился в нижний кессон и, распахнув люк, ступил во тьму, полную вязкого ветра. Особенно трудно было спустить вниз сигнальные ракеты. Нужны обе, обязательно обе! Одну Ермаков может не заметить, так он тогда сказал.

Михаил Антонович оттащил ракеты метров на сто от «Хиуса», надрываясь, шатаясь, волок их под тугим ветром и установил. Сверил по часам и включил стартовые механизмы. Для безопасности следовало подняться в «Хиус», но он не мог найти трап: гибкую лесенку отнесло ветром куда-то в сторону. Михаил Антонович, теряя сознание, залег за толстой реакторной колонной. Он не видел и не слышал, как сигнальные ракеты одна за другой белыми молниями рванулись в небо и там, высоко за тучами, распались в ослепительные огненные шары...

...Вернувшись наконец в планетолет, штурман с трудом заставил себя сбросить спецкостюм, дотащился до своей каюты и упал на койку. Он пролежал в полузабытьи несколько часов, затем равнодушно выпил кружку холодного бульона, поднялся в рубку. И только там заметил, что его

ручные часы отстают от большого хронометра — безупречного инструмента, работающего на диссоциации металлических молекул, — на двенадцать минут. Он выпустил сигнальные ракеты на двенадцать минут позже установленного срока. Ермаков мог заметить и мог не заметить вспышки... Но у штурмана уже не было сил размышлять о возможных последствиях своей ошибки. Теперь оставалось одно: ждать.

Михаил Антонович вскочил на ноги. Надо быть ослом... нет, надо быть насмерть перепуганным человеком, чтобы упустить из виду другую возможность — простейшую! Ведь можно включить локаторы! Рано или поздно Ермаков запеленгует их и найдет планетолет. Очень просто!..

Он поспешно склонился над пультом управления противометеоритного устройства. Он даже запел что-то легкомысленное, когда засветились серым светом круглые экраны...

С тех пор прошло четверо суток.

— «Мальчик», «Мальчик», я «Хиус»... Берите мои пеленги. Длина волны...

Атмосфера Венеры капризна. Она не всегда пропускает радиоимпульсы локатора. Терпение, терпение...

— Я «Хиус», я «Хиус»! Берите мои пеленги на волне...

А что подумали на «Циолковском», если заметили ракеты? Наверное, ходят в трауре, Махов готовит спасательные грузовики с автоматическим управлением, Краюхин, постаревший и угрюмый, сидит в своем кабинете: погибла его мечта, вся цель его жизни — погиб «Хиус»! Ну нет, только не «Хиус»! Чудная, дивная машина!..

— ...Слушаю вас. «Мальчик», «Мальчик», «Мальчик»...

Шли дни за днями. «Мальчик» не приходил, не откликался. Значит, беда. Значит, напрасно он ждет, мучается... Нет! Он обязан ждать, они не могут не вернуться...

— «Мальчик», я «Хиус»! Слушаю вас. Я «Хиус»... Берите мои пеленги...

На девятые сутки он проверил локатор, проверил комплект питания в спецкостюме, взял автомат и спустился вниз, на твердую каменистую почву под «Хиусом». По небу мчались багровые тучи. Песок здесь был рыжий и мелкий. Ветер гнал его, гудел в наушниках, шевелил заросли сухих растений шагах в двухстах от планетолета.

Это были те самые деревья с плоскими кронами... Многие из них казались обожженными, хотя и находились от «Хиуса» более чем в полукилометре.

Михаил Антонович огляделся по сторонам, поправил на шее автомат, погладил шершавую, залепленную ссохшейся грязью поверхность одной из могучих лап и шагнул вперед, к зарослям. Он не мог более ждать. Друзья погибли — это ясно, но он не уйдет отсюда, не уведет «Хиус» до тех пор, пока не найдет их тел...

Войдя в обгоревшую рощу, он почти сразу наткнулся на трех человек. Один, огромный, полз, извиваясь, как червяк, цепляясь за неровности почвы, и тащил на себе второго, обмотанного грязными тряпками, неподвижного беспомощного и обмякшего. Третий полз вслед за ними. Вокруг поясицы его была затянута ременная петля, конец ремня тянулся к переднему. Они ползли прямо на застывшего штурмана. И Михаил Антонович, неожиданно потерявший голос, задыхаясь от ужаса и радости, увидел, как тот, что ужом полз впереди, с размаху ударился головой в серебристом шлеме о ствол дерева, застонал и пополз в обход, дальше — упорно, яростно...

Михаил Антонович наконец закричал и бросился к ним. Тогда передний с удивительной быстротой поднялся на колени, в руках его взметнулся автомат.

— Кто? — прохрипел он.

— Алексей! — закричал Михаил Антонович и упал рядом на колени, прижался, заплакал тяжелыми, злыми и радостными слезами...

Под его башмаком, вдавленный в пыль, зашуршал лист бумаги — когда-то белый, теперь заляпанный желтой грязью, мятый, с рваными лохматыми краями. Но на нем еще можно было различить и черную лепешку Голконды, и кольцо болота, и маленький красный кружок юго-восточнее грязевого кратера. Если бы Михаил Антонович знал собственные координаты, он бы сразу увидел, что «Хиус» стоит в этом кружке. Анатолий Борисович Ермаков, командир лучшего в мире планетолета, ошибался редко. Он и здесь ошибся только на несколько километров...

Когда Быков кончил свой рассказ, Михаил Антонович заплакал:

— Товарищи! Родные вы мои! Богдан, Ермаков... — Крупные быстрые капельки бежали по его тол-

стым добрым щекам, застревали в многодневной щетине.

— Не надо... плакать,— с трудом проговорил Юрковский.

Он лежал в кресле рядом с матово-белым закрытым цилиндром, где дремал, плавая в целебном растворе, измученный перевязками и уколами голый Иоганьч.

Глотая слезы, Михаил Антонович переводил глаза с выпуклой крышки цилиндра на лицо Юрковского, черное, как уголь, и на лицо Быкова, почти целиком закрытое темными очками-консервами.

— Не плачь, Михаил,— повторил Юрковский,— лучше еще раз настройся на Голконду...

Алексей Петрович Быков снял очки, когда тонкое и настойчивое «ту-ут, ту-ут, ту-ут» наполнило рубку.

— Маяки,— прошептал он жмурясь.— Наши маяки!..

«Ту-ут, ту-ут, ту-ут...»

— Мог бы ты, Михаил, идти по этим пеленгам? — шептал Юрковский. Острая, ликующая гордость сверкала в его провалившихся глазах.

— Ну конечно... Ну конечно же! — Толстый штурман тер щеки, а слезы, все такие же крупные и обильные, падали на пульт управления.— Да не то что я — любой новичок сможет!.. Да надень ты очки, Алексей! — страдающим голосом закричал он вдруг.— Опять ослепнуть хочешь!..

«Ту-ут, ту-ут, ту-ут»,— неслось в пространстве. Над уходящими в бездну пустынями, болотами, над багровыми тучами, над разбитыми кораблями, над изувеченным «Мальчиком», над безвестной могилой Богдана, над вечно грохочущим жерлом Голконды...

— До «Циолковского» осталось полторы тысячи километров,— сказал Михаил Антонович и полез наконец за платком.

— Не смей плакать, Михаил,— шептал Юрковский.— Дело сделано... Мы... не могли сделать... больше... Но дорога теперь открыта. А мы вернулись. Быков... я... и Гриша.

Быков снова надел очки.

«Ту-ут, ту-ут, ту-ут»,— пели далекие маяки.

Эпилог

*Быкову Алексею Петровичу,
победителю земных, венерианских и прочая и прочая пус-
тынь,
украшению третьего курса Высшей Школы Космогации
от недостойного планетолога
Володьки Юрковского*

ПРИВЕТ!

Не кажется ли тебе, краснолицый брат мой, что переписка наша носит несколько конвульсивный характер? За последние два с половиной года (поправь меня, если я ошибаюсь) отправлено мною в твой адрес четыре письма, в ответ на каковые получено всего около одного. И это последнее написано весьма размашистым почерком на половине листка школьной тетради. Истории известен только один пример переписки такой же интенсивности, а именно — переписка царя Иоанна Грозного с беглым князем Курбским. История свидетельствует, что высокие стороны ухитрились за семнадцать лет вдвоем написать только шесть писем. Иван написал два, Курбский же — четыре, после чего помер, вероятно, от натуги. В наше время люди крепче, и я пишу тебе пятое. Правда, для этого потребовалось большое усилие воли и определенное стечение обстоятельств.

Вчера на медосмотре старший врач Леонтьев, уложив свой первый подбородок на второй, второй — на остальные, а остальные — на грудь, объявил, что запрещает мне участвовать в третьем походе вокруг Голконды и предписывает заняться лечебной гимнастикой и сочными (ты подумай только!) бифштексами. Сон, спортзал, бассейн, ионный душ, библиотека, а там видно будет. Я не спорил. Всякий спор с Леонтьевым сводится к созерцанию его подбородков, поднятых к потолку, и выслушиванию задумчивой реплики:

«Гм... Никак не могу вспомнить, когда у нас ближайший планетолет на Землю?»

Итак, час назад я проводил ребят в экспедицию и от великой печали решил разразиться письмом. В свое время ты просил меня рассказать, как это было. Помнится, за недостатком времени я посоветовал тебе читать газеты и смотреть популярные телепередачи. Теперь у меня есть время.

Восемнадцать месяцев назад, примерно в те дни, когда ты отдувался на экзаменах, с межпланетной базы «Циол-

ковский» по приказу Краюхина, без помпезных речей и оркестра, снялись три фотонные ракеты типа «Хиус» и с интервалом в полтора часа одна за другой ринулись в розовое марево венерианской атмосферы. Первый планетолет шел под вымпелом Адмирала Безводных Океанов Михаила Антоновича Крутикова. Адмирал, грузный и безукоризненно выбритый, лично встал у пульта управления. Глаза его сияли. Могучий корабль, изрыгая фиолетовый огонь, неся на пеленги маяков ракетодрома второго класса Урановая Голконда. Трижды озарилось фиолетовой вспышкой багровое небо. Трижды лопнули тяжелые тучи. Трижды дрогнули смолянистые пески. Пятилапые стальные гиганты, тяжело раскорячившись, стали рядом, зарывшись в щебень реакторными колоннами.

Из них полезли люди в спектролитовых колпаках, автоматические танкетки, землеройные агрегаты, гусеничные вездеходы с герметическими кабинами. Люди разделались. Восемь человек на двух вездеходах, груженных минами, двинулись на восток — рвать скалы, расширять ракетодром, ставить дополнительные маяки. Они скрылись в черном тумане, и вскоре из-за горизонта покатились глухой грохот, взметнулись косматые грибы разрывов.

Двадцать строителей под командой Виктора Гайдадымова (того, что строил порт «Большой Сырт» на Марсе) уселись на свои странные машины и не спеша отправились на юг, к горному хребту, планировать, расчищать, котлованить строительную площадку для будущего города-порта. В том же направлении умчались четырехкилометровыми прыжками два ракетомобильчика с астробиологами: любители внеземной флоры и фауны спешили на Горячее болото, трясясь от возбуждения на своих банках с формалином и ящиках для образцов.

Последними солидно и с достоинством ушли мы, геологи. Мы знали себе цену. Начальник группы Павел Николаевич Лин дал команду, и, усевшись в вездеходы, мы отправились на север, к берегам Дымного моря, гоня перед собой стада многоруких роботов — двуногих, шестиногих и на гусеничном ходу. Роботы, натасканные на активные вещества, шли изломанной цепью, на ходу обнюхивая почву, выбирая образцы, записывая, подсчитывая, запоминающая и время от времени сообщая нам результаты своих исследований. Они действовали методично и уверенно, и нам уже казалось, что мы будем только складывать в чемоданы готовые открытия. Но в Дымном море произошла заминка.

Роботы столкнулись с полями проклятой малиновой пленки, которая занимает там буквально тысячи гектаров почвы. Радиация оказалась слишком сильной для программы роботов, и они выскочили из Дымного моря как ошпаренные и долго торчали на месте, очумело шевеля щупальцами. Пришлось перестраиваться на ходу, после чего роботы вновь геройски бросились в атаку и натаскали столько красной пленки, что мы не знали, куда от нее деваться. Астробиологам было передано безвозмездно десять тонн этой красно-лиловой дряни. Кстати, оказалось, что наша догадка верна: это действительно колонии микроорганизмов, использующих для жизненных процессов энергию радиоактивного распада. Установлено и несомненное тяготение красной пленки к очагам подземных взрывов. Кое-кто здесь надеется приспособить ее в качестве индикатора, предупреждающего об опасности. Если бы мы знали тогда!

Штурм Голконды начался. Ревели двигатели, бегали люди, носились вездеходы, поднимая облака черной пыли. Где-то уже ссорились, кто-то уже надрывал эфир, предупреждая, что он сюда не в бирюльки играть прилетел, а старший врач Леонтьев уже впрыскивал кому-то арадиатин и гневно вопрошал, когда будет ближайший плането-лет на Землю... Через несколько часов «Хиусы» улетели и вернулись с подкреплением; вслед за ними из багровых туч посыпались грузовые ракеты-автоматы, битком набитые материалами, приборами, продовольствием, книгами, одеждой. С каждой минутой рука Человека все крепче сжимала черную глотку Голконды.

И Голконда пала. Голконда подняла лапки. Она ревет, клокочет, пугает багровыми тучами и всяческой пиротехникой, но теперь это уже никого не трогает, кроме новичков. Даже Черные бури не страшны нам больше — наши метеорологи уничтожают их в зародыше водородной бомбардировкой. Там, где мы когда-то укладывали селеновые простыни, теперь раскинулся ракетодром высшего класса. Он принимает и отправляет до ста кораблей в месяц. В пятидесяти километрах к югу, у отрогов хребта, — город. К нему ведут восемь превосходных стекломассовых шоссе. В центре города стоит наш «Мальчик». Его нашли, вырезали из почвы и так, вместе с оплавившимся камнем, поставили на пластметалловый фундамент. На броне вырезали короткую надпись: «Первым». Это памятник Анатолию Ермакову, Богдану Спицыну, Тахмасибу Мехти, его говарищам.

Да, Алеша, Голконда пала! Да что Голконда?! Скоро вся Венера будет у ног победителя. Исследуется кольцо тяжеловодных болот и озер вокруг Голконды (до сих пор непонятно, откуда в них берется вода; сначала думали, что эти озера и болота как-то связаны с Голкондой, но два месяца назад большое тяжеловодное озеро было открыто в другом полушарии Венеры, за несколько тысяч километров от нас). Иргенсен высадился на южном полюсе. Там открыта новая страна — необозримые леса красных деревьев, зеленых озер, диковинных животных, настоящий заповедник странной жизни, скрытый под куполом бешеной стратосферы. Готовится экспедиция на северный полюс. И, если северная полярная шапка Венеры хоть немного похожа на южную, я многое прощу этой планете. А здесь наши экспедиции проникают все дальше в черные пески по ту сторону Кольца Горячих Болот. А я вот вынужден принимать ванны и пожирать бифштексы.

Кстати, о бифштексах.

Недавно я видел Михаила Антоновича. Он рассказывал, что начальник ВШК отзывается о тебе весьма хорошо. Того же мнения о тебе и сам Михаил. Знаешь, эта его манера разговаривать: «Алешенька? Из него будет отличный штурман, о-отличный, вот увидишь!» Очень рад за тебя, краснолицый.

Мне пришлось на полчаса оторваться от письма и выслушать сетования моего соседа, кибернетиста Щербакова. Ты, вероятно, знаешь, что к северу от ракетодома идет строительство грандиозного подземного комбината по переработке урана и трансуранидов. Люди работают в шесть смен. Роботы — круглые сутки; замечательные машины, последнее слово практической кибернетики. Но, как говорят японцы, обезьяна тоже падает с дерева. Сейчас ко мне пришел Щербаков, злой, как черт, и сообщил, что банда этих механических идиотов (его собственные слова) сегодня ночью растащила один из крупных складов руды, приняв его, очевидно, за необычайно богатое месторождение. Программы у роботов были разные, поэтому к утру часть склада оказалась в пакгаузах ракетодома, часть — у входа в геологическое управление, а часть вообще неизвестно где. Поиски продолжаются. Я как мог утешил Щербакова (чуть не умер от напряжения, стараясь сохранить серьезный вид) — и вернулся к письму.

Собственно, пора кончать. Перо покоя просит, и меня зовут на процедуры. Хочу только сообщить тебе, что

Михаил сейчас откомандирован на Амальтею. Амальтея — это Пятый спутник Юпитера. Сию истину ты, вероятно, узнал в школе, но забыл, конечно. Там сейчас затеваются любопытные вещи. И вообще: ты будешь штурманом, будешь и капитаном корабля, я тебя знаю. Но «*Aspice hoc sublime candens, quem invocant omnes Iovem*», то бишь: «Взгляни на этот возвышенный блеск, который все называют Юпитером». Настоятельно прошу — взгляни! Следующий большой штурм будет там.

Да, Миша говорил мне, что Дауге окончательно оправился и досаждают Краюхину просьбами направить его сюда. Дело, конечно, благородное, но ты постарайся его отговорить при встрече. Пусть подождет, пока мы не насадим здесь сады. А если говорить серьезно, то я просто опасаясь рецидивов горячки. Но все-таки чертовски хочется видеть вас, бесы окаянные!

Прощай, краснолицый! Надеюсь, не пройдет и двух лет, как ты напишешь мне.

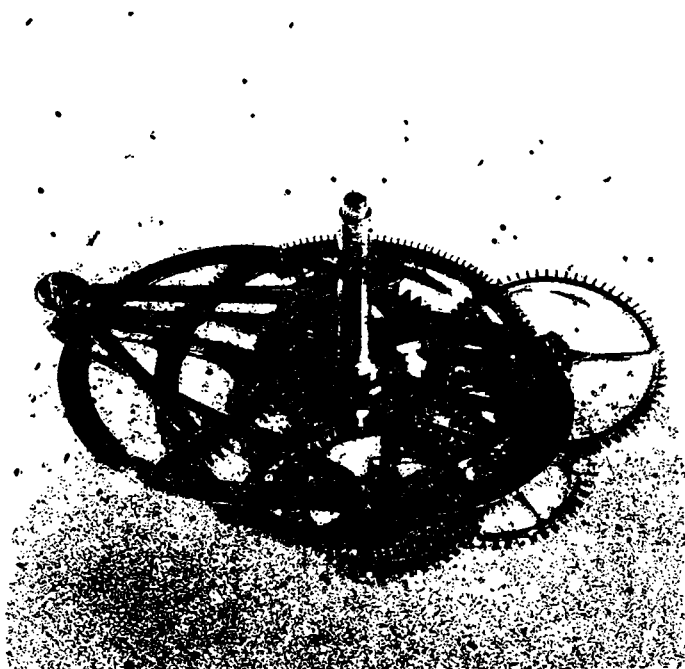
Большой привет супруге и сынишке. Да поцелуй-ка, брат, супруге ручку.

Твой В. Юрковский

Венера, Порт Голконда
7.02.19.. г.

1957 г.

Рассказы

Чрезвычайное происшествие

«...Исследователи сообщают о межзвездном планктоне, о спорах неведомой жизни в Пространстве. Протяженные скопления их встречаются только за орбитой Марса. Происхождение их до сих пор остается неясным...»

Титан не понравился Виктору Борисовичу. Планетка слишком быстро вращалась и обладала темной беспокойной атмосферой. Зато Виктор Борисович досыта налюбовался кольцами Сатурна и странной игрой красок на его поверхности. Планетолет разгрузился — продовольствие, сжиженный дейтерий, кибернетическое оборудование для планетологов, — принял на борт двадцать восемь тонн эрбия и биолога Малышева и сейчас же отправился в обратный рейс. Как всегда, в поясе астероидов планетолет потерял скорость и уклонился от курса. Пришлось помучиться. Вымотались все, и больше всех биолог Малышев. Бедняга не выносил перегрузок. Когда его вытащили из амортизатора, он был желтый, как сыр. Он ощупал себя, помотал головой и молча устремился в свою каюту. Он торопился поглядеть, как перенесла перегрузку его улитка — жирный синий слизняк в многостворчатой раковине, выловленный в нефтяном океане недалеко от Эрбиевой долины.

Теперь, как и все на свете, плохое и хорошее, перелет подходил к концу. Меньше чем через сутки планетолет прибывал на ракетодром в кратере Ломоносова, затем неделя карантина — и Земля, полгода отпуска, полгода синего моря, шумящих сосен, зеленых лугов, залитых солнцем.

Виктор Борисович улыбнулся, перевернулся на другой бок и сладко зевнул. До вахты оставалось два часа. Сейчас на вахте стоял Туммер, носатый и длинный как палка. Виктор Борисович представил себе Туммера, как он сидит, сутулясь, у вычислителя и, выпятив челюсть, просматривает голубую ленту записи контрольной системы. Затем Туммер расплылся, а вычислитель стал похож на замшелый валун с шершавыми боками. Под валуном темнела глубокая вода, и, если присмотреться, в шевелящихся водорослях стоит щука с черной спиной, неподвижная и прямая как палка. И вдруг около уха загудел шмель. Виктор Борисович всхрапнул и проснулся. В каюте было темно.

Он пожевал губами и замер. Где-то очень близко гудел шмель.

— Не может быть,— громко и уверенно сказал Виктор Борисович.

Он поднялся в постели и включил лампу. Шмель замолк. Виктор Борисович огляделся и увидел на простыне черное пятно. Это был не шмель. Это была муха.

— Мама моя,— сказал Виктор Борисович.

Муха сидела неподвижно. Она была совсем черная, с черными растопыренными крыльями. Виктор Борисович тщательно прицелился, подвел к мухе ладонь с подобранными пальцами и схватил. Он поднес кулак к уху. В кулаке шевелилось, шуршало и вдруг загудело так знакомо, что Виктор Борисович сразу вспомнил уроки рисования.

— Муха в планетолете,— сказал он и поглядел на кулак с изумлением.— Вот это да! Надо показать ее Туммеру.

Действуя одной рукой, он натянул брюки, выскочил в коридор и пошел в рубку, огибая выпуклую стену. В кулаке шуршало и щекотало.

В рубке стоял Туммер с темным тощим лицом. На экране телепроектора покачивались два узких серпа — голубой побольше, белый поменьше — Земля и Луна.

— Здравствуй, Тум,— сказал Виктор Борисович.

Туммер качнул головой и посмотрел на него запавшими глазами.

— А ну, угадай, что у меня здесь,— сказал Виктор Борисович, осторожно потрясая кулаком.

— Дирижабль,— ответил Туммер.

— Нет, не дирижабль,— сказал Виктор Борисович.— Муха. Муха, старый сын!

Туммер сказал скучно:

— Ферритовый накопитель работает скверно.

— Я сменю,— сказал Виктор Борисович.— Ты понимаешь, она меня разбудила. Она гудит, как шмель на полянке.

— Меня бы она не разбудила,— сказал Туммер сквозь зубы.

— Шуршит,— нежно произнес штурман,— шуршит, скотинка.

Туммер посмотрел на него. Виктор Борисович сидел, приложив кулак к уху, и счастливо улыбался.

— Виктор,— сказал Туммер,— ну что у тебя за лицо?

В рубку вошел капитан планетолета Константин Ефремович Станкевич и следом бортинженер Лидин.

— Я же говорил — не спит, — сказал Лидин, тыча пальцем в штурмана.

— С ним что-то случилось, — ядовито сказал Туммер. — Поглядите на его физиономию.

Виктор Борисович объявил:

— Я поймал муху.

— Ну да? — удивился Лидин.

— Я спать пойду, Константин Ефремович, — сказал Туммер. — Виктор, принимай вахту.

— Погоди, — сказал Виктор Борисович.

— А ну, покажи, — потребовал Лидин. У него был такой вид, словно он никогда в жизни не видел мух.

Виктор Борисович приоткрыл кулак и осторожно просунул туда два пальца левой руки.

— Откуда на корабле муха? — спросил капитан.

— Не знаю, — ответил штурман. Он разглядывал муху, держа ее за ножки двумя пальцами. — Она жужжит совершенно как шмель, — сообщил он.

— Осторожно, Витя, — с придыханием сказал Лидин, — ты сломаешь ей ногу. У-у, негодяйка... Жужжит!

— Все-таки откуда на корабле муха? — спросил капитан. — Это, между прочим, ваше дело, Виктор Борисович.

Штурман выполнял обязанности сантехника.

— Вот именно, — сказал Туммер. — Расплодил на корабле мух, и ферритовый накопитель работает отвратительно. Принимай вахту, слышишь?

— Слышу, — сказал штурман. — Мне еще десять минут осталось. Надо показать ее Мылышеву. Он тоже давно не видел мух.

Он двинулся к выходу, держа перед собой муху, как тарелку с борщом.

— Мухолов, — сказал Туммер презрительно.

Капитан засмеялся. Дверь отворилась, и в рубку шагнул Малышев. Штурман отскочил в сторону.

— Осторожно, — сердито сказал он.

Малышев извинился. У него был восторженный вид и растерянные глаза.

— Дело в том, что... — начал он и остановился, уставясь на муху в пальцах штурмана. — Можно? — спросил он, протягивая руку.

— Муха, — с гордостью сказал Виктор Борисович. Малышев взял муху за крыло, и она завопила на всю комнату.

— У нее восемь ног, — сказал Малышев медленно.

— Ай-яй-яй, — сказал Туммер. — И что же теперь будет? Виктор, принимай вахту.

— Это не муха,— сказал Малышев. Его брови поднялись чуть ли не до волос и снова опустились на глаза.— Я думал, что это траурница — антракс морио. Но это не муха.

— А что же это? — осведомился штурман несколько раздраженно.

— Послушайте,— сказал Малышев.— Какие у вас есть дезинсекторы? И потом мне нужен микроскоп.

— Да в чем дело? — спросил штурман. Капитан нахмурился и подошел к ним. Лидин тоже подошел ближе.

— Послушайте,— повторил Малышев,— мне нужен микроскоп. Пойдемте в мою каюту. Я покажу вам кое-что.

Туммер сказал им вслед:

— Пожалуйста, не уроните муху.

В коридоре Лидин вдруг закричал: «Муха!» Они увидели муху, ползущую по стене под самым потолком. Муха была черная, с черными растопыренными крыльями.

В каюте биолога их было целых три. Одна сидела на подушке, две ползали по стенкам большого стеклянного баллона с синей титанианской улиткой. Лидин, войдя последним, хлопнул дверью, и мухи поднялись в воздух, гудя как шмели.

— 3-забавные мухи,— неуверенно сказал Виктор Борисович и посмотрел на Станкевича.

Капитан стоял неподвижно и следил глазами за мухами. Лицо его наливалось краской.

— Дрянь,— сказал он.

— Что случилось? — сказал Лидин. Малышев повернул к нему хмурое лицо.

— Я же сказал: это не мухи. Это не земные мухи, понимаете?

— Мама моя,— проговорил Виктор Борисович и вытер правую ладонь о сорочку.

— Ах, вот оно что,— сказал Лидин. Черная муха закрутилась у него перед глазами, он отшатнулся и ударился затылком в закрытую дверь.— Пшла! — крикнул он, судорожно отмахиваясь.

— Нужен дезинсектор,— сказал капитан.— Что у нас есть?

— Есть леталь,— сказал штурман.

— Еще?

— Все.

— Хорошо,— сказал капитан.— Я сам это сделаю. Ступайте помойте руки, оботрите формалином.

Малышев все еще рассматривал муху, держа ее у самого носа. Виктор Борисович видел, как сильно дрожат его пальцы.

— Бросьте вы эту гадость,— сказал Лидин. Он уже стоял в коридоре и то и дело озирался.

— Она мне нужна,— ответил Малышев.— Вторую вы мне, что ли, поймаете?

В ванной Виктор Борисович торопливо стянул сорочку, бросил ее в мусоропровод и кинулся к умывальнику. Он мылил руки, тер их губкой и намыливал снова. Руки стали красными и распухли, а он все тер, тер и снова намыливал.

Произошло самое страшное, что может произойти на корабле. Это бывает очень редко, но лучше бы этого не случилось никогда. У планетолета толстые стены, и все, что через эти стены проникает, смертельно опасно. Все равно что — метеорит, жесткие излучения или какие-нибудь восьминогие мухи. И опаснее всего мухи. Три года назад Виктор Борисович участвовал в спасении экспедиции на Каллисто. В экспедиции было пять человек — два пилота и трое ученых,— и они занесли в свой корабль протоплазму ядовитой планетки. Коридоры корабля были затянуты клеейкой прозрачной паутиной, под ногами хлюпало и чвакало, а в рубке лежал в кресле капитан Рудольф Церер, белый и неподвижный, и лохматые сиреневые паучки бегали по его губам.

Виктор Борисович вытер опухшие руки формалином и вышел в коридор. По потолку ползали мухи. Их было много, штук двадцать. Навстречу шел Лидин. Лицо его было перекошено.

— Откуда они берутся? — спросил он сипло.— М-мерзость.

Из-под ног его с гудением взлетела муха, и он остановился, подняв над головой кулаки.

— Спокойно,— сказал Виктор Борисович.— Спокойно, бортинженер. Ты куда?

— Мыться.

— Как дезинсектор?

Лидин оскалился и молча прошел в ванную. Виктор Борисович забежал в свою каюту, надел свежую сорочку и куртку и отправился в рубку. У дверей мимо его лица с тонким воем пронеслась стайка черных мошек.

В рубке на столе перед вычислителем стояла стеклянная баночка, наполовину наполненная мутноватой жидкостью, от которой воняло даже через притертую пробку. В жидкости плавала муха. Малышев, видимо, помял-таки ей крылья, и она не могла взлететь, только

время от времени гудела густым басом. Станкевич, Туммер и Малышев стояли у стола и глядели на муху. Виктор Борисович подошел и тоже стал смотреть на муху.

Мутная жидкость в баночке была дезинсектором «Леталь». Леталь убивал насекомых практически мгновенно. Он мог бы убить и быка. Но восьминогая муха об этом, по-видимому, не знала и даже не догадывалась. Она плавала в летале и время от времени злобно гудела.

— Пять с половиной минут,— сказал Туммер.— Что же ты, голубушка? Пора.

— Может быть, есть какой-нибудь другой дезинсектор? — спросил Малышев.

Виктор Борисович покачал головой. Он оглядел потолок. Мух в рубке еще не было. Потом он заметил, что Туммер, ухмыляясь, рассматривает его опухшие руки. Он сунул руки в карманы и зашипел от боли. И все зря, подумал он, эту дрянь не берет даже леталь: «Кубический сантиметр на квадратный метр поверхности. Уничтожает все виды насекомых, их личинки и яйца». Он посмотрел на муху в банке. Муха плавала и отвратительно гудела. Виктор Борисович вздохнул, вынул руки из карманов и сказал:

— Сдавай вахту, Тум.

Он принял вахту и доложил капитану о смене. Станкевич рассеянно кивнул.

— Где Лидин? — спросил он.

— Моется.

— Дезинфицируется,— сказал Туммер.

— Слушать меня,— сказал капитан.— Всем надеть защитные спецкостюмы. Сделать прививку против песчаной горячки. Далее. Леталь не годится. Но не исключено, что на этих мух подействует что-нибудь другое. Как вы полагаете, товарищ Малышев?

— Что? — сказал Малышев. Он оторвался от созерцания мухи в банке и поспешно сказал: — Да, возможно. Не исключено.

— У нас есть петронал, буксил, нитросиликель... сжиженные газы...

— Слюни,— тихонько сказал Туммер.

Станкевич холодно взглянул на него.

— Оставьте ваши острооты при себе, Туммер. Так. Опыты проведем в медицинском отсеке. Я могу рассчитывать на вас, товарищ Малышев?

— В вашем распоряжении,— быстро сказал Малышев.— Но мне нужен микроскоп.

— Микроскоп в медицинском отсеке. Вы остаетесь в рубке, Виктор Борисович. Спецкостюм вам принесут.

— Слушаюсь,— сказал Виктор Борисович. Послышалось звонкое бодрое гудение. Все посмотрели на банку и сейчас же, как по команде, подняли лица к потолку. Под потолком с победным воем носилась большая черная муха.

Спецкостюм Виктору Борисовичу принес Туммер. Он быстро приоткрыл дверь, козлом прыгнул через комингс и захлопнул дверь за собой. На секунду в рубку ворвался многоголосый стонущий вой. Туммер откинул с головы спектролитовый колпак.

— В коридоре мух — не протолкнешься,— сказал он.— Черно. Засучи рукав.

Он достал шприц и впрыснул штурману сыворотку против песчаной горячки — единственной внеземной инфекционной болезни, против которой имелось противоядие. Это было явно бессмысленно, потому что единственным местом, где были найдены возбудители песчаной горячки, была Венера, но капитан не хотел упускать ни малейшего шанса.

— Как там наши? — спросил Виктор Борисович, опускающая рукав.

— Костя злой как черт,— сказал Туммер.— Этих мух ничего не берет. А Малышев в восторге. Прямо на седьмом небе. Режет мух и разглядывает в микроскоп. Говорит, что в жизни не представлял себе ничего подобного. Говорит, что у этих мух нет ни глаз, ни рта, ни пищевода, ни чего-то там еще. Говорит, что не может понять, как они размножаются...

— А он не говорит, откуда они взялись?

— Говорит. Он считает, что это споры неизвестной формы жизни. Он говорит, что они миллионы лет носились в Пространстве, а в корабле нашли благоприятную почву. Он говорит, что нам повезло. Таких случаев еще не бывало.

— Блуждающая жизнь,— сказал штурман и стал влезать в защитный спецкостюм.— Я слышал об этом. Но я как-то не считаю, что нам повезло. Кстати, как они могли попасть в корабль?

— Помнишь, неделю назад Лидин вылезал наружу. Кажется, это было в поясе астероидов.

— А может быть, они с Титана?

Туммер пожал плечами.

— Малышев говорит, что на Титане нет восьминогих мух. Да не все ли равно? Скажи спасибо, что это не осы.

Туммер ушел, снова прыгнув через комингс, и захлопнул за собой дверь. Виктор Борисович сел у пульта. В спецкостюме и спектролитовом колпаке он чувствовал себя в безопасности и даже принялся что-то напевать себе под нос. Под потолком уже носились десятки мух, некоторые крутились перед телеэкраном и ползали по лентам записи контрольной системы. Но их гудение не было слышно: спецкостюм обладал хорошей звукоизоляцией. Виктор Борисович оглядел пульт управления. На пульте у его локтя сидела муха. Виктор Борисович прицелился и крепко прихлопнул ее ладонью в силиконовой перчатке. Муха перевернулась, пошевелила лапками и замерла. Виктор Борисович, наклонившись, с любопытством оглядел ее. Дохлая черная муха. Восемь ног... Пакость, конечно, но почему они опасны? Ни одно насекомое не опасно, опасны инфекция или яд, а инфекции может и не быть и яда тоже. Впрочем, если представить, что несколько этих космических мух попало на Землю...

Штурман обернулся. Листок бумаги, лежавший на столе, соскользнул на пол и, крутясь, полетел к двери. Дверь в коридор была приоткрыта.

— Эй, кто там? — крикнул Виктор Борисович. — Дверь!

Он подождал немного, затем поднялся и выглянул в коридор. В коридоре ползали и летали мухи. Их было так много, что стены казались черными, а под потолком висела как бы траурная бахрома. Виктор Борисович передернул плечами и закрыл дверь. Взгляд его упал на листок бумаги у комингса. Какое-то смутное подозрение, тень догадки мелькнула у него в голове. Несколько секунд он стоял, соображая.

— Чепуха, — сказал он вслух и вернулся к пульту.

В рубке стало заметно темнее. Плотные мушинные тучи вились под потолком, заслоняя голубые осветительные трубки. Виктор Борисович поднес к глазам часы. С начала биологической атаки прошло полтора часа. Он поглядел на дохлую муху на пульте, почувствовал тошноту и зажмурился. И зачем я ее раздавил? — подумал он. Гадость все-таки, ядовитая или нет — все равно. Сквозь полусомкнутые веки он увидел, что лента идет неровно. Он поправил ее, потом невольно поискал глазами раздавленную муху.

Сначала ему показалось, что она исчезла. Но он снова увидел ее. Раздавленная дрянь шевелилась. Штурман пригляделся и проглотил слюну. Он стал весь мокрый. Останки мухи были покрыты мельчайшей черной мошка-

рой. Мошкара суетливо ползала по расплюсненному брюху — крошечные черные мошки с черными растопыренными крыльями. Их было штук тридцать, и они копошились, расплозаясь в стороны по гладкой светлой поверхности пульта. Они еще не могли летать.

Это продолжалось минут десять, не меньше. Голубая лента ползла из вычислителя и ленивыми витками ложилась на пол. Вокруг нее вились большие черные мухи. Штурман сидел наклонившись, сдерживая дыхание, и глядел не отрываясь на дохлую муху. На бывшую дохлую муху. Было видно, как шевелится черная голая нога мухи. Если присмотреться — она вся покрыта мельчайшими порами, и из каждой поры торчит головка микроскопической мушки. Они вылезали прямо из тела. Вот почему они так быстро размножаются, подумал Виктор Борисович. Они просто вылезают друг из дружки. Каждая клетка несет в себе зародыш. Эту муху просто нельзя убить. Она возрождается стократно повторенная.

Мошкара ползала по пульта, по кнопкам и верньерам, по прозрачной пластмассе приборов. Мошек было много, и некоторые уже пытались взлететь. От дохлой мухи остался мелкий черный порошок, и штурман смахнул его с пульта, как на Земле смахивают со стола табачный пепел.

— Штурман проветривает рубку, — раздался в наушниках голос Туммера.

В рубку вошли четверо в блестящих силикетовых костюмах и серебристых шлемах.

— Зачем вы открыли дверь, Виктор Борисович? — спросил капитан.

— Дверь? — Виктор Борисович оглянулся на дверь. — Я не открывал ее.

— Дверь была открыта, — сообщил капитан.

Виктор Борисович пожал плечами. Он все еще видел, как черная мошкара вылезает из дохлой мухи.

— Я не открывал дверь, — повторил он.

Он снова оглянулся на дверь. Он увидел клочок бумаги у комингса, и снова смутная догадка мелькнула у него в голове.

Лидин сказал нетерпеливо:

— Давайте решать, что делать дальше.

— Штурман не в курсе дела, — сказал капитан. — Товарищ Малышев, повторите ваши выводы.

Малышев покашлял.

— Аппаратура у вас неважная, — сказал он. — Микротом, например, в полном запустении...

Он замолчал, и стало слышно, как Лидин втолковывает вполголоса кому-то, вероятно Туммеру: «...взять баллон со спиртом, ходить, поливать их и тут же поджигать...»

— Словом, так,— сказал Малышев.— Состав у них странный — кислород, азот и в очень малых количествах кальций, водород и углерод. Я делаю вывод, что это не белковая жизнь. И тогда, во-первых, опасность инфекции сомнительна; во-вторых, это открытие высокого класса. Я это подчеркиваю, потому что вот товарищ Лидин только и думает, как их уничтожить. Это неверный подход к проблеме.

— Пауков бы сюда,— сказал Лидин,— старых матерых крестовиков...

— Совершенно неясно,— продолжал Малышев,— чем они питаются. Совершенно неясен механизм их размножения. Я считаю, что есть основания полагать...

— Я все-таки не понимаю,— сказал Туммер.— Я убивал их, давил ногами, но покажите мне хоть одну дохлую муху.

— Не ищи,— сказал штурман,— даже не пробуй.

— Это почему же?

Виктор Борисович увидел, что дверь снова тихо открылась. Бумажка на полу взлетела, словно пытаясь перепрыгнуть через комингс, и снова бессильно опустилась на пол.

— Я потом расскажу. Потом, когда все кончится.

Виктор Борисович подошел к двери, закрыл ее и вернулся к столу. Капитан легко хлопнул ладонью по столу.

— Слушать меня! — сказал он.— Я решил очистить корабль от мух.

— Каким образом? — осведомился Малышев.

— Мы наденем пустолазные костюмы, поднимем в корабле давление — можно использовать запасы жидкого водорода — и откроем люки...

— Мама моя! — пробормотал штурман.

— ...Впустим Пространство в корабль. Вакуум и абсолютный нуль. И ток сжатого водорода выбросит эту гадость.

— Идея,— сказал Лидин. Туммер сел в кресло и вытянул ноги.

— Все равно мы так не избавимся от спор,— сказал он.

— Спор, я думаю, на корабле не осталось,— сказал Малышев. В голосе его слышалось сожаление.— Они все развились.

— Мы избавимся от мух,— сказал Лидин.— От этих омерзительных, проклятых, чертовых...

— Слушайте,— сказал Виктор Борисович,— я, кажется, понял.

Он подошел к двери, нагнулся и зачем-то потрогал пальцами клочок бумаги у комингса.

— Что ты понял? — спросил Туммер.

— Так,— сказал Станкевич.— Пойдемте за вакуум-скафандрами. Лидин, поможете Малышеву надеть скафандр.

— Мушки повымерзнут,— сказал Лидин, хихикая. Ему ужасно хотелось, чтобы мушки повымерзли.

Виктор Борисович огляделся. Стены были черными. Под потолком висели бархатистые фестоны. Пол был покрыт сухой шевелящейся кашей. Сгущались сумерки — кучи мух облепили осветительные трубки.

— Слушайте,— сказал Виктор Борисович.— Вы знаете, почему открывалась дверь?

— Какая дверь, штурман? — нетерпеливо спросил капитан.

— Которая дверь? — спросил Туммер.

— Вот эта, дверь в коридор. А теперь она больше не открывается.

— Ну?

— Вот в чем дело,— торопливо сказал Виктор Борисович.— Дверь отворяется наружу, так? В коридоре падает давление, так? Избыток давления в рубке выталкивает дверь. Все очень просто. А теперь избытка давления нет.

— Ничего не понимаю,— сказал капитан.

— Мухи,— сказал Виктор Борисович.

— Ну, мухи,— сказал Туммер.— Ну?

— Мухи жрут воздух. Вот откуда они берут живой вес. Они жрут воздух, кислород и азот.

Биолог издал неясное восклицание, а капитан повернулся к приборам циркуляционной системы. Несколько минут он вглядывался в приборы, яростно смахивая мух. Все молчали. Наконец капитан выпрямился.

— Расходомеры показывают,— медленно сказал он,— что за последние два часа на корабле израсходовано около центнера жидкого кислорода.

— Великолепно,— проговорил Малышев.

— Ну и твари,— сказал Лидин.— Вот так твари.

— Я же говорил,— сказал Туммер.— Это всего-навсего восьминогие мухи.

— Логически рассуждая,— заметил биолог,— атмосфера из водорода должна быть для них летальной.

— Что ж, это упрощает,— сказал капитан.— Слушать меня. Лидин, помогите товарищу Малышеву облачиться в

скафандр. Туммер, перекройте по кораблю циркуляционную систему. Штурман, подготовьте корабль к обработке вакуумом и сверхнизкими температурами. Готовность доложить через десять минут.

Виктор Борисович направился к выходу, размышляя, что произойдет, если хоть несколько мух попадет на Землю. Землю не обрабатываешь вакуумом и сверхнизкими температурами.

Он вздохнул, отворил дверь и нырнул головой вперед в черную мохнатую дыру, еле освещенную красноватым светом.

Они натянули вакуум-скафандры прямо на спецкостюмы. Затем они шли к рубке длинным тоннелем с черными стенами, сумрачным незнакомым тоннелем. Стены тоннеля медленно колыхались, словно дышали. Они пришли в рубку. Здесь тоже все было незнакомо и сумрачно. Капитан спросил:

- Туммер, циркуляция?
- Выключена.
- Штурман, люки?
- Открыты... За исключением внешних.
- Лидин, состояние вакуум-скафандров?
- Проверено, товарищ капитан.
- Начнем,— сказал капитан.

Виктор Борисович нагнулся к манометру. Давление в корабле упало на тридцать миллиметров, а ведь Туммер выключил циркуляционную систему всего несколько минут назад. Мухи пожирали воздух и размножались с чудовищной быстротой. Капитан открыл подачу водорода. Стрелка манометра остановилась, затем медленно поползла в обратную сторону. Атмосфера... Полторы... Две...

— Есть у кого-нибудь мухи в скафандре или в спецкостюме? — осведомился капитан.

- Пока нет,— сказал Лидин.

Снова наступила тишина. В наушниках было слышно только дыхание. Кто-то чихнул, кажется Туммер.

- Будьте здоровы,— вежливо сказал Малышев.

Никто не ответил. Пять атмосфер. Черная каша на стенах тяжело заворочалась. «Ага!» — злорадно сказал Лидин. Шесть атмосфер.

- Внимание,— сказал капитан.

Виктор Борисович напрягся и ухватился за пояс Малышева. Малышев ухватился за Лидина, Лидин — за кресло, в котором сидел Туммер. Капитан согнал с пульта муши-

ную тучу и нажал кнопку. Четыре грузовых люка — широкие пластметалловые шторы, покрывающие грузовой отсек, — раскрылись мгновенно и одновременно.

Виктор Борисович ощутил мягкий толчок, сотрясший его с ног до головы. Кто-то ахнул. Водородно-воздушная смесь под давлением в шесть атмосфер устремилась к люкам и в пространство. В рубке закрутилась черная вьюга. И стало светло. Ярко, ослепительно светло. Рубка стала прежней стерильно-чистой рубкой. Только искрилась в отблесках голубых трубок изморось на стенах да у комингса остался налет серой пыли.

— Как хорошо! — сказал незнакомый хриплый голос в наушниках.

— Внимание, — сказал капитан. — Второй этап!

Затем был третий этап, и четвертый, и пятый. Пять раз корабль наполнялся сжатым водородом, и пять раз вихри сжатого газа промывали каждый угол, каждую щель в корабле. Налет серой пыли перед комингсом рубки исчез, исчезла изморось на стенах. Затем корабль наполнился водородом в шестой раз. Капитан на полную мощность включил пылеуловители, и только после этого в корабль был снова подан воздух.

— Вот и все, — сказал Станкевич. — Пока по крайней мере.

Он первым стащил с головы тяжелый шлем скафандра.

— Может быть, все это нам приснилось? — задумчиво сказал Лидин.

— Сладостное сновидение, — сказал Туммер.

Виктор Борисович помогал Малышеву освободиться от скафандра. Когда он стянул с правой руки биолога коленчатый рукав, капитан вдруг сказал:

— А это что у вас, товарищ Малышев?

В кулаке Малышева была пластмассовая коробочка, похожая на очешницу. Биолог спрятал руку за спину.

— Ничего особенного, — сказал он и сразу насупился.

— Товарищ Малышев! — ледяным голосом сказал капитан.

— Что, товарищ Станкевич? — отозвался биолог.

— Дайте сюда эту штуку.

— Мама моя, — сказал Виктор Борисович, — у вас там мухи!

— Ну и что же? — сказал биолог.

Лидин побледнел, затем покраснел.

— Немедленно уничтожьте эту гадость, — сказал он сквозь зубы. — В реактор ее, немедленно!

— Спокойно, бортинженер,— сказал Виктор Борисович.

Малышев стряхнул с себя пустолазный панцирь и сунул коробочку в карман. Брови его поднялись до волос и снова надвинулись на глаза.

— Мне стыдно за вас, товарищи,— объявил он.

— Ему стыдно за нас! — Лидин так и взвился.

— Да, стыдно. Я понимаю, это было неожиданно и... по-человечески страшно...

— Да вы представляете,— сказал Лидин,— что будет, если хоть одна муха попадет в земную атмосферу?

— Вы знаете, как они размножаются? — спросил штурман.

— Знаю. Видел. Это все чепуха.— Малышев перешагнул через скафандр и сел в кресло.— Выслушайте меня. Жизнь в Космосе иногда бывает враждебна земной жизни, это правда. Глупо это отрицать. Если бы мухи угрожали жизни или хотя бы здоровью человека, я бы первым потребовал отвести корабль подальше от Земли и взорвать его. Но мухи неопасны. Небелковая жизнь не может — не может, понимаете? — угрожать белковой жизни. Меня поражает ваша неосведомленность. И ваша, простите, нервозность.

— Малейшая ваша неосторожность,— упрямо сказал Лидин,— и они расплодятся на Земле. Они сожрут всю атмосферу.

Малышев презрительно щелкнул пальцами.

— Вот,— сказал он.— Пусть они даже расплодятся на планете, и я берусь в два дня вывести двадцать две расы азотно-кислородных вирусов, которые уничтожат и мух, и споры, и двести двадцать поколений потомства. Это во-первых. А во-вторых, мы пробовали и леталь, и буксил, и петронал, и еще что-то. Но я уверен, что эффективнейшим средством против наших мух были бы простые слюни.

Туммер захохотал.

— Черт знает, что вы говорите,— проворчал Станкевич.

— Ну, не слюни, конечно, но простая вода. Обыкновенная аква дистиллята. Я уверен в этом.

Малышев обвел межпланетников торжествующим взглядом. Все молчали.

— Но вы по крайней мере понимаете, что нам повезло? — спросил он.

— Нет,— сказал Станкевич.— Еще нет.

— Нет? Ладно,— сказал Малышев.— Во-первых, в наших руках,— он похлопал себя по карману,— уникаль-

нейшие экземпляры небелковых существ. До сих пор небелковая жизнь воспроизводилась только искусственно. Понимаете? Оч-чень рад. Во-вторых. Представьте себе завод без машин и котлов. Гигантские инсектарии, в которых с невероятной быстротой плодятся и развиваются миллиарды наших мух. Сырье — воздух. Сотни тонн первоклассной неорганической клетчатки в день. Бумага, ткани, покрытия... А вы говорите — в реактор.

Биолог замолчал, извлек пластмассовую коробочку и поднес ее к уху.

— Гудят, — сообщил он. — Уникальнейшие существа. Редчайшие... Редчайшие.

Глаза его вдруг округлились, на лице появилась растерянность.

— Моя улитка, — сказал он и кинулся из рубки.

Межпланетники переглянулись.

— Биология — царица наук, бортинженер, — сказал Туммер.

— Много я знаю о небелковой жизни! — сказал Лидин брезгливо.

Капитан поднялся.

— Все хорошо, что хорошо кончается, — сказал он, не глядя на Туммера. — Если мне еще кто-нибудь когда-нибудь станет болтать про угрозу из Космоса... Кто вахтенный?

Виктор Борисович поглядел на часы. «Мама моя, — подумал он, — еще не кончилась моя вахта! Неужели прошло всего три часа?»

Сменившись с вахты, он зашел к Малышеву. Биолог горестно вздыхал над донышком стеклянного баллона. Во время вакуумной чистки внутреннее давление разорвало и баллон и титанианскую улитку, и высушенные Пространством клочья слизняка присохли к стенам и потолку каюты.

— Это был такой экземпляр, — жалобно сказал Малышев, — такой экземпляр!

— Зато у вас теперь есть мухи, — сказал штурман. — А в следующий рейс я привезу вам другого слизняка. Пойдемте в медотсек и покажите мне, что там с микротомом. Понимаете, нам еще не приходилось им пользоваться.

Спонтанный рефлекс

Урму стало скучно.

Собственно, скука, как реакция на однообразие и монотонность обстановки, или внутренняя неудовлетворенность самим собой, потеря интереса к жизни, свойственна только человеку и некоторым животным. Для того чтобы скучать, нужно, так сказать, иметь то, чем скучать,— тонко и совершенно организованную нервную систему. Нужно уметь мыслить или, по крайней мере, страдать. У Урма не было нервной системы в обычном смысле слова, и он не умел мыслить. Тем более он не умел страдать. Он только воспринимал, запоминал и действовал. И тем не менее ему стало скучно.

Все дело было в том, что вокруг него, после ухода Хозяина, не осталось ничего нового, что можно было бы запомнить. Между тем накопление новых впечатлений было основным стимулом, направляющим деятельность Урма и побуждающим его к деятельности. Его обуревало ненасытное любопытство, ненасытная жажда воспринять и запомнить как можно больше. Если неизвестных фактов и явлений не было, их следовало найти.

Но обстановка вокруг Урма была знакома ему до последней черточки, до последнего оттенка. Это обширное квадратное помещение с серыми шероховатыми стенами, низким потолком и железной дверью он помнил с первого момента своего существования. Здесь всегда пахло нагретым металлом и изоляционным маслом. Откуда-то сверху доносился невнятный низкий гул — люди не могли слышать его без специальных приборов, но Урм слышал отлично. Лампы дневного света под потолком были погашены, и тем не менее Урм отлично видел комнату в инфрасвете и в импульсах локаторов.

Итак, Урму стало скучно, и он решил отправиться на поиски новых впечатлений. После ухода Хозяина прошло полчаса. Опыт подсказывал Урму, что теперь Хозяин вернется не скоро. Это было очень важно, потому что однажды Урм предпринял небольшую прогулку по комнате без приказа, и Хозяин, заставший его за этим занятием, сделал так, что Урм не в состоянии был пошевелить даже рогом локатора. Теперь, по видимому, этого можно было не опасаться.

Урм качнулся и тяжело шагнул вперед. Цементный пол загудел под его толстыми каучуковыми подошвами, и Урм на мгновение остановился, чтобы послушать, и даже нагнулся. Но в гамме звуков, излучаемых вибрирующим цементом, не было ни одного незнакомого, и Урм снова устремился к противоположной стене. Он подошел к ней вплотную и понюхал. Стена пахла мокрым бетоном и ржавым железом. Ничего нового. Тогда Урм повернулся, царапнув стену острым стальным локтем, пересек комнату по диагонали и остановился перед дверью. Открыть дверь было не так просто, и Урм не сразу сообразил, как это сделать. Потом, вытянув зубчатую клешню левой руки, ловко ухватился за рычажок замка и повернул его. Дверь открылась со слабым протяжным скрипом. Это было занято, и Урм провел несколько минут, открывая и закрывая дверь, то быстро, то медленно, прислушиваясь и запоминая. Затем он переступил через высокий порог и оказался перед лестницей. Лестница была узкая, с каменными ступеньками и довольно высокая. Урм мгновенно насчитал восемнадцать ступенек до первой площадки, где горел свет. Затем он неторопливо двинулся вверх. От площадки вела еще одна лестница, деревянная, с десятью ступеньками, справа открывался широкий коридор. Поколебавшись, Урм свернул направо. Он не знал почему. Коридор был не более любопытен, чем лестница. Но возможно, Урму не очень понравились деревянные ступени.

Из коридора тянуло теплом, он был ярко освещен инфрасветом. Инфрасвет излучался рубчатыми цилиндрами, подвешенными невысоко над полом. Урм никогда прежде не видел батарей парового отопления, и рубчатые цилиндры заинтересовали его. Он нагнулся и подцепил один из них обеими клешнями. Раздался короткий треск и скрежет металла, густое облако горячего пара поднялось к потолку. Под ноги Урма хлынула струя кипящей воды. Урм поднял цилиндр к голове, внимательно осмотрел его, обследовал рваные края трубки. Затем цилиндр был отброшен в сторону, и подошвы Урма захлюпали по лужам. Урм дошел до конца коридора. Там над низкой дверью вспыхнула красная надпись. «Осторожно! Без спецкостюма не входить!» — прочел Урм. Он знал слово «осторожно», но знал также и то, что слово это всегда относится к людям. К нему, Урму, это слово относиться не могло. Он вытянул руку и толкнул дверь.

Да, здесь было много интересного и нового. Он стоял у входа в обширный зал, заполненный металлическими, каменными и пластмассовыми предметами. Посредине зала

возвышалось на метр круглое бетонное сооружение, похожее на плоскую тумбу, накрытое железным или свинцовым щитом. Многочисленные кабели разбегались от него к стенам, вдоль которых тянулись мраморные щиты с блестящими приборами и рукоятками рубильников. Вокруг бетонной тумбы была изгородь из медной проволоки, с потолка свисали коленчатые блестящие палки. Палки оканчивались щипцами и клешнями, такими же, как на руках у Урма.

Урм, неслышно ступая по кафельному полу, приблизился к медной сетке и обошел ее вокруг. Затем постоял и обошел еще раз. Прохода в сетке не оказалось. Тогда Урм поднял ногу и без усилия прошел сквозь сетку. Рваные ключья медной паутины повисли у него на плечах. Но, не доходя двух шагов до бетонной тумбы, он остановился как вкопанный. Его круглая, как школьный глобус, голова настороженно поворачивалась вправо и влево, оттопырились и шевелились эбонитовые раковины акустических рецепторов, вздрагивали рога локаторов. Свинцовая крышка на тумбе излучала инфрасвет, заметный даже в этом нагретом помещении. Но кроме того, от нее исходило какое-то ультра-излучение. Урм хорошо видел в рентгеновских и гамма-лучах, и ему показалось, что крышка прозрачна и под ней открывается узкий бездонный колодец, наполненный светящейся пылью. В недрах памяти Урма всплыл приказ: немедленно уходить отсюда. Урм не знал, когда и кем был отдан этот приказ. Вероятно, Урм так и появился на свет, уже зная его, как он знал многое другое. Но Урм не подчинился приказу. Любопытство оказалось сильнее. Он нагнулся над тумбой, протянул клешни и с некоторым усилием поднял крышку.

Поток гамма-света ослепил его. На мраморных щитах тревожно замигали красные огни, завывала сирена. На мгновение сквозь прозрачные силуэты своих рук он увидел внутренность бетонной ямы, затем бросил крышку, провозгласив низким хриплым голосом:

— Опасность! Гефар! Дэйнжэр! Вэйсянь! Абунай!

По залу прокатилось и замерло гулкое эхо. Урм повернул верхнюю часть тела на сто восемьдесят градусов и поспешно направился к выходу. Шок, вызванный потоком радиоактивных частиц в контрольных счетчиках, гнал его прочь от бетонной тумбы. Разумеется, ни самое жесткое излучение, ни мощные потоки частиц не могли бы причинить Урму ни малейшего вреда; даже пребывание в активной зоне реактора не грозило бы ему тяжелыми последствиями. Но, создавая Урма, хозяева, вложили в него

стремление держаться как можно дальше от источников излучений большой интенсивности. Урм вышел в коридор, тщательно прикрыл за собой дверь и, перешагнув через ребристый цилиндр парового отопления, снова оказался на лестничной площадке. Там он сразу увидел Человека, торопливо спускавшегося по деревянной лестнице.

Человек этот был гораздо меньше ростом, чем Хозяин. На нем была просторная светлая одежда, волосы его были непривычно длинные, золотистого цвета. Таких людей Урм еще никогда не видел. Он потянул в себя воздух и ощутил знакомый запах белой сирени. Иногда точно так же, но гораздо слабее пахло от Хозяина.

На площадке царил полумрак, лестница позади девушки была ярко освещена, и девушка не сразу разглядела громоздкие очертания огромной фигуры Урма. Впрочем, услышав его шаги, она остановилась и сердито оклинула:

— Кто там? Это ты, Ивашев?

— Здравствуйте, как поживаете? — сипло сказал Урм.

Девушка взвизгнула. Из полутьмы на нее надвигалась блестящая голова с выпуклыми стеклянными глазами, непомерно широкие бронированные плечи, толстые коленчатые руки. Урм ступил на нижнюю ступеньку деревянной лестницы, и девушка завизжала снова.

Еще ни разу не случилось, чтобы Человек не откликнулся на его приветствие. Но этот странный высокий звук, резкий, пронзительный и, несомненно, нечленораздельный, не подходил под стандарты ответов, известных Урму. Заинтересованный Урм решительно двинулся вслед за пятившейся девушкой. Деревянные ступеньки ныли и трещали под его ногами.

— Назад! — крикнула девушка.

Урм остановился и наклонил голову, прислушиваясь.

— Назад, ты, урод!

Команда «назад» была известна Урму. По этой команде надо было повернуть верхнюю часть тела кругом и сделать несколько шагов в обратном направлении до команды «стоп». Но обычно приказы исходили от Хозяина, и кроме того, Урму хотелось исследовать. Он снова стал подниматься, пока не очутился перед входом в небольшую светлую комнату.

— Назад! Назад! Назад! — кричала девушка.

Урм больше не останавливался, хотя шел медленнее, чем мог бы. Его заинтересовала комната — два письменных стола, стулья, чертежная доска, шкаф с книгами и толстыми папками. И пока он выдвигал ящики, распускал

завязки на папках и читал вслух надписи, четко выведенные черной тушью на краях чертежа, девушка выскользнула в соседнее помещение, укрылась за диваном и схватила телефонную трубку. Урм видел это, так как он имел оптический рецептор на затылке, но маленький длинноволосый человек больше не интересовал его. Ступая по разбросанным по полу бумагам, он направился дальше. За его спиной девушка кричала в телефон:

— Николай Петрович? Николай Петрович, это я — Галя! Николай Петрович, к нам ворвался Урм. Ваш Урм! Урм! Ульяна — Роберт — Мама... Вы слышали сирену? Да! Не знаю... Я встретила его, когда он выходил из зала большого реактора... Да, да, он был в реакторной... Что? Повидимому, нет. На центральном пункте уже знают..

Урм не стал слушать. Он вышел в фойе и там остановился как вкопанный, усиленно двигая черными рогами локаторов. На противоположной стене висело что-то большое, блестящее и холодное. Оно казалось серым непроницаемым квадратом в инфрасвете и сверкало и серебрилось в обыкновенных лучах, но не это смутило Урма. В странном квадрате стояло черное чудовище с шевелящимися рогами на голове, круглой, как школьный глобус, и Урм не мог понять, где оно. Визуальный дальномер мгновенно сообщил ему, что до незнакомого предмета двенадцать метров восемь сантиметров, но локатор опроверг это сообщение. «Никакого предмета нет. Есть гладкая, почти вертикальная поверхность на расстоянии... шесть метров четыре сантиметра». Урму до сих пор никогда не приходилось видеть ничего подобного, и никогда еще локатор и зрительные рецепторы не давали ему столь противоречивых показаний. В его организме с самого начала была заложена потребность делать ясным и понятным все, с чем приходится соприкасаться, и он решительно пошел вперед, мимоходом отмечая и запоминая выяснившуюся закономерность: «Расстояние по зрительному дальномеру равно расстоянию по локатору, умноженному на два»... Он вошел в зеркало. Стекло разлетелось звенящим дождем осколков, и Урм, упершись в стену, остановился. Очевидно, делать здесь было больше нечего. Урм поцарапал штукатурку, понюхал, повернулся и, не обращая внимания на белого, как бумага, дежурного милиционера, повисшего на сигнале тревоги, хрустя по битому стеклу, шагнул к выходной двери. Снег и метель обступили его.

Когда Николай Петрович бросил трубку, Пискунов уже был в передней и торопливо натягивал шубу.

— Ты куда?

— Туда, разумеется...

— Погоди, надо решить, что делать. Если эта машина начнет резвиться по всей электростанции...

— Хорошо, если только по электростанции,— прервал его Рябкин.— А лаборатории? А склады? А если он заглянет сюда, в городок?

Николай Петрович напряженно думал. Пискунов нетерпеливо переминался с ноги на ногу, держась за ручку двери.

— Надо бежать туда всем вместе,— робко предложил Костенко.— Найти его и... ну, и схватить!

Пискунов только поморщился, а Рябкин, рывшийся на вешалке в поисках своей дохи, сердито крикнул:

— Хорошенькое дело — схватить! За что прикажете? За штаны? Полтонны весу, живая сила удара кулака — триста кило... Чушь какая! Ты, Костенко, человек новый у нас, так уж помалкивай...

— Вот что,— сказал Королев.— Сделаем так. Я сейчас позвоню в общежитие, подниму практикантов. Ты, Рябкин, беги в автопарк... Ах, черт, ведь все, наверное, в клубе... Все равно беги, найди хотя бы трех шоферов. Нужно вывести тракторы-бульдозеры... Так, Пискунов?

— Да, да, и поскорее. Только...

— Ты, Пискунов, ступай к институту. Разведай, где Урм, и немедленно звони в автопарк. Костенко, отправляйся с ним. Ясно? Дьявол, только бы он не выбрался за ворота!

Толкаясь и наступая друг другу на ноги, они выскочили на крыльцо. Рябкин, поскользнувшись, боднул головой в спину Костенко, и тот с размаху упал на четвереньки.

— Черт! Вот черт!

— Что, очки?

— Нет, все в порядке...

Свирепый ветер гнал тучи сухого снега над землей, жалобно выл в проводах, густо гудел в железном кружеве высоковольтных столбов. Из окон коттеджа на сугробы падали мутные желтые прямоугольники света, все остальное было погружено в непроглядную тьму.

— Ну, я пошел,— сказал Рябкин.— Осторожнее там, друзья, не подставляйте зря головы.

Он снова споткнулся и с минуту барахтался в сугробе, ругательски ругая проклятую пургу, свинячьего Урма и вообще всех, причастных к происшествию. Затем его светлая доха мелькнула у калитки и скрылась в вихрях крутящегося снега.

Пискунов и Костенко остались одни.

Костенко зябко поежился.

— Не понимаю,— проговорил он.— При чем здесь тракторы?

— А что бы вы предложили? — осведомился Пискунов.

— Нет, я просто не понимаю... Вы хотите разрушить Урма?

Пискунов коротко вздохнул.

— Урм — это уникальная машина, творческий отчет Института экспериментальной кибернетики за последние несколько лет работы. Понимаете? Как же я могу желать его гибели?

Он подобрал полы дохи и полез через сугроб Смущенный и оробевший Костенко последовал за ним. Впереди лежало заснеженное поле, за ним — шоссе. По ту сторону шоссе была электростанция.

Чтобы сократить путь, Пискунов свернул с шоссе и двинулся по пустырю, на котором еще с осени был заложен котлован для нового здания. Костенко слышал, как Пискунов бормочет что-то, спотыкаясь о кучи обледенелого кирпича и прутья арматуры. Идти было трудно. За пеленой пурги еле видна была редкая цепочка огоньков института.

— Погодите... — проговорил наконец Костенко.— Ей-богу... Тяжело очень. Отдохнем немного.

Пискунов присел рядом с ним на корточках. Что же все-таки произошло? Он знал Урма, как никто в институте. Через его руки прошел каждый винтик, каждый электрод, каждая линза этого великолепного механизма. Он полагал, что может рассчитать и предсказать каждое его движение в любых обстоятельствах. И вот пожалуйста. Урм «самовольно» вышел из своего подвала и гуляет по электростанции. Почему?

Поведение Урма определяется его «мозгом», необычайно сложным и тонким аппаратом из германиево-платиновой пены и феррита. Если у обычной цифровой машины десятки тысяч триггеров — элементарных органов, получающих, хранящих и отдающих сигналы, то в «мозгу» Урма задействовано уже около восемнадцати миллионов логических ячеек. На них запрограммированы реакции на множество положений, на различные варианты изменения обстоятельств, предусмотрено выполнение огромного числа разнообразных операций. Что могло повлиять на «мозг», на программу? Излучение атомного двигателя? Нет, двигатель окружен мощной защитой из циркония, гадолиния и бористой стали. Практически через эту защиту не может прорваться ни один нейтрон, ни один гам-

ма-квант Тогда рецепторы? Нет, рецепторы еще сегодня вечером были в идеальном порядке. Значит, все дело в самом «мозге». Программа. Сложная новая программа. Пискунов сам руководил программированием и... Программирование... Так вот в чем дело!

Пискунов медленно поднялся.

— Спонтанный рефлекс! — сказал он. — Ну, конечно, это спонтанный рефлекс! Идиот!

Костенко испуганно взглянул на него.

— Не понял...

— А я понял. Разумеется... Но кто бы мог подумать? Все шло так хорошо.

— Смотрите! — крикнул вдруг Костенко.

Он ахнул и вскочил на ноги. Серо-черное небо над институтом озарилось дрожащей голубой вспышкой, и на фоне этого зарева, удивительно четкие и в то же время какие-то нереальные, возникли из вихря пурги силуэты черных зданий. Редкая цепочка огней, отмечавшая ограду института, мигнула и погасла.

— Это трансформатор! — хрипло сказал Пискунов. — Подстанция как раз напротив реакторной башни! Там Урм.. И охрана...

— Бежим! — предложил Костенко.

Они побежали. Это было не так просто. Встречный ветер валил с ног, они проваливались в рытвины, занесенные сухим снегом, падали, поднимались и падали снова.

— Скорей, скорей! — торопил Пискунов.

Слезы — от ветра и от волнения — заливали его лицо, стыли на ресницах мутными льдинками, мешали смотреть. Он схватил Костенко за руку и тащил за собой, продолжая хрипло бормотать.

— Скорей! Скорей!

По-видимому, вспышку над институтом заметили в городке. На окраине тревожно завывала сирена, осветились окна коттеджей, в которых располагалась охрана, по полю пробежал слепящий луч прожектора. Он выхватывал из мглы снежные барханы, решетчатые стойки столбов высокого напряжения, скользнул по каменной стене, окружавшей институт, и, наконец, уперся в ворота. У ворот торопливо двигались маленькие черные фигурки.

— Кто это.. там? — задыхаясь, спросил Костенко.

— Охрана Милиция, наверное... — Пискунов остановился, протер глаза, голос его прерывался. — Ворота... заперли. Молодцы! Значит.. Урм еще там.

По-видимому, тревога началась. Теперь уже не один, а три прожекторных луча шарили вдоль стены института.

Было видно, как снежные смерчи танцуют в голубом свете. Сквозь шум и вой ветра доносились крики, кто-то сердито ругался. Наконец взревели моторы, послышался лязг гусениц. Гигантские тракторы-бульдозеры выходили из автопарка.

— Смотрите, Костенко,— проговорил Пискунов.— Смотрите внимательно. Мы присутствуем при самой необыкновенной облове в истории человечества. Смотрите внимательно, Костенко!

Костенко искоса взглянул на Пискунова. Ему показалось, что по лицу инженера текут слезы. Впрочем, это могли быть слезы от ветра.

Между тем лязг гусениц слышался уже не за спиной, а правее. Тракторы вышли на шоссе. Можно было уже различить дрожащие огоньки фар. Огоньков было пять.

— Пять против одного,— прошептал Пискунов.— У него нет никаких шансов. Спонтанная дуга здесь не поможет.

И вдруг что-то изменилось вокруг. Костенко даже не сразу понял, что именно. По-прежнему выла пурга, по-прежнему металась над землей тучи сухого снега, по-прежнему грозно и уверенно ревели моторы тракторов. Но лучи прожекторов уже не скользили по полю. Они неподвижно уперлись в ворота. А ворота были открыты настежь, и возле них никого не было.

— Что за дьявол? — сказал Костенко.

— Неужели он...

Пискунов не закончил, и они, не сговариваясь, побежали к институту. До ворот оставалось не больше двухсот метров, когда Пискунов, бежавший впереди, налетел на человека с винтовкой. Человек заорал в ужасе и шаркнулся было в сторону, но Пискунов ухватил его за плечи и остановил.

— В чем дело?

Человек ошалело вертел головой в милицейской шапке, выругался и, наконец, пришел в себя.

— Вырвался,— сказал он.— Вырвался. Опрокинул ворота и ушел. Чуть Макеева не потоптал. Я в городок за подмогой...

— Куда он пошел?

Милиционер неуверенно махнул рукой влево.

— Туда, кажется... На шоссе...

— Значит, сейчас на тракторы нарвется. Пойдем.

То, что произошло в следующий момент, запомнилось им на всю жизнь. Из крутящейся снежной мглы на них внезапно надвинулось нечто огромное, бесформенное, прямо в

глаза им мигнули красные и зеленые огни, и резкий, лишенный интонаций голос произнес:

— Здравствуйте, как поживаете?

— Урм, стой! — закричал отчаянно Пискунов.

Костенко увидел, как побежал милиционер, как поднял руки и потряс кулаками Пискунов, затем исполинская фигура, окутанная паром, зловещее чучело, двинулась мимо него, высоко поднимая толстые, как бревна, ноги, и растаяла в пурге.

Старательно прикрыв за собой дверь, как он делал всегда, если дверь не была сломана, Урм шагнул и остановился. Все вокруг было полно звуков, движения, излучений. Ночь светилась феерическим пестрым калейдоскопом радиоволн. Впереди в тринадцати с половиной метрах было приземистое здание с широкими окнами, забранными в железные решетки. Стены его излучали яркий инфрасвет. Из здания доносилось низкое мощное гудение. В воздухе кружились миллионы снежинок. Оседая на граненых боках Урма, разогретых жаром атомного двигателя, они мгновенно таяли и испарялись.

Урм повертел головой и решил, что наиболее интересным и близким объектом исследования может быть только приземистое здание напротив. Вход он нашел сразу, заметив тропинку на подветренной стороне. Здание было обсажено низкими елками, и он немного задержался, сложав и осмотрев одну из них. Затем он открыл дверь и вошел.

Два человека, сидевшие у стола в тесной узкой комнатке, вскочили при его появлении и с ужасом уставились на него. Он закрыл за собой дверь (и даже задвинул засов) и остановился перед ними.

— Как поживаете? — сказал он.

— Товарищ Пискунов? — растерянно спросил один из людей.

— Товарищ Пискунов вышел. Что ему передать? — равнодушно осведомился Урм.

Люди его не интересовали. Внимание его привлекло небольшое мохнатое существо, прижавшееся к стене в углу. «Теплое, живое, сильно пахнет, не Человек», — определил Урм и сказал:

— Здравствуйте, как поживаете?

— Р-р-р... — ответило с мужеством отчаяния существо, оскалив белые острые зубы, и еще плотнее вжалось в угол.

Урм был поглощен собакой и совершенно безучастно отнесся к тому, что милиционеры ловко забаррикадировали

лись столом и шкафом и стали торопливо расстегивать кобуры.

Жалобно визжа и поджав хвост, собачонка шмыгнула мимо Урма. Но Урм был гораздо проворней собаки. Он был проворней любого, самого проворного животного на свете. Туловище его молниеносно и бесшумно сделало пол-оборота, и длинная, вытянувшаяся, словно подозрная труба, рука схватила собачонку поперек туловища. В то же мгновение раздался выстрел: нервы одного из милиционеров не выдержали. Пуля звонко щелкнула о панцирь, прикрывающий спину Урма, и рикошетом влипла в стену. Посыпалась штукатурка.

— Сидоренко, отставить! — крикнул другой милиционер.

Урм выпустил дрожащую собачонку и уставился на людей, бледных, но очень решительных, державших оружие на изготовку. Он с любопытством понюхал. В воздухе расплывался незнакомый запах бездымного пороха. Собачонка забилась под ноги милиционеров, но Урм уже утратил интерес к ней. Он повернулся и двинулся к следующей двери, на которой красовалось изображение черепа и скрещенных костей, пронзенных красной молнией. Милиционеры, оторопев от изумления, смотрели, как его клешневидные пальцы нащупывают рубчатый барабан замка. Дверь отворилась. Тогда оба они, опомнившись, бросились за ним:

— Стой! Назад! Нельзя!

Они цеплялись за его бронированные бока, забыв обо всем на свете, в ужасе от одной мысли о том, что может натворить в трансформаторе это железное чудовище. Но Урм просто не замечал их. Их усилия не производили на него никакого впечатления. С таким же успехом они могли пытаться остановить на ходу трактор. Тогда один из них, оттолкнув товарища в сторону, в упор, снизу вверх выпустил в голову Урма всю обойму. Залитый светом зал подстанции огласился грохотом выстрелов.

Урм пошатнулся. Вдребезги разлетелась эбонитовая раковина правого акустического рецептора. Сорвался и повис, болтаясь на проволоке, изогнутый рог локатора. Зазвенело разбитое стекло в потолке.

Урм никогда еще не подвергался нападению. У него не было инстинкта самосохранения и не было опыта борьбы против человека. Но Урм мог сопоставлять факты, делать логические выводы и избирать линию поведения, максимально обеспечивающую ему безопасность. На все эти мыслительные операции у него ушли доли секунды. В сле-

дующий миг он повернулся кругом и пошел на людей, угрожающе выставив страшные клешни.

Милицionеры разделились. Один отбежал за распределительный щит, другой прыгнул за массивный стальной кожух ближайшего трансформатора, торопливо перезаряжая пистолет.

— Сидоренко! Беги в дежурку, звони, объявляй тревогу! — крикнул он.

Но Сидоренко никак не удавалось добежать до двери. Урм передвигался гораздо быстрее, чем человек, и стоило милиционеру высунуться из-за распределительного щита, как Урм в два шага оказывался перед ним. Тогда люди решили выбежать одновременно. Это не удалось: Урм носился от щита к трансформатору со скоростью курьерского поезда.

Распределительный щит треснул поперек от неловкого толчка Урма, через пулевые отверстия в окнах и стеклянном потолке свистел ветер.

Наконец Урму надоела эта игра, и он решил оставить людей в покое. Он вдруг остановился перед трансформатором и решительно запустил руки под кожух. Милицionеры воспользовались этим и стремглав бросились в дежурку. В то же мгновение раздался оглушительный треск, все вокруг озарилось ослепительной голубой вспышкой, и свет погас. Острый запах горелого металла, дыма, горячего лака хлынул из зала. Оглушенные, подавленные милиционеры не сразу сообразили, что произошло. А затем дежурка затряслась от тяжелых шагов, и резкий голос произнес в темноте:

— Здравствуйте, как поживаете?

Щелкнула задвижка. Со скрипом отворилась дверь, в мутном прямоугольнике на секунду обозначились грузные очертания железного чудовища, и дверь снова закрылась.

Урм шел по территории института, увязая в снегу и высоко поднимая ноги. Институт был погружен во мрак, и в этом мраке мало помогало даже инфракрасное зрение Урма. Он различал только слабое сияние вокруг собственного живота и ног, на которых таяли и испарялись снежинки. Несколько слабо фосфоресцирующих силуэтов людей промелькнуло между зданиями. Урм не обратил на них внимания. Он шел, ориентируясь по показаниям локатора, хотя один рог локатора был сбит пулей и правильно определять расстояния было теперь невозможно.

Урма заинтересовали далекие огоньки городка, едва мерцавшие сквозь пургу. Затем там вспыхнули яркие голубые лучи прожекторов. Он дошел до стены, поколебался и

повернул налево. Он хорошо знал, что в стенах всегда бывают двери. И вскоре оказался у ворот. Ворота были большие, железные. Важнее всего, однако, было то, что они оказались заперты. За воротами слышались встревоженные голоса людей, через щель пробивался яркий голубой свет.

— Здравствуйте,— сказал Урм и навалился на ворота. Ворота не поддавались. Они были заперты крепко. Где-то далеко послышался лязг металла. Там, за воротами, происходило что-то очень интересное. Урм нажал сильнее, затем отошел, запрокинул голову и с разбегу ударил в ворота бронированной грудью. Голоса за воротами смолкли, потом кто-то крикнул неуверенно:

— Назад! Эй, гляди, не стреляй в этого дьявола!

— Здравствуйте, как поживаете? — сказал Урм, разбежался и ударил снова. Ворота рухнули. Засов оказался сильнее шарниров, заделанных в бетонную стену, и ворота легли на снег плашмя, как настил. Урм прошел по ним мимо разбежавшихся милиционеров и окунулся в пургу, бушевавшую в открытом поле.

Он шагал, едва успевая восстанавливать равновесие на разрытой земле, покрытой зыбким морем сухого снега. Раз под его ногой разверзлась пустота, и он упал. Снег зашипел под ним. Он никогда раньше не падал, но уже в следующий момент уперся руками в землю, вытянул их на всю длину и поджал под себя ноги.

Поднявшись, он постоял оглядываясь. Впереди мерцали огни коттеджей. Слева, совсем рядом, маячили три человеческие фигуры, дальше — рычали машины, цепочкой двигавшиеся к воротам. Урм повернул налево. Проходя мимо людей, он поздоровался с ними и тут же узнал в одном из них Хозяина. Хозяин мог лишить его возможности двигаться. Урм отлично помнил это и пошел быстрее. Хозяин скрылся позади в вихрях крутящегося снега.

Он вышел на плоское укатанное место. Яркий свет озарил его с головы до ног. Громоздкие металлические чудовища, неся перед собой тяжелые щиты, надвинулись на него и остановились, сердито отфыркиваясь.

Урм стоял в пяти шагах от переднего бульдозера, медленно поворачивал свою круглую голову направо и налево и повторял:

— Здравствуйте, как поживаете?

Николай Петрович Королев соскочил с трактора. Водитель испуганно крикнул:

— Куда вы, товарищ инженер?

И в этот момент на шоссе появился Пискунов. Взъерошенный, с вздыбившимися волосами (шапка осталась где-то на пустыре), глубоко засунув руки в карманы распахнутой дохи, он обошел бульдозер и остановился перед Урмом. Их разделяло не больше пяти шагов. Урм громоздился над инженером, словно башня, его граненые бока блестели в свете фар, окутанный паром живот лоснился от влаги, круглая голова с большими стеклянными глазами, растопыренными ушами рецепторов и рогом локатора была похожа на страшную и смешную маску из тыквы, какими в деревнях парни пугают девчат. Голова равномерно покачивалась, глаза следили за каждым движением Пискунова.

— Урм,— громко сказал Пискунов.

Голова застыла неподвижно, суставчатые руки прильнули к туловищу.

— Урм, слушай мою команду!

Урм ответил:

— Я готов.

Кто-то нервно рассмеялся.

Пискунов шагнул вперед и положил руку в перчатке на грудь Урма. Его пальцы торопливо поползли по броне, нащупывая главное — замыкатель, соединяющий счетно-анализаторскую часть мозга Урма с системой силы и движения. И тут случилось неожиданное — неожиданное для всех, кроме Пискунова, боявшегося этого больше всего. По-видимому, в памяти Урма сохранились ассоциации, связывающие этот жест Хозяина с внезапно возникающей неспособностью двигаться. Едва пальцы Пискунова коснулись ключа, как Урм резко повернулся. Бронированная рука стремительно прошла над головой успешного пригнуться Пискунова, и Урм, не торопясь, двинулся обратно по шоссе. Николай Петрович первым пришел в себя.

— Эй, ребята! — крикнул он. — Заводите бульдозеры справа и слева! Отрежьте ему дорогу к воротам... Пискунов! Эй, Пискунов!

Но Пискунов не слушал. Пока бульдозеры расползались по обе стороны от шоссе, ныряя в снежных тучах, он побежал за Урмом.

— Стой, Урм! — кричал он высоким, срывающимся голосом. — Стой, скотина! Назад! Назад!

Он задохнулся. Урм шел все быстрее, и расстояние между ними постепенно увеличивалось. Наконец Пискунов остановился, сунул руки в карманы и, втянув голову в плечи, стал смотреть ему вслед. Николай Петрович и Рябкин подбежали к нему. Последним подошел Костенко.

— Ну куда тебя понесло? — сердито сказал Королев. Пискунов не ответил.

— Он не повинуется, — проговорил он. — Понимаешь, Коля? Не повинуется. Ясно, это спонтанный рефлекс.

Николай Петрович кивнул.

— Я тоже догадался.

— Еще бы! — воскликнул Рябкин. — С таким же успехом вы могли бы предоставить железнодорожным составам самим выбирать время и путь следования...

— Что это такое — спонтанный рефлекс? — робко спросил Костенко.

Ему не ответили.

— И все-таки, несмотря ни на что, это замечательно. — Николай Петрович высморкался, сунул платок за пазуху. — Он не повинуется! Надо же...

— Идем! — решительно сказал Пискунов.

Тем временем бульдозеры развернулись в полукольцо и стали стягиваться вокруг Урма, неторопливо шлепавшего по шоссе. Один из бульдозеров выполз на шоссе впереди него, кормой к воротам, другой нагонял его сзади, остальные три приближались с боков — два слева, один справа. Конечно, Урм давно заметил, что его окружают, но, вероятно, не придал этому значения. Он продолжал двигаться по шоссе, пока не уперся грудью в бульдозер. Он надавил, трактор чуть качнулся, водитель с напряженным лицом схватился за рычаги. Урм отошел и ударил с разбегу. Железо лязгнуло о железо, и было видно, как снежную мглу под прямым лучом фары прорезали яркие искры. В то же мгновение щит заднего бульдозера уперся в спину Урма. Урм застыл неподвижно, только голова его медленно поворачивалась вокруг оси, точно школьный глобус. Справа и слева подошли еще два бульдозера и плотно закрыли последние пути к отступлению. Урм оказался в плену.

— Товарищи инженеры! Товарищ Пискунов! Что дальше делать? — закричал водитель первой машины.

— Товарищ Пискунов вышел. Что ему передать? — сказал Урм.

Он размахнулся и ударил по щиту. Затем еще и еще. Он бил равномерно, словно боксер на тренировке, слегка отклоняясь при каждом ударе, и из-под его палицеобразных рук с лязгом сыпались снопы искр.

Пискунов в сопровождении Николая Петровича, Рябкина и Костенко поспешил к нему.

— Надо скорее что-то предпринять, иначе он покалечит себя, — встревоженно сказал Рябкин.

Пискунов молча полез на гусеницу трактора, но Рябкин схватил его и стянул обратно.

— В чем дело? — раздраженно спросил Пискунов.

Рябкин сказал:

— Ты — единственный человек, который знает Урма до тонкостей. Если он тебе вмажет... это дело может затянуться на несколько месяцев. Должен идти кто-то другой.

— Правильно, — поспешно сказал Николай Петрович. — Я пойду.

Один из рабочих, обступивших инженеров, вмешался:

— Может, кого из нас выберете? Мы помоложе, ловчее...

— Я, — хмуро сказал Костенко.

— Это не пойдет, — сказал Николай Петрович. — Пискунова не пускайте.

Он сбросил шубу и полез на трактор. Тогда Пискунов рванулся из объятий Рябкина.

— Пустите, Рябкин.

Рябкин не ответил. Костенко подошел с другой стороны и крепко взял Пискунова за плечи.

А Урм бушевал. Нижняя часть его тела была плотно зажата бульдозерами, но верхняя двигалась свободно, и он молниеносно поворачивался из стороны в сторону, наотмашь колота стальными кулаками по железным щитам. Ключья пара крутились над ним в снеговой мгле. «Живая сила удара кулака — триста кило», — вспомнил Костенко.

Николай Петрович, стиснув зубы, сидел на корточках между бульдозерами в ногах Урма и ждал подходящего момента. От лязга и грохота болели уши. Он знал, что Урм заметил его — стеклянные глаза, то и дело настороженно мерцая, обращались к нему.

— Тише, тише, — одними губами шептал Николай Петрович. — Урм, голубчик, тише! Да тише же ты, подлец!

Какой-то новый звук возник при ударах, что-то треснуло — не то стальная рука Урма, не то щит бульдозера. Медлить больше было нельзя. Николай Петрович нырнул под кулак Урма и прижался к его боку. И тут Урм снова поразил всех. Руки его упали. Грохот прекратился, снова стало слышно, как воеет пурга над полем и фыркают моторы тракторов. Николай Петрович, бледный и потный, выпрямился и протянул руки к груди Урма. Раздался сухой щелчок. Зеленые и красные огоньки на плечах Урма погасли.

— Все, — просипел Пискунов и закрыл глаза.

Люди сразу заговорили преувеличенно громко, послышались смех и шутки. Водители помогли Николаю Петро-

вичу выбраться из-под Урма и под руки свели его на землю. Пискунов обнял его и поцеловал.

— А теперь,— сказал он отрывисто,— в институт Будем работать. Понадобится — неделю, месяц... Надо выбить из него эту дурь и сделать его все-таки Урмом — Универсальной рабочей машиной.

— Так что же случилось с Урмом? — спросил Костенко.— И что такое спонтанный рефлекс?

Николай Петрович, усталый и осунувшийся после бессонной ночи, сказал:

— Видишь ли, Урм конструировался по заказу Управления межпланетных сообщений. Тем он и отличается от других самых сложных кибернетических машин, что предназначен для работы в условиях, которые не в состоянии предсказать точно даже самый гениальный программист. Например, на Венере. Кто знает, каковы там условия? Может быть, она покрыта океанами. А может быть, пустынями. Или джунглями. Послать туда людей пока невозможно — слишком опасно. Будут посланы Урмы, десятки Урмов. Но как их программировать? Все горе в том, что при нынешнем уровне кибернетики нельзя еще научить машину «мыслить» абстрактно...

— То есть?

— Для машины нет собаки вообще. Для нее есть только та, другая, третья собака. Встретив четвертую, не похожую на первых трех, машина уже не будет знать, что делать. Грубо говоря, если Урм запрограммирован на определенную реакцию только в отношении дворняги, он не сможет реагировать так же в отношении мопса. Простой пример, конечно, но полагаю, ты меня понимаешь. В этом и есть одно из основных отличий самой умной машины от самого глупого человека — неспособность оперировать абстрактными категориями. Так вот, Пискунов попытался возместить этот недостаток путем создания самопрограммирующейся машины. «Мозгу» Урма была задана рефлекторная цепь, сущность которой сводится к тому, чтобы заполнять самостоятельно пустующие ячейки памяти. Пискунов рассчитывал, что «набравшись впечатлений», Урм будет способен без помощи человека подбирать наиболее выгодные линии поведения для каждого нового случая. Это самая совершенная в мире модель сознания. Но результат получился неожиданный. То есть теоретически Пискунов допускал такое явление, однако практически. Короче говоря, новая рефлекторная дуга породила десятки вторичных, не предусмотренных программистами рефлексов

Пискунов окрестил их спонтанными рефлексами. С их появлением Урм перестал действовать по своей основной программе и начал «вести себя».

— Что же теперь делать?

— Будем идти по другому пути.— Николай Петрович потянулся и зевнул.— Будем совершенствовать анализаторские способности «мозга», рецепторную систему...

— А как же спонтанный рефлекс? Никто им не интересуется?

— Ого! Пискунов уже что-то задумал... Одним словом, первыми на неизведанных планетах и в неизведанных океанских глубинах будут все-таки Урмы. Людьюми рисковать не придется... Слушай, Костенко, давай пойдем спать, а? Будешь у нас работать и все узнаешь, даю тебе слово.

Человек из Пасифиды

I

Тридцать первого марта барон Като устроил товарищескую вечеринку. Офицеры собрались в отдельном кабинете ресторана «Тако». Сначала чинно пили подогретое сакэ и говорили о политике, о борьбе сумо* и о регби, затем, когда господин начальник отдела удалился, пожелав подчиненным хорошо провести вечер, расстегнули мундиры и заказали виски. Через полчаса стало очень шумно, воздух наполнился табачным дымом и кислым запахом маринадов. Все говорили, не слушая друг друга. Барон Като щипал официанток. Савада плясал, топчась среди низких столиков, молодежь хохотала, хлопала в ладоши и орала «доккой-са!»** . Кто-то встал и ни с того ни с сего сипло затянул императорский гимн «Кими-га ё» — его потянули за брюки и усадили на место.

В самый разгар веселья в кабинет с визгом вбежала официантка, ее преследовал рослый румяный янки в пилотке набекрень. Это был известный дебошир и весельчак Джерри — адъютант и личный переводчик командующего базой ВМС США «Шарк». Джерри обвел озадаченных таким нахальством японцев пьяными глазами и гаркнул:

— Здорово, джапы!

Тогда капитан Исида, не вставая, схватил его за ногу и сильно дернул к себе. Джерри как подкошенный обрушился прямо на блюда с закусками, а барон Като с наслаждением ударил его по глазам эфесом кортика. Американца, избитого и облепленного маринованной редькой, вышвырнули обратно в общий зал.

Контрдемарша против ожидания не последовало — вероятно, на этот раз Джерри развлекался без компании. Офицеры отложили кортики и пустые бутылки, выпили еще по чарке виски и стали расходиться. Капитан Исида возвращался с бароном Като. Барон покачивался, тарашил глаза на яркую весеннюю луну и молчал. Только у дверей дома Исиды он вдруг запел шатающимся голосом.

* Национальная японская борьба.

** Ритмичный напев (нечто вроде русского «тра-ля-ля!»).

Исида сочувственно похлопал его по плечу и отправился спать. Под утро ему приснился сон. Он видел этот сон уже несколько раз. Он снова «кайгун тайи», капитан-лейтенант императорского флота, и стоит в боевой рубке эсминца «Миками». Вокруг расстилается черное в багровом свете заката Коралловое море, а навстречу из призрачной мглы стремительно надвигаются три американских торпедоносца. Он уже различает азартные лица пилотов и тусклые отблески на боках торпед. «Огонь! Огонь!» — кричит он. Торпедоносцы растут, их крылья закрывают все небо. Ослепительная вспышка, удар — и он с замирающим сердцем летит куда-то в пустоту...

— Проснись же, Исида! — сердито сказал барон Като.

Исида перевернулся на спину и открыл глаза. В комнате было душно. Яркое утреннее солнце проникало сквозь щели бамбуковой шторы. У изголовья сидел на корточках барон Като, жилистый, широкоплечий, с темной щеткой усов под вздернутым носом.

— Проснулся?

— Почти.— Исида потянулся за часами.— Семь часов. Почему такая спешка?

— Живо одевайся, поедем. Расскажу по дороге.

Исида не стал больше спрашивать. Через пять минут они сбежали по лестнице в прихожую, быстро обулись и выскочили во двор. У ворот стоял новенький штабной «джип». Мальчишка-шофер в каскетке с желтым якорем над козырьком включил зажигание и вопросительно оглянулся на офицеров.

— В Гонюдо, — коротко распорядился барон.

Исида откинулся на спинку сиденья.

— Где это — Гонюдо? — спросил он.

— Курортное местечко на побережье. В трех милях от Аодзи.

«Джип» миновал бетонные, поросшие травой стены арсенала на окраине города и понесся по прямому, мокрому от росы шоссе. Справа между холмами синело море. Исида жадно глотал свежий ветер.

— Так вот, — сказал барон Като, — кинокомпания «Ямато-фируму» снимает видовую картину «Пейзажи Японии». Вчера вечером в Гонюдо прибыли их кинооператоры.

— Выгнать, — сказал Исида. Он не любил видовых фильмов. Кроме того, его слегка мутило.

— Они получили разрешение от губернатора...

— Все равно выгнать.

— Погоди. Разрешение на съемки от японских властей

у них есть. Но тут вмешались американцы. Они объявили, что не допустят возни с киноаппаратами вблизи военной базы.

— Ах вот как? — Исида снял фуражку и расстегнул воротник мундира. — Значит, вмешались американцы?

Барон Като кивнул.

— Вот именно. И какка* приказал мне и тебе отправиться туда и уладить дело.

— Гм... А при чем здесь мы? То есть очень приятно лишний раз натянуть нос амэ, но какое отношение имеет штаб военно-морского района к «Ямато-фируму»?

— Приказ есть приказ, — неопределенно сказал барон. Он покосился на шофера и нагнулся к уху Исиды. — За разрешение производить съемки в окрестностях оборонных объектов «Ямато-фируму» заплатила префектуре кругленькую сумму. И, говорят, кое-что перепало господину начальнику штаба нашего района. Ведь окрестности Аодзи — одно из самых красивых мест в Японии.

— Ах вот как! — Капитан Исида снова надел фуражку, опустил ремешок под подбородок и задремал.

Шоссе проходило по насыпи в полукилometре от берега. Был отлив. Море отступило, обнажив широкую полосу песчаного дна. Блестели на солнце лужи и заводи. По мелководью, высоко подоткнув полы разноцветных кимоно, бродили женщины и дети с граблями и совками — они собирали съедобные ракушки. Барон Като достал из-под сиденья полевой бинокль и попытался получше рассмотреть голые ноги молоденьких девушек. Но «джип» трясло, и барон увидел только прыгающие пестрые пятна. Он разочарованно опустил бинокль. В эту минуту шофер оглянулся и сказал:

— Гонюдо, господин барон.

Исида зашевелился, протер глаза кулаками и сладко, с прискуливанием зевнул.

Они миновали нарядные домики, утопающие в зелени и цветах, и выехали на пляж, где у светло-голубого павильона беспокойно колыхалась большая толпа скудно одетых курортников. Скандал, по-видимому, достиг уже критической точки. Любопытные наседали друг на друга, подпрыгивали, стараясь заглянуть через головы. Барон и Исида на ходу выскочили из «джипа» и остановились, прислушиваясь. Из недр толпы доносились яростные возгласы на японском и английском языках:

* Его превосходительство (яп.).

- Да поймите же вы...
- Я вас вышвырну отсюда со всеми вашими...
- Keep quiet, lieutenant, do keep quiet, for Lord's sake!*
- У нас есть разрешение от самого губернатора!
- А я вам говорю — убирайтесь!
- Keep quiet...
- Это Джерри, — сказал Исида.

Барон ухмыльнулся.

— Ничего. Он был пьян как свинья. К тому же амэ и в трезвом виде не способны отличить одного японца от другого. Пойдем.

Он врзался в толпу, бесцеремонно отодвигая плечом мужчин, обходительно похлопывая женщин по голым спинам. Исида вперевалку двигался вслед за ним, строго поглядывая по сторонам. К нему круто повернулся молодой человек в темных очках, которого барон грубо толкнул локтем в бок.

— Я и раньше не питал симпатий к господам военным... — Темные очки молодого человека негодуяще блеснули. Исида старательно наступил на его босую ногу.

— Виноват, — вежливо сказал он.

Лицо в темных очках сморщилось, молодой человек тихонько взвыл и отшатнулся. Протиснувшись через толпу взволнованных девиц, барон Като и Исида вступили в круг.

В центре круга, словно петухи перед схваткой, стояли лицом к лицу маленький толстяк в белом, с наголо обритой, лоснящейся от пота головой и доблестный Джерри. Толстяк, подпрыгивая, брызгал слюной и потрясал какой-то бумагой. Джерри угрожающе нависал над ним, выпятив англо-саксонскую челюсть. Его левый глаз стыдливо прятался под огромным лиловым синяком, зато правый так и пылал сквозь упавшую на него прядь прямых волос. Рядом с Джерри, хватая его за плечо, суетился чин ВМС США с золотой «капустой» на фуражке.

— Do keep quiet, Jerry! — стонал он.

Позади толстяка теснились рослые, мускулистые парни, обвешанные неуклюжими футлярами. Позади Джерри и чина ВМС, прочно уперев в песок тяжелые башмаки с гамашами, неподвижно стояли двое сержантов военной полиции. Их кулаки в белых перчатках медленно сжимались и разжимались. В стороне беспорядочной грудой валялись треноги и громоздкие аппараты.

* Спокойно, лейтенант, ради бога, спокойно! (англ.)

— Мы имеем право снимать, и мы будем снимать!
У меня разрешение губернатора!

— Нет, вы не будете снимать, будьте вы прокляты!

— Do keep quiet, lieutenant...

Барон Като и капитан Исида переглянулись, расправили плечи и с каменными лицами двинулись вперед. Они остановились между толстяком и Джерри, четко повернулись к американцам и одновременно отдали честь.

— Капитан третьего ранга барон Като, офицер отдела координации штаба Н-ского военно-морского района.

— Капитан-лейтенант Исида, офицер отдела координации штаба Н-ского военно-морского района.

На минуту воцарилось молчание. Джерри растерянно переводил глаза с одного на другого и облизывал пересохшие губы. Первым опомнился чин ВМС США. С трудом подбирая слова, он сказал по-японски:

— Э-э... капитан третьего ранга Колдуэлл. Э-э... Здравствуйте.

— Лейтенант Смитсон, адъютант командующего базой «Шарк», — буркнул Джерри. — Чем можем служить?

Барон Като выпятил грудь.

— Его превосходительство господин командующий Н-ским военно-морским районом передает господам американским офицерам уверения в своем доброжелательном к ним отношении и выражает глубокое сожаление по поводу имеющего здесь место недоразумения между господами американскими офицерами и съемочной группой кинокомпании «Ямато-фируму». Он изволит опасаться, что господам американским офицерам...

Вот что значит настоящий аристократ! Как он говорит, какое красноречие! Исида слушал и испытывал чувство гордости и легкой зависти. Но на личного переводчика командующего базы затейливые периоды, избилующие непонятными ему словами и целыми фразами и оборотами из лексикона официальной переписки, произвели совсем другое впечатление. Едва барон замолк и снова отдал честь, Джерри, трясаясь от негодования, рявкнул:

— Говорите коротко, что вам здесь надо?

— Э-э... — затянул капитан третьего ранга.

Барон презрительно сказал:

— Мог бы быть и повежливее, сопляк...

Это был высокопробный жаргон осакских притонов, и Джерри опять не понял. В толпе послышались смешки. Джерри побагровел.

— Говорите, пожалуйста, медленнее.

Хохот усилился. Толстяк позади Исида трясся и кашлял от смеха.

— Мы прибыли сюда, — сказал Като, тщательно выговаривая каждый слог и невозмутимо глядя на Джерри, — чтобы помочь вам уладить это недоразумение.

— Да, да, пожалуйста, — обрадованно воскликнул капитан третьего ранга, — военная база... киноаппараты.. нельзя. Пожалуйста.

Барон Като повернулся к толстяку, и тот сразу перестал смеяться.

— Вы руководитель съемочной группы?

— Да. Моя фамилия — Хотта. Дзюкити Хотта.

— У вас есть разрешение губернатора?

— Да. Вот, пожалуйста.

Барон взял бумагу, пробежал ее и вернул толстяку

— Все в порядке. Можете снимать.

— Виноват...

— Можете снимать. Я разрешаю вам снимать, понятно?

— Иди и снимай, болван. Убирайся! — прошипел Исида.

Толстяк, кланяясь и пятась, ретировался к своим парням с футлярами, а Джерри шагнул вперед и схватил Като за плечо.

— Что вы сказали ему? — грубо спросил он.

Като осторожно освободился.

— Позволю себе заметить, что вы, господин лейтенант, обращаетесь к старшему по чину, и покорнейше прошу впредь не забываться.

— Что вы сказали ему? — повторил Джерри.

— Я разрешил ему начать съемки.

— Impossible!* — ахнул капитан третьего ранга.

— Наоборот, весьма поссибуру, — ответил по-английски Като. — Позволю себе обратить ваше внимание, господа американские офицеры, на то, что Гонюдо находится за пределами территории базы «Шарк» и в пределах Н-ского морского округа. Здесь распоряжаются их превосходительства господин командующий, представителями которого мы имеем честь в данном случае быть, и господин губернатор.

— Но... но... военная база... все видно... Impossible! Jerry, tell'm 'tis impossible!**

* Невозможно! (англ.)

** Невозможно! Джерри, скажи им, что это невозможно! (англ.)

Капитан третьего ранга Колдуэлл горячо заговорил по-английски. Джерри, красный, как вареный лангуст, кивнул и снова обратился к барону:

— Отсюда просматривается вся береговая линия и все пирсы нашей базы. Мы не можем позволить, чтобы это попало на пленку вашей проклятой компании!

Барон молча развел руками.

— Мы протестуем против ваших действий,— сказал Джерри.

Барон пожал плечами, как европеец.

— Мы вызовем военную полицию...

— Позволю себе заметить, господин лейтенант, что подобные угрозы не к лицу офицеру военно-морских сил союзной державы.

Между тем толпа поредела. Солнце припекало не на шутку. Курортники, справедливо полагая, что инцидент исчерпан, один за другим отходили и устремлялись к шезлонгам и цветастым зонтам, разбросанным по пляжу. Кинооператоры хлопотали у двух треног; вокруг них бегал, обливаясь потом, толстый Хотта. Полицейские сержанты с ненавистью поглядывали на них, но не трогались с места. Капитан Колдуэлл беспомощно переступал с ноги на ногу. Барон, косясь в сторону красивой полной южанки, раскинувшейся на песке неподалеку, сказал:

— В сущности, это только вопрос принципа, господин лейтенант. Отсюда до ваших пирсов не меньше двух миль. Что может попасть на пленку на таком расстоянии?

— Мы будем жаловаться вашему правительству,— мрачно заявил Джерри,— и добьемся изъятия этой пленки.

Исида зевнул. Он вспомнил, что еще не завтракал, и оглянулся, шаря глазами по вывескам на павильонах. И в этот момент со стороны моря донесся странный хриплый звук, похожий на вой сирены. В километре от берега, у самой линии отлива блеснуло оранжевое пламя. Плотный рыжий столб морского песка и пара взлетел над водой, на секунду застыл неподвижно и стал медленно оседать. Грозовой удар потряс воздух.

II

Туча песка и водяной пыли, поднятая неожиданным взрывом, рассеялась, и все взгляды обратились к небу. Небо было бездонно синим и совершенно пустым.

— What's that? — осипшим голосом осведомился капитан третьего ранга.

Джерри потерял нижнюю губу.

— Dupno... Hope 'tis not a war**.

Он подозрительно посмотрел на Като и Исиду.

— И что, часто здесь, в Гонюдо, бывают такие фейерверки?

— Бывают... — неопределенно сказал Като. — Нам пора.

Он отошел к «джипу» и поставил ногу на подножку. Красивая южанка поднялась, торопливо натягивая шелковый халат.

— Это... опасно? — спросила она встревоженно.

— Нисколько, сестрица, — галантно ответил барон. — Просто нам пора. Исида!

Пляж пришел в движение. Курортники взволнованно переглядывались, размахивали руками и строили предположения.

— Какая-нибудь старая мина...

— При отливе? Хотя, может быть...

— Чепуха! Просто шальной снаряд с полигона.

— В этом районе нет полигонов.

— Нет есть!

— Кажется, в Японии уже не найти места, где бы не было полигонов.

Кто-то уверял, что за несколько секунд до взрыва видел высоко в небе движущийся предмет, весьма напоминающий «соратобу-сара» — «летающее блюдце».

— Вы думаете, это русские?

— Война!..

Исида сплунул, презрительно скривив губы.

— До свидания, — сказал он американцам.

— До свидания, — скорбно откликнулся капитан третьего ранга.

Исида в последний раз полюбовался заплывшим глазом Джерри, отдал честь и направился к «джипу».

— Это твоя работа? — спросил он, усаживаясь.

— Что? Ах, Джерри... Нет. По-моему, это Савада: у него железный кулак...

Барон ткнул шофера в спину согнутым пальцем и уже открыл было рот, чтобы что-то сказать, как вдруг раздался громкий пронзительный крик:

— Смотрите! Там человек!..

* Что это? (англ.)

** Не знаю... Надеюсь — не война (англ.).

Лысый Хотта, приплясывая от возбуждения, махал рукой в сторону моря.

— Там человек! Как раз там, где взорвалось!

Все, кто был на пляже, увидели за желтой полосой обнаженного дна, на фоне светло-синего мелководья отчетливый силуэт, похожий на веселую игрушку «дарума» — японского ваньку-встаньку.

— Человек!

— Его оглушило, он не может подняться!..

— Бедняга!..

Красавица южанка сердито воскликнула:

— Мужчины, что же вы стоите?!

Кинооператоры, сбросив брюки и рубашки, решительно двинулись на помощь потерпевшему. За ними последовало несколько курортников. Барон Като, посвистывая сквозь зубы, взял бинокль.

— Вот оно что... — пробормотал он, вглядываясь. — Странно!..

Капитан Исида знал Като около пятнадцати лет, и ни разу за это время барон не подал повода заподозрить себя в гуманности и человеколюбии. Поэтому капитан удивился, когда Като, внимательно рассмотрев черный силуэт идиота, валявшегося в подводной воронке, внезапно отбросил бинокль и принялся расшнуровывать ботинки. Исида спросил:

— Туда?

— Раздевайся, — приказал барон вместо ответа.

— Однако...

— Скорее, Исида, иначе мы опоздаем!

Исида молча повиновался. Поддернув трусы, они соскочили с машины, пробежали мимо американцев, проводивших их насмешливыми замечаниями, и пустились вдогонку за кинооператорами. Песок был сырой и плотный, бежать было легко. Они обогнули две или три небольшие, неглубокие лужи, перепрыгнули через торчащие из воды камни и вскоре опередили одного из курортников. Исида рассмеялся: это был тот самый молодой человек в темных очках. Молодой человек слегка прихрамывал.

— Скорей, скорей! — торопил Като.

Исида бежал за ним, строго соблюдая интервал в два шага, как рекрут на занятиях по гимнастике. «Вассё, вассё!.. Раз-два, раз-два!.. Вассё, вассё!..» Перед его глазами равномерно, в такт прыжкам дергалась смуглая мускулистая спина барона. На левой лопатке красовалась красно-синяя хоримонотатуировка, изображающая хризантему. «Вассё, вассё!..» Под ногами заплескалась вода. Не-

ожиданно Като остановился, и Исида чуть не налетел на него. Като торжественно сказал:

— Вы арестованы, потрудитесь встать!

С трудом переведя дух, Исида вышел из-за спины барона. Что-то холодное и скользкое коснулось его колен. Это был маленький осьминог, видимо выброшенный взрывом. Бурый бесформенный комок щупалец судорожно сокращался, покачиваясь на волне. Исида выругался сквозь зубы, отшвырнул его в сторону и поднял глаза. Шагах в двадцати над поверхностью воды возвышались блестящие черные плечи, грудь и голова Железного Человека.

Исида всегда был немного суеверен; и когда из кучки кинооператоров и курортников, топтавшихся рядом, донеслось слово «каппа»*, он в испуге отступил назад, оступился и чуть не упал. Впрочем, он сразу вспомнил, что каппа народных сказок обитают только в прудах и болотах. Кроме того, его успокоил вид армейского двенадцатизарядного кольта, неизвестно откуда появившегося в вытянутой руке барона.

Люди с опасливым удивлением смотрели на Железного Человека, а Железный Человек неподвижно глядел на них громадными выпуклыми глазами, торчащими по бокам головы. Искры солнечного света дрожали на его чешуйчатой коже цвета вороненой стали. Шеи у него не было, и теперь стало понятно, почему издали он показался похожим на «дарума».

— Вы арестованы,— повторил барон.— Вставайте и не пытайтесь сопротивляться, иначе я буду стрелять.

Исида облегченно засмеялся. Разумеется, это всегонавсего шпион в водолазном костюме. Офицеры морской обороны барон Като и Исида схватили шпиона иностранной державы! Молодчина, Като!..

— Встать, мерзавец! — крикнул он.

Железный Человек не пошевелился. Исида щелкнул языком.

— Может быть, он без сознания... или сдох?

— Сейчас проверим.

Позади послышался плеск воды. Исида оглянулся. К ним подбегал молодой человек в темных очках.

— По... погодите... немного... — произнес молодой человек, задыхаясь.— Не... не стреляйте.

— Не лезьте не в свое дело,— любезно сказал

* Японский водяной.

Исида, — и не хватайте господина офицера за руку, а не то получите по морде.

— Он просто... не понимает... вас!

— ТА КХАЙ ГА ЦХУНГА, — сказал Железный Человек.

Все замерли. Барон переложил пистолет в левую руку.

— Заговорил!

Железный Человек безжизненным голосом выбрасывал глухие гортанные звуки. Он по-прежнему не шевелился, но глаза его медленно налились желтым светом, едва заметным на солнце, и вновь погасли. На лице молодого человека в темных очках изобразилось изумление.

— Послушайте, — прошептал он, — да ведь это...

Барон подозрительно уставился на него.

— В чем дело?

— Он говорит, что очень недоволен, — молодой человек поднял палец. — Он говорит по-тангутски!*

— По... Как?

— По-тангутски! На тангутском языке! Необыкновенно!..

— Откуда вы знаете?

— Откуда я знаю! Я аспирант филологического отделения Киотского университета, и тангутский язык — моя специальность. Я — Эйкити Каваи!

Ни на кого из присутствующих это имя не произвело заметного впечатления, но барон Като попросил:

— Узнайте, пожалуйста, кто он такой.

— Сейчас, — с готовностью сказал Эйкити Каваи. Он подумал и отдельно произнес, вытянув шею к Железному Человеку: — Цха гхо та на!

— Кха го га тангна, — ответил Железный Человек.

Каваи снял очки, озадаченно поглядел на чешуйчатую тушу, затем перевел взгляд на барона.

— Он говорит, что прибыл от Нижнего Человечества. Боюсь ошибиться, но мне кажется, что он имеет в виду океанское дно.

— И мы не взяли с собой киноаппарата! — в отчаянии воскликнул один из операторов.

Другой из всех сил кинулся обратно к пляжу. Никто не обратил на это внимания.

* Тангуты — кочевой народ, населяющий плоскогорья Тибета. Авторы никоим образом не рискнут поручиться за грамматическую и фонетическую правильность приводимых здесь тангутских фраз. Предлагаемый рассказ пришел к ним (авторам) издалика и при передаче, надо думать, пострадал особенно сильно именно в этой части.

— Значит, прибыл с океанского дна,— сказал Като.— А он не врет?

— Откуда он знает го-тангутски? — несмело произнес низенький волосатый курортник.

— Погодите, может быть, я не совсем правильно его понял. Спросим еще раз.

Кавай обменялся с Железным Человеком несколькими фразами. Исида с интересом следил, как вспыхивают и гаснут желтые огоньки в выпуклых, как у рыб-телескопов, глазах чудовища.

— Ничего не скажешь,— проговорил наконец Кавай, разводя руками. В голосе у него было смущение, словно Железный Человек совершил бестактность,— с океанского дна, со дна Большого Восточного моря... Так у тангутов называется Тихий океан. Никакой ошибки.

Барон сунул пистолет под мышку и кусал ноготь.

— Начинается прилив,— напомнил Исида.

— Да, да... Послушайте, Кавай-сан, попросите его подняться и следовать за нами. На берегу можно будет поговорить в более удобной обстановке.

— Он говорит,— перевел через минуту Кавай,— что ему трудно ходить. Здесь он весит много больше, чем у себя на Тангна... на родине.

— Мы ему поможем,— с легким сердцем пообещал барон,— за этим дело не станет.

Он повернулся к кинооператорам:

— Вы здоровые ребята, возьмитесь-ка за это дело.

Те поспешно, хотя и не очень охотно приблизились к Железному Человеку. Загорелый парень в черных фундоси* осторожно притронулся к его плечу.

— А-ац!

Исида даже подпрыгнул от неожиданности. Парень в черных фундоси взвыл, опрокинулся на спину и скрылся под водой, задрал ноги. Через мгновение он вынырнул, отплевываясь и ругаясь.

— Черт! Вот черт!.. Он бьет электричеством, как динамо-машина!

Кинооператоры немедленно отошли на исходные рубежи.

— Каков на ощупь? — наивно осведомился низенький волосатый курортник.

— Пощупайте сами,— посоветовал пострадавший, вытирая лицо дрожащей ладонью.

* Род набедренной повязки, предмет национальной японской одежды.

— Скажите ему, чтобы он выключил это свое электричество,— предложил Исида.

Каваи махнул рукой.

— Я не знаю, как это сказать по-тангутски. Тангуты понятия не имели о таких вещах.

— Но ведь надо же что-то делать?

Вода прибывала. Она доходила уже до пояса. Плечи Железного Человека скрылись под водой, и над поверхностью возвышалась только черная чешуйчатая голова, похожая на перевернутый котелок. Все посмотрели на барона. Барон Като думал.

— Может быть, сбегать за веревкой? — нетерпеливо сказал Исида.

Но Железный Человек обошелся без посторонней помощи. Когда его стеклянные глаза лизнула первая волна, он наклонился и начал подниматься. Видно было, что это стоит ему немалых усилий. Вот над водой вновь появились плечи, затем покатаая, заостренная книзу грудь и, наконец, раздутый живот и тяжелые, как бревна, ноги. Железный Человек был гораздо выше нормального человеческого роста. Он постоял, слегка покачиваясь, сделал два неуверенных шага, качнулся сильнее, неуклюже замахал трехпальными руками, но удержался и не упал.

— Ну вперед, вперед,— ласково сказал барон Като.

Каваи срывающимся фальцетом выкрикнул короткую фразу, и Железный Человек медленно двинулся к берегу мимо пораженных людей.

В эту минуту Исида впервые в жизни испытал странное чувство: ощущение реальности окружающего мира померкло, все стало зыбким, фантастическим, как во сне. Яркое голубое небо, теплое темно-синее море, бело-желтая полоса пляжа, вдали знакомые очертания Аодзи, затянутые белесой дымкой. А рядом громадная, нелепая фигура, грузно шагающая на прямых, негнущихся ногах, лязгающая металлом при каждом движении...

III

Гостя из океанских глубин встречало все население Гонюдо.

Сотни раздетых, полуодетых и почти одетых курортников и местных жителей толпились на берегу. Хотта и один из операторов целились объективами. Откуда-то появились полицейские в светлых мундирах. Они деловито покрикивали, осаживая и удерживая, награждая наиболее нетерпеливых толчками в область живота и груди, как это

предписывает инструкция. Тощий курортник с серой кожей наркомана упал, на него сейчас же наступили, он громко запротестовал.

— Ти-ше! — заорал кто-то. — Железный Человек ступил на берег Японии!

Несколько минут длилось неловкое молчание, тускло освещенное робкими улыбками. Никто не представлял себе, что можно ожидать от такого гостя, как нужно отнестись к нему и как вообще следует поступать в подобных случаях. Поэтому люди просто глазели. Стрекотали киноаппараты. Парень в черных фундоси гордо объявил: «Он ударил меня током!» — и запрыгал на одной ноге, вытряхивая воду из уха. Барон Като исподлобья поглядывал на американцев, стоящих в первых рядах. Капитан третьего ранга стоял, отвесив нижнюю губу. Джерри курил сигарету, часто затягиваясь и сплевывая.

Наконец Каваи кашлянул и выступил вперед.

— Друзья мои! — сказал он. — Этот... кхе... господин прибыл, как вы уже, наверное, знаете, кхе... со дна океана. Вот. Я думаю... кхе, кхе... мы рады его приветствовать на земле. Да?

В толпе недружно крикнули «банзай!». Железный Человек молчал, уставившись перед собой стеклянными глазами, и тихонько покачивался.

— Это он взорвался? — спросил курортник-наркоман.

— По всей видимости, он, — тоном величайшего сожаления ответил Каваи.

— Так недолго и людей покалечить, — сердито пробормотал курортник-наркоман.

Каваи сокрушенно вздохнул.

— Что это на нем надето? — не выдержал один из полицейских.

— Одну минуточку! — Через толпу проталкивался массивный человек средних лет, с жирным, обрюзгшим лицом.

— Простите, пожалуйста, за бесцеремонность, — сказал он, — я корреспондент «Токио-симбун». Мне сказали, что это — господин из океана, что он говорит по-тангутски и что уже нашелся переводчик...

— Эйкити Каваи к вашим услугам.

— Так вот, я хотел бы задать господину несколько вопросов. Вы не возражаете?

Исида недоумевал, почему барон не пошлет всех к чертовой матери и не увезет Железного Человека к себе, чтобы там без лишних свидетелей выяснить, нельзя ли

извлечь из этого забавного приключения какую-нибудь пользу. Но Като сказал:

— Нет, мы не возражаем.

— Благодарю,— корреспондент бросил изумленный взгляд на барона, стоявшего поодаль с пистолетом под мышкой,— благодарю вас. Господин Каваи, спросите господина из океана, какова цель его прибытия на сушу

Каваи повернулся к Железному Человеку, но тот вдруг глухо пробормотал что-то.

— Он утомлен,— перевел Каваи,— и, если не ошибаюсь, ранен.

— Какая жалость! Но все-таки спросите его, умоляю вас!

Каваи обменялся с Железным Человеком несколькими фразами.

— Он прибыл сюда для горговли.

Толпа сдержанно загудела.

— Он говорит, что его раса... кхе... решила завязать сношения с Верхним Человечеством, то есть с нами. Он предлагает торговать. Да... кхунгу... кхе.. да, торговать...

— Он будет торговать рыбой? — крикнули в толпе.

— Нижнее Человечество будет торговать алмазами!..

— Ого!

— ...и жемчугом!

Корреспондент быстро записывал. Курортники прорвали редкую цепочку полицейских и придвинулись к Железному Человеку вплотную. Хотта и его операторы неистовствовали.

— Откуда у них алмазы?

— Господин переводчик!

— Что они требуют взамен?..

— Господин переводчик!..

— Ой! Разорвете купальник! Да не вы, а вы...

— Господин переводчи-ик!..

— Выяснилось, что Нижнему Человечеству необходимы... кхе... тяжелые металлы, тяжелее золота... Нет, свинец не нужен... Почему? Потому что это... кхе... да, он так и говорит, потому что это конечное вещество, а им нужны меняющиеся тяжелые металлы. Что он имеет в виду? Не знаю. Не знаю, господа. Возможно, радиоактивные... Кроме того, Нижнее Человечество готово поделиться с Верхним Человечеством своими техническими достижениями. Что касается алмазов и жемчуга — эти драгоценности... кхе... в изобилии водятся там, на дне... Да, им уже давно известна ценность алмазов и жемчуга.

— Друзья мои, будьте благоразумны! Не толкайтесь!
— Господин переводчик!.. О господи!..

Кто-то неосторожно уперся рукой в бедро Железного Человека, взвизгнул и бросился назад. Толпа отхлынула.

— Ну можно ли так! Господин Снизу... господин из океана смертельно устал и хочет отдохнуть. Ему плохо!..

— Еще один вопрос! — просительно возопил корреспондент «Токио-симбун».

Исида вопросительно посмотрел на Като. Тот едва заметно покачал головой.

— Слушайте, — сказал Исида, — вам лучше уйти.

— Да, да... — торопливо подхватил Каваи. — Вам лучше уйти, знаете ли...

— Но...

— Идите, идите, — сказал Исида, легонько подталкивая представителя шестой державы к толпе.

Корреспондент возмутился.

— Не трогайте меня! — крикнул он. — В конце концов, почему именно вы монополизировали право общения с гостем всей Японии?!

Тогда Железный Человек слегка нагнулся и протянул к самому лицу корреспондента чешуйчатые влажные ладони. Все замерли, полицейские смущенно переглянулись. Между ладонями с громким треском проскочила фиолетовая искра. Секунду корреспондент, страшно скосив глаза, смотрел на толстые трехпалые руки, затем отскочил в сторону и с оскорбленным видом удалился.

— Хора, слушайте! — крикнул Исида. — Прошу дать дорогу!

Полицейские расчистили в толпе узкий коридор, который, впрочем, значительно расширился, когда Железный Человек, звякая и гремя, двинулся вслед за бароном Като и Каваи. Капитан Исида замыкал шествие. Когда они подошли к «джипу», барон Като приказал шоферу раздобыть несколько пар резиновых ластов. На пляже оказалось много аквалангистов, и ласты были получены через минуту. Напялив их на руки, Исида, шофер, Каваи и двое операторов осторожно посадили Железного Человека в «джип». Като осуществлял общее руководство. Железный Человек с лязгом обрушился на сиденье и остался полулежать в крайне неудобной позе — с ногами, торчащими из машины на метр.

— Едем? — спросил Исида, отирая пот со лба.

Като кивнул.

— Только сначала приведем себя в порядок.

Они стыдливо зашли за радиатор и принялись одеваться. Шофер стоял рядом, почтительно держа на вытянутых руках ремни и мундиры.

— Одну минуту,— раздался рядом вкрадчивый голос.

Они обернулись. Это был Джерри; из-под его локтя выглядывал капитан третьего ранга.

— Да? — сказал барон Като.

— Скажите, это действительно человек с океанского дна?

— Полагаю, да. Во всяком случае, чертовски похож.

— Куда вы его везете?

— В Аодзи. Ко мне на квартиру.

— Гм... А почему он взорвался?

— У него что-то лопнуло в его корабле,— небрежно сказал барон,— мы там исцарапали ноги об обломки.

Исида быстро огляделся. Каваи и операторы, окруженные любопытными, стояли возле Железного Человека и о чем-то оживленно разговаривали.

— Зачем он вам нужен? — спросил Джерри.

— Станный вопрос...

— А все-таки?

Барон Като затянул ремень, взял у шофера кольт и сунул в кобуру.

— Вы же слышали,— процедил он сквозь зубы.— Нижние Люди готовы поделиться с нами своими техническими достижениями. Мне кажется, они должны понимать кое-что в подводных лодках...

— С кем это «с нами»?

— С нами, с японцами.

— Вы не имеете права,— неуверенно сказал Джерри.

— А вы?

Тут капитан третьего ранга разразился пространной речью по-английски и закончил ее японским «пожалуйста». Джерри хмуро глядел под ноги, разрывая песок носком ботинка.

— Хорошо,— сказал вдруг барон.— Исида, пойди и отгони от машины этих дураков. И операторов тоже. Оставь только Каваи.

Исида нахлобучил фуражку и неуверенно посмотрел на Като.

— Иди, иди,— кивнул барон,— не беспокойся.

И Исида пошел.

Когда через четверть часа он вернулся, потный и воинственный после переговоров с толпой, Джерри, капитан третьего ранга и двое сержантов военной полиции выгружали Железного Человека из «джипа». Каваи растерянно

бегал вокруг них, сам Железный Человек слабо сопротивлялся и выкрикивал короткие гортанные слова. Работа спорилась.

— Куда это его? — удивленно спросил Исида.

— У нас нет места в машине. Пусть везут его на своем «додже» в управление базы. В конце концов, ведь мы союзники... — Барон Като мельком взглянул на какую-то сиреневую бумажку, которую держал в руке, сунул ее в карман и выплюнул окурочек сигареты.

— Поедем, — сказал он. — Хорошо бы успеть до обеденного перерыва.

IV

Около двух часов ночи с третьего на четвертое апреля адъютант и личный переводчик командующего базой «Шарк» сидел в своей комнате на Симбаите и сочинял отчет. Литературный труд не входил в число любимых занятий лейтенанта Смитсона. Он писал, перечеркивал, вполголоса ругался и то и дело вдохновлялся из плоской прямоугольной бутылки «Уайт Хорс». Он путался в бесконечных «который», «каковой», «последний», мусолил зажим «вечной ручки» и таращил глаза в черную ночь за окном, где над плоской крышей здания управления базы поднимался кровавый огрызок ущербной луны.

Лейтенант Смитсон, Джерри, парень из Алабамы, еще немного терпения, и ты станешь большим человеком! Самое главное, составить отчет таким образом, чтобы сразу было видно, чего ты стоишь! Чертовски трудная задача все-таки. Итак... «Благодаря решительности и находчивости в трудных условиях начавшегося прилива, при участии и посильной помощи оказавшихся на месте происшествия двух чинов японских сил морской обороны...» Про Колдуэлла упоминать не стоит — этот мямля ничем не помог. Вот без японских чинов не обойдешься: их расписка на пять тысяч долларов подшита к делу. Джерри хихикнул. Он выдал этим господам чек на пять тысяч, а на его банковском счету было всего две. Командующий базы в тот же день возместил Джерри целиком все пять тысяч. Джапам придется помалкивать — дело, хе-хе, деликатное... Так. «Общение с Железным Человеком облегчалось тем, что последний говорит по-тангутски». Кто эти тангуты? Какие-нибудь допотопные джапы, должно быть. «Переводчиком служил аспирант филологического факультета Киотоского университета Эйкити Каван, специа-

лист по тангутскому языку...» Это пришлось проверить. Каваи действительно оказался аспирантом и т. д., уволенным в прошлом году по не зависящим от него обстоятельствам (в последнее время перебивался репетиторством в богатых семьях). «Железный Человек был доставлен в расположение базы «Шарк» и помещен в здании управления базы, где с ним регулярно проводятся беседы, имеющие целью выяснить, в какой мере общение и связь с подводным миром может оказаться полезной для ВМС США».

Джерри сам вел эти беседы. Откровенно говоря, толку от них было прискорбно мало. Железный Человек оказался существом чертовски необщительным и тяжелым на подъем. Он вонял и непрерывно ныл, что ему плохо, и что у него что-то не в порядке с аппаратурой, и что он торчит здесь, на Верхней Земле, уже бог знает сколько, основные вопросы еще не решены, и что его ждут, и что вообще все они, Верхние Люди, порядочная сволочь. Он наотрез отказался беседовать с профессорами Окубо и Яманиси, знавшими тангутский язык и специально приехавшими из Токио. Он сказал им, что они «кха-кханги», после чего они зарделись и с бешеной вежливостью попросили разрешения покинуть базу. Каваи казался после этого очень довольным: парень здорово боялся конкуренции и из кожи вон лез, чтобы всем угодить — и Железному Человеку, и Джерри, и сержанту охраны. Железный Человек относился к нему тоже неплохо и однажды даже отключил ток и позволил к себе прикоснуться. Каваи сделал это с интересом, а Джерри — по долгу службы. Железный Человек оказался на ощупь именно тем, чем казался на вид, — Железным Человеком. Джерри потом долго мыл руки и ругался. Это был единственный случай, когда Железный Человек позволил к себе прикоснуться. В дальнейшем он бил любого и всякого током, а одного хитроумного лейтенанта-техника, облекшегося в резиновые рукавицы, он так схватил за бока, что хитроумный лейтенант отлеживался целый час.

Джерри прекрасно понимал, что как переводчик Каваи нисколько не хуже других, но как, черт побери, выяснить у этой железной скотины устройство подводных кораблей, позволяющих перемещаться на глубине пяти — семи километров? Как будет по-тангутски «торпеда»? Или «экипаж»? Или «давление на квадратный дюйм»? Позавчера железная обезьяна разразилась пространной речью, так что Каваи едва успевал переводить, а Джерри — записывать. Как казалось сначала, речь шла о грозном оружии

подводного нападения и о методах, которыми пользовались Нижние Люди для уничтожения или ограбления кораблей Верхних Людей. Но в середине беседы вдруг выяснилось, что Железный Человек попросту излагает историю «Марии Целесты», захваченной, оказывается, одной из научных экспедиций обитателей океанского дна. Джерри, которому было в высшей степени наплевать на «Марию Целесту», на которого нажимал командующий базой, ожидающий со дня на день прибытия комиссии из штаба ВМС, только вздохнул и слабым голосом попросил Каваи перевести разговор на другую тему.

Короче говоря, Джерри практически ничего не добился. Это будет самое слабое место в отчете. Удалось выяснить только, что где-то в Тихом океане на большой глубине находится громадный подводный город (по аналогии с Атлантидой в газетах его с легкой руки какого-то журналиста назвали Пасифидой* ; Железный Человек же называл этот город «Длинной Дырой»). Где именно находится Пасифида, осталось совершенно неясным, потому что Джерри отчаялся объяснить аспиранту-филологу, что такое «координаты», и вообще у Нижних Людей была своя, совершенно невразумительная система счета. Жители подводного города достигли высокой степени цивилизации, далеко не в первый раз посещают сушу, но только сейчас находят возможным начать постоянные сношения с людьми. Сам Железный Человек — первый посланец подводного мира. Он готов организовать Общество содружества, основой которого послужат торговые связи. Разве Верхнее Человечество не нуждается в алмазах и жемчуге? О технических достижениях Нижних Людей он распространяться не может за неимением полномочий.

Все это было достаточно прискорбно само по себе. Но вдобавок командующий базой изнемог под давлением общественного мнения и разрешил вчера вечером устроить пресс-конференцию. В присутствии тринадцати корреспондентов от восьми газет Человек из Пасифиды прямо заявил, что оставаться здесь далее не намерен: к нему, видите ли, плохо относятся, мучают пустой болтовней и не дают возможности заняться делом, ради которого он, собственно, прибыл. Он вернется в океан и найдет другой берег, где предложения Нижнего Человечества будут оценены по достоинству.

* От Pacific — Тихий океан.

Пресса взвыла. Сегодняшние утренние газеты разразились неистовой руганью. «Майнити-симбун» обратилась к министру внутренних дел с вопросом, известно ли министру, что Человек из Пасифиды, почетный гость Японии, содержится под замком на американской военной базе. «Асахи» предлагала принять немедленные меры. «Японии нужны алмазы!», «Пасифида — город алмазов», «Алмазы или подводные лодки?», «Не позволим американцам дискредитировать Японию в глазах Алмазного Народа!», «Протест Общества покровительства животным»...

«Кэйдзай-симбун» опубликовала интервью своего корреспондента с Человеком из Пасифиды под жирной шапкой: «Есть ли у вас образцы алмазов?» — «Хагуфу! (Вот!)» — отвечает Железный Человек». Фотография изображала подводного гостя, указывающего трехпалой рукой на свой громадный выпуклый глаз. Под фотографией сообщалось об учреждении анонимного акционерного общества «Алмазная Пасифида», подготавливающего выпуск акций на пять миллиардов иен.

Действительно, после обеда Эйкити Каваи получил телеграмму с предложением принять должность одного из директоров компании и главного консультанта с окладом в сто пятьдесят тысяч иен. Вместе с телеграммой Каваи были вручены пятьдесят тысяч иен представительских. Джерри только облизнулся, узнав об этом. Впрочем, он утешился, попросив Каваи оставить для него акций на восемь тысяч долларов. Это верное дело. Кажется, командующий тоже имел с Каваи приятную беседу на ту же тему. Да что командующий — алмазный ажиотаж охватил всю базу. Несколько часов назад два идиота из охраны — капрал Корн и рядовой Харрис — попытались вывинтить у Железного Парня алмазные глаза. Капрал парализован, рядовой прибежал к Джерри и, трясаясь как студень, признался во всем. Оба будут отданы под суд.

Джерри потер руки и придвинул к себе вечерние газеты. «Новая авантюра; значит, марсианские земельные участки — только цветочки?» Радикалы вонючие!.. «Акции алмазных копеек стран свободного мира упали на два и три четверти пункта, положение продолжает оставаться неустойчивым». То-то и оно! «Алмазы Якутии или алмазы Пасифиды?» Фотографии: Человек из Пасифиды сидит в кресле; Человек из Пасифиды и доктор Эйкити Каваи; Человек из Пасифиды и Мисс Япония; Человек из Пасифиды читает «Асахи-симбун»... Кретины, господи боже мой!..

Джерри зевнул и взъерошил волосы. Ладно, отчет надо все-таки кончать. Завтра наконец прибывает комиссия. Железному Мальчику не долго остается прохладиться под его — Джерри — крылышком. Погрузят на самолет — и тью-тью!.. Там он выложит все о подводных лодках, уполномочен он или нет. Джерри снова прищурился на луну и закусил конец перламутровой ручки.

Крыша здания управления вдруг подпрыгнула. Белая вспышка озарила окна верхнего этажа. Качнулись стены, со звоном посыпались стекла. Стол скрипнул и покосился, грохнулась на пол бутылка с виски. Громовой раскат ударил в уши. Оглушенный и обалдевший от неожиданности, Джерри соскользнул со стула и юркнул под подоконник.

Взрывов больше не было. Снаружи взвыли сирены потянуло горелым. Несколько пар солдатских ботинок торопливо прогрохотали по асфальту. Откуда-то донеслись встревоженные крики и гудки автомобилей. Джерри подождал еще немного, встал, трясущимися руками надел пилотку и выбежал на улицу. У подъезда управления он столкнулся с сержантом охраны. Лицо сержанта было потно и вымазано в саже, мундир разорван.

— Я хотел бежать за вами,— задыхаясь, проговорил сержант,— взрыв в комнате восемьдесят восемь, сэр. И пожар. Железный Человек исчез, сэр. Словно и не было. Но пожар потушен, сэр.

Джерри стремительно шел, почти бежал по коридору. Под каблуками омерзительно скрипело битое стекло.

— Часовой, сэр,— сержант едва поспевал за ним,— часовой оглушен, сэр... Кирпич упал прямо на макушку Как нарочно, сэр...

— «Как нарочно»,— машинально повторил Джерри, останавливаясь перед комнатой № 88, в которой содержался Железный Парень.

Она была неузнаваема. Сорванная дверь едва держалась на одной петле. В беспорядочно прыгающих лучах фонариков мелькали груды почерневшей штукатурки, куски кирпича, обвалившиеся перекрытия, дыбом торчали взломанные доски пола. В углу — раздробленные в щепу остатки мебели. Остро воняло гарью и кислотой. Среди этого разрушения, подсвечивая себе фонариками, ползали грязные мокрые солдаты охраны. Джерри споткнулся о пустой огнетушитель, с проклятием отшвырнул его и зарорал:

— Что вы здесь делаете, черт вас побори?

Солдат, тщательно перебиравший горсть алебастровой трухи у себя на ладони, испуганно вытянулся.

— Ищем... Ищем Железного Человека, сэр... — заикаясь, проговорил он.

— Вон, вон отсюда! Сержант! Отведите это стадо вниз и оцепите здание! Оставьте мне ваш фонарик, сержант...

Солдаты, толкаясь и сопя, выбрались из комнаты. Оставшись один, Джерри присел на корточки и внимательно огляделся. Никаких следов Железного Парня. Человек из Пасифиды исчез, словно лопнувший мыльный пузырь... Впрочем... Джерри протянул руку и взял тяжелый лоскут металлической ткани, похожий на обрывок средневековой кольчуги. Еще несколько таких клочков, припудренных штукатуркой, виднелись под обломками. Но это было все. Ни крови, ни растерзанных внутренностей, ни раздробленных костей. Вероятно, Человек из Пасифиды был чем-то вроде медузы.

Рассвет застал Джерри перепачканным, утомленным и растерянным. Алмазных очков он так и не нашел. За проломами выбитых окон волновалась толпа, слышались выкрики солдат и полицейских: «Стэнд бэк! Каэрэ! Осади назад!» Джерри понуро пошел к выходу. У порога он наступил на небольшой ящичек, исковерканный, как и все в комнате. Джерри уже видел несколько таких ящичков, когда рылся в обломках, но не обратил на них внимания. Сейчас он рассеянно перевернул его носком ботинка. К ящичку прилип вдавленный в него взрывом обрывок металлической одежды Человека из Пасифиды. Из-под сетки виднелся край красно-белой наклейки. Заинтересованный лейтенант Смитсон нагнулся, отодрал чешуйчатую сетку и... Он не поверил своим глазам. На наклейке рядом с большими черными иероглифами красовалась четкая надпись по-английски: «Сухая анодная батарея. 80 вольт. Сделано в Японии. Компания «Токио-Дэнки».

Не менее пяти минут лейтенант разглядывал надпись и ощупывал ящик. Затем воровато огляделся, отодрал наклейку и сунул ее в карман.

V

— «Человек из Пасифиды приходит и уходит», «Человек из Пасифиды — жертва несчастного случая», «Несчастный случай или злой умысел?», «Главный консультант и один из директоров компании «Алмазная Пасифида»

Эйкити Каваи сообщает, что незадолго до своей трагической гибели Железному Человеку удалось связаться со своими соотечественниками. Недалек тот день, когда подводные корабли Нижнего Человечества с грузом драгоценных камней войдут в порты нашей страны», «Учредители компании «Алмазная Пасифида» собираются обратиться в международный суд с жалобой на действия командующего базой ВМС США «Шарк».

Барон Като отложил газету.

— Как тебе это нравится?

Капитан Исида аккуратно подцепил палочками и отправил в рот ломтик соленой рыбы.

— Прекрасная дикция. Ты мог бы выступить по радио. Хочешь пива?

Барон покачал головой.

— Я думаю, чего только нельзя натворить в наше время, имея на плечах голову! Кстати, тебя интересуют деньги?

Капитан Исида знал барона пятнадцать лет. Поэтому он не торопясь допил пиво и спокойно спросил:

— Сколько?

Като вытащил пачку банкнотов.

— Пока на твою долю приходится тысяча.

— Иен?

— Что ты! Конечно, долларов. Джерри оказался прохвостом, и я получил всего две тысячи.

— Вот как? — сказал Исида и потянул к себе черно-зеленые бумажки.

— Пересчитай. Это еще не все. Остается господин главный консультант и один из директоров компании «Алмазная Пасифида». Пока он еще ничего не дал. Но он обязательно даст. Он уже обещал. — Барон закурил сигарету и продолжал: — Я сразу понял, что это жулики. Потом я узнал и господина Каваи. Я узнал его, как только он снял свои темные очки. Мы уже веселились однажды на его деньги — в конце марта я продал ему двадцать килограммов динамита и выбракованный экспериментальный костюм для работ с токами высокой частоты. Этот костюм валялся на складе арсенала с сорок четвертого года.

— Вот как? — повторил Исида. Он тщательно пересчитал деньги и сунул их во внутренний карман кителя.

Като вздохнул.

— Да, чего только не сделаешь в наше время, имея хорошую голову и кучу железного тряпья... Между про-

чим, Каваи обзавелся секретарем. Плечистый парень, похожий на боксера. Кажется, очень сильный...

— Он и должен быть сильным, — кивнул Исида убежденно, — треснуть часового по макушке так, чтобы потом думали, что это кирпичом, может только очень сильный человек.

— Я думаю, без кирпича не обошлось, — возразил барон Като. — Попробуй-ка просиди трое суток в упаковке из резины и железа!

Капитан Исида приятно осклабился и потянулся за бутылкой.

Первые люди на первом плоту

На попутной машине Марков добрался до поворота на Сельцы, дал шоферу полтинник и выпрыгнул из темной кабины. Мороз был градусов пятнадцать. Марков сразу понял это, когда почувствовал, что слипаются ноздри. Он знал эту приметку: если ноздри слипаются, значит, ниже десяти. Грузовик заворчал, буксанул задними колесами в обледеневшей колее и ушел за поворот, оставив горький на морозе, едкий запах бензинового перегара. Марков остался один. Он очень любил эту минуту: попутка скрывается за поворотом, остается только тихий, заваленный снегом лес, да сугробы вокруг, да серое низкое небо над головой, а он один, с рюкзаком и ружьем за спиной, мороз пощипывает щеки, воздух восхитительно свеж и вкусен, а впереди — две недели охоты, целых две недели молчаливого леса, и следов на снегу, и тягучих зимних вечеров в теплом домике лесника, когда ни о чем можно не думать, а только радоваться здоровью, снегу, спокойным добрым людям и размеренному течению дней, похожих друг на друга.

Марков встал на лыжи, поправил за плечами рюкзак и, перебравшись через кювет, вошел в лес по невидимой, но знакомой тропинке, ведущей к дому лесника Пал Палыча. Некоторое время он еще слышал гудение грузовика, а потом и оно стихло, только поскрипывал и шелестел под лыжами наст да где-то вдалеке каркали вороны.

До домика было километров восемь. Следов было немного, но Марков знал, что Пал Палыч не оставит его милостями и все еще будет: и следы, и тетерева, с грохотом вылетающие из-под снега, и выстрелы, и то до боли острое, азартное ощущение, когда точно знаешь, что попал, и огромная птица тяжело ухает в сугроб, и кажется, что земля вздрагивает от удара.

Обычно дом Пал Палыча встречал Маркова приветливым шумом. Зычно гавкал, гремя на весь лес цепью, здоровенный Трезор. «Цыц, бешеный!» — грозно кричала на него бабка Марья, мать Пал Палыча; и вдруг ни с того ни с сего принимался орать петух. Но на этот раз все было тихо, и Марков даже подумал, что дал вправо, как вдруг открылась полянка и он увидел дом. Он сразу почувствовал, что случилась какая-то

беда. Калитка была распахнута, двор пуст, и стояла тишина, странная и недобрая.

Он все еще не понимал, откуда это ощущение беды; а потом сразу понял: слишком много распахнутых дверей. Дверь в дом была раскрыта настежь, и дверца курятника была сорвана и валялась в стороне, и дверь хлева тоже, и почему-то была раскрыта дверь на чердак. Одно из окон в доме разбито, будка Трезора перевернута, по всему двору разбросаны рыжие перья, а истоптанный снег забрызган красными пятнами. Сдерживая дыхание, Марков торопливо снял лыжи и пошел в дом. В доме все двери тоже были распахнуты, в разбитое окно тянуло морозом, но было еще тепло. Марков позвал: «Эй, хозяева!», но никто не откликнулся, да он и не ждал, что откликнутся. В комнатах было, как всегда, чисто и прибрано, но в сенях валялся на полу большой тулуп.

Марков вышел во двор, покричал, приставив ладони ко рту, и побежал вокруг дома. Из-под ног у него выскочил полосатый старухин кот Муркот и, надувши хвост, опрометью взлетел на крышу курятника. Марков остановился и позвал его, но кот посмотрел косо и, прижав короткие уши, так злобно и яростно затянул «уа-уа», что сразу стало ясно: кот тут видел такое, что не скоро успокоится и поверит в чьи-нибудь добрые намерения.

Обойдя вокруг дома, Марков встал на лыжи, сбросил рюкзак и перезарядил ружье. Патроны с «двойкой» он выбросил прямо в снег, а в стволы загнал «нулевку», самое солидное, что у него было. Он не сомневался, что совершено преступление, и, как ни дика была эта мысль, ничто другое не приходило ему в голову. Теперь он видел, что через калитку протащили по снегу что-то тяжелое, пачкающее кровью, и видел, что след этот тянется по поляне и исчезает за деревьями. Вокруг было множество следов, они показались Маркову какими-то странными, но не было времени разбираться. Он взял ружье на изготовку и пошел рядом с жуткой бороздой, где в развороченном снегу расплывались красные пятна. «Сволочи,— думал он с холодной ненавистью,— зверье...» Все ему было совершенно ясно: в свое время Пал Палыч задержал злостного браконьера, и тот, вернувшись после отсидки, явился с пьяными друзьями отомстить, и они убили Пал Палыча и его мать, а потом, протрезвев, перепугались и уволокли трупы в лес, чтобы спрятать. Он отчетливо видел заросшие хари и налитые водкой глаза и думал, что стрелять будет не в ноги, а как на фронте.

У самых деревьев след разделился. Вправо потянулась цепочка странных следов, и, когда Марков понял, что это такое, он остановился озадаченный. Это были следы босых ног. Там, где наст выдержал и не провалился, можно было отчетливо видеть отпечатки голых ступней. Это казалось необъяснимым, и некоторое время Марков колебался, не зная, что делать, но потом все-таки пошел дальше вдоль запачканной кровью борозды. Она тянулась, петляя между кустами, зеленые ветви елей над нею выпрямились, освобожденные от снежных шапок. Иногда борозду пересекала цепочка следов босых ног. Потом Марков заметил впереди какое-то движение и остановился, судорожно сжав ружье.

Впереди в кустах кто-то был — кто-то живой, пестрый, яркий, словно раскрашенная кукла. Он сразу замер, и Марков не мог как следует рассмотреть его. Сквозь заснеженный лапник просвечивали желтые и красные пятна, и Маркову казалось, что он слышит тяжелое дыхание. Он шагнул вперед и хрипло крикнул: «Кто там? Стрелять буду». Никто не отозвался. Потом краем глаза Марков заметил какое-то движение слева и резко повернулся, выставив вперед ружье.

Прямо на него из-за деревьев выбежал удивительный человек. Если бы этот человек был в полушубке или в ватнике и держал бы в руках топор или ружье, Марков автоматически упал бы боком в снег, выбросив на лету перед собой двустволку, и хладнокровно расстрелял бы его. Но человек был гол, весь размалеван красным и желтым, а в руке у него была длинная заостренная палка. Марков, открыв рот, смотрел, как он бежит, с необыкновенной легкостью выдергивая ноги из снега. Затем человек замедлил бег, весь изогнулся и, дико крикнув, метнул в Маркова свое копьё. Марков инстинктивно присел и, не удержавшись на скрещенных лыжах, опрокинулся набок. Он был очень удивлен и испуган, и тем не менее странный полет копьё даже тогда поразил его. Брошенное с силой, оно отделилось от руки размалеванного человека и медленно поплыло по воздуху. Оно отстало от бегущего, а потом, все набирая скорость, обогнало его и пронеслось над головой Маркова с вибрирующим свистом. Марков еще слышал, как оно с треском врезалось в чащу, словно по кустам дали очередь разрывными пулями, но тут на Маркова навалились со всех сторон. Крепкие маленькие руки схватили его за лицо, опрокинули на спину, он почувствовал резкий неприятный запах, жестокий удар в подбородок, рванулся, и его оглушили.

Очнувшись, он обнаружил, что лежит в снегу под деревом. Слышались незнакомые голоса, какие-то неопределенные звуки, скрип. Неприятно и остро пахло. Он сразу все вспомнил и сел, опершись спиной о ствол. Перед ним была обширная поляна, и на ней — полно народу. У Маркова запестрело в глазах. Всюду сновали, крича во все горло, маленькие, голые, размалеванные яркими красками люди. Рядом с Марковым такой же человек кричал и размахивал копьем. А на другом конце поляны грузно лежало в снегу длинное серое сооружение, похожее не то на ковчег, не то на огромный, чуть расплывшийся огурец. Один конец сооружения был тупо срезан, как корма корабля. Другой был заострен и приподнят.

Марков зачерпнул снегу и потер лоб и щеки. Он был без шапки и без ватника, ружье куда-то пропало. Человек, стоявший рядом, повернулся к Маркову и что-то сказал, зябко шевеля губами. Вид у него был дикий и свирепый — широкое скуластое лицо, расписанное желтыми зигзагами, щетинистые желтые волосы, большие злые глаза. Видно было, что он сильно замерз и челюсти у него сводит от холода.

— Что вам надо? — сказал Марков. — Кто вы такие?

Человек снова что-то сказал злым гортанным голосом, затем ткнул Маркова копьем. Копье было тяжелое, тупое, без всякого наконечника. Марков с трудом встал на ноги. Его сразу затошнило, закружилась голова. Человек снова выкрикнул несколько слов и снова ткнул его копьем, не сильно, но очень решительно. Марков, стараясь выиграть время, пока перестанет мутить, послушно пошел вперед, а человек двинулся за ним по пятам, время от времени постукивая его копьем то справа, то слева, указывая направление. Он гнал Маркова, как вола, а Марков чувствовал себя совершенно разбитым и никак не мог собраться с мыслями. Отчаянно болела голова.

Возле галеры Марков остановился и, обернувшись, посмотрел на своего погонщика. Тот что-то проорал, погрозил копьем и отошел в сторону. Тут все на поляне разразилось отчаянным воем, страшным визгом заверещала свинья, и Марков увидел, как ее волокут к борту галеры. Свинью подняли на руках и перевалили в узкую щель, которую Марков сначала не заметил. Люди на поляне перестали орать и размахивать копьями, сгрудились в толпу и тоже подошли к галере. Марков поймал себя на том, что пытается сосчитать их. Он насчитал три десятка маленьких размалеванных и еще четырех рослых людей с серой

кожей. С рослыми обращались неуважительно: на них замахивались, кричали, то и дело подбегали к ним и толкали или пинали ногами, а те только, жмурясь, прикрывали лица и шли, куда их толкают. Это было тем более странно, что они как на подбор были здоровенные мужчины с огромными мускулами...

Гвалт стоял, как на вокзале во время эвакуации. Голова Маркова раскалывалась на части, так что он даже плохо видел. Он ощупал темя — там была огромная мягкая шишка, а волосы слиплись и смерзлись.

Серокожих рослых медленно подогнули к галере и построили в ряд возле Маркова, и это ему очень не понравилось, тем более что десяток маленьких копейщиков столпились напротив них в нескольких шагах, крича друг на друга и тыча пальцами в Маркова и рослых. Марков поглядел на своих соседей. Вид у них был забитый и удрученный, так что надеяться на них не приходилось. Тут Марков обнаружил свой ватник. Он был на одном из маленьких, пожалуй, на самом маленьком и размалеванном с головы до ног. Этот малыш кричал больше всех, яростно подпрыгивал, замахивался на других и пихался. Его слушались, но не очень. В конце концов он ударил кого-то древком по голове, подбежал к рослым, схватил одного за руку и потащил за собой. Тот слабо упирался, тихонько скуля. Все завопили, но потом разом смолкли и устались на Маркова. Малыш в ватнике бросил рослого, подскочил к Маркову и схватил его за рукав. Марков рванулся и высвободился. Все заговорили, замахали руками и неожиданно полезли в галеру. У Маркова отлегло от сердца. Трое рослых забралась последними, с трудом протиснувшись в узкую щель.

Поляна опустела. Около галеры остались только малыш в ватнике, выбранный им верзила, стоявший понуро в тихом отчаянии, и Марков. Малыш обежал галеру кругом, посмотрел на небо, окинул взглядом поляну и верхушки деревьев и вдруг заорал диким голосом, оставив копьё в грудь рослому. Тот стал пятиться, уперся спиной в борт, не сводя глаз с копья, а малыш все наступал на него, оттесняя к корме. Марков тоже попятился к корме. За кормой все остановились, и малыш снова принялся прыгать, бесноваться и орать во все горло. Марков никак не мог понять, чего он хочет.

— Чего ты орешь? — спросил он. Малыш заорал еще громче. Марков оглянулся на рослого. Рослый, расставив ноги, всем телом давил на широкую серую стену, нависав-

шую над ними. Видно, он пытался сдвинуть с места всю галеру, и это показалось Маркову таким же бессмысленным, как если бы он пытался передвинуть двухэтажный дом. Но рослый не видел в этом ничего бессмысленного: он натужно кричал, упираясь в корму грудью и напряженными руками. Тогда Марков тоже уперся в корму.

Корма возвышалась над головами метра на три. На ощупь она была не деревянной, скорее, она была сделана из какого-то минерала, серого, пористого, покрытого темными потеками. Малыш уперся копьем и тоже навалился. Все трое пыхтели от напряжения, толкая и упираясь, словно вытаскивая из грязи буксующую машину, и Марков хотел уже бросить эту дурацкую затею, как вдруг почувствовал, что корма поддается. Он не поверил себе. Но корма подавалась, она уходила от него, и ему пришлось переступить, чтобы не упасть. У него было такое ощущение, словно он сталкивал в воду тяжелый плот. Малыш поднял копьё и крикнул. Рослый остановился. Марков еще раз переступил и тоже остановился.

Это было необычайное зрелище: огромная неуклюжая галера медленно ползла на брюхе по снегу, воздух постепенно наполнялся скрипом. Рослый, косясь на малыша, стал медленно обходить корму. Малыш прикрикнул на него и ударил Маркова дровком по плечу. Марков отскочил и развернулся. Малыш тоже отскочил и выставил перед собой копьё. Движения у него были стремительные и хищные. А рослый вдруг перестал красться и со всех ног пустился бежать за уползающей галерой. Галера ползла все быстрее.

Тогда малыш прыгнул в сторону и, обогнув Маркова, тоже помчался за галерой. Марков все еще не понимал, что происходит. Галера увеличивала скорость. Малыш обогнал рослого, подпрыгнул и ухватился за края щели. Навстречу ему потянулись руки, его схватили за руки, под мышки и потянули внутрь. Рослый взвизгнул, рванулся и ухватился за его ноги. Малыш ужасно заорал и выронил копьё. Галера уже не ползла, она скользила по воздуху, и скорость ее стремительно нарастала. С шумом рухнуло дерево, стоявшее на пути. Марков смотрел вслед. Это было жутко и грандиозно: огромное неуклюжее сооружение, грубое и угловатое, уходило в небо, все круче задирая нос. Некоторое время ноги рослого еще болтались в воздухе, затем его тоже втянули в щель. Галера свечой уходила к тучам. Марков услышал ревущий свист, словно летел

реактивный самолет, и она скрылась. Рев затих, и Марков остался один.

Он обвел глазами поляну. Растоптанный снег, красные пятна на снегу, широкий прямой овраг до самой земли... Он пощупал темя. Было очень больно, и он застонал. Надо было добираться до жилья, а он не знал, где находится, и даже не пытался сориентироваться, так у него все перемешалось в голове.

Пошел снег, стало темнее. Держась за голову и постанывая на каждом шагу, Марков побрел вдоль борозды, оставленной галерой. Он увидел копьё, брошенное малышом, и поднял его, пытаясь рассмотреть, хотя от боли слезами застилало глаза. Копьё было тяжелое, черное, шершавое. Опираясь на него, Марков пошел дальше. Снег падал все гуще, и всё сильнее болела голова, и скоро Марков перестал соображать, куда он идет и зачем.

Пал Палыч с шумом допил чай из блюдца, подставил свою огромную расписную чашку под самовар и, повернув краник, смотрел, как закрученной стружкой бежит кипяток.

— Викинги, говоришь...— сказал он негромко.

Бабка Марья стучала топором, колола лучину для растопки. В доме было тепло, разбитое окошко заткнули тулупом. Марков сидел за столом, подперев рукой забинтованную голову.

— Плохо, брат,— сказал Пал Палыч.— Я как вернулся, увидел твой рюкзак, сразу подумал — плохо...

— Почему же плохо? — слабым голосом сказал Марков.— Наоборот! Открытие, Пал Палыч! Открытие!

— Н-да-а,— неопределенно прогудел Пал Палыч, отводя глаза и наливая в блюдце чай.

— Я думаю так,— продолжал Марков слабым голосом.— Прилетали они издалека, не знаю откуда, но есть у них там, наверное, дерево или какой-нибудь минерал с особенными свойствами. И стали они строить летающие корабли. Смелые, черти!..— И он сморщился от тошноты.

Пал Палыч со стуком поставил блюдце на стол.

— Как это у тебя получается, Олег Петрович,— сказал он.— Не знаю, не знаю... Дикари голые, по воздуху летают и, значит, свиней воруют... Неувязочка! Брось ты про это думать, Олег Петрович. Выпей-ка ты еще чайку с малиной. Водки я тебе, пожалуй, больше не дам, пусть голова заживет, а чаек пей. Боюсь, не прохватило бы тебя...

Марков переждал, пока прошла тошнота.

— Надо немедленно сообщить в Москву,— сказал он.— Прямо в Академию наук. А что касается голых дикарей... Сто тысяч лет назад, Пал Палыч, наши предки, такие же вот дикари, сколотили первый плот и поплыли на нем вдоль берега. Они тоже не знали, почему плот плавает, почему дерево не тонет. Сто тысяч лет оставалось до Архимеда, да что там — многие не знают этого и сейчас. А предки плавали, строили плоты, потом лодки и — плавали. Ведь закон Архимеда понадобился только для тех, кто строил железные корабли, а деревянные прекрасно плавали и без закона. Так и эти... Им наплевать, почему этот материал летает по воздуху. Построили корабль, набились в него и пошли добычу искать.

— Н-да,— сказал Пал Палыч.— Ты, Олег, вот что... Не хотел я тебе говорить, да, видно, надо сказать. Бред это у тебя, померещилось тебе.

Марков непонимающе уставился на него.

— Как это — бред?

— Так вот. Лесиной тебя оглушило. В беспамятстве ты все с себя посрывал, в одной тельняшке по лесу бродил. Ружье где-то бросил, так я его и не нашел...

— Постой, постой, Пал Палыч,— сказал Марков.— А дом пустой как же? А кровь на снегу? А следы?.. Окно выбито, все двери открыты... И кот Муркот...

Пал Палыч крикнул и почесал в затылке.

— Надо же,— сказал он, глядя веселыми глазами.— Как это у тебя все переделалось!.. Свинью я колол, Олег, свинью!.. А она у меня вырвалась и — с ножом — через двор да в лес! Я за ней, поскользнулся — в стекло въехал локтем... Понял? Трезора с цепи спустил, мать выскочила, тоже за свиньей побежала... Ведь верно, мать?

— Что это ты? — сказала бабка Марья.

— Свинью, говорю, колол! — заревел Пал Палыч.

— А?

— Свинью, говорю!

— Нет уж ее,— сказала бабка, качая головой.— Нет уж свинки...

— Ничего не понимаю,— сказал Марков.

— А тут и понимать нечего,— сказал Пал Палыч.— Академии наук тут не нужно. Вернулся я со свиньей, гляжу — твой рюкзак. Я по следу. Нашел сначала место, где тебя пришибло. Потом лыжи нашел. А потом уж

к вечеру гляжу — сам идешь, за деревья держишься. Я было подумал, что обобрали тебя...

— Где это было? — спросил Марков.

— А километрах в пяти к северу, где мы с тобой в прошлом году зайца гоняли.

Марков помолчал, пытаясь вспомнить.

— А копьё? — спросил он. — Было при мне копьё?

Пал Палыч посмотрел на него, словно раздумывая.

— Ничего при тебе не было, — сказал он решительно. — Ни копья, ни ватника. Так что брось это, забудь...

Марков медленно закрыл глаза. Голова, успокоившаяся было, снова начала болеть. «А может, и правда — бред», — подумал он.

— Пал Палыч, — сказал он, — дай-ка ты мне еще водки. Боюсь, не засну теперь.

— Болит? — спросил Пал Палыч.

— Болит, — сказал Марков.

Летучий корабль... Летучие викинги... Не бывает такого и быть не может... Первые люди на первом плоту... Чепуха, поэзия.

Он кряхтя перебрался на лавку, где ему постелили.

Когда он заснул, Пал Палыч, накинув полушубок, схватил инструмент и вышел во двор прилаживать дверцу курятника. За ночь снегопад кончился, солнце было яркое, снег во дворе сверкал девственной белизной. Пал Палыч работал со злостью и два раза стукнул себя молотком по большому пальцу, так что из-под ногтя выступила кровь. К нему подошла мать, пригорюнилась, подперла щеку рукой.

— Курей-то опять заводить будем, Пашенька? — сказала она.

— Заведем, — угрюмо ответил Пал Палыч. — И курей заведем, и свинью. Не впервой. У Москаленковых щенок хороший есть — надо взять... — Он встал и принялся отряхивать снег с колен.

— Чисто немцы — энти-то, — сказала бабка, всхлипнув.

— При немцах ты б в погребке не отсиделась, — сказал Пал Палыч. — Да и мне бы не уйти... Ты вот что, мать... Ты об этом никому ни слова, и особенно про палку, что я принес, а ты сожгла.

— Да я же не знала, Пашенька!.. Палка и палка.

— Ладно — сожгла и сожгла. А рассказывать все равно не надо. До Олега Петровича дойдет — очень обидится, а я

его обижать не хочу. А чтобы он на тебя сердился, тоже не хочу. Поняла?

— Да поняла, — сказала бабка. — А палка-то, ох и красиво же она горела, эта палка! И красным, и синеньким, и зеленым — ну чисто изумруд!.. А кто же это были, Пашенька? Неужели опять немцы?

— Викинги! — сказал Пал Палыч сердито. — Викинги это были, дикие, понятно?

В наше интересное время*

...уравновешенными и добропорядочными людьми. Я вздохнул и посмотрел в окно. Дачный поселок спал. Было тихо, только дождь шуршал да подвывала во сне дворняга соседей. Мокрая, унылая, свернувшаяся в клубок под крыльцом. Я взялся за вторую папку и проработал еще часа полтора.

Академик успел стусеваться и уйти с головой в научную работу, аспирантка сделала небольшое открытие и ушла от Володи, когда сквозь шум дождя я услышал какие-то новые звуки. Сначала я подумал, что это мокрая дворняга бродит в палисаднике. Но потом кто-то отворил дверь в сени, и в сенях что-то загремело — наверное, канистра, в которой я носил керосин из лавки. В дверь постучали, и раньше, чем я ответил, дверь отворилась. На пороге стоял совсем незнакомый человек в очень странном костюме. От удивления я даже, кажется, открыл рот. Человек заворил за собой дверь и сказал:

— Извините, можно у вас погреться?

Я смотрел на него. Он был весь мокрый и грязный с ног до головы, и у него зуб на зуб не попадал от холода. Я на всякий случай встал и сказал нерешительно:

— З-заходите...

На нем была толстая куртка с множеством карманов, стеганная, словно ватник, а из-под куртки торчали ноги в черном балетном трико в обтяжку. Обувь на ногах не было никакой. Это уже само по себе было странно, но он еще весь был вывалян в грязи, даже лицо было в грязи, будто его километра три протащили по деревенской улице волоком.

Он присел на табурет и улыбнулся. Улыбнулся весело, но с трудом — у него лицо сводило от холода. Я молча притащил керогаз и стал его разжигать, а незнакомец сидел, обхватив себя руками за плечи, и звонко стучал зубами. Я разжег керогаз. Незнакомец с трудом выговорил «спасибо» и протянул руки

* Первые две страницы рассказа утрачены безвозвратно. Мы собирались, да так и не собрались их восстановить. Впрочем, насколько я помню, ничего особенно интересного там не было — сидит у себя на даче редактор, клянет дурную погоду и правит скучную рукопись. (Примечание Б. Стругацкого.)

к огню. От куртки сразу повалил пар, и запахло сыростью.

— Где это вы так? — спросил я. — Машина застряла?

Он посмотрел на меня, засмеялся и сказал:

— Ага, машина.

Он совсем не походил на человека, у которого застряла машина. У него было худое веселое лицо, очень смуглое, какое-то хитрое и довольное, словно он только что кого-то очень ловко обманул или перехитрил. И весь он был ловкий, крепкий, прочно сбитый. Было в нем что-то от молодого Мефистофеля.

— Далеко? — спросил я.

— Километров пять отсюда, — сказал он. — Я зашел в поселок, смотрю — везде спят. Ну, думаю, имею один грипп. А тут ваше окно. Я так обрадовался, ей-богу!

— Слушайте, — сказал я. — Снимите ваш балахон. Он же мокрый насквозь.

Он посмотрел на меня, подумал и стал снимать куртку. Никогда в жизни я не видел такой сложной куртки. На ней было штук двадцать молний, и больше всего она напоминала пояс для спасения на водах. Он снимал ее минут пять, время от времени вздрагивая и судорожно поводя плечами.

— А где ваши ботинки? — не вытерпел я.

— В грязи утопил, — ответил он и опять засмеялся. — Грязь у вас здесь — прямо первобытная. Хорошо!

Под курткой у него оказалось все то же облегающее трико без ворота. Я хотел взять у него куртку и развесить в сенях, но он сказал:

— Нет, не надо, спасибо. Я так.

— Что значит — так? — удивился я. Он свернул куртку в рулон и положил у своих ног. — Так она и до утра не просохнет.

Он хихикнул.

— Не беспокойтесь, ей-богу. Мне до утра ждать не придется. Пусть здесь полежит.

И тут я заметил одну странную вещь. Эта черная рубашка у него тоже была вся в грязи. Грязь уже подсохла и отваливалась серыми струпьями. Я сразу подумал: как это так много грязи могло попасть ему под куртку? С другой стороны — глупо лазить под машиной в трико, если есть толстая стеганая куртка.

Незнакомец грел руки над керогазом и смотрел на огонь. Он задумчиво улыбался. Странное у него было лицо. По-моему, он совершенно забыл обо всем — и обо мне, и о первобытной грязи... Конечно, про машину он

врал, но кому придет в голову бродить ночью под дождем в таком балетном наряде?.. Чем-то он мне нравился все-таки — может быть, по контрасту с нудным престарелым академиком... Я сказал:

— Хотите водки? — Он все еще вздрагивал и поеживался.

Он поднял на меня глаза, и я увидел, что он колеблется. Тогда я встал, сходил за водкой и принес два стакана. Он уставился на водку, затем снова посмотрел на меня.

— Знаете... — нерешительно сказал он. — Пожалуй, не стоит... — Он снова посмотрел на водку и вдруг махнул рукой. — А ну их всех! Выпью!

Он взял свой стакан, чокнулся со мной и выпил залпом. Я пододвинул ему холодные котлеты и налил еще. Он подмигнул мне, снова махнул рукой и снова выпил.

— Все равно никто не узнает, — заявил он. — А узнают, так тоже не беда.

Я заметил у него на ладони свежие царапины. Под ногтями было полно грязи, а один ноготь был сломан и надорван, и на нем запеклась кровь.

Он взял с тарелки котлету, сунул ее целиком в рот и невнятно спросил:

— Что тут у вас новенького?

— Где это — у нас?

Он немножко смешался.

— Ну здесь, в этих краях... И вообще... Я на своей машине газет не получаю.

Я сказал, что на своей даче тоже не получаю газет. Он кивнул и снова протянул руки к огню.

— А тут у вас ничего... Только холодно.

— Погода дрянная, — сказал я. — Лето называется...

— Да, погодка не летняя, — сказал он с удовольствием. — Дождь. Кругом дождь. Я там влез в кусты — мокро, ужас! — Он радостно засмеялся.

Станный он был человек: грязный, мокрый, промерзший и все-таки чем-то необычайно довольный.

— Так что же у вас за машина? — спросил я иронически.

— «Победа», — быстро ответил он. Слишком быстро.

— Не вездеход?

— Да нет, пожалуй, не вездеход.

— И вас, конечно, снесло в кювет, — сказал я.

— А почему — конечно? Впрочем, действительно снесло. И представьте себе, именно в кювет... А скажите, сельсовет у вас тут есть?

Врал он весело и совершенно откровенно — он даже не пытался скрывать этого.

— Нет, сельсовета у нас нет,— сказал я медленно.— У нас дачный поселок. А зачем вам сельсовет?

Он засмеялся мне в лицо:

— А как же! Машину вытащить надо? Надо. А чем тащить? Трактором?

— Да,— сказал я неопределенно.— Действительно... Трактором.

Наступило молчание. Он смотрел на меня с откровенной насмешкой. Тогда я сказал внушительно:

— А вот милиция у нас есть. Совсем рядом — через два дома...

Незнакомец замахал на меня руками.

— Ну зачем же милиция?! — закричал он.— Давайте уж как-нибудь обойдемся без милиции!

— Давайте,— согласился я. Он мне нравился несмотря ни на что. Бдительность моя дремала.

— Славный у вас поселок,— заявил он неожиданно.— Тут дачу можно снять?

— Чего славного? — проворчал я.— Грязища да скука...

— Скука? Какая же это скука? Кругом зелень, речка, наверное, есть...

— Речка есть,— сказал я.

— Ну вот видите! И девушки здесь, наверное, приятные...

— Откуда здесь девушки,— сказал я сердито.— Одни жены дачные — поперек себя шире...

Он так и залился смехом, совершенно детским, и долго не мог остановиться, а потом вдруг настороженно прислушался и спросил:

— А до города далеко отсюда?

— Километров тридцать.

Я увидел, что вокруг его свернутой куртки натекло воды. Я нагнулся и протянул к куртке руку — он поймал меня за запястье.

— Не надо... — попросил он. Пальцы у него были горячие и твердые, как железо.

— Она же вся мокрая... — сказал я и попытался освободиться.

Он легко отвел мою руку.

— Ей-богу, не надо. Так высохнет. И потом я скоро все равно пойду.

Он отпустил мою руку.

— Куда же вы пойдете в такой дождь? — сказал я. — Оставайтесь ночевать.

Он подмигнул мне.

— А машина? Вдруг сопрут!..

— Как хотите, — сухо сказал я. Все-таки он очень утомлял, этот странный человек.

А он весело запел «Как в моем садочке...», опустил на корточки и стал разворачивать свою неприкосновенную куртку. Когда он развернул ее, откуда-то выпала маленькая черная коробочка и стукнулась об пол. Он ее сразу подхватил и сунул обратно в куртку. Я заметил только, что на коробочке горел зеленый огонек.

— Чуть не раскокал... — прошептал незнакомец и снова свернул куртку изнанкой внутрь. Я промолчал.

Он легко вскочил и бесшумно подошел к окошку. Я сидел и смотрел, как он, прижав лицо к стеклу, вглядывается в темноту.

— Это главная улица, да? — спросил он, не оборачиваясь.

Я сказал, что главная. Великолепного сложения был этот человек — стройный, плечистый, настоящий боец. Черное трико словно обливало его.

Он повернулся, несколько раз прыгнул на месте — мягко, как кот, и сказал весело:

— Вот я и обсох. Спасибо.

— На здоровье, — буркнул я и подумал, а не спросить ли у него все-таки документы.

Но в эту минуту на улице взревели моторы, и в окна ударил свет прожектора.

— Прекрасно! — сказал незнакомец. — Это за мной.

Он сразу как-то подтянулся, перестал улыбаться, торопливо подобрал и набросил на плечи свою куртку и снова подошел к окну. Я увидел, что он открывает окно, и на всякий случай поднялся. На улице под дождем стояли две огромные машины на гусеницах. Послышались голоса. Незнакомец открыл окно и высунулся по пояс. «Сейчас он сунет руку в задний карман...» — подумал я и приготовился на него прыгнуть. Но он только крикнул:

— Ксан Ксаных, я здесь!

На улице радостно заорали в несколько голосов. Послышался беспорядочный топот, зачавкала грязь. Злобно взвыла напуганная соседская дворняга. В сенях загремело — вероятно, все та же канистра, — кто-то чертыхнулся сдавленным голосом.

Незнакомец повернулся и шагнул мимо меня. Дверь распахнулась. В комнату ввалились сразу трое — удивив-

тельно, как они втиснулись. Один, маленький, в мокром черном плаще, остался на пороге, а двое — бородатый и в очках — сразу кинулись к моему незнакомцу и принялись его обнимать.

— Жив, Вовка, жив!..

— У-у, медведь здоровый...

— Руки-ноги целы?.. Ой, не дави так!..

— А где она? — спросил незнакомец.

— Кончилась, Вова! — сказал бородатый и лихо сдвинул шляпу на затылок. — Ничего, главное — ты у нас остался...

— ...нашли? — тут мой незнакомец употребил какое-то сложное слово, какой-то, видимо, термин, которого я не понял.

— Все, все нашли, — нежно сказал бородатый и снова обнял его. — Все нашли и еще полмешка луку в придачу!..

— Штаны твои нашли... — сказал очкастый.

Маленький в черном плаще все смотрел на меня, приятно улыбаясь одними губами. У меня было такое ощущение, что я ему очень не нравлюсь.

— А я-то искал-искал, — сказал незнакомец. — Нет штанов! В грязи вывалялся как свинья. Куртку сразу нашел, а штаны — нет.

— Ну, пошли, — сказал бородатый и поволок незнакомца к выходу. Незнакомец дошел до дверей и вдруг остановился.

— Подождите, с хозяином надо проститься... — Он повернулся ко мне. — Спасибо вам за ласку, товарищ... Простите, не знаю вашего имени-отчества...

Он добродушно и растроганно улыбнулся и вдруг подмигнул. Я молча поклонился. Мне было неловко. Все смотрели на меня, особенно — маленький в черном плаще. Незнакомец сунул-таки руку в задний карман, покопался там, что-то вытащил, вложил мне в ладонь и вышел. Остальные последовали за ним, разговаривая во весь голос, и даже двери за собой не закрыли.

Я поднял руку к глазам. На ладони у меня лежал камешек. Обыкновенный камешек, пористый, серенький, похожий на песчаник. Голоса уже раздавались во дворе. Отчаянно заливалась дворняга. В голове у меня все шло кругом, и я ничего не понимал.

Вдруг кто-то сказал: «Извините». Передо мной стоял тот, в черном плаще, и приятно улыбался.

— Извините, — повторил он и осторожно взял камешек у меня с ладони.

— Что это? — спросил я.

Он внимательно посмотрел на меня, потом — мельком — на камешек, потом снова на меня.

— Это так... Шутка... Спокойной ночи. Простите нас за беспокойство...

Он повернулся и вышел, плотно прикрыв за собой дверь.

За окном взревели моторы, и свет фар снова скользнул по окну.

Я посмотрел на пустую ладонь. Шутка, подумал я. Вот так шутка... Я стоял посреди комнаты, смотрел на стол, где громоздилась история престарелого академика, на пустой табурет, на воняющий керогаз, на мокрый след неприкосновенной куртки на полу и слушал, как затихает, удаляясь, рев могучих моторов.

Бедные злые люди

Царь сидел голый. Как нищий дурак на базаре, он сидел втянув синие пупырчатые ноги, прислонясь спиной к холодной стене. Он дрожал, не открывая глаз, и все время прислушивался, но было тихо.

В полночь он проснулся от кошмара и сразу же понял, что ему конец. Кто-то хрипел и бился под дверью спальни, слышались шаги, позвякивание железа и пьяное бормотание дядюшки Бата, его высочества: «А ну, пусти... А ну, дай я... Да ломай ее, стерву, чего там...» Мокрый от ледяного пота, он бесшумно скатился с постели, нырнул в потайной шкаф и, не помня себя, побежал по подземному коридору. Под босыми ногами хлюпало, шарахались крысы, но тогда он ничего не замечал и только сейчас, сидя у стены, вспомнил все: и темноту, и осклизлые стены, и боль от удара головой об окованные двери храма, и свой невыносимо высокий визг.

Сюда им не войти, подумал он. Сюда никому не войти. Только если царь прикажет. А царь-то не прикажет... Он истерически хихикнул. Нет уж, царь не прикажет! Он осторожно разжмурился и увидел свои синие безволосые ноги с ободранными коленками. Жив еще, подумал он. И буд у жив, потому что сюда им не войти.

Все в храме было синеватое от холодного света лампад — длинных светящихся трубок, протянутых под потолок. Посередине стоял на возвышении Бог, большой, тяжелый, с блестящими мертвыми глазами. Царь долго и тупо смотрел, пока Бога не заслонил вдруг плюгавый служка, совсем еще сопляк. Раскрыв рот и почесываясь, он стоял и глазел на голого царя. Царь снова прикрыл глаза. Сволочь, подумал он, гаденыш вшивый, скрутить ублюдка — и собакам, чтобы жрали... Он сообразил, что не запомнил хама как следует, но службы уже не было. Сопливый такой, хлипкий... Ладно, вспомним. Все вспомним, дядюшка Бат, ваше высочество. При отце небось сидел в уголке, пил себе потихоньку да помалкивал, на глаза боялся попасть, знал, что царь Простяга подлого предательства гвоего не забыл...

Велик был отец, с привычной завистью подумал царь. Будешь великим, если у тебя в советниках ангелы Божьи во плоти. Все знают, все их видели: лики

страшные, белые, как молоко, а одежды такие, что не поймешь, голые они или как... И стрелы у них были огненные, как бы молнии, кочевников отгоняли этими стрелами, и хотя металы в небо, половина орды покалечилась со страху. Дядюшка Бат, его высочество, шептал как-то, пьяно отрывая, что стрелы те метать может каждый, нужны лишь особые пращи, которые у ангелов есть и которые у них хорошо бы взять. А он еще тогда сказал — тоже был пьяный, — что раз хорошо взять, то и надо взять, чего там... И вскоре после этого застольного разговора один ангел упал со стены в ров, поскользнулся, наверное. Рядом с ним во рву нашли дядюшкина телохранителя с дротиком между лопаток. Темное это было дело, темное... Хорошо, что народ ангелов никогда не жаловал, страшно было на них глядеть, хотя и не понять, почему страшно, — ангелы были люди приветливые, веселые. Вот только глаза у них были страшные. Маленькие, блестящие, и все бегают да бегают... нечеловеческие глаза, немирные. Так народ и промолчал, хотя и дал ему отец, царь Простяга, такую волю, что вспомнить стыдно... и то сказать, отец до Переворота, говорят, шорником был. За такие разговоры я потом самолично глаза вырывал и в уши зашивал. Но помню, сядет он, бывало, под вечер на пороге Хрустальной Башни, примется кожу кроить — смотреть приятно. А я рядом примощусь, прижмусь к его боку, тепло, уютно... Из комнат ангелы поют, тихо так, слаженно, отец им подтягивает — он их речь знал, — а вокруг просторно, никого нет... не то что сейчас, стражников на каждом углу понатыкано, а толку никакого...

Царь горестно всхлипнул. Да, отец хороший был, только слишком долго не помирал. Нельзя же так при живом сыне... Сын ведь тоже царь, сыну тоже хочется... А Простяга все не стареет, мне уже за пятьдесят перевалило, а он все на вид моложе меня... Ангелы, видно, за него Бога просили... За него просили, а за себя забыли. Второго, говорят, прижали в отцовской комнате, в руках у него было по праше, но биться он не стал, перед смертью, говорят, кинул обе пращи за окно, лопнули они синим огнем, и пыли не осталось... Жалко было пращей... А Простяга, говорят, плакал и упился тогда до полусмерти — первый раз за свое царствование — искал все меня, рассказывают, любил меня, верил...

Царь подтянул колени к подбородку, обхватил ноги руками. Ну и что ж, что верил? Меру надо было знать, отречься, как другие делают... да и не знаю я ничего, и знать не желаю. Был только разговор с дядюшкой, с его

высочеством. «Не стареет,— говорит,— Простяга».— «Да,— говорю,— а что поделаешь, ангелы за него просили». Дядюшка тогда ослабился, сволочь, и шепчет: «Ангелы,— говорит,— нынче песенки уже не здесь поют». А я возьми и ляпни: «Уж это верно, и на них управа нашлась, не только на человеков». Дядюшка посмотрел на меня трезво и сразу ушел... Я ведь ничего такого и не сказал... Простые слова, без умысла... А через неделю помер Простяга от сердечного удара. Ну и что? И пора ему было. Казался только молодым, а на самом деле за сто перешел. Все помрем...

Царь встрепенулся и, прикрываясь, неловко поднялся на корточки. В храм вошел верховный жрец Агар, служки вели его под руки. На царя он не взглянул, приблизился к Богу и склонился перед возвышением, длинный, горбатый, с грязно-белыми волосами до пояса. Царь злорадно подумал: «Конец тебе, ваше высочество, не успел, я тебе не Простяга, нынче же свои кишки жрать будешь, пьяная сволочь...» Агар проговорил густым голосом:

— Бог! Царь хочет говорить с тобой! Прости его и выслушай!

Стало тихо, никто не смел вздохнуть. Царь соображал: когда случился великий потоп и лопнула земля, Простяга просил Бога помочь, и Бог явился с неба комом огня в тот же вечер, и в ту же ночь земля закрылась, и не стало потопы. Значит, и сегодня так будет. Не успел дядюшка, ваше высочество, не успел! Никто тебе теперь не поможет...

Агар выпрямился. Служки, поддерживавшие его, отскочили и повернулись к Богу спиной, пряча головы руками. Царь увидел, как Агар протянул сложенные ладони и положил на грудь Бога. У Бога тотчас загорелись глаза. От страха царь стукнул зубами: глаза были большие и разные — один ядовито-зеленый, другой белый, яркий, как свет. Было слышно, как Бог задыхался, тяжело, с потрескиванием, словно чахоточный. Агар попятился.

— Говори,— прошептал он. Ему, видно, тоже было не по себе.

Царь опустил на четвереньки и пополз к возвышению. Он не знал, что делать и как поступать. И он не знал, с чего начинать и говорить ли всю правду. Бог тяжело дышал, похрипывая грудью, а потом вдруг затянул тихонько и тоненько — жутко.

— Я сын Простяги,— с отчаянием сказал царь, уткнувшись лицом в холодный камень.— Простяга умер. Я прошу защиты от заговорщиков. Простяга совершал ошибки. Он

не ведал, что делал. Я все исправил: смирил народ, стал велик и недоступен, как ты, я собрал войско... А подлый Бат мешает мне начать завоевание мира... Он хочет убить меня! Помоги!

Он поднял голову. Бог, не мигая, глядел ему в лицо зеленым и белым. Бог молчал.

— Помоги...— повторил царь.— Помоги! Помоги! — Он вдруг подумал, что делает что-то не так и Бог равнодушен к нему, и совсем некстати вспомнил: ведь говорили, что отец его, царь Простяга, умер вовсе не от удара, а был убит здесь, в храме, когда убийцы вошли, никого не спросив.— Помоги! — отчаянно закричал он.— Я боюсь умереть сегодня! Помоги! Помоги!

Он скрючился на каменных плитах, кусая руки от нестерпимого ужаса. Разноглазый Бог хрипло дышал над его головой.

— Старая гадюка,— сказал Толя. Эрнст молчал.

На экране сквозь искры помех черным уродливым пятном расплылся человек, прижавшийся к полу.

— Когда я думаю,— снова заговорил Толя,— что, не будь его, Аллан и Дерек остались бы живы, мне хочется сделать что-то такое, что я никогда не хотел делать.

Эрнст пожал плечами и отошел к столу.

— И я всегда думаю,— продолжал Толя,— почему Дерек не стрелял? Он мог бы перебить всех...

— Он не мог,— сказал Эрнст.

— Почему не мог?

— Ты пробовал когда-нибудь стрелять в человека?

Толя сморщился, но ничего не сказал.

— В том-то и дело,— сказал Эрнст.— Попробуй хоть представить. Это почти так же противно.

Из репродуктора донесся жалобный вой. «ПОМОГИ ПОМОГИ Я БОЮСЬ ПОМОГИ...» — печатал автомат-переводчик.

— Бедные злые люди...— сказал Толя.

Статьи, интервью

Про критику научной фантастики

Швейк тщетно старался завязать разговор с ефрейтором и по-дружески объяснить ему, почему ефрейторов называют ротной язвой.

Я. Гашек

1. Преамбула

Вид художественной литературы, именуемый научной фантастикой, существует. Другое дело, что многочисленные попытки теоретически отграничить научную фантастику от других видов художественной литературы не привели к сколько-нибудь определенным результатам. Мы поэтому исходим из предположения, что нормальный человек интуитивно улавливает разницу между, скажем, «Искателями» Гранина и «Туманностью Андромеды» Ефремова и между «Аэлитой» Толстого и народной русской сказкой про Лихо Одноглазое. Итак, научная фантастика существует. Она существует для того, чтобы удовлетворить естественное стремление человека к необычайному, будить воображение, утолять любознательность. Это специфическая цель научной фантастики, и это знает каждый фантаст. (Хотя до сих пор еще попадаются скучные личности, которые хотят, чтобы научная фантастика выполняла функции учебников для средней школы.)

Чтобы покончить с банальными истинами, приведем еще две.

1. Современная научная фантастика отягощена многочисленными недостатками.

2. Тем не менее она является одним из наиболее массовых, наиболее читаемых видов литературы.

Отсюда следует тривиальный вывод: научной фантастике нужна доброкачественная критика.

2. Научная фантастика, какой ее видим мы

Начнем с того, что с нашей точки зрения нет принципиальной разницы между научной фантастикой и другими видами литературы и между работой писателя-фантаста и любого другого писателя-беллетриста. Как и всякий вид литературы, научная фантастика не одно-

Неопубликованное «исследование-декларация» (по авторскому определению), написанное в 1962 году и частично вошедшее затем в статью «О советской фантастике» (также неопубликованную).
(Примечание Б. Стругацкого.)

родна, она содержит ряд различных идейно-тематических течений. Вот некоторые из них: судьбы величайших изобретений и открытий современной науки; создание образа человека будущего — романтического героя; создание образа обыкновенного человека будущего — принципиально не отличающегося от героя нашего времени; создание гротескных ситуаций, как следствий столкновения человека с необычными свойствами природы. Как и любой честный писатель-беллетрист, писатель-фантаст в своем творчестве проделывает какую-то эволюцию, совершенствуется, иногда меняет взгляды. Писатель-фантаст, начиная работать над произведением, ставит перед собой определенную задачу, вытекающую из его взглядов и вкусов, и решает ее характерными для себя средствами, применяя ему одному присущие методы воздействия на читателя.

Как и в любом другом виде литературы, в научной фантастике правомерны все проводимые идеи и все разрабатываемые темы (за исключением, разумеется, идей и тем, противоречащих коммунистическому мировоззрению). О критике речь еще будет впереди, но заметим, что, как и всякий писатель-беллетрист, фантаст крепко держится за свои взгляды, и если критика не способна эти взгляды изменить, то это, между прочим, может означать и слабость позиций критики. Отметим, наконец, что, как и в любом другом виде литературы, в научной фантастике есть случайные авторы и авторы-новички. Бывают и халтурщики — тоже как и в любом другом виде литературы.

Такова научная фантастика с нашей точки зрения, и возможностей для другой научной фантастики мы не видим.

3. Научная фантастика, как ее видят критики

Все, изложенное в предыдущем разделе, критика игнорирует. Вот как выглядит современная научная фантастика с точки зрения одной критикессы — с точки зрения, которая представляется нам довольно характерной.

«...Очень уж трудно обнаружить в... этих произведениях ... индивидуальность пишущего, его личную особую тему. Попробуйте различить писателей-фантастов по голосам, попытайтесь найти в каждом из них своеобразие — у вас это вряд ли получится...» «...Большинство наших фантастов по большей мере озабочены только одним: они стараются писать как можно более фантастично, вовсе не заботясь о том, чтобы подняться «просто» до настоящей, хорошей литературы. Вот почему главное

для них — некая гипотеза, а все остальное: характеры, конфликты, сюжет — не более чем «упаковка». «Берется набор стандартных ситуаций, характеристик героев, описаний — набор, напоминающий коробку с планками, винтами и колесиками из детского конструктора... Все это замешивается на дрожжах более или менее реальной научной гипотезы, потом выливается в многократно использованную форму «новеллы ужасов», детектива, монолога «раскаявшегося скептика» или «пламенного энтузиаста» — и рассказ готов». Как видите, от первого абзаца предыдущего раздела не осталось камня на камне.

Не менее любопытные сведения о нашей научной фантастике мы узнаем из других критических работ. Безграмотными невеждами оказываются научные фантасты, коим по сюжетным надобностям потребовалось выскочить за пределы современных научных представлений. Скучными техниками оказываются, с другой стороны, те фантасты, сюжетные надобности коих позволили им существовать на грани возможного. Критики из среды самих научных фантастов изобретают прелюбопытные теории, суть которых сводится к тому, что лишь направление, представленное автором теории, является истинным, а остальные направления следует карать беспощадно. Вот и второй абзац предыдущего раздела разнесен в пыль.

Таким образом общая картина борьбы критики против научной фантастики выглядит так. Берется вся научная фантастика — скажем, за последние три года. Заметьте, если мы говорим «вся» — это значит вся. Молодые и старые. Новички и маститые. Халтурщики и честные. Способные и бездари. Произведения 59-го года и произведения 61-го. Все смешивается в кучу. Из этой кучи, как изюм из батона, выбирается самое неудачное и подвергается осмеянию. При этом, как правило, происходят такие вот вещи. Например, кто-нибудь из этой кучи авторов страдает склонностью к штампам. Берут из него пример, поднимают этот пример на надлежащую сатирическую высоту и объявляют: «Вот они какие, эти нынешние фантасты!» Попробуй потом оправдайся... Но мы забежали вперед.

Такова научная фантастика, которую видит критика, и никакой другой она почему-то не видит.

4. Критика, какой ее видим мы

Интересно, что бы сказал А. Н. Толстой, если бы увидел на третьей полосе какой-либо литературной газеты такую заметку.

НЕ ТО!

Я не раз пытался представить себе образ честного интеллигента, принявшего Октябрьскую Революцию. В воображении возникали образы самоотверженных людей, проводивших дни и ночи в тифозных бараках, с воспаленными от бессонницы глазами заседающих у Луначарского, беззаветно идущих в бой за молодую Республику.

Счастливым случай помог мне избавиться от заблуждений. Я прочитал книгу А. Н. Толстого «Восемнадцатый год». И теперь доподлинно знаю, чем занималась интеллигенция в дни Революции... Конец семнадцатого года. Необычайные трудности испытывает молодая Республика Рабочий Рублев с гранитного цоколя памятника Александру III агитирует солдат повернуть штыки в защиту революции. И вот «здесь же у памятника остановился по малой надобности широкоплечий человек с поднятым воротником. Казалось, он не замечал ни памятника, ни оратора, ни солдат с узлами». Позже оказывается, что это интеллигент Телегин. Вот он, образ честного интеллигента по А. Толстому! Он не проводит дни и ночи в тифозных бараках! Он отправляет малую надобность, не замечая ничего вокруг!

(С иронией и жалостью:)

Хочется искренне поблагодарить редактора издательства, позволившего автору донести до нас живое дыхание великого прошлого.

Ж. Обмылкин, журналист

Классик советской литературы был бы наверняка удивлен таким лихим и странным толкованием образа Телегина. А вот нас, простых советских научных фантастов, такой лейб-гусарской атакой в пешем строю — сабли наголо, на нижней губе изжеванная пахитоска, холодно и спокойно поблескивает голубоватое пенсне — не удивишь. Мы уже привыкли. Мы только слабо повизгиваем, когда нам в бок втыкают золоченую авторучку. Хочется иногда, конечно... но...

К сожалению, в советской научной фантастике не создано пока еще ни одного произведения, достойного стоять хотя бы полкой ниже «Восемнадцатого года». Вероятно, именно поэтому разбором научно-фантастических произведений никогда не занимаются генералы-от-критики. Их как-то не тянет. А может быть, они просто не знают, что есть у нас такая научная фантастика, в которой честно и профессионально работают уже несколько писателей. Редко-редко (и такие события отмечаются у фантастов иллюминацией и сатурналиями) величественно выступит с проблемной статьей критический

майор или полковник. Обычно же критическим обслуживанием научной фантастики занимаются ефрейторы. Иногда унтер-офицеры. В порядке отхожего промысла. И вот берет автор научно-фантастического произведения какую-нибудь литературную (а то и экономическую) газету, распахивает ее на какой-нибудь странице, судорожно пробегает штурмовой опус Ж. Обмылкина, журналист-ефрейтора, похожий на хриплую команду: «Сдеть шинеля!», и жалобно стонет: «Ну за что же? Ну неужели он действительно не понял? Ну что за кретин!»

Представим себе, что при этой сцене присутствует сам журналист-ефрейтор. «Ты это брось,— с ленивой ухмылкой скажет он автору.— Чего там еще понимать. Все и так ясно». И наверное, ему действительно все совершенно ясно. Небрежно, не глядя, берет он очередную научно-фантастическую повесть, бегло проглядывает ее, молча спешивается, обнажает саблю и идет в атаку. Таковы рефлексы критического лейб-ефрейтора.

Несколько (а в некоторых случаях и гораздо) более сложные рефлексы унтер-офицера. Если принципы ефрейтора характеризуются просто возгласом: «Р-руби!», то принципы всякого уважающего себя унтер-офицера всегда заключаются им в следующую стандартную схему:

А. Наши ученые, одну за другой, завоевывают вершины науки.

Б. Развитие науки вызывает огромный спрос на научную фантастику.

В. И это не удивительно.

Г. В последнее время после долгого периода застоя научная фантастика наконец проснулась.

Д. Появились новые авторы (Иванов, Петров, Сидоров, А. Н. Лев-Толстой), которые очень увлекательно написали про завоевание Венеры, про завоевание недр Земли и про достижения геронтологии.

Е. Но все ли у нас благополучно?

Ж. Не все. Бытуют еще некоторые недостатки. Образов нет. Людей нет. Художественного вкуса нет. Мастерства нет. Ничего нет. Скучно. Грустно.

З. Хочется пожелать нашим фантастам еще больших успехов.

Если ефрейторы унижаются все-таки до атаки на одного отдельно стоящего автора, то унтер-офицеры, как мы уже говорили, никак не способны подняться до этого.

Он критикует оптом, окружая и перемалывая сразу целые подразделения авторов. Очевидно, унтер-офицеру тоже все ясно. Он явно считает, что понимать тут нечего, и потрошит научную фантастику, не замечая, где кончается один автор и начинается другой.

Кто станет спорить, что критик имеет полное право расчленить и исследовать литературное произведение, а автор имеет не меньшее право жалобно закричать: «Увы мне, опять не поняли!» Это несомненно бесспорное положение становится спорным, когда речь заходит о научной фантастике. Вот мы считаем, что это положение следует распространить на научную фантастику. Мы считаем, что критику в любом случае невместно заявлять: «Чего-де там понимать? Все и так ясно».

Мы считаем, что научного фантаста тоже можно понять, а можно и не понять. Переведем это на привычный ефрейторам язык письменного приказа: «Критикам навсегда запомнить надлежит, что всякий честный писатель-фантаст — это прежде всего писатель, обремененный мыслями и идеями, и удовлетворение свое ищущий «в освобождении от груза своих мыслей», как говаривал Мозэм, и пишущий потому, что не может не писать».

Такова критика, которая у нас перед глазами, и другой критики мы не видим.

5. Критика, какой мы бы хотели ее видеть

С приложением списка некоторых запрещенных приемов

Мы боимся, что нам опять придется говорить банальности. По нашему глубокому убеждению, критикам следует работать так (мы хотим сказать, что, если бы мы были критиками, мы работали бы именно так):

1. Заинтересоваться данной книгой. (Только не говорите нам, что в нынешней фантастике нечем интересоваться, — мы все равно не поверим: мы же интересуемся! Есть, правда, критики, которые не любят научную фантастику вообще, — о них речи нет, пусть они критикуют то, чем они интересуются.)

2. Несколько раз внимательно прочитать книгу. (Иногда это бывает трудно, но это же ваша работа! Писать тоже трудно, уверяем вас.)

3. Постараться понять замысел автора. Путеводной звездой да послужит вам мысль о том, что таковой замысел наличествует почти всегда. (Тут, главное, не закричать

еще над обложкой: «Чего там, все ясно!» Остальное пойдет как по маслу.)

4. Разобраться в художественных средствах, которыми пользуется автор для проведения своего замысла (при этом, по возможности, не стремитесь рассматривать каждый необычный эпизод как элемент разнуждающего развлечения. Так, например, появление на страницах кошмарного чудища отнюдь не всегда задумывается автором-фантастом только для того, чтобы не дать заскучать читателю.)

5. Оценить замысел и художественные средства и установить, насколько они соответствуют друг другу. Это самый существенный момент. Выяснение, как соотносятся форма и со...

Знаете, это все, наверное, уж слишком банально. Вы, вероятно, нас уже поняли, товарищи критики. По сути дела, мы хотели бы только, чтобы вы были добросовестны. И еще. Есть такое понятие — запрещенный прием. На всякий случай список таких мы прилагаем.

СПИСОК ЗАПРЕЩЕННЫХ ПРИЕМОВ

1. Лихие наскоки журналист-ефрейторского типа. Нехорошо, нечестно выдирать из произведения одну-две строчки, обставлять выдранное насмешливо-уличающей фразеологией и сбывать то, что получилось, неприхотливым редакторам. Нехорошо, например, взяв на рассмотрение известный тургеневский рассказ, тщательно выписать отсюда все, что говорит немой Герасим, язвительно заметить, что во всем могучем русском языке автор находит только одно мычание, и снести этот нехитрый опус в редакцию, озаглавив его «Ни му, ни му».

2. Обвинение научной фантастики в восьмом, девятом и прочих смертных грехах. Обычно этим занимаются критики, которые научную фантастику терпеть не могут и потому видят в ней источник разнообразных бед. Нехорошо, нечестно фантастов, по каким-то соображениям вышедших за пределы современных научных представлений, либо обвинять в подрыве достоинства науки, либо объявлять ответственными за появление прожектеров и всяких там перпетууммобилистов. Обвинения, при всей их нелепости, звучат очень обидно, прежде всего потому, что практически каждый фантаст очень любит науку и презирает перпетууммобилистов. Современным фантастам остается утешаться мыслью о том, что в том же положении оказываются Гомер и Сирано де Бержерак, ответственные,

по мнению нынешних критиков, за появление в отдаленные времена такой армии изобретателей вечного двигателя и искателей трисекции угла и квадратуры круга, что Парижская Академия наук вынуждена была отгородиться от нее специальным постановлением.

3. Унтер-офицерские шалости и передержки разных калибров. Например, передержка крупного калибра. Нехорошо, нечестно, взяв рассказ Уэллса «Яблоко» и кокетливо спутав цель с методом, объявить великого фантаста-реалиста мистиком-мракобесом на том основании, что в рассказе имеется одно яблоко с древа познания. А вот передержка калибром поменьше. Уцепиться за естественное желание какого-нибудь героя светлого будущего поспать, попить или поесть и торжествуя воскликнуть: так вот каковы, по мнению автора, заветные стремления героев — покорителей иных планет! Нехорошо, нечестно.

Если критики откажутся хотя бы от этих трех перечисленных запрещенных приемов, то даже при прочих равных условиях мы увидим почти такую критику, какой мы хотели бы ее видеть.

6. Должны ли писатели заниматься критикой фантастики

В идеале — не должны. Писатели вообще гораздо более миролюбивы, чем критики. Но уж очень донимают иной раз ефрейторы и унтеры — без всякой, что самое печальное, пользы для себя и для других. И вот тогда писатель, потный от злости, хватается неуклюжую критическую рапиру и начинает неумело тыкать ею в серую критическую массу.

А теперь, расставаясь с читателями, хочется пожелать нашим критикам еще больших успехов.

Фантастика — литература

*(Из материалов дискуссии,
состоявшейся в январе 1965 года
в ленинградском Доме детской книги)*

Фантастика как явление в литературе существует уже много лет (по крайней мере, со времен Ж. Верна), но по сей день не прекращаются споры: зачем она, какими проблемами ей надлежит заниматься и в чем ее суть. На первый взгляд может показаться, что споры эти являются

чисто литературоведческими и не могут оказывать существенного влияния ни на работу писателей-фантастов, ни на суждения об этой работе читателей — любителей фантастики; но история, по крайней мере советской фантастики, показывает, что это неверно. И если мы — писатели, практики — принимаемся теоретизировать и намерены сейчас предложить вашему вниманию свой взгляд на фантастику, то происходит это не потому, что нас увлекают литературоведческие проблемы сами по себе. Судьбы фантастики нам дороги, и нам кажется небезопасной та теоретическая путаница, которая имеет место в представлениях многих читателей, редакторов, библиотекарей и педагогов, — путаница, вызванная не только отсутствием общепринятой теории фантастики, но и существованием «имеющих хождение наравне» самостоятельных определений, слишком узких, слишком примитивных, упрощающих представлений о фантастике, принижающих требования к ней.

Газетные и журнальные статьи, встречи с читателями самых разных возрастов и профессий, споры с коллегами и беседы с людьми, работа которых связана с изданием и пропагандой фантастики, убедили нас в существовании по крайней мере трех достаточно распространенных взглядов на фантастику, влияние которых на общественное мнение представляется нам небезопасным для развития фантастики.

Когда-нибудь теория вскроет исторические и психологические корни этих взглядов (мы называем их «жесткими») и, может быть, даже покажет неизбежность их появления на определенном этапе развития литературы. Нас же сейчас интересует более всего вопрос: как нейтрализовать действие этих взглядов, как показать их несостоятельность и потенциально неблагоприятную роль в развитии фантастики?

Вот эти жесткие взгляды в возможно более сжатой и обнаженной формулировке: 1. **ФАНТАСТИКА ЕСТЬ ЛИТЕРАТУРА НАУЧНОЙ МЕЧТЫ.** Главная ее задача — популяризовать достижения науки, приобщать широкие массы читателей к научно-техническому прогрессу, экстраполировать этот процесс в увлекательной и общедоступной форме. Это главное; все же прочее в фантастике не существенно и не стоит специального внимания. 2. **ФАНТАСТИКА ЕСТЬ ЛИТЕРАТУРА О СВЕТЛОМ БУДУЩЕМ.** Главная ее задача — создать зримые картины коммунистического мира, яркие образы людей будущего. Это главное, а все прочее не существенно и не стоит спе-

циального внимания. 3. **ФАНТАСТИКА ЕСТЬ СПЕЦИФИЧЕСКИ ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА.** Главная ее задача — снабжать духовной пищей многомиллионную армию советских школьников, формировать коммунистическое сознание детей, готовить их к вступлению в большой мир науки. Это главное, а все прочее в фантастике интересно лишь постольку, поскольку может способствовать решению главной задачи.

Очень важно подчеркнуть, что каждое из этих утверждений по сути своей бесспорно. Никакой нормальный человек, обладающий коммунистическим мировоззрением, не станет отрицать необходимость приобщения широких масс к научно-техническому прогрессу, огромной важности создания зримых картин светлого будущего и величайшего значения воспитания подрастающего поколения в духе коммунистической морали.

Вся беда состоит в том, что предлагаемые определения фантастики являются жесткими и каждое из них проникнуто духом нетерпимости. Стремление выделить некое **ГЛАВНОЕ** направление в фантастике, выделить любой ценой, хотя бы и в ущерб всем прочим направлениям, вопреки богатейшим традициям мировой фантастики, вопреки элементарному требованию, предъявляемому к любому определению — требованию достаточной общности, — вот что делает эти определения неприемлемыми и некорректными.

Пусть фантастика есть действительно по преимуществу литература научной мечты. Слава Ж. Верну, слава А. Беляеву, слава К. Циолковскому-писателю! Воистину слава этим замечательным людям, без сомнения, украсившим мировую фантастику! Но что делать с «Войной с саламандрами» К. Чапека? На какое место в литературе научной мечты может претендовать всемирно известная «Борьба миров» Г. Уэллса? Неужели вся прелесть блестящей «Аэлиты» А. Толстого объясняется тем, что повесть описывает межпланетный перелет ракеты на «ультралидите»?

Пусть фантастика есть по преимуществу литература о светлом будущем. Да, превосходны «Туманность Андромеды» И. Ефремова и «Звезда КЭЦ» А. Беляева и не лишен больших достоинств утопический роман Г. Уэллса «Люди как боги». Но о каком светлом будущем идет речь в «Гиперболоиде инженера Гарина» А. Толстого? Не придется ли нам зачислить в несущественные и нетипичные для фантастики замечательные произведения Р. Брэдбери? Образцовые по литературным достоинствам памфлеты

Л. Лагина? Популярнейшие среди читателей острые сатирические рассказы И. Варшавского?

Утверждение же, что фантастика — это литература для детей, кажется неприемлемым уже хотя бы потому, что всемирно прогремевшая «Туманность Андромеды» вряд ли предназначена для детей. Это произведение сложное, насыщенное информацией, доступное, по сути, только высококвалифицированному читателю.

Да, фантастика оказывается слишком разнообразной, слишком разнотемной, чтобы можно было втиснуть ее в узкие рамки любого из жестких определений. Попытки же выделить некое главное направление в фантастике приводят только к новым абсурдам, ибо отсекают и низводят до несущественных лучшие образцы жанра и «открывают» вдруг главного и неглавного Уэллса, главного и неглавного Ефремова, главного и неглавного Верна. Более того, нетерпимость и узость жестких определений порождают не только классификационную нелепицу. Они ограничивают сферу действия фантастики, возможности изучения и отражения ею мира событий и идей.

Нельзя ограничивать фантастику задачей популяризации науки и изображения научно-технического прогресса. Этого слишком мало. В тени остаются важнейшие проблемы общепhilosophического характера, социологические аспекты технического прогресса, чисто человеческие его аспекты, наконец.

Мы не можем считать достаточно исчерпанной проблематику СОВРЕМЕННОСТИ, чтобы полностью отдаваться изображению картин грядущего коммунистического мира. Слишком много вопросов ставит еще перед литературой современность, слишком пристально наше внимание к человеку сегодняшнего дня.

Что же касается представлений о фантастике как о сугубо детской литературе, то оно означает несправедливейшее забвение интересов огромного слоя читателей, составляющих творческий пласт государства. Да, школьник — это верный друг фантастики, благодатный и благодарный читатель, ради которого надо и стоит работать. Но не только же ради него! Мы провели маленькую самостоятельную анкетку, спросив 64 человека в диапазоне от 20 до 60 лет, занимающих самое различное служебное положение — от лаборанта до директора научного учреждения. Все опрошенные представляли научно-техническую интеллигенцию: математики, астрономы, биологи, историки, инженеры... Вопрос анкеты формулировался так: «Внима-

тельно ли вы следите за фантастической литературой и что вы ищете в ней?»

Оказалось, что 45% опрошенных регулярно читают фантастику, следят за ее выпуском, ищут ее в магазинах, выпрашивают у знакомых — словом, любят ее. Могут сказать: это ничего не значит, детективы (даже самые дрянные) тоже выпрашивают у знакомых и захлеб читают в автобусах и метро. Так вот выяснилось, что четверть всех опрошенных (то есть половина любителей фантастики) рассматривают фантастику не как развлекательное чтение, а как источник эмоций и эстетического наслаждения — то есть относятся к фантастике так же серьезно, как и к остальной прозе. Если распространить результаты анкеты на всю научно-техническую интеллигенцию страны (для этого есть все основания) и если добавить студентов, высококвалифицированных рабочих, инженеров-производственников и передовых колхозников, то мы получим многомиллионную армию читателей. Их меньше, конечно, чем школьников, но их тоже много, и это наиболее серьезные, наиболее требовательные читатели со своей точкой зрения на мир и на литературу. И конечно, средний уровень их требований значительно выше среднего детского уровня. Их уже, как правило, не удовлетворяют Ж. Верн и А. Беляев, хотя они и сохранили об этих писателях самые приятные воспоминания, они тяготеют к таким, как Ефремов, Гор, Брэдбери, Уэллс, Варшавский, — их запросы шире и глубже детских...

Короче говоря, нам представляется совершенно очевидной теоретическая несостоятельность указанных жестких определений. Их узость, ограниченность, дух взаимной нетерпимости, заключенный в них, не могут не оттолкнуть любого человека, по-настоящему любящего и знающего фантастику. Тенденция же выделять и культивировать некое главное направление (тематическое или идейное) не может не привести к самым неприятным последствиям.

Во-первых, ограниченность задачи (а всякое жесткое определение есть, по сути, формулировка главной задачи писателя-фантаста) неизбежно порождает однообразие сюжетов и приемов, узость мысли и скудость проблематики. Именно так появляются произведения, осью которых становится фантастическое открытие или машина, повести, в которых человек сведен к схеме, к штампу, и даже творения, в предисловии к которым сообщается что-нибудь вроде: «Главным достоинством предлагаемой повести является то обстоятельство, что все численные данные относительно взаимного расположения планет получены

автором самостоятельно и абсолютно математически точны».

Во-вторых, уже само сознание того, что повесть пишется в «главном русле», способно играть злые шутки и с автором, и с читателем, и с литературой. Конечно, весьма заманчиво отыскать некую стержневую, самую важную, самую главную задачу и работать именно в ее рамках. И начинает казаться тогда, что тебе можно многое простить: ведь ты решаешь ГЛАВНУЮ задачу. Можно не особенно следить за стилем, можно не потеть в поисках единственного верного слова, можно уделять не слишком уж много внимания достоверности образа... Многое можно: ведь ты зато решаешь ГЛАВНУЮ задачу! Именно так появляются зачастую произведения безукоризненно идейные, блистательно популярные и широко доступные и вместе с тем — бледные, пресные, водянистые, начисто лишенные чисто литературных достоинств, а потому не способные по-настоящему увлечь, заинтересовать, взволновать читателя; произведения, общественная ценность которых, несмотря на всю их доступность и идейную выдержанность (и вопреки им), равна нулю...

За много лет своего существования фантастика накопила богатейший опыт, создала завидные традиции. Диапазон тем и сюжетов, поставленных проблем, сконструированных миров, диапазон имен и талантов, литературных манер и авторских склонностей чрезвычайно широк. Верн и Уэллс, Эфремов и Брэдбери, Лем и Шекли, А. Беляев и Гор, Казанцев и Днепров, Немцов и Лагин, Чапек и Азимов, Веркор и Варшавский, А. Толстой и Карсак... Проблематика научно-технического прогресса и социологические его аспекты; философские вопросы самого общего характера; проблемы гносеологии, проблемы места человека во Вселенной; антивоенная и антиимпериалистическая тематика; утопические романы и романы-предупреждения... Никакое жесткое определение не способно, конечно, охватить и отразить все это многообразие, и, если мы хотим сформулировать достаточно адекватный и корректный взгляд на фантастику как на литературное явление, мы ни на минуту не должны забывать о ее многогранности и разнообразии. Но кроме того, мы должны иметь в виду еще и следующие обстоятельства.

Во-первых, фантастика никогда не сужалась до одной темы или даже до ограниченной совокупности тем или задач. Фантастика, как и вся литература, объективно полагала своей целью отражение действительности в худо-

жественных образах, причем под действительностью следует понимать не только мир вещей и событий, но и мир общественного сознания, мир прошлого и будущего человечества в преломлении творческого восприятия писателя. И это не теоретические соображения — это эмпирический факт, который нетрудно установить, если непредвзято окинуть взором весь пройденный фантастикой путь. Поэтому, формулируя свой взгляд на фантастику, мы исходим из представления о ней, как о части всей литературы, преследующей общелитературные цели, подчиняющейся единым литературным законам. Мы стремимся не столько отграничить фантастику от всей литературы, сколько, найдя ее специфические черты, слить с общим потоком прозы.

Во-вторых (и это тоже эмпирический факт), фантастика уже дала миру образцы, занимающие достойное место в ряду лучших произведений мировой «большой» литературы. «Человек-невидимка» и «Машина времени» Уэллса, «Война с саламандрами» и «РУР» Чапека, «Туманность Андромеды» Ефремова и «451° по Фаренгейту» Брэдбери — это не просто увлекательные, поражающие воображение и возбуждающие мысль произведения, это настоящая литература, без всяких скидок. Литература с большой буквы. Поэтому, формулируя свой взгляд на фантастику, мы должны делать это так, чтобы предъявить к фантастике максимальные требования, чтобы способствовать подъему ее уровня до уровня лучших ее образцов и, следовательно, до уровня большой литературы.

Короче говоря, определение фантастики должно быть достаточно общим, чтобы не остались за бортом самые, может быть, лучшие ее представители, и содержать литературные требования, чтобы специфические свойства фантастики не могли служить оправданием для снижения ее художественного уровня.

Нам представляется, что ФАНТАСТИКА ЕСТЬ ОТРАСЛЬ ЛИТЕРАТУРЫ, ПОДЧИНЯЮЩАЯСЯ ВСЕМ ОБЩЕЛИТЕРАТУРНЫМ ЗАКОНАМ И ТРЕБОВАНИЯМ, РАССМАТРИВАЮЩАЯ ОБЩИЕ ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПРОБЛЕМЫ (типа: человек и мир, человек и общество и т. д.), НО ХАРАКТЕРИЗУЮЩАЯСЯ СПЕЦИФИЧЕСКИМ ЛИТЕРАТУРНЫМ ПРИЕМОМ — ВВЕДЕНИЕМ ЭЛЕМЕНТА НЕОБЫЧАЙНОГО.

Необычайное может принимать в фантастическом произведении самые разнообразные конкретные формы. Это может быть некое научное открытие или изобретение; это может быть перенесение действия в небывалую обстановку

(в будущее, на иную планету, в другой физический мир и т. д.); это может быть чисто сказочное допущение и т. д. Необычайное в фантастике может оказаться чистейшим приемом (как в «Человеке-невидимке» и «Яблоке» Уэллса), применяемым для решения задач, не связанных прямо с сущностью необычайного. Необычайное может быть и самоцелью в произведении, как это происходит, скажем, в большинстве романов Ж. Верна. Но необычайное присутствует всегда. Когда необычайное перестает быть необычайным, фантастика перестает быть фантастикой — мы можем наблюдать такой процесс испарения фантастичности из произведений, посвященных научным открытиям, когда открытия эти, благодаря развитию науки и техники, становятся элементами реальной действительности. Необычайное может сделать произведение более фантастичным или менее фантастичным, но само по себе оно не способно сделать его литературно лучше или хуже. Как бы элемент необычайного ни поражал воображение, какой бы свежей или новой ни казалась связанная с ним идея, он не может поднять произведение до уровня большой литературы, если одновременно не выполняются некие более общие литературные требования, если, короче говоря, произведение НЕ БУДЕТ НАПИСАНО ХОРОШО. И именно поэтому не может быть никаких главных и неглавных направлений в фантастике — могут быть только литературно хорошие и литературно плохие произведения.

Мы ни в коей мере не собираемся утверждать, что наш взгляд является абсолютно истинным и представляет собою законченную основу для создания теории фантастики. Нам кажется только, что такой взгляд имеет все преимущества перед любым из жестких определений. Мы уверены, что наше представление о фантастике окажется лишь первым, самым грубым приближением к истине и предвидим массу возражений.

Нам могут сказать, например, что наше определение страдает излишней общностью, что оно определяет в одну рубрику и Уэллса, и Свифта, и Рабле, и даже народные сказки. И мы ответим: да, это так. Это непривычно, это даже шокирует, но по сути в этом нет ничего страшного. Литературоведение — не математика. Видовые определения в нем всегда страдают некоторой расплывчатостью. Кроме того, нам кажется предпочтительнее оставлять в рамках фантастики значительные образцы мировой литературы, нежели отбрасывать их. Пусть лучше Свифт украсит фантастику и станет образцом для фантастов, чем Чапек в угоду жесткому определению будет искусственно

исключен из нее и потерян как объект изучения и положительный пример. И честное слово, полезнее признать фантастическим произведением сказку об Аладдине, чем отказаться от великолепного приема введения в реалистическое произведение сказочного элемента, примененного Уэллсом в «Яблоке» и «Человеке, который мог творить чудеса». Ведь в конце концов дело не том, как классифицировать «Шагреновую кожу» Бальзака, а в том, чтобы предоставить в распоряжение фантастики максимально большое разнообразие художественных приемов для постановки и разрешения максимального количества задач и приемов, стоящих перед литературой.

Нас могут спросить также, зачем, собственно, узаконивать прием введения необычайного, зачем говорить о фантастике специально, раз она призвана рассматривать все те же общелитературные проблемы. Этот вопрос есть вопрос о НАЗНАЧЕНИИ фантастики как рода литературы. Он весьма емок и мог бы составить содержание нескольких статей. Но мы обратим внимание только на одну из задач фантастики, может быть, и не самую важную, но, во всяком случае, своим существованием доказывающую необходимость фантастики как отрасли литературы.

Речь идет о новых общечеловеческих проблемах и задачах литературы. Двадцатый век иногда называют веком разрушенных мифов. С тем же успехом его можно было бы назвать веком революций во всех областях человеческой деятельности. Социалистические революции разрушили миф о вечности и незыблемости принципа частной собственности. Антиколониальные революции разрушили миф о вечности колониализма. Революция в физике перевернула наши представления о микро- и макромире, время потеряло атрибут абсолютности, пространство оказалось тесно связанным с распределением вещества, и уже надвигается новая революция, готовая поколебать нашу веру в пространство и время как нечто непрерывное. Развитие кибернетики довершает вторую мировую промышленную революцию, переворачивает прежние, уже устоявшиеся представления о жизни как форме движения материи, о разуме, о месте человека во Вселенной. Стремительное развитие генетики порождает фантастические надежды и фантастические опасения. Человек устает удивляться, все труднее становится поразить его воображение. Прогресс столь быстр, что вопросы, еще в начале века казавшиеся праздными и наивными, сегодня приобретают чуть ли не утилитарный характер, и, наверное, никогда еще человек

так ясно не представлял себе, как много неожиданного может подстергать его на дорогах, ведущих в будущее.

Литература, если она хочет оставаться орудием формирования мировоззрения и мироощущения, обязана если не решать, то, во всяком случае, ставить перед обществом все задачи, ставшие насущными или кажущиеся насущными в перспективе. Таких задач сейчас много, как никогда.

Например, вопрос о контакте человека с иным разумом. Этим вопросом интересуются сейчас миллионы. И не только потому, что он будоражит фантазию. Вопрос этот перестал быть абстрактным и схоластическим, вопрос стоит на повестке дня, вопрос в принципе решен развитием электроники и радиотехники. Но вопрос этот необычайно сложен, связан с десятком наук от астрономии до социальной психологии и имеет массу аспектов. Технический аспект достаточно детально изучен, и уже в ближайшие годы ученые смогут сигнализировать в космос о нашем существовании, но... нужен ли нам контакт? Полезен ли он человечеству? Поможет ли он разрешить человечеству его человеческие проблемы или только добавит новые проблемы — совершенно иного масштаба, принципиально иной сложности? «Да, можем, но стоит ли?» Отвечать на этот вопрос с бухты-барахты по меньшей мере наивно, необходимо тщательнейшим образом продумать все возможные варианты, чтобы избежать последствий чрезвычайно неожиданного и малоприятного свойства.

Возьмем пример из области социологии. Мир «Туманности Андромеды» прекрасен, но дороги к нему преграждены многими рогатками, и, наверное, самой опасной из таких рогаток является влияние буржуазной идеологии. Совершенно ясно, что одним повышением уровня материального благосостояния невозможно достигнуть истинно светлого будущего. Мы знаем, что в целом ряде капиталистических стран достигнут более высокий, нежели у нас, уровень благосостояния. Но стали ли эти страны ближе к коммунизму, чем мы? Нет, ибо там свирепствует никем не пресекаемое и даже поощряемое мещанство. И если даже каким-то путем удалось бы достигнуть в этих странах общественного владения орудиями и средствами производства, то и тогда осталась бы величайшая из задач — задача восстановления ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО мировоззрения. Эта проблема еще более сложна; она связана, вероятно, с созданием научной коммунистической педагогики, исчерпывающей теории преобразования и совершенствования человеческих душ.

Мы привели только два примера современных проблем, можно было бы привести их значительно больше: от хорошо известной проблемы «человек и машина» до проблемы будущего животных инстинктов в человеке. Проблемы эти различаются и по степени их насущности, и, вероятно, по степени их важности, хотя именно об относительной их важности нам особенно трудно судить сейчас, когда мы так далеки от их разрешения. Существенно то, что большая литература крайне редко обращается к ним, оставаясь в рамках классической проблематики. И не важно, собственно, почему это происходит. Важно то, что проблемы сформулированы, что проблемы возникают ежедневно — новые и новые, — что они в значительной степени отражают коренные изменения, происходящие в мире, и есть сейчас только одна отрасль литературы, которая систематически ими интересуется. И эта отрасль — фантастика.

Прежде чем закончить это сообщение, нам хотелось бы лишний раз подчеркнуть, что теоретическая путаница в вопросах фантастики небезопасна. Она может привести к понижению художественного уровня фантастики, к сужению ее возможностей, к безнадежному оскущению ее, наконец, если теорию и дальше будут пытаться подменить системой жестких определений. Фантастика всегда была многообразной, умной и значительной. Такою она должна оставаться и впредь, потому что перед нею стоит много увлекательнейших проблем, число которых все время возрастает.

О жизни, времени, счастье...

1. Что такое счастье в жизни, как связано это понятие с личными радостями и огорчениями, с успехами и преуспеянием (со славой, наградами, материальным благополучием)?

1. Для нас счастье — это кратковременное ощущение радости бытия, возникающее от сознания хорошо выполненного замысла. Ощущение острое, сильное и редкое. Оно возникает неожиданно и быстро исчезает, потому что невыполненного, незаконченного и неудачного всегда больше и нормальное состояние озабоченности и неудов-

летворенности, естественно, преобладает. Поэтому мы гораздо более ценим ощущение занятости и полноты жизни, ощущение менее яркое, но более длительное и надежное. Когда-то мы писали: «Жизнь дает человеку три радости: друга, любовь и работу». Мы сейчас думаем так же. Хотя прекрасно понимаем, что счастье — понятие чрезвычайно индивидуальное и зависит от многих факторов: от воспитания, от образа жизни человека, от его темперамента, от его окружения и физического здоровья. Мы знаем, что для многих людей счастье — это просто отсутствие несчастья, довольство, удовлетворенность, и мы понимаем этих людей, хотя и не приемлем такого представления о счастье. Для большинства людей счастье связано с осуществлением желаний, и, вообще говоря, желания предосудительные могут приносить столько же счастья, сколько и желания благороднейшие. Человек может быть счастлив даже в ущерб самому себе — когда источником его счастья оказывается удовлетворение дрянных и мелких желаний. Слава ради славы, награда ради награды, благополучие ради благополучия — все это рано или поздно приводит человека в духовный тупик, в котором нет места никакому счастью и где остаются одни только сомнительные приятности воспоминания. Для нас уже много лет основным источником счастья служит наша работа, и выражение «человек создан для счастья...» мы склонны истолковывать как «человек рожден для творчества» (если человек вообще рожден ДЛЯ чего-нибудь).

2. Как связана материальная обеспеченность с уровнем морали? Как вы определите сегодняшнее понятие мещанства, мещанской морали, мещанского вкуса? Как, по-вашему, связана талантливость человека с моральными качествами?

2. Материальная обеспеченность сама по себе — это нормальное и естественное состояние человека, в котором ему легче всего заниматься творчеством, не отвлекаясь на ерунду. Но материальная обеспеченность становится мощной преградой на пути человека к человеческому, если в силу воспитания или условий жизни превращается в самоцель. Кругозор сужается безнадежно, и человек так и не становится Человеком. Он становится мещанином.

Паскаль сказал: «Учитесь хорошо мыслить — вот основной принцип морали». Нам очень близка эта формулировка. Человека отличает от животного, по-видимому, прежде всего способность мыслить (хотя никто толком не знает, что это значит). И раз ты человек — то мысли.

И мысли хорошо: ищи знание, сомневайся, бойся узости и не бойся разрушения привычного и общепризнанного, внимательно и бережно относись ко всему новому, как к ребенку, который будет жить, когда тебя уже не станет. Думай о будущем. Помни, что ты ежедневно и ежечасно своими действиями (или бездействием) творишь это будущее и поэтому очень многое зависит от твоих действий.

Мещанин — это человек, который не желает или не может мыслить хорошо. Его кругозор узок, его духовные потребности бедны и примитивны, а эгоизм его богат и многогранен. Он не хочет знать больше, чем знает, и не желает понять, что кто-то способен думать и чувствовать иначе, чем он. Мещанин — это прежде всего эгоист, и все его усилия направлены на создание оптимальных условий для своего существования. В достижении таких условий он не брезгует никакими средствами, потому что все его принципы сводятся к одному: «Пусть мне будет хорошо — это главное, а остальное как-нибудь утрясется». Бывает, на наш взгляд, мещанин глупый и мещанин умный. Глупый мещанин обнаруживается легко: он честен, ибо искренне полагает, что является центром мироздания. Умный мещанин подозревает, что это не так, но считает, что это ДОЛЖНО быть так, а потому лжет и скрывается под удобными масками: под маской простосердечия, или под маской учености, или под маской преданности, или под маской принципиальности и непримиримости.

Каждый человек в какой-то мере эгоист, а значит, несет в себе зеркало мещанства. Это надлежит иметь в виду, быть начеку и никогда не прощать себе ничего такого, что не прощаешь другим. Знания, любознательность, интерес к миру, жадность к новому, мысль — отличное оружие против мещанства в себе и других. Наверное, талантливые люди в этом смысле находятся в более выгодном положении. Талант — это всегда способность видеть мир ярче и многообразнее, мыслить широко и с увлечением. Поэтому, как правило, талантливый человек всегда менее эгоистичен: ему легче понять, что в мире есть много интересного и важного и кроме его собственной персоны.

3. На каких путях представляется вам наиболее действенной борьба за коммунистическую мораль, за нового человека, против пережитков мещанской, эгоистической морали? Какую роль играет в этой борьбе материальное благосостояние?

3. Мы считаем, что материальное благосостояние само по себе ни в коем случае не способно обеспечить духовной и

моральной базы коммунизма. Мы знаем страны, в которых уровень жизни весьма высок и которые в то же время безнадежно далеки от коммунизма, как мы себе его представляем. Благосостояние, доставшееся эгоисту и невежде, человеку ограниченному и духовно бедному, неизбежно обратится против этого человека и в конечном итоге, может быть, низведет его до уровня удовлетворенного животного. Но с другой стороны, материальная недостаточность отвлекает человека от его основного назначения — творчества, мешает ему, тормозит его развитие. Путь борьбы за коммунистическую мораль проходит по Лезвию Бритвы между пропастями голода и пресыщения. Поднимая уровень материального благосостояния, мы должны одновременно и в том же темпе поднимать уровень духовный и моральный. Нам кажется, что решающее слово здесь должна сказать педагогика — наука о превращении маленького животного в большого человека. Проблема воспитания детей представляется нам сейчас самой важной в мире, и, к сожалению, проблема эта пока не решена. Речь идет именно о воспитании, а не обучении. Теорией обучения занимаются сейчас много и плодотворно, вводятся все новые и все более эффективные методы, и положение дел здесь особой тревоги не вызывает.

4. Чем объясните вы упадок гуманитарных интересов у сегодняшней молодежи, и очевидное преобладание техницизма, и само возникновение вопроса о «физиках» и «лириках»? Отражаются ли эти тенденции как-то на вопросах морали?

4. Нам кажется, что наблюдаемый «упадок гуманитарных интересов» — это результат сложного взаимодействия многих социальных и психологических факторов.

Явления произвола и отступления от ленинских норм, имевшие место в прошлом, тормозили развитие гуманитарии в нашей стране, не могли способствовать утверждению критериев правды, искренности, проблемности в искусстве, способствовали насаждению элементов догматизма и примитивизма в гуманитарных науках — в философии, истории, языкознании и т. д.

Виноваты недостатки системы воспитания. Нынешняя школа (и средняя, и высшая) готовит по преимуществу работника, участника огромного производственного процесса, необходимого для создания материального благосостояния в стране. Это и проще, и, казалось бы, полезнее. Обучить всегда легче, чем воспитать. Квалифицирован-

ного математика, физика, рабочего достаточно просто подготовить — методика процесса обучения разработана удовлетворительно и продолжает улучшаться. Квалифицированного же читателя, ценителя живописи и музыки, человека, тонко чувствующего искусство, надо ВОСПИТАТЬ — это гораздо труднее и вообще не ясно как. Кроме того, математик, физик, рабочий нужны позарез сейчас, нужны для выполнения гигантской, исторически сложившейся задачи, а со всем прочим можно, как считают многие, и подождать. Так возникает философия практицизма, так из школ и институтов выходят деловые, практичные, несколько грубоватые и простоватые люди. Они нужны и отлично сознают это. Они видят гигантский темп развития естествознания и справедливо гордятся своим участием в великом деле покорения природы. И когда им приходится выбирать между отставшей, заторможенной гуманитарией, только-только начинающей подниматься, и грозной, поражающей воображение, всесильной физикой, они отдают свои сердца тому, чему отдавала и всегда будет отдавать сердца молодежь: прогрессирующему, яркому.

5. Является ли, по вашему мнению, закономерным развитие именно в век атомной физики и сверхскоростей таких вещей, как абстрактное искусство, додекафоническая музыка, «конкретная» музыка, современный эксцентризм танца?

5. Вопрос, поставленный в такой форме, представляется нам тривиальным. Конечно же, да, конечно же, закономерно. Искусство не может не отражать существенных изменений, происходящих в мире, а XIX и XX века — это не просто разные столетия, это разные эпохи. Другое дело, почему указанные «человеческие проявления» приняли именно такой характер? Почему они так привились? Почему тысячи художников ударились именно в абстракционизм, а миллионы людей с удовольствием проэволюционировали от полек и вальсов именно к рок-н-роллу и твисту? Какие психологические сдвиги привели к тому, что многими миллионами людей искусство стало восприниматься иначе, чем полвека назад? В такой форме вопрос в анкете не стоит. И слава богу, потому что ответить на эти вопросы мы бы не взяли.

6. Как вы определяете понятие подвига, героизма и каковы, по вашему мнению, в большинстве случаев побудительные силы подвига и проявления героизма?

6. Подвиг — это победа человека над своими животными инстинктами и наклонностями: над страхом смерти, над страхом утратить спокойную, устроенную жизнь, над ленью, над стремлением к удовольствиям. Поэтому, нам кажется, подвиг тем более велик, чем сильнее внутреннее противодействие ему. Поэтому самые великие подвиги — растянувшиеся на годы: совершить их труднее всего, и почти всегда они бескорыстны. А побудительных сил так много, что мы просто затрудняемся назвать наиболее часто встречающиеся.

7. Волнует ли вас вопрос о жизни и смерти и до какого момента или события больше всего вы хотели бы дожить?

7. Нам очень часто бывает обидно, когда мы думаем о том, что всего лишь через пятьдесят лет нас наверняка не будет в живых. Очень хочется знать, что будет дальше, очень хочется пожить в будущем: ясно ведь, что там будет очень много интересного. Мы прекрасно усвоили древнюю мысль о том, что бессмертие вряд ли явилось бы благом для человечества, и тем не менее с удовольствием согласились бы дожить до момента, когда бессмертие делается общедоступным — пусть даже так называемое практическое бессмертие. И уж, во всяком случае, хочется дожить до момента, когда жить надоест: по слухам, такой момент рано или поздно наступает.

8. Каковы, по вашему мнению, сегодня главные задачи литературы и ваши лично как литератора?

8. Главные задачи литературы сегодня такие же, что и всегда: отражение мира во всей его сложности, без упрощенчества, без самообольщения и без так называемой лжи во спасение. Литература должна быть умом и совестью своего времени, и каждый литератор должен работать, имея в виду это и только это.

Автор вопросов А. Л. Лесс

Почему мы стали фантастами

По-видимому, каждый литератор старается передать читателям свои мысли и чувства по поводу интересующей его проблемы так, чтобы читатели не только восприняли эти

проблемы как важные и насущные, но и заразились бы интересом автора. По нашему мнению, каждое конкретное произведение литературы и искусства непременно имеет две стороны: рациональную и эмоциональную. Потребитель духовной пищи (читатель, зритель, слушатель) должен воспринять обе стороны, иначе нельзя сказать, что автор выполнил свою задачу. Фантастика, если рассматривать лучшие ее образцы, обладает особой способностью заставить читателя и думать, и чувствовать.

Как литература рациональная, фантастика успешно вводит думающего читателя в круг самых общих, самых современных, самых глубоких проблем, сплошь и рядом таких, которые выпадают из поля зрения иных видов художественной литературы: место человека во Вселенной, сущность и возможности разума, социальные и биологические перспективы человечества и так далее. В наше время задача литературы, как нам кажется, состоит не только в исследовании типичного человека в типичной обстановке. Литература должна пытаться исследовать типичные общества, то есть практически — рассматривать все многообразие связей между людьми, коллективами и созданной ими второй природой. Современный мир настолько сложен, связей так много, и они так запутаны, что эту свою задачу литература может решать только путем неких социологических обобщений, построением социологических моделей, по необходимости упрощенных, но сохраняющих характернейшие тенденции и закономерности. Разумеется, важнейшими элементами этих моделей продолжают оставаться типичные люди, но действующие в обстоятельствах, типизированных не по линии конкретностей, а по линии тенденций. (Так, в «Машине времени» Уэллс типизирует современный ему капиталистический мир не по линии конкретностей, как это делали Золя, Горький, Драйзер, но по линии присущих тому времени главных тенденций капитализма.)

Как литература эмоциональная, фантастика обладает свойством с максимальной силой воздействовать на воображение читателя. Прием введения фантастического элемента, даже если фантастическое произведение трактует классическую литературную проблему, обостряет и концентрирует эмоции автора, а значит, и читателя. Фантастический элемент служит неким катализатором, в присутствии которого реакция читателя на читаемое протекает особенно бурно. (Так, в романе «Человек-невидимка» Уэллс концентрирует ненависть и презрение к буржуазному мещанству с такой силой, как ему, на наш взгляд,

никогда не удавалось больше в его антимещанских реалистических произведениях.)

Глубина и широта мысли, обостренная эмоциональность — эти свойства фантастики, будучи осознаны, привлекали крупнейших писателей на протяжении всей истории литературы. Эти же свойства в меру своих сил и способностей стараемся использовать в своем творчестве и мы.

Контакт и пересмотр представлений

Может быть, не все еще это понимают, но бешеное развитие науки уже поставило нас лицом к лицу со всеми мыслимыми и немыслимыми следствиями ситуации, когда будущее перестало быть чем-то неопределенным и нейтральным, не маячит уже неясно за далеким горизонтом, а придвинулось вплотную и запускает свои щупальца в самую толщу сегодняшнего дня. Вопросы, еще в начале века казавшиеся праздными, детски наивными или чисто умозрительными, встают нынче на повестку дня рядом с такими жизненно важными проблемами, как, например, борьба против реваншизма и расизма, борьба за запрещение ядерного оружия и так далее.

Едины ли законы жизни для Вселенной?

Существуют ли пределы могущества человеческого разума?

Допустимо ли искусственное вмешательство в наследственность человеческого организма?

В чем заключается ответственность ученого за свои открытия? Что станет движущей силой общества всеобщего благосостояния?

Рассмотрим один из простейших, «детских» вопросов, поставленных ныне развитием науки: вопрос о связи с иными цивилизациями Космоса.

Вопрос этот трактуется фантастической литературой с незапамятных времен. Однако сегодня мы находимся в таком положении, что можем хоть завтра направить в космос радиосигналы, свидетельствующие об обитаемости Земли и о высоком уровне нашей цивилизации. Сам вопрос формулируется так: посылать этот сигнал или не посылать? Философская и научная литература до сих пор мало занималась этими проблемами, и практически единствен-

Предисловие к роману К. Саймака «Все живое...». Издание 1968 года, Москва.

ными людьми, которые разрабатывали эту тему, оказались писатели-фантасты, в том числе и К. Д. Саймак.

Посылать или не посылать? С одной стороны, общение с чужой высокоразвитой цивилизацией в случае установления регулярных контактов означает, казалось бы, новый взлет земной научно-технической мысли. Этому должен способствовать обмен самой широкой информацией в различных областях науки и техники. Может быть, наши партнеры научат нас межзвездным перелетам, и земная цивилизация, перешагнув через целую эпоху, скачком превратится в цивилизацию космическую? Может быть, они уже знают секрет практического бессмертия, способа изготовления пищи из воздуха, принципов произвольной перестройки человеческого организма и многие другие тайны, которые нам еще предстоит открывать и открывать? Ослепительные и манящие перспективы! Кажется, что и вопроса-то никакого нет: посылать, конечно же, посылать!

Однако, с другой стороны, задача оказывается не столь уж простой. Вероятность встречи с цивилизацией именно земного типа, да еще находящейся на уровне развития, не слишком отличающемся от нашего, пренебрежимо мала. Трудно ведь себе представить, чтобы цивилизации двух разных планетных систем развивались голова в голову. Одна наверняка будет впереди другой хотя бы на тысячи, а скорее всего — на миллионы лет. В космических масштабах миллион лет — это мгновение; в масштабах же человеческой истории это невообразимо долгий срок. Так что если кто-нибудь действительно откликнется на наши сигналы, то почти наверное это будет либо невероятно далеко ушедшая от нас цивилизация земного типа, либо цивилизация негуманоидная, обладающая сходной с нами технологией, однако безмерно отличающаяся от нас психологически. В первом случае мы просто окажемся неспособны на обмен информацией. Мы не сможем даже получить ее, как не смог бы троглодит получить от нас принципы устройства атомного котла. Во втором случае положение еще безнадежнее, а может быть, и опаснее. В лучшем случае мы могли бы представлять друг для друга интерес в плоскости сравнительной зоологии.

Но пусть нам даже повезет, и мы установим контакт с цивилизацией, которую способны понять. Оставим в стороне неприятные вопросы, связанные с психологическим шоком, который неизбежно испытает лишенное еще космического мировоззрения человечество; оставим и необычайные трудности, связанные с политической раздробленностью нашей планеты. Возникает вопрос: будет ли для

человечества благом получить готовые знания? Опыт истории науки показывает, что процесс познания не менее важен, чем само знание. Человечество, перепрыгнув через столетия, может упустить нечто очень существенное, безвозвратно потеряет кусок своей истории и, возможно, очутится в положении дикаря, играющего ручной гранатой в пороховом погребе. Так посылать все-таки или не посылать?

Нет, мы не намеревались ответить на этот вопрос. Вряд ли мы способны на исчерпывающе обоснованный ответ. Мы хотели только проиллюстрировать сложность космической проблемы, и для полноты иллюстрации зададим себе несколько дополнительных вопросов. Если бы пришельцы научили человечество космическим перелетам, что понесли бы на Сириус и на Альдебаран неонацисты и хунвэйбины? Если бы человечеству был подарен секрет практического бессмертия, в чьих бы руках он оказался? Если бы военные лаборатории агрессивных государств овладели принципами произвольной перестройки человеческого организма, как бы они эти принципы применяли?

Возможно, прочтя эти строки, убежденный читатель усмехнется. Проблема Контакта покажется ему смехотворно несоизмеримой с проблемой, скажем, разоружения или детской преступности. И если темой романа «Все живое...» действительно является Контакт, то роман это просто развлекательный или, в лучшем случае, умозрительный, не имеющий никакого отношения к потребностям сегодняшнего дня. Книжечка для чтения на сон грядущий, чтобы прочитать и вернуться к выполнению своих сложных и ответственных повседневных обязанностей.

Однако более правомерной нам кажется другая точка зрения. История учит, что философские, социальные и моральные представления не вечны, они меняются с развитием производительных сил и в соответствии с изменениями в производственных отношениях. В периоды особенно бурного развития естественнонаучных знаний эти представления необходимо от него отстают. Нам кажется, что проблема Контакта является одной из граней, частным случаем, иллюстрацией более общей, по-настоящему кардинальной проблемы: глубокого разрыва, существующего в настоящее время в мире между стремительным прогрессом технологии и отсталым буржуазным мировоззрением. Вот почему, на наш взгляд, трудности в вопросе о Контакте, вызванные распространенностью социально-атавистических представлений, следует в определенном и немаловажном отношении рассматривать в одном ряду с трудностями в

вопросе о разоружении (следствие вековых социально-атавистических страхов и вожделений определенных классов) и с трудностями, связанными с детской преступностью (следствие векового социально-атавистического пренебрежения духовным миром подростка). Проблемы эти, как и многие другие, старые и новые, легче всего было бы решить в результате утверждения и полной победы во всей массе человечества новых, коммунистических представлений.

Мы совершенно убеждены в том, что пересмотр философских, социальных и моральных представлений надо готовить исподволь, с нарастающей активностью. Не позволять массовой психологии так далеко отставать от гигантских изменений, происходящих в мире. Сосредоточить все усилия общества на воспитании Завтрашнего Человека, Космического Человека, Человека Коммунистического. В огромном большинстве стран мира воспитание молодого поколения находится на уровне XIX столетия. Эта давняя система воспитания ставит своей целью прежде всего и по преимуществу подготавливать для общества квалифицированного участника производственного процесса. Все остальные потенции человеческого мозга эту систему практически не интересуют. Неиспользование этих потенций имеет результатом неспособность индивидуума к восприятию гигантски усложнившегося мира, неспособность связывать примитивно-психологически несовместимые понятия и явления, неспособность получать удовольствие от рассмотрения связей и закономерностей, если они не касаются непосредственного удовлетворения самых примитивных и архаичных социальных инстинктов. Однако неиспользованные потенции остаются скрытой реальностью человеческого мозга, и в них залог грядущего прогресса человечества. Привести эти потенции в движение, научить человека фантазии, привести множественность и разнообразие потенциальных связей человеческой психики в качественное и количественное соответствие с множественностью и разнообразием связей все усложняющегося мира — вот цель и содержание гигантской революции духа, которая следует за социальными революциями, приводящими способ производства в соответствие со способом распределения.

Эта революция, на наш взгляд, наряду с коренными социальными преобразованиями должна стать основной задачей человечества на ближайшую эпоху. Она огромна. Никакой отдельный человек не в силах поставить ее во всей широте и глубине. Она является объектом деятель-

ности целых правительств, крупнейших психологов, педагогов, самых талантливых администраторов. Однако уже сейчас ясно, что важная роль воспитания Человека в человеке принадлежит литературе. Конечно, глупо понимать этот тезис упрощенно, будто, прочитав хорошую книгу, злобный невежественный бёрчист, хунвэйбин или неонацист способен тут же превратиться в благородного борца-интеллектуала. Нет, речь идет о долговременном массивном воздействии хорошей литературы на общественную психологию, об исключительной способности литературы концентрировать в себе и выражать в художественных образах и поражающих воображение ситуациях новые тенденции, едва намеченные в сухих статистических таблицах или в высказываниях передовых ученых и политических деятелей, чутко улавливать зачастую еще не осознанные сдвиги в системе представлений передовых слоев общества и делать эти тенденции и сдвиги достоянием широкого читателя. Иными словами, речь идет о способности литературы подтягивать устаревшее массовое мировоззрение до уровня новейшего, космического, коммунистического мировоззрения, соответствующего уровню технологического и социального прогресса.

Субъективно писатель, вероятно, не ставит перед собой специальных воспитательных и мировоззренческих задач. Просто каждый честный писатель, как и всякий честный и достаточно культурный человек, исповедует благородную целеустремленность, гуманизм, стремление человека к познанию и изменению мира, исповедует приоритет чувства и разума над грубой силой и ненавидит всякий застой, всякую инертность мышления, обывательщину, самодовольное мещанское равнодушие. Эта любовь и эта ненависть формируют мировоззрение писателя — или нередко формируются его мировоззрением, — служат главным стимулом в его работе и являются верным залогом того, что его книги будут служить воспитанию читателя.

«Давайте думать о будущем»

Как известно, сколько-нибудь общепризнанной теории фантастической литературы пока нет. И поэтому во избежание недоразумений давайте сразу же договоримся о терминах. Мы называем фантастическим всякое художествен-

«Литературная газета», 1970, 4 февр.

ное произведение, в котором используется специфический художественный прием — вводится элемент необычайного, небывалого и даже вовсе невозможного. Все произведения такого рода могут быть развернуты в весьма широкий спектр, на одном конце которого расположатся «80 000 километров под водой», «Грезы о Земле и небе» и «Человек-амфибия» (то, что обычно именуется фантастикой научной), а на другом — «Человек, который мог творить чудеса», «Мастер и Маргарита» и «Превращение» (то, что мы склонны именовать фантастикой реалистической, как ни странно это звучит).

Научная фантастика, по сути, очень молода, она — порождение научного прогресса и технических революций, и она от рождения посвятила себя науке и технике — борьбе Человека с Природой. Фантастика же реалистическая стара, как сама литература, она восходит к Гомеру и Апулею, и она вместе со всей литературой решает проблему Человека в его отношениях к себе подобным, к обществу.

Различно происхождение этих двух разновидностей фантастики, различна, по-видимому, и их судьба в грядущих веках. Нам кажется, что реалистическая фантастика пребудет вовеки, как она пребывала и в прошлом. Ее судьба — это судьба литературы вообще. Можно даже предположить, что ее роль и удельный вес в общем потоке литературы будет возрастать вместе с возрастанием сложности нашего мира. Что же касается научной фантастики, то ее развитие целиком зависит от прогресса науки и техники, от общественного реноме естественных наук. Так что когда и если (как предполагают некоторые специалисты по науковедению) развитие естественных наук достигнет стадии насыщения и интересы переместятся в другую область, научная фантастика может захиреть и исчезнуть, как в связи с развитием письменности и усовершенствованием средств коммуникаций исчез эпос. Впрочем, если это и произойдет, то лишь в отдаленном будущем.

Пусть не поймут нас так, будто, подчеркивая различия в генезисе и в дальнейшей судьбе этих разновидностей литературы, мы стремимся воздвигнуть между ними некую стену; напротив, даже в отношении реалистической и научной фантастики к так называемым фактам бытия невозможно усмотреть сколько-нибудь принципиальную разницу. В произведениях реалистической фантастики демоны и ведьмы могут разгуливать по городу, может нарушаться второй закон термодинамики, и Иисус может вторично спуститься на грешную землю. Каждому непред-

убежденному читателю ясно, что это лишь художественные приемы, позволяющие автору подчеркнуть какую-то мысль или оттенить некоторые черты человека (или общества). Никому и в голову не придет обвинение в нарушении суверенных прав Ее Величества Науки и Его Величества Здравому Смыслу. Что же касается фантастики научной, то своеобразие нынешней ситуации в естествознании заключается как раз в том, что современная наука с невиданным благодушием и терпимостью относится к любой игре научного воображения. Ведь и само развитие науки сделалось ныне возможным только благодаря «достаточно сумасшедшим гипотезам». Ошеломляющий темп этого процесса породил, во-первых, интуитивное ощущение всемогущества науки, абсолютности возможного и относительности невозможного, а во-вторых, выбросил в сферу интеллектуального потребления сырую массу идей, догадок, предположений, которые можно было бы квалифицировать как мифы нового времени, если бы не восторженная подсознательная уверенность, что все это возможно: и мыслящие машины, и небелковая жизнь, и негуманоидный разум, и фотонные звездолеты. Слишком широк сегодня фронт вторжения науки в неизвестное, слишком много сегодня существует гипотез, о которых наука способна сказать только (пожимая плечами): «Это не противоречит фундаментальным законам», слишком сильна интуитивная убежденность, что невозможное сегодня станет возможным завтра. И странно поэтому слышать об ограничениях, которые якобы ставит перед фантастикой наука — та самая наука, которая всячески поощряет фантазию, которая не способна ни существовать, ни тем более двигаться вперед без самого безудержного фантазирования. Мы даже рискнули бы выдвинуть предположение, что сейчас, как никогда, трудно сформулировать такую гипотезу, о которой современная наука определено и безоговорочно могла бы сказать: «Нет, это невозможно. Это наверняка неверно».

(Конечно, речь идет только о «сумасшедших» идеях и гипотезах. Существует стройное и величественное здание достоверных фактов и обоснованных теорий, разрушать которые по произволу не рекомендуется никому из научных фантастов, если он не хочет прослыть невеждой и неучем.)

Нам приходилось писать и научную фантастику, и фантастику реалистическую. Может быть, именно поэтому мы бесконечно далеки от мысли как-то противопоставлять эти две разновидности литературы, утверждать превосходство

и общественную значимость одной разновидности перед другой, настаивать на гипертрофированном развитии одной разновидности за счет другой. С нашей точки зрения, реалистическая фантастика призвана выполнять те же благородные задачи, что и реалистическая литература. Что же касается фантастики научной, то она прежде всего выполняет несколько более специфическую, но несколько не менее благородную задачу приобщения читателя (особенно молодого) к миру самого современного естествознания, будит воображение, формирует правильное отношение к науке и к научному прогрессу.

Не исключено, что определенная специфика научной фантастики сказывается и на характере творческого процесса. Наш опыт, во всяком случае, как будто подтверждает это предположение. Вообще, каждая новая повесть задумывается, разрабатывается и пишется иначе, чем предыдущая и последующая. Здесь нет единой закономерности, а если и есть, то мы ее не знаем. Между первоначальным замыслом и конечным результатом лежит иногда пропасть до такой степени глубокая, что мы сами удивляемся, откуда что взялось. (Например, «Попытка к бегству» была задумана как юмористическая повестушка из развеселой жизни туристов-кибернетиков XXIII века, а «Улитка на склоне» должна была рассказать о новых приключениях звездолетчика Горбовского на страшной планете Пандора.) Половина наших вещей была написана так: выкристаллизовалась идея, наметились герои, заиграл сюжет, подробно разработан план двух-трех глав. И вот, когда уже написаны несколько страниц первого черновика, уже вроде бы пошло дело, вдруг выясняется, что нам скучно. Что писать не хочется. Что мы занимаемся чепухой. Именно в этот момент отчаяния и бессилия, вероятно, и начинается настоящая работа, и из глубин сознания всплывает то, над чем мы подспудно думали последнее время, то, что нас особенно задевало, что мешало жить и помогало жить, то, что и было нашей настоящей жизнью последние годы. И когда, подвигаемые отчаянием и бессилием, мы осознаем все это, как-то сами собой всплывают и новые герои, и новые ситуации, и новая форма, и новый сюжет, и мы уже наперебой рассказываем друг другу, каким должен быть мир, где развернется действие. «Трудно быть богом», «Улитка на склоне», «Гадкие лебеди» появились не из четкого замысла, хорошо разработанного плана, взяли начало не от изящно придуманной ситуации и не от оригинальной логической модели, а как раз вопреки всему этому. С другой стороны, такие

повести, как «Страна багровых туч», «Стажеры», «Полдень, XXII век», почти все наши рассказы, то есть те наши вещи, которые явно относятся к фантастике научной, есть результат последовательной, планомерной, до конца наперед рассчитанной работы. Впрочем, мы бы никогда не рискнули утверждать, что такое различие в творческом процессе характерно для всех писателей, которым приходилось иметь дело с обеими разновидностями фантастики.

Вообще, если говорить о творческом процессе, трудно найти что-либо такое, что было бы характерно для всех писателей сразу. В конце концов что такое писатель? По происхождению своему он — в идеале — прежде всего высококвалифицированный читатель. Читателя же — в частности, читателя фантастики — интересуют в литературе самые разнообразнейшие предметы. Как показали социологические исследования последних лет, одни ищут в фантастике увлекательный сюжет, оснащенный новейшими научными идеями; другие — парадоксальность мышления, столкновение несопоставимых в обычном смысле понятий и представлений; третьи — фактическую достоверность, точную прогностику, логически безупречный анализ сущего... и так далее. И каждый по-своему прав, и каждому должна быть обеспечена возможность найти искомое.

Нас привлекает в фантастике прежде всего то, что в литературе она является идеальным и единственным пока орудием, позволяющим подобраться к одной из важнейших проблем сегодняшнего дня. Такой проблемой является вторжение будущего в настоящее, вторжение, обусловленное невиданными темпами социального и технологического прогресса человечества за последние десятилетия. Семена, посеянные утром нашей жизни, всходят теперь даже не к нашей старости, не вечером, а в полдень. Столкновение с иными цивилизациями, генетическая революция, Великий Потоп информации — все это стало реальными факторами жизни одного, только одного поколения. Великий скептик Олдос Хаксли писал: «Давайте думать о настоящем. Если мы не будем этого делать, то вскоре не будет и будущего». Нет, давайте думать о будущем — не только воспевать его, не только восторгаться или ужасаться им, не только мечтать о нем или бояться его — давайте думать о нем, изобретать его, готовиться к нему.

Послушная стрелка часов

— *Аркадий Натанович, представьте, на наших руках — волшебные часы. Время — шестнадцать часов ноль-ноль минут. Вам шестнадцать лет...*

— Дайте мне вспомнить... Ленинград. Канун войны. У меня строгие родители. То есть нет: хорошие и строгие. Сильно увлечен астрономией, математикой. Обработываю наблюдения Солнца обсерватории Дома ученых за пять лет. Определяю так называемое число Вольфа по солнечным пятнам. Пожалуй, все. Хотя нет, не все. В шестнадцать лет я влюблен.

— *Выходит, Вы ничем не отличались от сегодняшних шестнадцатилетних?*

— Нет, отличался. Сегодняшние мне нравятся гораздо больше, чем мы были в шестнадцать. Ребята более развиты, круг их интересов шире, они умнее и, самое главное, тоньше.

— *Но Вы, вероятно, были решительнее?*

— Это определялось тогдашней ситуацией: ждали войны. Все это чувствовали. Нам приходилось больше преодолевать...

— *Значит, взросление — это преодоление?*

— Конечно. Детство — пора сложная. Не знаю, кто это выдумал, что детство — легкая пора. Ребята и сами не должны так считать. Иначе взрослеть будет еще труднее. Ежегодно, может быть, ежемесячно в человеке происходит ломка. Детство, как и вся жизнь, — время проблем, время решения проблем, в этом и состоит прелесть нашего существования. Представляете, если бы вы с пеленок существовали безмятежно? И разница от двух до пятнадцати была только в том, что сначала вам меняли пеленки, а потом вы бы научились менять себе пеленки сами. Преодоление происходит не только в поступках, но и в мыслях. Мечта — это тоже преодоление. Если человек не мечтает — он болен.

Над родителями иногда тяготеет старая идея: раз дети накормленные, вымытые, чистенькие — можно отвернуться от них и заняться настоящим делом — скажем, судьбой княжества Гоа.

— *В шестнадцать Вы были так же категоричны?*

— Гораздо сильнее. Я все знал, все умел, лучше всех понимал существующее положение. Только удивлялся, почему не понимают другие.

«Комсомольская правда», 1976, 20 марта

— Были ли Вы в шестнадцать личностью?

— «Неличностей» не бывает. Каждый человек — личность, иногда закрытая, страшно закомплексованная, особенно в шестнадцать лет. Только не все это понимают или понимают неправильно. Человек в 14—16 лет звучит для себя гордо, а ему звучать гордо подчас не дают. Или наоборот: его уже с пяти лет считают выдающейся личностью, и получается из него дурак невероятный.

— Мы и не заметили, как стрелки наших часов стали показывать время настоящее. Давайте передвинем их еще немного вперед. Школа будущего...

— Ну откуда я могу знать, как там будет. Я могу только представить. Не менее одной десятой, а то и одной седьмой всего человечества будут преподавателями. Каждый преподаватель будет работать с небольшой группой учеников, которую он поведет с самого начала до самого конца. Методы — телевизионный, гипнопедический — предсказывать не берусь. Но вот то, что педагог станет вторым родителем, утверждаю. Потому что будет авторитетнее нынешних учителей, ибо прожил большую и, главное, интересную, значительную жизнь, потому что будет добрее, умнее, необходимее.

— А у ребят возникнет неизменное желание учиться?

— Видите, в чем дело, дорогие товарищи, если сегодня школьник не хочет учиться, то это вина школы, а не его. Вы думаете, он сейчас не знает, что учиться надо? Знает. Другое дело, он не понимает, зачем его учат именно ботанике, а не вождению автомашины.

— А сами ребята изменятся?

— Изменятся ли они... Да, конечно. Какие-то перемены произойдут. Потому что исчезнут одни проблемы — появятся новые.

— Какие исчезнут?

— Например, я точно уверен, не будет «проблемы» длины волос и юбок. Это я, как фантаст, могу вам гарантировать.

— Аркадий Натанович, что Вы хотите пожелать ребятам на будущее?

— Что я могу сказать с высоты своих пятидесяти лет?.. Скромность. Выдержка. Терпеливость. Но это только советы...

— Простите, Аркадий Натанович, у нас кончается диктофонная пленка. А мы хотели бы задать Вам еще один вопрос. Ведь в самом

Вашем сотрудничестве с братом есть что-то от будущего. Как можно обдумывать грядущие книги на расстоянии?

— Очень просто. Нужно только...

На этом запись нашего разговора обрывается.

По прошлому, настоящему и будущему вместе с А. Стругацким бродили Г. Жаворонков и Л. Загальский.

И еще шесть «жгучих» вопросов.

Хорошо ли быть на кого-нибудь похожим?

— Хорошо. Но нужно приносить свое, неповторимое. В юности хотел быть похожим одновременно на капитана Немо и Дон-Кихота. Один был таинственным, другой — добрым. Но главное — оба стремились к справедливости.

Во что надо верить?

— Нужно знать, а не верить. А если верить, то в то, что справедливость восторжествует.

Какой должна быть жизнь в шестнадцать: «в себе» или «из себя»?

— Что можно отдать в шестнадцать лет? Наверно, только добро. А копить все.

Опасна ли в шестнадцать лет «вещная» болезнь?

— Это смертельная опасность даже в шестьдесят. Наша цивилизация создает новые потребности, которые человеку не только не нужны, но и вредны. Например, барахло всякое.

Можно ли вмешиваться в жизнь взрослых?

— Можно. Но вмешательство некомпетентно.

Можно ли мечтать о собственном памятнике?

— А почему нет? Если помогает работать — можно. А если не помогает, то лучше не стоит.

От чего не свободна фантастика

Наша точка зрения состоит в том, что фантастика не стоит особняком, а занимает место в общем потоке художественной литературы — со всеми вытекающими отсюда послед-

ствиями. Все, что хорошо для реалистической литературы (полнокровие и достоверность образов, искренность и яркость языка), хорошо и для фантастики. Все, что противопоставлено реалистической литературе (штампы, скудомыслие, пошлость, искажение правды человеческих отношений), противопоставлено и фантастике. И даже основной принцип писателя-реалиста: «Пиши только о том, что знаешь хорошо», формулируется для писателя-фантаста в точности так же, но с маленьким добавлением: «... либо о том, чего никто не знает».

Мы не признаем никаких «скидок на жанр», хотя жанровая специфика фантастики, безусловно, существует. В известном смысле она сродни специфике исторического романа. Исторический роман, как правило, рассказывает о том, что и как могло бы произойти, но в рамках определенных исторических и социальных представлений. Фантастический роман тоже рассказывает, что и как могло бы произойти, но в рамках определенной фантастической гипотезы или фантастического допущения. Для обоих жанров характерно возрастание меры и роли условности (по сравнению, скажем, с бытовым романом), что объясняется, во-первых, принципиальным недостатком информации у автора и, во-вторых, необходимостью приблизить описываемые события к читателю-современнику, к его реальной жизни, его мировоззрению и мироощущению.

Может быть, литературоведам следовало бы обратить внимание на эту «параллельность» жанров и попытаться использовать в разработке теории фантастики результаты, полученные литературоведением для жанра исторического романа?

Беседу записала Г. Силина

В подвале у Романа*

Коллективное интервью,
взятое у Аркадия Натановича Стругацкого
семинаром молодых писателей-фантастов
17 марта 1982 года в редакции журнала «Знание — сила»,
исподтишка записанное на магнитофон
и впоследствии перенесенное на бумагу
практически без изменений и искажений.

Интервью брали:

Дмитрий Биленкин (руководитель семинара),
Евгений Войскунский (еще руководитель),
Георгий Гуревич (руководитель тож),
Виталий Бабенко (староста семинара),
Эдуард Геворкян,
Владимир Гопман,
Аркадий Григорьев,
Владислав Задорожный,
Михаил Ковальчук,
Иосиф Ласкавый,
Мария Мамонова,
Владимир Покровский,
Борис Руденко,
Александр Силецкий,

а также: Лев Минц (не член семинара),
Илья Кечин (растущий кадр)
и два психолога —
Андрей Гостев и
Борис Петухов,
приведенные без спроса А. Григорьевым
на том основании,
что ему многое дозволено,
ибо он ходил еще на ТОТ семинар**
в начале 60-х.

* Так молодые писатели-фантасты называли свои вечерне-ежемесячные сборища в журнале «Знание — сила». Официально это именовалось Московский семинар молодых фантастов. Вели его Дмитрий Александрович Биленкин, Евгений Львович Войскунский и Георгий Иосифович Гуревич. А бессменным хозяином вечеров был заведующий отделом журнала и член редколлегии Роман Григорьевич Подольный, тоже писатель-фантаст.

** Еще более старинное сборище — знаменитый семинар фантастов в «Молодой гвардии». Организаторами его были Белла Григорьевна Ключева и Сергей Георгиевич Жемайтис, а вдохновителем и душой — Ариадна Громова. (Примечания В. Бабенко.)

Биленкин: Правда ли, что все герои ваших произведений взяты из жизни?

А. С.: С самого начала наша деятельность была реакцией на нереалистичность фантастической литературы, выдуманность героев. Перед нашими глазами — у меня, когда я был в армии, у Б. Н. в университете, потом в обсерватории — проходили люди, которые нам очень нравились. Прекрасные люди, попадавшие вместе с нами в различные ситуации. Даже в тяжелые ситуации. Помню, например, как меня забросили на остров Алаид — с четырьмя ящиками сливочного масла на десять дней. И без единого куска сахара и хлеба. Были ситуации и похуже, когда тесная компания из четырех-пяти человек вынуждена была жить длительное время в замкнутом пространстве. Вот тогда я впервые испытал на собственной шкуре все эти проблемы психологической совместимости. Достаточно было одного дрянного человека, чтобы испортить моральный климат маленького коллектива. Порой было совершенно невыносимо. Были и такие коллективы, когда мы заведомо знали, что имярек — плохой человек, но были к этому готовы и как-то его отстраняли. Я хочу сказать, что нам было с кого писать своих персонажей. И когда мы с братом начали работать, нам не приходилось изобретать героев с какими-то вымышленными чертами, они уже были готовы, они уже прошли в жизни на наших глазах, и мы просто помещали их в соответствующие ситуации. Скажем, гоняться за японской шхуной на пограничном катере — дело достаточно рискованное. А почему бы не представить этих людей на космическом корабле? Ведь готовые характеры уже есть. Мы, если угодно, облегчили себе жизнь. Конечно, по ходу дела нам приходилось кое-что и изобретать. Но это не столько изобретения, сколько обобщение некоторых характерных черт, взятых у реальных людей и соединенных в один образ. Это обобщение и соединение остается нашим принципом, мы будем продолжать так и впредь, потому что принцип довольно плодотворный.

Покровский: Откуда взялся, например, Кандид в «Улитке на склоне»?

А. С.: Кандид и Перец — образы в какой-то степени автобиографические. Вообще автобиографические образы — это у нас довольно частое явление. Как бы хорошо мы ни знали своих близких, лучше всего мы знаем все-таки самих себя. Уж себя-то мы видали в самых разных ситуациях.

Биленкин: А Щекн в «Жуке в муравейнике»? Вряд ли его образ взят со знакомой собаки?

А. С.: Конечно, нет. Собака-то у меня была, пудель, но это был пудель-дурак.

Руденко: Бывают ли случаи, когда вы не знаете, чем закончится произведение? Например, «Жук в муравейнике» предполагает несколько концовок...

А. С.: Мы всегда знаем, чем должна закончиться наша работа, но никогда еще в истории нашей с братом деятельности произведение не кончалось так, как мы задумали. То есть мы всегда знаем, о чем пишем, и всегда... ошибаемся. Причем это выясняется не в конце, а где-то в середине вещи.

Руденко: В некоторых ваших произведениях ощущается намеренная недоговоренность. Например, в «Далекой Радуге».

А. С.: Я считаю, что недоговоренность должна быть основным инструментом литературы. Насчет «Радуги» — точно не помню. Работа над ней относится к тому периоду, когда мы имели силу и энергию придерживаться заранее составленного плана. Не исключено, что конец этой повести был запланирован. Может быть, имелся в виду счастливый конец, хотя вряд ли... Счастливые концы мы отбрасываем как заведомо маловероятные при любых ситуациях.

Геворкян: Не возникает ли трагическое противоречие между верой писателя в свой выдуманный мир и действительностью?

А. С.: Нет, не возникает. Вы подходите не с того конца. Конструирование вселенной для нас стоит на самом последнем месте. В процессе работы сначала возникает сюжет, возникает образ, затем мы развиваем сюжет и образ. Развиваем так, чтобы наиболее четко выразить свою идею. И в соответствии с этим *налепливаем* вокруг свою вселенную. Поэтому логического противоречия не возникает.

Геворкян: А эмоциональное противоречие?

А. С.: Мы не создаем вселенную на пустом месте. Если вселенная вступает с нами в конфликт, мы ее изменяем так, чтобы она не вступала. Модели вселенной, модели антуража, модели обстановки мы строим таким образом, чтобы они не мешали, а помогали нам работать. Если нам понадобятся, например, три или четыре луны... Да, представим себе какой-то дикий сюжет, где для наших надобностей над селом Диканька было бы четыре луны сразу. И что? Мы не колеблясь поставили бы в небе эти четыре луны.

Геворкян: Не влияют ли ваши прошлые произведения на будущие? Нет ли некоторой творческой инерции?

А. С.: Как они могут влиять? Новое произведение всегда означает новую проблему. Если мы, конечно, не топчемся на месте сюжета ради, как это случилось с «Обитаемым островом» и «Парнем из преисподней». Это все на одну тему написанные вещи. Новых проблем в «Парне...» никаких нет, нас там интересовала в основном атрибутика.

Биленкин: А с чего начался «Пикник на обочине»? Со вселенной или с идеи?

А. С.: С «Пикником...» было несколько необычно, потому что нам вначале очень понравилась сама идея пикника. Мы однажды увидели место, на котором ночевали автотуристы. Это было страшно загаженное место, на лужайке царило запустение. И мы подумали: каково же должно быть там бедным лесным жителям? Нам понравился этот образ. Но мы не связывали его ни с какими ситуациями. Мы прошли мимо, поговорили, и — лужайка исчезла из памяти. Мы занялись другими делами. А потом, когда возникла у нас идея о человечестве... — такая идея: свинья грязи найдет, — мы вернулись к лужайке. Не будет атомной бомбы, будет что-нибудь другое. Будет что-нибудь вроде бомбы — третье, четвертое. Человечество — на его нынешнем массово-психологическом уровне — обязательно найдет чем себя уязвить. И вот когда сформулировалась эта идея — как раз и подвернулась, вспомнилась нам эта загаженная лужайка.

Подольный: А что Вы можете сказать о герое «Миллиарда лет до конца света»?

А. С.: Вы его знаете уже. В какой-то степени он списан со всех вас. Помните, там речь идет о папке? Прочитав эту вещь, вы не задавали себе вопроса: «А что бы я сделал с этой папкой?» Мы об этом сказали словами героя: если я отдам эту папку, я буду очень маленький, никуда не годный, а мой сын будет обо мне говорить: да, мой папа когда-то чуть не сделал большое открытие. И все подлости начнут делать и коньяк начнут пить. Если же я папку не отдам, меня могут прихлопнуть. Выбор...

Войскунский: Значит, для вас проблема выбора самая главная?

А. С.: Вот-вот-вот! Мы нечувствительно — мы, Стругацкие, — писали именно об этом, но долгое время не осознавали, что это именно так. Писали, повторяю, нечувствительно. Оказалось, что главная тема Стругацких — это выбор. И осознали мы это не сами, нам подсказали... Один знакомый подсказал...

Силецкий: Как вы интерпретируете образ Странника в «Жуке...»?

А. С.: Как я понимаю Странника?.. Странник жертвует первым проявившим себя автоматом, чтобы сделать вывод, чтобы посмотреть, как тот будет действовать. Как тот будет вести себя до самой последней секунды. И уж потом — выяснив, автомат Абалкин или не автомат, — Странник будет делать другие выводы.

Силецкий: Так он знает, что он автомат?

А. С.: Мы в таком же положении, как и читатели, как и Максим, Странник. Я вот что хочу сказать: вы не должны бояться альтернативных вариантов.

Задорожный: Кто из фантастов вам нравится больше всего?

А. С.: Меньше всего нам нравятся Стругацкие. А больше всего нам нравится Булгаков.

Руденко: А из современных фантастов?

А. С.: Вопрос не корректный, гражданин начальник. Отказываюсь отвечать.

Ласкавый: А из зарубежных?

А. С.: А? Что?

Ласкавый: Из «не наших».

А. С.: Из «не наших» больше всего люблю Урсулу Ле Гуин и Шекли, но не то, что у нас печатают. У Шекли есть замечательная вещь «Путешествие в послезавтра». Странная, гротескная повесть. Еще Воннегут. Ну и так далее. Остальных сами можете насчитать там для себя...

Биленкин: Почему в «Стажерах» Горбовский у вас красавец, а в «Малыше» у него утиный нос, да еще и царапина вдобавок?

А. С.: Это было сделано совершенно сознательно. Помню, когда я был еще очень молодым, школьником, то ужасно обиделся на Дюму... Есть у Дюмы место, где д'Артаньян описан как человек с редкими зубами и маленькими хитрыми глазами. Я думаю, нужно приучать читателя... хотя бы молодого читателя... к тому, что не лицом красен человек, а душой. Мало ли кто красивый или некрасивый!

Задорожный: Когда вы начали писать? Я имею в виду фантастику.

А. С.: Фантастику мы с братом любили читать с детства. И потому неизбежно должны были начать работать в фантастике. Но в общем-то поначалу это была героическая литература, литература героев. О рыцарях без страха и упрека. И без проблем. Я думаю... А? «Страна багровых туч»? Ну, какая там проблема?! Сели, полетели! Трудно сказать что-либо о начале нашей деятельности... о

том, когда именно мы начали работать... Первое наше произведение было реакцией на состояние фантастики в нашей стране... Уж очень плохо тогда было... с фантастикой...

Силецкий: А сейчас?

А. С.: Ну, сейчас... Вы, начинающие, начинаете на таком уровне, о котором нам и не снилось. Старт у вас хороший, но по независящим от вас обстоятельствам приходится трудно.

Бабенко: Когда читаешь «Сказку о Тройке», то кажется, что в произведении не реализованы сюжетные возможности. Считаете ли вы, что сказали в «Сказке...» все, что хотели сказать?

А. С.: Здесь случай очень особенный. Мы написали большую повесть. Десять листов. Никаких лифтов там не было. Дело происходило вовсе не в Тмутаракани, а в Китежграде. Приехала туда компания за волшебными предметами, ну а выдает эти предметы та самая Тройка. Потом вдруг ребята, которые издавали тогда журнал «Ангара», решили посвятить два последовательных номера фантастике. В частности, они попросили нас что-нибудь дать. А десять листов было для них очень много. Они попросили нас сократить до шести. Мы сократили до пяти листов и надстроили на лист этот самый лифт. Там, кстати, еще один член Тройки был у нас — четвертый.

Бабенко: Есть ли надежда, что «Сказка...» выйдет в свет?

А. С.: Бог его знает! Может, когда-нибудь удастся опубликовать. Я хочу сказать только то, что это не цельная вещь.

Силецкий: Сколько лет проходит от рождения замысла до воплощения?

А. С.: Четыре-пять лет. Но параллельно мы работаем и над другими вещами.

Задорожный: Но когда вы пишете, то над другими вещами, наверное, уже не думаете?

А. С.: Когда пишем? Я уже говорил, что на определенном уровне... когда напишешь уже определенную кучу авторских листов... когда овладеешь ремеслом... Что мы понимаем под ремеслом? Под писательским ремеслом мы понимаем способность автора без особых усилий — без заметных усилий — выражать любую, самую сложную, мысль чисто автоматически. Поэтому сам процесс писания не требует от нас больших усилий и оставляет нас «свеженькими» для раздумий над следующими произведениями. Кроме того, мы собираемся достаточно редко, и у нас много времени остается для размышлений, для мыслей о

новой вещи... В общем такая практика привела к тому, что у нас скопилось около двух десятков сюжетов, и все это нам уже не успеть написать...

Силецкий: У вас, как правило, выходят из-под пера только большие повести. Романов вы вроде бы не пишете? Или не хотите писать? Чем это объясняется?

А. С.: Скучно!

Силецкий: То есть становится скучно в процессе писания?

А. С.: Да, в процессе писания становится скучно писать.

Руденко: Может быть, просто появляются другие интересы?

А. С.: Нет, не в этом дело. Скучно... Не идет... Вернее, так: не идет, потому что скучно писать.

Биленкин: Я понимаю так: сначала возникает ЧТО писать, а потом уже — КАК, то есть воплощение замысла. И вы, видимо, поначалу работаете, не заботясь ни о связности, ни о знаках препинания...

А. С.: Нет. Сначала возникает фабула. Вот давайте попробуем разобратся на примере. Сначала рождается главная идея вещи. Скажем, такая: пришельцы, замаскированные под людей — если это высококультурные, высокообразованные... твари, — неизбежно попадут здесь, на Земле, в какую-нибудь неприятную ситуацию, ибо они плохо знакомы с нашими сложными социальными законами. Второе. Выбирая линию поведения, замаскированные пришельцы должны будут брать, так сказать, человека «en masse» — массового человека, да? — и поэтому будут представлять собой фигуры чрезвычайно неприглядные, а то и отвратительные. Распутник Олаф там, и Мозес со своей пивной кружкой, и мадам, дура набитая... Вот такая идея... Если взять человечество — массовое человечество — в зеркале этих самых пришельцев, то оно будет выглядеть примерно таким. Дальше. Какую интереснее всего разработать фабулу? Фабулу лучше всего разработать в виде детектива. Детектив мы вообще очень любим. Фабула: пришельцы спасаются от гангстеров. Понятно, что занимаются они совсем не тем, чем нужно, что нарушили какие-то правила игры, которые были заданы им в том месте, откуда они прибыли. Попадают в какое-то замкнутое пространство, там происходят какие-то события... По каким-то причинам роботы отключаются... делаются в глазах посторонних трупами... и из этого получается веселая кутерьма. Вот фабула. Затем начинается разработка сюжета. Сюжет — это уже ряд действий. Расположение действий в том порядке, в каком они должны появиться...

ся в произведении. Возникает ничего не знающий, ничего не подозревающий человек, и у него на глазах происходят загадочные вещи. Мы знаем, что это за происшествия, но он не знает. Вот так примерно мы работаем...

Геворкян: В сценарии «Машина желаний», опубликованном в «НФ», есть определенные стилистические огрехи, места, вроде бы не вами написанные. Как возник этот вариант сценария?

А. С.: Понимаете, Белла Григорьевна Ключева, собирая этот номер «НФ», попросила у нас один из ранних образцов сценария. Литературного сценария. Литературный сценарий — это дело для киношников, которые вообще читать не умеют, и для режиссера Тарковского, который все равно будет менять реплики, в зависимости от того, какие актеры станут играть. А Белла Григорьевна взяла этот сценарий в сыром виде — в киношно-сыром виде — и поместила его в «НФ». Это был первый попавшийся под руку вариант сценария — один из девяти подготовительных вариантов.

Геворкян: А нужно ли было вообще публиковать его?

А. С.: Я думаю, ничего страшного в этом нет. Думаю, не убудет нашей чести.

Бабенко: У вас же было одиннадцать вариантов сценария. Откуда взялось такое количество? Как это получилось?

А. С.: Когда мы начали работать, Тарковский еще точно не знал, что ему нужно. Тарковскому нужно было показать поход людей за счастьем и разочарование в этом самом счастье, которое возникает во время похода. Вот мы и сделали четыре или пять — я уже не помню точно — вариантов... Фантастических вариантов сценария.

Задорожный: Это вы добровольно сделали четыре-пять вариантов или под нажимом Тарковского?

А. С.: Что значит — нажим? Я не понимаю, что такое нажим. Сценарист — раб режиссера. По нашему глубокому убеждению, фильм делает режиссер, а не сценарист. Режиссеру нужны сцены, режиссеру нужны узлы, режиссеру нужны реплики. Мы это и пишем. Он говорит: «Мне это не нравится». Мы переделываем. Сначала Тарковского очень увлекала фантастическая сторона, и мы изошрялись в различных выдумках. У нас был один вариант, где фигурировало замкнутое пространство-время... В общем всякая чепуха там была... В конечном итоге, пятый или шестой вариант Тарковскому... Нет, не то чтобы понравился... Не

знаю, понравился или нет... Видимо, Тарковский просто отчаялся и начал снимать. И вот он снял две трети пленки, отпущенной на фильм. Снял этот самый пятый или шестой вариант. А тут подошла очередь на проявочную машину. У нас, оказывается, в Советском Союзе единственная такая машина для «Кодака» — на «Мосфильме». Зарядили туда наш фильм, зарядили половину «Сибириады» и зарядили весь фильм Лотяну, по-моему, «Табор уходит в небо». Ну и все испортили. Все погибло. Денег больше не давали, пленки больше не давали, и Тарковский придумал выход: сделать двухсерийный фильм. Тогда получалось бы, что у нас четыре трети пленки — по две трети на каждую серию. С потерей одной трети на серию еще можно было как-то мириться. И вот Тарковский меня спрашивает: что, говорит, тебе еще не надоело «Пикник на обочине» переписывать? Я говорю: надоело. Вот, говорит, поезжай в Ленинград, вот тебе десять дней, и напиши двухсерийный сценарий, в котором сталкер был бы совсем другим, не тем, чем он есть. А каким? А я, говорит, не знаю. Мне нужен другой... Ну, я и поехал. Получил от Бориса большой втык за неопределенность. И Борису пришла в голову идея: дать в фильме нечто вроде нового мессии. Это был первый вариант по новому типу. Тарковский говорит: о! это то, что нужно. Потом были еще два или три варианта: мы занимались тем, что... выкорчевывали фантастику из сценария. Вот таким образом у нас появился фильм.

Войскунский: По-моему, фильм перенасыщен символикой и она не всегда понятна.

А. С.: Ну, разгадывать каждый символ Тарковского — это дело безнадежное.

Войскунский: А «Гадкие лебеди» никаким образом не связаны со «Сталкером»? Например, символикой? Например, и там и там — образ воды.

А. С.: Да нет, вряд ли. Вряд ли... Тарковскому очень понравились «Гадкие лебеди». Может быть, в каком-то смысле... Ну, не знаю... Я боюсь говорить за Тарковского. Я даже думаю так: как Тарковский толкует фильм «Сталкер» и как толкуем его мы — это совершенно разные вещи... Что касается воды в фильме... Вода диктуется двумя вещами. Во-первых, место съемки... Очень это было водянистое место... Дождливое? Нет, дело не в том, что оно было дождливое. Там была разрушенная гидроэлектростанция... А во-вторых, у Тарковского в фильме обязательно должна быть какая-то стихия: либо огонь, либо вода, либо ветер...

Бабенко: А как вы относитесь к фильму «Сталкер»?

А. С.: Я считаю... Поскольку я уже сказал, что мы не являемся авторами фильма,— я считаю, что «Сталкер» один из лучших фильмов мира. Вот такое у меня ощущение. И я очень горжусь, что мы приложили к этому руки. Тарковский — воистину гениальный режиссер.

Силецкий: Бывает ли так, что герои выходят из-под вашего контроля, ведут себя так, как вы и не предполагали вначале?

А. С.: Как только герой, который нам уже понравился, начинает поступать вразрез с нашими намерениями...— нужно менять намерения.

Руденко: Значит, вы начинаете изменять сюжет?

А. С.: Перекроить, переменить сюжетную ситуацию куда легче, чем создать образ героя, который тебе нравится. Если образ героя получается такой, что он тебе нравится,— надо жертвовать ситуациями и менять ситуации.

Биленкин: Например?

А. С.: Примерчик, примерчик, примерчик... Сейчас попытаюсь... «Улитка...»? Нет, в «Улитке...» развитие очень произвольное, там же сюжета нет. Точнее, там взаимозаменяемые сюжеты... «Обитаемый остров»? Пожалуй... Сначала — по нашему замыслу — вещь должна была быть гораздо короче. Максим пообтерся там, на той планете, подрался там, понял, что дело нехорошо, что попал в неприятную компанию фашистского типа, и сразу начинает революцию. Начали писать, написали уже много — две части — и выяснили: не успеет Максим понять, что он находится в обществе фашистского типа. Мы начали писать еще одну часть, чтобы дать ему, Максиму, *дорости*.

Руденко: А когда поняли, что герою тесно в задуманных рамках,— значит, стоп?

А. С.: Да, стоп. Весь последующий план мы выбрасываем и начинаем строить новый план. Так у нас получалось два или три раза.

Войскунский: Откуда вы берете фамилии своих героев? Например, Лев Абалкин...

А. С.: С Абалкиным прекрасно помню, как получилось. Лев? Почему Лев? По одной очень простой причине: у нас не было еще ни одного героя по имени Лев. А Абалкин... Помню, Боря сидел, облокотившись на газету, глянул на текст и прочитал: «Абалкин». Давай, говорит, назовем: Лев Абалкин. Так и сделали.

Биленкин: А Мбога?

А. С.: Тоже помню. Понадобилось нам имя африканского пигмея. Я звоню человеку, у которого есть Большая

Советская Энциклопедия, и прошу: «Посмотри Африку. Какие ее племена населяют?» Отвечает: «Например, мбога»... Ага, говорим мы себе, Мбога...

Бородатый психолог Петухов: А Кандид?

А. С.: Кандид — естественно, не случайное имя. Кандид, конечно, связан с вольтеровским Кандидом. Но — на другом уровне и по другому поводу. Каммерер? Каммерер, товарищи, — это вообще хохма. Никакой он не Каммерер на самом деле, а Ростиславцев. Вызывает меня главный редактор Детгиза и говорит: «Знаешь, есть вот тут претензии, сделай-ка ты своего героя немцем». — «А почему немцем?» — «Так лучше будет — немцем». Я Борису пишу: «Делай немца! Давай!» Откуда он вытащил эту фамилию — Каммерер, — я совершенно не знаю.

Руденко: Кстати, много вам приходится переделывать по требованию редакторов?

А. С.: Знаете, кажется, последнее позорище такого типа мы пережили с «Обитаемым островом». Потом мы ничего не меняли.

Руденко: Самоцензура у вас, конечно же, существует?

А. С.: Конечно, она нам даже помогает. Заставляет искать более тонкие пути. Заставляет делать более тонкую работу.

Руденко: Интересно, вы садились хоть раз писать книгу, зная заведомо, что она не пойдет?

А. С.: Нет, так нельзя. Конечно, мы всегда можем сказать заранее, пойдет вещь или не пойдет. Но самоцензура проявляется — прорывается — даже не в этом. Совершенно раскованно писать, по-моему, невозможно.

Руденко: А вы пробовали писать реалистические вещи?

А. С.: Нет. А зачем? Нас не интересуют те вещи, ради которых стоит отказаться от фантастики. Товарищи, я вас не призываю поголовно зарываться в проблемы. Существует огромная область фантастики — героическая фантастика, приключенческая фантастика. Вот что мы разучились писать. И очень жалко, что разучились.

Покровский: Время такое.

А. С.: Почему время такое? Создавайте героев, плодите героев...

Геворкян: Так ведь не напечатают...

А. С.: Тоже верно... Помнится, когда приехал Кастро... прилетел к Никите Сергеевичу Хрущеву... какой-то холуй подскочил к нему: «Товарищ Кастро, скажите, как вы боретесь с абстракционизмом?» — «Я не борюсь с абстракционизмом, я борюсь с империализмом», — ответил Кастро. Словом, пишите «сайенс-фикшн», пишите «фэнтэзи», все пишите...

Биленкин: Пишете ли вы для театра?

А. С.: Ничего у нас не получается с театром. Представляете пьесу «Трудно быть богом»? Вот безобразие получилось бы...

Бородатый Петухов: Как правило, ваши произведения неоднозначны. Они допускают много толкований, вызывают много мыслей — порой противоречивых. Взять хотя бы «Жука в муравейнике» — пока читаешь, предполагаешь разные варианты концовки, и все равно то, чем заканчиваете роман вы, обрушивается на читателя совершенно неожиданно. Вы сознательно стремитесь к поливалентности произведений или это получается у вас случайно?

А. С.: Это очень лестно, что вы выдвигаете такое предположение. Дело в том, что мы сами считаем так: чем больше художественное произведение вызывает противоречивых мнений, чем больше допускает толкований, чем больше вызывает столкновений читателя с самим собой — тем оно лучше. На наш взгляд, абсолютная ценность произведения в этом случае возрастает. Читая произведение, которое можно интерпретировать так, и так, и этак, и так, — человек порой меняет свое мировоззрение. Он начинает понимать, что окончательных ответов в мире не может быть. Вот что самое главное. Сегодня он пришел к такой-то интерпретации, а через год перечитывает вещь — и у него получается другая интерпретация. Он накапливает опыт. Я не хочу сравнивать, но вот возьмем, например, «Войну и мир» Толстого...

Покровский: Так ведь там все разжевано...

А. С.: Ничего там не разжевано! Я читаю «Войну и мир» регулярно каждый год, и каждый год я обнаруживаю что-то новое — что-то, что я либо не заметил ранее, либо посчитал банальным, а потом оказывается, что это связано с какими-то другими вещами в «Войне и мире» и этой связи я раньше не уловил.

Бородатый психолог Петухов: Так ведь чтение любого произведения зависит еще и от психологического состояния, от настроения, даже от физиологии: сытый ты читаешь его или голодный...

А. С.: Что касается «Войны и мира», то этот роман можно читать и в голодном состоянии, и в сытом состоянии, и все равно: и голодным найдешь что-то новое, и сытым найдешь что-то такое...

Бородатый Петухов: А как вы приходите к выводу, что сказали всё, что хотели сказать, если вещь поливалентна и не допускает однозначности суждений? Может

быть, желание закончить произведение приходит бессознательно?

А. С.: Нет, в конце концов это получается сознательно. Сознательно вот в каком смысле. Когда мы упираемся в ситуацию, в которой возможно несколько альтернативных решений, — мы считаем, что на этом можно поставить точку.

Силецкий: Наверное, часто бывает так, что действительность — ежедневная действительность — заставляет вас менять планы? Я это к тому, что ваши произведения всегда очень созвучны времени. То есть я хочу спросить: случается ли так, что вы планируете одно и *вдруг* переходите совсем к другим решениям?

А. С.: Именно! Ситуации общественного или даже мирового масштаба постоянно наталкивают нас на какие-то идеи, на какие-то догадки. Или на то, что мы считаем догадками. Я говорил здесь уже, что у нас есть сюжетов двадцать — неиспользованных еще сюжетов. Десять из них — если мы *вдруг* напишем — читать сейчас будет уже неинтересно. «Проехали»...

Силецкий: А бывает так, что *вдруг* происходит нечто такое, отчего вы немедленно бросаете начатую вещь, перечеркиваете, сжигаете и спешно переходите к новой, следуя только что родившейся идее?

А. С.: Ну, для того чтобы нас что-то ТАК взбудоражило... Это должно быть начало атомной войны. Обычно это вещи, которые накапливаются исподволь, незаметно, мы к ним привыкаем, и *вдруг* в каком-то разговоре тема поворачивается каким-то странным образом, и мы говорим: «Ба, а вот оно! Сейчас мы закончим эту вещь, и хорошо было бы заняться вот таким делом...» Например, я читал «Новые карты ада» — а читал я эту книгу раз пять или шесть — и не обращал внимания на одну очень интересную штуку: помните, там раздражали крысам центр удовольствий? Мне это просто забавным показалось, и — проскочило. А когда я перечитал книжку в пятый или шестой раз — это года два прошло с тех пор, как я читал ее в первый раз, — то *вдруг* подумал в ужасе: «Господи боже мой! А если с людьми так?..»

Руденко: Когда примерно это было? В каком году?

А. С.: Это было еще до «Хищных вещей века». «Хищные вещи века», кстати, отсюда и возникли.

Бабенко: Интересно, почему вы так не любите пришельцев? То есть почему — по-вашему — они непременно должны нести какую-то угрозу Земле? Например, Странники в «Жуке в муравейнике»? Почему вы пугаете чита-

теля пришельцами, хотя — по идее — он должен пугаться тем, что происходит у нас на Земле? Ведь самая большая угроза человечеству — сам человек.

А. С.: Ошибка! Вот типичный методологический просчет, допущенный нашим другом. Где и когда я говорил, что даю хоть ломаный грош за инопланетный разум? Не нужен он мне. И никогда не был нужен. А когда мы «пугаем», как вы говорите, мы имеем в виду совершенно определенную цель: нечего надеяться на НИХ. Есть они или нет, а надеяться на НИХ нечего. Выбили религиозные костыли у людей — вот теперь и ходят-прыгают на одной ноге: «Дай нам, Господи!», «Барин к нам придет — барин нас рассудит». Вот что нужно выбивать из читателей. Вот эту глупую надежду надо выбивать!

Бабенко: Согласен! Но не считаете ли вы, что, сделав акцент на пришельцах, вы несколько снижаете воздействие того же «Жука...» на читателей? Читатель-то все же пугается, боится негуманоидных инопланетян, но поскольку они априорно *несуществующие*, то и пугается читатель понарошке? Может быть, нужно явить что-то страшное на Земле, что-то такое жуткое, что на Земле взаправду и произрастает — и вот этого испугаться? Тогда и снижения пафоса не произойдет. И пусть тогда тот же Сикорски направит свои усилия против этого страшного на Земле.

А. С.: А мы не пренебрегаем и этой темой.

Бабенко: Как же не пренебрегаете? Ведь «Жук в муравейнике» — последняя ваша вещь — только на том и построен, что на неведомой угрозе со стороны Странников.

А. С.: По сути дела, в «Жуке в муравейнике» только один Странник (Экселенц) боится Странников.

Бабенко: А почему и Сикорски — Странник, и инопланетяне — Странники? Может быть, это неслучайное совпадение?

А. С.: Просто уже деваться некуда было. Мы называли его — Сикорски — Странником в «Обитаемом острове» — что же теперь менять? Мы никогда не думали, что он встретится со Странниками.

Руденко: Бывали ли у вас случаи, чтобы вы написали совсем «безнадежную» — в смысле проходимости — вещь и потом на нее даже рукой махнули — мол, не напечатают, и бог с ними?

А. С.: По-моему, у нас так не бывало... Такого, чтобы полностью безнадега — нет... Не может быть... Рано или поздно напечатают...

Биленкин: В «Отеле...» у вас есть определенные

нюансы — в поступках героев, — которые заметны лишь при втором-третьем чтении. То есть внешне все логично, но тем не менее есть какой-то скрытый алогизм, заметив который понимаешь: а ведь обычный человек так поступить не мог. Что-то побудило его. Или, может быть, авторы сами не заметили алогичности — поспешили, забыли о том, что было вначале?

А. С.: Это вот что. Это упражнение, по сути дела, на обрисовку психологии героя. Есть люди, которые ничего не заметят и пройдут мимо. А есть люди, которые задумаются, обратят внимания на мельчайшие несоответствия в поведении персонажей...

Биленкин: То есть получается скрытый психологический детектив, что ли?

А. С.: В общем, в «Отеле...» это не имеет никакого значения, но мы никогда не упускаем случая поупражняться в этом. Находим всегда какие-то детали, чтобы дать новую окраску героя. В принципе, конечно, есть и «ляпы». «Ляпов» в наших вещах много, особенно в ранних. Есть вещи просто ненужные, которые лучше всего выбросить. Которые «не играют», и колорит не придают, и так далее... Но в общем я думаю так, что, когда вы работаете, когда пишете, не стесняйтесь вводить новые детали. Убрать всегда можно... А потом — вдруг, когда вы будете перечитывать, вам придет в голову заменить ту или иную деталь, ввести что-то по делу, что-то действительно интересное? Голый сюжет — самое опасное. Голото сюжета бойтесь больше всего... Чтобы не ободранное дерево стояло, а чтобы с листвой оно было...

Биленкин: В принципе у вас всегда герои — все люди в произведениях — это наши современники.

А. С.: Обязательно! Совершенно бессмысленно изображать что-то иное...

Биленкин: А если взять ефремовскую задачу — изобразить людей иного — будущего — времени? Вы ее, видимо, никогда не ставили?

А. С.: И никогда ставить не будем! Потому что, товарищи, существует совершенно справедливое высказывание Льва Николаевича Толстого: все что угодно выдумать можно — психологию нельзя выдумать! Кстати говоря, насколько я знаю, Иван Антонович и не пытался *показать* людей будущего. Он конструировал их, шел *нарочно* на нарушение определенной логики. Конечно же, он знал об этом высказывании Толстого и, конечно же, был с ним совершенно согласен, но ему нужно было создать образ человека, совершенно не похожего на нас. Мы же в своих

вещах стараемся говорить скорее не об изменении психологии, а об изменении поведенческого модуля. ТАК — вернее говорить о людях.

Бабенко: Есть ли надежда, что «Гадкие лебеди» увидят свет?

А. С.: Я думаю, что есть. Думаю, что есть... Я пока — по какой-то апатии — никак не могу взяться за поиски, кем же эта вещь запрещена. Там ведь ничего нет *такого*.

Биленкин: Боюсь, что это «несчастный случай» на производстве... Не докопаетесь...

А. С.: Ну, в конце концов... Ну, «Гадкие лебеди»... Вообще она неплохая вещь, конечно... Надо будет ею заняться... Посмотрим... Но вот что вам скажу: все вещи — впереди. Все самое настоящее — впереди.

Войскунский: Какая, по-вашему, сейчас самая острая проблема?

А. С.: То, что называется мещанством. Ведь какой раньше мещанин был? В баночку копить, в кубышку, в чулок, под себя. А сейчас? Жрать, жрать, жрать... Хватать!

Бабенко: Да ведь для этого и слова не нашли еще. Мещанин, обыватель — все это не то. Семантика не та...

А. С.: Очень смешно, между прочим, когда наши гневные филиппики против мещанина переводятся на английский язык. Мещанина как такового у них нет. Они переводят: «филистайн», «хипокрит» — но это совсем не то. Скорее, такой... лицемер, ловкач... Словом, совсем не то, что мы понимаем под мещанином.

Биленкин: А знаете ли Вы слова Герцена насчет мещанства? Нет? «Все нации должны пройти через стадию мещанства».

А. С.: А что он имел в виду под мещанством?

Биленкин: По-моему, то же самое, что имеем в виду мы.

Покровский: Может быть, поставить проблему более общо: цивилизация должна пройти через стадию омещанивания?

А. С.: А что такое «цивилизация»? Дайте определение.

Голос с места: Сложно...

Биленкин: Чем сложнее общество или явление, тем труднее дать ему дефиницию. Ведь надо охватить невообразимо широкий круг явлений...

А. С.: Мое определение... Мое определение простое: цивилизация есть социальная система, которая наличествующими производительными силами непрерывно создает новые потребности и тут же создает способы их удовлетворения.

Григорьев: Что касается определения современной цивилизации, то так оно и есть.

А. С.: Любой. Возьмите ассирийскую цивилизацию — там то же самое. Главная функция любой цивилизации, товарищи, — это создание новых потребностей... Небывалых...

Войскунский: А как это распространить на первобытную общину?

А. С.: А первобытная община не была цивилизацией. На протяжении сотен тысяч лет первобытный человек удовлетворялся, насколько я понимаю, хоботом мамонта или червячком. А по мере того, как первобытная община переходила в цивилизационную стадию, люди начинали замечать, что травка, например, бродит и можно выпить кое-чего нового — «тяпнуть»...

Бабенко: Я слышал, что на телевидении снимают фильм по «Понедельнику...».

А. С.: Да, двухсерийный фильм. С «Понедельником...» он не имеет почти ничего общего.

Бабенко: То есть здесь вы так же не авторы фильма, как не были авторами «Сталкера»?

А. С.: Совершенно точно.

Бабенко: А вы видели отснятый материал?

А. С.: Никакого отснятого материала еще нет. Впрочем, нет, одну часть Бромберг уже отснял. Бедняге не повезло со снегом. Действие происходит в новогоднюю ночь, а снимать пришлось сейчас, в марте.

Бабенко: Как и в случае со «Сталкером», вы тоже многократно переделывали сценарий?

А. С.: Многократно.

Бабенко: И что получилось?

А. С.: Получилась довольно банальная история. Там нет, скажем, Выбегалло...

Григорьев: А что есть?

А. С.: Есть какая-то контора по производству чудес для народного потребления. Во главе стоит дама, колдунья. Она заколдовывает молодую сотрудницу. А ее любит один из Москвы, и возникает проблема расколдовывания, и все непрерывно пляшут и поют.

Вопрос с места: Почему в ваших произведениях, как правило, только главные герои, а главных героинь практически нет? Почему нет женщин на главных ролях?

А. С.: Отвечаю. Женщины для меня как были, так и остаются самыми таинственными животными в мире. Они знают что-то, чего не знаем мы. Вот в Японии в начале нашего тысячелетия существовало два строя — матриархат

и патриархат одновременно. Так женское начало взяло верх. Так и осталось в иерархии богов: верховный бог — женщина, подчиненный — мужчина. Повторяю — и за себя, и за своего брата: женщины для нас самые таинственные существа. И повторяю, что сказал Лев Николаевич Толстой: все можно выдумать, кроме психологии. А психологию женщины мы можем только выдумывать, потому что мы ее не знаем.

Голос с места: Ваше отношение к «летающим тарелкам»?

А. С.: «Летающие тарелки» для нас абсолютно неинтересная вещь. Но для того, чтобы показать отношение людей к «летающим тарелкам», теоретически мы можем написать произведение, где были бы НЛО. И это не будет значить, что мы верим в «летающие тарелки».

Сверхзаумный вопрос бородатого психолога Петухова с приведением высказывания какого-то иностранного философа, которого никто не знает.

А. С.: Ага... Гм... Аналогичный случай со мной уже был... Поехал я в Новосибирск получать премию за «Понедельник начинается в субботу». Вдруг подскакивает ко мне один молодой научник и спрашивает: «А что Вы думаете о теории...» Вот я и забыл уже название... Иностранное имя такое... Да... А мне не хотелось ударить лицом в грязь. Я и говорю: «Что ж... Конечно... При известных условиях...» Он: «Правильно, я тоже так думаю...» Говорит: «Некоторые аспекты...» Я говорю: «Простите, меня ждут...» А там уже коньяк разливают. А его — научника — туда не пустили...

Психолог Гостев: Определенные ваши вещи, можно сказать, написаны с пессимизмом. Чем это можно объяснить? Вы на самом деле пессимистически смотрите на развитие человечества?

А. С.: При чем здесь развитие человечества? Пессимизм, если он и есть, происходит не от развития человечества, а от того, что мне уже пятьдесят семь лет. Будь мне сейчас лет двадцать, не было бы никакого пессимизма. Я-то ведь с двадцать пятого года, а Борис — с тридцать третьего...

Руденко: Когда вы начали писать?

А. С.: Господи, я думаю, что писать — точнее, рисовать, а не писать, рисовать комиксы — я начал, наверное, в восьмилетнем возрасте.

Голос с места: Фантастику?

А. С.: Фантастику.

Голос с места: В школе учились?

А. С.: Восемь лет было! Конечно, в школе учился.

Руденко: Когда вы родились как *братья* Стругацкие? Когда вы стали настоящими писателями?

А. С.: Ну, не знаю... «Лицом к лицу лица не увидеть...» Могу лишь сказать с определенностью: когда вышел «Пепел Бикини», политический роман, политическая повесть, когда ее издали, нам стало ясно: не боги горшки обжигают, можно продолжать и дальше.

Биленкин: А кто был соавтором?

А. С.: Некто Лева Петров. Мы с ним работали вместе в разведке на Дальнем Востоке, а потом, когда демобилизовались, он стал в АПН работать, женился на внучке Хрущева. И безвременно умер...

Руденко: Все-таки отличные у вас вещи! И как это получается такое? (*Общий смех.*)

А. С.: Спасибо, ребята, за такое мнение, но я думаю так: вы сами работайте побольше, и все у вас получится. Я думаю, что сюжет — это самое слабое место у вас. Острый сюжет... Ну что, все?

Все (задумчиво): Пока все...

Запись, оставленная А. Н. Стругацким после масс-интервью в grossбухе семинара, носящем название «СЕДУКСЕН» (Семинар Душевеведов и КСЕНологов):

«17.03.82

Было очень интересно и профессионально. Начавший писать да пишет и не пугается. То, что все мы золуши (или золухи?) — не суть важно. Важно работать и общаться».

Записал В. Бабенко

Знакомые черты будущего

Будущее испытало на себе всякое — и оптимизм, и безрассудную слепую надежду, и безысходное отчаяние. Ему угрожали и кликуши, и точные расчеты, его пытались отравить и попросту уничтожить, повернуть вспять, вернуть в пещеры. Оно выжило. Появилась возможность серьезного, вдумчивого изучения его. Сейчас, может быть, как никогда еще в истории человечества, будущее зависит от настоящего и требует нового подхода к себе.

Даниил Гранин

Три года назад один из лучших «интеллектуальных» журналов наших «Наука и религия» обратился к нам с предложением высказаться по поводу того, каким мы представляем себе массового человека первых десятилетий грядущего XXI века.

Не без трепета мы приняли это предложение. И вот что у нас получилось.

Вот уже три десятка лет мы пишем фантастику и ни разу еще не выступали в роли предсказателей. Хотя половина наших повестей — повести о будущем, более или менее далеко, мы всегда описывали не те миры, что когда-нибудь реализуются, а лишь те, в которых нам самим хотелось бы — или, наоборот, очень не хотелось бы — жить.

Предсказать, каким станет наш с вами соотечественник в начале третьего тысячелетия — средний, или, как теперь говорят, массовый, человек 2010—2015 годов, — задача явно нам не под силу (да и кому она под силу?). Однако порассуждать небезынтересно.

Вообще говоря, человек был и всегда будет функцией среды обитания — если понимать термин в самом широком смысле, включая всю сумму социальных, экономических, «ноосферных» и природных обстоятельств. Человек изменяется только тогда, когда изменяется среда обитания, хотя не всякое изменение среды обитания меняет человека.

Мы знаем факторы, способные изменить среду обитания (а вместе с нею и человека) самым радикальным обра-

зом. Глобальная ядерная война. Глобальная экологическая катастрофа. Космическая катастрофа — недалекая вспышка сверхновой, например, или даже инопланетное вторжение.

Не будем здесь принимать во внимание такие напасти. Космические катастрофы неодолимы, но чрезвычайно маловероятны. Что же касается войны или экологического кризиса, то уже само осознание мировым сообществом этих страшных угроз дает нам определенную уверенность в том, что катастрофы удастся избежать. Да и вообще предсказывать, каким будет человек в мире, изуродованном катастрофой, слишком просто и слишком банально (хотя, конечно, и бесполезно).

Но известен другого рода глобальный фактор, не разрушительный, но достаточно эффективный и быстродействующий, чтобы существенно изменить нашу среду обитания в исторически короткие сроки. Это научно-технический прогресс (который, кстати, и породил все угрозы и кризисы XX века, включая и угрозу ядерной войны, и экологический кризис).

Научно-технический прогресс (НТП) привел к тому, что буквально на наших глазах, в течение жизни одного лишь поколения, среда обитания изменилась существеннейшим образом.

Мы прекрасно помним такую фигуру городского уличного движения, как извозчик-ломовик, — явление ныне не менее редкое, чем кистеперая рыба. Летчик, обыкновенный военный летчик! — мы почитали его, по крайней мере, так же, как почитаем сегодня летчика-космонавта. А чудо из чудес, объект зависти и восхищения — ламповый радиоприемник в громадном, божественно пахнущем лакированном ящике, украшенном деревянными финтифлюшками и фигурными вырезами! С чем сравнить его сегодня? С персональным компьютером? Нет, жидковат персональный компьютер для такого сравнения!..

Но вот что интересно: если отойти назад не на 40—50, а лишь на 25 лет, то среда обитания покажется нам вполне привычной.

Автомобили? Да, их было поменьше, и они были другими, но уже тогда они были привычным атрибутом городской улицы. Телевизор? Да, их было меньше, и они были хуже, но уже тогда они никого не удивляли, это был просто товар, на который надлежало копить деньги. Космические полеты? Человек только-только вышел в космос, но спутники считались уже дюжинами, а фотографии обратной стороны Луны вызывали не изумление пополам с

восторгом, а лишь удовлетворение пополам с некоторым разочарованием.

Что же случилось? НТП замедлил течение свое или разучились мы с вами удивляться? Куда подевалось то восторженно-восхищенное отношение к чудесам науки и техники, столь характерное для конца XIX и первой половины XX века?

Создается впечатление, будто произошло за эти годы некое привыкание к НТП, к его чудесам, к его подаркам и даже к его издержкам. Словно бы НТП, изменяя среду обитания, произвел наконец некий сдвиг в массовой психологии и сделал массового человека практически невосприимчивым к дальнейшим изменениям. Сейчас трудно, а может быть, и невозможно представить себе такое научное открытие, изобретение или техническое новшество, которое было бы способно поразить воображение массового человека, стало бы предметом размышлений, восхищения или хотя бы сколько-нибудь массовых обсуждений.

НТП более не является источником чуда. Напротив, он убивает чудо, срывая с него яркие привлекательные одежды и ставя его в один ряд с прочими фактами, давно известными и организованными в ту систему, которую называют обыденной жизнью.

Но человек не может без чуда. Если отвлечься от отчаявшихся и потерявших надежду, жажда чуда является чисто духовной потребностью. Сенсорный голод, ориентировочный рефлекс (или как он там называется у психологов), этот поразительный механизм человеческой психики, переносит ожидание чуда в те области, до которых НТП еще не дотянулся: НЛО, парапсихология, реликтовые чудовища, бермудские тайны...

От века чудо должно поражать воображение, то есть быть одновременно и наглядным, и необъяснимым. Современное чудо ценно само по себе, от него, как правило, не ждут практических выгод (разве что глобальных). И — что замечательно! — современное чудо вроде бы не имеет никакого отношения к мистике. Мистическое толкование чуда — сегодня дурной тон.

Между тем ИСТИННЫЕ чудеса XX века — это чудеса для сугубых профессионалов. Настоящие чудеса возникают в виде корявых формул, кое-как нацарапанных мелом на плохо протертой черной доске, чтобы потом нырнуть в мрачные недра гигантских ускорителей или вычислительных чудовищ и вынырнуть на поверхность в виде символов и таблиц на синих полосах термобумаги, и лишь три головы во всей нашей среде обитания способны будут

воспринять это именно как чудеса, да и то две головы усомнятся и потребуют начать все сначала.

Если когда-нибудь телепатия сделается фактором науки, она предстанет перед своими нынешними адептами опутанная проводами, облепленная датчиками, загнанная в шершавые кожаные дисплеи, ограниченная десятками неудобопонятных оговорок и условий — и с огромным разочарованием отшатнутся от нее нынешние ее адепты.

Равнодушие или сугубый практицизм по отношению к истинным чудесам НТП, с одной стороны, а с другой — бескорыстный жадный интерес к банальным псевдочудесам, превратившимся в мифы нашего времени, — вот характернейшее средство современного массового человека, порожденное самим же НТП.

Средний человек начала третьего тысячелетия — это сегодняшний школьник, для которого электронный калькулятор — довольно обычный предмет школьного обихода, видеоприставка к телевизору — довольно обычный предмет домашнего или, во всяком случае, клубного, а сверхзвуковой суперлайнер — нормальное транспортное средство. С младых ногтей этот школьник воспитывается в убеждении, что, с одной стороны, наука может все (это очевидно, скучно и всем давно надоело), а с другой стороны, что «есть многое на свете, друг Горацио...» и так далее. (Это всегда приятно щекочет воображение и обещает новое, интересное, неиспытанное.)

К началу третьего тысячелетия НТП, возможно, подарит нам открытия необычайные. Может быть, будет-таки обнаружена жизнь на Марсе или на массивных спутниках больших планет. Может быть, запустят искусственный интеллект (что бы это ни значило!). Может быть, будет даже создана наконец единая теория поля.

Но можно с уверенностью сказать, что на нашего школьника (к тому времени уже активного участника, потребителя и поборника НТП) все эти замечательные открытия особого впечатления не произведут. В лучшем случае, он добросовестно примет их к сведению, в худшем — просто не заметит, как не заметили многие наши знакомые ни великой теоремы Гёделя, ни расшифровки генетического кода, ни возникновения синергетики.

«Наука может все», с одной стороны, и «есть многое на свете, друг Горацио...» — с другой. Вот характернейшее свойство массовой психологии человека начала третьего тысячелетия. Хорошо это или плохо, мы не знаем. Один из нас считает, что хорошо, а другой — что не очень.

Хорошо — для чего и для кого?

Плохо — в каком именно смысле?

Мы позволили себе порассуждать лишь об одной стороне человеческой психологии. Правда, эта грань представляется нам весьма важной. Способен ли ты удивляться, и если да, то что именно тебя удивляет? Отношение человека к чуду, отношение человека к прогрессу, который он движет своим разумом и своими руками, — это, что ни говорите, своего рода пробный камень его мировоззрения. И может быть, не только пробный, но и краеугольный.

Однако есть и другие грани, не менее важные. XX век дал наконец ответ на старый вопрос: что будет с массовым человеком, если он одет, обут и накормлен досыта? Станет ли он добрее, честнее, умнее вообще — лучше? Оказалось — нет. Удовлетворение потребностей вызывает лишь появление новых потребностей. Каждый новый уровень «сытости» проявляет в массовом человеке новые минусы.

Человек разумный далеко не всегда является разумным человеком, слишком часто он — вместилище неуправляемых эмоций или попросту тупой болван. Нельзя ожидать сколько-нибудь серьезного изменения массового человека, пока господствуют формы воспитания и образования, выработанные еще троглодитами. Новый человек может быть сформирован только новой педагогикой, а прорывы в нее пока удручающе редки и неуверенны, и их без труда, почти автоматически душил непроторная толща педагогики старой, насквозь пропитанной древними и древнейшими мифами и предрассудками...

Что ж, у человечества впереди еще по крайней мере миллиард лет.

Вопросы остаются

Интервью с Б. Стругацким

— *Понедельник, как известно из вашей повести, начинается в субботу. И будущее начинается сегодня. Это — дети. Какими мы их вырастим, таково и грядущее... В книгах «Полдень. XXII век», «Далекая Радуга», «Стажеры» потомки, отдаленные от нас веками, избавлены от комплекса отрицательных качеств, который в каждом из нас еще есть. Каким видится Вам путь к Человеку Будущего?*

— Мне кажется сейчас, что единственный путь — это создание Теории Воспитания Человека. Должна быть выработана методика превращения человеческого младенца, несмышленища в существо, разумное в самом высоком и широком смысле этого слова. Человечество должно научиться безошибочно (или хотя бы почти безошибочно) воспитывать в своих детях доброту, честность, благородство, душевную щедрость.

Мне очень хочется верить, что такая теория и такая методика будут рано или поздно открыты и сформулированы. Ведь существует же сейчас почти безотказная методика превращения человека в боевой механизм, в машину уничтожения себе подобных. Рейнджеры. «Дикие гуси». Пресловутые «береты» всех мастей... Значит, воспитывать в человеке жестокость и беспощадность земляне уже научились. И поставили свою планету на грань гибели. Не пора ли все свои силы бросить на отыскание алгоритма воспитания Доброты и Благородства, алгоритма, столь же безотказного и эффективного?

— Допустим, выработали искомую методику, в человеке воспитали доброту, и с детства он добр. Но вот наступает переходный возраст, когда подросток хочет самоутвердиться тем или иным образом...

— Это очень важный момент. Это фундаментальная проблема, стоящая перед Теорией Воспитания. Как найти в молодом человеке его талант, его умение делать что-то лучше других. Такой талант есть в каждом здоровом человеке, если иметь в виду все возможные сферы приложения рук, ума или души. Талант портняжить или слесарить, талант решать абстрактные задачи, просто талант к соперничанию, равно необходимый и медработникам, и писателям.

Подросток мучается, шарахается из стороны в сторону, всячески изгаляется и выдрючивается прежде всего потому, что им владеет почти инстинктивное желание самоутвердиться, выделиться, стать самостоятельной и совершенно особенной личностью, но свой главный талант он, как правило, обнаружить в себе сам, без посторонней помощи, не способен. Вот он и ломится в открытые двери, толпой валит по проторенным дорожкам, хватается то, что ближе всего лежит: поярче и помоднее вырядиться; погромче заорать — желательно с применением технических средств; похлеще выразиться... Не в силах обнаружить в себе талант, он стремится заменить его каким-нибудь блестящим, ярко раскрашенным «протезом».

Теория Воспитания должна уметь находить талант в подростке и возвращать этот талант наиболее эффектив-

ным и естественным способом. Заметьте: не штамповать из живых детей неких биороботов с заданными функциями, а всячески способствовать тому, чтобы человек нашел себя, свое главное умение, свое призвание.

И прежде всего надо будет научиться находить в человеке талант Учителя, самый важный из талантов, ибо понастоящему широко Теория Воспитания начнет развиваться только после появления мощного социального слоя Учителей.

— Предположим, уже существует Теория Воспитания, уже появился слой Учителей, умеющих найти в каждом только ему присущий талант. Всякий ли труд при этом найдет своих поклонников?

— Иначе говоря: как быть с неприятными, традиционно малоаппетитными профессиями? Два обстоятельства внушают определенный оптимизм в этом вопросе. Во-первых, человеческие пристрастия и склонности воистину безграничны. А во-вторых, человек всегда делает хорошо ту работу, которая у него «идет», и чем лучше у него получается, тем с большим удовольствием и самоотдачей он трудится.

Я ничего не знаю о труде ассенизаторов, но знаю кое-что о труде патологоанатомов. Знаю, что существуют знаменитые мастера и великие энтузиасты этой страшноватой даже (с точки зрения подавляющего большинства) профессии.

Источник неприятных коллизий и даже трагедий мне видится, скорее, в другом. К сожалению, частенько бывает так, что человек с особой страстью стремится применить себя как раз в той области, где никаких способностей у него нет. Таковы «графоманы» всех видов — актеры, образовавшие себя писателями, инженеры, ударившиеся вдруг в самую абстрактную математику, географы, занявшиеся изобретательством, и так далее. Имя им легион, и судьба их воистину печальна.

Это — тоже работа для Теории Воспитания: направить устремления человека в русло доступного, помочь ему установить гармонию между желаниями и возможностями, научить его трезво взвешивать свои обстоятельства и не превращать себя в мономана.

— Утверждаться всегда сложнее, чем самоутверждаться. Себя обманывать — это и проще, и приятней. Сначала, в подростковом возрасте, ярко раскрашенными «протезами», как Вы сказали. В более зрелом возрасте — наличием денег, квартиры, машины. Слово «престижность» давно приобрело отнюдь не уничижительный оттенок. Не потому ли, что это проще всего, столь обшир-

ную массу людей охватил «вещизм», страсть к накопительству?

— По этому поводу у нас в «Понедельнике...» есть очень даже неплохие слова о том, что для развития духовных способностей нужен талант, а вот для развития материальных потребностей никакого таланта не нужно, они развиваются спонтанно. Получать побольше, работая поменьше, — это, к сожалению, заложено в нашей обезьяньей природе. Вот с чем надо бороться до тех пор, пока не произойдет перестройка в сознании, и мы станем уважать человека, исходя из того, сколько он отдал, а не сколько и чего потребил.

— Пока же произошла несколько иная перестройка в сознании — человек труда в некотором роде перестал быть «маяком», если можно так выразиться. Не потому ли, что понятие «труд» было в последние годы, десятилетие затаскано в многочисленных лозунгах, которые, по строгому счету, — ни уму, ни сердцу?

— Давайте не будем легкомысленны и поверхностны, когда говорим о труде. Труд — это серьезно. И труд — это, прежде всего, тяжело. «В потѣ лица твоего будешь есть хлеб». Десятки веков миновали, но, по существу, нечего пока нам добавит к этой суровой формуле. Легкого труда вообще не бывает, если, разумеется, человек работает добросовестно. Труд может приносить и радость, и деньги. Труд может приносить только одни деньги. Но всегда он — в потѣ лица, всегда изматывает — либо физически, либо духовно, либо и то, и другое вместе.

Разумеется, не одна лишь необходимость снискивать себе хлеб насыщенный является движителем нашей трудовой деятельности.

Скажем, энтузиазм. Прекрасный, благороднейший, достойный всяческого восхищения движитель! Но он годится лишь в экстремальных ситуациях, и энергия его быстро иссякает — так уж, видимо, устроен человек.

Творческое горение — идеальный движитель, и благородный, и мощный, и долгодействующий. Он замечателен еще и тем, что творческий труд служит сам по себе наградой творцу, ибо творчество дарует высокое наслаждение, с которым не многие, так сказать, материальные наслаждения могут сравниться. Но, к сожалению, этот движитель встречается сравнительно редко. Мы не умеем обнаруживать в людях творческую жилку, она сплошь и рядом остается втуне, да и технологический уровень нашего общества таков, что творческий труд доступен лишь десяткам из тысяч.

Вот и оказывается, что наиболее распространенным

движителем в наше время являются самые прозаические деньги, с помощью которых человек приобретает необходимые ему материальные и духовные блага. И для большинства людей труд сам по себе не есть источник ни радости, ни вдохновения, ни наслаждения — это просто средство для получения материальных и духовных благ.

Поэтому не будем витать в облаках. Будем исходить из того, что еще много десятилетий главным стимулом для хорошей работы будет хорошая зарплата. И если мы хотим, чтобы из человека вырос трудяга, а не разгильдяй и нахлебник, надо создать такую ситуацию, чтобы работать было во всех отношениях выгоднее, чем не работать, чтобы хороший работник зарабатывал бы в десять, двадцать, сто раз лучше, чем плохой (а не на двадцать процентов, как сейчас), и чтобы не на словах, а на деле реализовался бы прекрасный принцип: «Любой труд хорош и почетен, если он нужен обществу». Престижна должна быть не профессия, а квалификация. Престижно быть Мастером, а в какой профессии — это не так уж и важно.

— Собственно, изменения, происходящие сегодня в нашей экономике и в повседневной жизни, как раз и направлены на это. Не так ли? Но это сегодня. А в будущем?

— Нынешнее состояние нашей экономики наводит на мысль о человеке, который живет и движется, управляясь одними лишь прямыми командами своей центральной нервной системы. Чтобы взять со стола ложку, ему приходится действовать примерно так: «Внимание! Рука у меня опущена, значит, прежде всего ее надлежит согнуть в локтевом суставе. Для этого надлежит сократить плечевую мышцу, одновременно расслабляя трехглавую мышцу... Плечевую кость закрепить! Напрячь мышцы, идущие от лопатки к плечевой кости и от грудной клетки — к лопатке! Что-то плохо дело движется... А! Кровеносная система, а ну-ка — поддать свежей крови в плечевую мышцу! Так, хорошо... Стоп-стоп-стоп! Куда тебя понесло — выше головы! Назад!..» И так далее.

Разумеется, здоровый организм действует не так. Мозг отдает только приказы самого общего вида, а все частности берет на себя вегетативная нервная система и подкорка, действующие автоматически, без участия нашего сознания.

Точно так же разумно устроенная экономика должна представлять собою самоорганизующуюся систему, сплетение прямых и обратных связей, гигантский автоматически работающий механизм, сам себя настраивающий и отлаживающий, нацеленный на производство оптимально

необходимого количества материальных и духовных благ. Каждый элемент этого механизма (будь то отдельный производитель, или отдельный завод, или отрасль) должен управляться немногими ясными принципами. Например: «Хорошая работа — это работа, удовлетворяющая некую общественную потребность». Или: «Хорошая работа очень хорошо оплачивается, плохая работа наказывается, вплоть до увольнения». И т. д.

Надо ясно отдавать себе отчет в том, что при таком порядке вещей неизбежно появление слоя людей, которые не могут (алкоголики, наркоманы) или не желают (из лени, скажем, или в силу очень малых потребностей своих) работать с полной отдачей. Они будут составлять небольшую долю самостоятельного населения, но это будут сотни и сотни тысяч. На общем социальном фоне они будут выглядеть, мягко выражаясь, странно. Это будет проблема! Однако ясно, что социальная справедливость (в современном понимании этого слова) потребует самым решительным образом реализации классического принципа: «Не работающий да не ест!»

— В повести «Хищные вещи века», написанной братьями Стругацкими более двадцати лет назад, изображено некое западное общество, в котором, судя по обилию материальных благ, экономика «работает как часы». Тем не менее общество это, мягко говоря, весьма далеко от совершенства. Малознатные группы различного толка, признающие закон кулака, алкоголизм, наркомания...

— С детства нам объясняли, что алкоголизм и наркомания — следствие нищеты, забитости и невежества людей. Вероятно, когда-то так и было. Двадцатый век среди прочих сюрпризов и парадоксов преподнес нам и этот: уровень жизни растет во всех своих параметрах, и одновременно с ним растут алкоголизм, наркомания, лавина преступности и самоубийств. Это — явление глобальное, и единого объяснения этому пока нет. Я лично думаю, что наркомания всех видов — это действительно следствие нищеты, но не материальной, а духовной. Нищие духом люди, которых не научили духовной жизни, люди, которым нестерпимо скучно, люди, которые ничего не умеют и ничего не хотят, — вот тот слой, в котором растет и размножается вирус наркомании. А рост материального благосостояния не уменьшает, а увеличивает этот слой, и, если мы хотим разорвать порочный круг, мы снова возвращаемся к Теории Воспитания как некой социальной панацее.

Интервью взял А. Измайлов

Братья Стругацкие: «Жизнь не уважать нельзя»

Их авторитет безусловен даже для тех, кто терпеть не может фантастику.

Уровень философского мышления и безукоризненной художественности текста Стругацких приносит высокое интеллектуальное и эстетическое наслаждение, они давно — несомненные «мэтры» отечественной фантастики, за границей их издавали и переиздавали полтора-два раза раз... Их имена окружает ореол очень большой читательской любви. Все это так... Но один писатель «братья Стругацкие» — два разных человека, столь несхожих и в то же время соединенных чем-то незримым, но настолько родным и узнаваемым, что их глубокую внутреннюю общность чувствуешь кожей, и традиционный вопрос о том, как же они пишут вдвоем, кажется ненужным и неважным... Такие независимые, яркие люди, но вот это их общее ощущается внезапно уязвимой болью снуренной чистоты, интеллигентности и порядочности.

Я уже несколько лет была знакома с бурным, ярко эмоциональным Аркадием Натановичем и только что познакомилась с очень внутренне закрытым при внешней легкости и изяществе общения Борисом Натановичем, но при всей разности этих контактов испытываю сейчас чувство равной нежности и надежды на добрые ветры для них... Чувство это возникло и окрепло именно в общении с братьями Стругацкими.

...Ирония слегка защищает их усталость и стойкость. «Классики» — как зовут их молодые фантасты — обладают нечастым достоянием: четкими духовными ориентирами. «Нравственный стержень» — так говорили раньше.

Братья Стругацкие — у нас в гостях.

— Аркадий Натанович, мне хочется начать с вопроса о вашем читателе. Чувствуете ли вы своего читателя, постоянную взаимосвязь с ним, меняется ли он? В каком качестве ощущаете вы себя сейчас? Человека развлекающего? Учителя? Идеолога? Философа?.. Меняется ли ваш прежний любящий, преданный читатель, и если да, то так? В общем... все о взаимоотношениях с читателем.

— Вопрос сильный, должен тебе сказать... Знаешь, вот первые наши книги, которые мы сами очень не любим — «Страна багровых туч», рассказы, первые, — вот они, пожалуй, и были рассчитаны на развлечение... то есть мы писательски относились к своей теме так же, как читательски когда-то относились к Жюль Верну и Уэллсу, не подозре-

вая, что у Уэллса есть такие философские глубины. Но открылись они нам значительно позже, когда мы сами стали уже зрелыми писателями... Здесь помогла, конечно, и родившаяся в нашей стране философская фантастика Ивана Антоновича Ефремова, и социально-эмоциональная фантастика Рэя Брэдбери... Это — о нашем восприятии своей, так сказать, развлекательности. Сейчас, конечно же нет — иные, скажем, цели. И давно уже — нет. Хотя развлекательный элемент обязательно должен быть, чего слова-то пугаться... Понимаешь, мы никогда не забываем про троянского коня и позолоту на пилюле. Если ты хочешь сообщить мысли, кажущиеся тебе новыми и необычными, читателю неподготовленному, приходится строить острый сюжет. За ним-то, он, свеженький читатель, побежит, а мы ему и вложим философский борщ с трагическими выводами в легкой и удобочитаемой форме. А потом противники фантастики всех мастей и расцветок еще будут говорить о легком чтиве...

— *Хотя как раз именно вы и делаете ту самую просветительскую работу — молодого читателя, жадного до интриги и сюжета, окунаете в высокую литературу и философию. Здесь-то он прочтет! А вещь другого жанра, заведомо «высокого» может и в руки не взять... Но — это лишь одна часть ваших читателей, хотя традиционно, именно на нее оглядываясь, и рисуют портрет читателей фантастики. Но он же совсем не таков! Сколько крупных ученых, мыслителей ищут и находят в ней отражение острых, глобальных и больших вопросов самого что ни на есть сегодняшнего дня... Георгий Михайлович Гречко, столь неординарно мыслящий человек, говорил мне, что без большой фантастической литературы своей духовной жизни просто не мыслит... И Маркес, Стругацкие и Булгаков в этом списке рядом...*

— Ну спасибо ему. Нет, правда, спасибо, он наш верный читатель. Но меня не надо агитировать; я давно — «за»! Ты это тем скажи, кто без мордобоя и шишек жизнь братьев Стругацких видеть не желает.

— *И скажу.*

— Скажешь, скажешь... — верю. Но... Ох, это громобойный разговор, еще вернемся, а сейчас давай я про развлекательность договорю, а то понесло нас с тобой к привычным болячкам. Оно и понятно, впрочем... Да, так вот, слово «развлекательность» для нас не ругательство, как раз ее нашей литературе очень не хватает, я не только о фантастике говорю. Что же касается читателя, то он

безусловно, заметно изменился за эти тридцать лет, что мы работаем. Читатель стал образованнее, интереснее, раскованнее, по моему мнению, наши читатели очень выросли. То ли мы их за собой тянем, то ли они нас — не знаю, но получается так, что мы пока идем голова в голову... Вот я вчера выступал в одной школе по соседству... ребята там ставили в школьном театре такие сложные наши вещи, как «Жук в муравейнике» и «Хищные вещи века»... Меня поразило, как они точно уловили все самое важное в них! И зрители — такие же ребята — реагировали абсолютно адекватно.

— *А вы нуждаетесь в этом ощущении обратной связи? Зависимы от нее или нет?*

— Честно говоря... объективных признаков такой зависимости мы у себя не замечаем... А потом, что такое обратная связь? Слава богу, критика нас не трогает, в душу к нам не лезет, разве что лягут изредка, ну так чем им еще и заниматься...

— *Не только же такая критика есть...*

— Верно, есть и другая. Но нам с этим не везло. Просвещенным и мудрым критикам было как-то не до нас, а вот те, что облают, — они всегда пожалуйста. Наши единомышленники-критики печатаются крайне редко, за всю нашу писательскую карьеру мы можем насчитать 5—6 выступлений, о которых стоило бы говорить.

— *Вам мешало отсутствие критики или нет?*

— Помогало! Как только они за нас взялись, нас перестали печатать, вообще посыпались неприятности...

— *То есть умных, глубоких критических выступлений практически не было вообще?*

— Конечно. Эти пять-шесть, о которых я говорил... — ну, не поливали грязью... пытались «в чем-то разобраться», — но — «помогали»? Нет!.. Есть, правда, один человек, который нас очень хорошо понимает и прекрасно пишет, но ему пока не удалось пробиться ни строчкой.

— *Кто?*

— Это Олег Шестопалов, очень сильный математик, доктор наук, лауреат Государственной премии... Ну, представь себе самых лучших и достойных наших главных редакторов, которые взяли бы у математика литературную рецензию?! Это ж профессионалы от злости удавятся...

— *...Я совершенно не воспринимаю вас именно как фантастов, да-да... Для меня братья Стругацкие — большая литература, и все. По-моему, литературный процесс есть нечто неделимое, единое целое... К чему заниматься игрой в подведомственные жанры...*

есть просто литература — или ее нет. Остальное все от лукавого, придумано теми, кому не дано созидать собственную литературу...

— Абсолютно согласен.

— *Так вот, насколько вы сами ощущаете себя частичкой мирового литературного процесса, либо... Иные ваши поклонники служат вам дурную службу... те, кто кричат, что вот им интересно фантастику — Стругацких — и еще детективы, а неинтересно Достоевского и Цветаеву... Итак, ваше восприятие того, что вы делаете, и ваше понимание фантастики.*

— Начну с того, что я очень неприязненно отношусь к тем почитателям братьев Стругацких, которые не любят Достоевского. Это прежде всего. Но этот читатель — не главный наш читатель, нет... Мы уже давно для себя установили некое кредо... символ веры: писать можно либо о том, что ты знаешь лучше всех других, либо о том, чего никто, кроме тебя, не знает. Это во-первых. Фантастика и исторический роман в этом отношении очень сходны. Во-вторых, фантастика — это литература огромных социальных и этических обобщений. Нам не нужно задумываться о том, ходил ли в период, описываемый нами, троллейбус № 5 по кольцевой дороге или нет, нам это не важно; ситуация, антураж — это целиком дело нашей фантазии, и в этом я вижу наше преимущество перед писателями-реалистами, потому что мы можем всю нашу энергию... творческую вложить в самую суть, в то, что мы по-настоящему хотим сказать. Не отвлекаясь ни на что.

— *Фантастические обстоятельства нужны вам, дабы свободно наполнить форму психологической и философской начинкой... так?*

— Конечно. Собственно, научная фантастика нас давно уже не волнует, только человек со всеми его «измами» — цель, а идти к ней, к разным его глубинам и допускам, для нас естественно путем фантастики. Вот и все.

— *А ваши главные литературные пристрастия — в области фантастики?*

— Конечно, нет. Я бы даже сказал, что фантастику мы не любим.

— *Почему-то такого ответа я и ждала... А что вас питает, что вы ощущаете своими нравственными и эстетическими источниками? В литературе.*

— Прежде всего это гигантские резервы русской литературной классики. Гоголь, Чехов, Достоевский, из этого источника можно пить всегда, перенасыщения не бывает.

— *И часто вы обращаетесь к ним?*

— Да непрерывно! Как только чувствуешь, что дальше работать нельзя, сразу хватаешься за них... а вот видишь, вон стоит Салтыков-Щедрин — полный! — великолепное издание — так его читаю бесконечно и когда работаю, и когда не могу работать... Лет пять-шесть назад у нас был период, когда мы просто читали его каждый день. А из «Войны и мира», по-моему, уже суп варить можно, пусть тебя не шокирует это мое словечко — это когда я вещь уже наизусть знаю... ну о Булгакове уже и говорить нечего, это такое наше... Между прочим, это страшное преступление по отношению к Стругацким, что мы так поздно получили Булгакова! Мы были бы, наверное, гораздо более интересными писателями, прочитай Булгакова раньше... А еще родоначальники мировой юмористики Джером К. Джером и Джекобс — наше вечное чтение, тоже суп варить можно. Все собрание сочинений Фейхтвангера — тоже.

— У вас с Борисом Натановичем общие пристрастия?

— Нет. Символы писательской веры, конечно, общие, писатель-то один, хотя брата два... но есть и сугубо личные симпатии. Например, Борис очень любит Фолкнера, а я — Хемингуэя.

— А как взаимоотношения с поэзией?

— К сожалению, здесь дело плохо, здесь я туг на ухо, а вот Борис поэзию знает и любит... Но вот не знаю, куда отнести наших бардов, — а без них я обходиться не могу.

— К поэзии, конечно.

— Значит, мои любимые современные поэты — Окуджава, Высоцкий, Юлий Ким. Мне они нужны постоянно...

— Витамины души...

— Да! Но не только — это еще и напоминание: не заносись! Помни, в каком мире ты живешь! Ну а к классике поэтической я не так глух — и Пушкин, и Блок моей душе потребны. Да и в современности, пожалуй, к бардам добавь Давида Самойлова — этот мой, иные его стихи просто переворачивают...

— Я не буду задавать вам традиционный вопрос о том, как вы работаете вдвоем, кто из вас лежит на диване, а кто сидит за машинкой — в конце концов, если авторы считают нужным оставлять это в тайне, то это их дело, и лезть в чужую кухню неприлично, но все же спрошу вот о чем...

— Но это действительно так, очень точно ты сказала: один валяется на диване, а другой сидит за машинкой, ничего не поделаешь! В четыре руки на машинке не работаете...

— Наверное, чаще всего все-таки за машинкой сидите не вы?

— А вот и нет, как раз я! Да — к твоему сведению... По одной простой причине — Борис Натанович очень рассеян и делает много ошибок.

(Забегая вперед, скажу, что на аналогичный вопрос Борис Натанович иронически, чуть обиженно произнес: «Аркадий — аккуратист и педант невероятный, все ему кажется, что я не так внимателен, ну и на здоровье, пусть тогда сам и сидит...» — Е. М.)

— Да, Аркадий Натанович, но, возвращаясь к теме, я хотела вот о чем спросить Вас: как получается единый автор из союза двух столь разных людей? Причем очень разных... Как же это так органично, так естественно, так неделимо получается?

— Тайна сия велика есть... Ничего не поделаешь... Мы не знаем, как это происходит. И я думаю, что на кухню к Господу Богу лучше не лезть... есть некоторые вещи, причины которых нам знать не дано, данность — и все.

— Вы работаете регулярно или запоем?

— Только регулярно. Мы встречаемся на нейтральной полосе, потому что... сама видишь мою квартиру — две комнаты... Тут мы с женой, дочь, внук — здесь работать негде. У Бориса очень схожая ситуация. Поэтому мы почти ежемесячно встречаемся в каком-нибудь Доме творчества на десять дней и работаем. Думает каждый на своем родном диване: я — в Москве на проспекте Вернадского, Борис — в Ленинграде на улице Победы, но пишем только вместе.

— Я вам сейчас задам вопрос чуточку провокационный: вы наверняка очень хорошо осведомлены о том, что вас, братьев Стругацких, мягко говоря, противопоставляют всей прочей советской фантастике. Говорят: есть советская фантастика и Стругацкие. Так же, впрочем, как и в Польше: Станислав Лем и все остальные. Вам это льстит... или раздражает... или все равно? И — ваш взгляд на состояние современной фантастики.

— Значит, так. Если говорить о крупных, больших писателях мирового класса — Брэдбери, Лем, Шекли... — то они сами по себе, мы сами по себе, при всем взаимном уважении. Каждый есть свой собственный мир и, к счастью, воистину есть. Что же касается советской фантастики, то гвоздь в том, что по чудовищным и по сей день действующим, сложившимся закономерностям нашей издательской политики у нас, по сути дела, фантастики нет. То есть почти все серьезное и талантливое, о чем можно было бы по-настоящему говорить, — все это не печатается. Нет — есть, конечно, лучики в темном царстве: удалось вырваться к читателю Крапивину, тонкому стилисту Ган-

совскому, хорошему мастеру Биленкину... Но это все капля в море на трехсотмиллионную страну! У нас «В загнивании» сидят два отличных творческих семинара молодых писателей-фантастов, так называемых, конечно, молодых, так как семинары образовались лет 10—15 назад и всем «семинаристам» сейчас под сорок. И они абсолютно не публикуются, а если вдруг что-нибудь пробивается, то самое неудачное, серое! А самые лучшие их вещи, которые я читаю за вот этим столом в рукописи... и готов, понимаешь, своими голыми деснами доски грызть от ненависти к этой подлой издательской политике! А им наплевать... и последовательно губится уже не одно поколение фантастов. Со стороны наших издательств, всех этих госкомиздатов это чудовищный саботаж советской фантастической литературы! Намеренный, целенаправленный.

— И ведь советская фантастика уже выходила на мировой уровень — была же замечательная редакция фантастики в издательстве «Молодая гвардия» в начале 60-х годов, возглавлявшаяся Сергеем Жемайтисом и Беллой Клюевой и, собственно, создавшая тот всплеск фантастики... И ежегодник «Фантастика» начал выходить, а мечтам о фантастическом журнале уже лет тридцать, не меньше...

— Все было! Но разгромили ведь это все! Ничего не осталось — пришел Медведев, затем Щербаков. И все. Мафия. Честным писателям-фантастам в «Молодую гвардию» дороги больше нет.

Я хочу привести здесь высказывание братьев Стругацких, взятое из их горького блестящего монолога в журнале «Уральский следопыт» (№ 4 за 1987 год): «Мы убеждены, что творческая эволюция писателя теснейшим образом связана с публикацией его произведений. Разумеется, известны исключения. Были и всегда будут писатели, обладающие столь мощным творческим зарядом, что они способны само совершенствоваться, всю жизнь работая «в стол», и только после смерти перед изумленным миром появляются их произведения, и мир понимает, что это был талант, выросший сам себя, в одиночку. Это — единицы из тысяч и десятков тысяч пишущих. Не будем говорить о таких. Правилom же является писатель, для развития которого жизненно необходим партнер-читатель, причем обязательно массовый. Мы не знаем, в чем заключается магия этой связи, но мы знаем, что, как правило, писатель, лишенный выхода к широкому читателю, рано или поздно останавливается в развитии, начинает топтаться на месте... Вот в такое положение и поставлены наши

молодые писатели-фантасты в последние полтора десятка лет... Лишь изредка, словно бы украдкой, отдельные нетипичные руководители издательств и журналов с известным риском для своего положения осмеливались публиковать настоящие е...»

Аркадий Натанович весь кипел, говоря о людских судьбах в любимом им жанре, бурлил и возмущался во всю меру щедро отпущенного ему темперамента. У братьев Стругацких хватает и своих собственных проблем, но сегодня они истинно озабочены и встревожены участью именно «молодых» писателей-фантастов, их несостоявшейся судьбой, их пробуксовывающей литературной жизнью, а значит, и вообще... — жизнью.

— Аркадий Натанович, а что произошло с 24-томным изданием мировой фантастики?

— Это издание наш дорогой Госкомиздат затеял втайне от всех. У них, значит, было два лозунга. Один: там должны быть опубликованы произведения давно известные, по сто раз издававшиеся, с «безупречной» репутацией. Другой: должна быть история мировой фантастики. Эти два положения друг другу противоречат — как можно сочетать, например, сочинения князя Одоевского с требованием «зарекомендованности»? Мы пытаемся бороться, мы хотим развернуть весь парад советской фантастики, учитывая такую малость площадей, но понимая — это именно то, что нужно читателям и у нас, и во всем мире, а не перепечатки сотый раз Беляева.

— Для стольких ответственных работников культура всегда была третьестепенным делом, а понимание, что никакой перестройки вне культуры не будет, приходит медленно. Вообще «светлое, доброе, вечное» идет так медленно... И таким путем...

— Верно говоришь. И все же: ну а киношники? Сумели же? Делают же другую жизнь всерьез...

— Там личности другие были...

— Вот! А у нас в Союзе писателей все те же и так же. Нет вообще другого союза, где бы все так застыло, как в Союзе писателей. Гайд-парк один, говорить можно, но воз все там же.

— Аркадий Натанович, в чем вы находите утешение от естественных человеческих страхов — болезни, смерти, беды, ядерной катастрофы, то есть всего того, от чего человеку страшно? Всего, от чего он может отгородиться дневной суетой, но ночью спрятаться некуда, он беззащитен... В одном очень неплохом фильме Ролан Быков, игравший крупного театрального режиссера, говорил: «Но наступает возраст, когда по ночам ты лежишь и думаешь о гражданской

панихиде. О своей. О том, кто придет и что скажут. И что не скажут».

— Ну давай начнем с глобального... Я готов с кем угодно спорить на ящик коньяка, что ядерной катастрофы не будет. И я не проиграю, потому что если проиграю, то мне отдавать будет некому... А всерьез... Дело в том, что жить в ожидании конца — преступление перед жизнью. На мой вполне серьезный взгляд, знать нам ничего о будущем не дано, но жить надо достойно, без страха... Со мной многие не согласны, но я думаю так. Это — о ядерном крахе... Что касается прочих человеческих страхов, знаешь, у меня их просто нет, мне не от чего защищаться.

— *Даже так?*

— Даже так. От смерти не защитишься все равно... В конце концов, что такое смерть? Смерть, дорогие товарищи, это самое интересное приключение, которое мы испытаем в жизни. Болезни? Ну есть врачи, пилюли, в крайнем случае хирургический нож.

— *Тоже не боитесь?*

— Не-е-т, от ножа я попытаюсь сачкануть... а все остальное, Господи Воже, я стараюсь не избегать радостей жизни — начиная от любви вкусно поесть до всей человеческой палитры: очень люблю общаться со своим внуком, книги — какая радость жизни! И наконец — работа, все та же вечная работа... У меня, наверное, природно здоровая психика, если выдержала и ленинградскую блокаду, и много разных... дивертисментов потом... и — ничего!.. Долго не печатали, поливали критики как могли, но держусь, держаться-то надо прилично, я ведь кроме всего старший!

— *Сдвинутость психики, распад... каких-то краугольных камней, на которые опирается душа человеческая, когда ей трудно и больно, — это повсеместное явление сейчас, к сожалению, уже почти норма, а ваш внутренний статус-кво — это прекрасно, но так редко у человека просвещенного и с открытыми глазами... Понимать и не страшиться... Этого почти не бывает.*

— Дергаться перед неизбежным мы не будем!

— *Достоинство?..*

— Конечно... Нужно честно и с честью... помнить, кто были отцы, а не терять лица перед внуком... Как же это так, что это я буду сопли распускать... да и перед собой как-то невместно.

— *Вы с оптимизмом смотрите в наше социальное будущее? Верите в перемены?*

— Я понимаю скептиков — очень много душевных

мозолей накопилось у людей, очень много рушилось надежд. Но слова «верить» нет в нашем лексиконе. Делу перестройки надо активно помогать — вот это я знаю.

— *Вы легко работаете?*

— Нет, очень тяжело. Особенно последние вещи нам очень трудно даются, потому что сложная проблематика... она все усложняется, и все больше времени надо тратить на размышления... споры...

— *Мне показалась «Хромая судьба» качественно иной вещью, она мне очень понравилась, пожалуй, мне ее было читать интереснее всего.*

— Ты знаешь, она ведь неполная, там же начинки нет!

— *Куда она делась? Вырвали?*

— Как «куда она делась»? Вот куда, в журнал «Даугаву» она делась — «Время дождя»! Это как раз та синяя папка, которую написал наш Феликс Сорокин из «Хромой судьбы».

— *Она вся сюда и вошла! А почему это было разъединено?*

— «Нева» испугалась тогда. Времена сейчас меняются быстро, «Хромая судьба» вышла на год раньше «Времени дождя», тогда еще был первый год перестройки... сейчас все меняется каждый месяц, так что спасибо моему коллеге Владимиру Михайлову за смелость... Я надеюсь, что в книге обе части «Хромой судьбы» воссоединятся.

...Спустя неделю после разговора с Аркадием Натановичем я поехала в Ленинград — к Стругацкому-младшему. Меня предупреждали, правда, что в отличие от старшего брата Борис Натанович очень замкнут, сдержан, откровенен бывает чрезвычайно редко и только с близкими друзьями, что, в общем, не надо питать иллюзий... ибо в данном случае контраст традиционен — московская раскованность одного и петербургская корректная сдержанность другого. К тому же знакомы мы не были. «Да-да, все именно так и есть!» — смеясь, периодически утверждал Борис Натанович в течение нашего... четырехчасового разговора. «Да-да, вот так и напишите, пожалуйста, что не повезло вам со мной ужасно, такой эмоциональный скупердяй попался, только на интеллектуальный треп и способен». Это он поспешно вставлял в редкие паузы столь насыщенного всеми человеческими слагаемыми разговора: мудро-ироническими размышлениями и неподдельной болью, когда речь шла о наших всеобщих бедах; воспоминаниями детства; мыслями о литературе и вечной горькой надеждой подлинно мужественного человека... Так что, по-моему, мне как раз очень повезло, все было в этом прекрасном разговоре, и че-

тырех кассет хватит не на одну запись беседы. Здесь же, сейчас — отрывки, кусочки, то, что показалось мне нужным и важным именно теперь.

— *Борис Натанович, я сейчас буду говорить громкие слова, а именно: мне хотелось бы побеседовать с вами как... с художником... мыслителем... философом, но не как с человеком, имя которого абсолютно связано к слову «фантастика»...*

— *Послушайте, а у меня к Вам встречный вопрос: вот Вы читали, конечно, наши книжки. У Вас как у читателя были какие-нибудь вопросы к нам?*

— *Разумеется.*

— *Я вот почему спрашиваю: дело в том, что Аркадий и я — мы оба читаем всю жизнь и, надеюсь, будем читать до смерти, мы «профессиональные» читатели, но... Ну, есть у меня любимые писатели. Ну, я очень жалею, что не привелось мне познакомиться с Юрием Трифоновым, которого я считаю блистательным писателем... Но у меня нет к нему вопросов! Мне просто хотелось бы на него посмотреть, посидеть и послушать, если бы он захотел говорить... Но — вопросов нет, вот в чем штука.*

— *А к кому есть?*

— *Да ни к кому, наверное. Но это у меня от возраста берется — раньше разговор на общие темы был мне нужен... еще как... а с возрастом иногда останавливаешься от мысли о бессмысленности всего, что мы скажем, даже самого важного вроде... Разговор на общие темы доставляет интеллигентному человеку такое же удовольствие, как сытому человеку ломтик чего-нибудь вкусного после обеда.*

— *Не могу согласиться с вами. По-моему, даже в самые тяжелые моменты жизни талантливая беседа с достойным партнером подобна допингу, когда ты уже выдохся... Бывает время, когда она нужнее обеда.*

— *По-моему, это все-таки больше в молодости, хотя, наверное, все зависит от характера... вот Эйдельмана только тронь — и из него польется высококачественный текст... Дар.*

— *Борис Натанович, а спросить я вас хотела вот о чем: насколько в том, что вы пишете, вы видите возможность объяснить себе ли самому или людям, ждущим этого от вас... объяснить и найти выход из тысячи современных тупиков... Видите ли вы какую-либо миссионерскую роль в том, что делаете? Или вы про-*

сто пишете, как разговариваете... как жизненное формовыражение?.. Считаете ли вы, что можете добавить свой кирпич к... зданию надежды?

— С одной стороны — да, считаю. С другой — я прекрасно понимаю, что кирпичик этот очень маленький, и все-таки, пожалуй, если честно, пишу я не для этого. Нет, конечно, я понимаю, что наши книги помогают людям жить... ведь помогают же мне любимые книги... почему же не предположить того же... Я считаю, что некая миссия нашими книгами выполняется, хотим мы этого или нет, так уж устроена наша российская жизнь — у нас литература играет совершенно необычную по масштабу роль, нигде в мире ничего подобного нет. Но пишем мы не для какой-либо, пусть самой благородной, цели — нет. Я не могу даже сразу ответить почему. Работать ведь всегда тяжело... мучительно...

— Работать всегда трудно... Наверное, только графоманы пишут легко.

— Но я вспоминаю времена, когда мы начинали работать... бывали, конечно, счастливые и светлые часы, когда все шло само собой, когда мы, заливаясь хохотом, писали строчку за строчкой... Но чем дальше, тем труднее. Наверное, это все-таки было в то время, когда мы еще считали литературу делом не очень серьезным, относились ко всему несколько легкомысленно... Было молодое желание утереть нос профессионалам... Вначале мы просто стремились показать, как, по нашему мнению, надо писать. Дело в том, что фантастику мы всегда любили и наше разочарование ее уровнем в пятидесятые годы было огромным. Понадобилось, наверное, пять книг, чтобы мы поняли, что занялись-то делом серьезнейшим... На самом деле, конечно, вот вопрос, который интересовал нас всегда — с шестидесятых годов и по сей день: куда мы идем? Асеевские стихи: «А интересно, черт возьми, что станет наконец с людьми...» В конце пятидесятых, после XX съезда партии, казалось, что за разоблачением культа вот-вот наступит светлое будущее. В начале шестидесятых уже стало ясно, что все не так просто. Было абсолютно непонятно, кто это светлое будущее создаст... где эти люди? Нет, они были вокруг, но их было очень мало — как раритеты, как редкие марки. Десятки из тысяч, десятков и сотен тысяч. Стало ясно, что тех, кто мешает, гораздо больше тех, кто помогает. Наступил естественный период разочарования. Мы потеряли ориентировку тогда...

— А сегодняшний день? Что вы думаете о будущем нашей долгожданной перестройки?

— Очень непросто все это. Перестройка — это просто слово, которое на самом деле означает только одно: жить дальше так, как мы жили до сих пор, НЕЛЬЗЯ.

— *Есть теория, считающая, что все то, что мы зовем перестройкой, произошло только потому, что среда застоя победила окончательно... Она победила, и тогда стало ясно, что при победивших черных силах дышать уже дальше невозможно.*

— Хорошая мысль, конечно, но думаю, что это не так. По этой теории перестройка должна была наступить лет тридцать назад.

— *Она и наступала — та... Но, кроме того, тогда еще была некая инерция предыдущих слоев культуры. Как перегной держит заброшенный сад еще несколько лет. А сейчас он закончился, выработался.*

— Идея перестройки возникла потому, что та самая среда застоя, победив и убедившись в бессмысленности своей победы, начала рождать людей, которые стали задаваться все тем же вопросом: а дальше что? Если все становится хуже и хуже, как сделать, чтобы стало лучше?.. Сейчас ухватились за главное кольцо: двадцать — тридцать лет назад нам в наших бесконечных кухонных спорах было ясно, что начинать надо с того, что сейчас называется гласностью, а тогда называлось свободой информации... Ну, ухватились за эту цепь... что-то такое стало прорезаться... Ну хорошо, но сама по себе гласность — только орудие...

— *Просто мы к этому не привыкли и нам уже мало...*

— Привыкнем! Через два года и охнуть не успеем, как будем равнодушно читать, что тот или иной «высокий человек» критикуется на чем свет стоит в одном издании и восхваляется в другом...

— *Вы думаете, это будет? Как хотелось бы... А то ведь привычка к зависимости такова, что, даже когда говорят о свободе, так и слышится: «Ать-два, есть быть свободным!» Как трудно высвобождается сознание, и сколько темных страстей и низких сведений счетов выявила наступившая демократия... К свободе слова надо еще быть нравственно готовым, а в этом отношении — почти девственная целина.*

— Михаил Сергеевич Горбачев говорит нам: у перестройки нет альтернативы. Другого выхода нет. Потому что еще десяток лет назад такое болото было вокруг...

— *Мне это рассказывать не нужно, ибо на вашу жизнь пришлось разные времена, а взять мое поколение — нынешних тридцатилетних — вся его сознательная жизнь пришлась на период застоя... Я видела, как мальчики в шестом классе уже начинали делать карьеру.*

Да-да, это называлось именно так, а детский цинизм — это совсем страшно.

— Да, конечно, первый глоток свободы Вы уже не застали, маленькой были... Пять лет назад я ни на что не надеялся, а сейчас я надеюсь еще что-то увидеть. Пять лет назад я говорил своему сыну, бóзумному поклоннику рок-музыки: «Ничего ты не увидишь в своей жизни. Я не увижу точно... Ты, может быть, к концу жизни еще чего-то дождешься»... А ныне у меня появляется надежда, что и я, если повезет, еще что-нибудь новенькое застану. Хотя обольщаться не надо — все трудно и будет трудно. Исторических переломов легких не бывает. А мы сейчас на совершенно типичном переломе истории.

— *Борис Натанович, а если вернуться к первому вопросу, к литературе, к выводу, к которому мы пришли: вы работаете с ощущением, что вот началась колея, вы уже вошли в нее и вам из нее не выйти...*

— Безусловно, колея — Вы очень точное нашли слово... Ты вперся в колею для того, чтобы что-то или кому-то доказать, а потом уже вылезти из нее ты не можешь — тащишь свой груз. Но при этом, естественно, будучи человеком порядочным, стараешься делать это как можно лучше.

— *Конечно. А дальше уже работа диктует сама...*

— Да.

— *...и выводит к тем обретениям, к которым вы сами, без нее, никогда не пришли бы... Работа вас сама вывезет.*

— Ты становишься не то чтобы рабом своей работы, но... у вас устанавливаются с ней специфические отношения... ты не только не можешь, ты не хочешь ее бросить, потому что прекрасно понимаешь, что если ты ее бросишь, то у тебя же ничего не останется. Это как... литературная жена... Пропал уже первый азарт, первые порывы, но уйти от нее ты не можешь, связан с ней навсегда. Твоя задача состоит только в том, чтобы сделать все как можно лучше в рамках возникшей ситуации.

— *Борис Натанович, вы давно возглавляете ленинградский семинар молодых фантастов. Аркадий Натанович с несомненной радостью рассказывал мне о Ваших педагогических талантах...*

— Да мне просто нравится возиться с молодыми ребятами. Многие из них талантливы, и хотя я прекрасно понимаю, что научить писать никого нельзя, но помочь чем-то хочется, хотя бы избавить от повторения самых традиционных ошибок... Вообще удовлетворение этого желания — помочь — очень благотворно действует, какой-то

такой витамин жизненный... Я вообще человек по натуре очень замкнутый, у меня есть либо друзья, с которыми я встречаюсь регулярно и близко,— их очень мало, либо знакомые, с которыми общаюсь крайне редко.

— *Вы нуждаетесь в общении, в дружбе?*

— Я нуждаюсь не столько в общении, сколько в дружбе, я бы так сказал. Я привык к друзьям, у меня всю жизнь были близкие друзья со школы. Это были очень талантливые ребята, славные, умные, все они страшно интересовались окружающим миром, все они были дьявольски любознательными, массу всего читали... мы выпендривались друг перед другом и любили друг друга... мы все время спорили о частностях, будучи согласны друг с другом в чем-то главном, и споры эти были той благотворной микросредой, которая и дала первотолчок творческий! Это продолжалось восемь лет — до окончания нами своих институтов. Потом жизнь развела, конечно, но такая юность питает очень долго, если не всегда.

— *В литературе вы таких людей не встретили?*

— Нет. В литературе были писатели, чье творчество явилось сильнейшим допингом, но их личного участия в нашей судьбе практически не было.

— *А чье именно творчество?*

— Алексей Толстой... Тогда «не было» такого писателя — Булгакова, поэтому представление о том, что такое настоящий прозрачный русский язык, мы почерпнули от Алексея Николаевича Толстого... Герберт Уэллс научил нас очень важному: что фантастика есть лирика человеческих возможностей и что писать надо о самых обыкновенных людях в необыкновенных обстоятельствах... Грэм Грин нам «объяснил» замечательную вещь, которую мы понимали интуитивно, но именно у него это увидели воочию: он показал нам, что можно и должно в произведении сочетать все элементы — психологическую прозу, и острый детективный сюжет, и выдумку, и юмор, и трагедию — и все в одной вещи. Потом мы то же самое встретили у Ивлина Во... Вот я думаю, Лена, про Ваш вопрос о людях, сыгравших важную роль для меня... Менялись они, группы этих людей, менялись. Своего рода конгломерат... Когда распалась одна группа друзей, возникла другая, с которой ныне я счастлив во взаимной любви... Это очень важно — это вот та самая референтная группа, о которой любят говорить социологи. Они под этим термином понимают группу людей, чье мнение для тебя ценно. Ну, для меня это более узко: я этих людей должен обязательно любить, не только уважать.

— А что вам помогает в минуты тяжкие?

— Мне лично по-настоящему тяжело бывает только тогда, когда что-нибудь не в порядке с моими близкими людьми... Тогда мне ничего не помогает... Тогда мне может помочь только исправление ситуации.

— При этом наша жизнь очень богата на всяческие мерзости рангом поменьше... Вы достаточно хорошо закалены, да?

— Ну, нас столько били, колотили, молотили, у нас было столько чисто писательских неприятностей, что надо было либо пропадать, либо выработать некий внутренний барьер. Мы выработали, так как поняли, что все это ерунда текущих сиюминутных страстей, всегда было и будет, а нам наше дело делать надобно, вот и все.

— Я не успела расспросить Аркадия Натановича о вашем детстве, и этот вопрос остался вам...

— Ну, это замечательные страницы, как же... вот тогда закладывалось все... Вы спрашивали, какой человек сыграл главную роль в моей судьбе. Конечно, Аркадий Натанович. Он старше меня на восемь лет, я всегда смотрел на него восхищенными глазами. Кстати, он действительно был замечательным в своем роде мальчиком, любой родитель мечтал бы иметь такого сына, это я вам как отец ответственно говорю... Весь мир интересовал его — он тогда, до войны, занимался астрономией, химией, робототехникой, если можно так это назвать в то время... Черт побери, он делал роботов! Представляете?.. Он уже тогда писал — как сейчас помню... «бессмертная» повесть, кажется, называлась «Находка майора Ковалева»; и написана была аккуратнейшим почерком в двух толстых тетрадках, снабжена собственными иллюстрациями, сделанными в манере раннего Фитингофа — был такой прекрасный иллюстратор фантастики... И я, конечно, при сем присутствовал... как сопляка, меня, правда, редко допускали на это интеллектуальное пиршество. У Аркадия тоже были отличные друзья, они собирались все вместе, а я сидел где-нибудь в уголочке... все это слушал и восхищался. Но проклятая война... Если бы не война, я думаю, из Аркадия получился бы прекрасный астроном, превосходный! Он занимался уже довольно серьезной научной работой, когда началась война, делал телескопы, у него были десятки сделанных своими руками телескопов... на них он тратил все, что мама выдавала на завтраки, так как жили мы очень бедно... Перед самой войной он поступил в Дом занимательной науки, получил там громадную папку наблюдения Солнца и солнечных пятен... — тут грянула война, и все

пошло к черту. Да и потом... Правда, нас разнесло время... — армия — много лет не виделись, но я всегда выпендривался всячески, писал ему письма, где бы он ни жил — в Петропавловске-Камчатском, еще где... всегда старался писать ему интересные письма с самыми новейшими сведениями из области науки, культуры... он там был оторван от всего — в военных гарнизонах... Как сейчас помню, он мне писал оттуда, что старается заниматься философией и изучает теорию отражения Тодора Павлова... Так что вот, так и пишите: вот человек, который определил мое будущее.

— Да... это было очень хорошо... — Вы прекрасно рассказали об Аркадии Натановиче, а... родители ваши? Вы так грустно молчите, что я почти боюсь спрашивать...

— Да невесело это все и грустно... Мама наша была совершенно исключительный человек... героический, все мои представления о женщине — от нее, и вытащила она меня в блокаду, когда я уже умирал... А отца я не помню совершенно.

— Он погиб в 37-м?

— Нет... в 37-м его исключили из партии. Его спасло то, что он поехал в Москву добиваться реабилитации, его, конечно, должны были посадить, как мы теперь понимаем... через два дня его бы посадили, но не оказалось на месте — и это спасло... Он пошел в ополчение в 1941 году... (в гражданскую войну был комиссаром, сохранились фотографии, где сам он в буденовке, все с маузерами)... Но порок сердца не давал ему возможности воевать по-настоящему, его комиссовали, он взял Аркашку и уехал догонять Публичную библиотеку — был ее сотрудником... но не доехал — умер по дороге, а Аркашка выжил — чудом в общем-то... Мы недавно сидели вчетвером — Аркадий, Ленка, его жена, Адочка моя и я — и прикидывали: как вообще могло случиться, что мы вот... сидим все вместе?! Пришли к выводу, что это совершенно невероятное, вообще говоря, стечение обстоятельств — конечно, мы все должны были погибнуть. Я должен был умереть в блокаду — это было ежу ясно, я умирал, мама мне об этом рассказывала... меня спасла соседка, у которой каким-то чудом оказался бактериофаг... Мне дали ложку этого лекарства, и я выжил, как видите.

...Аркадий тоже должен был погибнуть, конечно, — весь выпуск его минометной школы был отправлен на Курскую дугу, и никого не осталось в живых. Его буквально за две недели до этих событий откомандировали в Куйбышев на курсы военных переводчиков. В той теплушке, в которой

ехали отец и Аркадий, — умерли все, кроме брата. Потому что это были эвакуированные из Ленинграда, которых сначала переправили по Дороге жизни, потом от пуза накормили...

— *Разве так можно?*

— Нельзя, конечно, но тогда этого никто не знал. Начался кровавый понос... что-то жуткое... многие сразу умирали. Потом живых посадили в ледяной вагон и — до Вологды без остановки, без врачебного внимания... Вот так. Аркадий был, конечно, чрезвычайно крепким молодым парнем — он выжил тогда один среди всех.

...Ленка Аркашина, безусловно, должна была погибнуть — она была дочерью нашего посольского работника в Китае, попала в самый разгар японского наступления на Шанхай, их эвакуировали оттуда на каких-то немислимых плавсредствах, сверху бомбила авиация, как они выбрались живыми, непонятно до сих пор.

...Ада, моя жена, попала под Ставрополем под немецкую бомбежку, был сброшен десант, все беженцы рассыпались по полю... а на них пошли немецкие танки! Они остались в оккупации, помирали там от голода, и всю ее семью должны были расстрелять как семью советского офицера. Все списки были уже представлены... их спасли только партизаны.

...Как мы все уцелели? И к тому же встретились вчетвером? Это чудо.

Так что жизнь для нас — чудо четырежды, и ко всем ее радостям, трудностям и даже неприятностям мы относимся с уважением, жизнь не уважать нельзя.

...Что для меня наше писание? Разговор. Диалог. Непрерывающееся дружеское общение... Спасибо всем, кто внимателен к нам.

С Аркадием и Борисом Стругацкими беседовала Елена Михайлова

Вопросы без ответов

1. Кажется, Марк Твен сказал: «Девятнадцатый век отличается от двадцатого, главным образом, тем, что в девятнадцатом слова ОПТИМИСТ и ДУРАК не были синонимами». Двадцатый век приучил нас к тому, что сбываются

Это канонический текст статьи, с изменениями и сокращениями опубликованной в «Независимой газете», 1991, 3 янв.

только мрачные пророчества, а ошибки в прогнозах происходят лишь в дурную сторону.

Впрочем, может быть, так было всегда? Не случайно же возник «основной парадокс футурогностики»: все хотят знать будущее, но никто не хочет знать правды о будущем.

Лет пятнадцать назад мы впервые задумались над вопросом: возможно ли стабильное общество, в котором высокий уровень благосостояния сочетается с полным отсутствием свободы слова и мнений. Нам представлялось тогда, что наше общество движется именно в этом направлении, — во всяком случае, с инакомыслием у нас было уже покончено, а достижение благосостояния казалось делом техники (как в переносном, так и в прямом смысле этого выражения).

Безусловно, такое состояние общества выглядело бы идеальным с точки зрения любой Административно-Командной Системы (АКС).

Самые широкие народные массы материально полностью улагодворены; научно-технический прогресс денно и нощно поддерживает достигнутый материальный уровень и, более того, всячески норовит его повысить; хорошо оплачиваемые деятели литературы, кино, театра и прочей культуры воспевают существующий порядок и развлекают почтеннейшую публику высоконравственными притчами, поучительными историями и точно выверенными по глубине экскурсами в прозрачные рощи души Нового Человека... Господи, да это же сам Эдем — в натуральную величину и притом рукотворный, созданный по мановению и благодаря АКС! Всякий инакомыслящий, всякий противник существующего порядка вещей, всякий критик АКС выгладит в этой системе попросу чучелом гороховым, он, собственно, даже не опасен, он смешон.

Мы и до сих пор толком не понимаем почему, но такой мир, видимо, невозможен. Во всяком случае, ни одной АКС в истории человечества создать этот мир не удалось — ни в античные времена, ни в эпоху НТР.

Любопытно знать, как отнесся бы к такому устройству мира Томас Мор? Или Фрэнсис Бэкон? Сочли бы они такое устройство общества утопическим? С точки зрения Герберта Уэллса, это — типичная антиутопия. С точки зрения Карела Чапека или Евгения Замятина — тоже.

А с точки зрения Кампанеллы?

Представления о том, каким мир должен быть, а каким не должен, в каком мире жить хочется, а в каком — страшно подумать, к чему человечеству надобно стремиться, а от чего бежать, — представления эти меняются от

эпохи к эпохе разительно, диаметрально, так что кажется иногда, что добро и зло в представлении человека способны меняться местами.

Хотелось бы нам жить в Городе Солнца? Упаси бог! Всю жизнь свою провести в казарме?.. Ни за что.

А в мире «Туманности Андромеды»? Трудно сказать... Холодно. Стерильно чисто и холодно... А вам, читатель?

Кстати, а сами авторы утопий захотели бы оказаться в мирах, ими созданных?

Утопия и антиутопия — это не антонимы. Утопия — это мир, в котором торжествует разум. Антиутопия — мир, в котором торжествует зло.

Создатель утопии всегда руководствуется рассудком, создатель антиутопии — чувством.

Автор утопии рисует мир, каким этот мир ДОЛЖЕН быть с точки зрения разумного человека, автор антиутопии изображает мир, в котором СТРАШНО ЖИТЬ.

Поэтому, на наш взгляд, правильнее все же говорить не об антиутопии, а о романе-предостережении. Этот термин более отвечает содержанию соответствующих литературных произведений, да и сути авторских намерений.

Пусть поправят нас специалисты, но нам кажется, что утопия родилась очень давно и умерла в XX веке. Что же касается романа-предостережения, то родился он на грани XIX и XX веков, умрет же теперь не скоро, ибо литература вкусила от сладкой горечи и познала болезненное наслаждение мрачных пророчеств.

Все, все, что гибелью грозит,

Для сердца смертного таит

Неизъяснимы наслажденья —

Бессмертья, может быть, залог!

Или, может быть, с помощью романов-предостережений мы ЗАКЛИНАЕМ наше будущее, чтобы оно минуло нас, предрекаем катаклизмы, чтобы они не состоялись, — дикари двадцать первого века! — НАЗЫВАЕМ зло, чтобы отпугнуть его?..

Во всяком случае, реальная прогностическая польза от романов-предостережений ничтожна. Разве удалось крупнейшим литераторам начала века предостеречь нас хоть от чего-нибудь? Разве сумели они предугадать и «вычислить» тот рукотворный ад, в который погрузилось человечество двадцатого века?

Ведь и Уэллс, и Хаксли, и Замятин в конечном счете оказались не столько глубокими мыслителями, сколько великими поэтами, не столько футурологами, сколько прорицателями в самом что ни на есть античном смысле этого

слова. Они почували страшную угрозу, почували трупный запах из будущего, но кто будет гореть на кострах, кто будет корчиться на дыбе, какой Сатана станет править бал и почему это все произойдет, они не поняли и не угадали.

Они видели, какую апокалиптическую угрозу таит в себе победное вторжение научно-технического прогресса в косный мир, едва-едва начавший освобождать себя от морали и догм перезревшего феодализма. Они догадывались, что это такое: вчерашний раб, сегодняшний холоп за штурвалом боевого летательного аппарата или — хуже того — за пультом машины государственного управления. Именно в научно-техническом прогрессе видели они главную опасность, ибо им казалось, что наука всемогуща, а всемогущество в лапах дикаря — это гибель цивилизации. И самое страшное, что виделось им за горизонтом, — это превращение человека в робота, исчезновение индивидуальности, номера вместо людей, рационализация чувств и надежд, программируемый механизм вместо общества... По сути дела им виделся Город Солнца, но выстроенный самыми современными архитекторами — физиками, химиками, биологами, математиками — под управлением самых современных (извечно безжалостных) политиков...

Однако мы знаем теперь, что реальность оказалась гораздо страшнее, чем эти их сумрачные прорицания. Опыт самых гнусных тоталитарных режимов XX века обнаружил, что в соответствующих условиях с человеком происходит кое-что похуже, чем превращение в робота. Он остается человеком, но он делается ПЛОХИМ человеком. И чем жестче и беспощаднее режим, тем хуже и опаснее массовый человек. Он становится злобным, невежественным, трусливым, подлым, циничным и жестоким. Он становится рабом. (Похоже, мыслители конца девятнадцатого подзабыли, что такое раб, — двадцатый век напомнил им об этом.)

2. Любой тоталитарный режим стоит — как на железобетонном фундаменте — на идее беспрекословного подчинения.

Беспрекословное подчинение установленной идеологии.

Беспрекословное подчинение установленному порядку.

Беспрекословное подчинение установленному свыше начальнику.

Человек свободен — в рамках беспрекословного подчинения. Человек хорош, если он не выходит за рамки беспрекословного подчинения. Человек может быть назван

умным, добрым, честным, порядочным, благородным, ТОЛЬКО лишь пока он остается в рамках беспрекословного подчинения...

Шла дрессировка. На гигантских пространствах Земли и на протяжении многих лет шла титаническая дрессировка миллионов. Слово «роботы» не было тогда еще в ходу. Слово «программирование» было известно разве что самым узким специалистам. Так что происходящее надлежало бы называть ДРЕССИРОВКОЙ ЧЕЛОВЕКОВ, но называлось это ВОСПИТАНИЕМ МАСС. Человек, как и всякое живое существо, включая свинью и крокодила, поддается дрессировке. В известных пределах. Его довольно легко можно научить называть черное белым, а белое — красным. Он, как правило без особого сопротивления, соглашается признать гнусное — благородным, благородное — подлым, а подлое — единственно верным. Если его лишит информации и отдать — безраздельно! — во власть тайной полиции, то процесс дрессировки можно вполне успешно завершить в течение одной-двух пятилеток. Если установить достаточно жесткое наказание за выход (сознательный — невольный, от большого ума — от явной глупости, с целью подрыва или без — все это несущественно) из рамок беспрекословного подчинения, то человека можно даже приучить верить, что он живет хорошо (в полуразвалившейся избе, с лопухами вместо яблонь и с пенсией одиннадцать рублей ноль четыре копейки). И он будет верить в это искренне, истово и до конца дней своих... Только не надо церемониться! Если враг не сдается, его уничтожают. Если друг — тоже.

Джордж Оруэлл ничего не предсказал. Он только фантазировал на хорошо уже разработанную тему — разработанную до него и не им, а специалистами-дрессировщиками по крайней мере четырех стран. Но он правильно НАЗВАЛ то, что происходило с дрессируемым человеком. Он ввел понятие «двоемыслия» (double think).

В тоталитарном мире можно выжить только в том случае, если ты научишься лгать. Ложь должна сделаться основой всех слов твоих и всех поступков. Если ты вдобавок сумеешь ВОЗЛЮБИТЬ ложь, у тебя появится дополнительный шанс на продвижение вверх, но как минимум ты должен НАУЧИТЬСЯ лгать. Это не даст тебе абсолютной гарантии выживания (в тоталитарном мире абсолютной гарантии нет вообще ни у кого), но это увеличит вероятность благоприятного исхода (как сказал бы специалист по теории вероятности).

Воображение рисует целые поколения людей «со ско-

шенными от постоянного вранья глазами». Действительность проще и скучней. (Действительность всегда скучнее воображения — именно поэтому мы зачастую не понимаем прорицаний даже тогда, когда они, по сути, уже сбылись.) Действительность демонстрирует нам хорошо выдрессированного человека, у которого способность и умение лгать перешла уже на уровень инстинкта. Он всегда и совершенно точно знает, что можно говорить и что нельзя; когда надо разразиться аплодисментами, а когда надо сурово промолчать; когда СИГНАЛИЗИРОВАТЬ в инстанции надлежит немедленно, а когда можно рискнуть и воздержаться; когда задавать вопросы совершенно необходимо, а когда нельзя их задавать ни в коем случае. Без всякой специальной подготовки он годен работать цензором. И даже главным редактором. И вообще — идеологом. Он до такой степени пропитан идеологией, что в душе его не остается более места ни для чего другого. Понятия чести, гуманности, личного достоинства становятся экзотическими. В реальности они существуют только с идеологическими добавками: честь — РАБОЧАЯ, гуманность — СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ, достоинство — ПОДЛИННОГО АРИЙЦА.

Поскольку ложь объявлена (и внутренне признана!) правдой, правда должна стать ложью... ей просто ничего более не остается, как сделаться ложью... у нее, вроде бы, попросту нет другого выхода...

Однако дрессированный человек, раб XX века, находит выход. У него арестован и расстрелян — «десять лет без права переписки» — отец, убежденный большевик с дореволюционным стажем, который, разумеется, ни в чем не виноват, он просто НЕ МОЖЕТ быть в чем-либо виноват!.. Однако в то же самое время ОРГАНЫ НЕ ОШИБАЮТСЯ, они просто НЕ МОГУТ ошибаться... И человеку остается только одно: хранить в сознании обе эти безусловные ПРАВДЫ, но хранить их таким образом, чтобы они никогда друг с другом не встречались. Вот это искусство не позволять двум правдам встречаться в сознании и называется двоемыслием.

Двоемыслие помогает выжить. Двоемыслие спасает от безумия и от смертельно опасных поступков. Двоемыслие помогает сознанию рационализировать совершенно иррациональный мир. Двоемыслие поддерживает в глупом человеке спасительный уровень глупости, а в ловком человеке — необходимый уровень нравственной увертливости. Двоемыслие — полезнейшее приобретенное свойство дрессированного человека. Оно продляет жизнь человека в

условиях тоталитарной системы. И оно продляет жизнь самой тоталитарной системы. Ибо, окажись человек способен к двоемыслию, тоталитарные системы, убивая своих несмирившихся подданных, убивали бы сами себя, как убивают сами себя штаммы наиболее беспощадных вирусов, вызывающих пандемии.

Почему никто из великих прорицателей начала века не предсказал этой пандемии двоемыслия?

Может быть, они были излишне высокого мнения о человеческих существах? Нет, этого не скажешь ни об Уэллсе, ни о Хаксли, ни о Замятине.

Может быть, такое явление было слишком трудно себе представить? Может быть, находилось оно за пределами воображения? Отнюдь нет! Все это уже было в истории человечества — в эпоху тираний, во времена рабовладения да и недавно совсем — во времена средневековья, инквизиции, религиозных войн...

Видимо, в этом-то все и дело. Это было, и это было совсем недавно. Память еще жива. Пример и назидание. Прошлое не повторяется. Прошлое миновало навсегда. Прошлое понято, все дурное в нем сурово осуждено — раз и навсегда. Грядет новое время, новый страшный мир — все новое в этом мире будет страшно, и все страшное — **НОВО!**

Оказалось — нет. Страшное оказалось **НЕОПИСУЕМО** страшным, а вот новое оказалось не таким уж и новым. Просто, как и в добрые старые времена варварства и невежества, все население опять разделилось на дураков и подлецов.

3. Дураки, как и встарь, не понимали, что с ними происходит, и дружно кричали, когда требовалось: **УРА! ХАЙЛЬ! БАНЗАЙ! ОГНЯ! ЕЩЕ ОГНЯ!** Со всех сторон и на все лады их убеждали, что они самые лучшие, самые честные, самые прогрессивные, самые умные, — и они верили в это и были счастливы тем особенным счастьем, которое способны испытывать именно и только дураки, когда им кажется, что они наконец попали на правую сторону.

Подлецы... На самом деле в большинстве своем они были вовсе и не подлецы никакие, а просто люди поумнее прочих или те, кому не повезло, и кто-то раскрыл им глаза, и они поняли вдруг, в каком жутком мире довелось им очнуться. Мы называем их этим поганым словом потому только, что самые честные из них и беспощадные к себе называли себя именно так. Разве же это не подлость (говорили они) — все знать, все понимать, видеть пропасть, в которую катится народ, страна, мир, и — молчать в общем

хоре, а иногда даже не молчать — безголосо раскрывать и закрывать рот, дабы не уличили тебя во внутреннем эмигранстве?..

Были, разумеется, и святые. («Разве мы не люди?») Из подлецов не было дороги в дураки, нет такой дороги у человека, была дорога в палачи, и была дорога в святые. Святых было меньше. Несравненно меньше.

«Разве мы не люди?..» Это — Герберт Джордж Уэллс. Самый замечательный писатель среди фантастов, самый блистательный фантаст среди писателей.

«Не ходить на четвереньках — это Закон. Разве мы не люди?»

Не лакать воду языком — это Закон. Разве мы не люди?»

Не охотиться за другими людьми — это Закон. Разве мы не люди?..

А тот, кто нарушает Закон, возвращается в Дом Страдания!..»

Страшный седой доктор Моро тщился с помощью окровавленного скальпеля превратить животное в человека, погрузив его для этого в горнило невыносимых страданий. Какая странная идея... И какая знакомая!

«Остров доктора Моро» был опубликован в 1896 году, а в двадцатом веке в нескольких странах разом была предпринята грандиозная попытка превратить в навоз целые народы и вырастить на этом навозе Нового Человека, пропустив его предварительно через горнило страданий.

И горели над целыми странами разнокалиберные заклинания:

Труд есть дело чести, дело доблести и геройства! (Разве мы не люди?)

Arbeit macht frei! (Разве мы не люди?)

Хакко-итиу! Восемь углов Вселенной — одна крыша!

Наша цель — коммунизм!

Wer ein Volk retten will kann nur heroisch denken!..

Из-под скальпеля Моро выходили: гиено-свинья, леопардо-человек, человеко-пес... Дрессировщики двадцатого века создавали монстров духа, целые поколения уродливых хамелеонов, души которых представляли собою противоестественный сплав Десяти заповедей, четырех Главных Указаний и самой передовой в мире Идеологии... Они мучили и увечили людей, как подопытных животных, тщась сделать их счастливыми...

Новый человек не спешил появляться. С плакатов и ярких лакированных картин он смотрел на это стадо нравственных химер — голубоглазый, белокурый, могучий,

уверенный в себе и в ослепительном будущем, где людей не будет вовсе — будут Новые Человеки, и время наконец «прекратит течение свое».

Вряд ли Уэллс хотел что-то предсказать своим ранним романом. Скорее, он хотел выразить свой страх перед реальностью и ужасные предчувствия свои. А получилось Прорицание — самого высокого уровня достоверности, самого глубокого проникновения в суть вещей и событий.

Авторы антиутопий начала века ошибались прежде всего потому, что боялись, главным образом, потери свободы — свободы мысли, свободы выбора, свободы духа. Им казалось, что это самое страшное — потерять свободу мысли и свободу распоряжаться собою.

Выяснилось, однако, что никого, кроме них, это не пугает.

Выяснилось, что массовый человек не боится потерять свободу — он боится ее обрести.

Выяснилось, что «век пара и электричества, век просвещения и свободы» не уничтожил феодализма, он даже не ослабил и не обескровил его. Феодализм выстоял и в двадцатом веке дал последний арьергардный бой — тем более жестокий, что на вооружение оказались взяты и пар, и электричество, и все прочие плоды Века Просвещения.

Нас учили, что фашизм был реакцией монополистического капитала на Октябрьскую революцию. Ничего подобного. Все известные нам тоталитарные режимы, включая немецкий фашизм и казарменный социализм, были последней отчаянной попыткой феодализма отстоять свои позиции, отбросить надвинувшийся капитализм, уничтожить его там, где он не успел еще окрепнуть, вернуть старые добрые времена патернализма, когда над каждым холопом стоит свой барин-отец, а над всеми — батюшка-царь.

Не случайно же наиболее жестокие тоталитарные режимы возникли именно в тех странах, где свежи еще были воспоминания о монархии и где ненависть к капитализму — с его беспощадной рациональностью, с его равнодушием ко всему, кроме прибыли, с его ужасающими кризисами — была особенно сильна.

Ведь феодальные отношения складывались веками. На протяжении многих десятков поколений повторялось одно и то же: были холопы, и у каждого холопа был барин, и каждый барин, в свою очередь, тоже был чьим-то холопом (в том или ином смысле), и была не только пирамида последовательного ограбления и угнетения, но и пирамида покровительства и ответственности выше стоящего за стоящего ниже...

Человеческое сообщество нашло — как всегда, методом проб и ошибок, жестоких проб и кровавых ошибок — некое устойчивое состояние, соответствующее и уровню производительных сил, и массовой психологии миллионов, и это состояние оказалось в высшей степени устойчивым! Каждый отдавал — добровольно! — огромный кусок своей свободы в обмен на небольшой, но верный кусок хлеба и некоторую уверенность в завтрашнем дне. (Такова была еще совсем недавно цена того, что сейчас мы называем социальной защищенностью.)

Правда, когда и если кусок хлеба становился слишком уж мал или исчезала уверенность в завтрашнем дне (чрезмерно затянувшиеся войны, проигранные войны, чума), равновесие нарушалось и чудовищные по жестокости бунты сотрясали целые страны, но это были лишь кровавые минуты истории, а на протяжении многих и многих часов пирамида общественного устройства стояла неколебимо, ибо в сущности много ли человеку надо в этой жизни? Ежедневный ломоть хлеба да какая-никакая уверенность в завтрашнем дне...

Ранний капитализм эту устоявшуюся систему отношений разрушал без всякой пощады и вышвыривал вчерашнего раба на улицу, даруя ему полную свободу действий и оставляя его при этом без каких-либо гарантий. Это было страшно. Это было непостижимо. Это невозможно было вынести!

И вчерашний раб восстал.

Назад! Назад, в крепостное рабство, в теплый вонючий закуток — прижаться к барскому сапогу, барин суров, но милостив, он выпорет на конюшне, он отберет все, что ты заработал своим горбом, но, если случилось так, что ты не заработал ничего, он же и не даст тебе сдохнуть с голоду в этом жестоком равнодушном мире, где правят теперь потерявшие человеческий облик и самое веру в Бога жестокие и равнодушные дельцы...

Барский сапог не замедлил объявиться. В разных странах явление его сопровождалось процессами не всегда сходными, и речи обладателя сапога звучали не одинаково в Германии, скажем, или в России. Однако потерявшие человеческий облик и веру в Бога дельцы были взяты к ногтю повсюду и все — будь они разжиревшие на народных страданиях помещики и капиталисты или продавшие родину еврействующие плутократы. Социальная защищенность была обещана и обеспечена, патернализм восстановлен... Но какой ценой!.. (Замечательно, что в странах победившего капитализма вопрос о социальной защищенности

тоже стоял и тоже решался отнюдь не бескровно, однако там обошлось все-таки без барского сапога и без тотального насилия над целыми народами.)

Двадцатый век оказался отнюдь не веком социалистических революций.

Он оказался веком последних арьергардных боев феодализма, тщетно пытающегося сочетать несочетаемое: массовую технологию завтрашнего дня и массовую психологию дня вчерашнего.

4. Чтобы предугадать будущее, надлежит прежде основательно разобраться в прошлом. Святые слова! И такие бесполезные...

Ведь нельзя сказать, что девятнадцатый век не умел разобраться в своем прошлом. И ведь нельзя же сказать, что девятнадцатый век так уж совсем был не готов к inferнальным перипетиям двадцатого, что не было людей, основательно разобравшихся и в прошлом человечества, и в его настоящем. О том, что нас ожидает, предупреждали: Прудон, Спенсер, Ле Бон, де Лавелей, Молилари... Достоевский писал своих «Бесов». В ранних (именно ранних, еще до «Коммунистического манифеста») произведениях Маркс и Энгельс предсказали все кошмары «переходного периода» вплоть (чуть ли не) до концлагерей...

Все оказалось втуне.

Воистину: умный знает историю, глупый — ее творит. Это так грустно! Но наверное, именно поэтому нельзя предсказать будущее — его можно разве что предчувствовать.

У нас нет по-настоящему дурных предчувствий. Мы пишем эти заметки осенью 1990 года. На дворе истекает сентябрь, все тускло, сумрачно, беспросветно, Ленсовет никак не может договориться с Собчаком, Ельцин — с Горбачевым, надвигается зима — очень, может быть, голодная и холодная...

И все-таки нет у нас предчувствия ни гражданской войны, ни подлинного хаоса, ни семи казней египетских...

Это само по себе удивительно, если трезво представить хоть на минуту: какая страна досталась нам всем в наследство после семидесятилетнего свирепого хозяйничанья перезрелого феодализма, оснастившего себя коммунистической идеологией; какие монстры — без чести, без ума, без совести — продолжают удерживаться у власти на огромных просторах Шестой Части Суши; насколько народ — весь, от последнего полупьяного бомжа до лоще-

ного преуспевающего профессора УМЛ, — развращен идеей служения вместо работы («не тот у нас трудится хорошо, кто приносит пользу людям, а тот, кем довольно начальство?»)...

И тем не менее. И тем не менее почти не управляемый оптимизм буйствует в воображении и — совершенно неоправданно — берет верх. Может быть, тому причиной — радостное изумление от того, что так немало оказалось замечательных людей у нас, не раздавленных, не прогнивших, не давших себя ни купить, ни запугать, ни оболванить вконец... не давших себя превратить!..

А может быть, истоки необъяснимого оптимизма нашего в том, что невозможно представить себе сейчас действительно решительный поворот вспять? Военная диктатура... заткнуть всем крикунам глотки... взять к ногтю, загнать в колонны, поставить по стойке смирно... Можно! Все это сделать можно, можно даже восстановить ГУЛАГ во всей его красе, но толку-то что? Магазинные полки останутся пусты, технологии останутся на пещерном уровне, процесс превращения Великой Державы в страну «третьего мира» ничуть не замедлится и даже ускорится... Как заставить работать холопа XX века?! Руку рубить за невыполнение плана? Несколько возрастет число одноруких инвалидов, чудовищно, неопишимо возрастет количество вранья в статических отчетах, и... и — все. Пройдет два-три года, ну — пять лет, и все надо будет начинать сначала: перестройка... гласность... демократия... «У перестройки нет альтернативы». «У рынка нет альтернативы». Нет альтернативы...

Будущее наше зависит сейчас в первую очередь от того, в какой степени удалось нам победить феодализм в нашем сознании, проклятый наш страх свободы, рабскую нашу приверженность холопству, служению вместо работы.

Новые общественные формации прорастают внутри старых, разрывая их и взламывая, как слабые зеленые росточки разрывают и взламывают напластования глины и асфальта. Процесс этот не знает ни жалости, ни пощады, ни милосердия. Человечество, творя историю свою, бредет по дороге, заваленной трупами, по колено в крови и дряни. Так неужели же мы пролили еще недостаточно крови и недостаточно удобрили телами нашими почву для нового?.. Ведь это новое не так уж и ново — полмира уже проросло корабельным лесом новой формации.

Нет. Дороги вспять история не знает, что бы ни говорили профессиональные пессимисты.

...Громада двинулась и рассекает волны.
Плывет. Куда ж нам плыть?..

5. Тридцать лет назад всем и все было ясно... (Мы говорим здесь о поколении «детей Октября». Годы рождения 1920—1940. Разумеется, только о тех, кому повезло пережить войну и кто получил соответствующую идейную закалку в школе, в комсомоле, в институте. Мы не говорим о тех, кто п о н и м а л. Их было не так уж и мало, но они составляли подавляющее, безнадежно раздавленное меньшинство.)

Тридцать лет назад всем и все было ясно. Впереди (причем сравнительно недалеко) нас ждал коммунизм. Каждый понимал его в меру своих возможностей и способностей (один бильярдный маркер говаривал: «При коммунизме лузы будут — во!» — и показывал двумя руками, какие замечательно огромные будут при коммунизме лузы). Однако всем и каждому было совершенно ясно, что коммунизм неизбежен — это было светлое будущее всего человечества, мы должны были прибыть туда (как на поезде — из пункта А в пункт В) первыми, а за нами уж и весь прочий (полусгнивший) западный мир. Как сказал бы герой Фейхтвангера — Бог был в Москве.

Пятнадцать лет назад каждому (мыслящему) индивидууму сделалось очевидно, что никакого светлого будущего — по крайней мере, в сколько-нибудь обозримые сроки — не предвидится. Весь мир сидит в гниющей зловонной яме. Ничего человечеству не светит — ни у них, ни у нас. Единственная существующая теория перехода к Обществу Справедливости оказалась никуда не годной, а никакой другой теории на социологических горизонтах не усматривается. Бог в Москве умер, а там, «у них», его никогда и не было...

И вот сегодня мы, испытывая некоторую даже оторопь, обнаруживаем, что живем в глухой провинции. Оказывается, Бог таки есть, но не в Москве, а, скажем, в Стокгольме или, например, в Лос-Анджелесе — румяный, крепкий, спортивный, энергичный, несколько простоватый на наш вкус, несколько «моветон», но, несомненно, динамичный, без каких-либо следов декаданса и тем более загнивания, вполне перспективный Бог... А мы, оказывается, — периферия, бедные родственники, и будущее, оказывается, есть как раз «у них», не совсем понятно какое, загадочное, туманное, даже неопределенное, но именно у них, а у нас — в лучшем случае — в будущем только

они — румяные, спортивные, несколько простоватые, но вполне динамичные и перспективные...

Семьдесят лет мы беззаветно вели сражение за будущее и — проиграли его. Поэт сказал по этому поводу:

Мы в очереди первые стояли,

А те, кто после нас,— уже едят...

Идея коммунизма не только претерпевает кризис — она попросту рухнула в общественном сознании. Само слово сделалось бранным — не только за рубежом, там это произошло уже давно, — но и внутри страны, оно ушло из научных трудов, оно исчезло из политических программ, оно окончательно и бесповоротно переселилось в анекдоты.

Однако же коммунизм — это ведь общественный строй, при котором свобода каждого есть неперемное условие свободы всех, когда каждый волен заниматься любимым делом, существовать безбедно, занимаясь любимым и любим делом, при единственном ограничении — не причинять своей деятельностью вреда кому бы то ни было рядом... Да способен ли демократически мыслящий, нравственный и вообще порядочный человек представить себе мир, более справедливый и желанный, чем этот? Можно ли представить себе цель более благородную, достойную, благодарную? Нет. Во всяком случае, мы — не можем.

В этом мире каждый найдет себе достойное место.

В этом мире каждый найдет себе достойное дело.

В этом мире не будет ничего важнее, чем создать условия, при которых каждый может найти себе достойное место и достойное дело. Это будет МИР СПРАВЕДЛИВОСТИ: каждому — любимое дело и каждому — по делам его.

Об этом мире люди мечтают с незапамятных времен. И Маркс с Энгельсом мечтали о нем же. Они только ошиблись в средствах: они вообразили, что достигнуть этого мира можно, лишь уничтожив частную собственность. Ошибка, надо признаться, вполне простительная по тем временам, если вспомнить, сколько яростных филиппик в адрес частной собственности произнесено было на протяжении веков. И если вспомнить, каким ореолом святости на протяжении веков окружена была идея раздать свое имущество бедным и уйти к Богу...

Маркс с Энгельсом, стремясь к замечательной цели, ошиблись в средствах. Эта ошибка носила чисто теоретический характер, но те практики, которые устремились ко все той же цели вслед за классиками, продемонстрировали такие методы, что теперь и сама цель смотрится не привле-

кательнее городской бойни. А новой цели пока никто еще не предложил...

Куда ж нам плыть?..

Неужели все чудеса будущего отныне свелись для нас к витрине колбасного универмага? Колбаса — это прекрасно, но есть что-то бесконечно убогое в том, чтобы считать ее стратегической целью общества. Даже такого запущенного и убогого, как наше. Ведь из самых общих соображений ясно, что колбасное изобилие не может быть венцом исторического процесса. Венцом должно быть нечто другое. Вообще — венцом истории не может считаться то, что уже существует сегодня... Надо полагать все-таки, что впереди нас ждет что-то еще, кроме колбасного изобилия. Так что же?

Кто знает, что ждет нас?
Кто знает, что будет?
И сильный будет,
И подлый будет.
И смерть придет
И на смерть осудит.
Не надо
В грядущее взор погружать...

Гийом Аполлинер. Больной, желчный, несчастный, он не ждал от будущего ничего хорошего и был безусловно прав. Он умирал, а толпа патриотов под его окнами ревела: «Guillaume — a'bas!», и в смертельном бреду ему казалась, что они требуют: «Долой Гийома!», хотя ревели они: «Долой Вильгельма!» — разворачивалась Первая Мировая — первая из феодальных войн XX века...

«Не надо в грядущее взор погружать» — там нет ничего, кроме всеильной подлости, подлого всеислия и — смерти, которая ставит точку всему и всем...

Это, положим, так, но

...любопытно, черт возьми,
Что будет после нас с людьми?
Что станется потом?..

И всегда было любопытно. И всегда будет.

Потому что Будущее — это Страна Несбывающихся Снов.

Потому что Будущее — это Страна Заговоренных Демонов. Страна, в которой слабые становятся честными, злые — веселыми, а умные — молодыми.

Три вопроса занимают и мучают нас последнее время, и с ними мы пристаем ко всем встречным и поперечным.

Почему началась Перестройка? Как случилось, что в ситуации абсолютного равновесия, когда верхи могли бы изменить ход истории, но совершенно не нуждались в этом, а низы — нуждались, но не могли, как случилось, что в этой ситуации верхи решились сдвинуть камень, положивший начало лавине?

Почему все-таки невозможно общество, лишенное свободы слова, с одной стороны, но вполне материально изобильное — с другой? Почему все-таки «свобода и демократия рано или поздно превращаются в колбасу», а тоталитаризм — в нищету и материальное убожество?

И наконец — куда ж нам плыть?..

Все три эти вопроса теснейшим образом переплетены и представляются нам актуальнейшими. Ответов мы не знаем. Во всяком случае, мы не знаем таких ответов, которые удовлетворили бы нас вполне...

Две трети жизни мы думаем о будущем — сначала восторженно описывали то, что стояло перед мысленным взором, потом пытались будущее вычислять, а теперь вот уповаем на предчувствие...

Опыт великих предшественников то приводит в совершенное отчаяние, то обнадеживает самым решительным образом.

«Если бы нам указывали из Вашингтона, когда сеять и когда жать, мы бы вскоре остались без хлеба». Томас Джефферсон (1743—1826). Президент США в период с 1801 по 1809 год.

Один из нас вычитал это в сборнике «Афоризмы», который издательство «Прогресс» выпустило в 1966 году.

Такие дела.

10.10.1990

«Жить интереснее, чем писать»

— Борис Натанович, ваша с братом новая пьеса* воспринимается как предвидение грядущих в стране событий — вы именно так видите наше ближайшее будущее?

— Пьеса наша вовсе не о будущем, она о грустном сегодняшнем дне, о нашем странном поколении, выходящем сейчас в старость, о тех, кому уже за пятьдесят и

«Литературная газета», 1991, 10 апр.

* «Жиды города Питера...», или Невеселые беседы при свечах

шестьдесят. О людях, которые хватили первый глоток свободы, застали первую — хрущевскую — оттепель, но воспитание свое — и нравственное, и политическое — получили в эпоху культа и выросли самыми верными, самыми преданными рабами товарища Сталина. О, это весьма специфическое поколение! Ему сломали стеной хребет по крайней мере дважды. Первый раз — сразу после рождения, нечувствительно, без боли, постепенно, когда пропускали его через начальную, среднюю и высшую школу преклонения перед Вождем и Его Идеями. Выросло замечательное поколение рабов, не осознающих своего рабства, гордящихся цепями «осознанной необходимости», готовых на все, нравственно изуродованных, сгорбленных, скрюченных до того, что сами себе они казались высокими и стройными, а весь мир вокруг представлялся им изуродованным, сгорбленным и скрюченным, а следовательно — нуждавшимся в решительном исправлении...

И вот в конце пятидесятих это поколение, глотнув свободы, сделало попытку распрямиться. Скрипя своим изуродованным позвоночником, мучительно и со стыдом осознавая свое прошлое рабство. Так сладко дышалось в обновленной стране. Такие рисовались ослепительные перспективы! И тут на них навалили политические процессы 60-х, Чехословакию и весь этот так называемый период застоя... Их сломали вторично...

— И они продолжали идти путем, проторенным отцами и дедами?

— Мы отличались от поколения отцов разве что тем, что полагали для себя возможным мрачно молчать в ситуациях, когда отцы наши вынуждены (или рады?) были испуленно возглашать СЛАВУ и УРА. И точно так же сидел в нас страх, тем более стыдный, что боялись мы теперь потерять уже не жизнь даже, а всего лишь достигнутый нами — жалкий — уровень жизни. Этот страх сидит в нас и сейчас; видимо, мы не способны совсем избавиться от него, и он готов согнуть, сломать нас и в третий раз.

— На этот раз придавить глыбой постперестроечного периода... Кстати, он видится Вам в форме перехода к диктатуре?

— Меня спрашивают: «Будет ли для вас неожиданным поворот к диктатуре?» Боже мой, да конечно же, нет! Наше поколение ждет этого поворота с лета 1985-го, ждет с самого начала и спорит только, как это будет выглядеть. Невозможно-де представить себе, чтобы такой великолепно отлаженный за семьдесят лет, точно отъюстирован-

ный в замечательно саморегулирующийся механизм удержания и усиления власти, боевая машина Великой Империи — Партия плюс Тайная полиция плюс Военно-промышленный комплекс,— чтобы этот Голем XX века сдал свои позиции за просто так, только потому, что время его истекло, империи сделались анахронизмами, а войны перестали приносить дивиденды. Будет еще множество попятных движений. То, что мы наблюдаем сейчас,— только одно из них.

— Эпиграфом к пьесе служат строки Акутагавы: «Назвать деспота деспотом всегда было опасно. А в наши дни настолько же опасно назвать рабов рабами». И относится он, по всей видимости, к вашему поколению, ставшему в настоящий момент «отцами». Конечно, не случайны и говорящие фамилии героев пьесы: Базарин, Кирсанов. Но в «Жидах города Питера...» действуют и «дети»...

— Эпиграф не относится к героям пьесы, он обращен к читателю. Слишком часто забываем мы, что имеем тех правителей, коих и достойны. Что вся наша история лишь очередное доказательство очень древней теоремы: нельзя изменить мир, не изменив самого себя,— его можно только изуродовать... Что же касается детей... Нам кажется, нам хочется думать, что поколение, идущее следом, не приемлет диктатуры. И не потому, конечно, что оно умнее, честнее, вообще лучше нас,— просто его не успели или не сумели скрючить. Ему неведомы наши страхи, наши надежды и наши восторги. Диктатура, общественный идеал, высокие политические цели, замечательные слова и громкие лозунги — все это им попросту неинтересно. Их вселенная — в другом измерении, их цели — совсем в другой социальной плоскости. Они любят и мучаются любовью, но любовь у них не такая, как у нас,— она кажется нам столь же развязной, грубой, бездуховной, как и они сами. Они дружат и высоко ценят дружбу, но — господи ты боже мой! — каких друзей они себе выбирают! Они работают, они готовы работать, и многие из них умеют это делать, но как редко любят они свою работу и как часто бывают неразборчивы! Мне многое неприятно в них, не хочу лукавить. Но одного достоинства у них не отнимешь: они начисто лишены способности испытывать энтузиазм. Мне кажется, их невозможно построить в ревущие колонны, дабы они под развевающимися знаменами ринулись на указанного свыше врага. С этим поколением такой номер уже не пройдет — придется готовить новое, а на это понадобятся два десятка лет, да и воспитатели уже не те...

— И все же «Жиды города Питера...» читаются как антиутопия. Возможно, потому, что предыдущие ваши романы и повести написаны в этом жанре. Кстати, а почему «жиды», а не, скажем, «словоблуды» или «распутники»?

— «В сем христианнейшем из миров поэты — жиды!» — так, кажется, у Цветаевой. Жид — какое печальное слово! Оно уже давно превратилось в термин, обозначающий изгоя, выродка, инакомыслящего. Жид — это уже не национальность, это — диагноз. В нашей пьесе все «жиды», всякий, кого Власть берет за глотку, тут же превращается в «жида»...

Имеет место ужасающая терминологическая путаница, когда речь заходит об утопиях и антиутопиях. Прежде всего ни то, ни другое ни в коем случае не следует считать предсказаниями будущего. На самом деле утопия — это попытка описать мир, устроенный разумно. Представления о разумно устроенном мире меняются от цивилизации к цивилизации разительно, и поэтому мир Ефремова так отличается от мира Кампанеллы. Антиутопия же, или роман-предостережение, описывает мир, устроенный страшно. Автор утопии всегда апеллирует к разуму, автор антиутопии — к чувству. И — никаких предсказаний! В классической антиутопии Оруэлла «1984» придуманы разве что детали, суть же, основные черты описываемого мира взяты из совершенно реальной действительности тогдашней Германии и России. Оруэлл ничего не предсказал, он описал то, что придумано было не им, но до него специалистами по «воспитанию масс», а он нашел слово «двоемыслие», определяющее суть любого тоталитарного государства, как десятилетием раньше Хемингуэй сформулировал суть всякого фашизма, сказавши: «Фашизм — это ложь, изрекаемая бандитами».

— А как Вы вообще относитесь к предсказаниям в науке, литературе?

— Где-то в старых дневниках своих я нашел недавно список ученых, философов, социологов XIX века, предсказавших с высокой точностью, что именно ожидает человечество, если оно встанет на путь социализма. В этом списке Спенсер, Тьер, Ле Бон, Молилари... Маркс и Энгельс там тоже есть — ранние Маркс и Энгельс. Они были дьявольски проницательны и беспощадны, когда не стремились подогнать мир будущего под представления «Коммунистического Манифеста», они предвидели и оклократию, и разруху, и концлагеря, и многое другое, что предстояло нам пережить в ту эпоху, которую они называли переходным периодом к социализму... Я уж не говорю

о Достоевском, ибо Достоевский был гений, и я не говорю об Уэллсе и Замятине, ибо они успели увидеть своими глазами, как все это началось. Таким образом, следует сделать вывод, что содержательный прогноз истории возможен.

Правда, это, как правило, мрачный прогноз. Оптимистические предсказания почему-то не сбываются. «Завидуем внукам и правнукам нашим, которым суждено видеть Россию в 1940-м году — стоящую во главе образованного мира, дающую законы и науке и искусству...» и т.д. Бедный восторженный Виссарион Григорьевич! Мы хихикали над этой цитатой еще в школе (грязноватые, голодноватые, оборванные, чудом пережившие войну вообще и блокаду в частности). Правда, пессимистические прогнозы, к счастью, тоже сплошь и рядом проваливаются. Так случилось, например, с трагическими предсказаниями Мальтуса, основанными, кстати, на вполне разумных, логически безупречных расчетах. Так случилось с Марксовой теоремой о неизбежности мировой пролетарской революции. Было бы несерьезно и несправедливо обвинять Плеханова и Ленина в легковерии и легкомыслии за их фанатическое увлечение марксизмом: Маркс писал чрезвычайно убедительно, он опирался на огромный социологический материал и был безукоризненно логичен. Беда его (и наша) заключалась в том, что разработку теории своей он закончил как раз к тому времени, когда она перестала соответствовать реальности — разразилась промышленная революция и начался совершенно новый виток истории, корабль человечества лег на новый курс — в постиндустриальное общество.

Так что, с другой стороны, не следует относиться к прогнозам и пророчествам слишком уж серьезно и рассуждать о них «с придыханием». Что же касается собственно литературы (а не науки), то я давно уже не ищу в книгах соответствующего толка прогностических идей. По-моему, главное назначение таких книг — помогать читателю делать выводы порядка, скорее, нравственного, не столько предупреждать человечество «о жестоких чудесах грядущего», сколько ориентировать его в мире нравственных понятий, помогать распознавать сладкие яды цивилизации, демонстрировать опасность долгоживущих мифов, вызывать неприязнь и отвращение к тому, что того достойно...

— *И все-таки не могу не спросить у Вас как у писателя-фантаста о том, что нас ждет.*

— Если говорить в исторической перспективе, ворота к прошлому быть не может, времена подкованной

экономики миновали навсегда, такая экономика оказалась неконкурентоспособной и окончательно превратила СССР в третьеразрядное (хотя и огромное) государство с второразрядной (хотя огромной) армией. Такое положение вещей является нетерпимым с точки зрения любого социального слоя, а значит, это положение вещей будет изменено. Изменение экономических отношений неизбежно приведет к изменению отношений политических. На месте вчерашней империи («военно-мужицкой державы») возникнет совокупность суверенных государств, объединенных системой экономических и политических соглашений, ибо времена империй, скрепленных огнем и мечом, навсегда миновали. Мы — последние. Человечество вступило уже в новую фазу межгосударственных отношений, когда ценность политики определяется ценностью полученных экономических результатов и в этом смысле война перестает быть «продолжением политики иными средствами», ибо экономические результаты войны в наше время ничтожны и не идут ни в какое сравнение с результатами умелого, скажем, варьирования торговыми пошлинами. Любопытно, что Империя как особая форма существования государства не имеет сейчас под собой никакой материальной опоры — она держится исключительно на фундаменте идеальном; имперское сознание, исторически сложившееся, чрезвычайно все еще популярное представление о том, что превыше всего держава, а все остальное уже как получится, государство выше человека, государство выше истины!.. Империя существует лишь постольку, поскольку идея ее существует в массовом сознании — это не может продолжаться долго. Сколько же можно твердить, что «нам нужна Великая Россия», в то время как совершенно ясно, что «нам нужна» Россия прежде всего Счастливая, Богатая, Цивилизованная — именно этим и прежде всего в этом великая...

— *Вы так уверенно предсказываете «конец империи»! Но ведь есть, как говорится, и другое мнение... Все чаще в прессе приводят пример США как обновленной империи, где штаты почему-то не претендуют на те права, которые отстаивают наши национальные республики. И «войны законов» там вроде бы не наблюдается.*

— По-моему, США — неудачный пример. Я не вижу здесь ничего общего между нашими странами. Штат Аризона практически не отличается по национальному составу своего населения от штата Вайоминг или округа Колумбия. И государственная история у них одна, и совпадающая историческая традиция. Штаты — это же не национально-территориальные, а попросту административные образова-

ния. Аналогами для них служат не республики наши, а, скажем, области или, может быть, края. Большинство же наших республик существует на пепелищах величайших государств древности, историческая память народов там уходит в глубины тысячелетий, я не говорю уже об особой цементирующей роли религий — например, ислама в Средней Азии. Все наши республики обладают полным набором признаков самостоятельного государства, по тем или иным причинам утратившего самостоятельность. Так что нет ничего удивительного в нынешнем параде суверенитетов: история стремится вернуться на круги своя. Ничего подобного в США представить себе нельзя. Разве что центральное правительство там примется проводить какую-нибудь особенно нелепую экономическую политику наподобие нашей — тогда, наверное, и штаты могли бы броситься в разные стороны, подальше от центра.

— *Вы сами говорили в начале нашей беседы о великолепно отлаженной машине Великой Империи, о ее нежелании сдаваться «за просто так». Так где же выход?*

— Представьте себе, я оптимист. Еще каких-нибудь пять лет назад я был совершенно уверен, что сложившаяся у нас в стране государственную систему власти распатать невозможно. Во всяком случае — изнутри. А теперь вижу: есть такие силы. Не могу назвать их, не вижу их, но зато вижу результат их действия. Вижу, как машина начинает сбоить, как она дребезжит, разбалтывается, норовит заклинить. Судите сами: если бы в начале 80-х вам сказали, что Литва возмутилась и армия в три дня не сумела навести там порядок, — могли бы в это поверить? После Венгрии. После Чехословакии. После Новочеркасска, наконец, когда армия в полном служебном соответствии, исполняя приказ, не дрогнув, прошла по трупам своих соотечественников. И вот в Литве выясняется, что машина дает сбой. Что машина по-прежнему способна на многое, но уже не на все. Путч в Литве мог (и должен был) закончиться полной победой, но число застреленных и раздавленных следовало для этого довести до сотен и сотен. На такое преступление руководители путча оказались уже не способны. Новое время, новые люди. Новая психология, иная система ценностей, хотя, казалось бы, с чего это вдруг? И вождя у нас более нет такого, который был бы способен приказать двинуть танки на толпу мирных людей. Нашего президента много и справедливо критикуют, но трудно избавиться от впечатления, что он все-таки не из тех, кому все равно — валяются детские трупы на улицах или нет. Как и всякий настоящий политический лидер, он

ценит власть и готов сражаться за нее, но в то же время для него существуют все-таки вещи, на которые он пойти, видимо, не готов даже ради власти. Такой лидер — тоже человек нового поколения, носитель нового мышления, новой политической морали. А значит, семьдесят лет прошли не зря: время, история, Господь Бог сделали свое дело — машина уже не та, стерлись шестерни, расшатались рычаги, высохла смазка. Голем еще могуч, но уже не всемогущ, он все еще внушает ужас, но теперь уже и сам испытывает его, ибо осознает свою конечность. Это все-ляет надежду.

— *Обратимся к силам, действующим на литературных «фронтах». Что, по Вашему мнению, происходит с Союзом писателей? И еще: возможно ли, по-вашему, говорить о некоем «литературном вакууме», возникшем в последние годы?*

— Что касается вашего первого вопроса, то ответ здесь лежит на поверхности. Все наши творческие союзы возникли одинаковым образом — были насильственно созданы мановением властной руки, причем с одной и той же целью: поставить под контроль творческую интеллигенцию. Сейчас, когда властная хватка подослабла, заработали центробежные силы. Происходит все в точности то же, что и в большой политике. Писательская империя готова развалиться. В таком виде она мало кого устраивает. Новый СП должен быть прежде всего организацией профессионалов. Дотации, стипендии молодым, жилье, финансовая помощь старикам и больным, поиск меценатов, борьба за новые законы в советах всех уровней, организация издательского дела... И никакой представительской деятельности секретариатов и правлений, никаких высоких делегаций, зарубежных командировок по обмену опытом, парадных съездов-пленумов и — в особенности — политических заявлений от имени всех советских писателей. Во главе СП должны стоять хорошо оплачиваемые чиновники, профсоюзные боссы, которые способны эффективно заниматься финансами, юриспруденцией (применительно к проблемам авторского права), коммерческой деятельностью. Творческие вопросы надобно оставить самим писателям, пусть они их решают за пишмашинкой — все равно другого способа их решить не существует. Если такой СП возникнет и если он сумеет решить важнейшую сейчас, хотя и вполне частную задачу — добьется, чтобы государство отдавало писательской организации хотя бы пять процентов (а не 0,3 процента, как сейчас) доходов от издания книг членов этой организации, — тогда и такой СП имеет шанс уцелеть.

В противном случае его не сохранить даже применением силы.

Если же говорить о «литературном вакууме», то он, видимо, действительно имеет место, хотя бы в том смысле, что вот свободы наступили, а потока шедевров нет и нет. Я читал и слышал множество объяснений этому явлению и со всеми согласен. Все они сводятся к тому, что «читать интереснее, чем жить», а жить интереснее, чем писать. Вполне возможно. Я, откровенно говоря, последнее время очень мало читаю (беллетристику) и почти совсем не перечитываю. Я обнаружил, что беллетристика стала мне неинтересна и мне на нее не хватает времени. Я читаю статьи и книги по экономике, социологии, политике, я прочитываю ежедневную грудку газет и ежемесячно — грудку журналов (без или почти без беллетристики). Всю жизнь я писал только о том, что мне лично интересно. Сегодня мне интересны экономика, социология, политика, но писать об этом сколько-нибудь профессионально я не в состоянии! Ужасное положение. Я был бы, наверное, в отчаянии, если бы жизнь не была такой захватывающе интересной. Жить интереснее, чем писать, пяток лет назад такая сентенция поразила бы меня своей нелепостью, а сегодня я готов ее принять и даже нахожу в ней определенное глубокомыслие. Впрочем, брат мой и соавтор придерживается несколько иных взглядов. И слава Богу! «Спорим, следовательно, существуем».

С Борисом Стругацким разговаривала Татьяна Путренко

К читателям альманаха «Завтра»

Завтра.

Завтра — это почти наверняка завтра. Но не исключена возможность, что завтра перевернется во вчера.

Всю свою сознательную жизнь я мечтал о журнале НФ. Кажется, сейчас что-то проклевывается. Не журнал, но все-таки альманах, независимый от невежественных, смердящих, злокозненных влияний. Хорошо, мы стали независимыми. Что дальше?

Этот материал открывает первый выпуск первого в нашей стране фантастического альманаха «Завтра».

«Завтра».

Честно говоря, я был против этого названия. Я бы предпочел название «Если». Но мои молодые коллеги (молодые! мне 65 лет, а этим молодым уже под пятьдесят...) настаивали на «Завтра». Что ж. Хоть горошком назови...

Вероятно, десятиmillionную (или больше?) армию любителей фантастики интересуют три главные проблемы:

1. Отражение в литературе страхов и отчаяния человечества в наше страшное и отчаянное время.
2. Попытки воссоздать в литературных образах те общественно-политические идеалы, к которым нам надлежит устремляться.
3. Простое, незамысловатое удовольствие.

О третьей проблеме говорить здесь не место. На мой взгляд, она включается в первые две. Не будем ее забывать как непереносимое условие при разрешении двух первых проблем.

Итак.

Если первая проблема так или иначе получила, получает и будет получать разрешение в бесконечном разнообразии форм «мрачного воображения», то решать вторую проблему фантастам оказалось не так легко.

Возможно, сыграла тут роль вековая традиция художественной литературы: сюжет должен быть трагичен. Значительное в этом смысле исключение — евангельское «смертию смерть поправ», однако в обозримом пространстве литературы достойного продолжения этой великой идеи нет. Даже булгаковский Мастер заслужил не Свет, а Покой.

В применение же этой идеи к мировой фантастике можно сказать только, что отчетливых граней между утопией и антиутопией, а также романом-предупреждением нет. «Черный» роман либо оставляет надежду, либо нет, а сильная утопия активно критикует методы достижения желаемого результата.

Тогда — что же? Великая школа великой литературы. Девушка бросается в озеро, дама бросается под поезд, кто-то идет на каторгу, кто-то сходит с ума... Се ля ви. Чапаев уходит под волны Урал-реки, сраженный вражескими пулями, Тухачевский в подвале ЧКГБ обдаёт своими мозгами грязные кирпичи... Зритель, переключи свою программу на «Изауру». Или на «Королька». Твоя рука — владыка. Но «Завтра» не об этом. Насколько это от меня зависит.

Но учиться все-таки надо?

Во второй половине второго тысячелетия до нашей эры

некто Моисей принес отчаявшемуся народу своему знаменитые десять заповедей.

Первые четыре в настоящем контексте (но только в настоящем!) интереса не представляют, а вот остальные... помните?

...Почитай отца твоего и мать твою.

...Не убивай.

...Не прелюбодействуй.

...Не кради.

...Не произноси ложного свидетельства на ближнего твоего.

...Не желай дома ближнего твоего; не желай жены ближнего твоего... ничего, что у ближнего твоего.

Так вот. Примерно в то же самое время, три-четыре тысячи лет назад, на другом краю Ойкумены некто И в своих наказах определил моральные нормы для древних китайцев.

Я — не специалист по древнекитайской культуре. Возможно, И не есть имя автора, а название свода упомянутых моральных норм. Следует принять во внимание еще одно обстоятельство: формулировка древних евреев гораздо ближе и понятней нам, нежели странные, в каком-то смысле даже смешные древние воззвания с берегов Янцзы (тем более что и Янцзы называлась тогда как-то по-иному, и перевод с древнекитайского допускает неоднозначные толкования). Что же запрещалось кодексом И?

1. Весело отплясывать с утра и до утра во дворцах.
2. Распевать сладкие песни в чужих спальнях покоях.
3. Злоупотреблять колдовством в достижении развратных целей.
4. Целью жизни своей ставить наложение рук на чужое богатство и на женскую красоту.
5. Проводить жизнь свою в похабстве и охоте.
6. Развращать нравы в смаковании разврата во время бесед.
7. Оскорблять в болтовне речения великих мудрецов.
8. Лгать во время бесед и выступлений.
9. Устранять себя и присных от пути добродетели.
10. Вести себя, взявши за пример разгульную молодежь.

И под всем этим категорично:

1. Если заповеди эти нарушает муж, гибнет семья.

2. Если заповеди эти нарушает государство, гибнет страна.

Давно истлели и обратились в глину кости Моисея и неведомого И.

Но сравните. И восчувствуйте.

Я не сомневаюсь, найдется немало граждан, кои объявят, что древние китайцы и (тем более) евреи им не указ, но я адресую эти строки читателям «Завтра».

Не может же быть, что мы все — сплошные идиоты! Не убивайте.

Почитайте отца и мать, чтобы продлились дни ваши на земле.

Не пляшите с утра и до утра.

Возьмите иную цель жизни, нежели накладывать руку на чужое богатство и на женскую красоту.

Тысячелетия глядят на нас с надеждой, что мы не озвереем, не станем сволочью, рабами паханов и фюреров.

Морально поддержать вас хоть в какой-то степени на уровне человечности — главная задача альманаха «Завтра», как я ее понимаю.

Ваш А. Стругацкий

Публикации

СТРАНА БАГРОВЫХ ТУЧ

Повесть

- 1959, 1960 — в книге «Страна багровых туч» из серии «Библиотека приключений и научной фантастики», Москва
1969 — в книге «Страна багровых туч» из серии «Библиотека приключений», том 17, Москва

ЧРЕЗВЫЧАЙНОЕ ПРОИСШЕСТВИЕ

Рассказ

- 1960 — в сборнике «Путь на Амальтею. Научно-фантастическая повесть и рассказы», Москва
1980, 1989 — в сборнике «Формула невозможного», Москва, в сокращении
1986 — в книге «Жук в муравейнике», Рига

СПОНТАННЫЙ РЕФЛЕКС

Рассказ

- 1958 — в журнале «Знание — сила», № 8

ЧЕЛОВЕК ИЗ ПАСИФИДЫ

Рассказ

- 1962 — в журнале «Советский воин», № 17
1971 — в сборнике «Только один старт», Свердловск
1972 — в ежегоднике «Фантастика-72», Москва

ПЕРВЫЕ ЛЮДИ НА ПЛОТУ

Рассказ

- 1968 — как первая глава повести-буриме «Летающие кочевники» в журнале «Костер», № 7
1988 — под названием «Викинги» в газете «Заря молодежи», 2, 9, 16 янв., Саратов
1990 — под названием «Летающие кочевники» в альманахе «Гезя», Москва

БЕДНЫЕ ЗЛЫЕ ЛЮДИ

Рассказ

- 1989 — отрывок из рассказа в газете «Железнодорожник Поволжья», 22 нояб.
1990 — там же, 8 авг.

ФАНТАСТИКА — ЛИТЕРАТУРА

Из материалов дискуссии

- 1965 — в сборнике «О литературе для детей», вып. 10, Ленинград

О ЖИЗНИ, ВРЕМЕНИ, СЧАСТЬЕ...

- 1966 — в журнале «Смена», № 1

ПОЧЕМУ МЫ СТАЛИ ФАНТАСТАМИ

1967 — в журнале «Иностранная литература», № 1; под названием «Глубокие проблемы» в газете «Московский комсомолец», 16 февр., в сокращении

КОНТАКТ И ПЕРЕСМОТР ПРЕДСТАВЛЕНИЙ

1968 — как предисловие к роману К. Саймака «Все живое...», Москва; под названием «Фантастика в век космоса» в журнале «Спутник», № 8, в сокращении

1973 — под названием «О контакте» в газете «Молодой дальневосточник», 25 авг., в сокращении

«ДАВАЙТЕ ДУМАТЬ О БУДУЩЕМ»

1970 — в «Литературной газете», 4 февр.

ПОСЛУШНАЯ СТРЕЛКА ЧАСОВ

1976 — в газете «Комсомольская правда», 20 марта

ОТ ЧЕГО НЕ СВОБОДНА ФАНТАСТИКА

1976 — в журнале «Литературное обозрение», № 8

В ПОДВАЛЕ У РОМАНА

Коллективное интервью, взятое у А. Н. Стругацкого семинаром молодых писателей-фантастов

1990 — в журнале «Измерение Ф», № 3, в сокращении

ЗНАКОМЫЕ ЧЕРТЫ БУДУЩЕГО

1986 — в журнале «Наука и религия» № 4

1989 — под названием «От авторов» как предисловие к книгам «Избранное. Т. 1», «Избранное», Москва, с изменениями

1990 — под названием «От авторов» как предисловие к книге «Сочинения. Т. 3», Москва, с изменениями

ВОПРОСЫ ОСТАЮТСЯ

1987 — в журнале «Блокнот агитатора», № 14, Ленинград

1988 — в газете «За знания», Комсомольск-на-Амуре, 14 апр.

«ЖИЗНЬ НЕ УВАЖАТЬ НЕЛЬЗЯ»

1987 — в журнале «Даугава», № 8

ВОПРОСЫ БЕЗ ОТВЕТОВ

1991 — под названием «Куда ж нам плыть?» в «Независимой газете», 3 янв., в сокращении; в издании «Собрание «Независимой газеты»: Дайджест-приложение», № 1, дополнение к публикации в «НГ»

«ЖИТЬ ИНТЕРЕСНЕЕ, ЧЕМ ПИСАТЬ»

1991 — в «Литературной газете», 10 апр.

К ЧИТАТЕЛЯМ АЛЬМАНАХА «ЗАВТРА»

1991 — в фантастическом альманахе «Завтра», вып.1

Составил А. Л. Керзин

Указатель персонажей произведений А. и Б. Стругацких

(составлен на основе Указателя имен собственных, подготовленного В. Борисовым при участии С. Бондаренко, Н. Калашникова, К. Корчминского, В. Курильского и Ю. Флейшмана (группа «Людены»))

В указателе приняты
следующие сокращения:

- БЗЛ — Бедные злые люди
- ВГВ — Волны гасят ветер
- ВНИВ — В наше интересное время
- ГО — Град обреченный
- ДЗ — День затмения
- ДР — Далекая Радуга
- ЖВМ — Жук в муравейнике
- ЖГП — «Жида города Питера...»
- ЗМЛДКС — За миллиард лет до конца света
- ЗЭ — Забытый эксперимент
- И — Извне
- ИС — Испытание «СКИБР»
- М — Малыш
- МЖ — Машина желаний
- ОЗ — Отягощенные злом, или Сорок лет спустя
- ОО — Обитаемый остров
- ОУПА — Отель «У Погибшего Альпиниста»
- ОУПА-с — Отель «У Погибшего Альпиниста» — сценарий
- П — Поддень, XXII век
- ПИП — Парень из преисподней
- ПКБ — Попытка к бегству
- ПЛНПП — Первые люди на первом плоту
- ПЛЭ — Пять ложек Эликсира
- ПНА — Путь на Амальтею
- ПНВС — Понедельник начинается в субботу
- ПНВС-с — Понедельник начинается в субботу — сценарий
- ПНО — Пикник на обочине
- ПОДИН — Повесть о дружбе и недружбе
- С — Стажеры
- СБТ — Страна багровых туч
- СОТ — Сказка о Тройке
- СР — Спонтанный рефлекс
- Т — Туча
- ТББ — Трудно быть богом
- УНС — Улитка на склоне
- ХВВ — Хищные вещи века
- ХС — Хромая судьба
- ЧИП — Человек из Пасифиды
- ЧП — Чрезвычайное происшествие
- ЧПП — Частные предположения
- ШС — Шесть спичек

Аба, брат — капитан серой гвардии. *ТББ*
 Абалкин Лев Вячеславович (Гурон; Дымок Александр; Лева; Левушка-ревушка) — Прогрессор, кроманьонец. *ВГВ; ЖВМ*
 Абрам. *ГО*
 Абу-Бекр — арабский халиф, наследник Мухаммеда. *ОЗ*
 Абу-Сумама — см. Прудков.
 Аверин — астрофизик обсерватории на Дионе. *С*
 Аганян Гарик — литератор. *ХС*
 Агар — верховный жрец. *БЗЛ*
 Агасфер (Ботадеус; Вечный Жид; Эспера-Диос). *ОЗ*
 Агасфер Лукич — см. Прудков.
 Администратор гостиницы (Круглова). *С*
 Адольф — исследователь. *ДР*
 Азизбеков — сотрудник базы на Марсе. *С*
 Айзек — разумный дельфин. *СОТ*
 Акимов — программист. *ИС; П*
 Акимова Нина Ивановна — сервомеханик, жена Акимова. *ИС*
 Акитада. *П*
 Ал-Ала ибн-ал-Хидрими — арабский полководец. *ОЗ*
 Алан — сотрудник фермы «Волга-Единорог». *П*
 Алевтина (Аля) — библиотекарь Управления. *УНС*
 Александр Васильевич (дон Кондор; дядя Саша) — резидент земель в Соане. *ТББ*
 Александров Кирилл — член руководства КОМКОНа и Мирового Совета. *ЖВМ*
 Алексей — сотрудник НИИЧАВО. *ПНВС*
 Алена — подруга Каммерера. *ЖВМ*
 Аленушка — официантка в Клубе. *ХС*
 Алешка — сотрудник фермы «Волга-Единорог». *П*
 Али-заде Гасан — физик. *ДР*
 Алким — генерал. *ВНМ*
 Аллан — участник заговора. *БЗЛ*
 Альпа — физик (лжекапитан). *ДР*
 Альфред — вурдалак. *ПНВС*
 Амад — квартирный агент. *ХВВ*
 Амбалы (двое). *ОЗ*
 Амирэджиби — ксенобиолог. *М*
 Аммон — византийский генерал. *ОЗ*
 Амперян Эдик (Эдька) — сотрудник НИИЧАВО. *ПНВС; СОТ*
 Ананьев — исследователь. *ДР*
 Анастасис — солдат. *ГО*
 Анастасия Андреевна — соседка Катьки. *ХС*
 Анатолий Ефимович — писатель. *ХС*
 Андварафорс Олаф — робот инопланетян. *ОУПА; ОУПА-с*
 Андрей — сотрудник Каммерера. *ЖВМ*
 Андрей — сын Яшмаа. *ПИП*
 Андрей Т. (Андрюха; Андрюшенька; Желаящий Пройти). *ПОДИН*
 Анипсу — экс-полковник. *ОО*
 Анка (Анечка) — подруга Антона и Павла. *ТББ*
 Анна. *С*
 Антон — командир «Стрелы». *ДР*
 Антон — писатель. *МЖ*
 Антон (Тошка) — капитан «Корабля». *ПКБ*
 Антон — внук Снегирева. *ПЛЭ*
 Антон (Румата Эсторский, Тошка) — школьник, затем резидент в Арканаре. *ТББ*

Аполлон (Феб) — учитель астрономии на пенсии, автор «Записок здравомыслящего». *ВНМ*
 Арата Красивый (Горбатый) — крестьянский вождь в Арканаре. *ТББ*
 Аристотель — физик. *ДР*
 Арнаутов — профессор. *ПКБ*
 Арнаутов — космонавт. *С*
 Аронов Саша — одноклассник Ф. Сорокина. *ХС*
 Артемида (Арта) — дочь Аполлона. *ВНМ*
 Артур — друг Сергея Кирсанова. *ЖГП*
 Артур. *СОТ*
 Архангельский Коля — испытатель. *ИС*
 Аскольд Павлович (Аскольдик) — выпускник Ташлинского лицея. *ОЗ*
 Ас-Су, доктор — тагорянин. *ЖВМ*
 Астангов Юрий Николаевич — один из «Рип Ван Винклей». *ВГВ*
 Астролог — мыслящая машина в Управлении. *УНС*
 Аттедов Жорка — племянник начальника гаража Степной обсерватории. *ОЗ*
 Ауэрс — маг. *ПНВС*
 Ахилл — слесарь в Управлении. *УНС*
 Ахиллес (Ахилл) — аптекарь. *ВНМ*
 Ахмет-багатур — учащийся Ташлинского лицея. *ОЗ*
 Ахти (мосье, камрад) — референт Директора. *УНС*
 Аэлита — кассирша в Ташлинске. *ОЗ*

Б.— журналист, персонаж рассказа Банева. *ХС*
 Б.— поручик, персонаж рассказа Банева. *ХС*
 Б.— титулярный советник, персонаж рассказа Банева. *ХС*
 Бабахин — литератор, председатель жилкомиссии. *ХС*
 Бабка Марья — мать Пал Палыча. *ПЛНПП*
 Бабкин Владимир (Володя) — охотник. *П*
 Багир Киссэнский — арканарский ученый. *ТББ*
 Баграт — капитан. *С*
 Багратиони Маррикий Амазаспович — один из «Рип Ван Винклей». *ВГВ*
 Багровый физик. *ДР*
 Бадер Август-Иоганн-Мария — Десантник, следопыт и Прогрессор. *ВГВ; ЖВМ; М; П; ПКБ*
 Базанов Петр (Петя) — атмосферник на Дионе. *С*
 Базарин Олег Кузьмич — сосед Кирсановых. *ЖГП*
 Балдаев Леша — персонаж воспоминаний А. Воронина. *ГО*
 Бальдур Длинноносый — посетитель Демиурга. *ОЗ*
 Бальзамо Джузеппе (граф Калиостро) — маг. *ПНВС*
 Банев Виктор (Виктуар) — писатель. *ХС*
 Банин — физик (лжештурман). *ДР*
 Бара ибн-Малик — воин. *ОЗ*
 Барабанов — сотрудник базы на Марсе. *С*
 Барабанов Гриша — учитель. *ПКБ*
 Барабаш Бэла — комиссар МУКСа на Бамберге. *С*
 Барбридж (Стервятник, Битюк) — сталкер. *МЖ; ПНО*
 Барбридж Артур (Арчи) — сын Барбриджа. *ПНО*
 Барбридж Дина — дочь Барбриджа. *ПНО*
 Бардо — начальница группы в Управлении. *УНС*
 Баринов Леня (Шибзд) — писатель. *ХС*
 Бармен в белой куртке. *ХВВ*
 Барнстокр, дю — иллюзионист. *ОУПА; ОУПА-с*
 Барнстокр Брюнхильд (Брюн) — дочь Барнстокра. *ОУПА; ОУПА-с*
 Барра Асмодей — школьник. *ДР*

Басевич Саша — метеоролог. П
 Баттон — вдова. ГО
 Бахту — капрал Боевой Гвардии. ОО
 Безухова Валя — сотрудница группы обслуживания. СБТ
 Бейлис — сотрудник Интерпола. ПНО
 Белантайн Пит — работник бобровой фермы. П
 Белка Николай Кузьмич — океанолог, учитель. П
 Белобрысый мальчик — гимназист. ХС
 Белов — стажер-океанолог. П
 Беловолосый юноша. ЧПП
 Бельмастый мутант. ОО
 Белый Сергей Александрович (Сергеа; Сережа; Сережка) — астроном на Марсе. С
 Бен Галеви (Носатый) — сталкер. ПНО
 Бенни — швейцар публичного дома. ПНО
 Беовульф — вампир, прихвостень Годзиллы. СОТ
 Беременная женщина — одна из Славных Подруг. УНС
 Беркут — физик. ЗЭ
 Беркутов — персонаж Ф. Сорокина. ХС
 Бецалель Лев Бен — средневековый маг. ПНВС
 Бирулин Семен (Сеня) — астроном. ОЗ
 Благая Селена — секретарь Демиурга. ОЗ
 Благородный дон большого ума — гвардеец. ТББ
 Блок Питер (Копчик) — бандит. ГО
 Боанергес — см. И а к о в - с т а р ш и й, П р у д к о в.
 Боб Горилла — сталкер. ПНО
 Бойд — профессор. ПНО
 Бол-Кунац — гимназист. ХС
 Болтун — житель Леса. УНС
 Бон Саранча — разбойник в Арканаре. ТББ
 Бондепадхай Бидхан (Бондепадхай-джи) — межпланетник. СБТ
 Борисыч — работник больницы в Ташлинске. ОЗ
 Боровик — сотрудник КОМКОНа. М
 Бородатый-волосатый — флювер. ОЗ
 Бородин Юрий Михайлович (Юра, Юрик, Юрка) — вакуум-сварщик, космонавт-стажер. С
 Ботса — алхимик в Арканаре. ТББ
 Бошку — мутант. ОО
 Бозла — деятельница культуры. ХВВ
 Брандсгугель (моншер) — сотрудник Управления. УНС
 Брандт Эрнст — эсэсовец. ПКБ
 Брат Киры — штурмовик. ТББ
 «Братья по разуму» — футбольная команда. ХС
 Бригадир Боевой Гвардии. ОО
 Бригадный адъютант Боевой Гвардии. ОО
 Бриарей — гекатонхейр. ПНВС
 Бритоголовый милиционер. ЗМЛДКС
 Бритоголовый на Эйнонии. С
 Бромберг Айзек П. — виднейший историк науки. ВГВ; ЖВМ
 Брун — старший санитарный инспектор. Т
 Бруно — эксперт-дегустатор. ВГВ
 Брут Хома — видимо, сотрудник НИИЧАВО. ПНВС; ПНВС-с
 Брыжейкин — литературный критик. ХС
 Брюшков Виктор (Витька) — курсант. П
 Брячеслав — правнук Гоаннека. ЖВМ
 Бабуля И. А. — сотрудник Степной обсерватории. ОЗ
 Будах Ируканский — врач. ТББ

Будах — некто, изображающий предыдущего. *ТББ*
 Буллит — генетик. *ДР*
 Бургомистр. *ХС*
 Бурис — государственный деятель. *ХВВ*
 Бутц — начсектора социальной психологии. *ГО*
 Быкин Григорий Григорьевич (Гриня) — шофер Степной обсерватории. *ОЗ*
 Быков Алексей Петрович (Алеша; Алешка, Леша; Лешка; Петрович; Рыжий Пустынник) — инженер-механик, космический капитан. *П; ПНА; С; СБТ; ХВВ*
 Быков Антон Григорьевич — космический капитан, сын Г. А. Быкова. *ИС; П; ЧПП*
 Быков Григорий Алексеевич (Гриша) — межпланетник, сын А. П. Быкова. *П; С*
 Быстров Григорий (Гриша) — курсант. *П*
 Быстров Петя (Петька) — лаборант. *П*
 Бюлов — ученый. *М*
 Бюргермайер Адольф-Анна — генеральный директор ПО «Эмбриомеханика». *ВГВ*

Вага Колесо — глава разбойников Арканара. *ТББ*
 Вадим (Вадик; Вадья) — оператор. *М*
 Вадим (Дима; Димка; Димочка; Летящий Бык; Структуральнейший) — структуральный лингвист. *ПКБ*
 Вайл — портье. *ХВВ*
 Вайнгартен Валентин Артурович (Валька) — ученый-биолог. *ЗМЛДКС*
 Вайнгартен Светлана (Светка) — жена Вайнгартена. *ЗМЛДКС*
 Валек — грузчик в магазине Ташлинска. *ОЗ*
 Валентин — инженер. *ПЛЭ*
 Валентин — сотрудник Управления. *УНС*
 Валерьянс — гимназист. *ХС*
 Валнога (дядя Валнога) — повар на Амальтее. *ПНА*
 Валька — знакомый А. Привалова. *ПНВС*
 Валька-малек (из Аньюдинской школы). *П*
 Валькенштейн Марк Ефремович — космический штурман. *ДР; П*
 Вальцев — работник Океанской охраны. *П*
 Валя (или Варя) — мальчик из Детского. *ДР*
 Валя — знакомая Жилина. *ПНА*
 Валя — секретарь в Мирза-Чарле. *С*
 Ван — сотрудник базы на Марсе. *С*
 Ван Блерком Марк — эмбриолог. *ЖВМ*
 Ван Лихун (Ваня) — дворник. *ГО*
 Ван С. — сосед Чжана. *ВГВ*
 Вандербильт — работник Управления. *УНС*
 Вандерхузе Яков — космолетчик. *ЖВМ; М*
 Варейкис — заведующий отделом кадров. *ГО*
 Варечка — марсианская ящерица. *ПНА*
 Варибобу — капрал Боевой Гвардии. *ОО*
 Варрон — римский сенатор. *ОЗ*
 Варька — жена Смирнова. *ОЗ*
 Варя — бабушка Андрея Т. *ПОДИН*
 Васечкин Миша — сержант. *И*
 Василевская Вера Николаевна (Верочка) — штурман. *СБТ*
 Василий — говорящий кот. *ПНВС; ПНВС-с*
 Васильев — особоуполномоченный, капитан. *И*
 Васэда Рю — атмосферный физик. *П*
 Вася — пионер. *ЗМЛДКС*

Вася — сотрудник фермы «Волга-Единорог». П
 Вася — официант. ПЛЭ
 Вах Беатриса — сотрудница Управления. УНС
 Вахши ибн-Харба — воин. ОЗ
 Веденеев — младший научный сотрудник. ШС
 Великий стратег (партнер) — предположительно, И. В. Сталин. ГО
 Великий Дегустатор. ХВВ
 Великий и могучий Утес... — правитель на Сауле. ПКБ
 Вельяминов — исследователь на Марсе. С
 Вепрь — см. Феску Тик.
 Вера — жительница Радуги. ДР
 Верблибен — поэт на Саракше. ВГВ; ОО
 Верный (Верка) — пес, персонаж Ф. Сорокина. ХС
 Верочка — знакомая Корнеева. ПНВС
 Веселовский — житель Радуги. ДР
 Весельчак-Жеребчик — по-видимому, один из Неизвестных Отцов. ОО
 Вечеровский Филипп Павлович (Фил; Палыч) — математик, ДЗ; ЗМЛДКС
 Вий Хрон Монадович — начальник канцелярии. ПНВС
 Виктор — сталкер. МЖ
 Виктор Борисович — штурман планетолета. ЧП
 Вилли — сосед Р. Шухарта. ПНО
 Вилли — исследователь на Марсе. С
 Винни Пух — разумная машина в Управлении. УНС
 Винтер — работник бобровой фермы. П
 Вирт — рапортфюрер СС. ПКБ
 Виталий Ефремович — инструктор. П
 Витька — мальчик, сын Полуянова. ДЗ
 Витя — житель Радуги. ДР
 Витя — работник «Интуриста». ЗМЛДКС
 Вишвакарман — см. Демиург.
 Владимирский Аполлон Аполлонович — писатель. ХС
 Влчек Йозеф — планетолог. С
 Водитель «дилижанса». ДР
 Вожак воров. УНС
 Военный врач на Гиганде. ПИП
 Волдырь — возможно, один из Неизвестных Отцов. ОО
 Волковой Сергей — писатель. ДР
 Володька — житель Радуги. ДР
 Володя — незнакомец, ночной гость. ВНИВ
 Вольдемар — коллега Яшмаа. ПИП
 Вольдемар — шофер в Управлении. УНС
 Воронин Андрей Михайлович (Андрюха; Андрюшечка) — мусорщик, затем полицейский, редактор, советник. ГО
 Воронин Сергей Михайлович (Сереза) — брат А. Воронина. ГО
 Воры — похитители женщин. УНС
 Врач (у Быкова). СБТ
 Врач (у Краюхина). СБТ
 Врач (у Зеня). ХВВ
 Врач (у Римайера). ХВВ
 Всемогущий Электронный Думатель, Решатель и Отгадыватель (ВЭДРО; Голос). ПОДИН
 Вуников Лавр Федотович — Председатель Тройки по рационализации и утилизации необъясненных явлений (сенсаций). СОТ
 Вход — макродемон. ПНВС
 Выбегалло Амвросий Амбрузович — профессор, маг. ПНВС; ПНВС-С; СОТ

Выбегалло Толик — сын А. А. Выбегаллы. *ПНВС-с*
 Выход — макродемон. *ПНВС*
 Вязаницын Алексей Матвеевич (Алеша; Алешка; Алик) — сын Е. и М. Вя-
 з а н и ц и н ы х. *ДР*
 Вязаницын Матвей Сергеевич (Матюша) — директор Радуги. *ДР*
 Вязаницына Евгения (Женя; Женечка; Женька) — жена М. Вя-
 з а н и ц ы н а. *ДР*
 Вялобув-Франкенштейн — кандидат наук. *СОТ*

Гаал Гай — рядовой, затем капрал Боевой Гвардии, затем армейский
 капрал, штрафник. *ОО*
 Гаал Рада — сестра Г. Га а л а, официантка. *ОО*
 Габа — н у л ь - п е р е л е т ч и к. *ДР*
 Гаг (Бойцовый Кот; Котенок) — курсант военной школы на Гиганде.
ПИП
 Гагашкин — литературный критик. *ХС*
 Гаджибеков — космобиолог. *П*
 Гайдадымов Виктор Кириллович — замдиректора по строительству на
 Марсе. *С; СБТ*
 Гайдай Богдан Архипович — магистр психологии. *ВГВ*
 Галина (Галья) — заведующая обсерваторией на Амальтее. *ПНА*
 Галка — подруга А н т о н а и В а д и м а. *ПКБ*
 Галка — сотрудница НИИЧАВО. *ПНВС*
 Галкин Семен (Симеон) — ученый на Далекой Радуге. *ДР*
 Гальцев Виктор Сергеевич (Витя) — курсант, Десантник, биолог. *П*
 Галя — радистка Базы. *П*
 Галя. *СР*
 Ганс — научный сотрудник (лжештурман). *ДР*
 Ганс — оператор. *М*
 Гаозэй — парикмахер. *ХВВ*
 Гардуэй — профессор структуральной лингвистики. *П*
 Гарик (типичный куст) — фловер. *ОЗ*
 Гаррис — сотрудник МИВК. *ПНО*
 Гаттаух-окамбомон (старик) — инопланетянин, правитель территории.
ЖВМ
 Гаук, отец — поэт, хозяин оружейной лавки. *ТББ*
 Гауссана Никифоровна — литератор. *ХС*
 Гвардейский лейтенант. *ТББ*
 Гейбор — философ. *ХС*
 Гейгер Фридрих (Фриц) — старший следователь, затем президент
 Города. *ГО*
 Гекса Ируканский — разбойник. *ТББ*
 Генерал — см. П о т т у Д э к. *ОО*
 Генератор (Генька) — подопытный пес. *ШС*
 Генка-Напоминание — призрак Геннадия М. *ПОДИН*
 Геннадий М. (Генка-Абрикос) — друг Андрея Т. *ПОДИН*
 Генри — сотрудник Новосибирского Института. *П*
 Георгий Палыч — геолог. *И*
 Гермюна — экономка А п о л л о н а. *ВНМ*
 Герцог Алайский. *ЖВМ; ПИП*
 Герцог Ируканский. *ВГВ; ТББ*
 Герцог Убанский. *ТББ*
 Гершкович Матвей Матвеевич (Гершензон Мордехай Мордехаевич) —
 секретарь Демиурга. *ОЗ*
 Гефест — см. Д е м и у р г,
 Гигантский швейцар. *ХВВ*
 Гнес — гекатонхейр. *ПНВС*

Гинзбург Николай (Коля) — альпинист, капитан. *И*
Гинсблит Ревекка Самойловна (Рива) — завгороно Ташлинска. *ОЗ*
Гияттулин Ренат — выпускник Ташлинского лицея. *ОЗ*
Главный прокурор (Города). *ГО*
Глебски Петер — инспектор полиции. *ОУПА; ОУПА-с*
Глузкин — селенограф. *СБТ*
Глумов Тойво Александрович (Глумов-младший; Тойво) — сын Глумовой, инспектор КОМКОНа-2. *ВГВ; ЖВМ*
Глумова Майя Тойвовна (Майка) — исследователь космоса, сотрудник Музея внеземных культур. *ВГВ; ЖВМ; М*
Глухов Владлен Семенович — востоковед. *ЗМЛДКС*
Гнедых Поль (Либер Полли; Охотник) — школьник, затем курсант, охотник. *П*
Гнук Ганг — ученый на Гиганде. *ПИП*
Го — соседка Гаалов. *ОО*
Гоаннек — врач. *ЖВМ*
Гобби — зубной врач. *ОО*
Говорящая коза. *СОТ*
Годзилла — четырехглавый дракон. *СОТ*
Голем — робот. *ПНВС-с*
Голем Юл — главный врач лепрозория. *ХС*
Головастик — один из Неизвестных Отцов. *ОО*
Голоногая тетя 20 лет. *П*
Голос. *Т; ХС*
Голос из темноты. *П*
Голубой Дракон (старший бронемастер) — агент землян на Гиганде. *ПИП*
Голый (товарищ Голый) — должностное лицо в Тъмускорпиони. *СОТ*
Голый из Горплана. *ГО*
Гонзаст — маг. *ПНВС*
Гончар — см. Демиург.
Горан Ируканский — историк. *ТББ*
Горбовский Леонид Андреевич (Леня) — звездолетчик, затем член Всемирного Совета. *ВГВ; ДР; ЖВМ; М; П; ПКБ; ЧПП*
Горбун — житель Леса. *УНС*
Горбунова Таня (Танечка, Таниюшка) — курсант. *П*
Горбун с золотыми волосами (падший ангел). *ХС*
Горилла-Джексон — солдат. *ГО*
Горин — сотрудник базы на Марсе. *С*
Горн Эрнст-Юлий — Наставник Абалкина. *ЖВМ*
Городской судья. *ХС*
Горчаков Рафаил — планетолог. *С*
Горчинский Александр Борисович — лаборант Комлина. *ШС*
Горыныч Наина Киевна — хозяйка Избы на куриных ногах. *ПНВС; ПНВС-с*
Гофман Карл — ученый. *ДР*
Гофштаттер — владелец магазина. *ГО*
Гофштаттер Эльза — дочь Гофштаттера. *ГО*
Грамену Мемо (Копыто, Копыто Смерти) — подпольщик. *ОО*
Грегор — сотрудник станции на Амальтее. *ПНА*
Григоряны — семья в Малой Пеше. *ВГВ*
Гришка — сын Лозовского. *И*
Грузный дядька. *ОЗ*
Гу — см. Демиург.
Губарь Захар Захарович — инженер. *ЗМЛДКС*
Гугу — дракон. *ПИП*
Гужон Альберт — астрофизик, композитор. *ВГВ*

Гундосый Гереш — сталкер. ПНО
Гур Сочинитель — писатель. ТББ
Гургенидзе Лева — курсант. П
Гусакова Матильда — вязальщица. ГО
Гута — подруга, затем жена Р. Шухарта. ПНО
Гуталин — сталкер. МЖ; ПНО

Давыдов Юрий Константинович (Юра) — фермер. ГО
Даган — денщик Сент-Джеймса. ГО
Данг — эмигрант с Гиганды. ПИП
Данже Поль — исследователь Юпитера. ПНА; СБТ
Дауге Григорий Иоганнович (Грегуар; Гриша; Гришка; Иоганыч) — планетолог, космогеолог. И; ПНА; С; СБТ; ХВВ
Двое в плащах — агенты Суммана. ХС
Дворник-доносчик. ОО
Двугорбая Старуха. ПОДИН
Дева Катя — дежурная по интернату. ТББ
Дева Тысячи Сердец (ее алайское высочество). ПИП
Деверь — один из Неизвестных Отцов. ОО
Девицы у фургона (две). ХВВ
Девочки, розовая и голубая. ДР
Девушка — одна из Славных Подруг. УНС
Девушка в косынке. ДР
Девушка в Институте биологического кодирования. П
Девушка в оранжевом. ЧПП
Дежурная по пассажирским перевозкам в Мирза-Чарле. С
Дежурный механик. УНС
Дежурный на центрифуге. П
Дежурный на острове. П
Дежурный Главной радиостанции. СБТ
Дежурный полицейский. ХС
Дейбель — оберштумфюрер. ПКБ
Декан, профессор. ОЗ
Декотиль Жерар — повар. ПЛЭ
Делонж — участник конференции в Степной обсерватории. ОЗ
Демин Кербер Псоевич — завкадрами НИИЧАВО. ПНВС
Демиург (Вишвакарман; Гефест; Гончар; Гу; Иисус Христос; Ильмаринен; Кузнец; Моримо; Мукуру; Мулунгу; Назаретянин; Плотник; Птах; Рабби; Рахман; Ткач; Учитель; Хнум; Яхве) — очевидно, Бог, спустившийся на землю. ОЗ
Демченко — капитан-лейтенант, родственник В. Демченко. ХС
Демченко Валентин (Валя) — писатель, приятель Ф. Сорокина. ХС
Де-Прагес — астроном. ОЗ
Дергунчик — один из Неизвестных Отцов. ОО
Дерек — участник заговора. БЗЛ
Деругод — профессор Лхасского центра. ВГВ
Десмонд Мишель — инженер-гранулист, полиментал. ВГВ
Диспетчер Главной Диспетчерской. П
Джек — робот. М
Дженкинс Эл — изобретатель. П
Джефферсон — сотрудник базы на Марсе. С
Джин — сотрудница Новосибирского Института. П
Джихангир Вега (Марко да-Вега) — певец. ОЗ
Джой — ученый. П
Джойс — бармен. С
Джонатан — инопланетянин. ПИП
Джонсон — сотрудник Новосибирского Института. П

Джошуа (Джо) — рабочий на Бамберге. *С*
Джура (веснушчатый солдатик) — из охраны лепрозория. *ХС*
Джян бен Джян. *ПНВС*
Дзомны Петер — ридер. *ВГВ*
Дзюкити Хотта — руководитель съемочной группы. *ЧИП*
Диана — медсестра санатория, подруга Банева. *ХС*
Дивишек Ян — инженер-космонавт. *СБТ*
Дигга (Гепард) — старший наставник на Гиганде. *ПИП*
Дикки — житель Города. *ГО*
Диксон (Красавчик; Суслик) — бывший сталкер, слуга Барбриджа.
ПНО
Диксон Перси — Десантник, биолог, врач. *ДР; П*
Димант. *ВНМ*
Димба — капрал Боевой Гвардии. *ОО*
Директор Управления. *УНС*
Директор гимназии. *ХС*
Длинный «интель». *ХВВ*
Дога — рядовой Боевой Гвардии. *ОО*
Доктор — подпольщик. *ОО*
Долговязый (профессионал) — агент военной контрразведки. *ХС*
Долгоносиков Николай — телепат и спирит. *СОТ*
Долгополов Семен Семенович — сотрудник Гортранса. *ПЛЭ*
Дольфюс — инженер, советник по строительству. *ГО*
Дольфюсика, баронесса — жена Дольфюса. *ГО*
Домарошнер Клавдий-Октавиан — сотрудник Управления. *УНС*
Домбини — председатель Европейского пресс-центра. *М*
Драмба — физик. *ДР*
Драмба — робот Яшмаа. *ПИП*
Драудан — инопланетный ученый. *ЖВМ*
Дрейдус — владелец кафе. *ГО*
Дробатан Пашка — знакомый Андрея Т. *ПОДИН*
Дрозд Александр Иванович (Дроздилло; Санька; Саня) — киномеханик.
ПНВС
Дроздов Иван (Ванька; Ваня) — выпускник Ташлинского лицея. *ОЗ*
Дубино-Княжицкий — доцент. *ПНВС*
Дуглас Сэм — сотрудник МИВК. *ПНО*
Дуров Бенни — исследователь Тагоры. *ПКБ*
Дуся — лаборантка. *ШС*
Дэн — персонаж телесериала. *ХВВ*
Дюпен — корреспондент газеты. *ГО*
Дядюшка Бат — вероятно, родственник одного из заговорщиков. *БЗЛ*
Дядя Коля — гардеробщик в Клубе. *ХС*

Евгения Романовна — бабушка А. Воронина. *ГО*
Евпраксий — пресвитор. *ОЗ*
Евсеев — оператор-геодезист. *ГО*
Егорова Ирина (Иринка) — лаборантка. *П*
Егорыч — сантехник. *ЖГП*
Елена Ивановна — детский врач. *П*
Ермаков Анатолий Борисович (Толя) — космический капитан. *ПНА; СБТ*
Ермакова Екатерина Романовна — жена Ермакова. *СБТ*

Жак-Француз — фермер. *ГО*
Жанна (Кукла Жанна) — разумная машина в Управлении. *УНС*
Железный Человек — гость из океанских глубин. *ЧП*
Желтухин Рэм — участник операции на Надежде. *ЖВМ*
Жена Виктора. *МЖ*

Женщина с ребенком, подруга Губаря. *ЗМЛДКС*
Жиакомо Жиан — заведующий отделом НИИЧАВО. *ПНВС*
Жилин Иван (Ванюша; Ваня) — курсант, затем бортинженер, сотрудник
ООН; *П; ПНА; С; ХВВ*
Жора — сотрудник фермы «Волга-Единорог». *П*
Жуков Алексей Эдуардович — начальник экспедиции «Таймыр-Ермак». *П*
Жуковицкий — сотрудник Института. *ХС*

З.— больной, сервомеханик. *ВГВ*
Завадская Елена Владимировна — член Мирового Совета. *П*
Заведей (правильно — Зеведей) — отец Иакова и Иоанна
Богослова. *ОЗ*
Заведующая фильмотекой КРИ. *П*
Завьялов Сергей (Сережа; Сережка) — курсант, межпланетник. *П; ЧПП*
Загорелый парень — «Носорог». *ХВВ*
Зайцев (Феденька) — директор системы Сатурна. *С*
Зайченко (Зайчик) — начальник радиомаяка. *СБТ*
Захар Купидоныч — литератор. *ХС*
Захаров — сотрудник Малянова. *ДЗ*
Заядлый П. П. — житель Тъмускорпиони. *СОТ*
Званцев Николай Евгеньевич — океанолог. *П*
Згут — инспектор полиции. *ОУПА*
Здоровенный «дикобраз» — солдат. *ПИП*
Зеленоглазый парнишка. *ДР*
Зеленый — подпольщик. *ОО*
Зенай Пек (Буба) — бывший космолетчик. *ХВВ*
Зеф Аллу — ученый-психиатр, профессор, каторжник, подпольщик.
ЖВМ; ОО
Зефир — астроном, профессор. *ВНМ*
Зигмунд — сотрудник ООН. *ХВВ*
Зина — сотрудница Новосибирского Института. *П*
Зинаида Филипповна — секретарь приемной комиссии. *ХС*
Златопольских Полина — литератор. *ХС*
Змей Горыныч, дракон. *ПНВС*
Зогга — житель Гиганды. *ЖВМ*
Зогу — штаб-врач Боевой Гвардии. *ОО*
Зойза — рядовой Боевой Гвардии. *ОО*
Зоя (Зойка) — выпускница Ташлинского лицея. *ОЗ*
Зоя (Зюечка) — секретарша. *С*
Зоя — бабка. *СОТ*
Зоя (Зюечка) — жена Курдюкова. *ПЛЭ*
Зуб — один из Неизвестных Отцов. *ОО*
Зубо — комендант города Тъмускорпиони. *СОТ*
Зурзмансор Павел — социолог, мокрец. *ХС*
Зыков Игорь Петрович (Зыкин; тонтон-макут) — следователь. *ЗМЛДКС*

Иаков Старший — апостол, брат Иоанна Богослова. *ОЗ*
Ибн-Куттаба — странствующий поэт. *ОЗ*
Иван Иванович — физик. *ЗЭ*
Иван Иваныч. *ПОДИН*
Иваненко — исследователь. *П*
Иванов — помощник Сикорски. *ЖВМ*
Иванова Зойка — лаборантка станции на Амальтее. *ПНА*
Идоя — жена бригадира Боевой Гвардии. *ОО*
Иисус Христос — см. Демиург.
Икрима ибн-Абу-Джахль — арабский полководец. *ОЗ*
Илина — знакомая Римайсра. *ХВВ*

Ильмаринен — см. Демиург.
Император — клоп. *СОТ*
«Интели»: длинный, пьяный, приземистый (трое). *ХВВ*
Инсургенты: в берете, в очках, офицер (трое). *ВНМ*
Иоанн Богослов — см. Прудков.
Иоанн Креститель. *ОЗ*
Иоханаан — см. Прудков.
Ираида — писательница. *ХС*
Иракий Самсонович — повар. *ОЗ*
Иришка — выпускница Ташлинского лицея. *ОЗ*
Ирма — дочь Нурланна. *Т*
Ирма — дочь Банева. *ХС*
Ирма Кукиш — деревенский дурачок. *ТББ*
Исида, капитан — японский офицер. *ЧИП*
Исикава — астроном. *ОЗ*
Иуда Искариот (дрисливый гусенок). *ОЗ*
Ифигения — знакомая Аполлона в юности. *ВНМ*
Иядрудан — мальчик-инопланетянин. *ЖВМ*

Каан — палеонтолог, дядя Гаалов. *ОО*
Кабани — изобретатель в Арканаре. *ТББ*
Каван Эйкити — аспирант-филолог. *ЧИП*
Кадайра (Из рода вихрей) — стражник на Сауле. *ПКБ*
Кадар Шейла (Шейлочка) — языковед. *П*
Казаряны — знакомые семьи Глумовых. *ВГВ*
Каин — бригадир данайд. *ПНВС*
Каифа (правильно — Каиафа). *ОЗ*
Кайса — служанка. *ОУПА; ОУПА-с*
Какаду — профессор, работник Управления. *УНС*
Калаид — ветеринар. *ВНМ*
Калаген — сталкер. *ПНО*
Калу-Мошенник — бывший подпольщик, функционер Департамента пропаганды. *ОО*
Калханд (правильно — Калхант). *ВНМ*
Калям (Калямужка) — кот Маляновых. *ЗМЛДКС*
Камилл — ученый, один из Чертовой Дюжины. *ВГВ; ДР*
Каминска Фаина — ксенолог. *ПИП*
Камински Тэд — геолог. *ГО*
Каммерер Максим (Белый Ферзь; Биг-Баг; Мак; Мак Сим) — работник ГСП, затем Прогрессор, начальник отдела КОМКОНа-2. *ВГВ; ЖВМ; М; ОО*
Камноедов Модест Матвеевич — заместитель директора НИИЧАВО по АХЧ. *ПНВС; ПНВС-с; СОТ*
Кан Тодор (Железный Кан) — начальник Штурманского факультета ВШК. *П; ПНА*
Кангрэн — директор станции на Амальтее. *ПНА*
Кандид (Молчун) — сотрудник Управления. *УНС*
Канэко — план-энергетик, начальник Службы индивидуальной безопасности Радуги. *ДР; ПКБ*
Капитан с длинным лицом — штурмовик. *ТББ*
Капитан охраны лепрозория. *ХС*
Кап-Капыч — литератор. *ХС*
Капустин Е. — член группы Следопытов. *ВГВ*
Карибанов — ксеносоциолог. *ВГВ*
Каримов Джамил — член группы «Апида». *И*
Карлик Цмыга — сталкер. *ПНО*
Карпенко — профессор, открыватель биоблокады. *П*

Карпов — автор работ по биологическому кодированию. *П*
 Картрайт — лондонский корреспондент Комова. *М*
 Каска — барон. *ТББ*
 Каспаро Валерий Константинович (Валерио; Великий Каспаро) — ученый-биолог. *П*
 Кассир — сотрудник Управления. *УНС*
 Катенька — знакомая Кочина. *П*
 Като, барон — японский офицер. *ЧИП*
 Каттерфилд Джеймс (Мясник) — врач. *ПНО*
 Катька — дочь Ф. Сорокина. *ХС*
 Катя — студентка ВШК. *П*
 Катя — студентка, первая любовь Ф. Сорокина. *ХС*
 Катя — лаборантка. *ШС*
 Кацман Иосиф Михайлович (Изя; Иська) — мусорщик, затем статистик, советник. *ГО*
 Кашей (Кошей) Бессмертный. *ПНВС*
 Квадрига Рем — живописец. *ХС*
 Квентин — сотрудник Управления. *УНС*
 Квиппа — космолетчик. *П*
 Квотерблад — капитан полиции. *ПНО*
 Келлог — капитан космического корабля. *П*
 Кёниг Петер — кибернетист-космолетчик. *П*
 Кетчер Дуглас — геолог. *ГО*
 Кетшеф Гэл — зубной врач, подпольщик. *ОО*
 Кехада Д. — геодезист, администратор. *ГО*
 Киврин Федор Симеонович — заведующий отделом в НИИЧАВО. *ПНВС; ПНВС-с; СОТ*
 Кикин Андрей — сотрудник КОМКОНа-2. *ВГВ; ЖВМ*
 Кикус (Хромач) — кузнец. *ТББ*
 Ким — начальник группы в Управлении. *УНС*
 Кин, отец — прокуратор Патриотической школы. *ТББ*
 Кира — возлюбленная Руматы. *ТББ*
 Кирилл — выпускник Ташлинского лицея. *ОЗ*
 Кирсанов Александр — сын С. А. и З. С. Кирсановых. *ЖГП*
 Кирсанов Сергей — сын С. А. и З. С. Кирсановых. *ЖГП*
 Кирсанов Станислав Александрович. *ЖГП*
 Кирсанова Зоя Сергеевна — жена С. А. Кирсанова. *ЖГП*
 Китакура — коллега Комова. *М*
 Киун — беглец из Арканара, писатель. *ТББ*
 Киун — алхимик, родственник писателя. *ТББ*
 Клавдий — сотрудник Каммерера. *ЖВМ*
 Клавочка — почтальон. *ХС*
 Клара — бывшая жена Ф. Сорокина. *ХС*
 Клетчатый (Ротмистр) — один из Бессмертных. *ПЛЭ*
 Клещ — Бойцовый Кот. *ПИП*
 Клоп Говорун (Говорящий Клоп). *СОТ*
 Ковалев — сержант милиции. *ПНВС*
 Ковальский Стась — фермер. *ГО*
 Козлов Валя (Козел) — сотрудник станции на Амальтее. *ПНА*
 Колдун — духовный вождь колонии мутантов. *ВГВ; ОО*
 Колдуэлл — капитан третьего ранга. *ЧИП*
 Колесников — подполковник, врач. *И*
 Колесниченко Семен — писатель. *ХС*
 Колпаков Петр Петрович — секретарь Демиурга. *ОЗ*
 Колченог — житель Леса. *УНС*
 Коля — шофер. *И*
 Комацувара — великий кибернетик. *П*

Комендант гостиницы. УНС
 Комлин Андрей Андреевич — начальник лаборатории. ШС
 Комов Геннадий Юрьевич (Гена; Генечка; Генка; Геночка; Капитан) — школьник, затем Прогрессор, член Всемирного Совета, председатель КОМКОНа-1, врио Президента сектора «Урал — Север» КОМКОНа-2, председатель Комиссии КОМКОНа-1 ВГВ; ЖВМ; М
 Комовский — организатор студии живописи. ВГВ
 Кон — бармен. ХВВ
 Конг — космонавт. ЧПП
 Кондор, дон — см. Александр Васильевич.
 Кондратьев Сергей Иванович (Сереза, Серезка) — курсант, штурман планетолета «Таймыр», работник Океанской охраны. П
 Кондратьева Акико (Акико-сан) — океанолог, жена Кондратьева. П
 Конрад — рабочий на Бамберге. С
 Константин Павлович — классный руководитель Андрея Т. ПОДИН
 Константинов Константин Константинович (Костя; Пришелец) — инопланетянин. СОТ
 Кончар (Прыщ) — нечисть. СОТ
 Конь Кобылыч (Комментатор) — сосед Андрея Т. ПОДИН
 Копылов Валентин (Валя) — курсант ВШК. П
 Кора — подопытный павиан. ШС
 Корибант — заместитель редактора окружной газеты. ВММ
 Коридорный смотритель Веселой башни. ТББ
 Кормилицын Василий — школьник. СОТ
 Корн — капрал. ЧИП
 Корнеев Виктор Павлович (Витька) — сотрудник НИИЧАВО. ПНВС; ПНВС-с; СОТ
 Корней — см. Яшмаа.
 Королев Николай Петрович (Хозяин). СР
 Корсаков — организатор студии живописи. ВГВ
 Корф — капитан космического корабля. С
 Костенецкий Кир (Кирюха) — школьник. ВГВ
 Костенко — новый сотрудник. СР
 Костоплюев А. А. — комендант гостиницы-общежития. ОЗ
 Костылин Александр Григорьевич (Костыль; Лин; Саша; Сашка) — школьник, затем космозоолог. П
 Костя — руководитель лаборатории на Эйномии. С
 Котт — гекатонхейр. ПНВС
 Кох — референт Умника. ОО
 Кочин Джордж (Джорджи-бой) — лаборант. П
 Кошельков Витя — скетчист. ХС
 Кравец Анатолий (Толя) — астрофизик на Дионе. С
 Крайс Джонатан — художник. ХВВ
 Красивая пышная женщина. ХВВ
 Краснов Иван — профессор Новосибирского Института. П
 Красноглазый Юноша. ПОДИН
 Краснодевко С. Т. — житель Тъмускорпиони. СОТ
 Краухин Николай Захарович — заместитель председателя ГКМПС. С; СБТ
 Крейцер — исследователь Марса. С
 Крейцер Рудольф — космобиолог. П
 Креон Мальтийский (Мальтиец) — сталкер. ПНО
 Кривошапкин В. — заведующий отделом мэрии Ташлинска. ОЗ
 Кривцов Сева — учащийся Ташлинского лицея. ОЗ
 Криницкий — педагог. ХВВ
 Кроманов Михаил Тарасович (Михайла) — майор, начальник милиции Ташлинска. ОЗ

Кронид — архивариус. *ВНМ*
 Круглис — начальник биостанции. *ЗЭ*
 Круглов Сережка — сотрудник Новосибирского Института. *П*
 Крукс — охотник. *П*
 Крутиков Михаил Антонович (Миша; Мишенька) — штурман-космонавт.
ПНА; С; СБТ
 Крутикова Зоя — жена Крутикова. *СБТ*
 Крутойский Слава (Славка) — литератор, приятель Ф. Сорокина.
ХС
 Крыленко Анатолий Сергеевич — зоотехник. *ВГВ*
 Крысолов — главарь банды. *ОО*
 Крэску Ромуальд — врач школы Прогрессоров. *ЖВМ*
 Крюгер — специалист по негуманоидному разуму. *М*
 Крючок — уголовник. *ОО*
 Ксан Ксаных — знакомый Володи. *ВНИВ*
 Куботиева Альбина Милановна (Альбина Великая) — балерина. *ВГВ*
 Кудинов Константин Ильич (Костя) — поэт, сосед Ф. Сорокина. *ХС*
 Кудинова — жена Кудинова. *ХС*
 Кудряшов Александр (Саня) — поэт. *ЧПП*
 Кузнец — подпольщик. *ОО*
 Кузнец — см. Демиург.
 Кузнецов — майор. *И*
 Кузнецов Вася — однокурсник Ф. Сорокина. *ХС*
 Кузьма (Васка; Кузь; Кузька) — птеродактиль. *СОТ*
 Кузьмин — следопыт на Марсе. *С*
 Кулак — житель Леса. *УНС*
 Кунанбаев Чокан — бортинженер «Хиуса». *СБТ*
 Купер Дональд (Дон) — профессор социологии, мусорщик. *ГО*
 Кура — агент Странника. *ОО*
 Курдюков Константин Ильич (Басаврюк) — поэт, сосед Снегирева,
 один из Бессмертных. *ПЛЭ*
 Куренок Цапфа — сталкер. *ПНО*
 Кутузов Борька — одноклассник Ф. Сорокина. *ХС*
 Кэу, дон. *ТББ*

Лаборант Харьковского филиала ИМИ — агент Каммерера. *ВГВ*
 Лазаревич — ученый-медик. *ВГВ*
 Ламондуа Этьен — видный физик. *ДР; ЖВМ*
 Лаомедонт — поставщик наркотиков. *ВНМ*
 Лаптев Борис (Боря) — сотрудник КОМКОНа-1. *ВГВ*
 Ларсен Ларри — межпланетник. *ЧПП*
 Ласко Эдна — кроманьонка. *ЖВМ*
 Лева — инженер космической базы. *М*
 Левант — персонаж телесериала. *ХВВ*
 Леер Фернан — один из «Рип Ван Винклей». *ВГВ*
 Леканова Ядвига Михайловна — врач-педиатр, ксенолог, этнолог. *ЖВМ*
 Лекруа — исследователь Урана. *С*
 Лель — сенбернар. *ОУПА; ОУПА-с*
 Леман Иосиф Петрович — директор Центрального института мозга. *ШС*
 Леминг — ученый-электродинамик. *ЗЭ*
 Лемхен — начальник Нунана. *ПНО*
 Лена (Леночка) — лаборантка. *ШС*
 Леонид — сотрудник Новосибирского Института. *П*
 Леонтьев — старший врач. *СБТ*
 Лепелье Артур — межпланетник. *ЧПП*
 Лепту — рядовой Боевой Гвардии. *ОО*
 Лесник — подпольщик. *ОО*

Леша (Лешка). П
 Ли Дэни — журналист, инсургент. ГО
 Ливанов — главный ареолог на Марсе. С
 Ливер Джек — бандит. ГО
 Ливингтон Сэмюэль (Сэм) — инженер на Бамберге. С
 Лида — знакомая Гнедых. П
 Лидин — бортиженер космолета. ЧП
 Лидия Николаевна — дежурный администратор Клуба. ХС
 Лиза — дочь Снегирева. ПЛЭ
 Лизавета (Лизка) — плезиозавр. СОТ
 Лизочка — секретарь директора. С
 Линдон-Коротышка — сталкер. ПНО
 Линько — персонаж Ф. Сорокина. ХС
 Лихо Одноглазое — нечисть. СОТ
 Ллойд Роберт — профессор, космолетчик. СБТ
 Ловкач — один из Неизвестных Отцов. ОО
 Логовенко Даниил Александрович (Даня) — доктор психологии из
 Института метапсихических исследований. ВГВ
 Лозовская Мария Ивановна (Машенька) — жена Лозовского. И
 Лозовский Борис Янович — начальник археологической группы «Апи-
 да». И
 Лола — бывшая жена Филиппа. МЖ
 Лола — бывшая жена Банева. ХС
 Ломба Августос (папа Ломба) — директор КРИ. П
 Лора — бывшая жена Нурланна. Т
 Лоффенфельд Курт (Тристан) — врач Абалкина. ЖВМ
 Лу Ши-эр — капитан звездолета. СБТ
 Луарвик Л. Луарвик — инопланетянин. ОУПА; ОУПА-с
 Лука, преподобный — работник Управления. УНС
 Лукьян Любомудрович — литератор. ХС
 Луммер — сержант отдела безопасности. ПНО
 Лучезарное колесо в золотых мехах... — крупный феодал на Сауле. ПКБ
 Любитель — один из Неизвестных Отцов. ОО
 Любовники Норы (двое) — персонажи рассказа Банева. ХС
 Люденов Павел — первый люден. ВГВ
 Лютников Андрей Максимович — инструктор горно Ташлинска. ОЗ
 Лю Фын-чен — ученый-физик. ДР
 Лягва Одихмантьевич — разбойник. СОТ
 Лядова Зося — художница, жена Панкратова, жительница поселка
 Малая Пеша. ВГВ
 Лямин Александр Филиппович — директор системы Теплый Сырт на
 Марсе. С
 Ляхов Василий Семенович (Вася) — пилот «Хиуса», начальник Первой
 Межзвездной экспедиции. П; ПНА; СБТ

Мадам — управительница заведения «Пять минут». ПНО
 Майкл — радист на Бамберге. С
 Майков — начальник ракетодрома Мирза-Чарле. С
 Майлз Джонатан (Кактус) — сталкер. ПНО
 Малеев — милиционер. СР
 Мак-Кonti — ридер. П
 Маки — полковник, родственник Убуката. ГО
 Макно Алоиз — агент Бюро эмиграции. ПНО
 Максим, Мак Сим — см. Каммерер.
 Маленькая девушка. ДР
 Маленький Человечек — маг. ПНВС
 Малинин — следопыт на Марсе. С

Малумян — сотрудник базы на Марсе. *С*
 Малыш — см. Семенов Пьер Александрович.
 Малыш — подпольщик. *ОО*
 Малышев — капитан. *ПКБ*
 Малышев — космобиолог. *ЧП*
 Малышев Мишка — курсант. *П*
 Мальчик — сын Губаря. *ЗМЛДКС*
 Мальчик в аэробусе. *ДР*
 Мальчик-вундеркинд — персонаж Ф. Сорокина. *ХС*
 Мальчик с библейскими глазами — гимназист. *ХС*
 Маляев Федор Анатольевич — видный физик. *ДР*
 Малянов Дмитрий Алексеевич (Димочка; Митька; Митя) — астроном.
ДЗ; ЗМЛДКС
 Малянов Бобка — сын И. Е. и Д. А. Маляновых. *ЗМЛДКС*
 Малянова Ирина Ермолаевна (Ира; Ирка; Иришка) — жена
 Малянова. *ЗМЛДКС*
 Мамедов — курсант. *П*
 Мандель Лазарь Григорьевич — врач-хирург. *П*
 Манохин Сергей Корнеевич (Корнеич; Серега; Сережа) — астроном,
 доктор ф.-м. наук, управляющий делами Демиурга. *ОЗ*
 Манукян Каспар. *М*
 Маня — продащица. *ПНВС*
 Маран Ф. — хозяин мастерской бытовых приборов. *ВГВ*
 Мария — руководитель службы безопасности ООН. *ХВВ*
 Марков Олег Петрович. *ПЛНПП*
 Марсий — магистр сельскохозяйственных наук. *ВНМ*
 Марта (возможно, Горячева) — ксенолог на Саракше. *ЖВМ*
 Марта — правнучка Костылина. *П*
 Марта — жительница Страны Дураков. *ХВВ*
 Мартинелли — шеф следственной части. *ГО*
 Мартинсон Иван Давыдович — сотрудник Института. *ХС*
 Мартынюк Иван Давыдович (Магистр) — председатель месткома, один
 из Бессмертных. *ПЛЭ*
 Мартышка — дочь Виктора. *МЖ*
 Мартышка — дочь Р. Шухарта. *ПНО*
 Марфа Посадница (Сцинтя) — бабочка. *ВГВ*
 Марья Трофимовна (Мария) — вахтер в Клубе. *ХС*
 Маслама Йемамский (Мусейлима) — религиозный и военный вождь ара-
 вийских арабов, начало VII века. *ОЗ*
 Мастер-парикмахер. — см. Галозй.
 Математик на грузовике — сотрудник Управления. *УНС*
 Матти — астроном на Марсе. *С*
 Мать Хабиба. *ОЗ*
 Мать Андрея Яшмаа. *ПНП*
 Мать Навы — одна из Славных Подруг. *УНС*
 Махов Петр Федорович — начальник спутника Венеры. *СБТ*
 Маша (Машенька; Машка) — дочь Станислава Ивановича. *П*
 Машкин Эдельвейс Захарович — маньяк. *СОТ*
 Мбога (Тора-Охотник) — зоопсихолог, член КОМКОНа, член Комитета
 по охране животного мира иных планет. *М; П*
 Мебиус Асмодей-Матвей — директор филиала Всемирного института
 космической психопатологии. *ВГВ*
 Мегу (Бегемот) — профессор, работник телевидения. *ОО*
 Межпланетник с изуродованным лицом. *ЧПП*
 Мейер — инженер на Бамберге. *С*
 Менеджер — заведующий гаражом. *УНС*
 Мерлин — маг. *ПНВС*

Мертвяки — биороботы Славных Подруг. УНС
Мефодий Кирилыч (Гнойный Прыщ) — литератор. ХС
Механик «Мальчика». СБТ
«Меценат» в маске. ХВВ
«Меценат», человек с пластырем — городской казначей. ХВ
«Меценаты» в черных костюмах (двое). ХВВ
Милиционер в пальтишке. ГО
Микава — сотрудник КОМКОНа. М
Микава Н. — социолог, профессор. ОЗ
Микими Сабуро — межпланетник. ЧПП
Микич — ксеносоциолог. ВГВ
Микель — гимназист, сын Хансена. Т
Милованович — начальник экспедиции. МЖ
Министр двора. ТББ
Минотавр — золотарь. ВНМ
Миц Вальтер — писатель. ХВВ
Мироза — персонаж телесериала. ХВВ
Мирон Михайлович — по-видимому, редактор. ХС
Мионов — писатель. П
Миртил — хозяин бензоколонки. ВНМ
Мисима — командир испытательной группы. П
Михаил Афанасьевич (Миша; Мишель) — сотрудник Института лингвистических исследований. ХС
Михайлов Толя — оператор Новосибирского Института. П
Миша (Мишок) — изобретатель велосипеда. ПНВС
Мишель (Майкл; Мигель де Сааведра; Микаэль; Михей; Мишка; Мойша) — выпускник Ташлинского лицея. ОЗ
Мозес Альберт (Вельзевул) — инопланетянин. ОУПА; ОУПА-с
Мозес Ольга (Мозесиха) — робот, представляющийся женой Мозеса. ОУПА; ОУПА-с
Мокрец на грузовике. ХС
Мокрец на дороге. ХС
Мокрецы (очкарики) — ученые, больные генетической болезнью. ХС
Моллар Шарль — ученый-радиооптик. ПНА
Молодой человек в очках и с портфелем — агент военной контрразведки. ХС
Молодые люди в узких пальто — агенты марсиан. ВНМ
Молчаливый Барс — телохранитель Раххала. ОЗ
Морган Гэмфри — следопыт на Марсе. П
Моримо — см. Демиург.
Морозова Зая — инспектор КОМКОНа-2. ВГВ
Морфей — парикмахер и массажист. ВНМ
Москаленковы — знакомые Пал Палыча. ПЛНПП
Москвичев Иван (Иоанн) — преобразователь Венеры. П
Мослатый Исхак — сталкер. ПНО
Мтбевари Сандро — инспектор КОМКОНа-2. ВГВ; ЖВМ
Муга — слуга Руматы. ТББ
Муджа ибн-Мурара — ученик Масламы, шериф, Йемамский наместник. ОЗ
Мужик в телогрейке. ОЗ
Микуру — см. Демиург.
Мулунгу — см. Демиург.
Мурзила — кот Андрея Т. ПОДИН
Муркот — кот. ПЛНПП
Мусаи Раше — рабочий. ОО
Муссолини — шестнадцатилетний дебил. Т
Мухакким — командир гвардейского полка Масламы. ОЗ

- Мухаммед (Пророк) — основатель ислама. *ОЗ*
 Мыбра — жительница Полосы. *ГО*
 Мытарин Игорь Всеволодович (Вася Козлов; Ига; Игорь К. Мытарин; Князь) — выпускник Ташлинского лицея. *ОЗ*
 Мэйлинь — жена Вана Лихуна. *ГО*
 Мюллер Лонг — автор «Эпоса голованов». *ЖВМ*
- Нава — жительница Леса. *УНС*
 Нагель Сельма — жительница Города, затем жена А. Воронина. *ГО*
 Наголо стриженная — фловер. *ОЗ*
 Нагон-Гиг — маршал на Гиганде. *ЖВМ; ПИП*
 Назаретянин — см. Демидург.
 Найсморг — фотограф в Тьмускорпиони. *СОТ*
 Накамура — сотрудник базы на Марсе. *С*
 Нанин, отец — бродячий философ. *ТББ*
 Нант Росшепер — член парламента. *ХС*
 Наскова Ружена (Руженка) — артистка. *ЧПП*
 Наставники — устроители Эксперимента. *ГО*
 Наталья Петровна (Наташенька, Наташка, Наточка) — заведующая курсами, одна из Бессмертных. *ПЛЭ*
 Наташа (Наташенька; Наташка) — начальник группы астрономов на Марсе. *С*
 Наташка — ученица Аньюдинской школы. *П*
 Наумов Гирш Наумович (Жора) — писатель, приятель Ф. Сорокина. *ХС*
- Нахар ибн-Унфува — см. Прудков.
 Начальник телецентра. *ОЗ*
 Нгуэн Фу Дат — курсант ВШК. *П*
 Начальник Северного ракетодома. *ЧПП*
 Начфин стройбата. *ОЗ*
 Неверов Базиль — аварийщик. *ВГВ*
 Неверовская Люся — одноклассница Ф. Сорокина. *ХС*
 Невструев Полуэкт Хрисанфович — помещик, отец Я. П. Невструева. *ПНВС*
 Невструев Янус Полуэктович (А-Янус; У-Янус) — директор НИИЧАВО. *ПНВС*
- Негр со шваброй — агент. *ПНО*
 Незнакомец (гигантская флюктуация). *С*
 Незвестный из группы Инженерного проникновения — сотрудник Управления. *УНС*
 Неизвестные Отцы — анонимные правители страны на планете Саракш. Делятся на две группы. Первая — главари; ее члены имеют «семейные» клички: Папа, Деверь, Свекор, Тесть, Шурин. Вторая — «специалисты»; клички: Дергунчик, Зуб и т. п. *ОО*
 Немой, впоследствии Наставник. *ГО*
 Неунвай-Дубино Перун Маркович — престарелый колдун, сотрудник НИИЧАВО. *ПНВС*
- Никитин — профессор, глава Сталинабадской комиссии. *И*
 Никольский — астрофизик, сотрудник станции на Амальтее. *ПНА*
 Никострат — секретарь канцелярии мэрии. *ВНМ*
 Нильсон Томас — кроманьонец, смотритель заповедника. *ЖВМ*
 Нинон (головастая Нинон) — оператор. *М*
 Ничепоренко — ученый. *ДР*
 Нового Петр Алексеевич — врач на Марсе. *П*
 Новосмехова Лилечка — сотрудница НИИЧАВО. *ПНВС*
 Нолу (Рыба) — сотрудница телецентра. *ОО*
 Нора (королева клопов) — персонаж рассказа Банева. *ХС*

Норман Стефан (Очкарик) — сталкер. *ПНО*
Нортон — исследователь на Марсе. *С*
Нос-Носыч — журналист. *ХС*
Носов Георгий Анатольевич (Г. А.; Жора; Учитель) — директор Ташлинского лицея. *ОЗ*
Нунан Герберт Ричард (Дик) — агент службы безопасности. *ПНО*
Нуль-перелетчики — испытатели сверхновых космолетов. *ДР*
Нурланн — метеоролог и атмосферный физик, профессор. *Т*
Нуси — глава фловеров, сын Носова. *ОЗ*

Обида-Мученик — житель Леса. *УНС*
Обозов Толя — космический пилот. *П*
Огнемечик на Марсе. *С*
Один Саваоф Баалович — заведующий отделом НИИЧАВО. *ПНВС*
Одихмантьев — лаборант в НИИЧАВО. *ПНВС*
Одноглазый Лис — шеф разведки на Гиганде. *ПИП*
Одноглазый секретарь. *СБТ*
Оду — генерал. *ОО*
Ойра-Ойра Роман (Горбоносый) — маг, завотделом. *ПНВС*
Окада (Большой Окада) — океанолог. *П*
Окана, дона — фрейлина. *ТББ*
Окигбо Сиприан — один из «Рип Ван Винклей». *ВГВ*
Окубо — профессор. *ЧИП*
Омар ибн ал-Хаттаб — халиф, сподвижник Мухаммеда. *ОЗ*
Онучкина — работница канцелярии. *ПНВС*
Опанасенко Федор Александрович — начальник группы следопытов на Марсе. *П; С*
Опасный — см. Прудков.
Оператор хлебозавода — соседка Кондратьева. *П*
Опир — доктор философии. *ХВВ*
Орешин Олег — поэт-баснописец. *ХС*
Орешник — мутант. *ОО*
Орловский Стефан (Капада) — резидент землян. *ТББ*
Осанистая женщина с прической. *ХВВ*
Осима — полковник японской армии. *ГО*
Осиновский Яков — капитан «Геркулеса». *ПКБ*
Особа в шляпе. *ОЗ*
Остин — лаборант Хармонтского филиала МИВК. *ПНО*
Островский — персонаж Ф. Сорокина. *ХС*
Отец Мишеля. *ОЗ*
Отец Киры — писарь. *ТББ*
Отшельниченко, сэр — пасечник. *ПНВС*
Официант, он же механик гаража. *УНС*
Охранник на биостанции. *УНС*
Очкарик — один из Неизвестных Отцов. *ОО*
Очкастый интеллигент — биолог. *ГО*

Павел (бородатый) — сотрудник обсерватории «Эйномия». *С*
Павел (дон Гуг; Паша; Пашенька; Пашка) — школьник, затем резидент землян в Ирукане. *ТББ*
Павел Павлович (Князь) — метрдотель, один из Бессмертных. *ПЛЭ*
Пагава Шота Петрович — сотрудник обсерватории «Эйномия», ведущий ученый на Радуге. *ДР; С*
Пак — социолог, эмигрант из Города. *ГО*
Пак Хин — ученый, по-видимому, ксенолог. *ВГВ; ЖВМ*
Пакка — монах. *ТББ*
Пал Палыч — лесник. *ПЛПП*

Палей Татьяна (Танечка; Танька; Танюша; Таня) — инженер-археолог.

П

Пампа дон Бау-но-Суруга-но-Гатта-но-Арканара — барон. *ТББ*

Пандарей (Пан; Пандор) — старший полицейский. *ВНМ*

Панди — рядовой Боевой Гвардии. *ОО*

Панин Борис (Борька; Боря) — школьник, затем курсант. *П*

Панкратов Олег Олегович — лектор, бывший астроархеолог. *ВГВ*

Панов Кирилл — физик. *ПНО*

Панцерманов — житель села Бубново. *СОТ*

Папа — один из Неизвестных Отцов. *ОО*

Паприкаки — газетный цензор. *ГО*

Парал (желчный Парал). *ВНМ*

Парасюхин Марк Маркович (Марек; Сючка) — секретарь Демниурга.

ОЗ

Парень в пестрых плавках — флювер. *ОЗ*

Парни, телохранители гаттауха (двое). *ЖВМ*

Парни на спутнике Владиславы (двое). *П*

Парнишка, шофер фургона. *ХС*

Паркер — адъютант Гейгера. *ГО*

Паркала Жан — биотехник Гибсонского заповедника. *П*

Патрик — физик. *ДР*

Пашка — выпускник Ташлинского лицея. *ОЗ*

Пашковский — создатель биоакваски. *ВГВ*

Пелбридж Оскар — сотрудник ООН. *ХВВ*

Пегов — преобразователь Венеры. *П*

Пеклеванный Шура — писатель, знакомый Ф. Сорокина. *ХС*

Пенсионер в шляпе. *ОЗ*

Пеньков Володя — астроном на Марсе. *С*

Первый — очевидно, 1-й секретарь горкома в Ташлинске. *ОЗ*

Перейра Ионафан — свеник. *ЖВМ*

Перец (Перчик) — внештатный сотрудник, затем Директор Управления.

УНС

Перифант — фермер. *ВНМ*

Пермяк — главный моторист экспедиции. *ГО*

Персефона (мадам Персефона) — содержательница публичного дома.

ВНМ

Перышкин Константин Петрович — майор. *И*

Перышкина — жена Перышкина. *И*

Петерс — ученый. *М*

Пети — таможенник. *ХВВ*

Петр — апостол. *ОЗ*

Петр Петрович — пришелец из будущего. *П*

Петренко — водитель. *И*

Петров Валентин (Валька; Валя) — курсант, затем начальник звездной экспедиции. *П; ЧПП*

Петрова — потомок Петрова. *ЧПП*

Петровский — следопыт на Марсе. *С*

Петросян Ашот — космический капитан. *СБТ*

Петроцу Иза — фельдмаршал в отставке. *ОО*

Петрушевский Сергей (Сережа) — исследователь Юпитера. *ПНА*

Петька — внук Ф. Сорокина. *ХС*

Пига — разбойник. *ТББ*

Пикбридж Джина — старший биолог Радуги. *ДР*

Пильман Валентин — лауреат Нобелевской премии, консультант КОПРОПО. *ПНО*

Пини — персонаж телесериала. *ХВВ*

Пинский Александр Рувимович — друг Кирсановых. *ЖГП*

Пискунов — инженер-программист. *СР*
 Пит Болячка — сталкер. *ПНО*
 Питер — официант. *ХС*
 Питерс — ридер. *П*
 Питерс Гарри — сын Питерса. *П*
 Питерс Теодор У. — мастер-электрик. *ГО*
 Питомник Б. — журналист. *ПНВС*
 Пифа, дон. *ТББ*
 Пифа, дона — жена дона Пифы. *ТББ*
 Пиц Шестой — король Арканара. *ТББ*
 Пишта Станислав — заведующий детской колонией. *ДР*
 Пиявка — мутант. *ОО*
 Платун — клоп-утопист. *СОТ*
 Плешаки, братья — жители Леса. *УНС*
 Плевый мутант. *ОО*
 Плиний Старший. *ОЗ*
 Плотник — см. Демиург.
 Плюгавый мужчина — посыльный. *ЗМЛДКС*
 Плюхин К. П. — ветеран, почетный наставник, заслуженный рабочий
 РСФСР. *ОЗ*
 Погибший Альпинист. *ОУПА; ОУПА-с*
 Податель письма Горбовскому. *ДР*
 Поджарая девчонка в баре. *ХВВ*
 Полесов Петр Владимирович — водитель. *ЗЭ*
 Поликарп — лейтенант торгового флота, сын Полифема. *ВНМ*
 Полифем (Одноногий) — отставной унтер-офицер, мастер по пишущим
 машинкам. *ВНМ*
 Полицейские (первый, второй). *С*
 Полицейский (второй полицейский). *ХС*
 Полицейский-мотоциклист. *ГО*
 Полицмейстер. *ХС*
 Полковник лейб-гусар. *ХС*
 Поллак Джордж Аллан — бортинженер. *П*
 Полуянов Александр Платонович — главный инженер СМУ. *ДЗ*
 Помощник диспетчера. *П*
 Пономарева Лида (Лидка; Лидочка) — школьная подруга Малайновой.
ДЗ; ЗМЛДКС
 Пономарева Милка — одноклассница Андрея Т. *ПОДИН*
 Пилат — прокуратор Иудеи. *ОЗ*
 Попов Стась (Стасик; Странник) — кибер-техник. *М*
 Попшу Киви — вор-рецидивист. *ОО*
 Поррумоварруи — профессор. *ОО*
 Порта Людвиг — зоолог, межпланетник. *ЧПП*
 Постышева Александра (Аля) — физик. *ДР*
 Потапенко — сотрудник фермы «Волга-Единорог». *П*
 Потапов (Вадимчик; Вадька) — сотрудник станции на Амальтее. *ПНА*
 Потный малек — курсант. *П*
 Потту Дэк (Генерал) — подпольщик. *ОО*
 Похищенный м о к р е ц. *ХС*
 Почкин Владимир (Володя, Бородатый) — сотрудник НИИЧАВО. *ПНВС*
 Почкин Эдик — сотрудник НИИЧАВО. *ПНВС-с*
 Почти голая девушка — флювер. *ОЗ*
 Правдюк Володя — одноклассник Ф. Сорокина. *ХС*
 Практикант-переводчик (Александр Б.). *ЖВМ*
 Председатель Мирового Совета по социальным проблемам. *ЖВМ*
 Председательствующий в грузовике. *УНС*
 Представитель от Выселок в Лесу. *УНС*

- Президент. *ХС*
 Презрительный бас — житель Города. *ГО*
 Привалов Александр Иванович (Саша; Сашенция; Сашенька; Сашка) — программист, заведующий вычислительной лабораторией НИИЧАВО. *ПНВС; ПНВС-с; СОТ*
 Прикахты — ссыльные на о. Патмос. *ОЗ*
 Принц Арканарский. *ТББ*
 Принц-герцог — бывший полковник медицинской службы, глава колонии мутантов. *ОО*
 Пристли Марта. *М*
 Притулатан — мальчик-инопланетянин. *ЖВМ*
 Пришельцы («пауки») — роботы инопланетян. *И*
 Прозоровский — физик. *ДР*
 Проконсул — сотрудник Управления. *УНС*
 Проницательный Г. — журналист. *ПНВС*
 Протос — врач. *П*
 Прохор (Прошка) — ученик и слуга Иоанна Богослова, автор Апокалипсиса. *ОЗ*
 Прудков Агасфер Лукич (Абу-Суммама; Боанергес; Иоанн Богослов; Иоханаан; Нахар ибн-Унфува; Опасный; Раджаль; Раххаль) — агент Госстраха, бессмертный соратник Демиурга. *ОЗ*
 Прыщавый парень в комбинезоне. *ГО*
 Прыщавый шофер. *ПНО*
 Прыщавый мальчик (оратор, нигилист) — гимназист. *ХС*
 Птах — см. Демиург.
 Птаха — соловецкий бомбардир-поручик. *СОТ*
 Пудель — сталкер. *ПНО*
 Пудураш — ротмистр Боевой Гвардии. *ОО*
 Пульп — клоп. *СОТ*
 Пупков-Задний Морис-Иоганн-Лаврентий (Морис Иоганнович; Иоганн Лаврентьевич) — заведующий отделом НИИЧАВО, магистр-академик. *ПНВС*
 Пучко Захар Иосифович — начальник ремонтных мастерских. *С*
 Пферд — влиятельный генерал. *ХС*
 Пэпин Славный — арканарский поэт. *ТББ*
 Пэт — слегач. *ХВВ*
 Рабби — см. Демиург.
 Равич Марина Сергеевна — ветеринарный врач. *ВГВ*
 Рагозинский — астроном. *ЗМЛДКС*
 Раджаль — см. Прудков.
 Ражба — сталкер. *ПНО*
 Районный судья в Риме. *ОЗ*
 Рассудительный человек с пакетом. *ДР*
 Раулингсон — ксенолог. *ЖВМ*
 Рафаил — обезьяна. *ПНВС*
 Рафаэль (Мосол Катюша) — фактотум Нунана. *ПНО*
 Рахман — см. Демиург.
 Раххаль — см. Прудков.
 Рашидов — геодезист, сотрудник канцелярии президента. *ГО*
 Редактор — хозяин дома в дачном поселке. *ВНИВ*
 Редькин Магнус Федорович — бакалавр черной магии в НИИЧАВО. *ПНВС*
 Резанов Рафка — однокурсник Ф. Сорокина по военному училищу. *ХС*
 Рейзман Рафка — знакомый Жилина. *ХВВ*
 Рекс — робот. *М*

Рексофоб — клоп. *СОТ*
Ренаду Ноле — домовладелец. *ОО*
Репнин Саул (Савел) Петрович — офицер Красной Армии, историк. *ПКБ*
Референт президента. *ХС*
Римайер (Рим) — сотрудник ООН. *ХВВ*
«Рип Ван Винкли» — люди, необъяснимо исчезавшие и возвращавшиеся через несколько лет. *ВГВ*
Рипат — лейтенант серой гвардии. *ТББ*
Рита (Риточка) — жена Квентина, сотрудница Управления. *УНС*
Рита — подруга Ф. Сорокина. *ХС*
Ричардсон — управляющий копиями на Бамберге. *С*
Робинзон — ученый. *П*
Рогожин — литератор. *ХС*
Роджер — скульптор. *ДР*
Родригос — сервомеханик. *ДР*
Розалия — жена Эрнеста, хозяйка трактира. *ПНО*
Розенблюм Карл (Пани-Па) — резидент земель. *ТББ*
Романюк Анатолий Сократович (Сократыч) — редактор журнала. *ПЛЭ*
Росляков Карл Гаврилович — директор Степной обсерватории. *ОЗ*
Рох (полицейский с недовольным лицом). *ХС*
Роц-Тусов — писатель, знакомый Банева. *ХС*
Рубинштейн — профессор, социальный психолог. *ХВВ*
Рудак Павел (Пауль; Поль) — заместитель директора Великого КРИ. *П*
Рудольф — лейтенант СС, персонаж сценария Ф. Сорокина. *ХС*
Рулье — картограф. *ГО*
Румата-Искатель. *ПКБ*
Румата, дон — см. Антон.
Румер Генрих — телохранитель Гейгера, затем младший следователь, советник. *ГО*
Румяный врач. *ПИП*
Румяный человек — советник муниципалитета. *ХВВ*
Румяный сатир — член парткома. *ХС*
Русаков Юра — ридер. *П*
Руэн (Старый Руэн). *ХВВ*
Рыбкин Феликс — следопыт на Марсе. *С*
Рыбников — инспектор Управления охраны труда. *ШС*
Рыжий человечек — возможно, инопланетянин. *ЗМЛДКС*
Рэба, дон — министр охраны короны, затем епископ Арканарский. *ТББ*
Рюг — друг Л. Туура. *ХВВ*
Рябкин — инженер. *СР*

Саари Эйно — саксофонист городского театра. *ГО*
Сабуро — знакомый Васэды. *П*
Савада — японский офицер. *ЧИП*
Сагана. *ПНВС*
Саджах из Джезиры (Месопотамская) — христианская пророчица и военачальница. *ОЗ*
Садовник — разумная машина в Управлении. *УНС*
Садовский Евгений — планетолог. *С*
Салиньи — руководитель лаборатории в Сорбонне. *ВГВ*
Салливен — начальник сектора канцелярии президента. *ГО*
Самый Любимый и Простой — правитель Города в прошлом. *ГО*
Сандерс — командир звездолета. *П*
Сантор Ян — замначальника ВШК. *ПНА*
Санька — водитель в Новосибирском Институте. *П*
Санька-Ежик — учащийся Ташлинского лицея. *ОЗ*
Сапукл — клоп-энциклопедист. *СОТ*

Сарагон — автор предисловия к «Перемене мечты». *ХВВ*
 Саронян Вальтер — школьник, затем стажер на «Искателе». *П*
 Сатарина Беспощадный, дон. *ТББ*
 Саша, дядя — сосед Антона. *ПКБ*
 Саша — сотрудник космической обсерватории. *С*
 Саша (Сашка) — сотрудник обсерватории «Эйномия». *С*
 Сашенька — официантка в Клубе. *ХС*
 Сашка — курсант ВШК. *П*
 Сашка — внук Ф. Сорокина. *ХС*
 Свентицкий Роберт — кинорежиссер. *ХВВ*
 Свекор — один из Неизвестных Отцов. *ОО*
 Свирский Виталий — астрофизик обсерватории на Дионе. *С*
 Сегал Женька — вакуум-сварщик. *С*
 Седловой Луи Иванович — сотрудник НИИЧАВО. *ПНВС*
 Секретарши 1 и 2 приемных. *УНС*
 Секретарь директора, архивариус. *С*
 Секретарь горкома. *СБТ*
 Селиван — легендарный лесопроходец. *УНС*
 Сельский врач из с. Бубнова. *СОТ*
 Семен — физик. *ДР*
 Семенов Александр Павлович (Шура; Шурик) — отец Малыша, звездолетчик. *М*
 Семенов Павел Александрович — дед Малыша. *М*
 Семенов Пьер Александрович (Малыш, Маугли). *М*
 Семенова Мария-Луиза (Мари) — мать Малыша. *М*
 Семиглазый — один из воров в Лесу. *УНС*
 Сент-Джеймс — полковник, командующий армией Города. *ГО*
 Сенько Сережка (Петух) — выпускник Ташлинского лицея. *ОЗ*
 Серафима Петровна — работник Ташлинского лицея. *ОЗ*
 Сергеев К. Н. — археолог групп «Апида». *И*
 Сергей Сергеевич — сосед Снегирева. *ПЛЭ*
 Сергей Федорович — директор специнтерната в Ташлинске. *ОЗ*
 Сергиенко У. У. — лейтенант милиции. *ПНВС*
 Серембеш — капрал Боевой Гвардии. *ОО*
 Сержант (швед, дылда) — охранник МИВК. *ПНО*
 Сермус Эрнест Карлович — программист. *ИС; П*
 Серосовин Гриша (Водолей) — инспектор КОМКОНа-2. *ВГВ; ЖВМ*
 Серый — телохранитель Раххала. *ОЗ*
 Сиверсон — врач, ридер. *П*
 Сидор Аменподеспович — писатель. *ХС*
 Сидоренко — милиционер. *СР*
 Сидоров Михаил Альбертович (Атос; Миша; Президент) — школьник, курсант ВКШ, затем сотрудник КОМКОНа; затем Президент сектора «Урал — Север» КОМКОНа-2. *ВГВ; М; П*
 Сикорски Рудольф (Карл-Людвиг; Руди; Странник; Экселенц) — Прогрессор, затем руководитель КОМКОНа-2, член Мирового Совета. *ВГВ; ЖВМ; М; ОО*
 Силен — бывший юрист. *ВНМ*
 Силецкий Петенька — инспектор КОМКОНа-2. *ВГВ*
 Сильва (негр) — мусорщик, полицейский. *ГО*
 Симаков — персонаж Ф. Сорокина. *ХС*
 Симонэ Симон — физик. *ОУПА; ОУПА-с*
 Симонян — математик. *ПКБ*
 Синий Пришелец. *СОТ*
 Синица — житель Радуги. *ДР*
 Синода Махино — член Мирового Совета. *ЖВМ*
 Скворцов Федор (Федя) — мальчик с фермы «Волга-Единорог». *П*

Скелет Бако — корчмарь. *ТББ*
 Скляр Роберт (Роб; Роба; Роби; Робик; Юность Мира) — физик. *ДР*
 Скоробогатов Петр (Петенька; Ойло Союзное) — писатель. *ХС*
 Скоромыхов Женька — ихтиолог. *ПНВС*
 Скучный голос — разумная машина в Управлении. *УНС*
 Славин Евгений Маркович (Женечка; Женька; Женя) — корреспондент, врач планетолета «Таймыр». *П*
 Славин Марк — курсант, затем исследователь Марса. *П*
 Славина Ирина Викторовна — курсант, затем исследовательница Марса. *П*
 Славка — друг Геннадия М. *ПОДИН*
 Славные Подруги — правительницы Леса. *УНС*
 Слизняк — сталкер. *ПНО*
 Слон — функционер КОМКОНа-2. *ЖВМ*
 Слухач — житель Леса. *УНС*
 Смирнов Михаил Иванович (Миша; Мишка) — майор госбезопасности. *ОЗ*
 Смит Айова — участник сражения с фашистами. *ХВВ*
 Смитсон Джерри, лейтенант — адъютант командующего базой ВМС. *ЧИП*
 Смогуля — сотрудник НИИЧАВО. *ПНВС*
 Сневар Алек — хозяин отеля «У Погибшего Альпиниста». *ОУПА; ОУПА-с*
 Снегирев Феликс Александрович — писатель. *ПЛЭ*
 Снеговой Арнольд Павлович (Палыч) — химико-физик, полковник. *ДЗ; ЗМЛДКС*
 Содди Барталомью — математик, ставший исповедником. *ВГВ*
 Сойер Тимоти (Тим; слепой) — нуль-перелетчик. *ДР*
 Сойфертис Валька — одноклассник А. Воронина. *ГО*
 Солемба Александр — ридер. *ВГВ*
 Соловей Одихмантьевич — разбойник. *СОТ*
 Сон — сотрудник канцелярии президента. *ГО*
 Сонечка — жена В. Демченко. *ХС*
 Сорокин Александр Александрович — отец Ф. Сорокина. *ХС*
 Сорокин Феликс Александрович (Есенин) — писатель. *ХС*
 Сорочинский Кузьма Владимирович — инженер-гастроном. *П*
 Сосуд мировой скорби (Унылый) — каторжник, подпольщик. *ОО*
 Спиридон — спрут. *СОТ*
 Спиртов-Водкин — участковый милиционер в Ташлинске. *ОЗ*
 Спицын Богдан Богданович (Богданыч; Богдаша) — космический пилот. *ПНА; СБТ*
 Станислав — сотрудник Великого КРИ. *П*
 Станислав Иванович — биолог, исследователь септоподов. *П*
 Станкевич Константин Ефремович — капитан планетолета. *ЧП*
 Старец (старик) — житель Леса. *УНС*
 Старик инопланетянин на Надежде. *ЖВМ*
 Старик с берданкой в Управлении. *УНС*
 Старичок (длинноносый) в притоне. *ТББ*
 Староста деревни в Лесу. *УНС*
 Старуха Кулака в Лесу. *УНС*
 Стасова (Глумова) Анастасия Павловна (Ася) — жена Глумова. *ВГВ*
 Стелла (Стеллочка) — ведьма-практикантка. *ПНВС; ПНВС-с; СОТ*
 Стеценко Константин (Костя) — сотрудник станции на Амальтее. *ПНА*
 Стивенсон-заде — математик. *УНС*
 Стоянов Стоян — сотрудник Управления. *УНС*
 Странник — см. Сикорски.
 Стремберг Эмма. *ГО*

Стринг — космолетчик. *П*
Строгов Дмитрий — писатель конца XX — начала XXI вв. *ВГВ; ЖВМ; П;*
С; ХВВ
Строкулев Виктор (Витька) — старший лейтенант. *И*
Стронг — ученый. *П*
Ступальский (Иуда-Ступальский) — бывший осведомитель гестапо. *ГО*
Сумман Павор — сотрудник спецслужб, по «легенде» — санитарный
врач. *ХС*
Сурд Иоганн — художник и скульптор. *ВГВ; ДР*
Сус — «рыбарь». *ХВВ*
Суслопарин К. И. — замдиректора Степной обсерватории. *ОЗ*
Счастличик Картер — стalker. *ПНО*
Сэра, дон. *ТББ*
Сянь Ши-куй — писатель. *ХВВ*

Тагорянин, ксенолог. *ЖВМ*
Тадер Илли — мать О. Тадер. *ОО*
Тадер Орди (Птица) — подпольщица. *ОО*
Таками Рю — японский переводчик Ф. Сорокина. *ХС*
Тамэо, дон. *ТББ*
Танга — девочка-мутант. *ОО*
Танк — разумная машина в Управлении. *УНС*
Танька — невеста С. Сенько. *ОЗ*
Таппи — ученый. *П*
Тарасконец — ксенолог на Саракше и Пандоре. *ЖВМ*
Тарра — арканарский космограф. *ТББ*
Тата — арканарский лейб-знахарь. *ТББ*
Таточка — машинистка в Клубе. *ХС*
Татьяна (Танечка; Таня) — знакомая С. Попова. *М*
Тафнат Джереми — резидент землян. *ТББ*
Тахмасиб Мехти — исследователь Венеры. *СБТ*
Тевосян — солдат. *ГО*
Темирканов — диспетчер Харьковского филиала ИМИ. *ВГВ*
Тендер — лаборант МИВК. *ПНО*
Тендер Алоиз. *ГО*
Тенин — учитель Аньюдинской школы. *П*
Теодор П. — этнолингвист. *ВГВ*
Тер-Марукян — сотрудница Симеизской обсерватории. *И*
Терман — солдат. *ГО*
Тесть — один из Неизвестных Отцов. *ОО*
Теща Вайнгартена — капитан 2-го ранга в отставке. *ЗМЛДКС*
Тибак, брат — монах. *ТББ*
Тиона (Семела) — служащая мэрии. *ВНМ*
Тип с пистолетом (со шприцем) — офицер-палач. *ОО*
Тихон — домовый в НИИЧАВО. *ПНВС; СОТ*
Ткач — см. Демиург.
Токмаков Сергей — врач, учитель Аньюдинской школы. *П*
Толик — ребенок. *ДР*
Толоконников Сашка — литератор. *ХС*
Толстенький господин — вербовщик. *С*
Толстов Лев Николаевич (Дуремар; Лева) — специалист по искусственным
организмам, поселок Нижняя Пеша. *ВГВ*
Толстый сержант — охранник лепрозория. *ХС*
Толя (Толик) — школьный товарищ Жилина. *С*
Том — робот. *М*
Том — полицейский на Бамберге. *С*
Тоот — ротмистр Боевой Гвардии. *ОО*

Торн Амалия — секретарь А. Воронина. *ГО*
 Торшер — ассистент Мегу (Бегемота). *ОО*
 Тоц (Пиц Первый Арканарский; Тоц-воитель) — маршал, король Арканара. *ТББ*
 Трезор — собака Пал Палыча. *ПЛНПП*
 Тренер «Братьев по разуму». *ХС*
 Трифилий — раскольник. *ОЗ*
 Трофим — эрдель, собака дяди Саши. *ПКБ*
 Трэгг — барон, бригад-егерь на Гиганде. *ПИП*
 Тузик (Туз) — шофер в Управлении. *УНС*
 Туммер (Тум) — вахтенный планетолог. *ЧП*
 Туретт, де ля. *ОЗ*
 Турнен — аварийный дежурный. *П*
 Турчина Татьяна (Танек; Танечка; Танюша; Таня) — воспитательница. *ДР*
 Туур — генерал-полковник, муж В. Туур. *ХВВ*
 Туур Вайна — квартирная хозяйка. *ХВВ*
 Туур Вузи — дочь В. Туур. *ХВВ*
 Туур Лэн — сын В. Туур. *ХВВ*
 Туча — один из Неизвестных Отцов. *ОО*
 Тэдди — бармен. *ХС*
 Тютюкин — завотделом культуры горисполкома Ташлинска. *ОЗ*

Убуката Кэнси — полицейский, затем репортер, заместитель главного редактора «Городской газеты». *ГО*
 Умник — один из Неизвестных Отцов, государственный прокурор. *ОО*
 Унгерн — солдат. *ГО*
 Уно — слуга Руматы. *ТББ*
 Управляющий домом. *ПНО*
 Усманов — конструктор. *СБТ*
 Учитель. *ВГВ*
 Учитель — см. Демиург.
 Учитель. *ЖВМ*
 Учитель — участник сражения с фашистами. *ХВВ*
 Ушаков Мишка — знакомый Бородина. *С*

Фалин Константин Иванович — бортинженер планетолета «Таймыр». *П*
 Фанас — сотрудник обсерватории «Эйномия». *С*
 Фанк — фактотум Сикорски. *ОО*
 Фар-Але Эмиль — один из «Рип Ван Винклей». *ВГВ*
 Фараон Банкер — сталкер. *ПНО*
 Фарфуркис — член Тройки. *СОТ*
 Федор (Федька; Федя) — снежный человек. *СОТ*
 Федор Михеич (Теодор) — председатель секретариата СП. *ХС*
 Федосеев Сергей Павлович — археолог, учитель. *ЖВМ*
 Федя (белобрыйсый юноша) — сотрудник фермы «Волга-Единогор». *П*
 Феофил — лесник-колдун. *СОТ*
 Ференц — сотрудник обсерватории «Кольцо-1». *С*
 Феску Тик (Однорукий; Вепрь) — подпольщик. *ОО*
 Фил (Костялый) — скупщик хабара. *ПНО*
 Филимонов — корреспондент. *ГО*
 Филипп — профессор. *МЖ*
 Фильтик — младший советник юстиции. *ОО*
 Фимка — собака. *ДР*
 Финансовая тетка. *ГО*
 Фишер — эмбриомеханик. *П*

Флавий Веспасианович — литератор. *ХС*
Флеминг Александр Джонатан — крупнейший биомеханик. *ВГВ*
Фогель — сержант. *ГО*
Фокин Борис (Борька; Боря) — следопыт, астроархеолог. *В; ЖВМ; П*
Фома — апостол. *ОЗ*
Фома — внук Ф. Снегирева. *ПЛЭ*
Форстер — физик. *ДР*
Фотон (Фотончик) — попугай Я. П. Невструева. *ПНВС*
Фрагт — генерал на Гиганде. *ПИП*
Фрижа Отто — товарищ министра, затем директор биржи, начхоз канцелярии президента. *ГО*
Фролов — житель Малой Пешы. *ВГВ*
Фрост — сотрудник Великого КРИ. *П*
Фрэд — приятель Банева в детстве. *ХС*
Фуками Наталья, Хосико — сестры, ученые-медики. *ВГВ*

Хабиб ибн-Зейл — посланник Мухаммеда. *ОЗ*
Хаггертон Элен — научный сотрудник. *ДР*
Хайдеман Оскар — мусорщик. *ГО*
Хайра (Из рода холмов) — стражник на Сауле. *ПКБ*
Халид ибн-ил-Валид — арабский полководец. *ОЗ*
Халыева Нина — школьная подруга Ф. Сорокина. *ХС*
Хансен — бард, школьный друг Нурланна. *Т*
Хансен Рейнгарт — ученик Ташлинского лицея. *ОЗ*
Харам («Сириус») — разведчик. *ХВВ*
Харон — главный редактор газеты, муж Артемиды. *ВНМ*
Харрис — солдат. *ЧИП*
Хасан Беззубый — телохранитель Раххалая. *ОЗ*
Хасэгава — следопыт на Марсе. *П*
Хвост — житель Леса. *УНС*
Хен Чоль — работник Океанской охраны. *П*
Херц. *ГО*
Херцог Вилли (Боров) — капитан службы безопасности МИВК. *ПНО*
Хиггинс — сержант, начальник полиции на Бамберге. *С*
Хильый старик в Управлении. *УНС*
Хинкус (Фикус; Филин; Финкус) — гангстер. *ОУПА; ОУПА-с*
Хирота Сусуму («Видящий на тысячу миль»; «Сэнриган») — ясновидящий. *ВГВ*
Хлебоводов Рудольф Архипович — член Тройки. *СОТ*
Хлебопек — мутант. *ОО*
Хлюст — сталкер. *ПНО*
Хмырь-с-Челюстью. *ПОДИН*
Хнойпек — солдат. *ГО*
Хнум — см. Демиург.
Хозяева Пришельцев. *И*
Холодный Сапожник. *СОТ*
Хомбре (атлетический хомбре) — видимо, ученик Носова. *ОЗ*
Хомерики — следопыт на Марсе. *С*
Хорошенькая девочка — гимназистка. *ХС*
Хочикян Грант — директор Музея взеземных культур. *ЖВМ*
Хунта Кристобаль Хозевич (Великий Инквизитор; Кристо) — заведующий отделом НИИЧАВО, доктор самых неожиданных наук. *ПНВС; ПНВС-с; СОТ*
Хью (Хрипатый) — скупщик хабара в Хармонте. *ПНО*

Цвирик Раймонд — младший адъютант. *ГО*
Царь — человек, захвативший власть во время переворота. *БЗЛ*

Царь Простяга — отец Царя. *БЗЛ*
 Цингер Володя — одноклассник Ф. Сорокина. *ХС*
 Циприан — гимназист, сын гостиничного швейцара. *Т*
 Цупик, отец — полковник дворцовой охраны. *ТББ*
 Цурэн Правдивый — арканарский поэт. *ТББ*

Чайник — один из Неизвестных Отцов. *ОО*
 Чачу — ротмистр, затем бригадир Боевой Гвардии. *ОО*
 Чачуа — следователь, затем начальник юридической канцелярии. *ГО*
 Чачуа Георгий Луарсабович (Гога) — композитор. *ХС*
 Человек со звонким голосом. *ДР*
 Человек с папиросой. *ЗЭ*
 Человек в штатском — по-видимому, из службы безопасности. *ОО*
 Человек в белом костюме. *С*
 Человек на складе. *С*
 Человек в черном плаще — монах. *ТББ*
 Человек без лица в Лесу. *УНС*
 Человек в броневику. *УНС*
 Человек восточного типа в кафе. *ХВВ*
 Человек, упавший в фонтан. *ХВВ*
 Человек с пористым носом. *ХВВ*
 Человек в клетчатом пальто. *ХС*
 Чемпион — главарь банды. *ОУПА*
 Чернокожий (черный) — сотрудник Яшмаа. *ПИП*
 Черный Человек. *ЖГП*
 Черняк Марина — оператор тяжелых систем. *П*
 Чертова Дюжина — группа ученых, сравнивших себя с машинами. *ВГВ;*
ДР
 Чжан Мартин — один из «Рип Ван Винклей». *ВГВ*
 Чиновник — бывший сослуживец А. Воронина. *ГО*
 Чиновник с желто-серым лицом. *ТББ*
 Чинушин — бюрократ. *ПНВС*
 Чичаку Санди (Лобастый Чик) — вероятно, подпольщик. *ОО*
 Чэн — сотрудник обсерватории «Кольцо-1». *С*

Шайн — учитель Аньюдинской школы. *П*
 Шапшу — палеоантрополог. *ОО*
 Шаран — телохранитель Раххаля. *ОЗ*
 Шатрова Зина (Зиночка) — астрофизик на Дионе. *С*
 Шварц — конструктор. *СБТ*
 Шварц Питирим — сотрудник НИИЧАВО. *ПНВС*
 Швейцар гостиницы — отец Бол-Кунаца. *ХС*
 Шеер — композитор. *ПКБ*
 Шекагу — генерал. *ОО*
 Шемякин Павел (Паша) — планетолог. *С*
 Шершень Владислав Кимович — директор обсерватории на Дионе. *С*
 Шестипалый — мутант. *ОО*
 Шикльгрубер Адольф. *ОЗ*
 Ши Фэнь-ю — исследователь Венеры. *СБТ*
 Шкипер-японец. *ХС*
 Шмидт Вальтер — сотрудник базы «Гаттерия». *ПКБ*
 Шофер Лаомедонта. *ВНМ*
 Шофер, ученик Аполлона. *ВНМ*
 Шофер-книжник. *ХВВ*
 Шофер автобуса. *ХС*
 Шпион-телохранитель. *ТББ*
 Штаб-майор. *ПИП*

Штирнер Григорий Моисеевич — замначальника спутника «Циолковский». *П; СБТ*
Штраух — психолог. *М*
Штрем — аптекарь. *ГО*
Штурмовик с заплывшим глазом. *ТББ*
Штурмовик у корчмы. *ТББ*
Шурин — один из Неизвестных Отцов. *ОО*
Шурхабиль ибн-Хасан — сын Масламы. *ОЗ*
Шухарт Рэдрик (Рыжий; Рэд) — сталкер. *ПНО*
Шухарт-старший — отец Р. Шухарта. *ПНО*
Шуштулетидоводус — резидент землян. *ТББ*

Щедрин — писатель. *ХВВ*
Шекн-Итрч — голован, друг А Балкина. *ЖВМ*
Щербаков — кибернетист. *СБТ*
Щин — житель Тъмускорпиони. *СОТ*
Щука говорящая. *ПНВС*

Эак — один из молодых людей в узких пальто. *ВНМ*
Эвридика. *ВНМ*
Эзра — сотрудник обсерватории «Эйномия». *С*
Экселенц — см. Сикорски.
Элегант — кот, персонаж рукописи Ф. Сорокина. *ХС*
Элизауэр — замначальника транспортного отдела. *ГО*
Эль — «рыбарь». *ХВВ*
Эрмлер Вильгельм (Вилли) — охотник. *П*
Эрнст Юрген — оператор-ортомастер с Титана. *ВГВ*
Эрнст (Эрни) — бармен. *ПНО*
Эспада — командир группы на Надежде. *ЖВМ*
Эстрадная Халтурщица. *ПОДИН*
Эсфирь — жена Переца. *УНС*
Этингф Карл — сотрудник биостанции. *УНС*

Ювента Фламин (Голиаф) — племянник полицмейстера. *ХС*
Юджин — работник бобровой фермы. *П*
Юнец и юница. *ОЗ*
Юноши с предметом в брезенте. *ДР*
Юра — инженер-ассенизатор. *П*
Юра — см. Бородин.
Юрковская Мария Сергеевна (Маша) — сестра Юрковского. *С; СБТ*
Юрковский Владимир Сергеевич (Владим Сергеич; Володенька; Володька, Володя; Вольдемар) — космический исследователь, затем Генеральный инспектор МУКС. *ПНА; С; СБТ; ХВВ*
Юсупов — штурман-испытатель. *П*

Яковиц — философ. *ВГВ*
Ямакава — член Мирового Совета. *ДР*
Яманиси — профессор. *ЧИП*
Ян — приемный отец Яшмаа. *ПИП*
Ян — староста дипломников. *ПНА*
Япет — трактирщик. *ВНМ*
Ярыгин Григорий Александрович — житель Малой Пешы. *ВГВ*
Ярыгина Эля — жена Ярыгина. *ВГВ*
Ясуда — ксеносоциолог. *ВГВ*
Яхве (Иегова) — см. Демидург.
Яшмаа Корней Янович — Прогрессор, кроманьонец. *ЖВМ; ПИП*

Алфавитный указатель произведений, вошедших в Собрание сочинений

	Том	Стр.
Бедные злые люди	2д	329
В наше интересное время	2д	322
Волны гасят ветер	10	175
Вопросы без ответов	2д	417
Вопросы остаются	2д	394
В подвале у Романа	2д	371
Второе шествие марсиан	5	189
Град обреченный	8	5
«Давайте думать о будущем»	2д	362
Далекая Радуга	2	285
День затмения	1д	7
«Жида города Питера...», или Невеселые беседы при свечах	1д	301
«Жизнь не уважать нельзя»	2д	400
«Жить интереснее, чем писать»	2д	432
Жук в муравейнике	10	5
Забывтый эксперимент	1	349
За миллиард лет до конца света	7	241
Знакомые черты будущего	2д	390
Извне	1	19
Испытание СКИБР	1	389
Контакт и пересмотр представлений	2д	358
К читателям альманаха «Завтра»	2д	440
Малыш	6	297
Машина желаний	1д	109
Обитаемый остров	6	5
О жизни, времени, счастье...	2д	351
Отель «У Погибшего Альпиниста»	5	263
Отель «У Погибшего Альпиниста». Сценарий	1д	150
От чего не свободна фантастика	2д	369
Отягощенные злом, или Сорок лет спустя	10	317
Парень из преисподней	7	153
Первые люди на первом плоту	2д	312
Пикник на обочине	7	5
Повесть о дружбе и недружбе	7	353
Полдень, XXII век	2	5
Понедельник начинается в субботу	4	5
Понедельник начинается в субботу. Сценарий	1д	62
Попытка к бегству	3	5
Послушная стрелка часов	2д	367

Почему мы стали фантастами	2д	356
Про критику научной фантастики	2д	334
Путь на Амальтею	1	75
Пять ложек Эликсира	1д	201
Сказка о Тройке	4	197
Спонтанный рефлекс	2д	269
Стажеры	1	145
Сталкер. Литературная запись кинофильма	1д	347
Страна багровых туч	2д	9
Трудно быть богом	3	105
Туча	1д	255
Улитка на склоне	5	5
Фантастика — литература	2д	341
Хищные вещи века	3	263
Хромая судьба	9	5
Частные предположения	1	406
Человек из Пасифиды	2д	287
Чрезвычайное происшествие	2д	254
Шесть спичек	1	371

Содержание

5 Б. Стругацкий. К ЧИТАТЕЛЯМ

9 СТРАНА БАГРОВЫХ ТУЧ. Повесть

253 РАССКАЗЫ

254 Чрезвычайное происшествие

269 Спонтанный рефлекс

287 Человек из Пасифиды

312 Первые люди на первом плоту

322 В наше интересное время

329 Бедные злые люди

333 СТАТЬИ, ИНТЕРВЬЮ

334 Про критику научной фантастики

341 Фантастика — литература

351 О жизни, времени, счастье...

356 Почему мы стали фантастами

358 Контакт и пересмотр представлений

362 «Давайте думать о будущем»

367 Послушная стрелка часов

369 От чего не свободна фантастика

371 В подвале у Романа

390 Знакомые черты будущего

394 Вопросы остаются

400 «Жизнь не уважать нельзя»

417 Вопросы без ответов

432 «Жить интересней, чем писать»

440 К читателям альманаха «Завтра»

444 Публикации

446 Указатель персонажей произведений

А. и Б. Стругацких

477 Алфавитный указатель произведений, вошедших в Собрание сочинений

Аркадий Натанович Стругацкий
Борис Натанович Стругацкий

СТРАНА БАГРОВЫХ ТУЧ
РАССКАЗЫ
СТАТЬИ, ИНТЕРВЬЮ

Собрание сочинений,
2-й дополнительный том

Редактор **Я. Л. Нагинская**
Художественный редактор **В. Б. Прищепа**
Технический редактор **Л. Е. Синенко**
Корректоры **Т. В. Калинина, Н. М. Пушина**

Стругацкий А., Стругацкий Б.
С 87 Страна багровых туч: Повесть. Рассказы. Статьи, интервью.— М.: Текст, 1993.— 479 с.

С 4702010201-043 подп.
 93

ISBN 5-87106-066-8

Сдано в набор 07.10.92 г. Подписано в печать 26.11.93. Формат 84×108^{1/32}. Бумага тип. № 2. Гарнитура «Таймс». Печать высокая. Усл. печ. л. 25,20. Уч.-изд. л. 29,20. Тираж 100 000. Заказ № 8909. С 5.

Издательство «Текст».
125190 Москва, А-190, а/я 89.

Литературно-издательская студия «РИФ»
101000, Москва, Чистопрудный бульвар, 12-а.
Международный фонд развития кино и телевидения для детей и юношества («Фонд Ролана Быкова»).

Ордена Трудового Красного Знамени ПО «Детская книга»
Мининформпечати РФ.
127018, Москва, Сушевский вал, 49.
Отпечатано с фотополимерных форм «Целлофот».

Извне Путь на Амальтею Стажеры
Полдень, XXII век Далекая Радуга
Попытка к бегству
Трудно быть богом Хищные вещи века
Понедельник начинается в субботу
Сказка о Тройке
Улитка на склоне Второе нашествие марсиан
Отель «У Погибшего Альпиниста»
Обитаемый остров Малыш
Пикник на обочине Парень из преисподней
За миллиард лет до конца света
Повесть о дружбе и недружбе
Град обреченный Хромая судьба
Жук в муравейнике
Волны гасят ветер Отягощенные злом
Шесть киносценариев
«Жиды города Питера...»,
или Невеселые беседы при свечах
Страна багровых туч
Рассказы, статьи, интервью

